

Д Ж А М И

Советская
издательство

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов,
С. А. Рустам, А. А. Сурков, Н. С. Тихонов*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Д Ж А М И

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Вступительная статья, составление
и примечания А. Афсахзода*

Общая редакция З. Н. Ворожейкиной

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1978

Абдуррахман Джами (1414—1492) принадлежит к числу крупнейших персидско-таджикских деятелей культуры классического периода. Он был писателем, философом, филологом, музыковедом. Характерная черта его поэтического творчества — разносторонность и многожанровость. Джами известен и как мастер виртуозных стихотворных форм.

В настоящем сборнике представлены основные традиционные поэтические жанры, в которых работал поэт, — газели, касыды, рубаи, философские поэмы и т. д.

Переводы произведений Джами заново отредактированы для данного издания. Многие произведения даются в новых стихотворных переводах.

АБДУРРАХМАН ДЖАМИ, ЕГО ВРЕМЯ И ТВОРЧЕСТВО

Джами принадлежит к плеяде великих поэтов и мыслителей средневекового Востока. Творения Джами явились достойным завершением, своего рода венцом классического периода персидско-таджикской литературы, которая, возникнув в IX веке, блистательно развивалась на протяжении шести столетий.

Выдающийся деятель культуры и литературы XV века, ученый-энциклопедист и духовный наставник многочисленных учеников, Джами при жизни был признанным авторитетом для миллионов современников. Влияние его на последующие поколения художников и литераторов Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии было огромно.

С XVIII века произведения Джами становятся достоянием мировой культуры.

1

XV век составляет одну из самых смутных и противоречивых эпох в истории Ближнего и Среднего Востока; периоды относительной политической стабилизации и стремительного культурного подъема не раз перемежались с годами кровопролитной междоусобной борьбы за власть, приводящей к разорению страны.

В 1405 году скончался Тимур (Тамерлан), основатель обширной феодальной империи, созданной огнем и мечом. Государство, просуществовавшее около тридцати пяти лет и объединившее Мавераннахр, Туркестан, Иран, Афганистан, часть Индии, Малую Азию, часть южного Кавказа, распалось. В военных схватках власть захватил один из сыновей Тимура — Шахрух (правил в 1409—1447). Он

занял престол и стал признанным верховным главой тимуридов. Но фактически возникли два самостоятельных тимуридских владения: Хорасан с резиденцией Шахруха в Герате и Мавераннахр со столичным городом Самаркандом, где обосновался внук Тимура — правитель и ученый Улугбек (правил в 1393—1449).

Джами родился 7 ноября 1414 года (по мусульманскому летоисчислению 23 шаабана 817 года) в селении Харджард, расположенном между Гератом и Мешхедом. Полное имя поэта — Нураддин Абдуррахман ибн Низамаддин Ахмад ибн Шамсаддин Мухаммад. Литературное имя (тахаллус) он получил, как это было принято в то время, по месту рождения, а именно от названия небольшого городка Джам, центра одноименной области, в которой находился Харджард. Джами — значит «родом из Джама».

Отец и дед Джами были юристами, занимали в области видные должности. С четырех лет Джами стал посещать школу. Необычайные способности ребенка позволили ему, в короткий срок овладеть грамотой, пройти курс арабской грамматики, хорошо изучить Коран и познакомиться с классическими произведениями персоязычной литературы. Основным наставником будущего поэта был его отец Низамаддин Ахмад, человек образованный и просвещенный. Позднее Джами о нем сказал: «Воистину, мы были учениками своего отца, так как владеть языком выучились у него».

Одиннадцатилетним подростком Джами вместе с родителями переезжает в Герат.

Герат был оживленным столичным городом, где пересекались многие международные пути. Хорасан имел торговые и дипломатические связи с соседними странами — Россией, Индией, Китаем, поэтому в Герате постоянно находились дипломатические, торговые, военные миссии. Здесь было место стоянок дальних купеческих караванов. К пышному двору правителя стекались ученые, поэты, художники, музыканты, мастера-умельцы. Жизнь в столице бурлила, как в кипящем котле. Герат XV века был одним из крупнейших культурных центров Востока. Здесь развивались, достигнув высокого уровня, наука и поэзия, музыка, живопись, архитектура, декоративное и прикладное искусства, ручные ремесла. Сын Шахруха Байсанкур (ум. 1433), который состоял при отце в должности везиря и правителя столицы, основал в Герате замечательную для своего времени библиотеку. При библиотеке действовал постоянный штат стихотворцев, музыкантов и знатоков литературы, а также мастеров книжного дела — каллиграфов, позолотчиков и переплетчиков. Художники-миниатюристы, работавшие при библиотеке, положили начало превосходной школе книжной миниатюры. Библиотека Байсанкура не

только решала задачу собирания ценнейших рукописей, здесь создавались новые манускрипты, донные поражающие специалистов искусством книжного оформления. Ставились и такие сложные задачи, как собирание литературного наследия классиков и составленные сводных списков. Так, здесь впервые был составлен сводный текст эпопеи «Шахнаме» Фирдоуси на основе нескольких старейших списков, с предисловием Байсанкура. Здесь же было впервые собрано литературное наследие Амира Хосрова Дехлеви, в десятках экземпляров переписывались шедевры классики — «Пятерица» Низами, «Куллият» Саади, диван Хафиза.

По сведениям историографов, Герат с окрестностями насчитывал в XV веке свыше миллиона жителей. Город расширял свои границы, в нем было много парков, рынков, караван-сараяв. Пышное великолепие дворцов и мечетей — и жалкие лачуги, фанатическая религиозность одних — и утонченный разврат других, аскетические обитатели дервишей — и роскошные увеселительные заведения, хранилища ценнейших рукописей — и неграмотное в своем большинстве население — такими были поразительные контрасты этого столичного города.

Джами продолжает в Герате образование, сначала в медресе Низамийе, затем в медресе Дилкаш. Изучает арабский язык, логику, поэтику, риторику, теологию, философию. Слушает лекции видных ученых — Мавляны Джунайда Усули, Ходжи Алааддина Али Самарканди и других. Затем постигает основы точных наук: астрономии, математики, геометрии. Приобретя серьезные познания, он начинает заниматься самостоятельным научным творчеством.

Двадцатилетний Джами пишет специальный комментарий к астрономическому трактату и посылает его в Самаркандскую обсерваторию Улугбека. Ознакомившись с работой Джами, известный астроном Кази-заде Руми высоко оценивает труд начинающего ученого и приглашает его в Самарканд. Полученным приглашением Джами смог воспользоваться только через год. В 1435 году Герат постигло тяжелое бедствие — повальная эпидемия чумы, которая унесла в округе Герата сотни тысяч человек. В 1436 году, по окончании карантина, Джами переезжает в Самарканд, уже давно привлекавший его как центр наук и образования.

Время правления Улугбека было для Мавераннахра периодом большого культурного подъема. В Самарканде возводились величественные архитектурные ансамбли — административные здания, медресе, торговые кварталы. В 1417 году было построено медресе в Бухаре, в 1420 году — в Самарканде, в 1432—1433 годах — в Гиждуване (по собственной инициативе Улугбека).

Улугбек ввел ряд полезных и новых по тому времени преобразований в области просвещения. Помимо традиционного официального ислама и мусульманского законовождения, учащиеся медресе стали изучать математику, астрономию, географию, геодезию, медицину. Углубленно изучалась философия. В 1428—1429 годах была построена знаменитая Самаркандская обсерватория, наблюдения за небесными телами вели в ней сам Улугбек и другие крупные ученые — Кази-заде Руми (ум. 1437), Гиясаддин Джамшид (ум. ок. 1433), Али Кушчи (1404—1478).

В 1436 году Джами поступает в знаменитое медресе Улугбека и продолжает совершенствовать свои знания в области астрономии, геодезии, математики, философии и теологии у ведущих ученых самаркандского круга — Улугбека, Кази-заде Руми, Фазлуллаха Абулайси. Преподаватели отмечали у Джами, так же как это было и раньше, в Герате, исключительные способности и неутолимую жажду знаний. Этот молчаливый и худощавый юноша не стремился, подобно большинству его сотоварищей по учебе, брать верх в схоластических спорах или выставлять напоказ свою эрудицию, но неизменно оказывался первым, когда от учеников требовалось проявить глубину мысли и независимость суждения. Скупой на похвалы Кази-заде Руми однажды не удержался от того, чтобы не сказать о Джами: «С тех пор, как существует Самарканд, еще не переправлялся к нам через воды реки Аму человек, равный по уму, благородству и находчивости этому юноше из Джама».

Скромность и дружелюбие сочетались в молодом Джами с развитым чувством собственного достоинства.

Абдурахману Джами было ненавистно раболепие перед знатыми и власть имущими — эту черту он пронес через всю жизнь. Средневековые обычаи требовали от учеников своеобразного прислужничества: ученикам вменялось в обязанность сопровождать пешком выезд учителя и выполнять для него многие домашние работы. Джами не следовал этому обычаю, хотя его независимое поведение влекло за собой уменьшение положенной ему стипендии.

Не раз впоследствии он отклонял предложения поступить на службу при дворе того или иного вельможи. К годам молодости поэта относятся эти его строки:

Сталь закаленную разгрызть зубами,
Путь процарапать сквозь гранит ногтями,
Нырнуть вниз головой в очаг горящий,
Жар собирать ресниц своих совками,
Взвалить на спину ста верблюдов ношу,

Восток и Запад измерять шагами —
Всё это для Джами гораздо легче,
Чем голову склонять пред подлецами.

(«Сталь закаленную...»)

Завершив учебу в медресе, Джами остался в Самарканде еще на несколько лет, не желая порывать с научной и литературной средой города.

Со смертью Шахруха в 1447 году политическая обстановка в Самарканде обострилась до крайности. Ожесточенная борьба за престол привела к гибели Улугбека и двух его сыновей.

После Улугбека Самарканд постепенно теряет значение ведущего научного центра в Азии. Ученые покидают город, переселяясь в Герат, Балх, Нишапур, Багдад, в Малую Азию. В 1451 году власть в Самарканде захватил тимурид Абусаид. Период его правления в Мавераннахре был отмечен усилением влияния религиозно-дервишского ордена «Накшбандийе», который возглавлял Ходжа Ахрар (1404—1490), сыгравший зловещую роль в судьбах многих талантливых деятелей науки и культуры того времени. Одни были казнены и брошены в тюрьмы. Другие, успев покинуть Самарканд, долгие годы скитались на чужбине. Знаменитая на весь мир своими открытиями обсерватория Улугбека была в первые же годы правления Абусаида разгромлена толпой религиозных фанатиков, погибла и библиотека Улугбека, насчитывавшая тысячи редчайших рукописей.

В 1451 году Джами возвращается в Герат. Живя постоянно в Герате, Джами в последующие годы неоднократно посещал города Средней Азии — Карши, Мерв, Бухару, Самарканд, Ташкент, Фергану, а также совершал дальние поездки — в Ирак, Сирию. В 1472 году Джами совершает традиционное паломничество в Мекку — священный город мусульман. Это путешествие продолжалось без малого полтора года. Джами посетил ряд городов — Нишапур, Сабзевар, Дамаск, Халеб, Табриз, побывал в Курдистане. В некоторых городах он задерживался ненадолго, в других жил месяцами. Джами имел возможность близко познакомиться с крупнейшими научными и культурными центрами Ирана, Азербайджана, Сирии, Ирака, Аравии. Были установлены более тесные творческие связи со многими известными деятелями науки и литературы, с которыми Джами ранее был связан перепиской.

Эта поездка оказала сильное воздействие на мировоззрение Джами. Великолепие дворцов, богатство библиотек поражали воображение поэта, и еще более нетерпимо-тягостными представляли повсюду следы войн и грабежей, картины нищенского народного быта,

бесправие, болезни, голод и невежество простого люда. В поездках сформировались основные идеи поэта — гуманизм и справедливость. Где то мерило, которым можно измерить цену человека? — спрашивает поэт себя и отвечает:

Ты хочешь знать, кто лучший из людей?
Послушай голос совести моей:
Из лучших первым будет назван тот,
Кто постоит в беде за свой народ.

(«Ты хочешь знать, кто лучший из людей? . . .»)

Герат, как и Хорасан, переживал в 50 — 60-е годы XV века один из тяжелейших периодов своей истории. Войны, разрушения, беспощадный феодальный гнет свирепствовали здесь, как и в Самарканде, страна была полита кровью и слезами. Ожила наводящая ужас система Тимура — к населению применялись такие карательные меры, как бросание живьем в кипяток, сдирание кожи. В 1458 году на территории Хорасана правили двенадцать «независимых» падишахов. В результате непрерывных войн с жителями Герата поземельная подать — десятина — была взыскана в течение года девять раз. В этот же год население было трижды обложено податью «шукране» (буквально: «благодарствие»), которую взыскивали по случаю восшествия на престол нового правителя.

Трудовое население выплачивало еще свыше пятнадцати других поборов и привлекалось к принудительным отработкам — то есть бесплатно работало на строительстве каналов, мостов, городских стен, мечетей, тюрем и дворцов. Случалось, что на эти принудительные работы уходило до двухсот пятидесяти дней в году.

В 1469 году правителем Хорасана, в состав которого входили в это время подчиненные ему области восточного Ирана, северо-западного Афганистана и юга Средней Азии, стал султан Хусейн Байкара. Он продержался на троне до 1506 года. Период правления султана Хусейна Байкара отличался сравнительной политической стабильностью, хотя положение местного населения, по-прежнему истязаемого налогами и поборами, улучшилось ненамного. Новый правитель не чужд был интереса к литературе и просвещению.

Точную и образную характеристику этого правителя дал выдающийся таджикский писатель Садриддин Айни: «Султан Хусейн Мирза, будучи сам поэтом и любителем литературы, до некоторой степени покровительствовал просвещению. . . Собирая к себе поэтов, ученых, слушал научные споры, устраивал поэтические состязания. Но постепенно он увлекся вином, любовными похождениями и оказался настолько во власти пороков, что от его первоначальных бла-

гих помыслов не осталось и следа. Пьянством и развратом занимался не только сам Хусейн Байкара, но они обрели повальный характер при его дворе». ¹

«...Когда о подданных своих правитель не радеет, Он по миру пускает их и трон его слабеет» — эти строки Джами характеризуют, по-видимому, положение дел при султанае Хусейне Байкара.

Как шло творческое становление Джами-поэта? Еще в годы учебы в Самарканде Джами близко познакомился с религиозно-мистическим учением суфийского ордена «Накшбандийе». Вернувшись в Герат, Джами попадает под влияние главы гератской общины этого ордена Саададдина Кашгари. В сорокалетнем возрасте Джами вступает на путь суфизма, требовавшего от человека смирения, отказа от собственной воли и полного подчинения духовному наставнику. В 1456 году, после кончины Саададдина Кашгари, Джами становится духовным главой суфийского ордена.

Слово «суфий» восходит к арабскому «суф», что значит «грубая шерстяная одежда» (ранние суфии, проповедовавшие аскетизм, носили власяницу). Как религиозно-мистическое учение, противопоставившее себя ортодоксальному исламу, суфизм получил распространение на территории Ирака и Сирии в конце VIII века, несколько позже нашел благодатную почву и в Хорасане. С конца X — начала XI века суфизм быстро распространяется по всей территории Ирана и Средней Азии, превратившись в широкое демократическое движение городских низов. Суфизм содержал в себе три основных слагаемых: мусульманское отшельничество, любовно-религиозный мистический экстаз и пантеизм. Как общественное явление движение суфиев было очень сложно, оно проявляло себя в больших диапазонах — от ортодоксального ислама до атеизма, от прямых антиправительственных действий до послушного подчинения господствующей власти.

Последователи суфизма признавали как незыблемую реальность божественное начало: мир, познаваемый в опыте, утверждали они, лишь эманация теоса. Изначальная формула единобожия, провозглашенная в Коране: «нет бога, кроме бога», согласно суфийской доктрине, получила редакцию: «нет ничего, кроме бога». Обожествляя природу, они стремились постичь сущность бога путем духовного и телесного самоочищения, нравственного самоусовершенствования, а в идеале — в мистическом слиянии своего «я» с теосом. Учение имело и определенную социальную направленность: суфии отрицали богатство и власть, утверждая отказ от земных благ во

¹ С. А й н и, Алишер Навои, Сталинабад, 1948, с. 47—48.

имя служения богу, выступали за равенство людей на земле. Отвергая любую светскую иерархию между людьми, провозглашали, что любой человек в равной степени есть частица божественной субстанции.

Суфийский орден «Накшбандийе», во главе которого стоял Джами, представлял собой традиционную мусульманскую общину, исповедовавшую пренебрежение земными благами во имя духовных, следование заветам пророка и служение ближним. Однако многие шейхи понимали требование материального самоограничения как нечто отвлеченное: превратившись, по существу, в разбогатевших феодалов-землевладельцев, они безжалостно угнетали крестьян. Шейхи оказывали сильное влияние на политическую жизнь страны, разжигая междоусобные распри и борьбу придворных партий.

Дух наживы и лицемерие такого рода «святых отцов» не были скрыты от Джами. В стихах его мы встретим мотивы обличения подобных служителей культа и насмешки над ними:

Мой ходжа! Ты в молитвах ликуешь, скорбя,
Все мирские грехи ты взвалил на себя.
Слишком тяжек твой груз? Оттого нам не легче.
Сбрось на землю, не то он раздавит тебя!

(«Мой ходжа! Ты в молитвах ликуешь, скорбя. . .»)

По свидетельству учеников Джами, поэт не выступал с открытыми проповедями. Время его было посвящено научным и творческим занятиям. В суфизме Джами был увлечен преимущественно теоретическими проблемами, комментировал произведения пантеистов. Сохранились рассказы о том, что Джами иной раз даже отговаривал молодых людей от связей с суфиями. Так, согласно этим рассказам, один гератский юноша, бросив медресе, высказал желание поехать в Самарканд для постижения учения тамошних дервишей. Когда он пришел к Джами попрощаться, поэт посоветовал ему отказаться от этого намерения. «В твоём возрасте все помыслы надо устремлять на приобретение знаний и воспитание разума, — сказал Джами. — Мы хорошо изучили особенности образа жизни невежественных суфиев. Это люди темные и вредные».

Восточный, или иранский, суфизм говорил преимущественно голосом поэзии. Поэзия суфиев с самого начала противостояла литературе феодального замка. Крупнейшие поэты классического периода в Иране и Средней Азии — Санаи, Низами, Саади, Хафиз, Камал Худжанди — испытали на себе влияние суфизма. Сложная система иносказаний суфийской поэзии служила для них блестящей формой выражения гуманистических, свободолобивых и антиклерикаль-

ных идей. Джами, как выразитель передовых взглядов своего времени, посящих, согласно традиции, одежды суфийской символики, принадлежит к числу величайших поэтов средневековья.

Стихи Абдурахмана Джами пользовались неслыханным успехом у его современников. Газели, которые поэт стал слагать еще в годы учения в медресе, сразу же получили признание у ценителей изящной словесности, они пелись в собраниях дервишей, на дворцовых увеселительных приемах, перешли в изустную народную песенную литературу. Многие его газели были положены на музыку известными профессионалами XV века, к некоторым своим стихам музыку писал сам Джами.

В зрелые годы Джами, как свидетельствуют его современники, познал славу всенародного поэта. Стихи Джами, едва вышедшие из-под его пера, переписывались во множестве экземпляров и расходились далеко за пределы Герата, повсюду, где язык фарси был основным литературным языком. Люди самых разных сословий передавали и посылали друг другу в дар списки его произведений.

Среди представителей ортодоксального ислама находились вместе с тем яростные противники Джами, усматривающие в его лирических стихах вероотступничество и недопустимое вольнодумие. Средневековые источники сообщают факты сжигания его стихов как религиозной крамолы.

Примерно до 1458—1459 годов Джами проживал в самом Герате возле соборной мечети, потом переехал в Хийабан — северо-восточный пригород Герата. Ему было уже около пятидесяти лет, когда он женился на внучке Саададдина Кашгари. Семейная жизнь поэта была омрачена тем, что из четырех появившихся на свет сыновей трое умерли в младенческом возрасте. У Джами остался лишь один сын — Зийааддин Юсуф, родившийся третьим, в январе 1477 года. Поэт страстно любил сына, нежно заботился о нем, стремился привить ему здоровые навыки трудолюбия и любознательности. Многие строки произведений Джами написаны как отцовское наставление Зийааддину Юсуфу. Семена заботливого воспитания принесли хорошие плоды — сын Джами, по свидетельству современников, был образованным человеком, писал стихи, отличался добротой и великодушием, охотно оказывал помощь нуждавшимся. Он умер в 1521 году.

Джами приобрел высочайший авторитет при жизни не только как духовный наставник, ученый-теолог, но и как поэт и покровитель искусств, воспитатель творческой молодежи.

Зрелые годы Джами прошли в тесном общении с представителями городской интеллигенции. Вокруг Джами часто собирались

гератские поэты, ученые, музыканты, художники, устраивались диспуты и литературные собрания. На одном из собраний, между 1456 и 1459 годами, произошла первая встреча двух самых крупных поэтов XV века — Джами и Навои. Алишер Навои брал у Джами, авторитетного теоретика, уроки по искусству стихосложения. Через несколько лет¹, которые Навои провел в Самарканде, завершая свое образование, встречи двух поэтов стали регулярными. В 1476 году Навои вступает в суфийское сообщество «Накшбандийе» и избирает своим духовным учителем Абдуррахмана Джами — многозначительное свидетельство общности основных политических, философских, эстетических и нравственных взглядов двух поэтов.

Прочитав «Пятерицу», написанную Навои, Джами дал высокую оценку его поэтическому таланту, утверждая, что Навои выступил основоположником новой литературы на языке турки. Поэтов роднили не только широта взглядов и многообразность таланта, но и отсутствие этнических предрассудков. Вспомним четверостишие Джами:

Однажды нищий задал путнику вопрос:
«Зачем ты с чужаком так искретен и прост?»
Промолвил тот: «Он — тюрк, я — таджик,
Но общей веры нас роднит язык».

(«Однажды нищий задал путнику вопрос...»)

С большой долей вероятности можно предположить, что речь в стихотворении идет о тюрке по происхождению Алишере Навои и таджике Джами, которых сроднила единая вера — то есть суфийские идеалы.

У Джами-поэта и Джами-ученого был обширный и разнообразный по составу круг учеников: не только поэты и писатели, но музыканты и певцы, каллиграфы и художники. Из школы Джами вышли такие ученые-богословы, как Абдулгафур Лари, Камаладдин Масуди Ширвани, Мухаммад Бахрабади, и такие известные литераторы, как Баяни, Бинаи, Сухайли, Давлатшах Самарканди, Хатифи, Ками, Сайфи и др. Многие из крупнейших произведений литературы XV века посвящены Джами, так как были созданы или под прямым руководством Джами, или не без его влияния и поддержки.

Для культурной жизни второй половины XV века было характерно значительное усиление общественной роли поэзии. В литературный процесс были включены самые разные круги населения: от носителей власти до средних и низших слоев городских жителей.

¹ «Вскоре после 1469 года», как установил Е. Э. Бертельс (см. его книгу «Навои и Джами», М., 1965, с. 117).

Так, Навои в известной литературной антологин «Собрание утонченных» сообщает имена шестидесяти двух поэтов-ремесленников — представителей тридцати ремесел. По справедливому замечанию А. Н. Болдырева, «специфика феодального Герата эпохи Джами — Навои заключалась именно в том, что, в отличие от предшествующего времени, почти каждый ремесленник-хозяйчик, каждый лавочник, мелкий мулла, писарь-чиновник и прочие являлся или мог являться более или менее активным участником и носителем блестящей культурной жизни Герата»¹. Ярким примером вступления «бюргерства» в литературу является «ремесленная поэзия» Сайфи Бухараи (ум. между 1500—1504), элементы «ремесленной поэзии» можно найти у Джами и других поэтов того времени. «Ремесленные» газели отличались простотой, свежестью красок, изображением реальных событий, сочностью языка.

Процесс социального расширения литературы во второй половине XV века сопровождался некоторым упрощением поэтического стиля. Таджикско-персидская литература к началу XV века достигла вершин формалистической изощренности, поэзия изобиловала смысловой иероглификой, вычурной игрой слов, сложным символическим кодом. Витиеватый риторический стиль подчинил себе и художественную, и научную прозу, и даже язык государственной документации. Таковы были, например, произведения Катиби (ум. 1436), Ариффи (ум. 1449), Исмата Бухараи (ум. 1436) и др. Сильное звучание в поэзии обрели темы шиизма.

Передовые тенденции к упрощению языка и стиля литературного произведения, к ясности поэтической мысли также связаны с деятельностью Джами и его прямых учеников — поэтов Навои, Сухайли, Асафи, Хатифи. Джами был для своего времени одним из крупнейших теоретиков литературы. Он утверждал высокое назначение поэзии («Стих — это птицы разума паренье, стих — это гордой личности творенье»), он полагал, что тяжелый труд поэта обращен в будущее («Поэт — добытчик и рудоискатель, а время — казначей и покупатель») и миссия поэта — говорить правду, быть честным и бескорыстным в своем творчестве. Поэт призван показать людям путь к счастливой жизни. Эти передовые для своего времени высказывания исходили прежде всего из интересов широких слоев городского населения — ремесленников, торговцев, мелких служащих и интеллигенции и, по сути дела, отражали интересы трудового народа.

¹ А. Н. Болдырев, Зайнадин Васифи. Таджикский писатель XVI в., Сталинабад, 1957, с. 256.

Джами требовал от поэзии высшей гармонии формы и содержания, отказа от искусственных и формалистических приемов, простоты изложения и, следовательно, широкой доступности литературного произведения. Традиционное придворное продажное славословие Джами клеймит презрением:

Доколе из корысти ткать одежды
Для каждого ничтожества, невежды?
Доколе в щедрых превращать скупцов,
Невеж — в радушных, глупых — в мудрецов?
Сто раз колоть ты можешь руки скряги —
Не выйдет капли крови или влаги,
А ты твердишь: «То щедрости рука,
То жемчугом обильная река!»
Того, кто долго буквы изучает,
Но где алиф, где даль — не различает,
Ты первым просветителем зовешь,
Провидцем и учителем зовешь. . .
. . . Где этой лжи нечистые истоки?
Откуда эти гнусные пороки?

(«Дар благородным»)

С именем Джами связана и тенденция очищения родного языка от арабизмов, широкое использование богатства фольклора. Упрощение стиля, которое отстаивал Джами, коснулось в XV веке и художественной и научной прозы — в трудах Кашифи, Али Сафи, Давлатшаха и др. Тенденция эта вышла за пределы Герата и охватила и другие культурные центры. Virtuозное владение поэтическим словом, традиционное для персидско-таджикской классики, сказалось в это время в расцвете особого стихотворного жанра — поэтической шарады — муамма. Составлению муамма обучали в медресе, теоретики создавали специальные трактаты по искусству стихотворной шарады. Теорию муамма и практическое руководство к их составлению Джами разработал в четырех специальных трактатах.

Для литературной жизни конца XV века характерно также усиление взаимосвязи и взаимовлияния ираноязычной и тюркоязычной литератур. В это время на литературной арене все чаще появлялись двуязычные поэты. Первым в этой области был Навои.

Джами был наставником и покровителем не только для деятелей просвещения и литературы Хорасана. За советом к Джами приезжали писатели и ученые из дальних земель — Мавераннахра и Азербайджана, Индии и Ирака, Турции и Аравии, — вели с ним по-

стоянную переписку. Правители многих стран причисляли себя к почитателям Джами. Так, эмир Ирана, Хамадана и Азербайджана (1438—1467) Музафараддин Джаханшах, питавший склонность к поэзии и писавший стихи под именем Хакики, выслал Джами свой диван, в сопровождающем письме в стихах просил Джами высказать свое мнение. В ответном письме Джами отозвался о стихах с похвалой. Факт этой переписки показывает, что Джами представлял собой литературный авторитет, признанный далеко за пределами Хорасана.

Наряду с расцветом литературы и науки в Герате второй половины XV века достигли высокого уровня развития многие изящные искусства: каллиграфия, книжное дело, изготовление расписных попитров (лавх), переплетное дело, золочение, миниатюрная живопись и все виды прикладного искусства, связанные со строительством и архитектурой, — резьба по дереву и камню, чеканка, узорная роспись, изготовление облицовочного материала.

По свидетельству источников, подлинность которых подтверждает Навои, многие гератские художники могли совершенствовать свое мастерство лишь благодаря материальному покровительству Джами. К их числу относились прекрасные художники-каллиграфы, занимающиеся профессиональной перепиской литературных произведений, в том числе и произведений Джами. Это искуснейшие каллиграфы — Азхари Табризи, который наряду с Мирали Харави и Джафари Байсункари был выдающимся мастером почерков (насталик и сулс), также Султанали Кайни (ум. 1508), Султанали ибн Мухаммад Машхади (ум. 1503), Султанали Сабзи Машхади (ум. 1520), Султан Мухаммад Хандан (ум. после 1501), Пирали Джами (ум. 1526), Султан Мухаммад Нур (ум. 1533) и др. Каллиграфы-художники работали в библиотеках султана Хусейна Байкара и Алишера Навои. Перепиской только произведений Джами занимались каллиграфы Мавляна Мирали и Пахлаван Катиб. Джами сам обладал красивым почерком. До нашего времени дошло несколько автографов Джами. Среди них — «Свидетельства пророчества» (список датирован 1486 годом), ныне хранящийся в собрании восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Две поэмы Джами, «Золотая цепь» и «Четки праведников», переписанные самим поэтом, находятся сейчас в Национальном музее Кабула; еще один автограф трактата — в Афганистане.

С расцветом книжного дела был связан небывалый подъем миниатюрной живописи. В Герате работали мастера книжной миниатюры Мирак Наккаш (ум. 1507), Камаладдин Бехзад (ум. 1536), Касмали Чехракушай, Махмуд Музаххиб и другие, чьи замеча-

тельные творения и в наши дни остаются лучшим украшением музеев и библиотек.

Культурный расцвет коснулся и музыкального искусства. Эта эпоха отмечена творчеством прекрасных знатоков — теоретиков музыки, высоким мастерством исполнителей, разнообразием музыкальных жанров и активным обогащением классической традиции.

Наряду с шедеврами музыкальной классики — двенадцатью маками — широкое распространение получили новые мелодии, созданные под воздействием музыкальной культуры соседних народов: узбеков, туркмен, османских турков. В трактатах по музыке Джами и его ученики Камаладдин Бинаи, Мир Муртаз, Кавкаби Бухараи сформулировали многие теоретические положения, связанные с современной им музыкальной культурой, выявили и классифицировали новые направления ее развития.

Герат второй половины XV века переживал подъем и в градостроительстве. В городе и его окрестностях были возведены десятки медресе и мечетей, дворцов и монастырей, мостов и караван-сараяв, больниц и бань. К шедеврам архитектуры, поражающим утонченной резьбой и филигранностью отделки, следует отнести медресе Ихласийе, комплекс больниц и монастырей Навои, медресе квартала Тифлакан, дворец Сари Хиябан и многие другие.

В Герате и его окрестностях были разбиты прекрасные парки, предназначенные для отдыха горожан. Наиболее известный из них носил название «Джахан-ара» — «Украшение вселенной». Он был заложен в 1469 году по приказу Хусейна Байкара. Этот сказочно разукрашенный парк — с цветными фонарями и причудливой росписью павильонов, с цветниками, декоративными растениями и водоемами, населенный певчими птицами — в течение десятилетий служил местом собраний городской интеллигенции.

Высоким мастерством славилось ковроделие и другие прикладные искусства — ювелирное, гончарное, также лудильное и стеклодувное. В источниках встречаются подробные описания уникальных изделий. Так, например, Абдурразак Самарканди сообщает, что один искусный гончар изготовил огромный кувшин (хум) для розовой воды (гулоб), поверхность которого была покрыта изображением фигур тридцати двух ремесленников — портного, чесальщика хлопка, плотника, кузнеца и других; некоторые из них были изображены в трудовой деятельности.

Источники сообщают о личной причастности Джами ко многим видам культурного строительства Герата. Обладая значительным достатком, поэт довольствовался скромной бытовой обстановкой. Дары и подношения, которые стекались к нему от многочисленной

паствы, он тратил на городское благоустройство, на развитие просвещения, поддерживал и поощрял культурные начинания.

На собственные средства Джами построил два медресе, представляющие собой примечательные архитектурные сооружения, ханак — обитель для суфиев и странноприимный дом. Абдуррахман Джами никогда не занимал должности муэдрина — учителя в медресе. Но для круга очень близких друзей и избранных учеников проводил уроки по теории поэзии, по философии и труднейшим вопросам теологии. Нередко на этих уроках изучались произведения самого Джами, поэт подробно комментировал для учеников свои стихи и произведения предшественников. Навои сообщает, что под руководством Джами он изучил семнадцать его произведений; Абдулгафур Лари впоследствии воспроизвел многие из этих комментариев Джами, эти записи позволяют судить о глубоком философском содержании подобных уроков.

Свидетельства современников донесли до нас живые черты Джами. Поэт носил самую простую одежду, был неприязнителен в еде. Окруженный почетом, он сторонился дворцовых увеселений, любил общение с простыми людьми. В мемуарах младшего современника поэта Зайнаддина Васифи приводится целый цикл рассказов, из которых великий поэт и мыслитель XV века предстает человеком большой личной скромности, обаяния, редкостного остроумия и находчивости.

Абдуррахман Джами скончался 9 ноября 1492 года. Трауром по поэту было охвачено все население Герата. Оплакивание поэта продолжалось целый год. Гробница Джами до наших дней остается местом паломничества. Жители Герата по нерушимой давней традиции каждый четверг приходят поклониться его праху.

2

Активная творческая деятельность Джами, начавшись в ранней молодости, продолжалась свыше пятидесяти лет. Литературное наследие его обширно и сложно, до настоящего времени нет четкого представления о полном его составе. Если мы обратимся к свидетельствам учеников Джами и лиц, близко стоявших к поэту, о количестве написанных Джами произведений и их названиях, то обнаружим противоречия и у них.

Алишер Навои в «Пятерике смятенных» называет тридцать девять произведений Джами, а в биографическом своде «Свежий ветер любви» упоминает дополнительно еще одно его сочинение.

Один из первых биографов Джами, Абдулгафур Лари, в сочинении «Дополнения к „Дуновению дружбы“» приводит сорок семь названий; автор «Жизнеописания Джами» Абдалвасе Низами говорит о сорока двух произведениях. В свидетельствах средневековых антологистов большой разницей; один из них — Ширхан Луди (XVII в.) — отстаивает цифру девяносто девять.

Весьма распространенным было утверждение, что количество произведений Джами равно, в соответствии с традиционной системой «абджад», сумме цифрового значения букв, составляющих тахаллус (литературное имя) поэта — Джами, то есть пятидесяти четырем. Эту точку зрения разделяет, в частности, современный иранский библиограф Бадри Атабай.

Рукописи произведений Джами до самых последних лет не подвергались развернутому текстологическому анализу. Только создание критических текстов могло приблизить нас к решению спорной проблемы реконструкции литературного наследия великого поэта, к которому с течением веков примешались не только стихотворения, но и крупные произведения других авторов, имевших тот же поэтический псевдоним — Джами¹. К произведениям, приписываемым Абдуррахману Джами, относятся, например: «История Герата», «Словарь омонимов», «Трактат о логике», «Комментарий к „Сокровищнице тайн“», «Сто изречений Али ибн Абуталиба» с персидским переводом, «Гуль и Науруз» и многие другие.

В советской науке к началу 50-х годов был поставлен вопрос о необходимости филологического исследования старейших списков произведений Джами с целью обнаружения дублетов названий². В результате тщательного изучения многочисленных списков произведений Джами и каталогов главных рукописохранилищ мира, проводимого в течение пятнадцати лет автором этих строк, мы располагаем надежными данными, что Джами в последние годы жизни сам подготовил свой куллийат — то есть полное собрание произведений. Один из самых ранних списков этого куллийата, хранящийся в фонде восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, изготовлен в 1502 году в Герате, он включает тридцать восемь произведений Джами. Еще один ранний список куллийата находится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, он

¹ Саид Нафиси относит к литературному наследию Джами сорок семь произведений, не принадлежащих его перу (см.: Таърихи назмунаsr дар Эрон ва дар забони парси, т. 1, Тегеран, 1344/1965, с. 287—289; Исмаил-паша ал-Багдади, Хадийат ал-арифин, т. 1, Стамбул, 1951, с. 534).

² Е. Э. Бертельс, Джами, Сталинабад, 1949, с. 107.

датируется 1525—1530 годами. Перечень произведений, помещенный в ленинградской рукописи вслед за заглавием, также включает тридцать восемь произведений. Их названия соответствуют составу ташкентского куллийата.

Другие ранние списки куллийата включают приблизительно те же произведения, названия их иногда варьируются.

Современники Джами называют помимо этих тридцати восьми еще несколько других его сочинений, из тех, по-видимому, что были написаны Джами после 1490 года — времени составления куллийата. Поэт не включил в собрание своих сочинений также некоторые неоконченные вещи. По крайней мере два сочинения (большой трактат об обрядах паломничества и юношеское сочинение по геометрии или астрономии) были утрачены еще при жизни Джами.

Материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, позволяют добавить к куллийату еще ряд сочинений Джами. Перу Джами, по-видимому, принадлежало сорок шесть произведений. Перечень всего написанного Джами (читатель может ознакомиться с ним в примечаниях к данной книге) показывает, насколько широк был диапазон его литературного и научного творчества. Письменное наследие Джами включает крупные произведения художественной литературы в стихах и прозе, лирические стихотворения, представляющие все жанровые формы персидско-таджикской классики, научные трактаты по поэтике и риторике, литературный комментарий и руководства по сложнейшим стихотворным жанрам, трактаты по музыке, по философии, по грамматике и эпистолографии, сочинения по теологии и мистике, огромный биографический свод, посвященный деятелям мусульманского мистицизма. Некоторые из сочинений написаны на арабском языке.

Показательно, что Абдуррахман Джами практически во всех видах литературного творчества был для средневекового читателя на протяжении столетий крупнейшим авторитетом. Так, арабская грамматика Джами «Наставление Зийааддину» в течение пяти веков служила основным пособием по арабскому синтаксису в мусульманских медресе Средней Азии, Ирана, Афганистана и Поволжья. Она использовалась как учебник в Индии, Турции и арабских странах. Знаменитое сочинение Джами «Дуновение дружбы», в котором собраны биографии шестисот шестнадцати известных представителей суфизма (в том числе и тридцати четырех женщин-подвижниц) и систематически изложена суть существовавших суфийских доктрин, до настоящего времени остается ценным источником сведений по истории идеологических течений на Востоке.

Спрос на сочинения Джамии был необычайно высок, о чем свидетельствует множество средневековых переработок и подражаний, а также огромное количество дошедших до нашего времени рукописей его сочинений.

В рукописном фонде Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР хранятся ценнейшие автографы Джамии — триста тридцать четыре его письма.

Творческое наследие Абдурахмана Джамии энциклопедично. Но для народа он прежде всего был и остается великим поэтом.

3

На протяжении всей своей жизни Абдурахман Джамии писал лирические стихи. Они собраны в трех диванах, которым Джамии дал названия: «Первая глава юности», «Средняя жемчужина в ожерелье» и «Завершение жизни». Диваны были составлены поэтом в 1475 (работа над первым диваном началась с 1462 г.), в 1489 и 1491 годах; общий объем трех диванов превышает шестнадцать тысяч бейтов.

В диванах Джамии — в отличие от подавляющего большинства средневековых диванов — мы не найдем традиционных придворных касид с безудержным восхвалением феодальных правителей и их приближенных. Сам поэт так характеризует содержание своих диванов, которые он знаменательно называет «Книгой деяний»:

В моем диване собраны газели
Снедаемых любовною тоской,
Высокие раздумья, поученья,
Накопленные мудростью людской.
Но не найдешь в нем поминанья низких
И лести с многословностью пустою.
В нем слово шахам с пожеланьем блага
Правдолюбивой писано рукою.
Хоть по сто раз прочти в моем диване
Строку его любую за строкой,
Ты не столкнешься в похвале достойным
С искательством, с корыстной тщетой,
И ни одной в нем просьбы о подачке
Не высказано льстивою кытой.

Стихи, которые Джамии обращал к правителям, проникнуты духом назидания. Они призывали к добру, милосердию, правосудию и

справедливости, к щедрости, заботе о подданных и наказанию притеснителей народа. Поучения, обращенные к царям, звучащие в наше время, может быть, несколько наивно, в XV веке, в жестокую эпоху феодальных междоусобиц, религиозной нетерпимости и жестокого гнета народных масс, были актом высокого гражданского мужества и свидетельствовали о передовом сознании автора. В устах Джами — авторитетного духовного наставника — эти поучения имели значительную силу.

Касыды Джами — пейзажные, философские и лирические — отличаются глубиной мысли и отточенностью формы. Некоторые из них автобиографичны. Но главное содержание диванов Джами составляют не касыды, а газели. Поэт написал их около двух тысяч.

Газель — короткое любовно-лирическое стихотворение — появилась в персоязычной литературе уже в IX веке, имея своим источником народную любовную песню. Одним из первых ввел этот жанр в письменную поэзию основоположник персоязычной поэзии Рудаки (858—941). Известные поэты X века Шахид Балхи, Дакики, Кисаи Марвази, поэтесса Рабиа Балхи и другие пробовали свои силы в сложеннии газели. Газель с самого начала своего формирования исполнялась — пелась или декламировалась — под музыкальный аккомпанемент.

Пройдя через творчество таких выдающихся мастеров стиха, как Масуд-и Сад-и Салман, Анвари, Хакани, Камал Худжанди, газель достигла своего высочайшего расцвета в беспримерном поэтическом искусстве двух великих лириков — Саади (1184—1292) и Хафиза (1320—1389).

В первой половине XV века газель приобрела широкое распространение. Большой популярностью пользовались газели Нематуллаха Вали (1329—1431), Касима ал-Анвары (ум. 1433), Исмата Бухарая (ум. 1436), Катиби (ум. 1436), Хаили Бухарая (ум. 1447), Шахи Сабзавари (1385—1452), Азари (1382—1462), Тути (ум. 1462), Туси (ум. 1464) и др.

Во второй половине XV века газель отвоевывает ведущие позиции среди поэтических жанров. Знатоки изящной словесности, в том числе и сам Джами, называют это время «веком газели».

Классическая газель — это монорифмическое стихотворение, в 5—12 двустиший, с парнорифмующим первым бейтом, который в средневековой поэтологии носит особое название мабда — «начало». Последний бейт газели, называемый хатиме — «завершение», включает литературное имя поэта — тахаллус. Газель — любовно-эротическое стихотворение; описание красоты возлюбленной и переживаний, связанных с неразделенной любовью, составляет основную

тому газели. В газели развиты также гедонические мотивы — прославление вина, красоты природы, радостей жизни. Абдурахману Джами принадлежит выражение: «среди жемчугов — разновидностей поэзии — нет жемчужины изящнее и благороднее, чем газель». Большая часть — девять десятых — газелей Джами состоит из семи бейтов (двустуший).

Средневековая поэтология предъявляла к газели требование, чтобы каждое двустушие отличалось смысловой и художественной завершенностью, являло собою самостоятельное поэтическое высказывание, дабы стихотворение уподобилось нити, на которую нанизаны прекрасные — каждая сама по себе — жемчужины. Особая песенная мелодичность, изящная лексика, радующая воображение образность, художественная экспрессия — все это характеризует жанр персоязычной газели.

Газели Джами — это лирическая классика средневековья.

Художник большой эмоциональной силы, Джами создал высокие образцы поэзии любви в ее земном человеческом понимании. Мы найдем в его газелях всю гамму любовных переживаний: надежду влюбленного и его отчаяние, самоуничтожение и гордость, пылкую страсть и терпение, нежность и гнев.

Тонкой кистью рисует Джами традиционный образ прекрасной возлюбленной — ее затмевающую все красоту, властность, непостоянство и жестокость, — влекущий поэта неизменной надеждой. В окружающей природе поэт видит образные аналоги красоты кумира и своих любовных переживаний. Любовное страдание не лишает газели светлой тональности. Поэт, согласно литературной эстетике времени, сам любит силой своих мук. В то же время любовь для него — праздник жизнеощущения, разделить этот праздник с ним он предлагает и читателю.

Повествование о любовных страданиях во многих газелях не лишено юмористической окраски; заключительный бейт газели, который по традиции обращает к самому себе или подводит в нем итог своему состоянию, звучит чаще всего как забавный пуант — остроумная, иногда неожиданная для читателя концовка.

В лирическом творчестве Джами представлены и самые малые из стихотворных форм: рубаи — четверостишия и фарды — одиночные бейты.

Четверостишия принадлежат к исконно народным, старейшим формам персоязычной поэзии, по популярности и жизнеспособности не имеющим себе равных. В классической поэзии персоязычных народов, с их высокоразвитой культурой слова и выраженным стремлением к афористичности мышления, жанровая форма четверостишия

достигла степени совершенного искусства. Классическое четверостишие развилось в жанр широкой тематической емкости: любовь, вакхические и эпикурейские мотивы, философия жизни, сетования на судьбу — сюжеты и темы рубай столь же многообразны, как пословицы любого из народов. Помимо классического четверостишия — рубай — в творчестве Джами можно найти и его разновидность — дубейты, отличающиеся от рубай только нестандартным стихотворным размером (хазаджам) и иногда самым способом рифмовки.

В еще большей степени афористичность присуща фарду — бейту. Фард — это лаконичное, строго организованное поэтическое высказывание, своего рода крылатая сентенция, нравственного, социально-этического, дидактического и философского содержания. Такого рода литературные пословицы — хикматы — мудрые изречения — были в большом ходу в средневековом обществе. Согласно литературной моде, ими обильно уснащали произведения литературы, научные и богословские сочинения, «зеркала» и политические трактаты, дипломатическую и личную переписку, они широко употреблялись в личном общении людей.

В диванах Джами есть и строфические формы средневековой поэзии, образцы их представлены в настоящем томе. Это тарджибанд, составленный из нескольких газелей, написанных единым стихотворным размером, каждая из которых имеет свою собственную монорифму; газели-строфы заключаются одним и тем же повторяющимся в виде рефрена бейтом. Более усложненное строфическое стихотворение — таркиббанд, в котором строфы-газели завершаются каждый раз новым бейтом, а завершающие бейты образуют самостоятельную газель. И мурабба — четырехстрочник, редкий вид строфической газели, где каждая строфа состоит из четырех строк с монорифмами.

Мелодические и эмоциональные строфические стихи близки народному песенному творчеству. Газели Джами вошли в репертуар народных певцов, афористические строки его стихов получили широкое устное обращение как народные пословицы.

Помимо этих распространенных форм средневековой поэзии, представленных в настоящем томе, Джами творил и в других, более сложных поэтических формах.

Лирика Джами предлагает русскому читателю несколько непривычную для него систему художественных ценностей. Читая газели, нельзя не заметить в них некий повторяющийся круг мотивов и образных средств. В этом кажущемся однообразии следует видеть определенную литературную норму эпохи, отличительные черты национальной эстетики восточного средневековья.

В персидско-таджикском литературном процессе XIV—XIX веков господствующие позиции занимал метод творческого варьирования. Классические поэтологические трактаты выработали теоретические установки, рекомендуемые несколько разновидностей подражательного метода. Разновидности эти обозначены в трактатах соответствующими терминами и детально охарактеризованы. Это — пайравн (буквально — «следование»), истикбал («выход для почетной встречи»), джаваб («ответ», конкурирующее подражание), татаббу («последование»), назире («подобие», творческое подражание), таклид («имитация», эпигонское подражание). И еще — в отличие от всех перечисленных разновидностей подражания, рекомендуемых и поощряемых, сиркат-и адаби (собственно плагиат).

В XV веке процветала литературная практика джаваб и назире — метод «ответов» и «подобий». Поэзия накопила к этому времени не только традиционный фонд излюбленных тем и мотивов, но и основной фонд образов и даже лексических средств. Встреча при восприятии литературного произведения с традиционно знакомым, но несущим неожиданно новую образную информацию составляла для среднесекулового читателя послемонгольского периода главное наслаждение от поэзии. Искусство стиха понималось как тончайшая ювелирная отделка детали традиционного образа.

XV век создавал «ответы» как на крупнейшие произведения ранней классики — «Шахнаме» Фирдоуси, «Пятерицы» Низами и Амира Хосрова Дехлеви (1253—1325), «Бустан» и «Гулистан» Саади, так и на произведения малых форм — касыды, газели, четверостишия. В создании газелей «ответы» играли в это время ведущую роль. Авторы газелей чаще всего подражали Хафизу. Некоторые поэты — например, Бинаи, а также поэтесса Мехри (первая половина XV в.) — создали целые диваны в ответ на диван Хафиза. Из 554 сохранившихся до нашего времени газелей Навои (он писал их под литературным именем Фани) 237 написаны как «ответы» на газели Хафиза.

В XV—XVI веках появился особый вид литературных сборников, которые назывались «Радаиф ал-ашар» — «Антология поэзии с одинаковыми рифмами». Первые образцы таких антологий созданы известными поэтами Сайфи Бухарани (ум. между 1504—1510) и Фахри Герати (ум. 1539).

Метод «ответов» — то есть метод творческого варьирования — был своеобразной школой совершенствования мастерства. «Ответы» писались, как правило, на лучшие произведения прославленных мастеров. Цель «ответа» заключалась в творческом соперничестве с высоким эталоном литературного искусства. Сохраняя заданную тему,

стиль, стихотворный размер, рифму и рефрен, опорные слова и словосочетания и общую поэтическую идею, создатель «ответа» все силы своего таланта и творческого воображения направлял не только на чеканку поэтической формы, но и на изобретательное развитие фабулы, свежую детализацию традиционного образа, на обогащение смысла каждого из заданных элементов. В этих литературных состязаниях, которые были чрезвычайно характерны для культурной жизни той эпохи, поэт утверждал себя как мастер наивысшего разряда.

Среди коротких стихов Джами мы встретим подражания — ответы на стихи Хакани, Саади, Хафиза, Камала Худжанди. Стихи Джами в оригинале отличает высочайший уровень поэтического искусства. Ювелирное гранение каждого бейта, блеск поэтической формы, чеканное изящество афоризмов и зримость метафор — все эти лучшие черты персоязычной классики нашли в его творчестве совершенное воплощение.

4

Свои крупные литературные произведения Абдуррахман Джами написал уже к концу жизни.

Вершину поэтического творчества Джами составляет цикл больших эпических поэм, получивших в дальнейшем общее название «Семь престолов». История создания «Семи престолов» такова.

В 1472 году Джами, уже снискавший широкую известность как тонкий лирик и автор многочисленных трактатов, создал первую из поэм — «Золотая цепь». Джами написал ее тем же стихотворным размером, что и знаменитые философские поэмы его предшественников: «Сад истин» Санаи, «Семь красавиц» Низами и «Чаша Джама» Аухади. Тождественностью литературной формы Джами хотел подчеркнуть, как это было принято у средневековых поэтов, идейно-тематическую соотнесенность своего произведения с названными поэмами. «Золотая цепь» трактует труднейшие положения философии суфизма, комментирует мистические формулы, разъясняет предписания суфийской практики. Следующая поэма, «Саламан и Абсаль», была написана только спустя семь лет. Идея создания этой поэмы была подсказана Джами, как считается, письмами султана Якуба Ак-коюнлу, правителя Ирана и Азербайджана, в которых султан неоднократно обращался к поэту за советами и наставлениями. «Саламан и Абсаль» — сюжетное произведение, в основе которого лежит повесть о пылкой любви греческого царевича Саламана и его юной прекрасной кормилицы Абсаль. В коллизии поэмы скрыты глубокие мистические аллегории, но самый рассказ о любви щедро расцвечен красками реальной жизни.

Обе поэмы проникнуты духом гуманизма, Джами осуждает жестокость и тиранию властителей, превозносит благородство служения народу. Поэт высказывает смелую для своего времени мысль, что для процветания страны и спокойствия подданных важно одно — чтобы монарх был справедлив, это значительно важнее, чем его приверженность к истинной вере:

Царь справедливый — пусть не чтит Корана, —
Он выше богомольного тирана.
Не верой, не обрядами — страна
Законом справедливости сильна.

(«Саламан и Абсаль»)

Перо большого мастера придало этим философским и мистико-аллегорическим поэмам высокохудожественную форму: в поэмы в обилии введены народные рассказы, искусно и с жизненной наглядностью иллюстрирующие теоретические положения. Каскады афористических строк, вставные назидательные притчи обеспечили яркую внимательность поэм.

Следующие пять поэм написаны Джами в традиции классической «Пенталогии» — «Пятерицы».

Начало этой традиции положили пять поэм, созданные Низами (1141—1203). Исследователи полагают, что название «Пятерица», объединившее поэмы, разные по характеру, персонажам и литературной форме, не принадлежало самому Низами. Но поэмы Низами вошли в историю персоязычной классики как нечто единое. Крупнейшие поэты последующих веков пробовали силы в создании «ответа» на «Пятерицу» Низами. Согласно литературным средневековым канонам, они писали свои пять поэм, разрабатывая заданные сюжеты, в заданном стихотворном размере, состязаясь со своими предшественниками в искусстве варьирования деталей и образного орнаментирования слога.

Одним из первых «ответов» на поэмы Низами была «Пятерица» Амира Хосрова Дехлеви (1253—1325) — блестящего персоязычного поэта, писавшего в Индии. Многие поэты XV века также вступали в состязание с Низами. Среди них можно назвать Ашрафа (ум. 1450), создавшего полную «Пятерицу». На ту или иную из пяти поэм писали ответы Катиби, Даи Ширази (ум. 1469), Салими (ум. 1474) и др.

Задачу создания «Пятерицы» поставил перед собой и Джами. В течение трех с половиной лет он написал пять поэм: «Дар благородным» (1481), «Четки праведников» (1482), «Юсуф и Зулейха»

(1483), «Лайли и Маджнун» и «Книга мудрости Искандара» (обе в 1484 г.).

Джами творчески видоизменил традицию создания «Пятерицы». Вместо одной философско-дидактической поэмы он создал две. В составе его «Пятерицы» нет аналогов «Семи красавиц» и «Хосрова и Ширин», но введен новый романический сюжет — «Юсуф и Зулейха». Поэма «Четки праведников» написана сложнейшим стихотворным метром (редкой разновидностью рамаля), которым предшественники Джами и его последователи избегали пользоваться для крупных произведений.

В 1485 году Джами написал еще одну поэму, назвав ее «Второй тетрадь „Золотой цепи“». Поэма посвящена толкованию понятия Любовь в ее мистическом, аллегорическом смысле. Касается поэт и вопросов земной человеческой любви. Притчи и рассказы, вкрапленные в изложение, имеют своими персонажами известных деятелей суфизма (Баязид Бистами, Зуннун Мисри, Ибн ал-Араби и др.). Рассказы отличаются занимательностью, тонким юмором и лиризмом, некоторые из них перерастают в самостоятельные произведения. Таково, например, «Повествование об Уайяне и Райе».

Вскоре Джами пишет «Третью тетрадь „Золотой цепи“», посвятив ее османскому султану Баязиду II (1481—1512), с которым поэт вел переписку. Это произведение имеет в литературном обиходе самостоятельное название — «Тетрадь справедливости». «Третья тетрадь» занимает особое место в творчестве Джами. Поэт нарисовал в ней свой идеал правителя, приводящего подданных к благоденствию. Справедливость, милосердие и разум — вот необходимые основы, утверждал Джами, для тех, кто облечен властью. Ложь, обман, низость и невежество лягут несмываемым клеймом позора на тех, кто призван быть образцом для подданных. Окружение правителя должны составить, по мнению поэта, мудрые везири, такие, как Низам аль-Мульк, ученые-медики, образцом которых был Авиценна, философы, астрономы и талантливые стихотворцы.

Завершив «Третью тетрадь „Золотой цепи“», Джами собрал все свои поэмы в один том, предпослав ему прозаическое предисловие. Поэт дал название своему собранию поэм «Семь престолов» — так называют созвездие Большой Медведицы.

Обратимся снова к «Пятерице» Джами.

Первые две поэмы — «Дар благородным» (1712 бейтов) и «Четки праведников» (2885 бейтов) — философско-дидактические трактаты, искусно изложенные своды нравственных требований, предъявляемых к суфию, и поучение о путях самосовершенствования. Поэмы включают традиционные вступительные разделы и ряд глав — свое-

образных проповедей; в первой поэме их двадцать, во второй — сорок. Главы-проповеди трактуют о создании мира и человека, о поучительных деяниях духовных наставников, мудрецов и справедливых правителей, о пользе знаний, о старости и молодости, о красоте и любви (в первой книге); о Коране, о суфизме, об отречении от мирской суеты, о правдивости и долготерпении, об управлении государством и т. д. (во второй поэме). Главы носят названия соответственно содержанию проповеди. Смысл каждого поучения раскрывается поэтом в рассказе с живым занимательным сюжетом, нередко проникнутым народным юмором. Наставления уснащены афористическими сентенциями и крылатыми выражениями.

«Пятерица» Джами включает две романтические поэмы. Первая из них, «Юсуф и Зулейха» (4000 бейтов), по объему составляет третью часть «Пятерицы». Библейское сказание об Иосифе Прекрасном, перешедшее в священную книгу мусульман — Коран (сура XII — «Юсуф»), имело на Востоке много народных версий. Легенда об Иосифе Прекрасном, младшем и любимом сыне патриарха Иакова, проданном завистливыми братьями в рабство и увезенном в Египет, трансформировалась в изустном хождении в народный роман о неодолимой и запретной любви Зулейхи — жены соправителя египетского фараона — к юному Юсуфу (Иосифу). Сказание об Иосифе имеет множество литературных обработок в разных литературах мира.

Первые литературные обработки этой легенды в персоязычной литературе относятся к X веку. По свидетельству средневековых источников, авторами их были современники Рудаки — поэты Абульмуайад Балхи и Бахтияри; их произведения до нашего времени не дошли. Утрачены также поэмы Амака Бухараи (ум. 1147) и Масуда Герати (ум. 1220). Из сохранившихся до нашего времени ранних литературных обработок надо упомянуть популярную поэму «Юсуф и Зулейха», приписываемую Фирдоуси (X в.), но, возможно, принадлежащую, как показали новейшие изыскания, поэту XI века Амани, а также роман в прозе, автором которого считают знаменитого поэта и теоретика суфизма XI века Абдаллаха Ансари. От XIV века сохранилась поэма Шахина Ширази.

И после Джами, вплоть до наших дней, этот сюжет привлекал больших художников. Томас Манн опубликовал в 1926—1933 годах четырехтомный роман «Иосиф и его братья». Назым Хикмет создал в 1957 году пьесу «Иосиф Прекрасный».

Среди множества литературных обработок сказания о прекрасном Иосифе поэма Джами выделяется как вдохновенный гимн живому человеческому чувству. Развитие сюжета у Джами очень дина-

мично. Безмятежное детство Юсуфа, раздор в семье после смерти матери, злодейство завистливых братьев, бросивших доверчивого юношу в колодец, а затем продавших его в рабство, перепродажа Юсуфа на базаре, тяготы заключения в темнице и, наконец, явление любви. И все же главный персонаж поэмы Джами — не Юсуф, а Зулейха, любящая женщина, способная на страстное, всепоглощающее чувство, сознающая свое право на счастье и умеющая за него активно бороться. По сложности и подвижности характера, по яркости палитры в описании противоречивых переживаний охваченной любовью женщины — образ Зулейхи принадлежит к шедеврам мировой литературы. Зулейха показана мудрее и благороднее стоящих возле нее двух мужчин, и не только мужа — безвольного и слабого духом азица, но и Юсуфа, осторожного и рассудочного.

Вторая романтическая поэма «Пятерицы» Джами — «Лайли и Маджнун» (3860 бейтов). В основе этого распространенного на Востоке сюжета — своеобразного аналога повести о Ромео и Джульетте — лежит предание из быта кочевых арабов: история исступленной любви юноши поэта Кайса к девушке враждебного племени — Лайли. Легенда возникла в бедуинской арабской среде в VII веке. Надо заметить, однако, что в изначальных версиях любовная линия сюжета развита слабо, они рисуют в основном образ Кайса — поэта, прозванного за одержимость любви Маджнуном, то есть Безумцем. В арабской литературе даже было распространено особое сочинение: любовные стихи Маджнуна, предваряемые кратким изложением той или иной ситуации его многострадальной любви. Появление этого сборника относят к XI веку и приписывают некоему Абубекру ал-Валиби.

Первая разработка легенды в виде целой поэмы в персоязычной литературе принадлежала Низами (1188). Его бессмертное творение, в котором арабская легенда приобрела художественную и сюжетную законченность, способствовало широкому распространению сказания о трагической любви Маджнуна и Лайли. В течение многих столетий она волновала воображение писателей, и для многих из них отправной точкой служила именно поэма Низами.

Из таджикско-персидской литературы сюжет проник в другие литературы Востока. К настоящему времени насчитывается более ста поэм на эту тему на таджикском, персидском, турецком, узбекском, азербайджанском, грузинском, курдском, армянском языках, на языках панджаби, урду, пашто. Некоторые из этих поэм были переведены на языки других народов. Тема любви Лайли и Маджнуна проникла в изобразительное искусство, музыку, в наши дни — в театр, кино и телевидение. В XX веке этот сюжет, обработанный

таджикскими, узбекскими, азербайджанскими, туркменскими, арабскими и урдуязычными писателями, стал темой многочисленных драматургических произведений. Среди них можно назвать одноименную трагедию Ахмада Шауки (1868—1932), оперу У. Гаджибекова (1908) и таджикский балет, снятый в виде фильма-спектакля. Одна из самых последних прозаических обработок легенды принадлежит известному писателю современной Турции, сатирику Азизу Несину, его произведение издано в Анкаре в 1972 году в серии «Народная книга».

Среди множества поэм о Лайли и Маджнуне творение Джами можно поставить на одно из самых почетных мест, и не только по высокой поэтичности и немеркнувшей яркости созданных образов, по удивительной, литой афористичности стиха, но и в силу активного гуманистического начала основной идеи поэмы. Джами творчески обогатил известный ему сюжет и в детальной разработке конфликта, и в особом динамизме повествования, и в тонком психологизме переживаний несчастных влюбленных. В поэме Джами явственно слышится голос осуждения косных и жестоких сословных установлений, протест против ограничения свободы чувств.

Светлое человеколюбие и эмоциональная напряженность творчества Джами наделили эту поэму непреходящей силой воздействия на читателя. Поэма оказала огромное влияние на последующих поэтов, писавших на персидском, таджикском и тюркском языках: Навои, Хатифи, Сухайли, Физули и др.

«Пятерицу» Джами, так же как и у Низами, завершает поэма об Александре (Искандаре — в персидском употреблении).

К XV веку персоязычная литература накопила уже многовековой опыт воссоздания образа Александра Македонского. Исследователи отмечали, что восточная трактовка образа Александра существенно отличалась от западных «александрий» — рыцарских романов о подвигах великого полководца, о завоевании им диковинных стран и победах над фантастическими чудовищами. Восток воспринимал Александра Македонского прежде всего в его связи с Аристотелем, и центр тяжести в повествовании об Александре перемещался на вопросы политического управления страной, теорию военного дела, систему философско-этических учений. Уже в VI веке до н. э. на Ближнем Востоке сложилась традиция придавать Александру черты идеального правителя.

Восточные «александрии» сближаются с жанром «зеркала», адресованного правителям. Эти романы, где действующим лицом выступает и Аристотель, были одновременно и занимательным чтением, и своеобразными энциклопедиями, из которых можно было почерпнуть необходимую сумму научных представлений.

Как своды политической и этической мудрости создавших их эпох восточные сказания об Александре интересны и ценны не только с историко-литературной точки зрения, но и, в частности, для воссоздания истории идеологических учений на Востоке.

«Книга мудрости Искандара», созданная Джами (она насчитывает 2315 бейтов), в этом отношении наиболее показательна. Образ идеального правителя получился у Джами более завершенным, чем у его предшественников. Если Александр у Фирдоуси (934—1020) обрисован прежде всего как завоеватель, у Низами — как носитель божьей справедливости, у Хосрова Дехлеви — как блестящий венец-носец, любитель пышных дворцовых празднеств, то Искандар у Джами — главным образом воитель за земную справедливость, несущий освобождение обездоленным и бесправным, воплощающий народную мечту о справедливом монархе.

Просвещенность — одно из главных требований, которое поэт предъявляет правителю. Готовящий себя к власти над людьми, утверждает Джами, должен с юных лет получить воспитание и образование у мудрого наставника, такого, каким для Александра был Аристотель. Но и принявшему корону правителю надлежит в своих заботах о подданных повседневно держать совет с мудрецами.

Джами обращает к правителям слова Искандара:

.. Если царь не будет мудрецом,
Он родину не озарит венцом.
И если царь в невежестве погряз,
Он — горе для народа и для вас...

Великий гуманист Джами идет, вслед за Низами, еще дальше, рисуя развернутую картину идеального государства — без войн, без господ и без рабов, где царствуют равенство, свободный труд и справедливость. Это идеальное общество, не нуждающееся в правителе:

То город был особенных людей.
Там не было ни шаха, ни князей,
Ни богачей, ни бедных. Все равны,
Как братья, были люди той страны.
Был труд их легкий, но всего у них
В достатке было от плодов земных.
Их нравы были чисты. И страна
Не ведала, что в мире есть война.
У каждой их семьи был сад и дом,
Не заперт ни затвором, ни замком...

Социальная утопия Абдурахмана Джами воплотила давнюю общечеловеческую мечту. «Книга мудрости Искандара» была венцом общественно-политической мысли поэта-гуманиста.

«Семь престолов» Джами — это поистине ярчайшее созвездие на небосклоне персидско-таджикской поэзии.

5

Одним из бессмертных творений Джами является его «Бахаристан» — «Весенний сад». Это широко известное дидактическое произведение можно считать венцом литературной деятельности Джами.

«Весенний сад», написанный в 1487 году, в конце жизненного пути Джами, представляет собой своего рода свод идей великого гуманиста. Изложив их в доходчивой и увлекательной форме, Джами дал «Бахаристану» и самый широкий адрес. Прежде всего он имел в виду воспитание юношества, которое было олицетворено для поэта в образе его сына. Сыну — десятилетнему Зийааддину Юсуфу — посвятил Джами «Весенний сад», так же как и многие вставные поучения, включенные в поэмы.

«Весенний сад» написан как ответ «Розовому саду» — «Гулистану» Саади. Подобно последнему, «Весенний сад» состоит из восьми глав — «садов», как их назвал Джами. В предисловии к «Бахаристану» Джами обращается к читателям с такими словами: «Просьба к тем, кто будет ходить по этим садам, в которых нет ни шипов испрашивания даров, ни сухой травы истребования наград: внимательно пройдя по ним, усердно всмотревшись в них, помяните добром и порадуйте хвалой садовника, который обливался кровью, чтобы вырастить эти сады, и разлучался с жизнью, чтобы выходить их».

Первая глава «Весеннего сада» повествует о поучительной жизни знаменитых шейхов и мудрецов; во второй главе собраны изречения великих людей; третья глава посвящена рассказу о справедливых деяниях носителей власти. Щедрости, великодушию и благородству учит четвертая глава, тема пятой — любовь и верная дружба. Шестая глава представляет собой собрание анекдотов из жизни известных людей и забавных притч. В седьмой главе рассказывается о поэзии, глава состоит из краткого очерка эстетической природы стиха и небольшой антологии поэтов-классиков X—XV веков, насчитывающей тридцать девять имен: Рудаки, Дакики, Фирдоуси, Насири Хосров, Низами, Муиззи и др. Завершает «Весенний сад» глава, содержащая басни, персонажами которых выступают животные.

В целом «Весенний сад» — это своеобразная энциклопедия жизни и нравов XV века, охватывающая все слои населения, от мусорщика до падишаха.

«Бахаристан» написан в художественной манере «Гулистана», то есть изложен орнаментированной прозой — саджем — с вкраплением стихов. Как и произведение Саади, «Весенний сад» отличается предельной простотой и ясностью языка, мерные строки саджа и иллюстрирующих стихов сближены с народными пословицами, так же как и сюжеты этих назидательных и юмористических новелл-притч соприкасаются с народной изустной литературой. Произведения Саади и Джами сближает также позиция активного гуманизма, которая и продиктовала поэтам самый их замысел. Джами развил и продолжил многие темы «Гулистана»: о справедливости, о нравах дервишей, о любви и молодости. Вместе с тем Джами ввел много новых сюжетов. Новеллы его более разнообразны по построению. Назидательное начало книги несколько усилено: каждой главе «Весеннего сада» поэт предпосылает небольшое введение, называемое «Фаиде» — «Польза», где кратко изложен общий смысл главы. Завершается это введение соответствующим стихотворным резюме. Так, например, «Польза» четвертого «сада», называемого «О деревьях щедрости и благородства, которые дают плоды своих цветов даром», звучит следующим образом: «Щедрость — это дарение без помыслов корысти и надежды на воздаяние, даже если под воздаянием понимается искреннее восхваление или благодарность.

Кто щедр? Не тот, кто хочет воздаяний
За проявление щедрости своей:
Здесь корень дела — купля и продажа.
Нет ни добра, ни благородства в ней!

Кто проявляет щедрость ради славы —
Зачислен дом хозяина того
Не в город щедрых, в город благородных,
А в сторону, за стенами его!»

Джами утверждает идеалы социальной справедливости — равенства людей, искоренения тирании и очерчивает круг нравственных требований к каждому человеку — благородство помыслов и действий, верность и доброжелательство в отношениях людей между собой. Примечательны рассуждения Джами о ценности человеческой личности, которая заключается не в знатном происхождении, не в положении и богатстве, а в красоте духовного мира, силе ума и знания,

«Весенний сад» Джами и по истечении пяти веков со времени создания остается любимым чтением народа, и не только в Таджикистане и Иране, но в Индии и Афганистане. Это произведение Джами вошло в сокровищницу мировой культуры, переведено на латинский, французский, английский, немецкий, русский, чешский, турецкий, узбекский, азербайджанский и другие языки.

Творчество Джами необычайно полно и ярко воплотило целую литературную эпоху во всем своеобразии ее классических канонов, многовековых эстетических традиций, господствующих социальных и нравственных идеалов. Художник с необычайно широким диапазоном творческой деятельности, Джами как никто другой отразил и всю сумму острейших противоречий своего времени. Это утопическая идея процветающего общества равных, не нуждающегося в правителе, — и образ идеального монарха; уход от реального существования в мистику, в самосозерцание — и призыв к активному познанию жизни, прославление науки и созидательного труда; проповедь аскетизма — и воспевание земных человеческих радостей; доминирующая тема любви в ее сложном и нерасторжимом переплетении мистического и реального; скучное морализующее ханжество — и по-народному веселый и лукавый взгляд на вещи; утонченный аристократизм поэзии — и ее живые тенденции сближения с фольклором.

Джами как художник и Джами как духовный пастырь не всегда единодушны. Но широта философского и гуманистического взгляда ученого, духовное прозрение поэта берут верх над ограниченностью суфийского проповедника.

Время — прошедшие пять столетий, отделяющие нас от Джами, — произвело свой строгий отбор. Из огромного литературного наследия, оставленного Джами, не потеряла своего живого и пленительного звучания именно его поэзия — лирика, поэмы и «Весенний сад».

А. Афсахзод

I

Но завтра я готов припасть, подобно праху,
К порогу твоему! Я знаю: смерть близка,

И о тебе грущу, волнуясь и любя,
Мечтая о тебе, но втайне от тебя.

Кто разлучен с тобой, несчастней всех людей.

Чтоб встретиться с тобой, я не найду путей.

Ты выгнала меня, на дверь мне указала,

А я жилище дал тебе в душе моей.

Ты щедро всем даришь красы своей блистанье, —

Немного прелести и мне не пожалей!

Пылинка я, а ты — сияющее солнце.

Где я и где, увы, исток твоих лучей!

Твой стройный стан привел вселенную в расстройство,

И в мире ничего не видел я стройней!

Ты мне сказала: «Сядь и загрусти, о милый,

Не то не вырвешься ты из моих цепей».

Прошу: присядь и ты, моих страданий пламя

Водою близости, желанная, залей,

И сяду рядом я, волнуясь и любя,

Мечтая о тебе, но втайне от тебя.

Прелестная, взглянуть не хочешь ты на нас,

Но видит бог, что ты — отрада наших глаз.

Ты — на земле, луна — на небе, только в этом

Меж вами разница — так думал я не раз.

На поле красоты твоей собирать колосья —

Для солнца честь, скажу я без прикрас.

Сей век решил меня убить. Ты тоже хочешь

Стать палачом моим? Что ж, выполняй приказ!

Ты — лучник: лук бровей в засаде натянула, —

О, кто б меня от стрел-ресниц сегодня спас!

Ты — искушение для разума и веры,

Ты — бедствие для тех, кого твой взор потряс.

Поскольку у меня надежды нет, что рядом

С таким, как я, ты сесть захочешь, то сейчас

Присяду, загрущу, волнуясь и любя,

Мечтая о тебе, но втайне от тебя.

Я сердце потерял в глазах, их чуден свет,

«Ищи его в бровях», — услышал их совет.

Но тут на родинку мне брови указали, —

Мол, сердце в ней найдешь по множеству примет.

Еще я родинку расспрашивать не начал,

Она вскричала: «Вздор! Уйди! Здесь сердца нет!»

Но разве родинку нельзя назвать воровкой
Иль индианкою, одетой в черный цвет?
Мне покажи свой лик, и сердце вместо платы
Возьми в блаженный миг; да будет снят запрет!
Но так как ты пути закрыла для надежды
И стал из-за любви к тебе я жертвой бед,
То лучше голову склоню я на колени,
В забытый уголок забьюсь во цвете лет,

Присяду, загрущу, волнуясь и любя,
Мечтая о тебе, но втайне от тебя.

Ты, словно кипарис изнеженный, стройна,
И стройности твоей завидует сосна.
Допустим: кипарис стройней, чем лотос неба, —
Но разве красота твоя ему дана?
Как золото, желт мой лик, а серебро — те слезы,
Что лью из-за тебя, страдая издавна.
Немало тайных дум я в сердце скрыл, а тайна
Моей любви была как бы погребена,
Но я измучился, ее оберегая, —
На волю вырвалась и стала всем видна.
Смогу ль вкусить плоды я с дерева надежды,
Коль, пальма юная, не будешь мне верна?
Но если побороть сумею нетерпенье,
Я долго буду ждать тебя, моя весна,

Присяду, загрущу, волнуясь и любя,
Мечтая о тебе, но втайне от тебя.

Я песню скорбную в рассветной тишине
Сливаю с пеньем птиц, парящих в вышине.
Зачем за пологом прельщений, обольщений
Ты, роза, прячешься не по моей вине?
Иль позови меня за полог, иль, откинув
Завесу, ты побудь со мной наедине.
Ты, как свечу, меня сожги, расплавь, — не стану
Я плакать, жалуясь, что я горю в огне.
Сказала ты: «Джами, ты посиди немного
В глуши забвения, тоскуя обо мне».
Сними же полог свой, чтоб на тебя смотрел я,
Чтоб тайну я берег в сердечной глубине,
И, лишь тебе одной все думы посвящая,
Вдали от всех забот, от мира в стороне,

Я сяду, загрущу, волнуясь и любя,
Мечтая о тебе, но втайне от тебя.

ТАРКИББАНД

2. НА СМЕРТЬ СЫНА

1

Какую боль мне причинил вращающийся небосвод!
Уничтожает он меня, он мне пощады не дает.
Велит мне жемчуг лить из глаз, отняв жемчужину мою:
Сафиуддина он унес, он жизнь мою, как нитку, рвет!
Земля жестокая в себе серебряный сокрыла стан.
Никак постигнуть не могу, что серебро в земле гниет.
Я кровью напитал свои дотоле зоркие глаза,
Я не хочу смотреть на мир, когда он в мире не живет.
Чем я порадую теперь свой угнетенный, скорбный ум?
Где радость моего ума, где радости моей оплот?
Разлука с мальчиком — огонь, во мне пылающий, как
стяг, —
О вздох мой, потуши огонь, что из груди моей растет!
О сердце, ты за вздохом вслед взлети на небо:
пусть в раю
Почувствует Сафиуддин тоску мою и боль мою.

2

Еще глаза мои тобой я не насытил в этот год,
Еще не слышал слов твоих, — был так внезапен твой
уход!
Еще ни одного плода ты с ветки жизни не сорвал,
Но смертью сорван ты уже, о юный цвет, о свежий плод!
Ни разу ты своей ногой не придавил и муравья.
За что же, слабенький, познал ты столько бедствий
и невзгод!
Мой мальчик, голову твою не брил ни разу брадобрей,
Но каждый волосок ее пронзил тебя мечом забот.
Зачем в твои уста судьба так много яду налила,
Когда еще ты не испил и капли из ее щедрот!
Дитя, ни одного куска еще твой рот не поглотил,
Но, чтобы поглотить тебя, сама земля разверзла рот,
Еще ни разу не пошли твои ножонки по земле, —
И на руках тебя несут, чтоб ты земли почуял гнет.
Седьмой десяток мне пошел, живу на свете я давно,
Но сердце в первый раз такой безмерной скорбью
пронзено.

Ты кровью приказал рыдать заплаканным глазам отца,
 Ты сердце разорвал мое, о сын мой, о бальзам отца!
 Сто раз ногтями мог бы я грудь разорвать, но не хотел
 Я в чистой вере брешь пробить и уничтожить храм отца.
 Пришла весна, и поднялись цветы и травы из земли, —
 О, встань, цветок мой, из земли, сочувствуя слезам отца!
 В обмен я б отдал жизнь свою, чтоб только

сохранить твою.

Когда бы внял жестокий мир настойчивым словам отца!
 Слеп я, как Якуб. Мой сын! О, если б ты, второй Юсуф,
 Вернул своей рубашкой свет погаснувшим очам отца!
 Пусть ворот жизни разорвут, как ворот розы, но шипы
 С твоей могилы пусть пронзят меня. Конец мечтам отца!
 Во сне увидел я, что ты ушел и мой покой унес.
 Вовек не сбыться бы таким тяжелым, черным сном отца!
 Кого спросить мне о тебе? С кем разделить печаль дано?
 Не знаю, что в душе твоей. В моей — пустыня.

В ней темно.

ГАЗЕЛИ

Не найти стройней тебя, как тебе известно.
 О, ничтожны мы, любя, как тебе известно!
 Роза! Ступишь ли на луч, сдвинется он с места,
 Поплывет, стыдясь себя, как тебе известно. . .
 Грудь блее серебра, в серебре упрятан
 Сердца твердого гранит, как тебе известно.
 Серна из тенет любви прынула обратно
 И свободу сохранит, как тебе известно!
 Косы длинные до пят — память о тенетах,
 Роза — тень любимых щек, как тебе известно. . .
 Блеск чела — мой ясный день, кудри — ночь и отдых,
 Черный мускус — лишь намек, как тебе известно! . .
 Вместе плоть и дух — твой гость, твой Джами —
 с тобою,
 Без тебя он — праха горсть, как тебе известно!

Ударь меня мечом сто раз в мгновенье —
 Не разобьешь связующие звенья.
 Ты говоришь: «Сильнее стану мучить».
 Зачем же так, небесное творенье?
 В мечтах вкушаю сладость поцелуя,
 Но нет, без дыма не сварить варенья.
 Мои зрачки — твоей красы жилище,
 Всем говорю, что человек есть зренье.
 Вот завиток волос дрожит близ уха,
 Длине другого нету измеренья.
 Сравнил бы с тыквой голову аскета —
 В обиде будет тыква за сравненье.
 Сгубив Джами, себя ты затруднила. . .
 Аллах тебе воздаст за это рвенья!

Ночью сыплю звезды слез без тебя, моя луна.
 Слезы света не дают, — ночь по-прежнему темна.
 До мозолей на губах я, безумный, целовал
 Наконечник той стрелы, что мне в сердце вонзена.
 Здесь, на улице твоей, гибли пленники любви, —
 Этот ветер — вздохи душ, пыль — телами взметена.
 Если вдруг в разлуке стал я о встрече говорить,
 То горячечный был бред, вовсе не моя вина!
 С той поры как ты шутя засучила рукава,
 Всюду вздохи, вопли, кровь, вся вселенная больна.
 О рубинах речи нет, нынче с цветом губ твоих
 Сравнивают алый цвет розы, шелка и вина.
 По душе себе Джами верования искал, —
 Все религии отверг, лишь любовь ему нужна.

В грудь проник этот яд, просто сил нет подчас,
 Щеки жаром горят, хоть и не до прикрас.
 От страданий любви тело чангу подобно,
 Лью с ресниц слезный град на подола атлас.

Выйди, милая, в сад: розы там в иступленье,
Разорвав свой наряд, распустились без нас,
Там тебя год подряд ждут сосна с кипарисом,
Через стену глядят, хоть и нет у них глаз. . .
Путь святоши — в мечеть, путь скитальца —
в пустыню.

А иным хоть бы в ад, лишь вина бы запас!
Я бы душу стократ продал за поцелуй,
Торговаться я рад, мой бесценный алмаз.
Ты ж с другим, и от ревности я умираю,
Умирают лишь раз, а Джами — каждый час.

7

Похитила ты яркость роз, жасминов белых диво,
Твой ротик — маленький бутон, но только говорливый.
Уж если ты не кипарис, друзьям скажу: насильно
Меня, как воду на лугу, к другим бы отвели вы!
Долина смерти — как цветник: спаленные тобою,
Ожогом, как тюльпан внутри, отмечены красиво.
Едва ли я настолько храбр, чтоб не были страшны мне
И завитки твоих волос, и смеха переливы.
Бродя в долине чар любви, чужбины не заметишь,
Никто там даже не вздохнет о доме сиротливо.
Начав описывать пушок над алой верхней губкой,
Бессильно опустил перо Джами красноречивый.

8

Серебряная шея, ланиты — два тюльпана
И каменное сердце, как сердце истукана.
Хоть изнуренным телом я от тебя далёко —
У милого порога душою постоянно.
Молю, будь осторожна, завязывая пояс, —
Не стерпит нежность кожи малейшего изъяна.
Как я пройти осмелюсь по улице заветной?
Бойтся даже ветер подуть там утром рано.
Ах, если б, опьянев, ты лежала без сознания —
Ступню поцеловал бы я с помощью обмана.
Чего Джами хотел бы? Попировать с любимой.
Но разве может нищий в чертог войти султана?

Не я один подвластен чарам красавиц городских,
 Красивое лицо — приманка для всех сердец людских.
 Где вестник? Ветер Ханаана, жду вести, как Якуб
 Ждал от Юсуфовой одежды прозренья глаз слепых!
 Красавицы, как и деревья, не схожи меж собой,
 Разумный женщин изучает, чтоб знать повадки их.
 Скажи писцу, чтоб не писал он всей правды о любви,
 Кто понесет такую тяжесть — груз горьких строк чужих!
 Ты строй сердце уже разбила, так не седлай коня
 И побежденных не преследуй, хоть конь тиранства лих.
 Бессонница мной овладела, сон от меня бежит,
 А был еще совсем недавно так безмятежно тих.
 Вчера услышал я, припавши к ее следам в пыли:
 «Ах, не пыли, Джамми, так сильно метлой ресниц твоих».

10

Одна любовь нас отрешает от суеты земной,
 Мук не вкусивший не вкушает и сладости иной.
 Любимая сулит нам горе, не ведая о том,
 Что всё обещанное ею — бальзам душе больной.
 К чему существованье солнца, когда ее лицо
 Мгновенно затмевает блеском неяркий свет дневной!
 В миг расставанья — без сознания на землю я упал, —
 Что, кроме забытья, могло бы в разлуке быть со мной?
 Я только пыль ее дороги, но хорошо и то,
 Что ветер не уносит пыли, проходит стороной.
 Когда умру — в багряный с желтым тюльпан я
 превращусь:
 Я плакал кровью и покрылся от желчи желтизной.
 Джамми потоком слез однажды к ней в сад был
 принесен...
 Что толку в мусоре, прибитом столь мутною волной?!

11

Кто весть красавице доставит о всех убитых ею
 И кто забывчивой напомнит о позабытых ею?
 Разлукой ранен я, Где пластырь, чтоб затянулась рана?

Я лишь свиданием с любимой отчаянье развею.
Цвет пурпура и жаркой крови — цвет славы и величья,
Обязан я слезам кровавым всей славою моею.
Своим глазам я благодарен за славу и за слезы,
Пусть в слезах утонут, если не стоят встречи с нею!
Мне год назад она сказала: «Жди будущего года»,
А в этом мне так худо стало, что прошлого жалею.
Не назовусь ее собакой, хотя бы ненадолго, —
На знамени ее державы позором быть не смею.
Страдания Джами увидев, сказал почтенный лекарь:
«Тут, кроме смерти, нет лекарства, помочь я не умею».

12

Аскет благочестивый, сбрось одежды лицемерья
И с чашею в руках скажи: «Ханжи, не ваш теперь я».
«Вкушай вино, пока землей твой череп не наполнен» —
На чаше начертал Кавус, и прав был в полной мере.
Пленительнее шелк волос от аромата амбры,
Да и павлину придают красу цветные перья.
Пульс у влюбленного считать — напрасная затея,
Лишь Авиценна оправдал болящего доверье.
Доколе властвовать луне? Открой лицо скорее.
Светильник мира устарел, как сумрак суеверья.
Ах, мы плохие торгаши и лишь себя позорим:
Бьем в барабан, когда несем огромные потери.
Джами, тебе не удалось припасть к руке любимой,
Так поцелуй хоть след ноги у недоступной двери.

13

По повеленью моему вращайся, вечный небосклон,
Ты отсветом заздравных чаш, как солнцем, будешь
озарен.
Найду я все, чего ищу. Я Рахша норов укрошу,
И будет мною приручен неукротимый конь времен.
Друг виночерпий, напои тюрчанку эту допьяна,
За все превратности судьбы сполна я буду отомщен.
Сладкоречивый соловей красивым станет, как павлин, —
Так хочет вещая Хума, ко мне попавшая в полон.

По вечерам сидим и пьем. И снова пить с утра начнем,
Блаженней это, чем, молясь, бить за поклонами поклон.
Джами как будто пил шербет, сладчайший рот им был
воспет,
И сладкогласый соловей был восхищен и вдохновлен.

14

О, если грозный ход времен разрушит этот скорбный дом,
Пусть все сокровища души навеки сохранятся в нем.
Когда ты видишь по утрам, как розовеет небосклон,
Знай, это глиняный сосуд, слегка окрашенный вином.
Аскет, твой череп мудреца не омрачает нам сердца,
Отнимешь чару — до конца мы будем черпать черепком.
Едва мы раскрываем рот, молва везде про нас идет:
У вздорных слухов нет границ. Беда, коль верить им
начнем.

Я эти четки — видит бог! — в кабак бы отдал под залог,
Сто зерен — за вина глоток, я чашу пью одним глотком.
Свеча Чигиля, пожалей, не жги, а добрый свет пролей,
Когда, о прелесть, вокруг тебя кружиться стану
мотыльком.

Джами, открой нам, не солги, где взял ты мускус кабарги,
Ведь разлилось от слов твоих благоухание кругом.

15

Бог только глину замесил, чтоб нас, людей, создать, —
А я уже тебя любил, стал трепетно желать.
Ты благодать с головы до ног, как будто вечный бог
Из вздоха создал облик твой, пленительную стать.
Под аркой выгнутых бровей твой лик луны светлей,
И свод мечети я отверг, стал лик твой созерцать.
Не веришь ты моей любви, хоть всё кругом в крови.
Знай, взоры тяжкие мои на всё кладут печать.
Умру я с просьбой на устах: смешай с землей мой прах,
Чтоб склепы бедных жертв твоих надежно устлать.
Убей меня! Пусть хлынет кровь, окрасив твой ковер,
Ведь скоро дней моих ковер судьбе дано скатать.
Зачем мне рай в загробной мгле? Есть радость на земле.
Рай для Джами там, где тебя он сможет увидеть.

Булыжник улицы твоей, где я упал во прах,
 Дороже сердцу моему престола в двух мирах.
 Ты выйди, косу распустив, и станет амброй пыль,
 В которой я лежу ничком с мольбою на устах.
 Жизнь — это нить, ей суждено соединить людей,
 Но жаль, что сделал эту нить короткою аллах.
 Взгляни же, пери, пусть хоть раз сиянье глаз твоих
 Свет веры, истины огонь зажжет в моих глазах.
 Я заронил в тебе давно своей любви зерно,
 Еще не показался всход, а я ослеп в слезах.
 Я кровью начертал газель и лентой обвязал,
 Я посылаю свиток свой, испытывая страх.
 Взгляни, что написал Джами, прочти мою газель,
 Почувствуй боль в скупых словах, печаль в ее строках.

Моя любовь к тебе — мой храм, но вот беда:
 Лежит через пески укоров путь туда.
 Где обитаешь ты, там — населенный город,
 А остальные все пустынный города.
 Взгляни же на меня, подай мне весть, и буду
 Я счастлив даже в день последнего суда.
 Ведь если верим мы в великодушье кравчих,
 Вино для нас течет, как полая вода.
 Смолкает муэдзин, он забывает долг свой,
 Когда приходишь ты, чиста и молода.
 Что написал Джами, не по тебе тоскуя,
 Слезами по тебе он смоев навсегда.

Желанная моя, могу сказать я смело:
 Из вещества души твое слепили тело.
 Душой твоей живой пахнуло на меня
 От платья, что лишь раз на плечи ты надела.
 Что стало бы со мной при виде плеч твоих?
 Я платье увидал — душа оцепенела.
 Нежны цветы, но есть их нежности предел,

На свете лишь твоей нет нежности предела.
Всего лишь раз один я слышал голос твой:
Ты говорила мне, не говорила — пела.
Твой голос до сих пор звучит в моих ушах,
С ним даже в черный день всё предо мною бело.
И всё ж заветных слов не услышал Джамии, —
Хоть отдал всё тебе, душа его сгорела.

19

Как взгляд твой сверкает, как искрится локон крутой!
Моя лунолика, как хороша ты собой!
Воспеты поэтами родинки на подбородке,
А я воспеваю твою, что над верхней губой.
Нет большего блага, как ждать от тебя милосердья,
Вздыхать и рыдать, и повсюду идти за тобой.
О пери моя тонкостанная, стан твой походит
На стройную пальму, сулящую плод неземной.
Когда тебя нету, темно мне не только средь ночи,
Коль нету тебя, я и в полдень хожу как слепой.
Наука любви недоступна глупцам и невеждам,
Я эту науку постиг, но не выиграл бой.
Джамии, как собака, у двери твоей притаился,
Я славлю свой жребий, — он мне предначертан
судьбой.

20

Не медли, кравчий! В тягость ожиданье.
Играй, мутриб! Не время для молчанья.
Слух к чангу устремил, к любимой — взор,
Святоши пусть оставят назиданья.
Я счастья и покоя не ищу:
Для любящих отрадно и страданье.
Любимые пускают стрелы в нас,
Но эта боль для нас — не наказанье.
Жестокость милых — меч, и ты мечом
Касаешься меня, и то благодеянье.
Способность в малом счастье находить —
Мне свойственно такое дарованье.

Порой мы в тех, кто близок, не найдем
Сочувствия к себе и пониманья.
Свиданья с милой не ищи, Джами,
Не спорь, прими судьбы предначертанье.

21

«Пей, пей до дна!» — на пиршестве страданья я слышу
крик.

В смятенье сердце, в обмороке разум, и дух поник.
Хотя, как сахар, сладки два рубина — твои уста,
В сердца влюбленных ты вонзила жало, в них яд проник.
Из-за любви к тебе я так пылаю, что кровь кипит,
И вот из глаз моих кровавый, жаркий бежит родник.
Нужна ли с шахского плеча одежда тому, кто стал
Твоим рабом и кто одежду рабства носить привык?
В конце концов умру от горя, если не обниму
Тебя, из-за которой я впервые любовь постиг.
Ты шла мимо меня, и что-то пела ты про себя, —
Давно то было, но храню я в сердце чудесный миг.
Джами, как скроешь от людей сказанье любви своей?
Всё выскажет, хотя язык безмолвен, смятенный лик!

22

Твой облик жизнь мою испортил, ты подожгла мое гумно.
Лишь родинка к тебе слетела, как обгоревшее зерно.
Из глаз моих ушел твой облик, — как слезы, что ушли
из глаз.
И только родинка чернеет, — вот почему в глазах черно.
То поднимаешься на крышу, то приближаешься к окну,
Вот почему смотрю на крышу, всегда смотрю к тебе
в окно.
Хотя и скрыла под рубашкой ты тело девичье свое, —
Твоя рубашка скрыть не в силах, как целомудренно оно.
Я ночью прикоснулся тайно своим лицом к твоим
ногам, —
От слез моих образовалось на них кровавое пятно.

На крыше у тебя, как птица, моя недвижная душа,
А сердце — у тебя в тенетах, оно разлукой пронзено.
Я говорю: «Конец мой близок. Приди ко мне!»

А ты — в ответ:
«Джами, лишь то прекрасно дело, что до конца доведено».

23

Кого это мы обвиняем в лукавстве, в обмане?
Шалунья, ужель не исполнишь ты наших желаний?
Твой стан — как жестокий упрек кипарисам и пальмам,
Лицом своим ты посрамила цветы на поляне.
Пригубила кубок, вино стало крепче, хмельнее,
Отсюда — безумье веселых и пьяных собраний.
«Отдай!» и «Возьми!» — всюду слышатся возгласы эти,
Становимся радостней мы от таких восклицаний.
Ты можешь меня отравить, но твоя благосклонность
Да будет кормилицей мне, — умоляю заранее!
О, если взаправду есть Хызра источник священный,
То он — твои губы: они выше всех описаний!
Зачем, Хорасан покидая, мы в Мекку стремимся?
Святыню свою, о Джами, ты нашел в Туркестане!

24

Тюльпан без розоликой — порок в нашем сердце.
Боль о тебе — тюльпана цветок в нашем сердце.
Повсюду — в каплях крови — пылают тюльпаны,
Кипит кровавой скорби поток в нашем сердце.
Перед твоим порогом — как прах, сердце наше,
А грусть переступила порог в нашем сердце.
Покрылась пеплом арка бровей твоих черных, —
Известно мне, кто пламя зажег в нашем сердце!
О, я сгореть согласен от пламени страсти, —
Как мускус, мне желанен ожог в нашем сердце!
Что проповедь святая в сравненье со стоном,
Который так печален, глубок в нашем сердце!
Джами, сей мир стремится от мук нас избавить,
Зачем же слышен миру упрек в нашем сердце?

Из-за чьих я губ-рубинов жемчуг слез из глаз роняю?
 Из-за чьих ланит румяных кровью жемчуг наполняю?
 Ежедневно я стенаю возле твоего порога, —
 Хоть бы раз на крышу вышла посмотреть, как я стенаю!
 Многие живут, надеясь хоть во сне тебя увидеть, —
 Где счастливцев тот, что видит наяву тебя, не знаю!
 Кто в мою заглянет душу, тот поймет причину горя,
 Хоть тебя не называю, в тайне имя сохраняю.
 Улица твоя повсюду кровью залита, — так выйди,
 Посмотри: не я ли ранен и свой жребий проклиная?
 Края нет моей печали, — о, взгляни хоть краем глаза,
 Чтоб узнать: печаль откуда? О, взгляни, я заклинаю!
 С именем Джамии не надо исполнять газель: боюсь я —
 Неприятно ей, что это я газели сочиняю!

Я восхищен шалунией озорною, — не назову ее.
 Пусть буду я пронзен стрелой стальной, — не назову ее.
 Я, как свеча, из-за разлуки с нею и таю и горю,
 Пусть я сгорю, сокрытый мглой ночью, — не назову ее.
 Вокруг меня бушуют волны: это — потоки слез моих.
 Жемчужину мне принесло волною, — не назову ее.
 Я видел многих тонкостанных, стройных,
 затмивших кипарис,
 Но я пленен одною, лишь одною, — не назову ее!
 Я видел многих нежных и прелестных, но в мире
 лишь одна
 Моим владеет сердцем и душою, — не назову ее.
 Познал я горечь из-за сладкоустой, но что же
 делать мне, —
 Не смолкнет мир, пока я не открою, не назову ее!
 Ты говоришь мне так: «Джамии неверен, мне от него беда»,
 Не думай, что не знаюсь я с бедою, — не назову ее!

Узкой келье я просторность кабака предпочитаю,
 Утренней молитве — ругань голяка предпочитаю.
 Леденец, в руке зажатый ринда — пьяного гуляки,
 Четкам важного, святого старика предпочитаю.

Стража нравственности надо напоить вином отменным:
Опьяненного — всем трезвым — дурака предпочитаю.
На собрание многолюдном о любви шуметь не нужно:
Сень забытого, глухого уголка предпочитаю.
Хорошо сказал безумец: «Ты влюблен? Так стань
безумцем», —
Всем страстям я страсть безумца-смельчака
предпочитаю!
К дому твоему отныне как чужак приду я, ибо
Ты сказала: «Я знакомцу чужака предпочитаю!»
Скрыл Джамии свои страданья посреди развалин
сердца, —
Для страданий пыль такого тайника предпочитаю.

28

О свежем воздухе лугов, садов желанных — вновь
мечтаю.
О кипарисе молодом и о тюльпанах вновь мечтаю.
О ветер, для чего несешь ты мне цветов
благоуханье, —
Об одеяниях ее благоуханных вновь мечтаю.
Я клятву дал: не буду пить. Пришла весна.
О кравчий, где ты?
Освободи меня от клятв: о счастье пьяных —
вновь мечтаю.
Мне добрых слов не говоришь? Хоть непотребные
скажи мне:
Давно я жду твоих речей, о долгожданных —
вновь мечтаю.
Кто я, чтобы к тебе прийти на пир? — Я только
издалёка
Смотреть на пир и на гостей, тобою званных, —
вновь мечтаю.
Пусть лучше без тебя умру, когда подумаю
в смятенье,
Что жить хочу я без тебя: о новых ранах — вновь
мечтаю!
Джами, не думай о губах возлюбленной, оставь моленья:
Мол, слово услышать одно из уст румяных —
вновь мечтаю!

От женщин верности доселе я не видел,
 От них лишь горести — веселий я не видел.
 Меня не видя, так меня терзает злая,
 Что плачу: злость ее ужели я не видел?
 Так много волшебства в ее глазах прекрасных,
 Какого и в глазах газели я не видел.
 К чему ей говорить, что я скорблю всем сердцем?
 Чтоб луноликие скорбели — я не видел.
 Пусть плачет только тот, кто мне сказал: «Чтоб слезы,
 Струясь из ваших глаз, кипели, — я не видел!»
 Как мне расстаться с ней? Мы с ней — душа и тело,
 А жизни без души нет в теле, — я не видел!
 Любовь — недуг, но как избавимся от боли?
 Джамии сказал: «Лекарств и зелий я не видел!»

Вот и праздник настал, а нигде ликования нет, —
 Только в сердце моем, хоть ему врачевания нет.
 Разве праздничный дар поднести я отважусь тебе?
 Для меня, признаюсь, тяжелей испытания нет.
 Путных слов не найду, и в смущенье лишь имя твое
 Бормочу, бормочу, — толку в том бормотании нет.
 Не Хосрову мечтать о Ширин: лишь Фархаду дана
 Той любви чистота, в коей жажды слияния нет.
 Как злодейка тебя ни изранит, терпи и молчи:
 Нежносердна она, не выносит стенания, нет!
 Вижу я, горячо в дерзком сердце клокочет любовь,
 Но основа слаба — значит, прочности здания нет.
 Пал ей в ноги с мольбою Джамии — и услышал в ответ:
 «Символ веры наш, знай: в красоте сострадания нет!»

Газели, тебе подобной, клянусь, и в Китае нет!
 Да что там! Нигде на свете такой, я считаю, нет!
 Красавцев, не затавренных тавром твоей красоты,
 Во всем этом брэнном мире, увы, не встречаю, нет!

Фиалки цветут, курчавясь, подобно твоим кудрям,
В жасминах такого сходства я не замечаю, нет!
Придиры твердят, что всё же заметны твои уста,
Иные меж тем в сомненье, а я отвечаю: нет!
Не может пчела не жаждать нектара, пока жива, —
Я губ твоих страстно жажду, их меда не зная, нет!
Что проку в рубище пестром, угрюмый ханжа-аскет?
Любви ты не знал! Такого греха не прощаю, нет!
С чужими связалась ныне ты, видно, назло Джами.
Душа моя, это ль дружбы дорога святая? Нет!

32

В слезах и стенаньях, с тобой разлученный, подруга моя,
Живу, бытием я своим возмущенный, подруга моя!
Я к чарам красавиц других равнодушным,
бесчувственным был,
Твоей красотой колдовской обольщенный, подруга моя!
В день соединенья жестокую повесть прочту я тебе
О муке разлуки, что терпит влюбленный, подруга моя!
Лишь предвосхищаю свиданье с тобой, но уже мой язык
Немеет, столь дерзкой мечтою смущенный, подруга моя!
Спросила: «А что в твоём сердце, когда ты страдаешь
по мне?»
— «В нём ужас отчаянья неукротенный, подруга моя!»
Швырнуть я готов тебе под ноги подол, лобзая подол, —
Мой вопль не отвергни, к тебе обращенный, подруга моя!
Прилечь головой на порог твой так счастлив
смиранный Джами,
Как преданный пес, госпожою прощенный, подруга моя!

33

В другом обличии тебя я снова вижу:
Красивей стала ты, чем в дни былого, вижу.
Нераспустившимся тебя я знал бутонем,
Но стала розой ты пышно-пунцовой, вижу.
Твой стан по тонкости незрим, но я, на счастье,
Колечко пояса его цветного вижу.

Ты не пришла вдохнуть в меня живую душу,
И я тебя в конце пути земного вижу.
Ведь жизнь окончилась в тот час, как мы
расстались.

Всех неудач своих теперь основу вижу.
Коль долетит к тебе мой стон-стрела, не бойся:
Щит верных душ прочней щита стального, вижу.
Чей кубок осушил Джами, что позабыл он
И этот мир и тот в чаду хмельного, — вижу!

34

Ты друга старого не хочешь вспомнить. Что ж!
Поздравить рад, коль ты по-новому живешь.
Теперь тебе ничей не слышен стон.
Что плакаться? Тебя слезами не проймешь!
Я счастлив быть твоим безропотным рабом,
Избавясь наконец от участи вельмож.
Мне ангелом тебя пристало называть:
Кто между смертными так ангельски хорош?!
Коль за любимую ты жизнь отдать готов,
Хоть с ней сближения заведомо не ждешь,
То сладость истинной, блаженнейшей любви
В недостижимости слиянья обретешь.
Хотя Хосров горел тоскою по Ширин,
Его судьбе судьбу Фархада предпочтешь.
Над лугом верности порхал и пел Джами, —
Как в сети горя он попался, не поймешь!

35

Рот твой нежный улыбнулся, зубы-жемчуг показал
И зубами узел горя мне на сердце развязал.
Твой округлый подбородок — шар точеный для човгана,
На майдане обаянья шар твоей добычей стал.
Так зашей мне ворот сердца, порванный рукой разлуки,
Чтобы швом на том разрыве шелк волос твоих блистал.
Всяк пожнет, что сам посеет; только мне во всем
злосчастье!

Сеял я любовь и верность — боль и бедствия пожал.
К своему живому взгляду я с утра тебя ревную,
Ведь вчера во сне глубоком он твой образ созерцал.

О, к тебе, как Нил к Египту, слез моих поток стремится,
Омывая лишь обрывы безотзывных мертвых скал.
Износил Джамии подошвы, по следам твоим блуждая,
Но к стопам твоим устами он ни разу не припал.

36

Сидящие в питейном доме в сердечной радости живут,
От наваждения мечети и ханаки они бегут.
Они покровы благочестья, как мы одежду, разорвали,
На покаянные обеты и на фетву они плюют.
Нам горе — друг, беда — приятель, отчаяние —
наш наперсник.
Эй, сердце, где ты? Что ты медлишь? Ведь все гуляки
в сборе тут.
Пройди возле дверей кумирни, откинув локоны густые!
Те, кто лицо твое увидят, перед кумиром не падут.
Но если пьяницы из кубков вино на землю разливают,
То ведь глаза твои, пьянея, не кровь ли сердца разольют?
Что толковать о райском древе и лгать
о лотосе небесном?
С твоим высоким стройным станом они
в сравненье не идут.
Джамии, святилище Каабы — не место для любого сброда.
Будь тем доволен, что открыта дверь в этот храм,
в котором пьют.

37

Я сердцем к кипарису устремлен,
Достоинств полн — лишен изъянов он,
И лицемерную его несправедливость
Лишь я один сносить был осужден.
Его улыбка сердце убивала,
И сердцу вслед мой дух стремился вон.
Излил вино рубиновое в кубок
Кувшин, устами-лалами смущен.
Суфий, святой порог ее увидя,

Стал рваться в рай — и рай был лишен.
Безумец рад болезни: ждет, что будет,
Айвою подбородка исцелен.
Разбил шатер вблизи шатров кумира
Джами, безумьем страсти опален.

38

Когда измученный разлукой тюльпану в чашу
бросит взгляд,
Наполнят чашу ветер холодный и слезы тяжкие, как град.
Ты слышишь странный звук ударов врубающегося
в утесы, —
То недра гор стенают, видя, как сердцем
изнемог Фархад.
Глаза стремятся за тобою, за ними — сердце;
но — о боже! —
Пусть стражи ночи толпам праздным к тебе
дорогу преградят!
Я лик твой, мушком отененный, сравню
с луною двухнедельной,
Коль небеса луну таким же прозрачным мушком отенят.
Как некогда вода живая бессмертье даровала Хызру,
Жизнедарят твои рубины умершего сто лет назад.
Любовь живая невозможна без лицемерия любимой,
А бедный разум наш и вера так мало сердцу говорят.
Не внемля клевете презренной, Джами неколебим душою,
Ведь словеса тельца золотого Мусу с пути не совратят!

39

Попугай об индийских страстях говорит,
А душа о прекрасных устах говорит.
Намекает на эти уста, кто в стихах
Об источнике в райских садах говорит.
Держит сторону нашу теперь мой кумир,
С небреженьем о наших врагах говорит.
Взгляд ее, словно два обнаженных меча,
Но она о спасенье в мечтах говорит.
К песне ная прислушайся, странник, — о чем
Он, стеная в ночах, на пирах говорит.

Он, рыдая, о муках разлуки поет,
Он о сладких, как сахар, губах говорит.
Чтоб Джами уничтожить, не нужно меча, —
Твой прищур мне о стольких смертях говорит.

40

Жду всю ночь нетерпеливо, что ко мне луна идет.
Мне при каждом стуке в двери кажется: она идет!
Внемля песне заунывной, лью рубиновые слезы;
Так вот кровь из вены вскрытой, как рубин красна, идет.
От сердечного горенья я в горячке, в лихорадке.
Мне на смену мукам яви бред больного сна идет.
Побывать еще хоть раз бы в том далеком переулке,
Где кумир мой на прогулке, как в садах весна, идет.
Пусть мне будет изголовьем камень твоего порога,
Пусть в руке, занесшей камень, смерть ко мне, грозна,
идет.

Хоть в руке прекрасна роза, но несорванная лучше,
Цветников ей потаенных мир и тишина идет.
Искандар великий умер, не достигши влаги жизни,
Лишь проложенная Хызром к ней тропа одна идет.
Лалы уст жизнедарящих для Джами недостижимы,
Кровь его из хума сердца, как струя вина, идет.

41

Когда из праха моего трава кровавая взойдет,
Зеленый верности листок на каждом стебле развернет.
Главу к зениту, как огонь, в надменности не подымай,
Сердце, сгоревших в том огне, намного выше дым встает.
Я власть теряю над собой, своим безумьем опьянен,
Лишь легкий звук твоих шагов до слуха моего дойдет.
Прислушайся — то не дервиш на темной улице кричит,
То голос мой взывает: «Дод!» — на помощь
гибнущий зовет.

У странника я на глаза наворачываюсь, как слеза,
Расспрашиваю: «Где она? Ну как любовь моя живет?»

Пусть лекарь книгу развернет, прочтет советы мудрецов;
Он от безумья моего лекарства в книге не найдет.
О, сколько должен ты, Джами, пролить еще кровавых
слез,
Пока безмолвный твой кумир покой души тебе вернет!

42

В пятерне страданий сердце изошло немой тоской. . .
Этих кос, как струн дутара, не коснуться мне рукой.
За одно лишь слово мира я отдам тебе всю душу,
Хоть бедой военной дышит твой неверный мир со мной.
В море мук омыл я руки, смыл с ладоней след надежды,
Рвался к счастью и увидел бездну пасти роковой.
Сердца кровь в глазах — не слезы, словно каплет
сок гранатный:

Из-за уст твоих гранатных, видно, цвет у слез такой.
Обо мне бояться вспомнить гости, сев перед тобою;
Разве шах боится мата, правя шахматной доской?
Я упал во прах, побитый градом каменным упреков,
Я убит враждою низких и льстецов твоих толпой.
О Джами, как больно сердцу, так оно набухло кровью,
Что готово разорваться, как бутон цветка весной!

43

Дом на улице твоей я хочу приобрести,
Чтобы повод был всегда близ дверей твоих пройти.
Сердце вынул, если б мог, бросил бы на твой порог,
Чтоб для стрел своих мишень рядом ты могла найти.
Не хочу держать бразды и тобой повелевать,
Лучше ты удар камчи мне на плечи опусти.
Адским пламенем грозит проповедник городской,
Ад любви моей страшней: от него нельзя спасти.
О Юсуфе, о его красоте смолкает быль,
Стоит людям о тебе речь живую завести.
Блеск воды твоих ланит, родинки твоей зерно
Приоткрой, к зерну с водой птицу сердца подпусти.
Да, Джами пусть будет псом, но не у любых дверей, —
У порога твоего пусть покоится в чести.

Красавиц верных восхваляют, стремятся к ним
 со всех сторон,
 А я жестоким бессердечьем своих кумиров покорен.
 Стремлюсь кровоточащим сердцем я только к тем,
 чье ремесло —
 Надменность, дерзость, прихотливость, их слово
 для меня закон.
 Я прихожу к каменносердой, я душу приношу ей в дар,
 Хотя уверен я, что буду мечом красавицы пронзен.
 В ее покой вступает каждый, кто родовит, могуч, богат,
 Лишь тот войти в покой не смеет, кто всей душой
 в нее влюблен.
 Пронзи меня стрелой: я ранен, но мне твоя стрела —
 бальзам,
 А нож врача мне не поможет, врачом не буду исцелен.
 Твоя стрела от ран разлуки навеки вылечит меня, —
 О, как прекрасна сталь, что властно исторгнет
 мой последний стон!
 Джамии в тоске нашел подкову с копыта твоего коня, —
 Да будет раб печатью рабства подковой этой заклею!

Что за дерзкая тюрчанка! Посмотри: она пьяна!
 Полонила целый город и домой идет одна,
 А за ней идут безумцы многотысячной толпой,
 И толпа влюбленных грешной красотой ослеплена.
 У меня душа из тела к родинке ее летит, —
 Словно птица, что на воле хочет вкусного зерна.
 Мне терпенье не знакомо, но с мученьем я знаком, —
 Тяжесть этого знакомства мне надолго ль суждена?
 Та свеча, что твердо знает, как страдает мотылек,
 Ни за что среди влюбленных загореться не должна!
 Жаждет верующий рая, а подруги — верный друг,
 Филин грезит о руинах, роза соловью нужна.
 Соглядатаи-святоши, что вам надо от Джамии?
 Только в том вина поэта, что возжаждал он вина!

Друзья, в силках любви я должен вновь томиться!
 Та, что владеет мной, — поверьте! — кровопийца!
 К ней полетела вдруг душа, покинув тело, —
 Из клетки выпорхнув, в цветник попала птица.
 Товару каждому — свой покупатель всюду:
 Стремимся мы к беде, святой к добру стремится.
 Увы, в ее покой пробрался мой соперник, —
 Так с розою шипу дано соединиться!
 Мы знаем: простака опутает мошенник, —
 Мой ум опутала кудрями чаровница!
 Закрыв глаза, во сне я лик ее увидел:
 Что видит наяву другой, — мне только снится.
 Джамы, ты терпишь гнет владычицы покорно,
 Но где же твоему терпению граница?

Сказало сердце: «Ты для нас беда».
 А сердце правду говорит всегда.
 Для наших глаз целебной будет пыль,
 Где очертанье твоего следа.
 Спросил я: «Исцелюсь ли без нее?»
 А люди мне сказали: «Никогда!»
 Спросил я: «Что таят уста твои?»
 Она: «В них животворная вода!»
 Сказала то, что втайне знал давно:
 «Убила бы тебя, да жаль труда!»
 — «Но все ж убей меня!» Она в ответ:
 «Ничтожен ты, — сгорю я от стыда!»
 — «Я все года мечтаю о тебе», —
 Джамы твердит об этом все года.

Ужели бог не знал, твой облик создавая,
 Что ты для душ людских — беда и боль живая?
 Хотели на небе создать твое подобье, —
 И небожители взрастили древо райа.

Из капель облака господней благодати
Сотворены уста и прелесть их земная.
Убийственны твои чарующие взоры,
Ты стрелами ресниц грозишь, сердца пронзая.
Жемчужин-слез у ног твоих я много пролил, —
Что ни жемчужина, то крупная, большая.
В ристалища глаза влюбленных превращались,
Когда наездница скакала молодая.
Уже решил Джамии не кланяться кумирам,
Но пал перед тобой, тебя благословляя.

49

Кто она, из-за которой разум всех людей погас?
Целый город обезумел из-за этих темных глаз!
Не успело загореться, как свеча, ее лицо, —
Птицы стали мотыльками, и сгорят они сейчас!
Лишь пригубила немного чашу, полную вина, —
Налетели мы, как мухи, эта чаша манит нас.
Каждый, кто хотел бы слово произнести о страсти к ней,
Стал владыкой всех красавиц, речь его для них — приказ.
Для чего зрочки мне, если у меня в глазах живет
Та, из-за которой слепну, та, чей лик меня потряс?
Если кудри луноликой мне погладить не дано —
С гребешка один лишь волос пусть подарит мне хоть раз.
Господин, прошу, не слушай то, что говорит Джамии, —
Многих, многих сном смертельным усыпил его рассказ!

50

Осень... Осыпались всюду листья винограда...
Так же и в жизни людской есть пора листопада.
Стал золотоцветным зеленый ковер, и готов он
Вскоре принять серебро из небесного клада.
Сад приумолк... Если слышим глаголы, предлоги,
То назовем их предлогами бегства из сада.
Жить перестала трава до весны; спят деревья, —
До воскресенья из мертвых им выспаться надо.
Ныне повсюду колючки свои разбросали
Розы, в которых недавно была нам отрада.

Лишь кипарису несчастье цветов незнакомо:
Он, кипарис, не боится ни ветра, ни града.
Пусть же и он свои листья рассыплет, — я знаю,
Скоро из острых колючек весна будет рада
Новую завязь извлечь, — так, Джамии, ты из сердца
Острые мысли извлек, ибо в этом награда!

51

Ты солнца и луны красивей и милей,
В любви тебе равны бедняк и богатей.
Кто от любви к тебе нас, грешных, защитит,
Когда твоим слугой стал государь царей?
Не делай так, чтоб я повинен был в грехе:
Готов и без вины погибнуть, как злодей!
Вчера, томна, стройна, прошла ты мимо нас,
Но так и не взглянув на страждущих людей.
Надев свой пояс, меня повергнешь в прах, —
Так тюбетейку сдвинь, чтоб умер я скорей!
Пришла — и улице глухой дала ты свет,
И без мечети нам, без ханаки — светлей!
Когда же на глаза Джамии наступишь ты?
Они всего лишь пыль, пыль под ногой твоей!

52

Пришла весна, а ты в пути, ты не со мной по-прежнему,
Смеется сад, мои ж глаза полны росой по-прежнему.
Пусть веткам роз уж не грозит студёный зимний ветер,
Но их цветам мой горький вздох грозит бедой
по-прежнему.
Пусть на кустах свежа листва — что мне за радость
в этом?
Тебя, о деревце мое, я жду с тоской по-прежнему.
Откуда этот аромат? Ведь нет желанной розы.
Когда же будешь ты в саду гулять весной по-прежнему?
Что кипарис и роза мне? О стане-кипарисе
И о ланитах-розах я томлюсь душой по-прежнему.

Пусть не любят глаза пионом и нарциссом, —
Свет и отраду глаз моих я жду домой по-прежнему.
Среди смеющихся цветов Джамии — тюльпан багряный:
Он тонет в собственной крови, он пленник твой
по-прежнему.

53

Померк рассудок. Сердце, плачь,
ты — колокольчика рыданье,
Ведь караван моих надежд уходит в дальнее скитанье.
Любимая! Моя душа, как птица без воды и зерен,
Без щек и родинок твоих обречена на умиранье.
Да, роза на земле растет, а на граните — куст колючий;
Любовью чистой я горю, а ты сулишь одно терзанье.
Ты страсть к сопернику таишь, я ж без тебя
дышать не в силах,
Ведь это ты — моя душа: где нет души, там нет дыханья.
Когда бы сети паука слабы, как это тело, были,
Могло бы их легко порвать мушиных крыльев трепетанье.
Так ослабел я, что тебя мой стон и вздох
достичь не могут,
Но знай, что их причина — ты. Явись же на мое стенанье.
Одну лишь букву, о Джамии, ты на дверях ее оставил,
Но, если дом не опустел, она поймет твое признание.

54

Ты вдела две серьги — два искрометных лала,
Лицо меж этих звезд луною засияло.
Лал у тебя в ушах и на моих ресницах:
От лалов губ твоих слеза багряной стала.
Два лала — две серьги — в твоих ушах сверкают,
От блеска их лучей душа затрепетала.
Два лала — две слезы — в моих глазах застыли,
И эти лалы — кровь, что в сердце запылала.
Но жемчугом зубов ты лалы губ закусишь,
Чуть стану их молить о милости хоть малой.
На лалы этих уст любясь с восхищеньем,
Забыл бы про Ширин герой, дробящий скалы.
Ах, вместо лалов губ, Джамии, тебе придется
Из сердца своего взять лалы крови алой.

Иной себялюбивый шейх, что благочестьем знаменит,
 Не святость в глубине души, а ложь и ханжество таит.
 Пускай он мнит, что лучше всех святые таинства

познал,

Их смысл с начала до конца от разума его сокрыт.
 Завоевать стремится он сердца доверчивой толпы,
 Зато навеки от себя сердца достойных отвратит.
 Он расставляет сети лжи, но помешай ему, аллах,
 Иначе наше счастье он, как птицу, в клетку заточит.
 А нищий старец — как он мудр! Пир для души —

беседа с ним,

Из чаши святости своей он и пророков напоит.
 Из книги выгод и заслуг он имя вычеркнул свое,
 Зато тетрадь его души немало добрых дел хранит.
 Джамы, бессмысленным скотом пускай считает разум

твой

Того, кто мудрецов таких не чтит и не благодарит.

Прах целуют венценосцы, где прошла она, дерзка.
 На несчастного не бросит взгляда даже высоко.
 Не стремлюсь занять я место рядом с ней,

с меня довольно,

Что могу ее порою увидеть издалека.

Пусть с земною оболочкой распрощусь и лягу прахом
 На любой большой дороге, где идут ее войска.

У того, кто угасает от любви к пушке над губкой,
 В Судный день — в посланье черном — будет слава

велика.

Сад красавицы жестокой вырос на крови невинных.

Нет в нем верности и чувства ни единого листка.

Справедливости напрасно я ищу у луноликой, —

Справедливости не ищут у царя, чья власть тяжка.

Ты решишь: Джамы навеки жизни улицу покинул,

Ибо стон его не слышен и молчит его тоска.

Я письмо твое священным талисманом называю,
 От беды листом охранным, сердцу данным, называю.
 Точку над любою буквой — родинки над верхней губкой
 Точным я изображеньем беспрестанно называю.
 То письмо, что кровью сердца на белках зрачки напишут,
 Без запинок я читаю и желанным называю.
 Называю я бальзамом вожделенное посланье —
 Тем бальзамом, что так нужен скрытым ранам, называю.
 Я письмо за строчкой строчку то целую, то читаю,
 И наперсником сердечным, постоянным называю.
 Светлых слез исток — посланье улыбающейся розы,
 И его я ароматом несказанным называю.
 Мне твердят: «Джами, доколе на письмо молиться
 будешь?»
 Но его я талисманом долгожданным называю.

Горе грозит мне с одной стороны, гибель —
 с другой стороны.
 Опреди их — отступят они, светом твоим сражены.
 Глупо на диспут философов звать и о любви трактовать
 С теми, кто чувства живой красоты, света любви лишены.
 Мекка моя — твой заветный порог, брови твои —
 мой михраб.
 Тщетны молитвы, коль верой они чистой не озарены.
 Я разрываю рубаху свою и превращаю в кабу,
 Ибо кумир мой в парчовой кабе ходит, как роза весны.
 Я поклоняюсь одной красоте, верю в одну красоту!
 Толпы хулителей веру мою поколебать не вольны.
 Сердце — вместилище давних скорбей, сердце —
 жилище любви;
 Так снизойди! Милосердья дары в тебе лишь воплощены!
 Ночью вчера в кабаке на Джамии Джама сошла
 благодать.
 Чашу пригубила ты, и глотки сладостью стали полны.

Выйди, о роза, из-за завесы бутона.
 Чу, соловей изнемог от рыданий и стона.
 Больше не медли, приблизилось время свиданья,
 Видишь — от страсти сгорел безнадежно влюбленный.
 С чашей вина, как с тюльпаном в руке, я спустился,
 Жаждою сердца влеком, в вертоград мой зеленый.
 Так я рыдал о тебе, что зардели, как розы,
 Полы кабы моей, каплями слез орошенной.
 Так я взывал, что все птицы, окрест отзываясь,
 Свистом и шумом наполнили сад всполошенный.
 Песне о том кипарисе в кудрях-гиацинтах
 Молча внимал кипарис, гиацинт изумленный.
 Смолкли напевы Джами на устах у мутриба.
 Плача, забулькала над чашей кувшин наклоненный.

Ты, смеясь, мне сказала: «Глазами коснись моих ног».
 Тру глаза я спросонья: «Мой сон ты продли, о мой бог!»
 Одинокий, в тоске, кровь из глаз я ручьем источаю.
 Сядь над этим ручьем. Ты ведь тоже в тоске одинок.
 На губе твоей тонкий пушок; будто прячась от зноя,
 Круг дервишей присел, опустив свои ноги в поток.
 След колен заметён, где тебе я в пути поклонялся.
 От стыда моей страсти я скрылся б навек, если б мог.
 Как стереть мне магический знак этой страсти? Навеки
 Даль двойной твоих локонов в летопись глаз моих лег.
 Сжечь вчера захотела свеча мотылька на пирушке, —
 Снять нагар со свечи он хотел, превратясь в уголек.
 Как огня мотылек, ждет Джами огневого лобзанья,
 Лал твой сладостный просьбу услышал, — ответ недалек.

Я увидал тебя, и воле рассудка не внимает сердце,
 Хоть, сделав волей своенравье, само изнемогает сердце.
 Подобно финиковой пальме, я вырастил мою надежду.
 Но этой пальмы плод — не радость. О, как он
угнетает сердце!

Твои глаза — степные тюрки; им брови — лук,
ресницы — стрелы.
И каждый выстрел им — удача, и стрелы мне
пронзают сердце.
Сгорело сердце, в нем остался стрелы
булатный наконечник.
Вот это настоящий выстрел, что насмерть
убивает сердце!
Гнетет мне сердце век жестокий; тебе его я поручаю.
Пусть та рука, что убивала, сегодня утешает сердце.
Ты не дала мне утешенья, покой души,
как вихрь, умчала.
Не тот был договор сначала. О, как всё это
знает сердце!
Джами убежище построил, укрыл надежною завесой,
Там от смятенья и от бури лишь друга укрывает сердце.

62

Когда умру, хочу, чтоб кости мои в калам ты превратила,
Чтоб сердце на скрижали праха всю повесть муки
начертило.
Промчись над головой моею на Рахше твоего тиранства.
Пусть мне пригрезится, что в мире меня ты вовсе
не забыла.
Михраб твоих бровей увидя, имам от кыблы отвернется —
И склонится перед тобою в огне молитвенного пыла.
Из глаз моих струятся слезы, из сердца льется
кровь живая.
Где мне спастись? Поток бурным она жилище
затопила.
Твой переулочек мне — Кааба, там проливай ты
кровь влюбленных.
Вокруг святыни той пустыня от жажды яростной изныла.
Лицом к следам твоих сандалий я прикасаюсь...
О, блаженство,
Когда бы ты стою легкой на лик страдальца наступила.
Мне тесен круг существованья с тех пор,
как я с тобой в разлуке.
Перед Джами теперь пустыня простор неведомый
открыла.

Я потянулся к лалам твоим; ты отповедь мне дала.
 Благодарю за вниманье тебя, хоть ты меня изгнала,
 Луна, с небосвода за горы зайди, закрой облаками
 свой лик.

Моя блистающая луна на угол крыши взошла.
 Я, вспоминая о лалах-губах, пью цвета лала вино.
 То чашу мою наполнила кровь из раны, что ты нанесла.
 И что за добыча птица Хумай для сети твоих кудрей,
 Которая мускусной тенью своей ланиты твои обвила?
 Твой лик сравню с двухнедельной луной, озарившей
 сердце мое.

Твой стан — кипарис, но цветением роз природа его
 облекла.

Не спрашивай: «Когда началась любовь твоя, где конец?»
 Нет ни начала у ней, ни конца, и будет, как вечно была.
 О, если б любимого пса твоего именем звали моим,
 С какою лаской имя Джамии тогда б ты произнесла.

Любовной страстью своей одержим, брожу я,
 словно больной,

Чтоб издали увидеть тебя, на улице жду ночной.
 Любое страданье, любая боль ничто перед болью любви.
 И я, потерявший сердце свое, не ведал боли иной.
 Когда б не красили щек моих капли кровавых слез,
 Лицо мое, как лицо мертвеца, пугало бы желтизной.
 Кумирам многим молился я, всё сердце им отдавал,
 Но встретил тебя — и падаю ниц перед тобой одной.
 Розам садовым опасен всегда холодный осенний ветер.
 О розовый куст, погубит тебя

мой горестный вздох ледяной.
 Нет, ты не сядешь возле меня! Ну что же —

недолго ждать:
 На полы одежд твоих сядет пыль, когда-то бывшая мной.
 Джамии, обезумев от страсти своей, газель эту миру
 сложил

О том, что он в мире один одержим
 безумной любовью такой.

Мечтаю умереть, чтоб ты к надгробью бедному пришла,
Там сердце мертвое мое, испепеленное дотла.

И если выпало душе покинуть этот скорбный мир,
Желаю превратиться в пыль той улицы, где ты жила.
Сто роз, сулящих радость нам, благоухает в цветнике,
Ты подарила мне одну с шипом разящим, как стрела.
Я кровь из сердца проливал и с прахом эту кровь мешал,
Чтобы, увидя кровь и прах, твой разум жалость проняла.
Хула, насмешки иль почет? Не всё ли мне равно,

что ждет?

Я радость сердца потерял, меня любовь с ума свела.

Разлука — словно жаркий тигель, дано ей всё
переплавлять,

Но золото моей любви она расплавить не смогла.
Сказала милостиво ты: «Джами, ты мой докучный пес».
Пускай я пес, но избран я из псов, которым нет числа!

Нет силы у меня, чтоб встать, стряхнув твоей дороги
прах.

Нет смелости, чтоб, пса прогнав, взамен лежать
в твоих дверях.

Ты солнца огненного лик, я — к одинокой тьме привык,
И даже собственная тень мешает мне, внушая страх.

Сегодня иль в один из дней ты лучше кровь мою пролей,
Но край твоих одежд позволь держать в доверчивых
руках.

О лекарь, милость мне яви, продай мне
средство от любви!

Сказал он: «Без любви живи, не думай о мирских делах!»
К живущим на земле жесток, слезами мир залить я мог,
Как Ной, одну тебя б я спас, в ковчеге плыл

с тобой в волнах.

Я твой Фархад-каменотес, — страданья высится утес.

У нас обоих, что ни вздох, любимой имя на устах.

О ней беседовал с людьми, — твердят: «От злой уйди,
Джами!»

Кого же мне тогда любить, ответь, всеведущий аллах?!

Я дышащую грудь мою готов без жалости терзать,
 Хочу слова, где нет тебя, из сердца вырвать и изгнать.
 Я без тебя безвестным был, пылинкой неприметной слыл,
 В блистанье лика твоего я отраженно стал сиять.
 Как сновиденье предо мной проходит дивный образ твой.
 Я счастлив тем, что в мире сем любовь мне выпало
 узнать.

Хоть за лохмотья нищеты два мира посулили мне,
 Честнее рубище носить, бог слишком мало хочет дать!
 Моя одежда дорога: блестят там слезы-жемчуга.
 Неиссякаем их запас, могу под ноги их метать.
 Уверен я: на небесах все небожители в слезах,
 Мои стенанья там слышны, и боги стали сострадать.
 Велела ты: «Стань псом, Джами! Собачью цепь
 себе возьми!»
 Когда не верным псом твоим, так кем еще могу я стать?!

Кто расскажет луноликой, той, с которой разлучен,
 Что тоскую я, стеная, и сомненьем удручен?
 По тропинкам, где остались легких ног ее следы,
 Я всю ночь брожу в печали, позабыв покой и сон.
 Что мне пышных роз цветенье? Я безумный соловей, —
 Верен я прекрасной розе, той, в которую влюблен.
 Розы красные пылают, словно весь цветник в огне,
 Будит вновь воспоминанье каждый розовый бутон:
 Вижу нежный рот и щеки, стан, что тоньше волоска,
 И смятенно умолкаю, красноречия лишен.
 Загадал я: будем вместе, если сбросишь свой покров.
 Ты, откинув покрывало, появилась, будто сон,
 Снисходительно сказала: «Стань, Джами, моим рабом».
 И ликующей звездой озарился небосклон.

Веселый праздник наступил, веселый день для всех
 людей,
 Ты посмотрела на меня, и я стал жертвою твоей.

Боишься затупить клинок, чтоб умереть я сразу мог. . .
Прошу тебя, не мучь меня — без сожаления убей.
Я верный дам тебе совет, как без клинка меня сразить:
Мне покажи свое лицо и взгляд метни из-под бровей.
Не знаю, для чего мне жить, когда тебя со мною нет!
Могу ли жизнью посчитать остаток этих тусклых дней?
Вновь праздник наступил для всех, кругом звенит
беспечный смех,
Ты — праздник мой, но плачу я, и мрачно на душе моей.
Предпраздничную кутерьму, коль нет тебя, я не приму,
Мне тяжки праздничный разгул, веселье и приход друзей.
Джами, вновь праздник миновал, а ты ее не увидал.
Кто вздумал праздником назвать тот день,
что всех других грустней!

70

Кровью сердца без тебя грудь моя обагрена
И кровавая глаза покрывает пелена.
В плен ты взять меня смогла, но раба не добивай,
Жалок я, но жизнь моя вся тебе посвящена.
Завитки твоих кудрей — звенья тягостных цепей,
Ими в бездну завлечен, что безумия полна.
От чарующих колец обезумел я вконец.
Поводырь мой, я — слепец, без любви мне жизнь темна.
Не спрашивай о том, чем живу я день за днем,
Погляди — и ты поймешь, как судьба моя грустна.
Иль сочувствие в тебе пробудит моя беда,
Иль клинок свой обнажишь, чтобы кровь текла, красна.
Плоти я, Джами, лишен. Скорбный вздох я, долгий стон,
Я рыдающий рубаб, в песне боль моя слышна.

71

Все розы расцвели в саду, но любоваться нету сил,
Мне без тебя не только сад, а весь цветущий мир немил.
Друзья вдыхают аромат, вблизи кустов они сидят, —
Ты — краше розы, близ тебя я радость жизни находил.
Соринки с твоего пути я рад ресницами смести,
Слезами глину замесив, свое надгробье я сложил.

Ты беднякам — так говорят — даруешь красоты зекят,
И мне немного удели, я эту милость заслужил!
Подобно птице, трепещу, погибель от клинка ищу, —
Ты руку занеси с клинком, чтоб я не мучился, не жил.
Мне суждено теперь одно: позор, беспутство иль вино.
«Уйди!» — советчику кричу, чтоб близ меня он не кружил.
Не говори: «Зачем, Джамии, газели жалобны твои?»
Я кровью сердца их писал, в них вздохи скорбные вложил,

72

Ты царица красоты, я — истерзан нищетой.
Значит, мне счастливым быть не даровано судьбой.
Но приблизь меня, чтоб мог пыль сметать с твоих дорог,
Я молю тебя о том, как о милости большой.
Там, где конь тебя промчит, я целую след копыт.
Распростертым я лежал на дороге дивной той.
Равнозначны мне с тех пор и величье и позор, —
Я люблю тебя, а ты столь безжалостна со мной.
На базаре и в саду я с тобою встречи жду,
Как луна пречистый лик совершенной красотой.
Сожжена душа дотла, но она бы расцвела,
Если б ты единый раз поглядела с добротой.
Не грози: «Джами, уйди, или я возьму клинок!»
Я пришел на твой порог, чтоб убитым быть тобой.

73

Когда ты ночью ляжешь спать, мечтаю робко об одном:
Вблизи, светильник засветив, твоим полюбоваться сном.
Ресницы прикрывают взор, они меня подстерегли,
С тех пор мерещится везде бровей приподнятых излом.
Я волю смелым дал мечтам: я припаду к твоим устам,
Покрыта верхняя губа благоухающим пушком.
Хочу вечернею тропой идти неслышно за тобой,
Сопровождая, охранять, быть тенью на пути твоём!
Отдав поклон тебе земной, я к ветерку бы стал спиной,
Чтоб пыль порога твоего с лица не сдуло ветерком.
Одной я отдал сердца жар, одной вручаю душу в дар:
Зачем ты угрожаешь мне несправедливости мечом?
Джами, о том не сожалей, что верен ты любви своей,
Нет веры у тебя иной. Ты изуверился во всем.

Я твой раб. Продай меня — беглым сделаюсь рабом.
Ты сто раз раба продашь — приползу сто раз в твой
дом.

Соглядатаем своим в раздраженье не зови,
Быть почетнее в сто раз стерегушим двери псом.
У меня не хватит сил усмирить сердечный пыл,
Хоть не меньше сотни раз сердце я просил о том.
Душу темный пламень жжет, затмевая небосвод,
Словно зеркало, его протираю рукавом.
Но всегда, когда стрелой угрожаешь, ангел злой,
Вечной жизни для тебя я прошу пред алтарем.
Заявляю с похвальбой, что я пес покорный твой, —
Уличенный в хвастовстве, умолкаю со стыдом.
Песни все мои возьми: их слагает не Джами!
Создавала их любовь в упоении святом.

Не хочу я пустословьем осквернять родной язык,
Потакать лжецам и трусам в сочиненьях не привык.
В бесполезных поученьях затупить свое перо —
Всё равно что бросить в мусор горсть
жемчужин дорогих.

В суете и праздномыслие я растратил много лет
И раскаиваться буду до скончанья дней моих.
Лишь с годами постигая смысл сокрытый ремесла,
Тайно слезы проливаю, еле сдерживаю крик.
Пусть от Кафа и до Кафа слов раскинулся простор,
Поиск верного созвучья вел не раз меня в тупик.
Рифмы, образы и ритмы так же трудно подчинить,
Как поймать рукою ветер, наклоняющий тростник.
И сказал я на рассвете вдохновенью своему:
«Мне мучительно с тобою каждый час и каждый миг.
Я устал гранить и мерить, находить и вновь терять,
Пребывать хочу в молчанье, отвертив от песен лик».
«О Джами, — в ответ услышал, — ты хранитель дивных
тайн,
Ты богатствами владеешь, я раздариваю их!»

Кумир по-тюркски говорит, его не понял я пока,
 Но я в плену у тюркских глаз и у чужого языка.
 Сладкоречивым я прослыл, но устыжен тобою был.
 Смуться, я понял: речь моя от совершенства далека.
 Пусть на груди моей горит полуокружный след копыт
 Того коня, что вдаль унес так беспощадно седока.
 Иные выставляют щит, который сердце защитит, —
 Я бросил щит, мишенью став для всемогущего стрелка.
 Я — словно туча: смех мой — гром, и слезы хлынули
дождем.
 Но пламень сердца не зальет горючих этих слез река.
 Когда б осмелился, я сам припал к божественным стопам.
 Любовь безмерная моя неодолима и крепка.
 Тебя отвергнет вдруг кумир — и рухнет сразу
светлый мир,
 В бесславье будешь пребывать, Джамии, грядущие века.

Зачем не сразу умер я, зачем разлуку перенес?
 И, словно смертного греха, стыжусь я этого до слез.
 Я был неопытен, несмел, я только издали глядел,
 Ни разу не поцеловал уста, что ярче вешних роз.
 Соперник послан мне бедой, ему, измученный, худой,
 Как кость собаке, я себя на растерзание принес.
 Не сосчитать твоих рабов, чертоги стерегущих псов, —
 Я жалкий раб твоих собак, твоих рабов покорный
пес.
 Страданья сладость я постиг, не зная радостей других,
 Мне дела нет до дел мирских, до пересудов и угроз.
 На мне не бархат, не атлас, не отводи в смущенье
глаз:
 Почетно рубище мое, горжусь я тем, что гол и бос.
 Ты похвалялась пред людьми: «Гроша не дам я за
Джами!»
 Что ж, цену верную себе узнать мне ныне довелось.

Обо всем забыв на свете, сам с собой наедине
 О тебе, томясь, мечтаю в предрассветной тишине.
 Вновь в объятиях страданья бесконечно длится ночь,
 Долгожданного забвенья не дожждаться мне во сне.
 Но, увидев в полном кубке отраженье уст твоих,
 Я сознания лишился, и вина тут не в вине.
 Состраданьем, как по струнам, мне по жилам провела,
 И протяжно застонал я, уподобившись струне.
 Серьги, кольца золотые так пленительно звенят,
 Что, кольцо надев ушное, стал рабом твоим вдвойне.
 Ведь совсем еще недавно были мы с тобой вдвоем,
 Сладость ночи миновавшей возратить хотелось мне.
 Круговую чашу горя выпей, сердце, до конца.
 «Пей, Джамы, — сказала сердце, — пей со всеми
 наравне!»

Когда в мечети вижу я твоих бровей тугую нить,
 Я, про молитвы позабыв, хочу колени преклонить.
 Когда случается пройти мне мимо дома твоего,
 Я райских гурий красоту готов насмешливо хулить.
 Мне говорили — ты добра к страдальцам,
 сломленным судьбой.

Взгляни, как исстрадался я, — нет без тебя желанья жить
 Зачем живая мне вода из рук пророка самого,
 Когда отраву уст твоих не доводилось мне испить?
 Бросаешь ты подачку псам, что охраняют твой чертог...
 Собакой у твоих дверей дозволяй мне преданно служить!
 От серебра твоих грудей мой лик стал золота желтей,
 И золото и серебро теперь не стану я ценить.
 Пес пожалел меня: «Джамы, свои стенания уйми,
 Не то от жалости к тебе я стану горестно скулить».

Встань, чтоб всё начать сначала! Чтобы стала жизнь
 ясна,
 С чистым сердцем из бокала выпей терпкого вина.

Мы скупы на покаянье, но зато щедры в другом:
 До краев наполни чару и бездумно пей до дна!
 Лучше кубок, друг, со мною стоя выпить на пиру,
 Чем томиться над Кашшафом от восхода дотемна.
 В медресе налог не нужен, обойдемся без него,
 Щедрым будь, виноторговец, наливай нам дополна.
 Господин, зачем меняле наши деньги отдаешь?
 Разорил нас плут меняла, от менял беда одна!
 Что нам сетовать напрасно, что нам жаловаться зря,
 Хоть гоненья и обиды испытали мы сполна.
 От богатых одеяний пусть избавит нас аллах,
 Для Джами хырка подходит, грубошерстна и бедна.

81

Уста ее пьяней вина, и я вино в волненье пью.
 Разлуки проклиная дни, я не вино — томленье пью.
 Печали этой нет сильней — изглодан мукой до костей,
 Тоску безмерную свою в бессильном испугенье пью.
 Не отвлекай меня, прошу: своей любимой я служу.
 Пьян без вина, едва дышу, в тревоге и в смятенье пью.
 Неспешно пьют друзья кругом, о том беседея, о сем, —
 Я вспомню терпкие уста и вновь без опьянения пью.
 Одной любовью опьянен, я отвергаю небосклон,
 Пусть, словно чаша, полон он, ведь я без утоления пью.
 И если б вдруг Лайли вошла, Маджнуна чару поднесла,
 Не удивился я тому, ведь я без отрезвления пью.
 Сказала роза мне при всех: «Джами, вот чаша,
пить не грех!»
 И кубок с розовым вином я, преклонив колени, пью.

82

Звонит томительно рубаб, и винных струй звучанье в нем,
 И до бесчувствия струна меня глушит своим вином.
 Я чашу страждущему дам, но рядом пить не сяду сам:
 Впиваю я ушами звон, как будто припадаю ртом.
 Зачем мне этот небосвод, где солнце, словно ковш,
плывет?
 Остатки на пиру любви испил бы лучше я тайком.

Знай, я по горло пьян и сыт слезами собственных обид
И сердце бедное мое — кебаб, сжигаемый огнем.
Ты обещаешь, ты сулишь. . . Но ты обманный морок лишь,
Родник в пустыне, занесен сыпучим, медленным песком.
Не говори: «Вино спасет и боль разлуки унесет».
Знай, без тебя не хмель, а яд единым выпью я глотком.
Без нежных губ я изнемог, рот пересох, свидетель бог.
Вино как воду пьет Джами, не находя забвенья в нем.

83

Благословляю ветерок, он посетил твой ранний сад,
Донес он утренней порой моей любимой аромат.
Хочу я превратиться в прах, чтоб у прохожих на стопах
Пробраться в дом твой, и в углу я притаюсь буду рад.
Мечтаю я к твоим стопам припасть усталой головой,
Дай мне забвенья и покой, не надо мне других наград.
Еще молю я об одном: ударь меня литым клинком,
Пусть стрел летучих острия меня безжалостно казнят.
Из нити жизни и тревог сплету узорчатый шнурок,
К нему я сердце привяжу, чтоб ты украсила наряд.
Ту сладость, что туба дает и золотой пчелиный мед,
Я обрету, увидя стан, с которым кипарис равнят.
Зачем Джами михраба свод — густых ресниц он видел
взлет,
Пред аркой сросшихся бровей священным трепетом
объят.

84

Я не шейх, не отпрыск шейха. Всемогущему хвала,
Я, друзья, не святотатец, не мюрид и не мулла.
Мой приятель-виночерпий просветить сумел меня,
И не верю я муршидам, порожденью лжи и зла:
Ведь муршид меня заставит, покаянья дав обет,
Отстранить хмельную чару, что красotka поднесла.
Много раз как правоверный посещал я медресе,
Но любви не видел к ближним: там слова, а не дела.
Среди тех, кто обещанье помогать друг другу дал,
Не осталось бескорыстных, чья душа была светла,

Не беда, что ты к святыне в путь отправился пешком, —
 Нелегка твоя дорога, лишь бы правильно вела.
 Веселись, Джамии беспечный, выпей чашу дней своих, —
 Их судьба, не поскупившись, щедрой дланью налила.

85

На сердце у меня клеймо, я душу пламенем ожег,
 Ум обездолен — честь свою от грабежа не уберег.
 Ты мне сказала, что любим тобою некогда я был,
 Но почему же «был», скажи, — ведь я всё тот же,
 видит бог!
 Мне говорят: «Любовь пройдет, на убыль красота идет».
 Но ты прекрасней с каждым днем — и от любви я
 изнемог.

Окован звеньями кудрей, я обезумел от цепей —
 Отныне жить мне суждено в плену сомнений и тревог.
 Я отдал душу в плен слезам, терзанием измучен сам,
 И слово каждое мое тягчайший исторгает вздох.
 Несчастья хочет мне она, моя надменная луна. . .
 Вся жизнь загублена сполна, смерть подвела всему итог.
 Колдунья, боль моей души, разбой свой дерзкий
 заверши, —
 Напала на Джамии в тиши, оборониться он не смог.

86

Мне и возле Каабы всё дворик мерещился твой,
 Я лицо твое вспомнил, плененный святынь красотой,
 А когда я увидел, как черен Каабы покров,
 Я к твоим волосам потянулся желанья рукой.
 Я с молитвою взялся за храмовой двери кольцо,
 Но о кольцах кудрей моей милой молился с тоской.
 Я лицо обратил в твою сторону даже тогда,
 Когда лица других повернулись к Каабе святой.
 Вкруг Каабы ходил, меж священных холмов пробегал, —
 Лишь тебя я искал на тропе и прямой и витой.
 На горе Арафат до заката молилась толпа,
 Я же весь этот день разговаривал только с тобой.
 К исполнению молений стремились в долине Мина,
 Но Джамии лишь к тебе, лишь к тебе устремлялся душой.

Пока я в объятьях твоих — засыпать не буду,
 Пускай обезглавят меня — отступить не буду.
 К сокровищам чудным путем мы доходим трудным:
 Я действовать стану и праздно мечтать не буду.
 Лишь стража тебя окружает, но я отныне
 От стражей твоих ни на пядь отставать не буду.
 Меня ты убить обещала. . . Ну что ж, не медли,
 Я жду этой смерти — защиты искать не буду.
 Ты стала мне раем земным — так зачем удивляться,
 Что рая небесного я ожидать не буду.
 Коль мерить влюбленных в тебя высотой их страсти,
 Я выше любого, себя принижать не буду.
 Страдать — нестерпимо, и я не хочу разлуки,
 Разбился корабль, но в волнах погибать не буду.
 Кричишь: «Прочь с дороги, Джамии!» Залечи мне раны,
 И я на пути твоём больше лежать не буду.

Если б я на ступеньках у дома подруги прилег,
 Я б уже не хотел перейти через райский порог.
 С кирпичом в изголовье, на голой земле бы лежал,
 Златотканой парчовой подстилкой бы я пренебрег.
 Мне в молельне аскет проповедует. . . Лучше в огне
 Иноверного капища сжечь его хитрый силоч!
 С предначертанным свыше я соразмеряю свой шаг,
 Чтоб Каабы надежд я достичь беспрепятственно мог.
 Что мне строки добра или зла на странице души,
 Если можно прочесть то, что пишет над губкой пушок?!
 Нивы мира тучны, мне же хватит пирушки хмельной
 Возле поля, под топодем, там, где струится поток.
 Ах, Джамии, ускользнула из рук твоих верности нить.
 Вероломной подруге зачем ты вручил поводок?

Когда же, когда я от этих страданий спасусь?
 От боли, от неутоленных желаний спасусь?
 Доколе нам, сердце, попреки рассудка терпеть?
 Быть может, лишась его, от назиданий спасусь?

Ты знаешь, как сердце мое болит,
Но ты не жалеешь таких людей.
На страшные муки готов Джамии,
Твое равнодушие — всех мук страшней.

92

Доколе бесчинствовать, в винных витая парах,
Лить кровь на пирах и хмельной бушевать во дворах?
Я ранен тобой. Приторочь же добычу к седлу,
Чтоб за полы я не цеплялся в бесплодных мольбах.
Что требует страсть, и условие любви каково?
Бежать, привязаться к тоске о любимых устах.
Хлещи скакуна, моя всадница! Ветер, швыряй
На головы наши безумные бедствия прах!
О, как вырывался Джамии из оков этих кос!
И все же, как бедный Маджнун, оставался в цепях. . .

93

Вешний ветер с розы дикой покрывало сбросил смело,
Тут явились винопийцы, и пирушка зашумела.
А вокруг тюльпанник вырос — это, розами любуясь,
Вмиг толпа тюльпаноликих на лужайке заалела.
«В дни цветенья роз прекрасных трезвости зарок
непрочен» —
С этим мудрым изреченьем соглашаюсь я всецело.
Не окажутся ли ринды — развеселые бродяги —
Праведней благочестивцев, чья душа окаменела?
Не у тех, кто нижет четки, ты жемчужину отыщешь,
Ибо раковиной служат ей ладони винодела.
Соловей, над робкой розой не кружи — таких скитальцев
Толпы здесь прошли и скрылись из цветущего предела.
Только нежно, будто строчки дружеского их привета,
Под кустом багряным травка для тебя зазеленела.
В нераскрывшемся бутоне запечатано посланье
От израненного сердца, что любовью пламенело.
Жжет тоска Джамии, и пламя не залить слезами. . . Ливню
Не отмыть тюльпан, чье сердце от ожога потемнело.

Я не участвую в пирах не потому, что я аскет:
 Не шумным радостям пиров, а горестям принес обет.
 Нет, недостойн и атлас царя устлать дорогу к ней!
 Всевышний, рвани дервишá не дай напасть на этот след!
 О дерзкая! Ты не стыдись своей привычки мучить нас —
 Привык не обижаться тот, кто верою в тебя согрет.
 Молитва у меня одна: «Моя царица красоты
 Да будет век ограждена от злого умысла и бед».
 С терпеньем и рассудком я был связан узами родства,
 Но навсегда с родней порвал, когда любви увидел свет.
 Пришел нейсан, и мутных вод потоком залит этот дом:
 От сердца слезы поднялись к глазам, у них кровавый цвет.
 Пусть чарой обнесут Джамии! Одну лишь сердца кровь он пьет.
 Другого красного вина для сердца раненого нет.

Сладкоязычный попугай, тоской объят, забыт,
 Когда твой рот нам истый рай земных услад сулит.
 Ты нами не пренебрегай — привыкли мы к тому,
 Что твой, столь благосклонный, взгляд блаженство всем дарит.
 Ты сердца разломай ларец, а в нем один лишь клад —
 Жемчужина мольбы, что я шептал стократ, — сокрыт.
 От жажды губы запеклись, хотя потоки слез
 Печальный ключ очей моих, что кровь таят, струит.
 В шатре желаний стан ее столбом опорным стань,
 А стен края пусть черных кос тугой канат крепит.
 Кто чист душой — в стране любви высокий ищет пост,
 Дурному — низкий по душе, его разврат манит.
 Низвергла знамя мудрецов любовь, и флаг Джамии
 Над станом, где безумья стон и боль царят, парит.

На могильной плите моей строки и скупы и строги,
 Но прочтешь ты о горе влюбленного в каждом их слог.
 На пороге твоём был я, пламенный вздох исторгая, —
 Лишь у пса твоего и остались на память ожоги.
 Вплоть до Судного дня солнце скроется, если на полдень
 Ляжет тень моих горьких ночей, проведенных в тревоге.
 Наводнение слез было вызвано бурей рыданий:
 Я ведь знал, что обрушится дом моей скорби убогий.
 Пыль с могилы моей, если б только ты ветром
 промчалась,
 Проплыла бы, как быль о любви, о печальном итоге.
 О царица наездниц! Зачем я увидел твой выезд?
 Повод всли я выпустил, и подгибаются ноги. . .
 Умер бедный Джамии, а тебе не подумалось даже:
 «Некто, страстью погубленный, пал у меня на дороге».

Когда из глины и воды творец меня лепил,
 Я пламенем любви к тебе уже охвачен был.
 О, если б мне досталась нить, связующая нас,
 Разорванное на куски я б сердце снова сшил!
 Хотя я милости твоей и начисто лишен,
 Я знаю: чистотой любви тебе я буду мил.
 Когда всему живому смерть предначертал творец,
 Мне от жестокости твоей он умереть судил.
 Не склонен к радости Джамии — в тот изначальный час
 На горе, в крови и слезах мой прах замешен был.

Уехала моя подруга. Дойдет ли к ней мой зов?
 Я кроме утреннего ветра найду ли к ней гонцов?
 Я вправе ли писать ей письма, чтоб именем моим
 Она могла украсить список своих покорных псов?
 Сказала, душу отнимая: «Уста отдам взамен».
 И вот, со мной не расплатившись, ушла в конце
 концов.
 Я зерна слез моих напрасно разбрасывал всю жизнь:
 Голубка нежная бежала от всех моих силков.

О, научи меня, охотник, как заманить газель,
Дабы желанную добычу принес мне долгий лов!
Я грубым жаром вождельня был сотни раз сожжен,
Доколе ждать мне приближенья к сопернице цветов?
Джами, не спрашивай: «Откуда весь этот пьяный бред?»
Ведь кубок мой из хума страсти наполнен до краев.

99

Своенравна, остроглаза, с гневным, дерзким языком
Та, что на меня ни разу не взглянула и тайком.
Проливаю в граде муки горьких слез кровавый град
С той поры, как я в разлуке и с надеждой незнаком.
Пламя грудь мою сжигает. Если меч в нее вонзишь,
Станет сталь водой живою, освежающим глотком.
Глазом, полным восхищенья, будь мой каждый

волосок, —

Разве хоть на волос меньше к милой буду я влеком?
Возле дома луноликой я брожу из года в год,
Почему не спросит: «Что с ним, с безутешным бедняком?»
Восхищаться красотой я привык с давнишних пор.
Не поможет мне советчик при обычае таком!
Нет, не вырвешь сердце силой из ее силков, Джами,
Если ты навеки с милой связан каждым волоском!

100

Темница, что ты создала для сердца моего,
Приютом радости была для сердца моего.
За то, что я тебя люблю, весь мир меня хулит.
Но есть ли выше похвала для сердца моего?
О, родинки твоей язык! О, пламени язык!
На нем сгорело всё дотла для сердца моего.
Благоуханная волна вокруг нежных этих щек,
Ты — цепь раба, ты — кабала для сердца моего!
Два мира я успел пройти, ища тебя в пути,
Добром была дорога зла для сердца моего.
Созрел от света и тепла весенний жесткий плод,
Прозрел я, — страсть, светясь, взошла для сердца моего.
От бури времени Джами укрылся между скал:
Мой стих — надежная скала для сердца моего.

Суфий, всё, что есть в молельне, заложил, купи вина!
 Что упущено измладу, возместить спеши сполна!
 Опыянен любовным хмелем, в честь пурпурных лалов —
 губ

Я напитком цвета лала напиваюсь допьяна.
 Страстью к юным похвалиться седовласому грешно:
 Седину вином окрасишь — станет розой седина!
 Я стяжал дурную славу, опозорен, изгнан я.
 Сторонись меня, святоша, коль молва тебе страшна!
 Сын мой, что нам совершенство! У влюбленных
 расспроси,
 В совершенстве ли блаженство, какова ему цена?!
 Жизни смысл — один от века, форм ее вовек не счесть,
 Изменяет облик пена, неизменна глубина.
 О Джамии, твори молитву, обернувшись к кабаку:
 Счастье даст тебе не Мекка, а другая сторона.

Глаза мои, вот вам совет: в ее лицо смотреть не надо!
 Разлуки я принес обет, а больше мук терпеть не надо!
 О ты, что рвешься каждый день на улицу твоей любимой,
 От веры лучше откажись, но попадаться в сеть не надо!
 Хозяин, из своих садов растенья вырвать повели-ка!
 Увидев лучшую из роз, о повилике петь не надо!
 О ты, привязанный к любви, порадуйся упрекам злобным:
 «Он ищет только красоту, ему иного ведь не надо!»
 Нет средства сердце уберечь от власти глаз твоих
 опасных,
 Не обучаю их колдовству, им чарами владеть не надо!
 Джамии, умолкни! . . . Пес и тот завыл из-за твоих
 стенок.
 На улице ее в ночи не появляйся впредь, не надо!

Яви свое лицо, оно зари моложе.
 Как зеркало, оно мир отражает божий.
 Средь псов сторожевых я дверь твою стерегу,
 «Кто этот человек?» — ты не спросила всё же.

Бил камнем в грудь себя, и говорили все:
«Он, верно, в ту влюблен, чье сердце с камнем схэже».
Не кудри это, нет! — тенета грозных бед!
Влюбленный попадет в них раньше или позже.
Не допустила ты твоих коснуться уст,
Дозволено ли быть надменнее и строже?!
Не взглянешь, точно я прохожий иль чужак,
Как будто псам твоим неведом тот прохожий!
Соперник поносил Джамии, но молвил пес:
«Он с нами службу нес — и нам других дороже».

104

Луна вошла. . . Нет, не луна! Луна дарует меньше света.
Я гибну, близится она, чья шапочка чуть вкось надета.
В ней прелести заключены луны четырнадцатидневной,
Хоть это чудо на земле живет пятнадцатое лето.
Найди на всех земных путях красавиц и построй

полками, —

Их всех во прах, как властный шах, повергнет

чаровница эта.

Томлюсь я в темноте ночной не на постели цвета лала, —
Пылает пламя надо мной, алеет кровь, тоской нагрета.
И если дни мои черны, виною — черный цвет разлуки.
Как не рыдать из-за луны, сокрывшейся

за тучей где-то?!

Руины горя по ночам — холодная моя гробница.

Привычной стала мне печаль, она со мною — до рассвета.
Джамии — во прахе! О, внемли! . . . Моих волос коснись

ногою!

Неужто жалкий прах земли достойней головы поэта?!

105

Всё, что в сердце моем наболело, — пойми!
Почему я в слезах то и дело — пойми!
Муки долгой разлуки, терпения боль,
Всё, что скрыто в душе моей, — смело пойми!
Прах земной отряхну я. . . Откуда пыльца
На одежде твоей снежно-белой — пойми!

Принесет чье-то мертвое тело поток.
Чье оно, это брэнное тело, — пойми!
Ищешь красок любви? . . Погляди — у Джами
Слезы — алы, лицо — пожелтело. . . Пойми!

106

Поглощенный тобой, на других я взираю сурово.
Мысль, мечта о тебе не дороже ли счастья земного?!
Ревность гложет меня. . . Если б мог я другим запретить
Даже в помыслах тайных к тебе обращать свое слово!
Почему благосклонно соперников слушаешь ты?
Что тебе в их речах? . . Пожалела бы тяжко больного!
Я целую твой след, я глотаю дорожную пыль,
Я, который не пил у других и воды родниковой!
Всех других я изгнал из укромных покоев души:
Шаха тайны покой недоступен для взора чужого!
Не сердись, что письмо я вручаю удоу. . . Как жаль,
Что на крыльях его не домчусь я до милого крова!
Как несчастен Джами! О, пойми! . . Но безжалостна ты.
Чтоб меня уязвить, ты другим улыбаться готова.

107

Меня убить грозишься! Ну и что ж!
Не счастье ли, что ты меня убьешь?
Чему учиться этой своевольной,
Не знал учитель и вручил ей нож.
Как тонок стан твой — не постигнет разум.
Как нежен ротик — разом не поймешь.
С шести сторон я окружен любовью.
Семь климатов меня бросают в дрожь.
Сулит ли счастье лик луноподобной?
Как знать? . . Обычный календарь негод.
Ты платы хочешь? . . Всю большую землю
Слез серебром берусь осыпать сплошь!
«Джами подобен сору», — ты сказала,
Но в ссору ты меня не вовлечешь!

В кубок цвета рубина свой рот преврати
 И от цвета вина тем меня отврати.
 Прикажи, чтоб на улицу шел я твою, —
 Пусть всегда будет храм для меня взаперти.
 Псом своим назвала. . . Но достоин ли я?
 Мне привычное имя мое возврати!
 Если бранью не встретишь мой тихий привет,
 Соизволь хоть в движение уста привести!
 Спрячь скорей в рукава серебро своих рук,
 Чтоб меня от напрасных желаний спасти.
 Паланкин мой уносит судьба от тебя. . .
 Выдь на крышу! Взгляни! . . И вернусь я с пути.
 Ты решила Джамии предпочесть? . . Так уйдем
 И от тех, что не счесть, и от тех, кто в чести.

Ради тебя прахом я стал на путях красоты.
 Жду: не пройдешь ли ты, пери моя, шах красоты.
 Отблеск далекий светлого солнца лица твоего
 Миру блесит на розах ланит, на устах красоты.
 В сердце своем я — безумец — воздвиг сокровенный
чертог
 Для обитающей в двух необъятных мирах красоты.
 То, что хотел я за век мой короткий в мире свершить,
 Всем я пожертвовал, все я сложил в ногах красоты.
 В миг незабвенный твою благосклонность видел Джамии,
 С этого мига он не отвергнул в глазах красоты.

Душу от этих душных одежд освободи скорей,
 Смело кулах заломил набекрень, растопчи короны царей!
 Черный терновник на улице друга лучше цветущих роз.
 Черным терновником, добрый друг, могилу мою усей.
 С горя, как волос, я исхудал, в добычу тебе не гожусь.
 Свей для охоты своей торока из жил и кожи моей.
 Печень моя тоской сожжена, стенаю я и кричу.

Печень мою ножом распори или уста мне зашей.
 Над изголовьем моим склонись как друг
 в мой последний миг.
 Жгучие слезы мои осуши и горе мое развей.
 Людям без сердца немилость твоя безразлична
 и милость твоя, —
 Пусть я один все муки приму, что ты несешь для людей!
 Коль потрясенного духом Джамии смертью казнить
 решено,
 Счастье дарящим в последний миг взглядом его убей!

111

Вздох моего кипариса ко мне ветерком донесен.
 Жарко опять языками в груди моей пламень взметен.
 Славлю твое восхождение, светлый Сухайль Йемена!
 Сумрак предутренний в полдень светом твоим превращен.
 Жгучими вздохами муки опалены мои губы,
 Пламенем неугасимым весь я испепелен.
 Я умолял: «Не гони меня в дверь —
 во тьму и безвестность!»
 Был мне ответ: «В эту дверь навсегда тебе
 вход запрещен».
 Даже вблизи от меня ты невидима мне, словно пери,
 Так твой изменчивый образ воздушен и так утончен.
 Золото желтых ланит, серебро моих слез зарывал я
 В прах твоей дальней стези, за тобою всегда устремлен.
 Не упрекай же Джамии, что он знает лишь магию
 взглядов!
 Всё, что имеет он, — в этом; другого таланта лишен.

112

В моей груди — твоя обитель, но ускользаешь ты
 от взгляда.
 Бальзам израненного сердца, стань для очей моих
 отрадой!
 Печаль мой век укоротила, как жито на току спалила;
 Но тысячу имей я жизней — все за тебя отдать бы надо.
 Я сердцем — раб в аркане страсти, душой —
 заложник в стане бедствий.
 Где помышлять мне о покое? Кто мне защита и ограда?

Доколе, странник, понапрасну внимать
стенаниям свирели?
Прислушайся к моим рыданиям: в них и забвеньё
и услада! . . .
Мои стопы в кровавых ранах. А конь твой резвый
вдаль несется. . .
Как понесу за ним попону — парчу роскошного наряда?
Посеял я зерно терпенья, но, словно жнец нетерпеливый,
Печаль серпом срезает стебли невсколосившегося ряда.
Сраженному мечом прищуря, Джамы одной твоей
улыбкой
Возвращена душа живая — за муки долгие награда.

113

Когда ты, Кыбла красоты, свой лик откроешь нам,
Спиной к михрабу стану я, лицом — к твоим бровям.
Творя намаз, лицом своим я к Кыбле обращен;
О, если б и лицо твое, как солнце, было там!
Мой грех невольный мне прости! Увидишь ты сама
Ряды молящихся тебе, взглянув со стороны.
Твой лик всегда передо мной, но от его лучей,
Смятением охвачен, в тень я отступаю сам. . .
Вокруг я слышу гул молитв да четок мерный звук,
Я втайне лишь тебе молюсь и чужд иным мольбам.
Как низко муэдзин запел, когда увидел он
Твой стройный стан, твой дивный лик, несущий свет
сердцам.
Заметив странника, ничком лежащего в пыли,
Знай: это я — Джамы — лицом припал к твоим следам.

114

Взгляд мой, видящий мир земной, — от тебя.
Мир цветущий, как сад весной, — от тебя.
Пусть не светит мне серп молодой луны:
Дом мой полон яркой луной — от тебя.
Так ты мечешь аркан, что хотели бы все
Перенять бросок роковой — от тебя.
Кто увидел тебя, не укроется тот
Ни щитом, ни стеной крепостной — от тебя.

Роза хвасталась: я, мол, одежда ее.
Но ведь амбровый дух иной — от тебя.
И должна разорваться одежда твоя,
Чтоб упасть, отделиться кабой — от тебя.
Говоришь: «Что хочет Джами от меня?»
Я хочу лишь тебя самое — от тебя.

115

Меч обнажи, палач разлуки! Доколь мне, словно уголь,
тлеть?
Как жить мне без нее мгновенье? Сто раз мне
легче умереть.
Лети гонцом к ней, ветер утра! Неси мою живую душу!
Как тело без души, без милой мне здесь
безжизненно хладеть.
Сама душа Ширин прекрасной, еще не зная мук разлуки,
Что знает о беде Фархада, кому весь век
в труде кипеть?
Еще не вижу розоликой, но все шипы мне
в грудь вонзились,
Зачем зовешь меня, садовник, коль розы нет —
кому мне петь?
Зачем, о милый собеседник, ты просишь у меня рассказа?
Язык мой говорить не может, как попугай,
попавший в сеть,
И пусть моим гореньем ярким озарены все страны света!
Я плачу, как свеча пылая, я осужден дотла сгореть.
Джами погиб в разлуке с милой. . . Эй, смерть,
разграбь остатки жизни!
И пусть слова его зывают, звеня, как серебро и медь.

116

Нарциссы темных глаз твоих так томны, так опьянены,
Так для души моей они грозющим бедствием полны.
Ведь кроме тела и души меж нами не было преград.
Приди! Разлукою давно преграды эти сметены.
Как две ревнивицы, мои зеницы на тебя глядят
И, друг от друга утаясь, к тебе всегда обращены.

Что спорить радуге с луной? Пусть арками твоих бровей
Сольется радуга небес с блистающим серпом луны.
Настанет ночь — глаза твои, как два туранские стрелка,
В тени уснули. . . Луки их под изголовье им годны.
Непостижимы для ума твой стан, твой взгляд,
твой нежный рот,
Хоть ум в познаниях и достиг неисследимой глубины.
Не спрашивайте у Джами о мире этом, мире том.
Все помыслы его теперь к единственной устремлены.

117

За красотками юными, став стариком, не беги!
Седовласый, за черным косы завитком не беги!
Коль навеки луна твоей младости омрачена,
Ты за тоненьким лунным трехдневным серпом не беги!
По следам легконогих, чей стан кипариса прямей,
Ты, как клюшка човгана, согбенный грехом, не беги!
Отчитаться за всё после смерти придется тебе.
За толпою кумиров на пире ночном не беги!
Если хочешь дойти до Каабы желаний твоих,
Ты за тем, кто плурует неверным путем, не беги!
Полный похотью, чистым сердцам ты преград не чини!
Не очистишь душой, в дервишский дом не беги!
Здесь ловецкая сеть нам дана — совершенство добыть,
Без добычи, Джами, с полпути со стыдом — не беги!

118

Кто стан твой стройный к жизни вызвать мог,
Тот сам скорбям мой дух живой обрек.
Вооружилось войско красоты
И двинулось на сердце, как поток.
Текут, как лава, души пред тобой. . .
Душой я в том расплаве изнемог.
Увидев, как играешь ты в човган,
Я сердце у твоих бросаю ног.
Скачу, спасаюсь бегством о двуконь. . .
Тоски-погони вслед всё ближе скок.

Мой лик — в слезах. . . Так перлы моря тайн
Выбрасывает буря на песок.
Джами презрен тобой. Но знаешь ты —
Как щедр душой, как сердцем он широк.

119

Что видел в мире этот шейх, укрывшийся в своем дому,
Отрекшийся от нужд людских, себе лишь нужный
самому?
Он сам живую с миром связь, как пуповину, перегрыз
И, словно шелковичный червь, ушел в свой кокон —
чужд всему.
Зачем, живой среди живых, бежит он от людских тревог?
От всех избавясь, от себя куда уйти? В какую тьму?
Он в зрелости, исполнен сил, достойных дел не совершил.
Ты, как неверному, ему не доверяйся потому. . .
Ведь он верблюжьих бубенцов не слышал средь
степных песков.
Ты, слыша проповедь его, не верь и слову одному.
Влюбленный в ложный внешний блеск, он груду раковин
купил,
Бесценный жемчуг свой за них отдав неведомо кому.
Джами, не спрашивай его о чаше истинной любви, —
Из чаши той не довелось и полглотка отпить ему.

120

Сердце мне разлука тысячью клинков
Вживе рассекла на тысячу кусков.
Гибну я, а ты смеешься в отдаленье,
Весело блистая жемчугом зубов.
Если бы хоть раз еще тебя увидеть,
Был бы я тогда и смерть принять готов.
Исцели! Вернись, полна благоволенья,
Иль убей меня лучом своих зрачков!
Мне нельзя прийти в твой тихий переулок,
Там теперь открытый путь моих врагов.
Часто снится мне: верхом ко мне ты скачешь,
Нарастает звук серебряных подков.

Плача, я искал тебя. . . И блещут слезы
На тропе твоих покинутых садов.
Нет, чтобы сносить твою несправедливость,
Сердцем, как гранит, я должен быть суров.
Как серьгу, Джамии в ушную мочку века
Вдел газель в подвесках драгоценных слов.

121

Толпа сбегается глядеть на пышный караван луны.
Глядеть не в силах я один: душа и плоть мои больны.
Вокруг нее толпа зевак, выходит на дорогу всяк.
Я робко, издали, бедняк, бросаю взгляд со стороны.
А я глашатаем, рабом бежал бы пред ее конем,
Где перекрестки целый день толпою праздной стеснены.
Одежду разорвав свою, я одиноко слезы лью;
Так плачут люди, чьи сердца потерей близких сражены.
Не знает яркая свеча, что я не сплю из-за нее.
Что ж не сказали ей о том созвездья вечной вышины?
Пред ней открыта грудь моя, пусть рану в сердце
нанесет,
Пусть трижды рану нанесет, пока не бросит меч в ножны.
Нет! Горестная боль Джамии не тронула ее души, —
Хоть плачут, слыша эту боль, граниты каменной стены.

122

Утесы каменные стон мой отзывным стоном потрясет;
От слез моих на глине темной тюльпан багряный
расцветет.
Ручьем мои струятся слезы по следу твоего коня,
И не унять мне эти слезы который день, который год. . .
Что мне осталось в горькой доле?
В груди нетихнувшая боль.
И эта боль живое сердце вот-вот на части разорвет.
Ты, душу взявши в долг, сказала: «Я поцелуем заплачу».
Душа из плена не вернется, и платы срок не настает.
Во сне глубоко целовал я уста и родинку твою. . .
Не оттого ль и лихорадка мне обметала бледный рот?

Вчера бутон в саду хвалился, что он нежнее губ твоих,
Боюсь — за хвастовство такое сегодня град его побьет.
Смотри: луною двухнедельной взят, как невольник,
в плен Джами.
Всё, что собрал он за полвека, она,
как собственность, берет.

123

Мне чуждой стала медресе, и ханака мне не нужна:
Обителью молитв моих отныне стала мейхана.
В окружье зикра — голоса дервишей не влекут меня,
Спешу под сень, где най звучит, где песня пьяная
слышна.
Что спрашиваешь ты меня о шейхах и об их делах?
Тут глотка зычная, мой друг, и стоязычная нужна.
Где кравчий, рушащий обет и попирающий запрет?
Мы благочестье продадим за пиалу иль две вина.
Ты о любви мне расскажи! Я лучше сказок не слышал
Под куполом страны чудес, что сказок исстари полна!
Сложи крыла, как мотылек, пади у ног своей свечи:
Чтобы сердца воспламенять, она всевышним зажжена.
Но ты, Джами, чуждайся тех, кто внешним блеском
увлечен!
Не в каждой раковине, друг, жемчужина заключена.

124

Я пьян — целую ручку чаши или кувшина основанье,
Средь пьяниц — малых и великих —
с утра свершая возлиянье.
Мне вместо четок во сто зерен дай леденец —
к вину заедку,
И не тащи меня поститься из дома,
где весь век — гулянье.
Изумлено любовью нашей, сегодня время позабыло
О мотыльке, свече, о розе и соловье повествованья.
Что мне возобновлять с тобою мое старинное знакомство?
Я для тебя лишен достоинств, чужак исполнен обаянья!
Юродивого дразнят дети, им на потеху он бранится,
Но камни, что в меня бросаешь, не удостою я вниманья.

Тот день, когда тебя служанка причесывала
перед свадьбой,
Принес для тысяч душ влюбленных невыносимые
терзанья.
Джами, лишь тот любить достоин, кто сердцем
мужествен, как воин.
Так будь же тверд, готов и жизнью пожертвовать
без колебанья.

125

Вот из глаз твоих две слезинки заблестели на розах щек,
Будто брызги дождя упали на тюльпановый лепесток.
Если ты слезу уронила, что же мне сказать о себе,
Если слезы текут безмолвно по щекам моим, как поток.
У тебя действительно слезы, а не только отблеск моих,
Что в глазах твоих я когда-то, словно в зеркале,
видеть мог.
Всюду, где на тропинку сада упала твоя слеза,
То живая роза раскрылась, то нарцисса сладкий цветок.
Словно редкие перлы — слезы — для ушных подвесок
твоих
На изогнутые ресницы нанизал ювелир-зрачок.
Изумленный редкостным перлом светлой тайны твоей
любви,
Нанизал Джами ожерельем жемчуг слова на нитку
строк.

126

Сокровищницу жемчужин в саду раскрывает град.
Короной главу кипариса перловый венчает град.
Порвались ангелов четки, и вот — мрача высоту —
Гремучий, как зерна четок, с небес ниспадает град.
Вчера цветы распустились на персиковых ветвях,
Но в ярости цвет сбивает и ветви ломает град.
Ты скажешь: «Птенцы попугая заполонят луга,
Коль сам попугай небесный, как яйца, бросает град».
Напрасно высунул ирис язык свой, чтоб розу хвалить, —
Ему в своем гневе ревнивом язык отшибает град.
Ведь перлы рождает море, но ты на потоки взгляни:
Как будто бурное море из перлов рождает град.

Влюбленный неосторожный, своей мишенью избрав
 В саду красавицу розу, ее убивает град.
 Вспузырился пруд под ливнем, как лавка стекольщика

он,

В которую, обезумев, камнями швыряет град. .
 Тюльпан весенний алеет, как раскаленный горн, —
 Свое серебро для расплава в него подсыпает град.
 Две капли упали с неба; и первая — чистый перл,
 Вторая — круглая льдинка, что расточает град.
 Та первая — слово Джамии, а вторая — соперника речь,
 Когда в поединке словесном стихов заблестает град.

127

Безумец, сраженный любовью к тебе,
 таится в руине любой.

Пред яркой свечой лица твоего луна — мотылек ночной.
 Все горе Якуба малой равно частице моих скорбей,
 Юсуфа цветущая красота ничто пред твоей красотой.
 Живое сердце, живая душа не для себя нам даны.
 Всё, что дано нам, мы тратим в пути к далекой встрече
 с тобой.

Пусть я коснулся дерзкой рукой родинки черной твоей, —
 За зернышко бедного муравья грешно растоптать ногой.
 И пусть у нас разрушится дом, спасибо свету любви,
 Что есть у нас обителище мук на улице бедствий глухой.
 Нет потерявшим сердце свое дороги

в твой радостный град:

Темной разлуки нам доля дана да пыль руины пустой.
 Выпив глоток из кубка тоски, сознание Джамии потерял;
 Горе, коль кравчий ему поднесет полный кубок такой.

128

Последний раз теперь ожги клеймом железным грудь
 мою!

Быть может, я в ожоге том бальзам целебный изопью.
 И пусть очистится навек душа от злобы и вражды;
 Очищу ль в сердце и тогда тоску старинную свою?

Внемли молению любви, пройди, султанша красоты,
И скорбь мою, и боль мою перед тобой я изолью.
А это сердце — дверь казны, ее пронзили сотни стрел!
Жемчужины на жалах их, как слезы, я от всех таю.
Ты это сердце, как свою сокровищницу, сбереги,
Цари своих сокровищ дверь должны отстаивать в бою.
Как птица, в сеть вовлечена приманкой малого зерна,
Душа вступила в плоть мою, увидев родинку твою.
Ты кровью сердца, о Джамии, пиши крылатую газель,
Чтобы любимая тебе вяла, как роза соловью.

129

Говорю: «Ты вернее Христа воскрешаешь устами людей».

Говорит мне в ответ красота:

«Стой! Не стоишь ты ласки моей!»

Говорю ей: «Душа-соловей из твоих улетит ли тенет?»

Говорит: «Знаешь кудри мои? .. Есть ли в мире
тенета прочней?»

Говорю: «Я вместилище бед. Как свирель, я стенаю,
скорбя».

Говорит: «Ты стенаешь иль нет, не доходит твой стон
до ушей».

Говорю: «Нестерпимо сечет ливень боли из тучи тоски!»

Говорит: «Ну, а травы? .. Гляди! Не отрава —
прохлада дождей!»

Говорю: «Мое сердце — в крови. Исцели!
Эту цель прострели!»

Говорит: «О бальзаме таком и мечтать, неразумный,
не смей!»

Говорю: «Если счастья не дашь,
так оставь хоть печаль о тебе».

Говорит: «Если правду сказать,
мог бы в просьбах ты быть поскромней!»

— «Сокровенный свой клад, — говорю, —
ты б махраму доверить могла!»

— «Не махрам ты, Джамии, — говорит, —
уходи-ка ты прочь поскорей!»

Для небесной красоты пост суровый не годится:
 Не предписаны посты для луны и для денницы.
 Пери, таешь на глазах, а с тобой — сердца влюбленных.
 Преступленье прекрати, положи посту границы!
 Стали мы с тобой тонки, словно месяц в новолунье,
 От разлуки я иссох, ты с поста худа, как спица.
 Из-за мыслей о тебе ошибаюсь я в молитвах.
 Где — гяур, где — пост святой?! В голове не совместится!
 Не волнуйся, если ты пост нарушишь ненароком.
 За тебя постимся мы, этот грех тебе простится!
 Кроме думы о тебе не вкушает сердце пищи.
 Не отыщешь на земле лучших способов поститься!
 Сладких вин не жди, Джамии! Кровь и слезы —
твой напиток.
 Трудный пост да завершит эта горькая водица!

Кто в нарядной кабе выступает, сверкая шелками?
 В смуту мир повергает, в безумие страсти и пламя?
 Смертоносными стрелами глаз, кровожадный гяур,
 Не она ль больше тысячи брешей пробила в исламе?
 Там, где солнце ее воссияло, луна не взойдет,
 А взойдет — так немедля померкнет в заслуженном сраме.
 Сердце, волю утратив, далеко направил я шаг,
 Хоть на каждом шагу ненавидим другими сердцами.
 Камень — тот, что в меня запустили ее сторожа, —
 Исцелил мой недуг. . . Лекарь! Я не нуждаюсь в бальзаме!
 Взгляда острым ножом отворила мне жилу души,
 И течет моя кровь все безудержнее, все упрямей. . .
 Ты погублен, Джамии! Где бы ты ни пригубил вина,
 Лалы губ ее вспомнив, ты чашу ласкаешь устами.

О, бедный странник в Городе Красот!
 Он кровью сердца молча изойдет.
 Я поражен недугом, и врачам
 Не исцелить недуг жестокий тот.

Влюбленный — книга мудрая любви.
У книжника — в любви всегда просчет.
Подобных мне в подлунной не найдешь.
Никто тебе подобной не найдет!
Пускай шумит на улице твоей
Соперников вооруженный сброд, —
Как сладкозвучный соловей, Джами
Весну твою достойно воспоет.

133

Ты ветки роз прелестней несравненно,
Собой любуйся — столь ты совершенна!
Что проку пред тобой лежать в пыли?
Поверх земли твой взор парит надменно.
Тебя скрываю от чужих? .. Так что ж? ..
Зенице ока я ль не знаю цену?
Он рядом, друг. . . В неведенье своем
Напрасно мы блуждаем по Вселенной.
Небесный Лев, по мне, отнюдь не Пес,
А для тебя я только пес презренный!
Джами — твой верный раб. Я не из тех,
Чье имя — вероломство и измена.

134

Кто я, навек утративший покой, —
Смиранный странник на стезе мирской?
Но каждый вздох мой порождает пламя,
И сон бежит меня в ночи глухой.
Лелею в сердце я посев печали,
И нет заботы у меня другой.
Любовь моя к тебе судьбу сгубила,
О, сжался над загубленной судьбой!
Как локоны твои, мой дух расстроен,
В моей душе — все чувства вразнобой.
Так не вини меня в моих поступках!
Взгляни: я так ничтожен пред тобой.
Моей защитой на суде предстанут
Глаза в слезах, мой бедный лик больной.

Я пред тобой — дорожный прах; неужто
Смутить могу пылинкой твоей покой?
Терпи, Джами, вздыхай под зимней стужей
И знай: зима лютей — перед весной.

135

То ты — в сердце моем, то в бессонных глазах,
Оттого я и кровь изливаю в слезах.
Ты свой образ в душе у меня изваяла
И кумиры былого повергла во прах.
Страстно мир тебя жаждет! Подобно Юсуфу
Ты славна красотой в обоих мирах.
Ты глубокие струны души задеваешь,
Я рыдаю, как чанг, в твоих нежных руках.
«Эй, Джами! — ты спросила. — В кого ты
влюбилась?»
Всё ты знаешь сама, не нуждаясь в словах.

136

О стройная, как кипарис, с какой ты лужайки пришла?
Отколь ты внезапно взялась и смутой мой дух обняла?
Сжав губы, решил я молчать, но в дальнем покое души
Зовёт тебя сердце и ждёт, чтоб ты говорить начала.
Сбрось шелк разноцветной кабы,
в слепящей явись красоте,
Чтоб лилия в этом саду не хвасталась: «Как я бела!»
Ты пей мою кровь — не вино, но сердце больное не тронь!
Зачем разбиваешь сосуд, откуда вина испила?
Зачем ты, о ветер весны, о розоволикой поешь?
Доколь мне любовью гореть, коль сердце сгорело дотла?
Узнав, что я болен, она прочла надо мной фатиху,
Но власти недуга с меня заклятьем своим не сняла.
И пусть она меч обнажит, Джами,
чтоб пролить твою кровь,
Ты шею склони, чтоб она свершить свою волю могла.

104

Как было б славно, если б нас от нас самих спасли пока
 Цветущей юности краса и светлый разум старика.
 У первой — прелесть, цвет весны,

что украшает всю страну,

Успокоение дарит второй, чья мудрость высока.

Где я от самого себя без них защиту обрету?

О господи, прости меня, и так судьба моя тяжка!

Чтоб о влюбленных говорить, особый надобен язык.

Увы! Здесь моего никто не понимает языка.

Всё, что не о живой любви с минбара говорит ваиз, —

Всё это вздор, и болтовня, и многоречия река.

Навек ушли Маджнун с Лайли, но всем влюбленным,

как завет,

Благословенная о них осталась повесть на века.

«Джами, кто разум твой смутил, опору веры сокрушил?»

Луна в кулахе набекрень, что так насмешливо дерзка.

Твои глаза приносят в мир смятенье.

Склони глаза к поникшему в моление.

Увы! Твоих бровей туранский лук

Без промаха разит, без сожаленья.

Весь мир тебе сокровища дарит.

Душа живая — всё мое даренье.

Я — пес твой. Ты порой бросаешь кость

Мне, как небесное благословенье.

Основа нити истинной любви —

В твоей красе, в любом твоём движенье.

Ты любишь видеть слезы? Я пролью

Потоки слез, как вешних вод кипенье.

Учась у черных кос, обрел Джами

И вещей взгляд, и тонкость разуменья.

На улице виноторговцев придира некий восхвалял
 Того возвышенного мужа, что в мейхане запировал,
 Который от сорокалетних постов и бдений отрешился
 И сорок дней у винной бочки пристанища не покидал.

У Джама был волшебный перстень, и,
силой перстня одаренный,
И смертными, и царством джиннов он полновластно
управлял.
Приди, налей вина, о кравчий,
чтобы волшебным перстнем Джама
Нас одарили капли влаги, сверкающие, словно лал.
Когда ты за подол схватился того,
к чему всю жизнь стремился,
Взмахни руками, как дервиши, кружась,
покамест не упал.
Душа, свободная от злобы, способна тосковать о милой,
Цветок возвышенной печали не в каждой почве
прорастал.
Ты не скликай, о шейх почтенный,
отныне нас к своим беседам!
У нас теперь иная вера и толк иной отныне стал.
Когда б михрабом поклоненья для верных были эти
брови —
Весь город пал бы на колени и лбами к полу бы припал.
Джами отныне возвеличен пред знатым
и простолудином,
Так ярко он в лучах любимой достоинствами заблистал.

140

Надеюсь, будут иногда твои глаза обращены
На тех, что навсегда тобой до смерти в плен уведены.
Сиянье твоего лица меня заставило забыть,
Что славился когда-то мир сияньем солнца и луны.
Что стройный кипарис в саду пред статью стана твоего?
Со стройной райскою тубой тростинки будут ли равны?
Коль кроме твоего лица увижу в мире что-нибудь,
Не будет тягостней греха и непростительней вины.
Но если впрямь согласна ты моих заступников принять,
То эти слезы, как гонцы, к тебе теперь устремлены.
Как горестен мой каждый вздох,
свидетельствует сам рассвет, —
А ведь свидетельства его и неподкупны, и верны.
Что за огонь в груди Джами, о чем опять вздыхает он
И неутешно слезы льет среди полнотной тишины?

Ты вся на диво соразмерна. Ты — удивительно какая!
 О, как ты изумляешь сердце и утешаешь, обжигая!
 Прищуром глаз — беда и смута, ты станом —
 кипарис садовый.
 Твой рот — рубин, в котором сахар. Лицо твое —
 свеча ночная.
 Я истекаю кровью сердца, тоскуя о тебе без меры.
 О, сжался же над тем, кто гибнет,
 жизнь от любви к тебе теряя.
 Меня сразил недуг разлуки, но ведь тебя же не убудет,
 Коль ты придешь ко мне и спросишь:
 «Что за болезнь в тебе такая?»
 Лишенный чаши милых лалов, я чаши глаз не осушаю.
 Раскрой уста в улыбке сладкой, меня пред смертью
 утешая.
 О, господи, как ты прекрасна! Смятенье и столпотворенье
 Начнется в городе, коль выйдешь из дома,
 юностью блистая.
 Любовь опоры укрепила, но рухнули столпы рассудка.
 «Ко мне, на помощь, помогите!» — кричу,
 в отчаянье взывая.
 Покинут я тобой, и темной и тесной стала келья сердца.
 Войди, как свет, в мои зеницы,
 на миг мне зренье возвращая,
 Потом ступай к друзьям, пируй! И пусть тогда, тобой
 покинут,
 Джамы, забытый, умирает: им пройдена тропа земная.

Узкоглазая смутьянка мой похитила покой.
 На ее кабе в обтяжку блещет пояс золотой.
 Красотой, походкой, статью это пери — скажешь ты.
 Но нигде не встретишь больше и строптивости такой.
 Не дождусь я встречи с нею. Поцелую, может быть,
 Легких ног ее подошвы, после смерти став землей.
 Кровь мою пролить ты хочешь? Я пощады не прошу.
 Сшит мой саван погребальный, меч буланный под рукой,
 А моих страданий повесть перепишут брызги слез
 На листках травы, проросшей из того, что было мной,

И пускай развеют ветры по лицу земли мой прах,
Будет каждая пылинка веять прежнею тоской.
Не унять **мне** жженья в сердце и ничем не потушить,
Кроме **смертного** напитка, кроме гибели глухой.
Ты, смеясь, проходишь мимо и не знаешь обо мне,
Как в слезах тебе я счастья у небес прошу с мольбой.
Боже мой, во что же верить безнадежному Джами,
Коль уйдет он обойденный и невзысканный тобой?

143

Зорче видят мои зеницы, чуть к ногам твоим припаду;
Ты прекрасна. Пусть твой завистник
на себя накличет беду.
И какая радость счастливицу, что увидит твое лицо
Сквозь листву, когда на рассвете ты
в своем проходишь саду.
Как ты милостива со всеми, как улыбкою всех даришь,
Только я ни капли участия у тебя в душе не найду.
Чем сожжен я, свеча Чигиля, ты тогда лишь
сама поймешь,
Коль сто раз, как я, одиноко встретишь
утреннюю звезду.
Пусть ответа я недостойн, если молвлю тебе: «Салам!» —
Не гневись на слова привета,
улыбнись мне хоть раз в году.
О, доколе безумье страсти? О, доколе пить свою кровь?
О, когда же из бездны позора и погибели я уйду?
Мне рассудок твердит:
«Султанши не общаются с бедняком.
Так зачем свою жизнь ты губишь и такую терпишь
страду?»
— «Замолчи, презренный рассудок! — отвечает ему
любовь. —
Я стремлюсь к ней — и пусть в безумье,
но живу с надеждой в ладу!»
Я не знаю — твой пес последний или твой невольник
Джами?
Я — твой раб, с серьгою рожденный,
я твоих повелений жду.

Освободясь от нашей скорби, она от нас ушла,
 Но скорбь осталась в нашем сердце, горька и тяжела.
 Она росла в саду, как пальма, но хлынул вдруг поток,
 И пальму вырвала из сада слепая сила зла.
 Тот, кто цветенья этой пальмы лишился в день тоски,
 С трудом поверит в то, что где-то другая расцвела.
 Найти, я знаю, невозможно мне с помощью людей
 То место, где она сокрытый приют себе нашла.
 Светильник сердца погасило,дохнув, небытие,—
 Так разве может быть для сердца печали ночь света?
 Поскольку ты, Джамии, согнулся под бременем разлук,
 Ты ждешь, чтоб вечный сон коснулся и твоего чела.

Всё здесь: и сад, и блеск ручья, и вот он —
кубок для вина,
 Встань, кравчий, здесь запретов нет,
немыслимо не пить до дна.
 И если в келье у себя старик молитвой упоен,
 То я — вином. Со мной оно, им упиваюсь допьяна.
 К губам ты чашу поднесла, — я ж в упоенье не пойму,
 Что это? Алость губ твоих? Иль просто чаша так
полна?
 В силочку густых твоих кудрей попала не одна душа,
 Колечком зульфы твоего душа, как птица, пленена.
 Не стоит обнажать клинок, чтоб сердце надвое рассечь,
 Тебе достаточно разок взглянуть — и жертва сражена.
 Ты искушенным не толкуй о высших тонкостях любви,
 Простые люди тут, зачем им говорить: «Любовь сложна!»
 Джамии тобою опьянен, забыл вино и кубок он,
 И ни к чему они ему. Здесь пир любви — сама она!

Ну, кравчий, колесо небес пошло, как пожелали мы.
 Дай блеска солнцу, свет его увидим хоть в бокале мы!
 Неси же алого вина, давай его сюда скорей,
 Покорен нам небесный Рахш, коня времен взнуздали мы!

И той тюрчанке поднеси одну-две чаши, пусть спьяна
Воздаст судьбе за муки те, что в жизни испытали мы.
В источник сада красоты вернула вновь поток воды
Та, стан которой — как туба, чью гибкость увидали мы.
Взыграла попугай-душа и заблестала, как павлин,
От фарра птицы Хумаюн, что в сеть свою поймали мы.
То на закате пью вино, то на заре опохмелюсь,
Смотри — раденья день и ночь себе в удел избрали мы.
Джами, восславив сладость уст, как будто сахар наколол.
Да не умолкнет песнь души для той, что восхваляли мы.

147

Учитель, до каких же пор с зарн и дотемна
Моя газель должна все дни быть в школе пленена!
От свежей зелени луга сверкают, как парча,
Дай отдохнуть ей, с нами пусть побеждает она.
Зачем еще, чему ее ты хочешь научить,
Когда с рождения она была умудрена.
Куда ни ступит — зазвучит молитвой за нее
Сердечный возглас: «Боже! Как умна, ловка, стройна!»
Да только губ ее вино, увы, запрещено.
Ходжа, без милости такой нет вкуса у вина!
Вчера я дал себе зарок не помышлять о ней,
Но понял, увидав ее, что клятва неверна.
А у Джами от этих губ душа кровоточит,
Как чаша кровью — до краев душа его полна.

148

О друг, спеши к лужайке поутру, когда заря румяна!
Прибила пыль полночная роса, цветы благоуханна.
Доска земли расписана рукой чигильских живописцев,
Чья кисть творит на досках красоту во славу истукана.
К чему молить о тени облака, коль тень раки и вязов
Зовет, манит к журчанью ручейка прохладой желанной?
И розами, конечно же, пленен тот радостно-беспечный,
Кто, как бутоны, сердце распахнул,
проснувшись утром рано.

Не потому ли покраснел тюльпан, что, с розами пируя,
Он, посрамленный, увидал пустым свой кубок
филигранный?
И коль тиран — усердный мухтасиб — не разобьет
кувшины,
Его иные происки сочтут подарками тирана.
Прелестно утро! Чистое вино друзей пьянит приятно,
И тем Джамии сегодня пристыжен, что он один не пьяный.

149

Нет вина веселья в чаше неба, да и надо
просто быть глупцом,
Чтобы думать, будто может в чаше быть вино,
коль чаша кверху дном.
Лишь невежда называет счастьем выгребную яму — этот
мир.
Так ребенку кажется опухший сановито-важным
толстяком.
Никому не сшила одеянья из нетленной вечности судьба.
Жизнь — халат парадный, жаль — короткий, и к тому же
сшит непрочным швом.
Ветке, перегруженной плодами, угрожает камень
подлецов.
В этом мире счастлив неимущий,
что забот не знает ни о чем.
Перед нами узкая дорога, ночь темна, разбойники
вокруг.
Проводник в дороге жизни нужен,
чтоб с пути не сбиться непутем.
Пусть садовник в юности прививки сделает,
как саженцу, тебе,
Коль вкусить хорошее мечтаешь в сем саду,
давно поросшем злом.
Кто, Джамии, над бренностью вознесся
и в пути утратил «мы» и «я»,
Может быть по внешности началом,
а по сути может быть концом.

Надолго ль мне даны в удел терзанья:
Твои отказы, спешка, опозданья?
Во тьме груди моей тебе не место,
Ступай в глаза, живи среди сиянья!
Из-за тебя сочится кровь по каплям,
Но нет в тебе ни капли состраданья.
Сдержи коня! Он высекает искры,
Моя ж душа готова к возгоранью.
О, не зови розарием упиться,
Не одаряя розами заране!
Тебе пристала ткань из нитей сердца,
Твой стан раним и самой легкой тканью.
Пройдешь, Джамии кровавыми слезами
В тюльпан твое окрасит одеянье.

Зову, приди! Уж сбросил сад ночное облаченье,
Зефир коснулся лепестков рукою дуновенья,
Повеял нежностью твоей и розовою амброй
И вместе с птицею весны меня поверг в смятенье.
С ветвей осыпало капель серебряных дирхемов
К ногам полураскрытых роз его прикосновенье.
Заря любовно помогла бутонам снять сорочки
И встретить солнце в наготе, исполненной томленья.
Безумны только облака, достойные упрека
За то, что в стекла пузырьков швыряет град камня.
Испачкал мускусом тюльпан не потому ли чашу,
Что знает: с мускусом вино намного совершенней?
Джами, вдевая в уши роз бесценнейшие перлы,
То с неба падает роса иль из твоих творений?

Зонтик от солнца под куполом неба
 весенние тучки раскрыли,
На изумрудной подстилке тюльпаны-
 рубины шатры водрузили.
Что о тюльпане сказать? Он блестящий красавец
 в багряной рубахе,

Свежую кровью убитых влюбленных
смочивший подол в изобилье.
Нет, я не то говорю. Он красавец,
взметнувший над травами пламя
Огненных ран умерщвленных сердец,
чья нетленна любовь и в могиле.
Донышко чаши его золотое обильно присыпано чернью,
Точно Заххак забросал Фаридуна сокровища черною
пылью.
Диву даюсь, наблюдая, как ветер на воду наносит узоры,
Сотни рисунков — без чар колдовства, без малейших
усилий.
В зеркале вод отражение трав с рамкой,
тронутой патиной, схоже.
Зеркало плеса — сиянье сердец, тех,
с которых печаль соскоблили.
Ночь лепестковой чадрую завесила сад,
чтобы утром просохла,
После того как ее постирала в ущербного месяца мыле.
Падает в чашу тюльпана роса,
и бессмертные строки о камне,
Брошенном в чашу Маджнуна Лайли,
звучали воскресшею былью.
Слово твое, о Джами, на весах дружелюбия взвешено
точно.
В слове завистников нет равновесия,
гири поставить забыли.

153

Вставай, о кравчий! Выбелило небо
сияньем ледяным восток,
И ночи ворон, белым став, как цапля,
стремглав пустился наутек.
Камфарно-облачное небо сеет крупинки чистой камфары,
И скорлупу земли пушистым слоем покрыл
камфарный порошок.
В лугах парчу зеленую свернула и разостлала холст
зима,
Прикрыла горы белую чадрую, и каждый холм, и бугорок.
А тучи настезь двери распахнули хранилищ,
полных серебра,

И сыплют щедро нищенским лачугам —
бери, переступив порог!
И мнится — в небе трудится гранильщик,
внизу же крошку хрустала,
Летающую из-под его точила, несет поземкой ветерок.
Тетрадь в пятнах павших наземь листьев
казался сад еще вчера.
Тетрадь бела. Открой глаза,
увидишь в том преходящести урок.
Водой дождя и мыльной пеной снега так небо
выстирало сад,
Что и наряд оставшихся в зеленом не белым
просто стать не мог.
Снежинки с неба падают цветами, и коль спуститься
в сад с огнем,
О, как слепит глаза то сине-белый, то ало-розовый
цветок!
Джами, сегодня пей с утра такое, как пламя,
красное вино,
Чтоб отраженьем в белых гранях кубка сверкал, мерца,
огонек!
И этот кубок за здоровье шаха, в честь властелина
осуши,
Того, кто сыплет на пол белый жемчуг, того,
кто щедростью высок.
Столп красоты, величия вершина, живи, о шах
Абульгази!
Твое сиянье белое бессмертно! Благослови тебя пророк!

154

О ты, чей сладок поцелуй и столь же сладок рот,
Твой сладок смех, а речь твоя намного слаще сот.
Сладкоречив и попугай, но сладостью речей
Со сладкоречием твоим в сравненье не идет.
Из сахарного тростника у портретиста кисть,
Но сладость лика твоего кто кистью превзойдет?
Тоскующему сердцу мед рисунок губ твоих,
Но слаще меда он для глаз того, кто слезы льет.
Хоть сладок сахарный тростник от головы до пят,
Твой слаще стан, о кипарис, о сахаристый плод!

- И хоть моя любовь к тебе для нѣба сердца — соль,
Ты сладость жизни, больше — ты ее сладчайший
взлет.
Не диво, что Джами поет хвалу твоим устам,
Ведь слово слаще, чем они, едва ли он найдет!

155

Обнажила осень виноградник. Гулчехра, покинь
забвенье сна!
Помни, листья жизни опадают. Так налей, любимая, вина!
Золотом ковер зеленый заткан, а из тучки небо мастерит
Решето, чтоб сыпала печально серебро на золото она.
Сад лишился летнего убранства, сладкопепцев
смокли голоса,
Лишь в шуршащих осыпью аллеях песня бегства
изредка слышна.
Мертвым сном в земле уснули травы, но во сне, конечно,
ждут они
С нетерпеньем трубный глас, которым воскрешенье
возвестит весна.
В цветнике, что розами услады опьяненным голову
кружил,
Горестей и горечи шипами трезвая душа уязвлена.
Кипариса миновали беды, что достались розовым кустам.
Где ж ты, ветер? О, повеи! Да будет жизнь вельмож
тобой унесена!
Розы смысла прорастут шипами для людей, чей дух
остер, Джами,
Для людей, как ты, проникших в тайны. Не за далью
эти времена.

156

Сердце, — о мудрая птица! — глупых друзей избегай,
Сети, расставленной адом, хищных зверей избегай!
Если не принято теми, кто прямодушен и чист,
Всѣ же людей криводушных, низких людей избегай!
Сын, родовитостью деда, саном отца не кичись,
Азбучной точности «аза» мыслью своей избегай!
От добродетельных зависть пусть не уводит тебя,
Истинно чтя добродетель, зависти к ней избегай!

Бренным земным наслаждениям вечную жизнь
предпочти.
Помни о том и соблазна нескольких дней избегай!
Не отделяйся отказом: пьющие гушу равны,
Но и снискать одобренье, быть всех пьяней избегай!
Ты по призванию — дрожжи зла и добра, о Джами!
Чтобы раскованно мыслить, сути твоей избегай!

157

Бесхвостые ослы глупей ослов стократ!
То шейхов предают, то их они творят.
К другому через день в приверженцы идут,
Хоть этот новый шейх невежеству собрат.
В таком ни веры нет, ни пламени любви,
И дара наставлять не излучает взгляд.
Когда заговорит, такую чушь несет,
Что, если бы умолк, и олух был бы рад.
Когда же он молчит, то паству так пасет,
Что у нее мозги и косточки болят.
Из кабака его всего лишь рев пьянчуг
Летит к ушам ума сквозь алкогольный смрад.
Избавь Джами, аллах, от мерзости ханжей,
Что носят голубой кошунственный наряд!

158

Лицо от горя пожелтело. Что делать мне?
Тоска в меня вонзает стрелы. Что делать мне?
Вдыхая, улетаю в небо, сгораю в нем
Звездой, что искрой пролетела. Что делать мне?
Томимый мукою разлуки, я прахом стал,
И наземь пыль его осела. Что делать мне?
Любовь пьянит меня, но сердце вот-вот замрет.
Лишь кубком оживляю тело. Что делать мне?
В ночи на ложе сна стенаю, душа болит,
И слезы лью осиротело. Что делать мне?
А рок — на страже и, ликуя, всё зло свое
Обрушил на меня всецело. Что делать мне?
О, горе, горе! Друг единый есть у Джами.
Расстаться небо повелело. Что делать мне?

Не тот я ныне, кто язык марает болтовнею,
 Стирает кончик у пера то бранью, то хвалою.
 Пустые строки — черепки, поэзия — алмазы,
 Но браво, глупость, коль стихи украшены тобою!
 Я отдал жвачке много лет, теперь кусаю локти,
 Над жизнью прожитой скорблю, растраченною мною.
 Теперь в слезах мои стихи цежу я сквозь овчину,
 И хоть бы раз блеснула шерсть крупницей золотою!
 Хотя поэзии простор поистине бескраен,
 Меня стесняет край строки рифмовкою, не скрою.
 Стихи — как ветер! Ну а я и дни и ночи занят
 Моджтессами, и музари, и прочей чепухою.
 Я красноречию сказал: «О мой работодатель,
 Что всем завистникам назло столь щедрою рукою
 Даешь в словесной мастерской без меры мне работу,
 Не пострадаю ль, коль уйду в молчанье с головою?»
 В ответ услышал я: «Джами, ты дивных тайн
хранитель.
 Не допусти меня открыть хранилище такое».

Везде, где поселюсь, найду тебя и там.
 Клянусь, не тронусь в путь к чужим тебе местам!
 В ночи на ложе сна найду тебя во сне
 И в грезах наяву, что так подобны снам.
 Возлюбленной найду у верности в глазах,
 Когда несусь вино к слабеющим устам.
 На сборище найду, где теплится свеча,
 Кружась вокруг нее подобно мотылькам.
 Найду и в погребке, где путники хмельны.
 Далеко ли ушли — мерилом будешь нам.
 И, рубище мое без колебаний сняв,
 В жемчужнице найду, ныряя в море сам.
 В безвестность постучась, покинь себя, Джами!
 Иначе как найдешь чужую небесам?

Чудесен вкус вина из рук затмившей лунный свет,
 Что на закуску поцелуй дает за чашей вслед.
 Настал шавваль, окончен пост, и лучше, чем вино,
 Всеочищенью от грехов противовеса нет.
 Бери хмельную пиалу и смело осквернись!
 Ведь бог прощает грешный год за месячный запрет.
 Как в лихорадке я горю, меня бросает в жар,
 Но почему твои уста столь жарки, дай ответ?!
 Будь осторожен, ведь судьба невестою не раз
 Коварно ставила силки холостякам во вред.
 Тельцом из глины не прельстись, подобно Самири,
 И пустословьем болтунов, несущих сущий бред.
 И если друга красота, Джами, тебя влечет,
 От шашней свахи не страдай, влечением согрет.

Певец под звуки лютни и колокольцев звон
 Запел, и пир на зорьке украсил песней он.
 «Вставай, ходжа сонливый! Ведь жизни каждый миг
 Есть вечности богатство. Не трать его на сон!
 Открой для песен уши на утреннем пиру,
 Хмельною мугской чашей приятно опьянен.
 Пренебрегать не вздумай рубиновым вином.
 Конец не за горами, что миру предreshен.
 Считай своей удачей веселья каждый день,
 Ведь ты, быть может, завтра издашь предсмертный
 стон».

Там, где хоть признак друга сумею отыскать,
 Склонясь к его порогу, отвешу я поклон.
 Свой дом на путь к Каабе не променяй, Джами!
 Ведь каждый дом — святыня, Каабы не лишен.

Беги постящегося шейха! Намного холоднее
 Его поста сорокадневка промозглой стужи дея.
 Не станет странствие в жестоких долинах отреченья
 Для подлеца тропю к богу — никчемная затея.

Что о царе всея вселенной поведать пастве может
Не испытавший царь-дороги хоть раз ногой своею?
Знай, наставлять напрасно тщится идущих тарикатом,
Кто их следов на нем не видел, кто сам слепцов слепее.
И крик его «хей-хей!» не служит мерилom опьяненья.
Боишься крика птица дружбы и прочь летит, робея.
Какой он путник, если даже и двух шагов не сделал,
Глупец, что сведенья о Руме приписывает Рею?!
Не верит в шейха городского Джамии. Нет, нет, не верит!
Мюридом быть прелестных кравчих ему куда милее.

164

Когда в небесном одеянье сверкнешь хотя б на миг,
Луна за синюю завесой стыдливо прячет лик.
Когда в небесном одеянье проходишь, о луна,
Всем взорам ясно: лику солнца твой лик равновелик.
Ты ветвь самшита, на которой нет лотосам числа,
Ты кипарис, чья крона в розах и в гиацинтах пик.
Извечно лотос тонкий стебель скрывает под водой.
Ты вся, о пери, дивный лотос, что над водой возник.
Хоть лепестки бутонов нежны, нежнее всё же ты,
О роза, стянутая платьем, смеющийся цветник!
Не будь бездушной! Не убудет величья твоего,
Коль милость явишь тем, кто к мукам из-за тебя привык.
Но лишь Джамии постигнул цену твоей красоты, поверь.
Как ювелир, в оценке перлов искусства он достиг.

165

О птица утренней зари, по ком твоя тоска?
О чем стенаешь так, что ночь для стонов коротка?
Коль в розу страстно влюблена, порхни, как соловей,
И отыщи свою любовь в аллеях цветника.
А если стройный кипарис, как горлинку, влечет,
Зачем стенаешь в цветнике над чашею цветка?
О нет, я знаю: в цветнике тоскуешь по луне,
Чей паланкин исчез вдали среди холмов песка.
Я привяжу к твоим крылам письмо моей тоски.
О, проследи, чтоб то письмо взяла ее рука!

Стенаю так же, как и ты, разлукою клеймен.
Упомяни о том луне, что ныне далека.
А если спросит обо мне, скажи, что впал Джами
В десятки бед и сотни мук — так рана глубока, —
Тоскуя, проглядел глаза в надежде, что ее
Увидит снова — и она не взглянет свысока.

166

Нет вдохновенья, что могло б воспеть мою мечту
газелью,
И нет проникновенных строк, что хоть бы лик ее воспели.
Нет милосердного, кому хотело б сердце петь касыды,
Когда от происков судьбы сквозят в опорах жизни щели.
Нет острослова, чей язык изящной вязью аргументов
Низал бы в спорах мудрецов из остроумья ожерелья.
Но коль исчерпаны слова, где розоликий виночерпий?
Незаменимо лишь вино, нет исчерпаемости в хмеле.
Пригубив чашу, насладись красивым ликом и не кайся!
Поверь, и ангелы небес греха не видят в этом деле.
Что ж, есть за пазухой тайник,
хранящий преданности жемчуг,
Но этот жемчуг сохранить не все за пазухой сумели.
Трактат о тонкостях любви не поясняй, Джами, аскету,
Знай место слову, а не то оно достичь не сможет цели.

167

О ты, чье сердце безмятежно, что знаешь о тоске,
О том, как больно ноет сердце от друга вдалеке?
О, что ты можешь знать о боли израненной груди,
Коль и колючки не задела, растущей на песке?
Что, нежась до утра на ложе, ты можешь знать о тех,
Чьи ночи — стон, чье ложе — мука, чья жизнь на волоске?
Что знаешь, горлинка, о птицах, томящихся в плену,
Ты, что на ветку кипариса взлетаешь в цветнике?
Что можешь знать о трезвых людях, об их путях, Джами,
Коль опьяненность и беспутство с тобой накоротке?

И в сердце, и в глазах бессонных так непрестанно ты,
 Что мнится мне: вдали мелькаешь, куда ни гляну — ты.
 Тот, кто готов для непокорной уйти из жизни, — я,
 А кто покорному наносит несчетно раны — ты.
 Утратив сердце, тем доволен, что, унеся его,
 Владеешь сердцем безраздельно и невозбранно — ты.
 Хоть в грудь мою ежеминутно вонзаешь сотни стрел,
 Я утешаюсь тем, что стрелы шлешь неустанно ты.
 Мне светит милостыней света, подачкой ночи день,
 Поскольку мне свечою светишь в ночи туманной ты.
 Зачем взывать к тебе, жестокой? Ведь знаешь и сама:
 Виной тому, что утром ложе от слез багряно, — ты.
 Хоть знаю, на торгу свиданий меня оценишь в грош,
 Твердить я буду: покупатель, душе желанный, — ты.
 «Я друг тебе, Джамии! — сказала. — Другого не ищи!»
 Придется, видно, жить без друга,
 коль друг столь странный — ты.

О виночерпий, спешься там, где в берег Шатта
 бьет прибой,
 И хмелем с памяти моей скорее муть Багдада смой!
 Печать из кубка наложи на мой сведенный гневом рот,
 Не стоит шушера того, чтоб осквернить его хулой.
 От подлых верности не жди, они подобны дивам зла.
 Ведь человеческой черты у них не встретишь ни одной.
 Не огорчен, а счастлив тот, кто к поношениям привык.
 Путь отречения, путь любви не дарит путнику покой.
 Влюбленным, прокопавшим ход в соединения тайник,
 Ничто ни лай бродячих псов, ни их рычание, ни вой.
 Влюбленный — тот, в ком нет примет,
 кто поднялся над бытием.
 К чему величие души искать у низменных душой?
 Земля багдадская, Джамии, не для торящих верный путь.
 О виночерпий, прочь вино! В Хиджаз направимся с тобой.

МУРАВВА

170

О ты, луна в магических лучах,
Ты войск очарованья падишах,
Не кройся в этих черных облаках,
Сияй всегда на ясных небесах!

Несется резво конь твой верховой,
Когда ты едешь, словно на разбой.
О, сколько душ плененных за собой
Ведешь ты на аркане, в тороках.

Тайком к чертогу твоему приду,
Ланитами к порогу припаду,
Я в свору псов твоих не попаду,
Что прыгают и лают в воротах.

Не уезжай, туранский мой кумир!
День расставанья сокрушит мой мир...
Когда останусь одинок и сир,
Бразды ума не удержу в руках.

Уносит вдаль весенний ветерок
Твой паланкин, как белый лепесток,
И вслед мой стон по тысяче дорог
Взывает в караванных бубенцах.

Из сердца сердце навсегда ушло,
И это непомерно тяжело.
Но я храню твой свет, твоё тепло,
И образ твой живой — в моих глазах!

Бальзама мне для исцеленья нет,
Скорбям разлуки утоленья нет,
К делам земным во мне стремленья нет.
А ты? В каких пируешь ты садах?

До небосвода я подъямлю стон,
Потоком слез кафтан мой орошен.
Тебе открыт я! Что же я лишен
Вниманья друга, брошенный во прах?

Смирись, Джами, в безмолвии страдай,
Как звонкий руд, вседневно не рыдай,
Погибшую любовь не призывай —
Забвенья мук ты не найдешь в слезах!

БЫТА

171

Подлец пребудет низок, пусть даже высоко
Воссядет на престоле царя и полководца.
И пыль низка — пусть даже, противу естества,
Взметенная бураном, на небо вознесется.

172

Не обольщайся прелестью красавиц,
Пленительно сверкающих в саду.
Ты в будущем году к ним охладеешь,
Как к прошлогодним — в нынешнем году.

173

От сребролюбца-хвастуна ты щедрости не жди,
Хотя он милости сулит, — он просто врет безбожно.
Увы, пословица гласит, что можно из дерьма
Слепить лимон иль апельсин, но нюхать невозможно.

174

Бездарному, как ни старайся, ничем нельзя помочь,
Бесплодны все твои усилия, и труд напрасен твой.
На глиняный забор сухую колючку положи —
Не расцветет она от солнца и влаги дождевой.

Сказал однажды Сагари: «Я гибну от воров,
 Что мысли лучшие крадут из строк моих и слов».
 Я много слов его прочел, но мысли не нашел.
 Увы, он прав: украден смысл из всех его стихов.

Сказал я своему кумиру: «Моей любви стекло
 Не разбивай камнями гнева, меня ты пощади.
 Жестокость прогони из сердца, о гордая, молю:
 К моей груди своею грудью спокойно припади!»
 Она ответила с улыбкой: «Не думаю, что ты
 Спокойным будешь, если грудью прильну к твоей груди!»

Взгляни, о боже, на великих, что правят городом
 моим, —
 Им тесен мир, они друг в друге упрямых обрели врагов.
 Вот, например, на заседание придут к духовному главе,
 Но каждый это заседание возглавить с гордостью готов.
 Из-за ничтожной пяди поля, принадлежащего не им,
 Они воюют, обнажая кинжалы длинных языков.

О шах! Простой народ — сокровищница; помни,
 Что золотые в ней таятся клады жизни.
 Как вору, отруби ты руку властелину,
 Что грабит подданных — сокровище отчизны.

Всегда нуждаемся мы, люди,
 в хорошем дружеском общенье,
 Где общество, там совокупность,
 а совокупность нам нужна.
 Не разрывай стихи на стопы, когда читаешь их напевно:
 Стопа, что вырвана из строчки, — пуста и смысла лишена.

Невежда, всезнаньем хвальныйся, ты покажи
 Сначала наличность, пустым потряси кошельком!
 Что знает о трапезе Иисуса осел,
 Засунувший морду в глубокую торбу с овсом?

Я поднял выю помыслов высоких,
 Освободившись от ярма стяжанья;
 Презрел богатства власть. Мне светит бедность;
 Пред ней, как ночь пред солнцем, тьма стяжанья.

Джами, ты ворот жизни спас из лапы бытия,
 Но не схватил рукой подол того, что алчешь ты.
 Погибло шесть десятков лет. Закинь же невод свой,
 Чтобы с уловом он пришел всего, что алчешь ты.

В саду словесном соловей таланта, данного творцом,
 В семи двустигших создает напев живой, созвучий строй.
 В любой газели — «Хафт пайкар» хранителя казны
 Ганджи,
 И сто сокровищ смысла в ней, когда сумеешь, ты открой.
 Семь бейтов — суть одна газель,
 а каждый бейт — из двух мисра.
 Не возмущайся, что газель зовут «семеркою двойной».
 Пусть будет бейтов шесть иль пять,
 по сути это та ж газель.
 Ты вглядывайся в грани строк, следи за тайной их игрой.

Ты дружбы не води с людьми глупей тебя,
 Достойнейшим всегда внимай, благоговей.
 И сам не докучай тем, кто мудрей тебя:
 И мудрый хочет быть с тем, кто его мудрее.

Когда тебя встречаю, каждый раз
 Я слезы лью и становлюсь незрячим.
 Ты — свет, ты — боль моих поблекших глаз:
 Когда у нас глаза болят, мы плачем.

Не свиток стройных строк здесь развернул
Джами, —
 Я скатерть расстелил, я подражал отцам.
 Здесь всё найдешь, — всё, что найдешь, возьми.
 Здесь только нет хвалы глупцам и подлецам.

Глупцов и подлецов, о ты, мой юный друг,
 Во имя благ мирских не восхваляй беспечно.
 Мы блага обретем и выпустим из рук,
 А их цена — позор — останется навечно.

В селеньях края злого и чужого
 Я друга и забвенья не обрел.
 Я правде верен был и верен слову,
 Но счастья по сей день я не обрел.
 Так кто-то жизни постигал основы,
 Но света и прозренья не обрел.
 Всё потерял, но ничего иного
 Он, кроме притесненья, не обрел.

Сравню ли я с небесною луной
 Лицо земной луны — моей любимой?
 Гляжу я на лицо луны земной,
 Оно милей небесной несравнимо.

Разочарован я: порядочных людей
 Не вижу наяву, не вижу в сновиденьях.
 От солнца жарким днем я в тень спешу скорей:
 Мне не жара страшна, своей боюсь я тени.

Джами, есть люди, чья душа подобна вещи птице,
 К ограничению себя таким стремиться надо.
 Мы чашу жизни жадно пьем лишь в чайнии счастья,
 Но и в отчаянии есть особая услада.

Привязанностей избегай на скорбной сей земле,
 Не будет истинно близка душа ничья тебе.
 Едва ли склонности твои с чужими совпадут,
 Ну а фальшивые зачем нужны друзья тебе?
 А сыщешь друга по душе — разлука тут как тут,
 Глоток ее напомнит вкус небытия тебе.

Сталь закаленную разгрызть зубами,
 Путь процарапать сквозь гранит ногтями,
 Нырнуть вниз головой в очаг горящий,
 Жар собирать ресниц своих совками,
 Взвалить на спину ста верблюдов ношу,
 Восток и Запад измерять шагами —
 Всё это для Джами гораздо легче,
 Чем голову склонять пред подлецами.

Джами, раз не находится живых людей на свете —
 Блаженны мирно спящие, им предназначен рай.
 Осталась пыль на площади от тех, кто шел
 за правдой,
 Но время пыль развеяло, пустым стал отчий край.

Я вижу поколение, что в мастерской науки
Не просверлило щелочки, хотя бы невзначай.
Впились шипы колючие в имеющего сердце,
Ростки увяли хрупкие, едва увидев май.
Чего ж ты обижаешься, талант свой видя скрытым,
А недостатки явными, и слыша злобный лай?!
Не придавай значения неверному решению
И подлинно хорошее плохим не называй.

РУБАИ

195

Как может тебя увидавшее око
В разлуке от слез не ослепнуть до срока?
Хоть сам я живу без тебя, удивляюсь
Тому, кто живет от тебя так далеко.

196

Моя любимая — о, страшный час! — уходит,
Из рук подола вырвавши атлас, уходит.
Кровь хлынула из глаз, из жил бежит. . . О боже,
Уходит из души всё то, что с глаз уходит.

197

Сердце расплавил пламя в полный накал.
Думал я выиграть счастье — жизнь проиграл,
Понял: тебя я не стою, жалок и мал.
Сердце смирилось, и разум спорить не стал.

Побледнел шиповник щек от лихорадки,
 Губы обметало, кудри в беспорядке,
 Спишь ты, словно око. Я же в изголовье —
 Брови тетивою — сон храню твой краткий.

Обращался я к аллаху от страданья по тебе,
 Рвал терпения рубаху от страданья по тебе,
 Натерпелся боли, страху от страданья по тебе.
 Проще: стал подобен праху от страданья по тебе.

Ах, только не сглазить бы глаз красоту!
 В одном уголке вижу синь-черноту:
 Наверно, смутили глаза машшату, —
 Сурьмой провела она эту черту.

Глазам была видна ты, а я не знал,
 Таилась в сердце свято, а я не знал,
 Искал по всей вселенной твоих примет,
 Вселенною была ты, а я не знал.

День прошел в размышленьях о том, что всё прах.
 Увы,
 Ночь прошла в сожаленьях о яви и снах. Увы.
 Миг один этой жизни дороже вселенной всей,
 А она зря прошла в бесполезных мечтах. Увы.

203

Спешил я приукрасить другим под стать себя,
 Не ближних за терпенье — хвалял опять себя.
 Когда ж узнал в разлуке, где спешка, где терпенье, —
 Тогда, хвала аллаху, я смог познать себя.

204

На дереве терпенья плод — не диво.
 Знать, что разлуки срок пройдет, — не диво:
 Уж если сердце отдано любимой,
 Отдать ей тело в свой черед — не диво!

205

Под обличьем воды и земли кто есть в мире,
кроме тебя?
 Там, где душу тела обрели, — кто есть в мире,
кроме тебя?
 Ты сказала мне:
«Кроме меня, всех других ты сердцем отринь».
 Сердце мира! Вблизи и вдали кто есть в мире,
кроме тебя?

206

Кто на уста твои взглянул, сказал: «Душа видна!»
 Кто на лицо твое взглянул, сказал, что ты — луна.
 Так многолик и так велик мир красоты твоей,
 Что по-иному каждый раз ты будешь названа.

207

Ты ушла, чтобы сердце мое на далекой дороге изранить
 Или душу больную мою лезвиями тревоги изранить.
 Вряд ли выживу я без тебя.
А когда ты назад возвратишься,
 Осторожно мой прах обойди, ибо можешь ты ноги
изранить.

Кабарга нужна ли, если мускус есть твоих кудрей?
 Для чего нам солнце, если звезд и солнца ты светлей?
 Выступила лихорадка, вижу, на твоих губах,
 Вся из сахара, наверно, только слаще и вкусней!

Ты представлялась мне иною, а не такой, как во плоти.
 Я начал странствовать, надеясь тебя когда-нибудь найти.
 Теперь, когда тебя нашел я, понятно стало мне: ты — то,
 Что я давным-давно оставил в начале своего пути.

О, где любви обычай и примета? Найди, найди!
 Всё, что добром к униженному согрето, найди, найди!
 Настало время, солнце ищет: где же твой труд благой?
 Скажи: «О время! Тех, кто ищет света, — найди, найди!»

Хотя согнулся я под гнетом бытия,
 Я выразился в «я», в душе его тая.
 Начало светлое в непрочной глине плоти,
 «Я», «я», — твержу я всем. Но что же это — «я»?

Твои уста — вино и мед, ты розы ярче цветом,
 Улыбкой сладостной влечешь и сладостным приветом.
 Чтобы не сглазило тебя завистливое время,
 Пусть станет рук моих кольцо для милой амулетом.

213

От взгляда на тебя стал светел очей моих родник,
 От таинства любви стал счастлив моей души тайник,
 Все атомы мне засияли, благодаря тебе,
 И в каждом атоме, как в солнце, мне твой сияет лик.

214

Поняла ты, кто я такой? Я подлее всех подлецов.
 Если речь пойдет о скупцах, то я всех скупее скупцов.
 На пути, где ищут тебя, где так много видно отставших,
 Больше всех я отстал: тебя я утрачу в конце концов!

215

Среди вкусивших хлеба видим и юношу, и старика,
 Они познали сто мучений из-за единого куска.
 Из глаз младенца вытекает — гласит старинная строка —
 Сто капель слез горячих ради единой капли молока!

216

Я плачу кровью слез, и льются два потока.
 К чему мне эти два кровоточащих ока?
 Всем сердцем жажду я свидания, но сердце
 Предчувствием разлук изранено жестоко.

217

Из рук дурных спаслась ты, чаша,
хмельного полная питья.
 Касались уст моей подруги твои уста — твои края.
 Сперва возлюбленной лобзанье ты передай моим устам,
 Тогда мои уста узнают, как влага хороша твоя!

Любви не видя знака никакого, я ушел,
 Из уст твоих не обрета ни слова, я ушел,
 Опять поняв, что ты со мной сурова, я ушел,
 Короче: как пришел к тебе, так снова я ушел.

Сними кисею с лица, лучезарного, как луна.
 Раскрой в улыбке уста — два лаала цвета вина.
 Вся совершенна ты — от макушки до пальцев ног.
 Благословен аллах, что такая им плоть создана!

Ты — целый мир очарованья, а я — твой пленный
воробей,
 Попавший в сети обаянья всей нежной слабости твоей.
 Ты привяжи меня, как птицу, тесьмы индийской не жалей,
 Держи тесьму. И сам вернусь я; плен мне
свободы стал милей.

Я с тобою в разлуке, но сердцу отрада — видеть тебя
хоть во сне.
 О, любовные муки! Но сердцу награда — видеть тебя
хоть во сне.
 О, доколе мне плакать? Меня ты простишь ли,
вернешься ль ко мне, —
 Никакой нет поруки. Но сердцу услада — видеть тебя
хоть во сне.

Одиноко я плачу в ночи, а когда заалет восток,
 Молча ворот терпения рву, как бутон разрывает цветок.
 Может, юной розы росток, только выросший из земли,
 Мне о розе весть передаст, чей последний сон
так глубок?

223

Четырнадцатилетняя луна, кого сравню с тобой?
 С четырнадцатидневной луной равна ты красотой.
 Да не постигнут красоту твою ущерб, закат глухой!
 Четырнадцатилетней будь всегда, будь навсегда такой!

224

Тоска по тебе унесла столетнюю радость мою.
 Я в сердце печали печать, как в чаше тюльпан, утаю.
 Когда же я в землю сойду с душою, сожженной тобой,
 Из сердца тюльпан я взращу и ветру свой стон изолью.

225

Ты вздохам горестным моим учишь внимать, о сердце,
 В пути далеком мы должны ровней дышать, о сердце,
 А всех не помнящих добра, презревших правды свет,
 Забудь, коль можешь! Нам таких не надо знать,
о сердце!

226

Сердце сжалось от обиды, петлей стало в знаке «мим»,
 Сделалось под гнетом злобы точкой малой в знаке
«джим».
 Где укрыться от напасти, если всё, что было целым,
 Разломаюсь, как в «лам-алифе», знаком сделалось
двойным?

227

Глаза твои — палачи, что гнали нас на убой,
 Не в трауре ли по нас оделись синей сурьмой?
 Ошибся я! Это в саду твоей красоты расцвели
 Нарциссы темных глаз в лилейной кайме голубой.

Когда тебя от головы до пят
 Сожжет прекрасный, но неверный взгляд,
 Пей, как вино, кровь собственного сердца,
 Глотай, как сладкий сахар, горький яд.

О милая, взгляни, как мир красив,
 Вот строки трав легли на свитки нив.
 Весна, как ученик, мелком зеленым
 На поле учится писать «алиф».

Я клялся верным быть, но верным быть не мог.
 Ты прогнала меня, теперь я одиноко.
 Ты сетуешь, а я главу посыпал прахом,
 Из-за твоих причуд я клятвой пренебрег.

Обретшему бальзам не задавай вопрос,
 Какие муки он познал и перенес.
 Ты слушай мудрецов и, виноград вкушая,
 Не спрашивай о том, в каком саду он рос.

Подруга Севера, луна, сияя в небесах,
 Следы любимой озари, дороги серый прах.
 А если спросит про меня, живущего в дали,
 Ответь: «Измучился поэт и от любви зачах!»

Твоя печаль огнем мне сердце жжет,
 Я обожжен на сотню лет вперед.
 Придет пора, и на моей могиле
 Мак огнецветный жарко расцветет.

Сказал я сердцу: «Дай передохнуть!
 Я истомлен, далек мой трудный путь.
 Сумей суровым быть с неблагодарной,
 С той, что смогла поэта обмануть!»

Я без тебя поднес бокал к губам,
 Вино я пью с печалью пополам.
 Ты черным взором дни мои смутила,
 Расстались мы — конца нет черным дням.

Кто силу знания отверг, тот обделен умом, —
 Он счел, что сущее кругом — обманчивый фантом.
 Но если этот зримый мир — воображенья плод,
 Как с вечной истиною быть, вне нас живущей в нем?

Мой день прошел в тоске и маете.
 Я горевал в вечерней темноте,
 О том, что жизнь, мгновенье за мгновеньем,
 Я промотал в никчемной суете.

238

В огне страстей дотла я сердце сжег.
Искал я тщетно, годы не берег,
Лишь под конец, вниманья недостойный,
Истерзанный, пришел на твой порог.

239

Беда тому, чье сердце оскудело,
Кто разлюбил, чья роза облетела.
Ты говоришь: «Дозволь уйти!» О, небо!
Кто разрешит душе покинуть тело?

240

Когда весною, благостью небес,
Цветы покроют и поля и лес,
Я на могильный холм приду в надежде,
Что образ милой в лилии воскрес.

Прикажи расстаться с жизнью за единый поцелуй —
Я пожертвую душою, но блаженство посули.
Дай коснуться поцелуем, дай изведать сладость уст.
А потом — на всё согласен! — умертвить меня вели.
Если жизнь в руках любимой, словно птица в западне,
Одного Джамии желает: чтобы вечно дни текли...

243

У подножья Бисутун мак кровавый запылал,
Будто лапы рудника наземь выбросили лал.
Я ошибся: это сам покоритель гор Фархад
Вырвал пламень из груди, и цветок его вобрал.
Гиацинт твоих кудрей, запах мускуса тая,
Сто мятущихся сердец на колечко нанизал.
Безответная любовь день одела темнотою,
На лице моем рассвет, словно кровь, зловеще ал.
Груз разлуки на весах я измерить захотел, —
Эта ноша тяжелей, чем я прежде полагал.
Я в лицо твое глядел — кельей мне казался лик,
Сквозь окно зениц пройдя, лунный свет внутри сиял.
Возлюбившие тебя бремя бедствия несут,
Но несчастнее Джамии ни один из них не стал!

244

Песнь моя без тебя всё печальней звучит и грустней, —
Так без розы прекрасной рыдает весной соловей.
Словно чанга дуга, от печали согнулся мой стан.
По закону игры, по безжалостной воле страстей
Льются слезы мои, на щеках отражаясь твоих,
Иль от капель росы стал жасмин и свежей, и белей?
Легче смерть, чем разлука! Их рядом поставить нельзя:
Смерть — мгновенье, в разлуке страдать —

до скончания дней.

Где найти мне лекарство, чтоб муки любви заглушить?
«Нет такого бальзама!» — гласили ответы врачей.

Я обитель свою из стенаний и вздохов сложил, —
Видел кто-нибудь келью, подобную келье моей?
Ты добычей красавиц не раз становился, Джами,
Много чаще, чем сам их опутывал сетью страстей.

245

Ушла любимая моя, я одиноко стал страдать.
Кровоточит моя душа, сердечной боли не унять.
От близких отказался я, ей в жертву я друзей принес, —
Не знаю, перед кем теперь мне скорбь разлуки изливать.
И вслед за ней и вокруг нее идут влюбленные толпой,
Но средь избранников, увы, мне место не дано занять.
Доколь напрасно счастья ждать от переменчивой судьбы?
Удел мой — голову склонить и всё возлюбленной
прощать.

Всех, кто любить ее посмел, она измучила вконец,
Молю ее лишь об одном: о, продолжай меня терзать!
Будь милосерден, лекарь мой, пронзивший сердце
острием:

Чтоб кровью я не изошел, стилет не надо вынимать.
И слезы бедного Джами струятся, как река Аму,
В слезах покинул он Герат, с тех пор не устает рыдать.

246

Ты ушла не простясь. Ты покинула дом,
Оглянуться забыв, будто я незнаком.
Поспешила в дорогу, влекома мечтой,
На несчастного глянуть считая грехом.
Я был верным рабом, стерегущим порог,
Ты ушла, не подумав, что станет с рабом.
Как слеза по щеке, торопился я вслед,
Ты надменно прошла с равнодушным челом.
«Посмотри на страдальца! — я тщетно просил,
Обреченно молил лишь о взгляде одном: —
С пролетающей птицей привет передай,
Весть одну с мимолетным пошли ветерком!»
Ради этой мятежной и гордой души
Отдал душу Джами, не жалея о том.

140

Доколе кровью исходить, о сердце?
 Потоки слез кровавых лить, о сердце?
 Ты, со слезами глаз перемешалось,
 Рвешь вместе с ними жизни нить, о сердце.
 Из края в край меня по свету кружишь,
 Доколе этот путь вершить, о сердце?
 Ты любишь ту, что на Лайли похожа, —
 Маджнуна путь тебе торить, о сердце!
 Мир таинство любви творит издревле.
 Чем можешь землю одарить, о сердце?
 Сто нежных гурий ты околдовало,
 Всех жаждешь ты приворожить, о сердце.
 Джамии томится в скорби и печали.
 Что делать мне, как дальше жить, о сердце?

Язык — толмач, слова — рабы, их смело
 подчинило сердце.
 Ту речь, что мы произнесли, в глубинах
 породило сердце.
 Весь мир и зримое кругом: земля, небесный оком —
 Частица малая того, что в суть свою вместило сердце.
 Все проявленья бытия, твою тоску, любовь твою,
 То, что написано пером, — волнуясь, сотворило сердце.
 Оно — разящая стрела, что луком пущена была,
 Рука нам только помогла, но метко цель
 пронзило сердце.
 Познания дивное вино, что богом пить запрещено,
 Его вкушают мудрецы, в него вложило силу сердце.
 Свободный от запретов, тот раскрепощенной мысли
 плод
 В своем единственном саду тайком от всех
 растило сердце.
 Джамии, ты высказал слова. В них проявление
 божества,
 Послание духа самого, что до поры таило сердце.

До чаши неба невзначай коснулась пальцами луна —
 И песня радостной любви влюбленным сделалась
слышна.
 Уходит месяц на закат, хмельной от праздничных
улад, —
 Со мной из чары золотой испей пурпурного вина.
 Вино, что ты продашь в тиши, ценней,
чем проповедь ханжи.
 Ханжа, милей мне торгаши —
в них безыскусственность видна.
 В одном тебе преуспевать: грехи чужие обнажать, —
 Коль их не сможешь замолить, то сам греховен ты сполна.
 Знай: недостойно мудреца нам болтовней смущать
сердца,
 Мудрец и молча говорит, — в молчанье мысли глубина.
 Коль в жизни ты не преуспел, людские души не задел —
 Себя сумей преодолеть, нам леность духа не нужна.
 Джами, на слабеньком огне не сваришь пищу в казане,
 Пройдут года, он закипит и раскалится докрасна.

Ты нашла себе другого, как теперь мне поступить?
 С кем об участи печальной ныне стану говорить?
 Мне друзья чужими стали, очерствели их сердца,
 Враг стал другом, — всё смешалось, ничего не изменить!
 Мы опишем наши чувства на пергаменте лица,
 Если нам перо придется с кровью слез соединить.
 Нам твердили, что кумиры — воплощенье красоты,
 Ты своею красотой мир сумела ослепить.
 Объяснить иносказанье вдруг потребует ходжа:
 Мысль запрятана глубоко, как невидимая нить.
 Я бушующей стихией счел могущество стиха,
 И другого океана нам нельзя вообразить.
 Современники глухие не поймут тебя, Джами,
 По ступеням отрицанья в ночь сойдем, чтоб вечно жить.

Друг виночерпий, поспеши, пора нам речи прекращать,
 Вина запретный аромат пусть на уста кладет печать.
 Я слишком многое познал. Наполни снова мой бокал,
 Вино поможет память смыть, свободу обрести опять.
 Но ухищренья ни к чему, освобожденья нет уму, —
 Подай вина, чтоб от себя смог опьяненный убежать.
 Вина испив один глоток, провидцем стану, как пророк,
 Бессмертье Хызра обрета, трубы господней стану

ждать.

Ты на могильный холм придешь и капли винные
 прольешь,
 И ветви, полные цветов, сквозь кости станут
 прорасть.

В самодовольном мире сем вино считается грехом,
 Но чаша в винном погребке мне заменяет благодать.
 Джами, еще вина испей, чтоб с милой встретиться

скорей.

Приди, о кравчий, и налей, дай мне блаженство
 испытать.

Без тебя я как птица, лишённая крыл,
 А с тобой я исполнен стремительных сил.
 Стыдно мне, что сиянье лица твоего
 Я не с солнцем, а с тусклой луною сравнил.
 Рядом с псами твоими я место нашёл
 И прибежищем сим возвеличенным был.
 Ты сказала: «Любовь — заблужденье людей!»
 Значит, я в заблужденье, что так полюбил.
 Полюбив, я науку любви превзошел
 И, невеждой прослав, все иное забыл.
 Я — зеркало, его полирует любовь, —
 Луч любви, отражаясь, меня ослепил.
 «Буква «даль» — твои кудри», — промолвил

Джами,

Взяв один завиток, он Каруном прослыл,

Столь восхитительной луны во всех земных владеньях
нет.
Влюбленным трудно без тебя — у них в груди терпенья
нет.

Где отыскать терпенье мне? В твоём пылаю я огне,
Под небосводом голубым губительней влеченья нет.
На что похож бровей полет? Священного михраба свод,
Два полукружья, два крыла, две арки — совершенней нет!
Писанья я читал листы с изображеньем красоты,
Пристрастно всматривался я — нигде с тобой
сравненья нет.

Я миг свиданья заслужил, он отдален судьбою был.
Есть только право у меня. Надежды на свершенья нет.
Кто изнурен разлукой, тот свиданья, как лекарства,
ждет, —

Тому, кто опиум курил, ни в чем ином забвенья нет.
Любовь, считали с давних пор, —
морской бушующий простор.
Джами мечтает утонуть: от страсти исцеленья нет!

Мой тюркский ангел на фарси
двух слов не может разобрать:
«Целуй меня», — я попросил. Она не хочет понимать.
Позавчера я весь пылал. Вчера от страсти погибал,
Сегодня видел я ее... и не осталось сил страдать.
Перед глазами ты, мой свет. Иных кумиров в сердце нет.
Грудь — крепость, ты шахиня в ней,
чужих не велено пускать.

Как дальше быть? Коль ты кузнец, то я одно из тех колец,
Которым двери в твой чертог не приходилось открывать.
Был заключен Юсуф в тюрьму, подобно сердцу моему,
А без Юсуфа Зулейха весь мир темницей станет звать.
Себя я с облаком сравнил. Тебя — с цветком
в расцвете сил.

Смеется роза в цветнике — мне предначертано рыдать.
Столь сильно любящий Джами с самим Якубом ныне
схож:

Его кумиром был Юсуф, он за него мог жертвой стать.

Как хорошо под тенью ив сидеть в палящий зной:
 Пронзают мягкие лучи шатер листвы резной.
 Роса мигает и спит от вздохов ветерка,
 Возносит с гордостью тюльпан свой кубок огневой.
 Но в сердцевине у цветка таится чернота, —
 Увы, ему недолго пить сок радости земной.
 Еще зеленая трава свежа и весела, —
 Она свернет ковер надежд осеннюю порой.
 Я вспомнил, глядя, как нарцисс горд венчиком своим,
 Венец Парвиза, павший в прах, Джамшида трон золотой.
 Что означает пенье птиц в опавшем цветнике?
 В нем обещанье новых встреч грядущею весной.
 Когда в бессмертье призовет меня всесильный бог,
 Хочу, чтоб помнили меня, обретшего покой.
 Знай, мысль и облик, плоть и дух едины быть должны, —
 Все сменят белый шелк одежд на саван гробовой.
 Пиши, Джамии, коль скрип пера услышит небосвод —
 Сломает в зависти Зухра чанг сладкозвучный свой.

Твой стан — как трость. А мы — стары. . .
 Идем, преодолая боль.
 Не возгордись, подставь плечо и опереться нам дозволю.
 Ты так прелестна и юна, благоуханна, как весна,
 Тебе ли взоры обращать на эту нищую юдоль?
 Величье солнца у тебя — ничтожнее пылинки мы,
 Ты нашей слабостью сильна — мы пред тобой босая голь.
 Я так твой образ возлюбил, что стал царем
 в стране любви,
 Хотя, при разуме моем, везирем стать не смел дотоль.
 Разлука держит нас в плену. . . А где же
 добронравный друг,
 Чтоб рассказал, что терпим мы,
 в плененье мучимые столь?
 Печаль окрасила чело, наш лик шафранно-желтым стал,
 И полоса кровавых слез перечертила щеки вдоль.
 Судьбы зловещей письма ты у Джамии смети с чела,
 Ему, изстрадавшему всё, одну тебя любить позволь!

БЫТА

257

Джами! Пришел ты в этот мир прекрасный, но чужой
С пытливым разумом своим и пылкою душой...
Никто адабу с детских лет не обучал тебя,
Достиг ты милостей судьбы, нелегкий труд любя.
Богатством пламенных стихов теперь ты знаменит...
Беда ль, что золото в твоём халате не звенит?
Им люди так спешат прикрыть любой разврат и зло,
Что, я уверен, друг, тебе отменно повезло:
Ведь черный ураган беды, что видел ты не раз,
Мог жизни слабый стебелек втоптать в любую грязь...

258

Не забывай, кто б ни был ты, что матерью рожден,
Что теплым молоком груди был в детстве напоен,
Что в час напасти и беды, терзаясь и томясь,
Она, как рыба без воды, душой к тебе рвалась...
Всю жизнь с начала до конца в дар принесла тебе
И словно вещая звезда она в твоей судьбе.
Ты мать родную защити! Всю славу и почет
Сложи ковром на том пути, каким она пройдет.
Стань пылью ног ее скорей и путь ей облегчай...
Ведь ноги наших матерей идут дорогой в рай!

259

Я вижу, ты пришел ко мне с лепешкой зачерствелой;
С почтеньем держишь ты ее, склоняясь главою белой.
Лежит в шатре твоём пирог, пропитанный слезами,
Его ты разжевать не смог истертыми зубами...
А помнишь юности года, то время золотое,
Когда ты кость перегрызал зубами, как пилюю?

Бродячий мусорщик, ничтожный золотарь,
 Над смрадной бочкой наклонив чело,
 Сказал раздумчиво: «Небесный государь!
 Почетным кажется мне это ремесло...»
 Подслушав те слова, напыщенный юнец
 Ответствовал не в шутку, а всерьез:
 «Мы — сливки общества! А твой удел, глупец,
 Мести за нами выпавший навоз...»
 — «Согласен, — молвил тот без ложного
 стыда, —

Но ремесла менять я не хочу.
 Мой труд для всех необходим всегда:
 Ведь сливки тоже превращаются в мочу...»

Пять важных правил в жизни соблюдай,
 И на земле увидишь светлый рай:
 В делах мирских не возмущай покой,
 Зря не рискуй своею головой,
 Здоровье береги, как редкий клад,
 Живи в достатке, но не будь богат,
 И пусть приходит разделить досуг
 К тебе надежный и сердечный друг...

Запомни крепко, друг, что правят в этом мире
 Небесный звездный круг да в нем — число четыре.
 Извечна на земле явлений кривизна:
 Зима да лето, осень да весна...
 Печаль разлук людских сменяет радость встреч,
 Поэта мирный стих — войны кровавый меч.
 За ночью неизбежно день настанет,
 А жизнь появится — вослед ей смерть нагрянет...

Мне жалок этот мир! Здесь всё к добыче льнет...
 Никто задаром и рукой не шевельнет.
 Но покажи кусок, и вмиг издалека
 К нему протянется дрожащая рука,
 За ней — еще одна, вот их сомкнулся круг...
 И очутился ты в объятьях жадных рук!

Смерть — словно вечный сон, миг пробужденья —
жизнь...
 Сон этот сладостен — за жизнь ты не держись.
 Жди ночи, как дитя, жди утра, как старик, —
 И встретишь радостно ты свой прощальный миг!

Любовь, как благостный родник, из глубины веков
 Течет... И каждый хоть на миг
 К нему припасть готов.
 Но в этой жажде вековой различьям нет конца,
 Как между страстью роковой и похотью глупца...

Всевышний задал мне загадку,
 Но в ней я разобраться смог:
 Бывает солью сахар сладкий,
 А соль — как сахарный песок...
 Ты в жизни многое хлебнешь,
 Пока в ней истину поймешь:
 Уж лучше выпить горький яд, но свой,
 Чем лобызать медовый зад... чужой.

Пусть лучше дом твой обойдет
 Порой незванный гость
 И пусть не будет у ворот
 Торчать, как в горле кость.
 Его как смертную чуму
 Старайся избежать:
 Вдруг заразишься... и ему
 Начнешь ты подражать?

Кто, словно раб, на поводу у жадности своей,
 Тот может угодить в беду и подвести друзей.
 Ведь рыбка плавает, пока
 Не выйдет резвой срок:
 Проглотит жадно червяка,
 А вместе с ним — крючок. . .

Случается, кувшин с вином
 Нетрезвая рука
 Швырнет вдруг в исступленье злом
 На камни погребка. . .
 К чему здесь возмущенный крик,
 И брань, и суета?
 Кувшин не склеить хоть на миг
 Слюною изо рта. . .

Однажды каменщик невежде строил дом.
 Хозяин приказал: «Строй прочно, чтобы в нем
 Всю жизнь не ведать мне лихих забот!»
 Прослышав те слова, прохожий у ворот
 Заметил: «Дом твой — словно наша жизнь:
 Он слаб ли, крепок — велика ль корысть?
 Все из воды мы слеплены и праха,
 Все перейдем туда, откуда мы взялись...»

Пройдут года. . . И вот настанет срок,
 Когда ты старость вступишь на порог.
 Живи, как подобает старику:
 Не гладь морщины, не румянь щеку. . .
 Поверь, что в старости почетней быть седым,
 Любовь и шалости оставив молодым. . .

Свои стихи я как-то раз писцу отдал.
 Искусным почерком он их переписал,
 Обвел орнаментом, везде проставив точки,
 Да вот беда — ошибки в каждой строчке. . .
 С досадой принялся я править этот труд,
 Дивясь обилию огрехов там и тут.
 Всю красоту, что он изобразил,
 Я скверным почерком своим перечертил. . .

Почтенный старец в целях назиданья
 Поведал притчу мне о пользе бани. . .

Однажды раб, намыливая спину
 С усердием примерным господину,
 Вдруг возопил: «Пускай твой острый разум
 Разрубит цепь моих сомнений разом!
 Ответь мне! Вот приходим мы сюда,
 Нас мучают заботы и нужда. . .
 Но лишь мы дверь в предбанник отворяем,
 Как все невзгоды напрочь забываем.
 Откройся же рабу, в чем здесь секрет?»
 Хозяин молвил: «В том секрета нет.
 Будь раб ты или царь, но в мир пришел нагой. . .
 Когда вступаешь в баню ты ногой,
 Вмиг все дела мирские забываешь —
 Их вместе с мыльной пеною смываешь.

Ты мыслишь здесь лишь об одном с опаской:
«Не обронить бы с бедер мне повязку!»
Хоть та повязка мокра и легка,
Но отличишь раба в ней от царька.
А без нее (простит меня всевышний!)
Мы все — как пыль с одной цветущей вишни. . .»

Читателю — совет: ты в баню поспеши!
Смывает грязь она и с тела и с души. . .

274

Когда ты попадешь ногой в змеиную нору,
Здесь милосердьё, дорогой, и жалость —
не к добру.
Не жди шипения змеи, не верь ее слезам. . .
Немедля гадину дави, не то погибнешь сам!

275

Хвалиться попусту, друзья,
Глупей, чем ночью темной
Искать следы от муравья
Во мху скалы огромной. . .
Но в тайники души моей,
Я вам признаюсь прямо,
Забраться будет потрудней,
Чем вырыть носом яму. . .

РУБАИ

276

Мир наш светом наполнен во все времена,
Человеку в нем радость прозренья дана.
Но его жадный разум постигнет лишь малость —
Только отблеск над бездной без края и дна. . .

277

Дышит пламенем солнце в безбрежной ночи,
Диск луны от него забирает лучи; .
Звездный свет по природе своей бесконечен,
Но извечен и мрак — в этом мудрость ищи!

278

Во вселенной парит первородная мгла...
Вспыхнет лучик сознания, и жизнь потекла
Через призму сверкающего разноцветья;
Судит разум о солнце по цвету стекла.

279

Некто задал вопрос: «Можно ль видеть творца?»
Я ответил: «Начала в нем нет и конца. . .
Для одних он — вселенная в вечном движении,
Для других — жалкий образ чужого лица».

280

Бог всезнающий милость к тебе проявил:
Сто заветных дверей пред тобой отворил.
Только двери в свой мир показать отказался,
Чтобы лоб ты случайно о них не разбил. . .

281

В бренном мире ты истины не обретешь,
С грузом тяжких сомнений в могилу сойдешь.
Знай, что истина неизреченной пребудет;
Слово — только мираж, а мираж — это ложь!

282

Люди разным пророкам молитвы творят,
Люди зло совершают и благо дарят.
Все деяния их так похожи на хворост
Для костра, на котором они же сгорят.

Жадность губит людей и пороки плодит,
 Всяк богатство умножить свое норовит,
 Забывая, что в жизни он просто песчинка:
 Смерть подует, и прахом он будет покрыт.

Море тяжело вздыхает — клубится туман —
 Из тумана рождается туч караван;
 Вот они обнялись, с неба слезы роняя. . .
 Вновь дождливый поток морю скорбному дан.

Голове моей грешной скажу я: «Прости!
 Мне топор от тебя не дано отвести.
 Люди — тленный субстрат бесконечной
 вселенной,
 Только миг на ее неизбежном пути. . .»

Вы, как свиньи, в безделье живете, томясь,
 Либо молитесь, кары небесной боясь.
 Оглянитесь кругом. . . Мир так чист и прекрасен!
 Вы же видите в нем только похоть и грязь. . .

Нить бесценную жемчуга держишь в руках,
 Берегись, чтоб она не рассыпалась в прах. . .
 Жизнь твоя — это нить. Жемчуг меряет время.
 Мудрый тратит его лишь в достойных делах.

В мире скорби, где правят жестокость и ложь,
 Друга преданней книги едва ли найдешь. . .
 Затворись в уголке с ней — забудешь о скуке,
 Радость истинных знаний ты с ней обретишь.

Я попал, словно жертва греховных затей,
 В эту затхлую жизнь и томлюсь, как злодей.
 Эй, палач! Я в последнем желании волен?
 Дай же мне умереть, дай уйти от людей!

Каждый день приближает к могиле наш путь;
 Жало смерти пронзит наболевшую грудь,
 Даст просвет для души — ей к свободе дорога!
 Труп же хладный зароят в земле где-нибудь.

Эй, Джамии! Ты родился из чаши вина?
 Значит, гибель тебе от него суждена.
 Сядь покорно и жди на ступеньках подвала,
 Пей любовный напиток до самого дна!

Мой ходжа! Ты в молитвах ликуешь, скорбя,
 Все мирские грехи ты взвалил на себя.
 Слишком тяжек твой груз? Оттого нам не легче.
 Сбрось на землю, не то он раздавит тебя!

Мне в подарок ходжа самбусу отослал.
 Ты явилась, с губами как пламенный лал,
 Села рядышком в тень. Поднесла мне кусочек.
 Лишь отведал его — снова юношей стал. . .

На глазах твоих ярких слезинки дрожат,
 На щеках твоих жарких — тюльпанов пожар. . .
 Тайна жизни моей, сбрось свое покрывало. . .
 Всю себя покажи, как божественный дар!

Ты уходишь — я плачу, как ветер в грозу,
 Ты приходишь — смеюсь, вытирая слезу. . .
 Знай, любовь моя вечная и молодая,
 Жив иль мертв — на коленях к тебе доползу!

О судьба! Мне законов твоих не понять;
 Словно буквы, ты в строчки нас любишь сгонять. . .
 В жизни делал я всё, что мечтал бы не делать,
 Так верни же хоть то, что успела забрать!

Цыганка вышла из шатра, поет в тени ветвей,
 И вторят песенке ее рубаб и соловей.
 Она печалится о всех истерзанных тоской,
 О бедных пленниках любви, невольниках страстей.

«О, отчего халат твой, черный цветом,
 С сутаной франкской схож по всем приметам?»
 — «Тоскую я средь мулл по христианам
 И в колокол души звоню об этом».

Глаза закрою — предо мною ты.
 Глаза открою — вновь твои черты.
 Во сне и наяву твой образ милый
 Меня чарует блеском красоты.

Заблудший муж, к мудрейшим поспеши,
 Учись у них величию души.
 Предвечную подругу хочешь видеть?
 Ее в зеркале истины ищи.

Мирская страсть, сколь редок твой приход, —
 В могилу ожидание сведет.
 Кем рождена ты, духом или плотью?
 Не всё ль равно, но страсть во мне живет!

Где истина? Где ложь? Всё — шелуха одна. . .
 Под нею спрятан плод. В нем суть заключена.
 Разрежь его смелей и поднеси ко рту:
 В нем сердцевину ты познаешь — доброту!

303

Извечен в мире корень доброты,
Приносит в дар он щедрые плоды. . .
Кто в сердце к ближним нежностью богат,
Он для людей — надежный друг и брат.

304

До той поры, пока жестокий вождь
Вновь помышлять о войнах не устанет,
И день и ночь идти кровавый дождь
На головы людей не перестанет. . .

305

Ты хочешь знать, кто лучший из людей?
Послушай голос совести моей:
Из лучших первым будет назван тот,
Кто постоит в беде за свой народ.

306

Мир нравственных слепцов безмерно жуток;
Так и не приняв жизни волшебство,
Они спешат едой набить желудок
И молят свет во здравие его.

307

Крестьянский труд — основа всех забот;
Зимой и летом пот крестьянин льет.
Но если пашню пот не окропит,
Судьба нам голод и беду сулит.

Ветвь дерева с тяжелыми плодами
Земле свой низкий отдает поклон. . .
Ветвь дерева бесплодная годами
С мольбой глядит на синий небосклон.

Придет пора, и дар небесный — туча
На землю страждущую выльется дождем
И розу пышную и чахлую колючку,
Как мать, укроет голубым плащом.

Дыханье жарких слов — от пламени любви,
Мерцанье всех миров — от знамени любви;
Пусть плачет сердце и в глазах роса,
Но зов любви услышат небеса!

Как сладка музыка признаний соловья!
Как опьяняет он весной цветущий сад!
Но песнь его поймет, уверен я,
Лишь роза, в чей влюблен он аромат. . .

Я в чудесах мирских познал изрядно толк
И ложь от правды различаю тонко.
Вот чудо из чудес — когда голодный волк
Вдруг пощадил заблудшего ягненка. . .

313

Тот, кто однажды к чаше сладострастья
 Припал и осушил ее до дна,
 Навеки будет у нее во власти:
 Он — раб смиренный этого вина. . .

314

Однажды нищий задал путнику вопрос:
 «Зачем ты с чужаком так искренен и прост?»
 Промолвил тот: «Он — тюрк, я — таджик,
 Но общей веры нас роднит язык».

315

Имущество ходжи — верблюд с палаткой. . .
 В пути сухарь ему — что финик сладкий,
 От зноя высох как скелет его верблюд,
 А пауки в его палатке сети ткнут.

316

Терпенье всем приносит сладкий плод,
 Терпенье к благоденствию ведет;
 Ты в жизнь вступил. . . Учись же с колыбели
 Быть терпеливым. . . и достигнешь цели!

317

Ханжа кривит в тупой улыбке рот,
 И взгляд его блуждает, как в тумане;
 Он человеком быть перестает,
 Он приближается по виду к обезьяне. . .

318

Когда вступаешь ты на путь науки,
 Всегда трудись за совесть — не за страх,
 Иначе скорчишься, как червь, от скуки
 И прослывешь. . . в ученых дураках.

319

Бывает, по следам преследуешь ты зверя,
И вдруг вблизи пересечет он путь;
Мечи в него копье, пока глазам не веришь,
Не стой в раздумье — надо ли метнуть?

320

Эй, ходжа благочинный! Прими мой совет:
Прежде чем свою проповедь хочешь начать,
Убедись, будут слушать тебя или нет:
Если нет, так не лучше ль тебе промолчать?

321

Эй, ходжа! Ты в щедротах своих так высок,
Что не лезет мне в горло твой жирный кусок.
Сам ты слопал барашка — ни много ни мало:
Что на блюде лежало, всё в брюхо попало.

322

Кто языком зазря болтать привык,
В том не найдешь ни смысла ты, ни прока;
Обвитый сплетнями, как змеями, язык —
Пособник человеческим порокам. . .

323

Встречались женщины тебе, чей властный нрав
Не признает чужих деяний, слов и прав?
Их языки длинны и так болтлива речь,
Что пресечет их только острый меч. . .

324

Ты слаб становишься, Джамми, от жизненных
потерь,
В кругу веселья молодых скупаешь ты теперь.
Суров судьбы круговорот — настал и твой черед
Навстречу старости своей открыть с поклоном
дверь.

آمد مرغی بر کلی در سفار بودی طی ارسصل بر کرده بکار
مصوم حطان که اخی خزان ^{دیده کلاه} خوش باش که از نو یاد رود او بهار

لَا رَأَيْتَ لَطْفًا لِلشَّاهِ
الْمُلُوكِ وَالسَّلَاطِينِ

و سحاب اعلام در میان عالی مقام سده سدره آمن
حباب
که در حسیه حیات ^{سگ} وادی حرمان و سرمایه
سر سگان نوادی بعد و سخن از ^{سگ} من نام ^{سگ} یاد
من فخر خنوا بنماهد رسید روضه جانرا اختر
و حدقه جانرا نضرتی فی انواره بخشید و ^{حصول}
او دولت و وصول بدین سعادت و طاعت ^{سگ} گزار
و مراسم منت و ساسن داری غمهای آورده ^{سگ} سد
و چاشنیها عن اطالة الکلام و دعاهم مضار کرده آمد
بویاج و راه جهان سرا با ^{سگ} بود و راه سایه ^{سگ}
آه از بندگی و شامی ^{سگ} است ^{سگ} مایه ^{سگ} شاه ^{سگ} نده ^{سگ} بود ^{سگ}
و اسلام ^{سگ} و الا ^{سگ} آرا

ФАРДЫ

325

Недолог путь наш по земле, тернист его покров...
Но слышен каждому во мгле добра извечный зов.

326

К лазурным солнечным лучам ведет дорога всех,
Будь в жизни честен, смел и прям — и ждет тебя успех!

327

Небесный свод горит светло, и путь он освещает
Тому, в чьем сердце дышит зло и кто добро вещает.

328

Смерть постучится в каждый дом однажды в одночасье,
Но смысла нет скорбеть о том: судьба щедра на счастье.

329

Надежду — солнечную нить — на счастье люди ткут;
Сумеешь лучик сохранить — удачи дни придут.

330

Не вызывай людей на бой за каждый жалкий грош:
Кусок лишь савана с собой в могилу заберешь...

331

Простой крестьянина завет я помнить буду рад,
Что винограду сок и цвет дает лишь виноград.

332

Коль знаньем овладеть ты смог, дари его другим;
Костру, что сам в душе зажег, не дай растаять в дым!

333

Не по земле, а по коврам гордец решил ходить;
Не знал он только, что и там лоб можно расшибить.

334

Людей подводит нрав дурной, а добрым поведением
Того достигнешь, что иной не купит и за деньги.

335

Сползает с горных ледников сиреневый рассвет,
Но спящий грезит в мире снов, покоем он согрет.

336

Доносит запах цветников зефир при лунном свете,
Но спящему в объятье снов неведом этот ветер.

337

Спроси ханжу, что в смертный час святошей стать решил:
Ответь, любезный, кто из нас при жизни не грешил?

338

Добро безмерно, как вода бездонного колодца;
Будь добрым к людям, и всегда добро к тебе вернется.

339

Источник с горькою водой тебя не напоит,
Глупец с седою бородой тебя не вразумит.

348

Не будь невеждой, не сиди на шее у отца,
Трудом и знаньем превзойди любого молодца!

349

Пускай дурной молвы печать твой дом не
потревожит;
Ты злом на зло не отвечай — оно лишь горе множит.

350

Свободно ты живешь, иль раб, прими совет один:
Без знаний ты как муха слаб, со знаньем —
властелин!

351

Чтоб этот бренный мир земной не омрачила мгла,
Будь путеводной всем звездой, сожги себя дотла!

352

Благословенны станут те, в ком нет огня раздора;
В труде, и в счастье, и в беде им добрый нрав —
опора.

353

Коль честен в жизни будешь ты, то, вопреки наветам,
Спасешься от лихой беды в греховном мире этом.

354

Ты хочешь, чтобы каждый день твой стал длиннее
ночи:
Трудись! Гони дремоты лень, и станет ночь короче.

355

Подобно кожаным ножнам для человека тело;
Душа в них — меч, и лишь душа в бою решает дело.

356

Лишь тот в делах своих подружится с удачей,
Кто пользу видит в них, а от невзгод не плачет.

357

Для бранных и гневливых фраз не отворяй уста;
Губам людей противна грязь, полезна чистота.

358

В нежданных горестях, пойми, ты виноват лишь сам;
Их корень кроется в любви к бездумным словесам.

359

Когда о подданных своих правитель не радеет,
Он по миру пускает их, а трон его слабеет.

360

Венец дерзания и помыслов заря — наука!
Ключи познания к воротам бытия — наука!

361

Когда из тесной клетки ты отпустишь в небо птицу,
Она с лазурной высоты к тебе не возвратится. . .

II

ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

**РАССКАЗ О ЦАПЛЕ, КОТОРАЯ ВОЗНАМЕРИЛАСЬ
ОХОТИТЬСЯ ЗА ГОЛУБЯМИ, ПОДОБНО ОРЛУ,
НО ЛИШИЛАСЬ ВОЗМОЖНОСТИ ДОБЫВАТЬ
ДАЖЕ ЧЕРВЕЙ И САМА СТАЛА
ДОБЫЧЕЮ ПРАЧКИ**

Вблизи Багдада, где река большая,
Жил некий юноша, белье стирая.
Спускался к Тигру каждый день с бельем:
Бедняк кормился этим ремеслом.
Когда ему к реке идти случалось,
Нередко цапля юноше встречалась.
Ловила цапля червяков речных,
Вытягивая клюв, съедала их.
Она, довольствуясь таким уделом,
Всё прочее считала вздорным делом.
Однажды в воздухе парил орел:
Он в быстрых крыльях мощь свою обрел.
Он был опасен всей породе птичьей,
Он сделал голубя своей добычей.
Немного съев, другим оставил он
Поживу, ибо щедрым был рожден.
(У щедрого такого нет порядка,
Чтоб сам съедал всю пищу без остатка.)
Простушка цапля, на орла взглянув,
От восхищенья вытянула клюв.
Сказала: «Я крупней орла, бесспорно,
Мне птицами питаться не зазорно.
Стыжусь отныне жизни я своей.
Доколе буду я ловить червей?
Что мне в червях, коль столько есть добычи,
Летающей и прыгающей дичи?»

Теперь иной работою займусь,
Я истинной охотою займусь!
Теперь я щедростью себя прославлю,
Сама поем я и другим оставлю».
И, подражая храбрости орла,
Взлетела, горделива и смела.
Внезапно показался из-за тучи
Свирепый, грозный хищник, гриф могучий
И начал, как орел, кружить над ней:
Грозит ей гибель от его когтей.
Низвергла цаплю горькая судьбина
В расселину, где были грязь и глина.
Завязли крылья в той грязи густой:
Так счастье цапли сделалось бедой.
«Охота без силков! Какое чудо! —
Бедняк воскликнул. — Вкусным будет блюдо!»
И прачка-юноша в свое жилье
Унес тогда и цаплю и белье.
Тут некто удивился: «Что за птица?»
А прачка: «Мне добыча пригодится.
Лететь пыталась цапля, как орел,
Но хвостовству ее конец пришел.
Охотницею стать она пыталась, —
Но мне, охотнику, она досталась!»

О ЗНАЧЕНИИ ВОСПИТАНИЯ

Погаснет огонек, не став огнем,
Когда не позаботимся о нем.
Рождают искорку железо, камень,
Но трута нет — не разгорится пламень.
Частицу жизни искры обретут,
Когда поддержит их горенье трут.
А если топливо туда подложишь,
Добыть большой огонь тогда ты сможешь.
Увидишь, это пламя таково,
Что трудно будет потушить его.
Так в сердце огонек, мерцая, дремлет,
Но, если он всего тебя объемлет,
Раздуй его, чтоб ярко запылал, —
Тогда он вспыхнет, как бы ни был мал.

**РАССКАЗ О ПЛЕШИВЦЕ,
КОТОРОМУ ВЕЛЕЛИ УЙТИ, КОГДА ОН
СТУЧАЛСЯ В ДВЕРИ ТОЙ,
В КОГО БЫЛ ВЛЮБЛЕН**

Плешивенький был в розочку влюблен,
Прелестною шалуньей покорен.
Но та красавцем ей под стать пленилась
И с ним однажды днем уединилась.
Влюбленные от посторонних глаз
Закрыли двери, ласками делясь.
Нашел плешивец дом уединенья
И в дверь кольцом ударил без стеснения.
«Кто там? — раздался голос изнутри. —
Зачем стучишь не вовремя? Смотри:
Дверь на замке. Железо бить желаешь?
Железо холодно, а ты пылаешь!
Мы заперлись, от мира вдалеке,
И кудри друга у меня в руке.
Зачем стучишься в дверь, чтоб раскололась?
Меж мной и другом не пройдет и волос!»
Сказал он: «Отопри! Мне довелось
Так облысеть, что нет на мне волос.
Твердишь: и волос не пройдет меж вами?
Но я давно расстался с волосами!»

**В ОСУЖДЕНИЕ ТЕХ,
КТО ВНЕШНЕ ВЫСТАВЛЯЕТ СЕБЯ СУФИЕМ
И УКРАШАЕТ СЕБЯ СУФИЙСКИМ НАРЯДОМ**

Ты мерзких суфиев не слушай речи.
Утрачен ими облик человеческий!
Всё, что им в руки дашь, они съедят.
Когда хотят вредить — они вредят.
Их помыслы — о сне, вине и мясе,
Не думают они о смертном часе!
Молитвы их — о яствах, о еде,
Поживы ищут всюду и везде.
Нашли себе жильё без затруднений,
Обитель их ты знаешь: дом радений.
В том доме — добротные дары,

Роскошная посуда и ковры,
Горит очаг, над ним котел подвешен,
И запах кухни для ханжей утешен. . .
Ждут: сельский житель или городской
Придет — и щедрой одарит рукой,
Муку иль мясо принесет им на дом,
За это он воссядет с шейхом рядом. . .
Шейх развязал мешок своих речей,
Ложь потекла — одна другой глупей.
Не прекращалась речь лжеца пустого,
Покуда пища не была готова. . .
Ни на кого не смотрит шейх, пока
Не видит приношений простака.
От пищи взгляд становится любовней, —
Не святостью согрет он, а жаровней.
Все догматы суфийские привел, —
Но вот уже пахучим стал котел.
Шейх замолкает, потирая руки,
К халве и хлебу простирая руки.
Кусочек — в рот, кусочек — про запас,
Кусочек — гостю, что придет сейчас.
Хурму и мясо отобрал руками,
Чтоб лучшими поужинать кусками. . .
Прочтя молитву, полный свежих сил,
Он к проповеди длинной приступил.
Здесь были объясненья, толкованья,
О кознях сатаны повествованья.
Без отдыха язык его молол.
Потом о шейхах он слова повел:
Был у него премудрый покровитель,
А у того — учителей учитель.
Один — содеял множество чудес,
Другой — постиг все таинства небес. . .
Так, посвящая день речам туманным,
Свой полдень он растягивал обманом.
Но вот еду приносят повара:
Святому шейху ужинать пора.
Оказывая честь любому блюду,
Он вскоре унести велел посуду.
Болтал, вкушая лучшие куски,
Вкушал, болтая смыслу вопреки.

Когда же наступила тьма ночная,
Вознес молитву, бога поминая.
Пошел он в спальню, помолясь творцу, —
Свирепый волк, зарезавший овцу.

**О ТОМ, ЧТО НЕ НАДО ТРАТИТЬ ВРЕМЯ
НА ИЗЛИШНИЙ СОН, И О ТОМ,
ЧТО НАДО РАНО ВСТАВАТЬ**

Сон — это смерть, а жизнь от века — бденье,
И жизнь питает к смерти отвращенье.
Бежишь от жала смерти, страждешь ты,
Зачем же брата смерти жаждешь ты?
Сон — это вор, а жизнь подобна саду:
Чтоб вор не вторгся в сад, поставь ограду.
Пословица известна с давних пор:
«Твое добро пусть охраняет вор».
Тот вор и сон между собою схожи
И дело делают одно и то же.
Нужны, чтобы преграды превозмочь,
Две половины жизни: день и ночь.
Кто спит всю ночь, тот познает кручину,
Тот сокращает жизнь наполовину.
Ты хочешь, чтобы день твой стал длинней?
Часть ночи укради, ко дню пришей!
А если будешь поступать иначе,
То дни твои пройдут в тоске и плаче.
Не горевал ты в гордости своей,
Что жизнь уменьшил ты на сто ночей.
Свой путь к заветной цели сокращая,
Подумай, как нужна пора ночная.
Кто ночью путешествие начнет,
Немало встретит на пути невзгод.
Но вот на отдых он верблюда ставит
И радости пути ночного славит.
Когда вдали, блистая и горя,
Покажется рассветная заря,
Тогда отраду видишь ты воочью:
Недаром путешествовал ты ночью!..
Дыханьем утра ветерокдохнул,
А ты лежишь, как пьяный, ты заснул.

Рассветный ветерок цветами дышит,
Но крепко спящий ничего не слышит.
Дыханье утра — цель трудов ночных,
Дыханье утра — лекарь для больных.
Но тот, кто спит, не знает этой доли, —
Не нужен врач, когда не терпишь боли.
В оковах сна, как пленник, ты лежишь,
Ты в люльке тела, как ребенок, спишь.
Проснись, пока еще ты с жизнью дружен,
Пока предсмертной болью не разбужен!
К чему тебе подушка и кровать?
Кто хочет действовать, не должен спать!
Любимая не спит, а ты, влюбленный,
Приник к подушке головою сонной.
Не спит подруга, а любовный хмель
Тебя свалил на теплую постель.
Те, что достигли истины заветной,
Но меж людьми проходят незаметно,
В хорошем разбираясь и в плохом,
Молчать предпочитают обо всем.

**РАССКАЗ О СЕЛЯНИНЕ,
КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ПРОДАТЬ НА БАЗАРЕ
СВОЕГО СТАРОГО ХРОМОГО ОСЛА**

В деревне жил простак, умом убогий.
У простака был ослик хромоногий.
Такой худой и дряхлый был осел,
Что за два дня версты бы не прошел.
Ему на долю выпал жребий жалкий,
Не отдыхал он от ударов палки.
С трудом добравшись до воды речной,
Вздыхал он, проклиная мир земной.
Хозяин в город с ним пришел в печали
К посредникам: ослов они сбывали.
Один из тех, кто продавал ослов,
Усы разгладил ради красных слов.
Он крикнул громко: «Диво продается!
Кто купит не осла, а иноходца?
То не осел, то быстрый, сильный мул,
Стремится в битву — раздается гул.
Тень от хлыста увидев над собою,

Сорвется с места, полетит стрелою.
Он мчится, словно ветер молодой,
Где грязь и глина; там бежит водой!»
Народ над этой похвалой смеялся,
А наш простак, внимая, изумлялся.
Сказал: «О продавец, чей дивный дар
Привел в восторг ослиный весь базар!
Когда ты истины исполнен строгой,
Когда прямой ты шествуешь дорогой,
То я скажу: заслужена хвала,
Верни назад, не продавай осла!
Давно охочусь за таким добротным,
Великолепным, доблестным животным.
Как странно мне, что ездил я на нем,
Что им и ночью я владел и днем!»
Ему ответил продавец речистый:
«Ума лишился ты, о сердцем чистый!
Но, впрочем, до ума ты не дорос,
А был он — значит, вор его унес.
Ты много лет ослом владеешь старым,
Зачем же мне с таким поверил жаром?
По глупости поверил ты вранью,
Когда услышал похвалу мою.
Я цену набивал никчемной твари,
И расхвалил осла я на базаре».

**ТАЙНА ТОГО, ПОЧЕМУ ПРОДАВЕЦ
РАСХВАЛИЛ ОСЛА,
РАСКРЫВАЕТСЯ В СЛЕДУЮЩЕЙ ПРИТЧЕ**

Взгляни на богача: как жизнь провел он?
И зависти и жадности он полон.
Всю жизнь копил он деньги без стыда,
И щедрости чуждался он всегда.
Все зубы у него скорее вырвешь,
Чем корку хлеба у злодея вырвешь.
Рви пальцы у него — из кулака
Не выпустит он даже медяка.
Скорее ты сорвешь кусочек кожи
С его ладони, на дирхем похожий,
Чем вырвешь из руки один динар!
Так жаден он, хотя годами стар,

Что, если в жаркий день за стол садится,
Он тень своей руки схватить стремится. . .
Решил он: деньги тратить — страшный вред,
Сам на себя он наложил запрет.
Так за своим добром следит он, зоркий,
Что нищим не подаст и хлебной корки.
Когда ничтожный, алчный лицемер
Его хвалить бы начал, например,
Сказал бы так: «О щедрости основа,
В тебе Хатема вижу я второго!
Ты слышишь ста хвалителей слова,
О щедрости твоей гремит молва:
Она — укор хвале былой, лукавой,
Она — Хатему кажется отравой.
Доколе будет славиться Хатем?
В сравнении с тобой он стал ничем!
Теперь Хатема вижу я бессилье,
А ты даруешь нищим изобилье!»
Богач-невежда, эту лесть приняв,
Решил бы, что его хвалитель прав.
В его мозгу гнездится ворон спеси,
Кладет яйцо обмана, бредней смеси.
В душе растит он дерево тщеты:
Напыщенность — плоды, а спесь — листья.
Хотя бы раз для собственного блага
Подумал бы безмозглый этот скряга,
Что похвалил его бесстыдный лжец,
Что говорил неправду грубый льстец.

В ПОРИЦАНИЕ ЗАВИСТИ И ЗАВИСТНИКОВ

Есть много беспристрастных и прямых,
Преображенных завистью в слепых.
А кто слепым рожден, вдвойне опасен,
Слепой, что полон зависти, ужасен:
От зависти болеет каждый раз,
А зависть для ума — что боль для глаз.
От зависти ослепнуть может разум,
Кривого зависть делает безглазым.

Объят завистник жадности огнем,
Но счастлив тот, кто зависть вызвал в нем.
Не так огонь дрова, пылая, губит,
Как человека зависть злая губит.
Нам столько счастья свет луны принес,
Но лает на луну завистник-пес.
Земля от солнца богатеет, крепнет,
А мышь летучая от солнца слепнет.
Кто хочет брызнуть на луну слюной,
Задуть звезду, что блещет над луной, —
Свое лицо замочит, если плюнет,
И лопнет он в натуге, если дунет.

**В ИЗЪЯСНЕНИЕ ТОГО,
ЧТО ВЛЮБЛЕННОМУ МИЛО ВСЕ,
НАПОМИНАЮЩЕЕ ЕМУ О ЛЮБИМОЙ**

Тот, кто влюблен, в тоске невыразимой
Хотя бы день метался без любимой, —
Тот в мире видит лишь ее одну,
Он счастлив у любимой быть в плену.
Взойдет луна, и в этом лунном круге
Он прелесть узнает своей подруги.
Заметит кипарис или платан —
Подруги вспоминает стройный стан.
В саду плывет цветов благоуханье —
Он слышит в нем возлюбленной дыханье.
Он оmyвает розы кровью слез:
Ее нарядом дышит запах роз.
Он томные глаза припоминает,
Когда к нарциссу голову склоняет.
Когда фиалки видит нежный лик —
Как милую, ласкает он цветник.
Смеясь, бутонам служит он прилежно,
Он кудри гиацинта гладит нежно:
Смеется, как любимая, бутон,
А гиацинт ее красой смущен.
Куда ни глянет он, во всей вселенной —
Одни подобья прелести нетленной!
Влюбленный жаждет красоты земли,
Он к ней стремится, как Маджнун к Лайли...

НАСТАВЛЕНИЕ

Когда идет из печи дым летучий,
Он говорит: «Я в небе стану тучей».
А если дым останется в дому,
То задохаться все начнут в дыму.
Беда тому, кто терпит муки жажды:
Вдали от ручейка иссохнет каждый.
Беда той рыбе, что в жару и в зной
Вдали осталась от воды морской.

В ИЗЪЯСНЕНИЕ ТОГО, ЧТО УСЛОВИЕМ ДРУЖБЫ ЯВЛЯЕТСЯ СТАРАНИЕ КАЖДОГО ИЗ ДРУЗЕЙ ИСПРАВИТЬ СЛОВОМ ИЛИ ДЕЛОМ ЗАМЕЧЕННЫЕ НЕДОСТАТКИ ЛЮБОГО ДРУГОГО

Любой из нас друзей искать обязан;
Найдя, он должен быть к друзьям привязан,
Их души омывая от невзгод
Водой даров и облаком щедрот.
Обязан друг страдать от сильной боли,
Увидев пыль у друга на подоле:
Пусть не сидит, далекий от забот,
Пока он пыль с подола не стряхнет.
Твой друг — твои глаза, их свет храни ты,
В ресницы превратись для их защиты.
Когда нагрянет ветер иль гроза,
Храни от бедствий чистые глаза.
Ты друга низостью своей не мучай,
Как в глаз попавший волосок колючий.
Он в глаз попал, и вот беда стряслась,
И терпит боль мучительную глаз.
Ослепнет глаз, коль волосок оставишь,
А вырвешь — муку новую прибавишь.
Ты хочешь вырвать, но — не прекословь! —
Назойливо он вырастает вновь.
Не вырвешь, но тогда страдать доколе?
А вырвешь — так от новой вскрикнешь боли.
Ничтожеств много ходит среди нас,
Сравню их с волоском, попавшим в глаз.

Но берегись, на них смотреть не надо,
От одного ты пострадаешь взгляда.
Коварен их огонь, — живи, храня
Дом и гумно от этого огня.
Их черной низости огонь безумный,
Пылая, пожирает наши гумна.
Они вначале преданы тебе,
Полны заботы о твоей судьбе.
Куда б ни шел ты, хоть навстречу бедам,
Идти готовы за тобою следом.
На них поднимешь руку, разъярен, —
Тебе отвесят с трепетом поклон.
Ударишь камнем — назовут алмазом,
В корону вставят и воскликнут разом:
«Всё, что исходит от подобных рук,
Ей-богу, людям не приносит мук!
Твои удары нас ведут ко благу,
В твоём коварстве черпаем отвагу,
Мы все — твои друзья, свидетель — бог,
Источник нашей дружбы чист, глубок.
Кто золото сомнительным считает,
Тот сразу пробу оселком снимает
И лишь потом за слиток золотой
Уплачивает полную ценой.
Мир лицемерен: доброты от злобы
Никак не отличишь без этой пробы!»
Так сотни лживых слов наговорят,
А ты, обману сладостному рад,
Поверишь им по простоте душевной
И примешь эту ложь душой безгневной.
Для сказок слух откроешь ты проста,
Откроешь красноречия уста,
Ты им сердечные доверишь тайны —
Поймет их собеседник твой случайный.
Бедняк, богач — со всеми ты знаком
И смешан, словно сахар с молоком.
Проходит время, и знакомцы эти
Вокруг тебя плетут густые сети.
Снимал ты пробы, но попал в капкан,
Увидел ты коварство и обман.
Корысть увидел, скрытую доселе,
Когда они достигли низкой цели.

Не сразу раскусил ты их, познав
Их подлые дела, их злобный нрав.
Где царствует корысть, расправив крылья,
Зажата дружба там в тисках бессилья,
Там верности не будет никогда,
Там — разногласье, ненависть, вражда.
Но, помня дружбы чистоту былую,
Ты прячешь в сердце ненависть глухую.
У прежней дружбы есть на то права, —
Стыдишься злости высказать слова.
Сжимается душа в тисках разлада,
И не видна страданиям пощада.
Лукавишь ты всё чаще, всё хитрей,
Стараясь избегать былых друзей!
Но так они коварны, грубы, ловки,
Что забавляют их твои уловки,
И сети крепкие плетут опять,
Чтоб дружбу лицемерно поддержать.
От бессердечных жаждешь избавленья,
Но ты пойми, что нет от них спасенья,
Не вырваться тебе, ты слишком слаб,
Как тот пловец в плену медвежьих лап.

**РАССКАЗ О МЕДВЕДЕ,
КОТОРОГО УНОСИЛО БУРНЫМ ТЕЧЕНИЕМ,
И О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ПРИНЯЛ
ЭТОГО МЕДВЕДЯ ЗА НАДУТЫЙ БУРДИОК
И РЕШИЛ ЕГО ВЫТАЩИТЬ ИЗ РЕКИ**

Медведь, не находя еды, постился.
Чтоб рыбы наловить, к реке спустился.
Вдруг что-то стало над водой блестеть,
И лапу к рыбе протянул медведь.
Но, поскользнувшись, он свалился в воду
И шубу вымочил, познав невзгоду.
Немало жадных умерло в пути:
В колодце воду не могли найти.
Желая жить, они к воде стремились —
Увы, на дне колодца очутились...
Река была быстра и широка,
И вот медведя унесла река.

Бил воду лапами, стремясь к спасенью,
Но пользы нет, — поплыл он по теченью...
Как ни хитри, напрасны все труды,
Коль хитрость не спасает от беды!
Медведь, подобно бурдюку из меха,
Не видя цели, помощи, успеха,
По воле волн кружился по воде,
Не видя избавления нигде.
Пришлось в то время увлеченным делом
К реке спуститься двум пловцам умелым.
Увидев: нечто кружится в реке, —
Застыли в изумленье вдалеке.
Что это? Мертвое, живое тонет?
Чехол или доску водою гонит?
Один из них на берег сел крутой,
Мгновенно в реку бросился другой.
Доплыл, лесного жителя увидел,
А наш медведь спасителя увидел.
Пловца схватил он, лапами зажал,
А тот, поплыть не в силах, задрожал.
Уже прощался с жизнью, пал он духом,
То на хребте он был, а то под брюхом.
Всё это увидав, пловец другой
На берегу воскликнул: «Дорогой!
Коль тяжела, в реке оставь ты шкуру,
Скорей вернись, не то утонешь сдуру!»
— «Оставить я не прочь, — ответил тот, —
Я шкуру отпустил, пусть пропадет,
Но шкура-то меня схватила в злости
И лапами мои ломает кости».
Коль не лежит душа к чему-нибудь,
Прочь отшвырни и навсегда забудь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ «ЗОЛОТОЙ ЦЕПИ»

Задумал книгу сердца написать я,
Примусь потом за прежние занятия.
Дела мои — любовь, труды — любовь,
О жизнь моя, твои плоды — любовь!

Я нитью жизни с самого начала
Влеком к любви, любовь душа познала.
Приду к началу нити жизни вновь
И говорить начну я про любовь.
О, то не просто нить, а цепь золотая,
Невеждой будешь, нитью цепь считая!
В моей груди любовь кипит сейчас.
«Меня ты растолкуй!» — ее приказ.
Но тех зловредных я страшусь заране,
Которые не терпят толкований.
Велят не объяснять, не сочинять,
Накладывают на уста печать.
Но если в труд поверю свой высокий,
Сумев истолковать любви уроки,
То книгу новую создам для вас,
Словами разукрашу новый сказ.

ИЗ ВТОРОЙ ТЕТРАДИ

ИЗ «СКАЗА О ЛЮБВИ»

Сказ о любви сегодня обнови!
Скрипит перо, и это песнь любви!
Поет перо, подобное свирели,
И о любви сказанья зазвенели.
С любовью — к правде и добру придем,
Любовь живет во всем, что есть кругом.
И знатный и в безвестности рожденный
Полны любви и чтут ее законы...
Ей сила притяжения дана,
Соединила тень и свет она.
Любви не сразу слышим повеленье,
Но обоюдно двух сердец стремленье.
Пусть солгала красавица тебе,
Ее дела не нравятся тебе, —
Ты будешь охлажден ее делами,
В твоей душе любви погаснет пламя;
В оковах красоты всегда чиста,
Любовь — раба, царица — красота.
Когда выходит красота — царица,
Любовь упасть к ее ногам стремится:

Та красота, что, как Узра, светла,
Вамика в степь глухую привела.
Та красота, что Кайсом овладела,
Когда наряд Лайли она надела.
Палящий зной сравню я с красотой,
Любовь сравню я с утренней звездой.
А мне, любви постигшему начало,
Идти стезей разумных не пристало.
Там, где любовь являет дивный лик,
Немеет доказательства язык.

**РАССКАЗ О ЛЮБВИ ЦАРСКОЙ ДОЧЕРИ
К МОЛОДОМУ НЕГРУ**

Сияла дочь в чертогах у царя,
Не дочь, а лучезарная заря.
Из-за ограды выглянув однажды,
Красавица, чью прелесть славил каждый,
Узрела негра на другом конце. . .
Как родинка на солнечном лице,
Пленительности, молодости полон,
Алифом стройным в душу ей вошел он.
Он лег лицом, что было так черно,
Ей на сердце, как черное пятно.
Зрачком в ее глазу, в миг безрассудный,
Запечатлелся этот образ чудный.
Завидовало солнце ей само,
А негр в ее душе зажег клеймо.
Ну что ж, не удивительное дело,
Что роза в цветнике любви созрела!
Короче: девушка лишилась сна,
Глаза — в слезах, душа любви полна.
Ни слова не промолвит верным слугам,
Не благосклонна к преданным подругам.
Забывала игры, пиршества она,
Пред нею лишь отчаянья стена.
Придворные царевне удивлялись,
Ее страданье объяснить пытались.
Один: «Ей перешел дорогу див
И свел ее с ума, козnelюбив».
Другой: «Как видно, с пери подружилась,
С тех пор покоя, сна она лишилась»,

Один: «Волшебники на свете есть,
Что людям не дают ни спать, ни есть».
Другой: «Она была звездой для ока,
Но время сглазило ее жестоко».
А третий молвил: «Это всё не так:
Любовь ей принесла тоску и мрак.
Она красавца страстно полюбила,
С могуществом любви в борьбу вступила».
Кормилица у девушки была,
Что колдовские ведала дела.
Теперь дряхла, сурова, но когда-то
Любовным опытом весьма богата.
А так как юность не придет опять,
Она другим старалась помогать.
Она была волшебников сильнсе,
Пред нею содрогались чародеи,
Сказителей она склоняла в прах,
Рассказывая о прошедших днях.
Увидев, что красавица — в несчастье,
Она явила ей свое участие.
Присела к ней, сказав: «Мое дитя!
О ком ты грезишь, день и ночь грустя?
Едва явился в мир твой цвет весенний,
Тебя взяла я на свои колени.
Твои уста, что слаще леденцов,
Узнали молоко моих сосцов.
Искусной кистью я, при первом зове,
Шалунье разрисовывала брови.
Пока я в руки не брала сурьму,
Мир не дивился взору твоему.
Твое лицо — полдневное светило —
Твоих волос ночная тьма сокрыла.
Пока я в косы их не заплела,
Не видел мир земной, как ты светла.
Твою постель, подушку, покрывало,
Твой сон я до рассвета охраняла.
Вставала роза с утренней звездой —
Спешила к розе с розовой водой.
Как я трудилась для моей шалуньи,
Чтоб стало полнолунием новолунье!
Луна моя, от горя оградись
И в бледный месяц вновь не превратись.

Еще ты в жизни тягот не знавала,
О роза, почему же ты завяла?
Твой стройный стан в опору был мне дан,
Зачем же ты согнула стройный стан?
В твоих глазах покой нашла я сладкий,
Зачем же ныне кудри в беспорядке?
Скажи мне, что с тобою? Ты больна?
Страдаешь ты из-за дурного сна
Иль наяву ты встретила злодея?
Украл он сердце, жертву не жалея!
Сними со рта молчания печать:
Должна я совратителя узнать.
Он — месяц в небесах? Приду с обманом,
Его стащу я хитрости арканом,
А если рыбой в море он плывет —
Коварством извлеку из бурных вод.
Сам небосвод начнет искать лекарство
От моего обмана и коварства!
Пусть тот, кого ты любишь, — муж святой,
Пусть он — ученый, скромный и простой, —
Я святость прогоню волшебным даром,
Ученость покорится хитрым чарам!»
Красавица, услышав эту речь,
Решила тайну больше не беречь.
Всю правду, стыд забыв, она сказала,
С любви своей снимая покрывало.
Кормилице она открыла вдруг
Причину горьких слез и тяжких мук.
Сказала та: «Улажу это дело,
Чтоб ты не горевала, не скорбела.
С твоим желанным я свяжу тебя
И от бесчестья огражу тебя».
Слова такие молвив на прощанье,
Исполнить поспешила обещанье.
Искала негра, чтоб помочь в беде,
Искала негра всюду и везде.
И вот нашла его приют спокойный,
Увидела побег цветущий, стройный,
Сумела с негром дружбу завязать,
И сблизились они, как сын и мать:
К старухе приходил он ежедневно,

Они вели беседу задушевно,
В рассветный час или в закатный час
Старуха с негра не спускала глаз.
Ее внушенья действовала сила,
Она однажды негра усыпила.
Таким заснул глубоким, крепким сном,
Что позабыл он о себе самом.
Хоть откуси губу, струею крови
Залей лицо — не станет морщить брови.
Сто раз ты уколоть его бы мог,
Он вытянутых не поджал бы ног.
Кормилицей он был слуге поручен,
Тотчас же на спину слуге навьючен,
И вот к царевне в дом его несут,
Как мускусом наполненный сосуд. . .

**ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА
О ЦАРСКОЙ ДОЧЕРИ И МОЛОДОМ НЕГРЕ**

Начнем опять о девушке сказанье,
В чьем сердце — бесконечное терзанье.
Он спит, но разве может спать она,
Когда ей радость встречи не дана?
Сказала: «Разбуди! Полна я муки,
С меня сотри ты ржавчину разлуки:
Заснувший — мертв; любовную игру
Затею с мертвым, коль сама умру!
Его глаза желанием не дышат
И уши просьб возлюбленной не слышат.
Язык жемчужин-слов не раздает,
Чтоб страсть усилить, не смеется рот.
Земля дивилась мощному цветенью,
Но кипарис упал на землю тенью.
Защиту мне сулила эта сень, —
Увы, сама я превратилась в тень.
Но с тенью не завяжешь связи кровной,
Но с тенью не начнешь игры любовной!»
Тогда заклятия и колдовства
Произнесла кормилица слова,

Что было сном, то превратилось в бденье,
И трезвостью сменилось опьяненье.
Поднялся кипариса вольный ствол, —
Цветник, казалось, в комнате расцвел!
Уста, что радуют сердца, открыл он,
Замок от ценного ларца открыл он,
Обвел он взглядом тех, кто был вокруг, —
Врата блаженства распахнулись вдруг.
Не комната пред ним — чертоги рая,
Стоят кумиры, прелестью сверкая,
А среди них одна затмила всех,
В ее глазах — отрада, нега, смех,
Затмила всех пленительным обличем,
Великолепьем, красотой, величием.
Пред ней стояло множество подруг,
Покорных ей, готовых для услуг.
Она сидела, излучая счастье,
А сердце у любимого во власти.
И негра обожгла ее краса,
Он то и дело тер свои глаза,
Не понимая — спит ли, грезит ныне,
Вода пред ним иль марево пустыни. . .
К нему и утром не пришел покой,
То счастлив был он, то вздыхал с тоской.
Он счастлив был попасть в чертог подобный,
Где, мести не страшась иль стражи злобной,
Он видел то, что скрыто от очей,
О чем еще не слышал слух ничей,
Что не создаст ничье воображенье,
С чем не сравнится ни одно творенье.
Но тосковал, не веря в благодать. . .
Ему ли этим чудом обладать?
Он полагал: за наслажденьем вскоре
Последуют отчаянье и горе.
Увы, пока живем, мы видим здесь
Отчаянья и наслажденья смесь!
Той птице, что с умом живет на свете,
Известно: там, где зерна, там и сети.
Она опаслива, хотя жадна:
Поборет жадность, не возьмет зерна,
Пока другие птицы, споря вздорно,
В беспечности клевать не станут зерна.

Она же прилетит к ним лишь тогда,
Когда увидит: птицам нет вреда.
Но, если птиц постигнет доля злая, —
Умчится вдаль, свободной быть желая...

**НЕГР ЗАСЫПАЕТ, И КОРМИЛИЦА
ВОЗВРАЩАЕТ ЕГО ОБРАТНО
В ЕГО ЖИЛИЩЕ**

Кончалась ночь, и стало рассветать.
Красавец негр свалился на кровать.
Своих смятенных чувств смежил он очи,
Он отдал ум на разграбленье ночи.
Старуха унесла его тотчас
В то место, где заснул он в первый раз.
В беспмятстве он долго находился
И только поздним утром пробудился.
Протер глаза — и смотрит, изумлен:
Исчезло всё, что ночью видел он!
Где собеседницы его ночные?
Где радости, что он познал впервые?
Где солнце красоты? О, где оно?
В руках — воспоминание одно!
Хотел он разобраться в этих чарах,
Расспрашивал и молодых и старых,
К заветной цели он искал пути,
Но в мире скорби должен был брести.
В смятенье он услышал просьбу друга —
Назвать причину своего недуга.
Ответил он: «Повергнут я в беду,
Спасения от горя не найду.
Играя мной, красавица неожиданно
Меня свела с пути, — мила, желанна...
Не выразят ни разум, ни уста,
Какой хвалы достойна красота.
А спросят: с нею повстречался где ты?
А спросят: имя назови? Приметы?
А спросят: где ее квартал и дом?
Земля какая стала ей гнездом?
Хуллах или Фархар — ее отчизна?
Тибет, страна татар, — ее отчизна?»

Ее глаза подведены сурьмой
Или они сотворены сурьмой?
Черны арканы кос ее плетеных
Иль то силки для страждущих влюбленных?
Искусственной родинкой мила
Иль красоту сама и создала?
Ее уста — для утоленья жажды,
Или, взглянув на них, погибнет каждый?
Когда подобный зададут вопрос
Тому, кто пролил столько горьких слез,
Я промолчу. Где правды свет? Не знаю.
Два слова я скажу в ответ: «Не знаю».
Что облик, цвет? Меняются они.
Одно лишь содержание цены!

ПОВЕСТВОВАНИЕ ОБ УЯИНЕ И РАИЕ

Однажды в сад пророка, на закате,
Явился Мутамир, к арабской знати
Принадлежавший, и — господень раб —
Молиться начал набожный араб.
Свой взгляд покорно обратил он к Мекке,
Слух — к небесам, таинственным вовеки.
Протяжный голос он услышал вдруг —
То говорили горе и недуг:
«Какой печалью ныне ты расплавлен?
Какою ношей, как горой, раздавлен?
Иль ты от птичьих стонов изнемог
И, как тюльпан, почувствовал ожог?
Иль прогнала твой сон глубокий птица,
Не зная, что тебе в ту полночь снится?
Иль милая, что внешне далека,
Но внутренне душе твоей близка,
Твоей любви задумав испытанье,
Твое украла сонное мечтанье?
Иль камень бросила разлука с ней
В стекло — в сосуд твоих непрочных дней?
Да, сон пропал, а ночь непостижимо
Была долга, как волосы любимой,
И, очи звезд закрыв, ее смола
Для солнца дня препятствием была...

Найду ли друга, что порой ночью
Разделит горести мои со мною?
Найду ль того, кто повторит мой стон,
Поняв, что я разлукой потрясен?
Луна — свидетельница: я, стеная,
Лишь потому страдаю, что земная
Не хочет на меня смотреть луна,
А страстью к ней душа рассечена.
О, мог ли я предугадать заранее,
Что стану жертвою таких страданий?
Пришла судьба, исполненная зла,
Неведомого яду мне дала,
Но гибнет без сочувствия и славы
Отведавший неведомой отравы!»
Тот, горестно рыдающий, затих,
Едва он произнес последний стих.
Той песни вдруг погас огонь высокий —
Иль умер тот, кто создал эти строки?

**МУТАМИР НЕДОУМЕВАЕТ,
КТО ЖЕ БЫЛ ТОТ СТЕНАВШИЙ,
И СОЖАЛЕЕТ, ЧТО НЕ ПОШЕЛ
НА ЕГО ГОЛОС**

Когда вельможа понял, что тяжка
Неведомого голоса тоска,
Он стал раскаиваться, что участия
Не выказал познавшему злосчастья:
«Мне жаль страдальца — но кого мне жаль?
Печаль терзается — но чья печаль?
То человек, рыдая, жаждет встречи,
Иль это пери голос человеческий?
Зачем я не откликнулся на зов
Того, кто плачет, чей удел суров?
Зачем не разорвал я полог тайны,
Услышав голос тот необычайный,
Не поспешил, сквозь темную листву,
На помощь плачущему существу?»
У Мутамира сердце расколосось,
И снова он услышал грустный голос,
Как будто чанг исполненную слез
Газель пронзительную произнес, —

Газель, в которой страсть и упоенье,
Газель, в которой власть и опьяненье.
То это — о возлюбленной рассказ,
О прелести ее волшебных глаз,
То — повесть о почтительном влюбленном,
Своей приниженностью просветленном,
То — жалоба, что слишком ночь длинна,
Что муками душа истомлена,
То — песня о смирении разлуки,
О горе и горении разлуки.

МУТАМИР ИДЕТ НА ГОЛОС НЕИЗВЕСТНОГО И НАХОДИТ УАЙНУ

Решил вельможа, услышав газель,
Что страждущий — недалеко отсель.
Пошел он средь вечернего затишья
На голос, что сейчас пропел двустисья, —
Увидел: юноша, красиволик
И строен, скорбной головой поник.
Стан — пальма финиковая Медины,
Ланиты — Мекки чистые жасмины,
Уста — багряный йеменский агат,
Что сахаром египетским богат.
На белизне ланит пушок невинный,
Как гиацинт, украсивший жасмины.
Сияющее в сумраке чело,
Как славное сирийское стекло.
Над верхнею губой полоска тмится,
Как тутия, что к сахару стремится.
Полоски слез на двух его щеках
Напоминают нам о двух строках,
Что кистью начертал своей чудесной
На солнечном лице писец небесный. . .
Приветствие вельможа произнес,
Затем он задал юноше вопрос:
«О ты, чей лик украсил наше время,
Поведай, каковы твой род и племя?
Как в племени зовешься ты своим,
Скажи, каким охвачен ты огнем?
Ты почему так жалобно стенаешь,

Столь грустные газели сочиняешь?»
А тот: «Ансары — корень мой и род.
Уяйной мой отец меня зовет.
А если хочешь ты узнать причину
Моих рыданий и мою кручину,
То, если не торопишься сейчас,
Присядь и долгий выслушай рассказ».

УЯЙНА РАССКАЗЫВАЕТ МУТАМИРУ О СЕБЕ

«Однажды, вседержителю покорный,
К мечети я направился соборной,
И, к Мекке обратив лицо и взгляд,
Исполнил я молитвенный обряд.
Когда воздал я господу хваленье
И подошло к концу мое моление,
Присел и оглянулся я вокруг,
И женщин несколько увидел вдруг,
И понял я, что богомолки эти
К соборной направляются мечети.
Иль то газели шли на водопой
Неспешною и легкою стопой?
Одна из них казалась всех стройнее,
И поступью, и томностью нежнее,
Все — словно звезды, а она — луна,
Все — просто люди, гурия — она.
Ее краса — отрада для влюбленных,
Ее коса — тенета для плененных. . .
Красавица отстала от подруг,
Приблизившись ко мне, сказала вдруг:
«Уяйна, хочешь ли соединиться
С той, кто к тебе, влюбленная, стремится,
С той, кто мечтает тайно о тебе,
С той, кто грустит, Уяйна, о тебе?»
Как дым, исчезла с этими словами, —
Как дым, когда меня повергла в пламя!
А я не знаю, как ее зовут,
И кто она, и где ее приют.
Как жить мне дальше — не могу понять я,
Мне сделались противны все занятия,

По городу брожу я, одинокий,
Ни головы не чувствую, ни ног». —
Рассказ окончив, он издал стенанье,
Упал, на время потеряв сознание.

МУТАМИР И УЯЙНА НАПРАВЛЯЮТСЯ В ПОИСКАХ РАЙИ К СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ

Когда рассвет державным стал царем
И войску ночи учинил разгром, —
Чтобы найти красавицу, к мечети
Направились те двое на рассвете.
Они ее искали целый день:
Хотя бы след нашли, хотя бы тень!
Увидел вдруг Уяйна, потрясенный:
Те самые прошествовали жены,
Но кроме той, что сердцем избрана, —
Есть звезды, но отсутствует луна!
Остановили женщины Уяйну
И той красавицы открыли тайну:
«Здесь не найдешь ты пери дорогой,
Она к стоянке двинулась другой,
Туда направилась твоя смуглянка,
Где племени Бани-Сулайм стоянка.
Лицо ее — кыбла для тех людей,
Для них михраб — дуга ее бровей,
В ее душе, как на цветке тюльпана,
Из-за любви к тебе — ожог и рана.
Хотя она уехала отсель,
Ты, только ты — ее мечта и цель.
Зовут ее Райя: жасминолица,
Но с розой благовонием сравнится». —
Когда он имя услышал «Райя» —
Лишился он истока бытия.
Отбросив стыд и не стесняясь боле,
Запел он песнь отчаянья и боли:
«О, горе, скрылся милый паланкин!
Как буду без любимой жить один?
Чтоб на нее взглянуть, пришел сюда я,
Но лик ее судьба сокрыла злая.
Среди людей не возвышаюсь я,
Но там царит Райя, где Сурайя.

Всем светит Сурайя в небесной сини,
Зачем же мне Райя не светит ныне?
Доколе буду лить я кровь из глаз —
Иль мало, что из сердца пролилась?
В глазах и сердце крови не осталось, —
Как плакать мне? Где обрету я жалость?
Кто из друзей в родимой стороне
На время одолжить способен мне —
Когда я с милой разлучен — два ока,
Горячих слез кровавых два истока,
Дабы с тоской и болью плакал я,
Дабы в разлуке вволю плакал я?!»

**МУТАМИР БЕРЕТСЯ ПОМОЧЬ УЯЙНЕ,
ПРИВОДИТ ЕГО К АНСАРАМ
И ЕДЕТ С НИМ К ОТЦУ РАЙИ —
ПРОСИТЬ ВЫДАТЬ ДОЧЬ ЗАМУЖ ЗА УЯЙНУ**

Воскликнул Мутамир, душою чистый:
«Уяйна, от печали отрешись ты,
Затем что всё имущество мое,
И знатность, и могущество мое
Немедленно отдам без сожаленья,
Дабы достиг ты своего стремленья».
Уяйну обнял с жаром Мутамир,
Повел его к ансарам Мутамир,
Сказал, сперва восславив их высоко:
«О чистые приверженцы пророка!
Кто этот юноша и что о нем
Вы думаете в племени родном?»
И был ответ: «Красив и благонравен,
Среди арабов светочу он равен».
А Мутамир: «Обрушилась напасть
На юношу — его терзает страсть.
Надеюсь, что окажете подмогу
Уяйне, да отправится в дорогу
К становищу Бани-Сулайм — туда,
Где обретет он счастье навсегда».
— «Мы слушать и повиноваться рады,
С тобою одолеем все преграды», —
Ответили, согласны с ним во всем,
И на верблюдах двинулись верхом.

Там, где пустыни были и утесы,
О племени Райи вели расспросы,
Но вот достигли цели наконец.
Был сразу извещен ее отец.
Он встретил их с весельем, с добротой,
Велел домашним, чтобы с быстротою
Они подстилки принесли в шатры,
И скатерти, и яркие ковры.
Всех усадил он на места почета,
Осыпал жемчугом похвал без счета,
Зарезал он баранов и ягнят, —
Да гости мясо свежее едят!
Так начал Мутамир: «В Аравистане
Ты — светоч благороднейших деяний,
Но яств мы не отведаем твоих,
Пока из моря милостей живых
Жемчужины твоей мы не получим:
Для нас дареньем станет наилучшим».
А тот: «Да будет к вам добра судьба.
Что нужно вам от вашего раба?»
Ответил Мутамир: «Желанье наше,
Чтобы жемчужина, которой краше
Не знаем, — счастья твоего звезда —
С Уяйной сочеталась навсегда,
Чтобы единым пламенем горели,
Чтобы в одном сверкали ожерелье».
Сказал отец: «Лишь дочь моя вольна
Решать — согласна или нет она.
Сперва ей ваше передам реченье,
Вам сообщу потом ее решенье».

**ОТЕЦ РАЙИ ГОВОРИТ ДОЧЕРИ О ТОМ,
ЧТО ЕЕ СВАТАЮТ ЗА УЯЙНУ,
И СОВЕТУЕТСЯ С НЕЙ ОБ ЭТОМ**

Сказал и встал, сердито посмотрев:
В его душе внезапно вспыхнул гнев.
В шатер к своей Райе вступил сурово.
«Чем возмущен твой дух?» — услышал слово.
Сказал: «А тем, что, дело торопя,
Пришли ансары, сватают тебя.

Тебя ансары восхваляют страстно,
Единодушно и единогласно».
Она сказала: «Всякий признает,
Что род ансаров — благородный род.
Мольба пророка к богу устремилась, —
Да вседержитель им дарует милость.
Кто поручил им это сватовство
И склонность их ко мне из-за кого?»
Сказал отец: «Его зовут Уяйна.
Он родовит и знатен чрезвычайно».
Она: «Мне кто-то говорил о нем.
Он выше всех на попроще земном.
Он все, что обещает, исполняет,
Он в бедствиях свой век не обвиняет.
Всё, что имеет, он отдать готов,
Но у других не просит он даров».
Сказал отец в неизъяснимой злобе:
«Клянусь творцом, не знающим подобий,
Что для него ты слишком хороша, —
Такого не дождется барыша.
Я знаю кое-что о нем с тобою, —
Не будете вы мужем и женою!»
В ответ — Райя: «Иль торг я с ним вела,
Что так твоя забота тяжела?
Он даже моего не видел взгляда,
Листка из моего не вырвал сада!
Но так как, не услышав речь мою,
Уж ты им клялся, я совет даю:
Ансаров слава светится широко,
На них почиет благодать пророка,
Не поворачивайся к ним спиной!
Чтоб юноше не стала я женой,
Тебе не надо речи беспощадной:
Потребуй выкуп за меня громадный.
Коль на товар бессмысленна цена,
То и покупка людям не нужна».
Отец сказал: «Отменно! Молодчина!
Отныне для отказа есть причина!»
Затем ансарам он изрек ответ:
«О вы, чья вера — преданности свет!
Женой Уяйны стать Райя согласна,
Но так моя жемчужина прекрасна,

Что требуется с вас такой калым,
Чтобы она померкла перед ним.
Жемчужине, дней озарившей смену,
Назначите ли истинную цену?»

**МУТАМИР, ЧТОБЫ СОЧЕТАТЬ БРАКОМ
РАЙЮ И УАЙНУ, СОГЛАШАЕТСЯ НА ВСЕ
ТРЕБОВАНИЯ ОТЦА РАЙИ**

Воскликнул Мутамир: «Вот я стою,
Всё то, что ты потребуешь, — даю!»
Потребовал отец невесты, чтобы
Ему вручили злата чистой пробы
Две тысячи мискалей, и потом
Динаров десять тысяч, и числом
Не менее — серебряных даяний;
Сто йеменских накидок-одеяний,
Такое же число одежд других,
Но более красивых, дорогих,
И амбры от дарителей послушных,
И мускуса в ста сумочках подбрюшных,
Которыми богата кабарга,
Сверх этого — сапфиры, жемчуга.
И Мутамир велел, чтобы к Медине
Помчались два-три друга чрез пустыни.
Направились они к местам родным
И привезли неслыханный калым.
Так браком сочетали двух влюбленных,
Арканами связали двух плененных.
Один другому жизнью сразу стал, —
Ты скажешь: рутою от сглаза стал!
Щека к щеке, склоняясь, трепетали,
Уста из уст отраду обретали.
Его лобзанье — снадобье от ран,
Ее лобзанье — сладостный дурман.
Два лепестка друг к другу прикоснулись —
И розами созревшими проснулись!
Отвергнув мир, пылая всё сильней,
Друг друга целовали сорок дней,
Все сорок дней — лобзанья и объятья,
Иного не было у них занятья!

**ПОСЛЕ ПЕРВЫХ СОРОКА ДНЕЙ СУПРУЖЕСТВА
ОТЕЦ РАЙИ ОТПРАВЛЯЕТ ЕЕ
ВМЕСТЕ С УЯЙНОЙ В МЕДИНУ,
НО ИМ ПРЕГРАЖДАЮТ ПУТЬ РАЗБОЙНИКИ,
И РАЙЯ И УЯЙНА ПОГИБАЮТ ОТ ИХ РУК**

Когда в веселье, от забот вдали,
Те сорок дней супружества прошли,
Отец Райи позволил, чтоб отныне
Райю — луну садов, газель пустыни —
Отвез к себе на родину супруг,
В Медину, где друзей и близких круг.
Для розы паланкин соорудили, —
Его в бутон, ты скажешь, превратили!
Верблюдов — тридцать было их число, —
Ступавших горделиво, тяжело,
Отец в Медину с дочерью отправил,
Наставил, восхвалил ее, восславил.
Не зная горя, счастья не тая,
Пустились в путь Уяйна и Райя.
Остались, наслаждаясь светлым миром,
Ансары вместе с добрым Мутамиром,
От всей души благодаря творца
За то, что двух влюбленных слил сердца:
Они еще не знали их удела,
Не ведали, чем завершится дело.
Был до Медины лишь фарсанг, когда
Разбойников нахлынула орда.
С кинжалами на поясах, с мечами
На чреслах, с завидущими очами,
В одеждах окровавленных, дрожа
В предчувствии счастливом грабежа,
С умением, с воинственностью дикой
Владеющие и мечом, и пикой.
Тушканчики, бегущие легко,
Да кислое верблюжье молоко —
Их пища, их единая услада.
Считая, что им разума не надо,
Из-за засады ринулись тогда,
Как волки — на смиренные стада.
Едва узрел разбойников Уяйна,
В нем ярость вспыхнула необычайно,
И, то мечом сражаясь, то копьем,

Казался львом в неистовстве своем.
Он несколькими пробил и грудь и спину,
В крови, как псов, поверг их на равнину,
Пуская в ход то пѣку, то кинжал,
Он скопище чудовищ разогнал.
Уяйну в грудь один из тех злодеев
Мечом ударил, злобою повеяв.
Из клетки тела, в вечный мир спеша,
Как птица, улетела вдруг душа.
Заголосили люди каравана:
«Уяйна умер, в битве пал неожиданно!»
Райя, услышав этот скорбный глас,
К возлюбленному бросилась тотчас.
Увидела: глаза его закрыты,
Он на земле простерт, как лев убитый.
Лежит в крови, убит во цвете лет, —
Или в наряд пурпурный он одет?
Райя к его припала изголовью,
Свое лицо окрасив этой кровью,
И на одежде розы — кровь и прах,
И, как росинки, слезы на щеках:
«О солнце, закатившееся рано,
Уяйна, мой супруг, моя охрана!
Мне жизнь нужна, чтоб на тебя смотреть,
А без тебя мне лучше умереть.
Уму, о мой любимый, непостижно,
Что я живу, а ты лежишь недвижно!»
Сказала, вздох исторгла из души, —
Душа и вздох ушли в степной глуши.
Жизнь без него она сочла изменой,
И смертью умерла она мгновенной.
Им дал разъединенье мир земной,
Но дал соединенье мир иной.
И караван заплакал, потрясенный,
И поднялись рыдания и стоны.
Но тем, кто смерти перешел порог,
Какой от стонов и рыданий прок?
Когда из клетки вылетела птица,
Как ни вопи, — назад не возвратится.
И вот решили, боль смирив свою,
Похоронить Уяйну и Райю.
Омыли их, достигнуты бедою,

И мускусом, и розовой водою,
Шелками саванов покрыли их,
Упрятали в одной могиле их, —
Да вместе спят они до дня благого,
Пока из мертвых не восстанут снова.

**НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ
МУТАМИР ПРИЕЗЖАЕТ К МОГИЛЕ
УЯЙНЫ И РАЙИ И ВИДИТ ДЕРЕВО,
ВСЕ В ЖЕЛТЫХ И КРАСНЫХ ПОЛОСАХ**

Лет шесть иль семь спустя, вкушая мир,
Направился в Медину Мутамир.
Проехал он тем местом не случайно,
Где и Райя почила, и Уяйна.
Увидел: над могилой их расцвел
Многоветвистый и высокий ствол,
И полосы на дереве блестели:
Те были красными, а те желтели.
То желтизну из лиц и кровь из слез
На ствол древесный кто-то перенес!
«Кто это дерево в степи приветил?» —
Спросил — и самому себе ответил:
«То дерево любовью возвращено,
И, над могилою взойдя, оно —
Как знаменье над прахом двух влюбленных,
В могиле навсегда соединенных.
О любящие, перед вами знак
Любви, безвременно сошедшей в мрак.
Да милосердьe снидет к ним живое,
Да не уйдете вы, как эти двое!»

НЕ ПОРИЦАЙ ВЛЮБЛЕННЫХ

Везде, где есть любви произрастанье,
Там ветви — горе, а плоды — страданье.
Не надо их упреками губить,
Советами жестокими рубить.
Небес приостановится вращенье,
Недвижная земля придет в движенье,
Но я своей возлюбленной не дам
Моей души покинуть чистый храм.

Подруга азбуку любви дала мне,
Узором в сердце высекла на камне.
Я зеркало разбил о камень тот, —
Укоров камнем кто меня побьет?

ИЗ ТРЕТЬЕЙ ТЕТРАДИ

О ТОМ, КАК АБУАЛИ СИНА ЛЕЧИЛ СТРАДАЮЩЕГО МЕЛАНХОЛИЕЙ, КОТОРУЮ ОТЧАЯЛИСЬ ИЗЛЕЧИТЬ ВСЕ ДРУГИЕ ВРАЧЕВАТЕЛИ

Во времена Абуали Сина,
Что славился как лекарь издавна,
Почтенный горожанин ежечасно
От меланхолии страдал ужасно.
Кричал: «От жира лопнуть я готов,
Таких, как я, нет в деревнях коров!
У повара алмазов будет груды,
Коль сварит из меня мясное блюдо!
Скорее обезглавьте вы меня,
И повару доставьте вы меня!»
Так он кричал, решив, что он — корова,
И разговора не желал иного.
Никто не мог несчастному помочь, —
Мычал он, как корова, день и ночь:
«Смотрите, становлюсь я всё худее,
Друзья, прирежьте вы меня скорее!»
Что делать с ним? Во весь орет он рот,
Ни пищи, ни лекарства не берет.
Врачи, признавшись в собственном бессилье,
Абуали Сину о нем спросили.
«Скажите так, — последовал ответ: —
„Жди завтрашнего дня. К тебе чуть свет
Придет мясник, тебя зарежет с честью, —
Обрадуй сердце долгожданной вестью“».
Свалилась у больного тяжесть с плеч,
Когда услышал радостную речь.
Абуали явился, и сурово
Спросил он у больного: «Где корова?»
Тут растянулся на полу больной,
Сказал: «Корова — я. Кончай со мной».

Связал безумца врач, окинул взглядом,
И, нож о нож точа, уселся рядом,
И стал, изображая мясника,
Ощупывать и спину и бока.
«Не буду нынче резать, — молвил слово, —
Пока еще худа, тоща корова.
Пусть постоит в хлеву немного дней,
Без передышки есть давайте ей.
Когда она поправится, жирея,
Корову я прирежу не жалея».
Развязан меланхолик был тотчас,
И пищи привезли ему в запас.
Он получал от пищи наслажденье,
Лекарство принимал без рассужденья.
Толстея, как корова, полный сил,
Свои коровьи бредни он забыл.

**СЛОВО В ПОХВАЛУ СТИХА
И ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ЕГО
НА ДВЕ НЕСОВМЕСТИМЫЕ ЧАСТИ,
ПЕРВАЯ ИЗ КОИХ — БЛАЖЕНСТВО ДУШ,
А ВТОРАЯ — ОБИДА СЕРДЕЦ**

Стих — это птицы разума паренье,
Стих — это гордой вечности творенье.
Суди о том, что птица говорит:
В костре горит или в саду парит.
Когда стихи сияют совершенством,
Они дарят читателя блаженством,
Когда в костре тщеславия горят —
Лишь едким дымом, гарью нас дарят.
В стихах читая просьбы, униженья,
Мы чувствуем и гнев и раздраженье,
Но если с правдой связаны слова,
То красота и сила их жива.
Пройдет их слава по путям небесным,
Поэта имя станет всем известным.
А если строки ложью рождены,
Их суть презренна и слова бледны,
То в бороде застрянут виршеплета
И сверх усов не будет им полета.

Стих должен быть прозрачным родником,
Рубинами обильным — не песком.
Чтоб не скрывал родник своих жемчужин,
Чтоб дивный блеск был сразу обнаружен,
Чтоб не была вода его сходна
С водою грязной, где не видно дна.
Тогда напрасны поиски жемчужин,
Уйди — такой родник тебе не нужен:
Слова мутны, и непонятна суть,
И узок, темен к содержанью путь.
Лишь после долгих, трудных размышлений
Поймешь ты смысл таких стихотворений.

**О НЕКОТОРЫХ ПОЭТАХ ПРОШЛОГО,
КОТОРЫЕ БЫЛИ ОБЛАСКАНЫ МОНАРХАМИ,
ИМЕНА КОИХ ОСТАЛИСЬ
НА СКРИЖАЛИ ВРЕМЕН ЛИШЬ ПОТОМУ,
ЧТО ИХ ВОСПЕВАЛИ ЭТИ ПОЭТЫ**

Увы, трудились бедные поэты,
В чьих одах повелители воспеты.
Себя вписали в летопись времен,
И мир не забывает их имен.
Давно лежат в земле тела поэтов,
Но живы имена, дела поэтов.
Жемчужины низавший мастерски,
Саманов дом прославил Рудаки.
Он спутником народа был родного,
Не мог избрать обычая иного.
Не уставал он жемчуга низать,
Они — четырехсот верблюдов кладь.
Он бранный мир покинул на верблюде,
Наследники его сокровищ — люди.
Живут стихи — и он живет сейчас,
Поэта имя — светоч наших глаз...
Был взыскан Унсури самой природой,
Был редким элементом и породой,
Жемчужиною четырех стихий, —
И слушал целый мир его стихи...
Он мускусом похвал наполнил строки,
Он в книгах воспевал дворец высокий.

Разрушился дворец, исчез во мгле —
Остались эти книги на земле. . .
Жил Хакани, чей гений величавый
Царей Ширвана удостоил славой.
За оды, что превыше всех похвал,
По тысяче динаров получал.
О тех динарах помнят ли народы?
Но светят нам блистательные оды.
Ушел и Саади, но, жизнь творя,
Стихи, в которых славил он царя,
Стократ ценней царя и царских зданий,
А Саади бессмертен в «Гулистане». . .
Сидеть доколе будешь, как слепец?
Встань и глаза открой ты наконец.
Смотри: дворцы превращены в руины,
Ушли в оковах гнева властелины.
От их дворцов не сыщешь ты следа,
А письма певцов живут всегда.
Где крыши тех дворцов, где основанья?
Остались лишь певцов повествованья.
Нет памятника на путях земных
Прочней, чем слово прозы или стих.
Любую ржавчину смывает слово,
Любые цепи разбивает слово.
Узлов немало в наших есть делах,
Запутаться ты можешь в тех узлах.
Но слово разума внезапно скажешь —
И трудный узел без труда развяжешь.

**РАССКАЗ О ПРОСТАКЕ,
КОТОРЫЙ В ГОРОДСКОЙ ТОЛПЕ
ПРИВЯЗАЛ К СВОЕЙ НОГЕ ТЫКВУ,
ЧТОБЫ НЕ ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ**

Кочевник в город некогда попал,
Он в городах доселе не бывал.
И там, в густой толпе многоязыкой,
Чуть не оглох от гомона и крика.
Спешил, теснился беспокойный люд, —
Те прямо лезут, те обратно прут. . .
А на торгу — у каждого прилавка
И шум, и брань, и толкотня, и давка.
Те выйти прочь хотят, а те войти,
И сквозь толпу густую нет пути.
Бедняга тот невольно устранился
И в закоулок наконец пробился.
Вздыхнул, сказал: «В такой толпе, как знать,
И сам себя могу я потерять!
Тут мне нужна особая примета,
Чтобы узнать, опомнясь, я ли это».
И тыкву, что в мешке весь день таскал,
К ноге он для приметы привязал,
Мол, если вдруг себя я потеряю,
По этой тыкве сам себя узнаю.
И лег он и уснул. Пока он спал,
Насмешник некий тыкву отвязал
И, привязав к себе, расположился
Невдалеке и спящим притворился.
Вот встал, протер глаза простак степной
И видит — тыква на ноге чужой.

Он закричал: «Эй ты! Вставай, неверный!
Я по твоей вине погиб, наверно!
Ты это или я? Коль ты не я —
Откуда тыква у тебя моя?
А если это ты, так это что же —
Где я? Кто я теперь? Ответь мне, боже!»
Так я, пред светом истины твоей,
Всех нищих духом ниже и скудней.
Ты озари в несчастном тьму незнания,
К заблудшему исполнен сострадания!
Да сердцем он очистится и сам
Всем людям сердца станет как бальзам!
Подобно Джаму, всем собратьям нашим
Я понесу его, разлив по чашам.
Да будет мне во имя тех даров
Заступником владыка двух миров.

РАССКАЗ О ВОЗГОРДИВШЕМСЯ РАБЕ

В Египте как-то голод наступил,
И помощи народ не находил.
Иные люди, мук терпеть не в силе,
Исход в самоубийстве находили.
Жизнь каждый отдал бы, когда бы мог,
За малый хлеба черствого кусок.
И встретил раз один мудрец гуляма,
Надменного, державшегося прямо,
С лицом как солнце радостной весны,
Не тощим, как ущербный серп луны.
Откормленный, усмешкою сиял он,
Средь гибнущих, как падишах, шагал он.
Сказал мудрец: «Эй, раб, ты оглядись,
Ты хоть людских страданий устыдись!
Народ в безвыходности погибает,
Что ж одного тебя судьба спасает?»
Гулям в ответ: «Хозяин мой богат
И щедр. И я из бездны бед изъят.
Запас его пшеницы не размолот,
Его рабы не знают слова «голод».

Я утопаю в благах бытия.
Что плакать мне? И сыт и весел я!»
Под сводом сим, с высоким основаньем,
Кому обязан ты благоденьем?
Встань, вечно благодарен будь ему —
Хозяину миров и твоему!

**РАССКАЗ О СТИХОТВОРЦЕ,
ХВАЛИВШЕМСЯ, ЧТО ОН НАПИСАЛ
ДЛЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ СУЛТАНА
БОЛЬШУЮ КАСЫДУ, НО ПРЕДСТАВИВШЕМ
СУЛТАНУ ОДНУ СТРОКУ**

К султану раз пришел поэт безвестный,
Сказал: «О царь, славнейший в поднебесной!
Я в честь твою касыду сочинил,
Она — Сухайль, что ярче всех светил.
Хоть многие тебя стихом хвалили,
Но жемчугов таких не просверлили».
Лист подал он, а на листе его —
Лишь имя шаха, больше ничего.
Шах поглядел на лист и рассердился:
«А где стихи? Ты что — ума решился?
Ты только имя написать сумел,
А нашей славы царской не воспел!
Не рассказал о троне, о короне,
О справедливой власти и законе...
Забыл ты, что вот этою рукой
Я создал царство! Шутишь надо мной?»
Поэт в ответ: «Вся мудрость, мощь и милость,
Вся слава в этом имени вместилась.
Любой, кто имя царское прочтет,
Твоим деяньям славу изречет.
Ведь имя — светоч твоего правленья —
Превыше толстой книги восхваленья.
И прав я пред тобой, назвав хвалой
То, что моей начертано рукой!»

**О СЛАБОСТИ В СТАРОСТИ
И ПРЕКРАЩЕНИИ ПОЛЬЗЫ
ОТ ОРГАНОВ ЧУВСТВ
И ЧЛЕНОВ ТЕЛА**

Века прошли с тех пор, как в этом мире
Запели струны на старинной лире.
Я, тронув струны, звуки разбужу,
Под эти звуки повесть расскажу.
Дни мчатся. . . Говор струнный не смолкает,
Рассказ мой вечно юный не смолкает.
Как чанг, я согнут жизнью, но смотри:
Всю ночь пою, как прежде, до зари.
Мой уд расстроен, струн неверны звуки,
От старости дрожа, коснеют руки.
Как звону уда сладкозвучным быть,
Рассказу другом неразлучным быть?
Разбить пора мне уд мой деревянный
И бросить в пламя уд благоуханный.
Нет, растоплю очаг угасший свой
Я лучше древесиною сырой.
Прояснит ум пылающая гряда
Углей благоухающего уда.
Да укрепятся разум, вера, дух,
Коль пламень сил от старости потух!
В рядах зубов, что перлами сияли,
Пробоины с годами зазияли.
Как мне жевать? Чем плоть моя жива,
Коль зубы стерлись, словно жернова?
Питаюсь, как младенец, жидкой пищей,
На царственную снедь гляжу, как нищий.
Хребет мой согнут, голова моя
К земле поникла — к лону бытия.
Земля — праматерь, я — грудной ребенок,
Привыкший к милой матери с пеленок.
Срок близок: я от вихря жизни сей
Вернусь в объятия матери своей.
Мои глаза не служат мне, а тужат,
Когда им стекла франкские не служат.
В колене не сгибается нога,
И я привык сидеть у очага.
А при вставании такие муки,
Что я опорой телу сделал руки.

Всему виною дряхлые года...
Тем, кто подвержен старости, — беда!
Основы сил, коль возраст надломил их,
Сам Гиппократ восстановить не в силах.

**РАССКАЗ О ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТНЕМ СТАРЦЕ,
КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ К ВРАЧУ И ПОПРОСИЛ
У НЕГО СРЕДСТВО ПРОТИВ СЛАБОСТИ,
И ОБ ОТВЕТЕ ВРАЧА: «СРЕДСТВО ТВОЕ
В ТОМ, ЧТОБЫ СТАТЬ МОЛОДЫМ И СНОВА
ВЕРНУТЬСЯ ОТ ВОСЬМИДЕСЯТИ К СОРОКА»**

Муж, в девяностые вступивши лета,
У врачевателя просил совета,
Сказал: «Зубов во рту осталось пять,
И нечем стало пищу мне жевать.
С трудом кусками пищу я глотаю
И тяжким несварением страдаю.
Любимая еда мне впрок нейдет
И силы членам тела не дает.
О мудрый врач, коль ты вернешь мне зубы —
Дар будет от меня тебе сугубый!»
Ответил врач: «Сочувствую тебе,
Почтенный, в жертву отданный судьбе!
Помочь бы рад... Но я, при всем желанье,
Омолодить тебя не в состоянье.
Тебе, чтоб зубы в целости иметь,
На сорок нужно лет помолодеть.
Над временем я власти не имею...
Смирись пока со слабостью своею.
Объятый вечным миротворным сном,
Забудешь ты о бедствии земном».

**О ПРИЧИНЕ НАПИСАНИЯ КНИГИ И
СОСТАВЛЕНИЯ ЭТОГО ОБРАЩЕНИЯ**

Талант мой слабость старости разбила,
Путь размышлений предо мной закрыла.
Нет силы в сердце понимать слова,
В устах нет звука создавать слова.

Лицо я скрою воротом смиренья,
Укрою ноги полами забвенья.
Душа, ты мне в защиту призови
Два бейта Мавляны из «Месневи»:
«Как мне низать созвучия газели,
Когда и кровь и чувства охладели?
Я строю стих и слышу голос твой:
„Оставь! Стремись к свиданию со мной!“»
Кто есть любимая? Где дом любимой?
В сердцах и дом и храм ее незримый.
Она над домом бодрствует своим.
Храни до срока дом ее пустым!
Чтоб, не застав чужих, она вступила
В свой дом и светом кровлю озарила.
И все, кому познание тайн дано,
Мне скажут: «Верно это лишь одно!»
Но шах, внимающий ее веленью,
Нам предстает ее земною тенью.
Коль милосерден шах и справедлив,
Я прав, ему вниманье подарив.
Меня схватило за ворот веленье
Моей души — промолвить восхваленье.
Но чтобы шаха восхвалить я мог,
Майдан словесный должен быть широк.
Майдан мощу я бейтами своими,
Чтобы прославить царственное имя.
Неисчислим стихов моих запас:
Я мысль гранил в двестишьях, как алмаз.
По-новому пишу свое творенье
Во славу шаха и его правленья.
Все образы созданья моего
Я освещаю именем его.
Здесь нет строки неизбранной, случайной.
Здесь плачу я о нем в молитве тайной.
Поскольку ныне я далек царю,
Я с ним своим каламом говорю.

**РАССКАЗ О МАДЖНУНЕ, КОТОРЫЙ
В ПУСТЫНЕ ПАЛЬЦЕМ, СЛОВНО КАЛАМОМ,
ПИСАЛ НА ГАДАЛЬНОЙ ДОЩЕЧКЕ,
НАСЫПАВ НА НЕЕ ПЕСОК.
ЕГО СПРОСИЛИ:
«ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ
И ДЛЯ КОГО ЭТО НАПИСАНИЕ?»
ОН ОТВЕТИЛ: «ЭТО ИМЯ ЛАЙЛИ,
НАПИСАНИЕМ КОТОРОГО Я ГОРЖУСЬ»**

Какой-то странник среди пустынных скал
Безумного Маджнуна увидал.
Сидел, песок на доску насыпал он,
И что-то пальцем на песке писал он.
И молвил странник, обратясь к нему:
«Что пишешь на песке? Письмо? Кому?
Ты сколько ни трудись, а вихрь повеет —
И письма твои в степи рассеет.
Опомнись! Кто письмо твое прочтет,
Когда песок с дощечки утечет?»
Маджнун в ответ: «Я сердце утешаю,
Я красоту любимой воспеваю.
Вот имя той, чьим вздохом я дышу...
Я здесь дастан любви моей пишу.
Мне только имя от нее осталось,
И в этом счастье высшее досталось.
Не тронув чистой чаши наяву,
Любовью к имени ее живу».

**РАССКАЗ О ПРЕУСПЕЯНИЯХ ШАХА
И ВОЗДЕРЖАНИИ ОТ НЕКИХ
ЗАПРЕТНЫХ ДЕЛ**

Хвала царю, что в юные года
Подобен мудрым старцам был всегда.
И хоть сперва уста вином сквернил он,
Тот грех водой раскаяния смыл он.
Блажен султан, коль радости фиал
С сухими он краями оставлял.
Он — хум, но от запретного свободен
И, как суфий, душою благороден.
Кувшин на темя руки возложил,
Крушась, что в пьяной пляске не кружил.
И кубок тот, не тронутый устами,

От удивления развел руками.
Как пиале к ручью вина пройти?
Теперь плачевны все ее пути.
Дан зверю слух, и взгляд, и обонянье;
Присущи людям разум и сознание.
И мы вино врагом ума зовем:
Бесчестье — побежденному врагом!
Когда судьба всё наше достояние
Потребует за ползерна познания,
То лучше всё отдать и нищим быть,
Чтоб разума одно зерно купить.
Но если хоть одну осушим чашу —
Вновь потеряем мощь и мудрость нашу.
Коль от границы мудрости уйдешь,
Ты в плен орды безумья попадешь.
Когда ты пил вино, терял сознание,
Безумные ты отдал приказанья.
Невольник вождельенья своего,
Что приобрел в пирах ты? Ничего!
Сто лет живи! Но коль сто лет ты будешь
Пить, как ты прежде пил, что ты добудешь?
Будь чист, как в прошлом, в будущем году!
Будь в чистоте готов предстать суду!

РАССКАЗ О САПОЖНИКЕ, ДОБЫВАВШЕМ СРЕДСТВА К ЖИЗНИ ПОЧИНКОЙ ОБУВИ

Сапожник некий в пригороде Рея
Жил в бедности, достатков не имея.
Согбен трудом, семьей обременен,
На башмаки заплаты ставил он.
Он бедным слыл средь самых небогатых,
Влача свой век, как рубище в заплатках.
Но в пору созревания плодов
Себя в залог он был отдать готов.
Не знаю, как тогда он ухитрился,
Но с полной пазухой домой являлся,
И, всех детей своих собравши в круг,
Он раздавал им груши и урюк.
И говорил, пока детишки ели:
«О дети, чада бедственной постели,

Такие фрукты, что пред вами тут,
За трапезой султана подают!
То, что дано вам, досыта вкушайте
И большего от мира не желайте.
Я нищ, но не клянусь судьбу мою
И всё, что мог добыть, — вам отдаю».

**РАССКАЗ О ЛЮБИТЕЛЕ ВИНА,
КОТОРЫЙ ДОСТИГ СТЕПЕНЕЙ СОВЕРШЕНСТВА.
У НЕГО СПРОСИЛИ ПРИЧИНУ ЭТОГО. ОН ОТВЕТИЛ:
«Я ПОЛУЧИЛ ЭТО БЛАГОДАРЯ ТОМУ, ЧТО НИКОГДА,
ПРИБЛИЖАЯ К ЧАШЕ УСТА, НЕ ИМЕЛ НАМЕРЕНИЯ
ОСКВЕРНИТЬСЯ ДРУГОЙ ЧАШЕЙ»**

Жил некто — раб влечения к вину,
И вдруг познал свой грех, свою вину.
И в покаянье — разума и света
Достигши — стал главою вилайета.
Его спросили: «Духом ты велик. . .
Но, муж, как совершенства ты достиг?
Всю жизнь доныне ты к вину стремился,
Каким же чудом ты преобразился?»
А тот: «Тянулся к чаше я рукой,
Дабы вкусить отраду и покой.
Но редко мысль в душе моей мелькала,
Чтоб, выпив чашу, пить начать сначала.
За чашей мысль во мне жила одна —
Навек отречься от утех вина.
И эта мысль мне счастье подарила
И сто ворот спокойствия открыла».

**ОТНОСИТЕЛЬНО СНА, КОТОРЫЙ ПОЭТ
УВИДЕЛ ВО ВРЕМЯ НАПИСАНИЯ ЭТОГО
ПРЕДИСЛОВИЯ И ТОЛКОВАНИЕ КОТОРОГО
ОН ПРИЗНАЛ ТАКИМ, КАКИМ САМ
ЕГО СДЕЛАЛ**

Как я в ночи дошел до этих строк,
Среди раздумий сон меня увлек.
Увидел путь я светлый и бескрайный,
Как сердце сопричастных к солнцу тайны.

Пыль не клубится на дороге той,
Вода не смешивается с землей.
Ни пыли там, ни грязи не бывает,
Идущий там усталости не знает.
Вдруг услышал я ржание и звон,
И гром военных труб, и плеск знамен.
Мне встреча та с несметной ратной силой
Внезапным страхом ноги подкосила.
И вот высокий вижу я айван,
Спешу к нему смятеньем обуян.
Хотел я в том айване притаиться,
От грозного движенья войск укрыться.
Вдруг выехал — прекрасно облачен —
Вождь этих войск, отец царя времен.
Высокий резвый конь под ним играет,
Как солнце, всадник золотом сияет.
Поверх кольчуги — царская парча,
Конец чалмы касается плеча.
Меня своей улыбкой озарил он,
Внезапный страх от сердца удалил он;
И, спешась, руку мне поцеловал,
Расспрашивал меня и утешал.
Мне было радостно его участие
В моем мирском блужданье и несчастье.
Слова, как жемчуг, сыпал славный шах,
Но не осталось жемчуга в ушах. . .
Встал, вспомнил сон я; но в своем незнанье
У разума спросил истолкованья.
Ответил: «Суть значенья сна сего —
Признание созданья твоего.
Не оставляй калам ни на мгновенье!
Раз начал — заверши свое творенье!»
И внял я сердцем толкованью сна,
И стала мысль творенья мне ясна.
Благоуханьем слово напиталось,
И предсказанье в книге оправдалось,

**РАССКАЗ О ТОЛКОВАНИИ
С НАСМЕШКОЙ И ГЛУМЛЕНИЕМ
СНА ПРОСТОДУШНОГО ЧЕЛОВЕКА
И О ТОМ, КАК ЭТО ТОЛКОВАНИЕ
ОКАЗАЛОСЬ ПРАВИЛЬНЫМ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ
И ОТКЛОНЕНИЙ**

Раз к толкователю чудесных снов
Пришел бедняк, простак из простаков.
Сказал: «Меня тревожит сновиденье —
Я был один в разрушенном селенье.
Куда бы я ни обращал мой взгляд,
Кругом руины мрачные лежат.
В одной развалине я провалился —
И вдруг в сокровищнице очутился».
С насмешкой толкователь бедняка
Сказал: «Такое снится на веку
Не каждому! Но, чтобы стать богатым,
Ты башмаки свои подбей булатом.
Ты за холмы к развалинам ступай,
Ногою в землю сильно ударяй.
Там, где нога провалится, ты в яме
Рой землю глубже, только рой руками.
И там, когда подземный ход найдешь,
Ты впрямь свое богатство обретешь».
Насмешнику поверил простодушный;
Как тот велел, исполнил всё послушно.
Два шага сделав, провалился вдруг —
И тут же клад нашел без всяких мук.
Вам рассказал я это для примера:
Достигнут цели искренность и вера.
Но коль неверье духу твоему
Присуще, поиск будет ни к чему.

НАЧАЛО ПОВЕСТИ

Был царь в Юнани — Искандару равный,
Венца и перстня обладатель славный.
И жил в те годы, мудростью высок,
Муж, утвердивший знания чертог.
Перед его делами в изумленье,
Царь мудреца призвал к трудам правленья.

Не испросив совета у него,
Не делал он и шага одного!
И он от Кафа севера до юга
Мир покорил по начертаньям друга...
Несчастен шах — игральщик страстей,
Лишенный мудрых, преданных друзей.
Он сам — запальчивый, в решеньях скорый —
Своей твердыни сокрушит опоры.
Он справедливый осмеет закон,
Несправедливость возведет в закон.
Царь справедливый — пусть не чтит Корана, —
Он выше богомольного тирана.
Не верой, не обрядами — страна
Законом справедливости сильна.

**О ТОМ, КАК ЯЗДАН ЯВИЛ ОТКРОВЕНИЕ ДАВУДУ —
ДА БУДЕТ С НИМ МИР, — И ДОСТОИНСТВАХ
ПАДИШАХОВ АДЖАМА**

Яздан, сойдя к Давуду с небосвода,
Сказал: «Открой перед лицом народа:
Ушли цари Аджамы, но потом
Весь мир их поминает лишь добром.
Они огней Зардушты не гасили,
Но справедливость в мире утвердили,
И под щитом их правого суда
Народ не угнетен был никогда.
Хозяева рабов не изнуряли,
Законы справедливости охраняли».

**У СЧАСТЛИВОГО ШАХА
ВОЗНИКАЕТ ЖЕЛАНИЕ
ИМЕТЬ СЫНА**

Вот, по советам мудреца и пира,
Стал царь Юнана шахом полумира.
И с благодарностью помыслил он,
Как высоко он счастьем вознесен.
По воле промысла, а не иначе,
Дается смертному халат удачи.

И он всего достиг, чего хотел,
Всего... но только сына не имел,
Наследника величию и силе,
Преемника при царственном кормиле.
И это всё сказал он мудрецу,
Наставнику, духовному отцу.
Мудрец ответил: «Властелин вселенной,
Желание твое благословенно!
Дитя... ребенок — что сравнится с ним?
Он лишь с душой бессмертной сравним.
Ведь сын, ребенок — ответвление жизни
И после смерти — продолжение жизни.
Он светоч твой, он чистый твой родник,
Умрешь, он — в головах твоих цветник.
Он в старости твоей опорой будет,
В беде тебя один он не осудит.
Любуясь им, душою обновлен,
Его поддержкой будешь ты силен!»

**РАССКАЗ ОБ АРАБЕ-КОЧЕВНИКЕ,
КОТОРЫЙ СВОИМ СЫНОВЬЯМ ДАЛ ИМЕНА
ХИЩНЫХ ЗВЕРЕЙ, А СЛУГАМ — ИМЕНА
ТРАВояДНЫХ ЖИВОТНЫХ**

Муж истины, бродя тропой пустынной,
Как гость был принят в куще бедуина.
И вот, в кругу сынов его воссев,
Узнал, что имена их Волк и Лев.
А слуг, что за обедом услужали,
Барашком и Ягненком называли.
И странник спросил: «О вождь племен!
Я не слыхал досель таких имен».
И шейх в ответ сказал такое слово:
«Я сыновей воспитывал сурово,
Дабы врага могли они громить,
А слуги за столом должны служить.
Быть воин должен волком, львом бесстрашным,
Привычным к смерти, к схваткам рукопашным,
А чтоб от слуг не ждать ни зла, ни бед,
Ягненок должен подавать обед».

В ПОРИЦАНИЕ СЫНА-ВЫРОДКА

О верных сыновьях сказал я слово,
Нерасторжимых со своей основой.
Но, недоброжелательный и злой,
Прямым врагов опасней сын дурной.
Коль, закоснев во зле, не исправим он,
Пусть будет лучше для тебя чужим он.
Ведь и у старца Ноя сын был Хам —
Заносчив, низок в помыслах, упрям.
И предал старец Ной его проклятью,
И отчужденья заклеил печатью.
Молись, слезами коврик ороси,
У бога сына доброго проси!
Чтоб воли злой не видеть проявленья
И не молить у неба избавленья.

РАССКАЗ О ЧЕЛОВЕКЕ, ПОПРОСИВШЕМ У ОДНОГО ВЕЛИКОГО МУДРЕЦА ПОМОЩИ В РОЖДЕНИИ СЫНА И Снова ОБРАТИВШЕМСЯ К ТОМУ ЖЕ СТАРЦУ ЗА ПОМОЩЬЮ ИЗ-ЗА ЗЛА, ДОСТАВЛЯЕМОГО СЫНОМ

Был опечален некий человек,
Что без потомства доживал свой век.
И он к святому старцу обратился:
«Ты за меня молись, чтоб сын родился!
Моей возвращенный глиной и водой,
Меня утешит тополь молодой.
Сказать ясней — увижу благодать я
В тот день, как первенца приму в объятья».
Так долго он тревожил мудреца,
Что молвил тот: «Не искушай творца!
Во всех делах один он только знает,
Где зло тебя, где благо ожидает».
А тот: «Я раб желанья моего!
Молитвой же добьешься ты всего.
Так не лишай меня расположенья,
Проси осуществленья и свершенья!»
Шейх отошел и на молитву стал,
Воздел персты — и в цель стрелой попал.

Сын старику, как царский конь в отгоне,
Был пойман им в степи потусторонней.
Сын родился... И стал, когда подрос,
Причиной огорчения и слез.
И день и ночь с друзьями пиروвал он,
В бесчинствах диких удержу не знал он.
На крышу рядом влез однажды в ночь
И у соседа обесчестил дочь.
Муж дочери бежал — в стыде, в обиде, —
Кинжал в руках у пьяницы увидя.
Явились стражи, услышавши крик,
Но откупился золотом старик.
Несчастье сына вскоре повсеместно
Всем людям стало в городе известно.
Он на увещевания плевал,
На стыд и наказания плевал.
Отец же, откупаясь, разорился,
Отчаялся и к старцу вновь явился.
Сказал: «Коль не поможешь мне в беде,
Защитника я не найду нигде!
Ты помолись еще, о старец славный,
Чтоб образумился мой сын злонравный!»
А шейх: «Ты помнишь — я тебе внушал,
Чтоб ты творца мольбой не искушал?
Моли прощенья на стезе юдольной!
И этого для двух миров довольно.
А там, куда уйдешь из сей страны,
Там, друг, ни сын ни дочка не нужны.
Ты здесь в тисках, ты раб. Не сетуй вздорно,
Что б ни случилось, принимай покорно».

**МУДРЕЦ ХУЛИТ ВОЖДЕЛЕНИЕ,
БЕЗ КОТОРОГО НЕОСУЩЕСТВИМО
РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА**

Царю Юнана друг его мудрец,
Подумав, слово молвил наконец:
«О шах! Бездетным в скорби пребывает
Тот, кто влеченья к женщинам не знает.
Но, низкой страстью разум омрачив,
К нам райской девой входит злобный див...»

Когда глотнешь из чаши наслажденья,
Поймешь — неутолимо вожделенье.
И будешь, как верблюд кольцом, влачим
Ты страстью, как погонщиком своим».

**МУДРЕЦ ОСУЖДАЕТ ЖЕНЩИН,
КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ СРЕДОТОЧИЕМ
ВОЖДЕЛЕНИЯ, НО БЕЗ КОТОРЫХ
НЕВОЗМОЖНО РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА**

Знай: пристраститься к женщине — пропасть.
Жизнь нашу укорачивает страсть.
Ты женщину сто лет дари богато,
Ты одевай ее в серебро и золото,
Ты ей шустерской не жалей парчи,
Ставь золотой подсвечник для свечи,
На серьги перлов не жалей и лала,
Дай из кисей индийских покрывала,
На все ее желания ответь,
Дай ей на стол изысканную снедь,
Ты все ее веления исполни,
Водою Хызра чашу ей наполни,
И пусть она вкушает, как султан,
Плоды, что шлют Иезд и Исфаган,
Все чудеса свежи с земного света,
И всё ж в ее глазах — ничто всё это!
«Ты, скажет, о любви мне говорил,
Так что ж ты ничего мне не дарил?»

**РАССКАЗ О НЕКОЕМ БЛАГОРОДНОМ МУЖЕ,
ОТКАЗАВШЕМСЯ ОТ ПРИГЛАШЕНИЯ
НИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА, ЧТОБЫ ОБЩЕНИЕ
С НИЗКИМИ НЕ ВОШЛО В ПРИВЫЧКУ**

Один из рода низменных людей
Затеял пир, созвал своих друзей.
Позвал он также в гости мужа мысли,
Себя ему, как видно, равней числа.
Мудрец подумал: «Предаются там
Невежды эти низменным страстям.
Коль я как друг войду в его жилище,
Отведаю его вина и пищи
И в сброде, где не светит свет уму,

Есть буду, пить, где пищи нет уму, —
Тогда я буду позван, несомненно,
Как гость всей этой шайкою презренной.
Себя я в книге чести зачеркну
И в мутном море низких потону».

**МУДРЕЦ ПРИНИМАЕТ МЕРЫ
ДЛЯ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА БЕЗ УЧАСТИЯ
ЖЕНЩИНЫ, И ДЛЯ УХОДА ЗА РЕБЕНКОМ
БЕРУТ КОРМИЛИЦУ**

Замыслил тот алхимик и мудрец
Диковинное средство наконец,
И средство это шаху предложил он,
И мысль ученых мира изумил он.
Из чресел шаха семя он извлек,
Питательной средой его облек,
На сорок семидневий скрыл в сосуде,
И вот — кто слышал о подобном чуде? —
В сосуде том, как солнце, скажешь ты,
Дитя явилось дивной красоты,
Сын крепкий и здоровый, без порока.
Звезда надежд царя взошла высоко.
Ребенку имя старцы той земли
От слова «саламат» произвели.
Высокий саном, совершенный станом,
Сын шаха наречен был Саламаном.
Чтоб вырастить и воспитать его,
Кормилицу избрали для него.
Красой — луна, звалась Абсаль она,
Лет двадцати была едва ль она.
Стройна, нежна, полна очарованья,
Она влекла и взгляды и желанья.
Делил пробор ее тяжелых кос
Копну благоухающих волос.
А косы, извиваясь завитками,
Арканами казались и силками.
Как стройный кипарис она была,
Как будто попирая тропы, шла.
Как зеркало, чело ее блистало,
А брови — ржа на ясности металла.
Она порой, выщипывая их,

Две оставляла буквы «нун» крутых.
Как опахала, темные ресницы
Ей осеняли томные зеницы.
А раковины белые ушей —
Жемчужницы для жемчуга речей.
Пушком с висков, как мускусом, покрыты
Прекрасные открытые ланиты, —
Так Нил красу Египту придает.
Как жемчуга и лалы — свежий рот.
Над блеском плеч серебряная шея
Кувшина узкогорлого стройнее.
Подобны перси белым двум холмам,
Двум в водоеме светлым пузырям.
Живот округлый, как источник света,
По блеску — снег, на ощупь — соболь это.
Обильна телом, в бедрах широка,
А в поясе не толще стебелька.
Зад, словно купа розового сада,
Скрыт платьем от завистливого взгляда.
Я бедер описал бы красоту,
Но удержать хочу язык во рту,
Чтоб не коснуться вдруг неосторожно
Того, о чем тут молвить невозможно.
Скрывалась тайна там, на ней запрет,
Ни у кого ключа к той тайне нет.
Однако некий подлый похититель
В сокровищницу вторгся, как грабитель,
И створки раковины расколел,
И, словно вор, жемчужину обрел.
А ты махни рукою, благородный,
На то, где след оставил вор негодный.

**РАССКАЗ О СОМНЕВАЮЩЕМСЯ,
ОТКАЗАВШЕМСЯ ОТ ОМОВЕНИЯ МОРСКОЙ
ВОДОЙ ПО ПРИЧИНЕ ЕЕ ЗАГРЯЗНЕНИЯ
МОРСКИМИ ГАДАМИ**

Перед намазом муж, сомнений полн,
Решил омыться в пене шумных волн.
А море красной тиной шелестело
И рыбами и гадами кишело,

Ища добычу в глубине морской,
Кружили с криком птицы над водой.
Сказал он: «Сколько тварей в этом море!
Какой тревожный шум в его просторе!
Как на молитву стану пред творцом,
Коль руки и лицо омою в нем?
Ищу источник, как Замзам священный,
От всех непосвященных сокровенный!
И от всего, что здесь осквернено,
Да будет сердце освобождено».

**АБСАЛЬ СТАНОВИТСЯ КОРМИЛИЦЕЙ САЛАМАНА
И РЕВНОСТНО ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ВОСПИТАНИЕ
ЭТОГО БЕСПОРОЧНОГО ОТРОКА**

Когда Абсаль велением султана
Кормилицей стала Саламана,
Она любовно приняла его
В подол благодеянья своего.
Источником грудей его кормила,
В заботах сон и отдых позабыла.
Питомцем восхищенная своим,
Жила, дышала только им одним.
Была б у ней такая власть и сила,
Она его в зрачке бы поместила.
Вот срок кормления грудью миновал,
Царевич незаметно подрастал.
Абсаль за ним ухаживать осталась.
О, как она ему служить старалась!
По вечерам постель ему стлала,
Свечой над ним сгорала досветла.
А время пробужденья наставало,
Она его, как куклу, наряжала.
Сурьмила томные нарциссы глáz,
Хоть он и так хорош был без прикрас.
Одев ребенка в ткани дорогие,
Ему чесала волосы густые.
Смеясь, на кудри темные, как тень,
Корону надевала набекрень.
С ним ни на миг она не расставалась,
И вот ему четырнадцать сравнялось.

Он стал мужские обретать черты,
Достиг расцвета высшей красоты.
Он стройным станом был копыю подобен,
Сердца он ранил, хоть и был беззлобен.
Его чело — как полная луна,
На нем кудрей рассыпалась волна.
Две черные дуги — бровей изгибы,
А нос с алифом мы сравнить могли бы.
Глаза же уподобить я могу
Газелям на блистающем лугу,
Газелям, на охотника бегущим,
Охоту на охотника ведущим.
Его уста — как перстень: красный лал
Два ряда жемчугов приоткрывал.
А подбородок — яблоко, награда
Аллаха из заоблачного сада...
Подобна шея мрамору столпов,
В его аркане — шеи гордецов.
Как серебро, его ладони были,
Хоть серебро сгибали без усилий.
Хотел я Саламана описать —
Из моря перл один сумел достать.
Но много былей из времен далеких
Дошло о свойствах юноши высоких.

**ОБ ОСТРОТЕ УМА САЛАМАНА
И О ВЫСОКИХ КАЧЕСТВАХ
ЕГО ПРОЗЫ И СТИХА**

Соперничал в стихах он с Сурайей,
А прозою — с Медведицей Большой.
Был, как вода, в нем чист, прозрачен разум,
Круг избранных он увлекал рассказом.
Писал ли он — был почерк как пушок
На юной белизне лилейных щек.
Науками свой ум обогащал он,
Всю мудрость мира в памяти вмещал он.

О ЕГО ПИРАХ И УВЕСЕЛЕНИЯХ

Свершив дела дневные, вечерами
Играл он в нарды иногда с друзьями.
Айван, как рай, для пира украшал,
Певцов и музыкантов приглашал.
Снимал застенчивости покрывало,
Когда вино в нем душу согревало.
С певцом садился, пел он вместе с ним,
В смешных рассказах был неистощим.
Стенанья флейты с сахаром мешал он,
Мелодию, как сахар, рассыпал он.
Брал в руки чанг и сам слагал слова,
И новой каждый раз была нава.
То из барбата, бывшего в забвенье,
Исторгнет звуки, полные томленья.
И так барбата струны запоют,
Что люди слушают и слезы льют.
Так проводил досуг он вечерами
С друзьями за веселыми пирами.

О ТОМ, КАК ОН ИГРАЛ В ЧОВГАН И ПОБЕЖДАЛ СВОИХ СОПЕРНИКОВ

Чуть на рассвете солнце сквозь туман
Коня пригонит на дневной майдан,
Встав, Саламан проворно одевался
И на коне к майдану устремлялся.
С клюкой он по ристалищу скакал
Туда, где золоченый мяч взлетал.
Средь однолетков, царственно рожденных,
Еще бритьем бород не удрученных,
Летя подобно быстрому лучу,
Всех крепче ударял он по мячу.
И стал он самым ловким и проворным
В игре на том ристалище просторном.
С победою он покидал майдан.
Был мяч луной, а солнцем — Саламан.

О ТОМ, КАК ОН ОВЛАДЕЛ ЛУКОМ И СТРЕЛАМИ

Потом на стрельбище, где стрелы пели,
Он совершенствовался в ратном деле.
Изделье Чача — богатырский лук —
Он брал у царских лучников из рук.
Сам тетиву натягивал умело,
И тетива тугой струной звенела.
И тетиву до уха Саламан
Оттягивал и полный брал колчан,
И птицами трехперыми летели
Над полем стрелы, не минуя цели.

О ЕГО ЩЕДРОСТИ И РАЗДАЧЕ ДАРОВ

Он стонущих от нищеты и горя
Дарил рукою щедрой, словно море.
Вернее море бы назвать рекой
Перед широкой щедростью такой.
С той щедростью и туча не сравнится, —
Дарила туча капли, он — кошницы.
Когда к дверям дворцовым подходил
Бедняк и подаяния просил,
То награждался милостью такую,
Что ношу он не мог унести с собою.

РАССКАЗ О БЕГСТВЕ ПОЭТА КАТРАНА ОТ ОБИЛИЯ ДАРОВ ВОСХВАЛЯЕМОГО ФАЗЛУНА

Катран! Каким искусством обладал он, —
В одном катрене целый мир вмещал он.
Гаджинскому Фазлуну он служил
И книгу мудрости ему сложил.
А шах Фазлун — как море, щедрым был он, —
Поэта своего обогатил он.
Назавтра вдвое больше, чем вчера,

Насыпал золота и серебра.
И что ему Катран ни прочитает,
Ему он вдвое плату прибавляет.
Катран смутился, видя щедрость ту, —
Богатство сделалось невмоготу.
Внезапно он бежал, бесследно сгинул —
И дом, и всю казну свою покинул.
Узнав, что он исчез, Фазлун сказал:
«Он бескорыстен был, а я не знал.
Он был достоин царственных отличий,
А награждать достойных — мой обычай.
Но он не выдержал. . . И вот беда —
Исчез, бедняк, неведомо куда!»

**О ТОМ, ЧТО ЦЕЛЬ ЭТИХ ВОСХВАЛЕНИЙ —
ПРОСЛАВЛЕНИЕ СУЛТАНА,
ЧЬИ ЖЕЛАНИЯ СБЫВАЮТСЯ,
А ВЛАДЕНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ РАЕМ**

Бессонный разум — друг, советник мой
Стал упрекать меня ночной порой:
«Зачем томишься мыслью бесполезной?
Что твой калам, Джамии, пред этой бездной?
Кто царства времени не победил,
Исчезнет, будто не был и не жил.
Иди по главной нити в мире праха,
Не восхваляй придуманного шаха!»
Я отвечал: «О мудрости родник,
Перед тобой немеет мой язык.
Но я пою того, чье сердце живо,
Царя, носящего кулах счастливый.
Закон семи он поясам земным,
Семь океанов — капля перед ним.
Иносказание — хвалы одежда,
Чтоб в тайну речи не проник невежда.
Учил мудрец: «Влюбленных, беды их
Изображай, но в образах иных!»
Ведь и не каждый друг — наперсник тайны,
В дверь эту не войдет никто случайный.
Жил некто, от любви с душой больной,
Всё время говоривший сам с собой;

Истории, одна другой чудесней,
Он сочинял, слагал стихи и песни,
О солнце, о луне повествовал,
О розе в гиацинтах покрывал;
То в песне кипарис он славил стройный,
То плакал над колючкой недостойной.
Пришел к нему невежда поболтать
И стал певца сурово осуждать.
Сказал: «Ты, друг, в огне любви сгораешь,
Что ж ты любовь свою не прославляешь?
Вниманье повседневному даришь,
О низменных явленьях говоришь».
А тот: «Тебе чужда тоска влюбленных,
И ты не знаешь языка влюбленных!
Ведь Солнцем я зову любовь мою,
От посвященных смысла не таю.
Цветком зову ланиты золотые,
А гиацинтом — локоны густые.
А кипарис — то стан ее прямой,
Я сам — колючка под ее ногой. . .
Ты повесть только о любви одной
Услышишь, коль язык изучишь мой».

**КРАСОТА САЛАМАНА ДОСТИГАЕТ
ВСЕСТОРОННЕГО СОВЕРШЕНСТВА.
У АБСАЛЬ ВОЗНИКАЕТ ЛЮБОВЬ К НЕМУ,
И ОНА ПРИБЕГАЕТ К УЛОВКАМ,
ЧТОБЫ ПЛЕНИТЬ САЛАМАНА**

Петь Саламана беден мой язык,
Когда он дивной зрелости достиг.
Он — кипарис, величие обретший,
Сад утонченности, весной расцветший.
Сперва он был незрелым; но, когда
Настало время зрелости плода,
Абсаль его всем сердцем возжелала,
К запретному плоду стремиться стала.
Но плод на верхней ветке выросал,
Ее аркан плода не доставал.
И начала она — хитро и смело —
Свою красу подчеркивать умело.

То завитки, как мускусную мглу,
Распустит по лилейному челу,
То, темный волос разделив пробором,
Украсится невиданным убором,
То черной басмой в горнице своей
Наложит тетиву на лук бровей,
То подведет глаза свои сурьюмою,
Неся смятенье миру и покою.
Ланитам придавала блеск румян,
Чтоб утерять терпенье Саламан.
И родинку искусно подводила,
И птицу сердца родинкой манила.
Всегда смеялась, весело шутя,
Зубов прекрасных жемчугом блестя.
То рукава повыше закатает,
Мол, дело делать ей рукав мешает,
То бегаёт проворно, хлопоча,
Браслетами-хальхалями бренча,
Чтобы от их колдующего звона
Ему постыли царство и корона.
Все дни она — заманчиво мила —
Перед глазами у него была.
Ведь женской прелести очарованье
Через глаза рождает в нас желанье.

**РАССКАЗ О ЗУЛЕЙХЕ, СДЕЛАВШЕЙ
НА СТЕНАХ СВОЕГО ДВОРЦА
ИЗОБРАЖЕНИЯ СВОЕГО ЛИЦА,
ЧТОБЫ ЮСУФ, КУДА НИ ПОСМОТРЕЛ,
УВИДЕЛ ЕЕ ЛИЦО И ПОЧУВСТВОВАЛ
К НЕЙ ВЛЕЧЕНИЕ**

Для Зулейхи построен был дворец
Белей суфийских искренних сердец.
Резьбою там не украшали стены,
Зеркальной чистотой блистали стены.
Художника она велела звать
И облик свой на стенах написать.
И стены зал — на всем их протяженье —
Покрыли сплошь ее изображенья.
Тогда она Юсуфа позвала,

Чадру с лица красивого сняла.
Он взглядом от соблазна отвращался,
Но всюду вновь с лицом ее встречался.
От прелести ее и от речей
Возникло у него влечение к ней.
Решил исполнить он ее желанье
И с нею утолить свое желанье.
Но разум доводы ему явил
И в чистоте душевной утвердил.
Юсуф желаемого не коснулся,
Ушел до срока — и не оглянулся.

**УЛОВКИ АБСАЛЬ ДЕЙСТВУЮТ
НА САЛАМАНА, И ОН НАЧИНАЕТ
ОЩУЩАТЬ СКЛОННОСТЬ К НЕЙ**

И Саламан — хоть он и скромн был,
Хоть в помыслах он чистоту хранил —
Почувствовал: он взглядом в сердце ранен,
Косою мускусною заарканен.
Он чувствовал: сломил терпенье в нем
Изогнутых бровей ее излом.
Стал горек мед от смеха уст медовых,
И потерял он сон в ее оковах.
Он неотступно в тишине ночной
Ее воображал перед собой.
Он перед этой родинкою черной
Погибнуть был готов душой покорной.
От беспокойных локонов ее
Он потерял спокойствие свое.
Так, молча, страстью он воспламенялся,
Но в глубине душевной устрашался.
«Не дай, господь! — молился он в тиши. —
Ведь это гибель для моей души!
Люблю. . . Но, с ней любви вкусив, я знаю,
Величие и сан я потеряю.
Ведь счастье, что пройдет в конце концов,
Не кыбла для надежды мудрецов».

**РАССКАЗ О СЛЕПОЙ ВОРОНЕ
НА БЕРЕГУ СОЛЕНОГО МОРЯ,
КОТОРОЙ ЦАПЛЯ ПРЕДЛАГАЛА
ПРЕСНУЮ ВОДУ, НО ТА
НЕ ПРИНЯЛА ЕЕ**

Ворона стала слепнуть и от горя
Решила доживать свой век у моря;
Морскую воду горькую пила
И к той воде привычку обрела.
Однажды к морю прилетела цапля,
Как с облаков добра участия капля.
И над вороной сжалилась она,
Что ей вода морская солона.
Сказала цапля: «Ты не брезгуй мною,
Я пресной напою тебя водою!
Ведь про запас имеется всегда
В моем зобу прохладная вода».
— «Друг, я боюсь, — ответила ворона, —
Что потеряю вкус к воде соленой.
Коль жажду пресной утолю водой,
Пить не смогу потом воды морской.
Ты улетишь, а я, полуслепая,
Останусь тут, от жажды погибая.
Уж лучше с горькой быть водой в ладу,
Чтоб горшую не испытать беду!»

**АБСАЛЬ ПРИХОДИТ К САЛАМАНУ,
И ОНИ ПРЕДАЮТСЯ НАСЛАЖДЕНИЮ**

Так он сгорал, томился; и тогда
Взошла Абсаль счастливая звезда.
Она искала часа неустанно
Найти в уединенье Саламана.
И ночью раз к нему в покой вошла
И всю себя и душу принесла.
К ногам его она, как тень, склонилась,
К ногам его смиренно приложилась.
И ласково он на нее взглянул,
И милости ей руку протянул,
И обнял. Тесным было их объятье,

Как тело нам охватывает платье.
И жадным ртом ко рту ее приник, —
О, поцелуй — объятий проводник. . .
Они в лобзанье радостно сливались,
И чаши их сердец переполнялись.
Они устами терлись об уста,
Но разделяла их еще черта.
И страсть, что в них сильней забушевала,
Стыдливости отвергла покрывало
И узел распустила на пути,
Где жаждали друг друга обрести.
В нем — молоко, а сахар в ней скрывался,
Сладчайший сахар с молоком смешался.
Насытись сахаром и молоком,
Они к утру забылись сладким сном.

САЛАМАН ПРОБУЖДАЕТСЯ ОТ СНА И ЗОВЕТ АБСАЛЬ НА ПИР РАДОСТИ

Светило дня, взойдя на свод зеленый,
Лучом, как палочкою золоченой,
Завесу сбросив, навело сурьму
На вежды миру сонному всему.
И встал счастливый Саламан с постели
В полудремоте сладкой, будто в хмеле,
Объятый обаяньем чар ночных
И жаждой новых радостей живых.
Ему — он чувствовал — необходимо
Опять припасть к рубинам уст любимой.
Ее позвал он, слуг не разбудил
И рядом на подушку усадил;
Стыдливости покровы с милой снял он —
И вновь восторги ночи испытал он.
И так же день у них прошел другой. . .
Казалось, не грозил им глаз дурной.
День стал неделей, месяцем — неделя,
А месяц — годом сладкого безделья.
Вот так — ни днем ни ночью, без забот,
Они не разлучались целый год.
Но в зависти вращенье круговое
Сказало: «Как бесчестны эти двое!

Но те дела, что начинаю днем,
Я пресекаю в сумраке ночном.
Ведь счастье человека, и мученье,
И жизни срок — в моем произволенье!»

**РАССКАЗ ОБ АРАБЕ-КОЧЕВНИКЕ,
КОТОРЫЙ ОДОБРИЛ УГОЩЕНИЕ ХАЛИФА
И СКАЗАЛ: «ПОСЛЕ ЭТОГО Я
ВСЕГДА БУДУ ПРИХОДИТЬ
ОБЕДАТЬ СЮДА!», И ОБ ОТВЕТЕ
ХАЛИФА, ЧТО, ВОЗМОЖНО,
ЕГО НЕ ПУСТЯТ, НА ЧТО АРАБ
СКАЗАЛ: «ВИНА ЗА ЭТО БУДЕТ
НА ТЕБЕ, А НЕ НА МНЕ»**

Какой-то бедуин, придя в Багдад,
Сел у ворот халифовых палат.
И волей повелителя в чертоги
Был приведен кочевник тот убогий;
Там за чредою царственной еды,
Он угощен был блюдом палуды
Сладчайшей, как язык красноречивый,
Как губы девы, юной и красивой,
То блюдо при любом большом глотке,
Казалось, таяло на языке.
Всё съел араб, и, восхвалив аллаха,
Он так сказал без робости и страха:
«О правоверных добрый щит и свет!
Я съел обед и дал такой обет,
Что буду ежедневно непременно
Сюда ходить, о муж благословенный!
Обедать с вами! Больше никуда,
Так мне по вкусу ваша палуда!»
Халиф сказал, смеясь: «О гость случайный,
Не ведающий сокровенной тайны!
Тебя вторично могут не пустить,
Так понапрасну стоит ли ходить?»
Араб сказал: «Ты грех возьмешь на душу,
Коль по твоей вине обет нарушу!
Когда меня ты не велишь пускать,
То кто меня посмеет обвинять?»

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК МУДРЕЦ
И ПАДИШАХ УЗНАЛИ О ЛЮБВИ
САЛАМАНА И АБСАЛЬ И СТАЛИ
УПРЕКАТЬ ЗА ЭТО САЛАМАНА**

Шли ночи, дни, недели в свой черед.
Любовь их длилась месяц, длилась год.
Совсем отца и мудреца забыл он,
Заботою сердца их сокрушил он, —
Уж не томит ли юношу недуг?
Но правду всю разведали от слуг.
Они позвали юношу и речи
С ним начали окольно, издалече.
И много истин мудрых привели,
Пока до сути дела не дошли.
И стало ясно им, что без обмана
Дошла до них молва про Саламана.
И дали наставление ему —
Опору неокрепшему уму.

НАСТАВЛЕНИЕ ПАДИШАХА САЛАМАНУ

Шах говорил: «О сын — душа отца,
Светильник яркий моего дворца!
Взгляд счастья моего тобой живет,
Майдан моих надежд тобой цветет.
Я долгим ожиданием томился,
Покамест ты, как роза, не раскрылся.
Полу из рук моих не вырывай,
Шипами рук моих не уязвляй.
Из-за тебя обременен я властью
И для тебя кладу ступени к счастью.
Предназначения не забывай,
Пристрастьям низким воли не давай,
Не будь рабом страстей! Ведь пред тобою
Престол величья, посланный судьбою.
Ты — царский сын. Тебе в човган играть,
Верхом на Рахше по полям скакать,
А не човганом локонов пленяться
И неге и безделью предаваться.
Копьем онагра мчащегося рань,
Лань на скаку проворно зааркань —

Хвала тебе. Но будь не заарканен
Петлей страстей, стрелой любви не ранен.
Всегда готовым будь пойти на бой,
Разить отважных сталью боевой.
Но кто в гаремном воздухе изнежен,
Тому разгром в сраженьях неизбежен.
Опомнись, сын! Иначе — я не лгу,
Что я от огорченья слечь могу.
Не высказать, как ты меня печалишь. . .
И стыд тебе, коль с ног меня ты свалишь!»

**О ПРОЛИТИИ ПИРУИЕЙ КРОВИ ХОСРОВА И
ДУРНОМ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИИ
ЕМУ ЗА ЭТО**

Убитый сыном, кровью истекая,
Хосров Парвиз промолвил, умирая:
«Ветвь, что от корня вскормлена водой,
Решила уничтожить корень свой.
И вырван корень был. И что же стало?
Иссохла ветвь и на землю упала».

ОТВЕТ САЛАМАНА ПАДИШАХУ

Внял Саламан отцу, чело склонил
И так ему в ответ проговорил:
«О шах, я раб твоей высокой мысли;
У ног своих меня ты прахом числи!
Тебе вовеки подначален я,
Ты прав. Но тяжело опечален я.
Душой согласный с волею твоею,
Не волен я и сердцем не владею.
Я многократно спорил сам с собой,
Я сам хотел разделаться с бедой.
Но лишь луну свою я вспоминаю —
Изнемогаю сердцем и стенаю.
Здесь на земле мне сиром без нее,
Ничто мне оба мира без нее.
Перед ее лицом — истоком света —
Тускнеет светоч мудрого совета».

РАССКАЗ О ЛИСИЦЕ И ЛИСЕНКЕ

В сады лиса лисенка привела
И наставленья мудрое дала:
«Ешь виноград, но — чур — не объедайся,
Сторожевых собак остерегайся!»
Лисенок ей: «Хоть я и сам не рад,
Но, раз уж я увидел виноград,
Пока все гроздья не пообрываю,
Я даже о собаках забываю!»

НАСТАВЛЕНИЕ МУДРЕЦА САЛАМАНУ

Когда закончил слово шах-отец,
Стал Саламану говорить мудрец:
«О сада древнего побег любимый,
Рисунок вечного непостижимый,
Читающий, всем мудрецам в пример,
Тетрадь стихий и свиток звездных сфер;
С рожденья страж сокровищниц Адама,
Мир отражающий, как чаша Джама,
Ты осознай достоинство свое
И суть свою и охраняй ее!
Тот, чья рука, исполненная силой,
Твоей природы глину замесила,
Он указатель твоего пути.
Ты взгляд к духовной сути обрати.
От внешнего очистишь; всё вниманье
Зерцалом погрузи в лучи познания.
От обольщенья женского уйди,
На лик прекрасный больше не гляди.
Что есть красавица? Полна изъянов
Картина эта, в мареве обманов.
И ни пола, ни пазуха у ней
Не чисты, не свободны от страстей.
Как можешь ты безумью предаваться?
Как можешь ты, забыв себя, влюбляться?
Ты, страсти поддаваясь, суть души,
Основу сил своих не сокруши.
Ты из-за страсти сам с собой в боренье;
Душе служить иль страсти — ты в сомненье,

Высокий был сужден тебе удел,
Лучом звезды в зените он блестел.
Но, низкой страстью сорван с тверди звездной,
Он падает во тьму, влекомый бездной».

РАССКАЗ О ПЕТУХЕ И МУЭДЗИНЕ

Раз петуху промолвил муэдзин:
«Часы намаза знаешь ты один.
Ты в срок всегда поешь и не собьешься,
Ни на мгновение не ошибешься.
Тебе бы, друг, при мудрости такой,
На небе петь — высоко над землей!
Доколь тебе средь куриц величаться
И в каждой свалке мусорной копаться?»
Петух сказал: «Пришлось мне низко пасть...
Меня сгубила чувственная страсть.
Когда свое пристрастие победил бы,
Как я тогда высоко воспарил бы!
В курятнике бы райском, не земном,
Беседовал с небесным петухом!»

ОТВЕТ САЛАМАНА МУДРЕЦУ

Был Саламан овеян словом знанья,
Как неким облаком благоуханья.
Ответил он: «Платону равен ты
И Арасту — в кругу твоей черты.
В столетьях десять солнц ума блистало,
Одиннадцать с твоим приходом стало.
Я строго следовал твоим путем,
Покорным был твоим учеником.
Запомнил всё, чему я научился,
С твоею мудростью душой сравнился.
Но знаешь ты, не можешь ты не знать,
Что вне меня возможность выбирать.
Деянья наши дара не превысят,
А дар от воли нашей не зависит.
И от того, что мной совершено,
Мне отрешиться право не дано.
Пусть в наших действиях исток несчастий,
Вернуть свершенное не в нашей власти».

РАССКАЗ О СТАРИКЕ И ЕГО СЫНЕ

Шел некто с сыном-юношей сам-друг,
А ослик их тащил тяжелый вьюк.
Они дорогой ноги в кровь разбили.
Большие горы путь им преградили,
Отвесной обрываясь крутизной;
Под кручей море пенилось волной.
Над бездною, что душу устрашала,
Опасная тропинка пролежала.
Казалось — там никто не мог пройти,
Там лишь змея могла бы проползти.
А что с тропинки узкой той срывалось,
Глубокой бездной моря поглощалось.
Пошел тропинкой ослик и упал.
«О боже! — сын в смятенье закричал. —
Осел упал, с ним наши все пожитки. . .
Спаси его и возмести убытки!»
— «Молчи, сынок, — сказал старик отец, —
Нам не вернет его и сам творец.
Будь тверд, мужайся духом благородным,
Не помышляй о выборе свободном».

САЛАМАНУ ОПОСТЫЛЕЛИ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ УПРЕКИ. ОН ОСТАВЛЯЕТ ШАХА И МУДРЕЦА И ВМЕСТЕ С АБСАЛЬ ИЗБИРАЕТ ПУТЬ БЕГСТВА

Он слушал их, всем сердцем их любя,
Молчал, но был от горя вне себя.
Упрек несет ущерб душе свободной,
Упреков дух не терпит благородный.
«Как быть теперь?» — он голову ломал
И многие решенья принимал.
Со всех сторон свое обдумал дело,
И мысль о бегстве твердо в нем созрела.
И паланкин для дальнего пути
Велел он верным слугам припасти.
Чем дом тесней, тем лучше для досуга,
Когда в объятых милая подруга.

**РАССКАЗ О ЗУЛЕЙХЕ,
КОТОРОЙ ПРИ ВИДЕ ЮСУФА
КАЗАЛАСЬ ПРОСТОРНОЙ
ТЕМНИЦА**

Разлуку Зулейха была не в силе
Сносить, когда Юсуфа заточили.
И каждый вечер из дворца в тюрьму
Она стремилась к другу своему.
И вот сказал ей некто не любивший,
Плода из сада страсти не вкушивший:
«Живя в таком дворце, до коих пор
Тебе в тюремный прятаться затвор?»
Она ж: «С тех пор, как друг в темнице скрылся,
Как муравьиный глаз, мой мир стеснился!
Но муравьиный глаз мне с ним вдвоем
Просторней, чем дворец в саду моем».

**САЛАМАН И АБСАЛЬ УПЛЫВАЮТ В МОРЕ,
ПРИСТАЮТ К ЦВЕТУЩЕМУ ОСТРОВУ,
ПОСЕЛЯЮТСЯ НА НЕМ И ОБРЕТАЮТ ПОКОЙ**

Дней за семь Саламан свою Абсаль
Увлек в недосыгаемую даль.
Забыв упреки родичей и горе,
Через неделю он увидел море.
Стал Саламан за морем наблюдать,
Стал кораблей попутных поджидать.
И челн нашел, прекрасно оснащенный,
Как полумесяц в заводи зеленой.
Вот вынес челн на шумную волну,
Как полумесяц, — солнце и луну.
Как лебедь, над пучиною соленой
Челн полетел, ветрилом окрыленный.
Дней тридцать — качка, ветра гул да плеск,
От качки угасал их цвет и блеск.
Когда пловец последних сил лишался,
Вдруг среди моря остров показался,
Как сад Ирема в давние года,
Перенесенный волшебством сюда.
Как сад эдема, вся в росе блестящей
Лесная там благоухала чаща.

И Саламан сказал: «Здесь будем жить.
Чего еще искать, куда нам плыть?»
Они от всяких страхов отрешились
И в том лесу прекрасном поселились.
Жасмин и роза, радостью дыша, —
Единые, как тело и душа.
Она всегда с любимым, он — с любимой,
В покое, без помехи нетерпимой.
Здесь лицемер не обличает их,
Загробной карой не страшает их.
Не жалит роза — нежности награда,
Дракона нет у найденного клада.
Нет им запрета на лугу лежать,
В потоке чистом жажду утолять
И радоваться, соловью внимая
И сладкозвучной речи попугая.
Им на прогулке спутник — то павлин,
То куропатка золотых долин.
Как в мареве счастливого похмелья,
Они там жили, полные веселья,
Не мучимы упреками, одни,
И ночи проводя в любви, и дни.
К влюбленной милой тянется влюбленный,
И для слиянья — никакой препоны.

**О ТОМ, ЧТО ОТВЕТИЛ ВАМЕК
НА ВОПРОС — КАКОВА ЦЕЛЬ
ЕГО ПОИСКОВ**

Какой-то любопытный человек
Спросил: «Что ищешь в мире ты, Вамек?
Чем ты томишься, Узрою плененный?
Чего вам не хватает, о влюбленный?»
Ответил он: «Ищу в дали степей
Угодья, где не встречу я людей;
Чтобы в шатре близ речки поселиться
И с милой там навек уединиться;
Чтоб слиться с нею телом и душой
И знать, что нас не видит глаз чужой;
Чтобы в пустыне до скончанья века
Ни одного не встретить человека!

Лишь там я неразрывно с ней сольюсь,
От двойственности там освобожусь.
Пока есть двойственность — есть страх и муки
И опасенье будущей разлуки. . .
Но верю я, что счастье суждено
Мне слиться с ней поистине в одно!»

**ШАХ УЗНАЕТ ОБ ОТЪЕЗДЕ САЛАМАНА
И, НЕ ИМЕЯ СВЕДЕНИЙ О НЕМ,
ПОЛЬЗУЕТСЯ ЗЕРКАЛОМ, В КОТОРОМ
ВИДЕН ВЕСЬ МИР, И УЗНАЕТ О СОСТОЯНИИ
САЛАМАНА**

Узнал в Юнана старый властелин,
Что вдруг исчез его любимый сын.
В отчаянье он слезы лил, как воду,
С мольбами обращался к небосводу,
Вел розыски сыновнего пути,
Но ни следа нигде не мог найти.
Владел он неким зеркалом чудесным,
Всё отражавшим в мире поднебесном.
Взглянул он в это зеркало и вот —
Увидел остров среди пустынных вод.
На острове зеленая чащоба,
И беглецы в ней — невредимы оба. . .
Когда он там увидел их вдвоем,
К обоим милость пробудилась в нем.
Решил: он жив, зачем его жестоко
Терзать словами тщетного упрека!
А чтобы сын ни в чем нужды не знал,
Корабль ему с припасами послал.

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК ХОСРОВ ПАРВИЗ
ПОЛУЧИЛ ВОЗМЕЗДИЕ ОТ ШИРУИЕ ЗА ТО,
ЧТО ОН СДЕЛАЛ С ФАРХАДОМ**

Утесы прорубающий Фархад
К Ширин влеченьем страсти был объят.
Ширин, полна сердечного волненья,
Скрыть не могла ответного стремленья.
Как пламя, ревность шаха обняла,
Хирман его спокойствия сожгла.

И вот уже готовит полный яда
Судьба-старуха кубок для Фархада.
Погиб Фархад. . . Свершив великий грех,
Парвиз с Ширин остался без помех.
Но грозный небосвод алкал отмщенья,
Он подал Шируйе кинжал отмщенья.
И пал убитый сыном властелин,
Всё потерял — и царство, и Ширин.

**ШАХ ОГОРЧАЕТСЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬЮ
ПРИВЯЗАННОСТИ САЛАМАНА К АБСАЛЬ
И СИЛОЙ МЫСЛИ УДЕРЖИВАЕТ САЛАМАНА
ОТ НАСЛАЖДЕНИЙ С НЕЮ**

... Но с горечью увидел шах Юнана,
Что нет конца пристрастью Саламана;
Что жизнь идет, наследник же его
О царстве знать не хочет ничего.
Об этом мысля, шах сгорал от горя. . .
Через пустыни и просторы моря
Он мысль на Саламана устремил
И мыслью сил мужских его лишил.
К любимой сын не уставал стремиться,
И вдруг он с ней не смог соединиться.
Его, как прежде, жар любовный влек,
Но с ней, как прежде, слиться он не мог.
Сгорать от жажды над струей потока —
Нет кары в мире более жестокой.
И понял он: отец, один и стар,
Его вернуться нудит силой чар.
И воротился он к отцу в смятенье,
Раскаяния полн, прося прощенья. . .

**ОТВЕТ УЧЕНОГО НА ВОПРОС,
КОГО НАЗЫВАТЬ ЗАКОННЫМ СЫНОМ**

Раз ученик спросил: «О муж ученый,
Как ты решаешь — кто есть сын законный?»
Ответил: «Тот, кто на отца похож,
Неважно — дурен он или хорош,

Пусть не похож сперва. . . Года проходят,
И видят все — он на отца походит.
А коль ни с чем с отцом он не сравним,
То прав отец, назвав его чужим.
Ведь плевел в поле средь ростков пшеницы
Сначала от нее не отличится.
Растут они как равные. Но вот
Зерно поспело, жатва настает.
И скажет колос: «Прочь, сорняк негодный,
Не ровня ты пшенице благородной!»

**САЛАМАН ПРИБЫВАЕТ К ШАХУ,
И ТОТ ВЫРАЖАЕТ ЕМУ СВОЮ ЛЮБОВЬ**

Увидел старый шах сыновний лик
И с поцелуями к нему приник.
И, положив ему на плечи руки,
Он любовался им после разлуки.
И говорил: «Зрачок глядящий мой,
Ты мне как соль на скатерти земной.
Рожден ты для того, чтоб царством править,
Чтоб наш венец и трон в веках прославить.
Ты не гнушайся царского венца.
Венец державный — не для подлеца.
Срок близится, венец принять ты должен,
Кормило власти в руки взять ты должен.
Так отворотись от губительной любви,
Для высшей в мире доблести живи.
О судьбах царства думай, о короне.
Страсть изменную смой, как хну с ладони».

**О ЧЕТЫРЕХ СВОЙСТВАХ,
ЯВЛЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯМИ ЦАРСТВОВАНИЯ**

Честь, мудрость, щедрость, мощная рука —
Вот свойства, при которых власть крепка.
Но мудрость выше низменных пристрастий,
Не терпит благородство женской власти.
Разумный муж высоко честь хранит
И похотью полу не осквернит.

Могучий дух рабом любви не будет
И царственного долга не забудет.
И щедрость ради женщины любой
Не жертвует великою судьбой.
Царь, если он собой не в силах править,
Не сможет царства своего прославить.
Всему, что может мощь твоих опор
Ослабить, ты суровый дай отпор!
И честь, и мужество, и мудрость — в этом.
Прибавить нечего к моим советам».

**САЛАМАН ВПАДАЕТ В ПЕЧАЛЬ ОТ УПРЕКОВ ОТЦА,
УХОДИТ В ПУСТЫНЮ, РАЗЖИГАЕТ ОГОНЬ
И ВХОДИТ В НЕГО ВМЕСТЕ С АБСАЛЬ,
НО АБСАЛЬ СГОРАЕТ,
А ОН ОСТАЕТСЯ НЕВРЕДИМЫМ**

Кто в мире униженней, чем влюбленный?
Где есть удел, столь горько затрудненный?
Кому доброжелательства совет
Как злого издевательства навет?
Так Саламан утратил свет надежды
И разорвал спокойствия одежды.
Мир для него навеки помрачнел,
И он уничтоженья захотел.
Пусть лучше корень жизни уничтожит
Тот, кто достойно больше жить не может.
И он с Абсаль — любимую своей —
За смертью удалился в даль степей.
Вязанками кустарник нарубил он,
Вязанки те в большой костер сложил он.
И поднялся костер, как холм высок.
Огонь он высек и костер поджег.
Простер ей руку, как жених невесте,
И на костер взошел он с нею вместе.
Шах устремлял свой взгляд в степную даль,
Он думал истребить одну Абсаль.
Луч мыслей направляя неустанно,
Он сжег ее, оставил Саламана.
От примеси нечистого всего,
Как золото, очистил он его.

**САЛАМАН ОСТАЕТСЯ БЕЗ АБСАЛЬ
И СКОРБИТ В РАЗЛУКЕ С НЕЙ**

В житейской суете неистребимой
Кто чужд всего? — Влюбленный без любимой.
Бежит от мира. . . Но несутся вслед,
Пронизывают сердце стрелы бед.
Вот в грудь ему один клинок вонзился,
Другой в затылок прямо устремился.
Хоть друг в несчастье пощадит его,
Но недруг камнем поразит его.
Пусть камень мимо пролетит далеко,
Он будет жертвой черствого упрека.
А если он упреков избежит,
Его печаль разлуки сокрушит. . .
Они на гору огненную смело
Взошли. В огне одна Абсаль сгорела.
Был силой мысли Саламан спасен;
Как тело без души, остался он.
Моля об избавлении, со стоном
Он пал в слезах пред грозным небосклоном.
Так причитал он, что рассвет рыдал
И, сострадавая, ворот разрывал,
Сочувствуя, над ним слезами капал,
А Саламан лицо себе царапал,
Бил камнем в грудь себя он всё больней,
Как в пробный камень верности своей.
Не в силах милую обнять руками,
Он руки истерзал себе зубами.
Он взгляды ночью в угол обращал,
В тени Абсаль свою воображал.
«О, подойди, вернись ко мне, взываю!
Взгляни — я умираю, я сгораю!
Одна ты в жизни жизнью мне была,
Одна ты свет глазам моим дала.
Я, привлечен твоею красотой,
Жил на путях свидания с тобою.
Мы были оба счастливы всегда.
Доселе не касалась нас беда.
О, как мы сладостно соединились,
Когда от всех навеки отрешились!

Друг другу тайну тайн шептали мы,
В объятьях сладко засыпали мы.
Как дико пламя ярое взвивалось. . .
О, пусть бы я сгорел, а ты осталась!
Но вот сгорела ты, мне — пеплом стыть,
И нет исхода, и зачем мне жить?!
О, если б я тогда погиб с тобою,
Мы шли бы вместе тайною тропую. . .
Там — за пределами небытия —
Блаженство вечное вкусил бы я».

**РАССКАЗ ОБ АРАБЕ, ПОТЕРЯВШЕМ ВЕРБЛЮДА
И ГОВОРЯВШЕМ: «О, ЕСЛИ БЫ Я ТОЖЕ
ПОТЕРЯЛСЯ ВМЕСТЕ СО СВОИМ ВЕРБЛЮДОМ,
ЧТОБЫ КАЖДЫЙ, КТО НАЙДЕТ ЕГО,
НАШЕЛ БЫ И МЕНЯ С НИМ!»**

Один араб дорогой задремал —
И, как упал с верблюда, не слышал.
Верблюд, почуяв легкость и свободу,
Один, как резвый конь, прибавил ходу.
Араба разбудил степной рассвет. . .
Верблюда нет, песком заваян след.
Он возопил: «Верблюд мой потерялся,
В пустыне дикой я один остался!
О, если б не был я судьбой гоним,
Я потерялся б тоже вместе с ним!
Куда б шаги верблюд мой ни направил,
С ним был бы я, его бы не оставил.
Со мною вместе бы нашли его —
Пропавшего верблюда моего!»

**ШАХ УЗНАЕТ О СОСТОЯНИИ САЛАМАНА,
НО ОКАЗЫВАЕТСЯ БЕССИЛЬНЫМ ПОМОЧЬ ЕМУ
И СОВЕТУЕТСЯ ОБ ЭТОМ С МУДРЕЦОМ**

Когда проведал царь, что Саламан
И день и ночь тоскою обуян,
Душа его — подобие металла —
В горниле горя расплавляться стала.

Изнемогало шаха существо,
От муки разрывалась грудь его.
И обратился он к совету пира:
«О Кааба надежд и страха мира,
Я властью мысли сжечь Абсаль сумел,
А Саламан — в тоске по ней — сгорел.
Нет для Абсаль из пепла возвращенья,
Нет сердцу Саламана исцеленья.
Всё высказал я. Сам теперь гляди,
Сам средство для спасения найди».
— «Ты, вижу, мыслью тверд и духом светел,
Когда пришел ко мне, — мудрец ответил. —
И, если верит мне наследник твой
И не нарушит договор со мной,
Моею волею Абсаль живая
К нему вернется, горе исцеляя.
Здесь несколько она пробудет дней,
Как прежде, он опять сольется с ней».
Услышав речи мудреца, с волненьем
Стал Саламан внимать его веленьям.

**САЛАМАН ПОВИНУЕТСЯ МУДРЕЦУ,
И МУДРЕЦ НАХОДИТ СРЕДСТВО
ИСЦЕЛЕНИЯ ЕГО ОТ СКОРБИ**

Мудрец его покорством тронут был
И мощь чудесных чар своих явил.
Когда Абсаль бедняге вспоминалась
И сердце в нем от муки разрывалось,
Мудрец об этом сразу узнавал —
Абсаль прекрасной образ создавал
Из воздуха перед его глазами,
Руками осязаемый и устами.
Когда ж царевич погружался в сон,
Тот образ таял. . . истреблялся он.
Мудрец же, в высоту подъемля взоры,
Вел о Зухре прекрасной разговоры.
«Зухра, — он говорил, — в небесной мгле
Прекрасней всех красавиц на земле.
За красоту была она когда-то
На небеса взята лучом заката.

Так чанг ее звучит, что небосвод,
Всем хором звезд кружась, ей в лад поет».
От речи той, волшебной и неясной,
Стал влечься Саламан к Зухре прекрасной.
Рассказывал мудрец. . . и каждый раз
Сильней влиял на юношу рассказ.
Когда мудрец в нем обнаружил это,
Стал колдовать он над Зухрой-планетой.
С небес Зухра как женщина сошла
И сердце Саламана заняла.
Абсаль из сердца Саламана скрылась,
Любовь к одной Зухре в нем укрепилась.

**ПАДИШАХ ПРИВОДИТ ПОДЧИНЕННЫХ К ПРИСЯГЕ
САЛАМАНУ И ПЕРЕДАЕТ ЕМУ ПРЕСТОЛ И
ЦАРСТВО**

От скорби наконец освобожден
Шах Саламан и духом обновился. . .
Достоин стал занять престол отца,
Достоин стал он перстня и венца.
И старый шах созвал царей вселенной —
Людей породы алчной и надменной.
И он для них такой устроил пир,
Какого сто веков не ведал мир.
Царей, вояк, исполненных отваги, —
Он всех привел к незыблемой присяге
Наследнику и сыну своему.
Мир положил он под ноги ему,
Семь поясов вручил земли великой,
Всем странам объявил его владыкой.

ЗАВЕЩАНИЕ ПАДИШАХА САЛАМАНУ

«Хоть царство мира этого не вечно,
Для мудрых степь надежды бесконечна.
Свой разум светом знания осеня,
Возделай ниву завтрашнего дня.
На поле жизни, не страшась коварства,
Готовь посев для будущего царства!

Коль мужа звезды знания ведут,
Усилья и труды не пропадут.
Что твердо знаешь — делай, полн старанья;
Не знаешь — восполняй пробелы знанья.
По счету справедливому взимай
И справедливой мерой возвращай.
Лишь то бери, что указывает вера,
А с нечестивых не бери примера.
Добро, коль благо мудрости берешь
И мудростью возросшей воздаешь.
Не разрушай опору неимущих,
Не возвышай вельмож, народ гнетущих:
Дай волю им — державу разорят,
А золото истратят на разврат.
Коль не спасешь народ от разоренья,
Сам от забот не обретешь спасенья.
Не отвращайся от прямых путей! —
Таков завет прославленных царей.
Не следуй тем, чей путь отсюда — в пламя,
Кто станет в бездне адскими дровами.
Несправедливостей не допусти,
Любой ущерб в прибыль обрати,
Чтоб чаша, что зовется «Мир и милость»,
О камень угнетенья не разбилась.
Будь как пастух, отара — твой народ;
Пастух свою отару бережет.
Тебе во всем быть правосудным надо.
И кто основы суть — пастух иль стадо?
Ты безопасность стада утверди,
Испытанных помощников найди,
Чтоб, как овчарки, были злы и яры
Против волков, а не среди отары.
Беда тебе на голову падет,
Коль пес с волками дружбу заведет.
Найди вазиров для опоры царства,
Радеющих о благе государства.
Быть должен мудрым верный твой вазир,
Чтоб охранять в стране покой и мир.
Честнейшего дари высокой властью,
Общественному преданного счастьем.
Чтоб он с людей ни на волос не брал
Поверх того, что сам ты указал.

Чтоб он был сострадателен к народу,
Во всем доброжелателен к народу,
Гроза — грабителям, а беднякам
И страждущим — защита и бальзам;
Чтоб зависти и злобы не питал он,
Чтобы людей ученых почитал он.
Когда ж, как пес при бойне, грязен он,
Да будет отрешен и осужден.
Поставь надзором честных, беспристрастных
Фискалов, к лихоимству не причастных,
Чтоб через них ты знал о правде всей,
Что делается средь твоих людей.
Тех, кто виновным назовут вазира,
Остерегись предать на суд вазира.
Сам разбери — кто виноват, кто прав;
Иль будешь проклят, истину поправ.
Кто для тебя богатства собирает
И города и села притесняет
(Ты знай, что впрок богатство не пойдет,
Что на виновных божий гнев падет) —
Твой враг подобный сборщик, чуждый чести,
Что вместо десяти взимает двести.
Вазир жестокий, алчностью горя,
Клевещет пред народом на царя.
Власть нечестивца верным мусульманам
Всегда претит и проклята Кораном.
Кто бедным людям гнет несет в удел,
Кто правду ради выгоды презрел,
Невеждой грубым предстает пред миром.
Невежда же не может быть вазиром!
Сам все дела мирские изучай,
Вершить их только мудрым поручай».

**О ТОМ, ЧТО ЦЕЛЬ ЭТОЙ ПОВЕСТИ
НЕ ВНЕШНИЙ ЕЕ ОБРАЗ, А ИНОЙ СМЫСЛ,
КОТОРЫЙ БУДЕТ ИЗЛОЖЕН**

За внешним строем повести порой
Скрывается глубокий смысл иной.
Поскольку внешне повесть завершилась,
То нужно, чтобы суть ее открылась,

Суть сокровенную определил
Тот, кто дорогу к тайне проложил.
И цель его — не шумный спор с тобою,
А знание тайн, владеющих душою.
Кто — шах? И кто по воле мудреца
Без матери рожденный от отца?
И кто — Абсаль? И что есть волны моря
И та гора огня в степном просторе?
Какое царство Саламан обрел,
Когда душою от Абсаль ушел?
И кто Зухра, что свет ему открыла,
С зеркала сердца окись удалила?
Внимай же пояснениям моим
Всем существом и разумом живым.

В ИЗЪЯСНЕНИЕ ТОГО, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ СУТЬЮ РАССКАЗАННОГО

Сперва творец созвездий и планет
Вселенной Перворазум дал, как свет.
Свет-Перворазум да повелевает,
Да всяк его веленья исполняет.
Приявшего сияющий венец
Познания тайны мы зовем — мудрец.
По воле Перворазума туманно
Взошло над миром солнце Саламана.
Кто ж милая Абсаль? — Любовь и страсть,
К ее устам зовущая припасть.
Абсаль — пучина, где они проплыли,
Где мир в волненье бурном находили.
То море — темных вожделений зыбь,
То море — томных наслаждений зыбь.
В чем суть стремленья Саламана к шаху
И припаданья головою к праху?
Всё это к Перворазуму возврат
Светильника, что мраком был объят.
Что есть костер, что есть самосожженье,
Нам данной богом плоти истребленье?
То знак нам: всё сгорит и всё пройдет,
Но дух воспрянет, пепел отряхнет.

Зухра — души высокой совершенство,
В слиянье с нею — высшее блаженство.
Вселенной, мудрый, овладеешь ты
В сиянье этой вечной красоты!
Я кратко говорил об этих тайнах
В рассказе о делах необычайных.
А прав иль нет я был в моих речах —
Лишь всемогущий ведает аллах.

**О СОВЕРШЕНСТВЕ ДОСТОИНСТВ СЛОВА,
ДЛЯ ИЗЛОЖЕНИЯ КОИХ
НЕСОВЕРШЕННЫ СЛОВА**

Перо подвластно слову, но оно
Есть тоже слово, словом рождено,
Слова умерших воскрешает слово,
Освобождает тайну от покрова.
У звонкой песни отними слова —
Без жаркой речи музыка мертва.
Но музыка, слиянная со словом,
Рождает жизнь, дарит восторгом новым.
«Дыханье — признак жизни», — скажешь ты:
Лишь словом эту мысль докажешь ты.
Дыханье — облик, слово — содержанье,
Того, кто любит жизнь, услышь дыханье.
Слова — узлы, их много на земле,
Но вникни, — жемчуг есть в любом узле.
Изменишь букву — слово ты изменишь,
Но и его жемчужину оценишь,
И красота, скрывавшаяся в нем,
В значении откроется ином.
Сердца людей певец влечет словами,
Наполнился небесный свод словами.
Хоть брал я пробу с золота словес,
Мне слова «злато» неизвестен вес.
Наполни чашу золотом небесным,
Другую чашу — жемчугом словесным, —
Взметнется золото до облаков,
Останется на месте жемчуг слов.

Джами, такой жемчужиной владея,
Ты денег не проси у богатея.
Ты к золоту скупца не должен лнуть:
Жемчужиною в раковине будь.

**О ДОСТОИНСТВАХ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ,
КАЖДЫЙ ВИД КОТОРОЙ ЕСТЬ МОРЕ,
ПОЛНОЕ СОКРЫТЫХ ПЕРЛОВ
И РАЗЛИЧНЫХ ЖЕМЧУЖИН**

Мир полон звуками литавров слова.
Невеста-слово — свет всего живого.
Ни в жемчуг, ни в парчу не убрана,
Пленяет и пленяется она.
А если драгоценности наденет,
Красу луны затмит и обесценит.
Наденет ожерелье стихов —
Сердца похитит сотни шутников,
А на ноги наденет рифм запястья —
Падет пред ней мудрец, дрожа от счастья.
Седых и юных поразит сильней
Двустисьем подрисованных бровей.
Румянцем смысла заалеют щеки —
И расцветут сердца, как сад широкий.
Красавицы не властны надо мной:
Вручил я сердце только ей одной.
Ее пленительное ожерелье
Мне принесло тревогу и веселье.
Ее запястьем скованный певец,
Я вырваться не смею из колец.
Хоть брови не срослись ее сердито,
К спасению дорога мне закрыта.
Я всюду, где возлюбленной жилье,
Ищу ее, хочу догнать ее.
В иносказанья красоту оправлю,
Всем знатокам любимую представлю.

**В НАСТАВЛЕНИЕ
ВЗЫСКАТЕЛЬНЫМ ПОЭТАМ —
О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО СТИХУ,
ДАБЫ ОН СТАЛ ПРИЕМЛЕМ
НАТУРАМ УТОНЧЕННЫМ
И ПРИЯТЕН СЛУХУ ИЗОЩРЕННОМУ**

Пусть в двери сердца не стучится стих,
Коль то жилище темных и пустых.
Когда поэт свои слагает строки,
Он отвергает бренный мир жестокий.
Он плавит плоть, чтоб дух его проник
Сквозь толщу гор в поэзии рудник.
Поэт — добытчик и рудоискатель,
А время — казначей и покупатель.
О ты, кто нам рубин принес в руке,
Трудясь все дни, все ночи в руднике, —
Познай путем искусства и уменья,
Что цветом, весом разнятся каменья.
Собою не гордись, найди рубин,
Добудь получше камень из глубин.
Взыскательный в работе стихотворной,
Не примирайся ты с травкою сорной.
Пока душой ты погружен в порок,
Не сотворишь хороших, чистых строк.
Всё, что в тебе благого иль дурного,
Проявит и откроет людям слово.
Труп ляжет поперек ручья? Тогда
Пропахнет трупным запахом вода.
Наоборот, есть для души услада
От ветерка из розового сада.
Слова, нанизаны на нить стихов,
Покажутся красивей жемчугов,
Коль будут всем понятны, а сравненья —
И новы, и просты для разуменья.
Да будет рифма, радостно звуча,
И редкостной, и яркой, как парча,
Пусть кажется размер — певучий, точный —
Плавню текущею водой проточной.
Ты к пустословью не питай любви,
Войну искусственности объяви.
Ты хочешь, чтоб строка твоя блестела?
Однако же не преступай предела:

Красавица, сердца пленяя все,
Нуждается ль в искусственной красе?
Одна-две родинки на двух ланитах —
И вот уже полно сердец разбитых!
Будь на лице их большее число, —
Скажи, кого бы это привлекло?
А если щеки чернота оденет,
То красоту тем самым обесценит.
Я говорил и повторяю вновь:
Поэзии основа есть любовь.
Любовь светла, как путь звезды небесной,
Любовь есть суть и соль еды словесной.
Джами, коль ты утратил эту соль,
Писать стихи себя ты не неволь:
Иль, угощая нас, ценитель тонкий
Нам кушанья предложит без солонки?

РАССКАЗ ОБ УРОДЛИВОЙ ЖЕНЩИНЕ И СЛЕПОМ МУЖЧИНЕ

Один слепец женился на уроде,
На бабе грубой, злобной по природе.
Лицо — в рябинах, черных бус черней.
А лоб — в морщинах и щита темней.
Горбата и глуха косая злюка,
Ее беседа — вздор, молчанье — мука.
Сказала раз, чтобы прельстить слепца:
«Жаль, что не видишь моего лица!
Мое лицо — белей слоновой кости,
Луну затмило, бледную от злости.
Завидует нарцисс моим глазам,
Завидует тюльпан моим устам,
А стан мой тонкий так высок и строен,
Что кипарис — и тот обеспокоен!»
Когда слепец услышал этот бред,
Он в ярости сказал жене в ответ:
«Была б красива ты на самом деле,
Твою красу давно бы разглядели.
Хватал бы каждый зрячий твой подол,
Когда б такую красоту нашел.
Светильник оценить сумеет зрячий,
А не слепец, не знающий удачи.

Я слеп, и потому-то хвастовства
Ты развязала вздорные слова.
Пустилась ты на самовосхваленье
Лишь потому, что потерял я зренья».

**РАССУЖДЕНИЕ ДЕВЯТОЕ,
УКАЗЫВАЮЩЕЕ НА МОЛЧАНИЕ
КАК НА ОСНОВУ СПАСЕНИЯ
И УКРАШЕНИЯ ДОСТОИНСТВА**

О ты, кто тешит сказками народ,
Сверканьем изречений и острот!
Под этой синей высью величавой
Того лишь награждают доброй славой,
Кто молчалив: его молчанье — меч,
Способный мрак невежества рассесть.
В многоречивости — исток обмана,
От пустоты — и грохот барабана.
Жбан собственного голоса лишен,
Но крик твой повторяет, пустозвон!
О, береги от многоговоренья
Раскрывшийся в тебе цветок прозренья!
Тот, кто уста не пожелал замкнуть,
Премудрости не постигает суть.
Бутоны, устам уподобляясь сжатым,
Становятся рубинами богатым,
А желтый ирис, что болтать привык,
Стоит, как нищий, высунув язык.
За то и держат в клетке попугая,
Что говорит он не переставая,
А ворон вольно в воздухе парит,
Затем что никогда не говорит.
В чем подлость дряхлого сего чертога?
Терпенья мало, разговоров много!
Чесальщик хлопка, почему твой друг —
Воробышек вопит, терзает слух,
А небосвод, простирающийся пространно,
Всегда молчит, вращаясь постоянно?
Белеет стройный ряд твоих зубов,
А губы — как завеса, как покров.
Язык — как меч: одно ты скажешь слово —
Разрушит строй, разрубит ткань покрова.

Нет спору, слово — жизнью рождено,
Но и разбить способно жизнь оно.
Пойми, язык есть признак человеческий:
Отринь же необдуманно речи!
Следи, чтоб каждый выдох твой и вздох
Никто бессмысленными счесть не мог.
Как создал из матери первичной
Господь сей мир, в котором всё различно,
Вот так и ты, едва лишь вздох издашь —
Дурное иль хорошее создашь.
Когда нам явит словосочетанье
Глубокий смысл и внешнее блистанье,
То станет в книге дней, чья цель чиста,
Заставкою заглавного листа.
А если глупость изречешь ты, чтобы
Она пошла путем беды и злобы,
То запятнаешь дней своих тетрадь.
Незряч, не сможешь истину познать.
Уста разверзнув, ты за мыслью следуй.
Не можешь? Так молчи и зла не ведай!

**РАССКАЗ О ЧЕРЕПАХЕ,
КОТОРАЯ ПУСТИЛАСЬ В ПОЛЕТ С УТКАМИ
И НИЗВЕРГЛАСЬ С ВЫСОТЫ НЕБЕСНОЙ
В БЕЗДНЫ ЗЕМНЫЕ**

Две утки вышли на берег без страха —
И вот их полюбила черепаха.
Дружили трое около реки,
Превратностям судьбины вопреки.
Но был на уток небосвод рассержен
За то, что норы их к земле привержен.
Решили утки: «Пустимся в полет,
Иначе нас накажет небосвод!»
Взмолилась черепаха: «Сестры-птицы!
Ужели вам не жаль своей сестрицы?
Вы стали мне как близкая родня,
Кормили и поили вы меня.
Хоть панцирем спина моя покрыта,
Без вас я буду на куски разбита.
Я в дружбе с вами свой нашла оплот,
Умру, когда вы пуститесь в полет.

Мне не дано наверх подняться с вами,
Мне суждено навек расстаться с вами.
Жестоко я наказана судьбой:
Ведь я к земле привязана судьбой!»
Вдруг палочка на речке безымянной
Всплыла, стреле подобна деревянной.
Две утки палку взяли с двух концов, —
Взгляни на этих хитрых двух пловцов!
А черепаха крепко за середку
Зубами ухватила ту находку,
И вот они втроем взлетели ввысь:
На птицу-черепаху подивись!
Их люди увидали ненароком,
Стремящихся над берегом широким,
И вскрикнули: «О чудо из чудес,
Взметнулась черепаха до небес!»
Услышав эти крики, черепаха
Раскрыла рот, сказала: «Дети праха,
Завистник пусть ослепнет, пусть умрет!»
Но сразу же, едва раскрыла рот,
Она упала с высоты небесной,
Была поглощена земною бездной.
Лишь издала сей бесполезный звук —
Лишилась жизни, счастья и подруг...
Наполнив сердце разумом, любовью,
Джами, не предавайся пустословью,
Чтоб в этом мире, где тоска и страх,
С высот небес ты не упал во прах.

**РАССУЖДЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ
В НАСТАВЛЕНИЕ ТЕМ, ДЛЯ КОТОРЫХ
ПОСЛЕ НОЧИ ЮНОСТИ ЗАБРЕЗЖИЛ РАССВЕТ
СТАРОСТИ, НО ДО ОБОНЯНИЯ КОТОРЫХ
НЕ ДОНЕССЯ АРОМАТ МУДРОСТИ**

Ты таешь как свеча, и взметена
Твоя, как белый пламень, седина.
Ты, как усопший, старости порою
Своих волос осыпан камфарою,
Чтобы камфарный холод охладил
Желанье сна и к пище жгучий пыл,

Как мельничное колесо в потоке,
Небесный жернов кружится высокий,
Тела живых, не пропустив и дня,
Он мелет, словно зерна ячменя.
О, сколько смолото! Ты, поседелый,
С той мельницы осыпан пылью белой;
Вся кожа ссохлась на лице, сходна
С корой березы; согнута спина;
Ты крив, как лук, и в том-то боль и мука,
Что посох твой не стал стрелой для лука!
Ты крив, как буква. . . В том-то и печаль,
Что бытия покинешь ты скрижаль!
От двух одно не отличишь ты сразу:
Нужны очки, нужны четыре глаза!
Наступишь на змею, подслеповат;
Ты глух: с тобой не говорят — кричат;
Перегрызал и камень ты подростком,
А в старости не справишься и с воском;
Казалось бы, какой простор для слов
Во рту твоём от выпавших зубов,
Но звуки произносишь ты, гнусавя,
Невнятно шамкая и шепелявя;
Нога твоя не двинется, пока
Ей не поможет с посохом рука,
А руки так дрожат, что не в охоту
Им делать даже легкую работу;
Видны повсюду на руках узлы,
А пальцы, словно серебро, белы,
Но, словно ртуть, из них ушла та сила,
Что всё держала и, зажав, хранила,
И что-нибудь схватить им тяжело,
Хоть пальцы все от скупости свело.
Кто алчен, разве скупости перечит?
Скупца лишь смерть от скупости излечит!
Как прах, смирись ты, в прах преобразясь,
Душой нечистый, смой корысти грязь.
Ты стар? Так надо с юностью расстаться
И жизнь вести, пригодную для старца.
Не будь томленьем юности томим,
Оставь любовь и юность молодым.
Коль старость самого тебя печалит,
Ужели молодость ее похвалит?

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК БЕЛОВЛОСЫЙ СТАРЕЦ
ОСТУДИЛ СВОЮ СТРАСТЬ
К СОЛНЦЕЛИКОЙ КРАСАВИЦЕ,
ЧЬИ КУДРИ БЫЛИ ЧЕРНЫ КАК НОЧЬ,
ПОВЕРИВ ЕЕ ОБМАНУ,
КОГДА ОНА СКАЗАЛА, ЧТО ТОЖЕ СЕДА**

Осеннее дыханье пронеслось,
Цвет изменился виноградных лоз.
Цветущий сад стал старика бессильней,
И зелень желтой сделалась в красильне.
Листы деревьев, как цветы весной,
Зажглись багрянцем или желтизной.
Сидел старик, чей стан согнули годы,
В чьем сердце — храм огня, огня невзгоды.
Сиденье надоело старику,
Решил он погулять по цветнику.
Гулял он долго, в думы погруженный,
Во всем он видел бытия законы.
Его вниманье пава привлекла,
Чьи косы — будто ворона крыла.
Лицо покрыто белою фатою,
Был счастлив жемчуг под ее пятою.
А пальцев кончики? О них скажи:
«Как кровь — багряны, как уста — свежи!»
Изящны пальцы, словно нить кораллов;
Лишь ей дано красу ценить кораллов!
Окрашен каждый ноготь яркой хной,
Он молодою кажется луной!
Старик, ее заметив появленье,
В смятенье пал пред нею на колени.
«О, кто ты? — он воскликнул, потрясен. —
Ты человек? Иль пери? Или сон?
Я знаю: молодость полна гордыни,
Но будь моей, а я — твой раб отныне.
Хотя б на миг останься ты со мной,
Седому старцу принеси покой».
Она ему ответила с улыбкой:
«Ты опоздал! Влюбился ты ошибкой!
Иди, оставь меня ты навсегда,
Затем что голова моя седа.
Свое лицо одела я фатою, —
Седины сходны с белою фатою!»

Узнав о седине ее, старик,
Как волос, встал и отвернулся вмиг,
Сняла тотчас же роза покрывало
И волосы густые показала.
Глядит старик: они чернее мглы,
Чернее черных бус, черней смолы!
Старик взмолился: «О краса вселенной,
Зачем прибегла ты ко лжи презренной?»
Сказала та: «Поймешь теперь вполне,
Что ты мечтать не должен обо мне.
Не обращай ты ко мне призывно:
То, что противно вам, — и нам противно!»

**РАССУЖДЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ
ВО ИЗЪЯСНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ТЕХ,
КТО ТЩЕСЛАВИТСЯ МОЛОДОСТЬЮ,
КОЯ ЕСТЬ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДЕНЬ ВРЕМЕНИ
РАДОСТЕЙ И СВЕРШЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ**

О гордый, с головою смоляною,
Не издевайся ты над сединою!
Как молоко — седины старика.
Ужель дитя не жаждет молока?
Пусть руки у тебя на сталь похожи,
Пусть тело у тебя — броня из кожи, —
Согнешься, если пожил на земле,
Хотя твой стан подобен был стреле:
Спина, по воле неба, луком станет,
Она тебя как тетиву натянет.
Но дух и тело ты к труду направь,
Убавь от плоти и к душе прибавь.
Кто сухощав, тому легка дорога.
Жиреет лошадь — не проскачет много.
Пока ты не согнулся пополам,
Иди, вослед ступая старикам.
Хотя гора богата рудниками —
Беседует вершиной с облаками.
Ты старости почетной не ищи,
Ты жизни беззаботной не ищи,
Не то, боюсь, к вершине путь забудешь
И в молодости молодым не будешь.

**РАССКАЗ О ВОРОНЕ,
КОТОРАЯ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ
ПОДРАЖАЛА ПОХОДКЕ КУРОПАТКИ,
НО ОТ СВОЕЙ ПОХОДКИ ОТВЫКЛА,
А ЕЕ ПОХОДКЕ НЕ НАУЧИЛАСЬ**

Одна ворона порешила вдруг
Покинуть сад и улететь на луг,
Избавить сад от черноты — и черной
Стать родинкой на зелени предгорной.
Местечко ей открылось под горой,
Где всё сверкало прелестью земной:
Тюльпаны, словно губы дев невинных,
Шептали о неведомых рубинах;
Там куропатка с редкостной красой —
На бирюзе, обрызганной росой,
Как вяхирь, белым лотосом одета,
Свой шелк украсила каймой в два цвета.
К ней сватаются перепел, турач,
Но гордая им не сулит удач.
В своих сапожках из блестящей кожи
Взлетает среди дорог и бездорожий.
О чем она клекочет на заре?
Иль, может быть, хохочет на горе?
Бела, мила и весела на диво,
Бежит, шагает и летит красиво.
Очаровательны ее шажки —
Мелки, и соразмерны, и легки.
На те движенья плавные ворона
Издалека смотрела восхищенно.
Решила, куропаткой пленена,
Что сможет так же двигаться она,
Что ей вороньи не нужны порядки,
Что подражать ей надо куропатке.
Старалась той же поступью ступать,
Пыталась тем же способом писать...
Короче говоря, за куропаткой
Ходила три-четыре дня украдкой,
Но перенять походку не смогла
И от отчаянья занемогла,
Забыла способ собственный движенья,
Познав при этом горечь пораженья...

Сей мир — кабак. Нас отнесли в заклад.
Какой ценой вернемся мы назад?
Джами, для человека вся наличность —
Его естественность, своеобычность.

**РАССУЖДЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ,
УКАЗУЮЩЕЕ НА ЛЮБОВЬ, ГОРЕСТНОЕ ГОРЕНИЕ
КОЕЙ ЕСТЬ СОЛЬ НА ДАСТАРХАНЕ
ПИТАЮЩИХСЯ КРОВЬЮ СВОИХ СЕРДЕЦ,
А РАНЫ, ОТ НЕЕ ПОЛУЧАЕМЫЕ, —
УСЛАДА ДЛЯ ТЕХ, ЧЬИ СЕРДЦА РАЗБИТЫ ЕЮ**

Любовь — счастливой молодости свет,
Любовь — осуществившийся завет.
Любовь приводит небеса в движение,
Любовь есть ангела отображенье.
Плоть полюбив и слиться с ней спеша,
Окраску плоти принесла душа.
Любовь есть то, что дух и плоть связует,
Любовь несет нам смерть и жизнь дарует.
Величье и падение — любовь,
Тоска и наслаждение — любовь.
Луна, казалось бы, светла, — однако
Лишь свет любви извлек ее из мрака.
Лишь солнцем озаренная любви,
Земля приносит нам дары свои.
То сердце, что не ведает доньше
Любви, — есть черный камень в мертвой глине.
Тот, кто любви для сердца не обрел,
Сам превратил себя в бездушный ствол,
Ему чужда любовная кручина:
Ведь он не более чем древесина!
Жизнь сердца — у любви страдать в цепях,
Цель духа — пред любовью лечь во прах.
Пока с любовью сердце не срастилось,
Его тепло есть некая остылость.
О ты, кого измучила любовь,
Над чьей судьбой, как свод, чернеет бровь,
Чей темен день из-за красавиц томных,
Из-за кудрей и родинок их темных!
Ты из-за них не спишь, и каждый миг,
Молясь творцу, ты думаешь о них.

Встречается ль твой взор с луной небесной —
Ты грезишь о луне иной, прелестной.
Идешь ли к розе — смотришь веселей,
Двустушиши творя, как соловей.
Заметишь ли газель в пустыне скудной —
Бежишь ты как безумец в край безлюдный. . .
Любимая в объятиях гуляк?
Ты плачешь, а в душе — кромешный мрак.
Любимой сластолюбцев речи сладки?
Ты в горький день пылаешь в лихорадке.
К груди другого ей дано прильнуть?
Себя в смятенье бьешь ты камнем в грудь.
Так будь мудрей: стремись к такой любимой,
Чтобы любовь была неколебимой,
Чтобы была любимая — твоей
И в тайне дней и в долготе ночей.
Иль ты сова, чтоб жить на всех руинах?
Иль соловей, чтоб петь во всех долинах?
Чтоб восседать, найди один чертог,
Чтоб воспевать, найди один цветок.
Лишь единичность — радость и услада,
Отринь двоичность, в ней — исток распада.
Себе не выбрав места навсегда,
Нам дерево не принесет плода.

**РАССКАЗ О ВЛЮБЛЕННОМ,
КОТОРЫЙ В ПРИСУТСТВИИ ТОЙ,
КОМУ ОН ОБЪЯСНИЛСЯ В ЛЮБВИ,
СОБРАЛСЯ УСТРЕМИТЬ СВОИ ВЗОРЫ К ДРУГОЙ
И НА КОТОРОГО ЗА НЕПОСТОЯНСТВО
ПЕРЕСТАЛА ВЗИРАТЬ ТА,
КОГО ОН УВЕРЯЛ В ЛЮБВИ**

Непостоянный встретил на пути
Луну, которой равной не найти.
Как нимб вокруг луны, фата сияла,
Луну шатром одело покрывало.
Ее запястий пение слилось
С благоуханным мускусом волос.
Воскликнул он: «О мой кумир и счастье!
Остановись, не то сгорю от страсти!
Тобой сражен, спасенье обрету,
Когда твою увижу доброту».

Когда кумир, прекрасный, чистый, нежный,
Услышал ропот страсти безнадежной,
В котором были стоны и хвала, —
Смеющаяся роза расцвела:
«Вот младшая сестра идет за мною,
Поверь, я волоска ее не стою.
Там, где она, другие — не в цене.
Что я пред ней и сотни равных мне?»
Простак, такую речью соблазненный,
Забыл понятий нравственных законы.
В ошибку впад, другой увлекся он,
От прежней верности отрекся он.
Он долго ждал, в смятенье и тревоге, —
Никто не появлялся на дороге.
Тогда свои уста открыл он вновь,
В словах звучали просьбы, лесть, любовь.
Сказала та: «Лгунишка ты ничтожный!
Твоя любовь, твои страданья — ложны.
Один алтарь избрав, ему служи,
Не зная ни двуличия, ни лжи».
Доколе нам страдать от лицемерья?
Джами, к двуличным не питай доверья!

**РАССУЖДЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ
В ОПИСАНИЕ СОСТОЯНИЯ КОРЫСТНЫХ ПОЭТОВ,
КОТОРЫЕ СПЛЕТАЮТ СИЛКИ ИЗ НИТЕЙ СТИХОВ
ДЛЯ УЛОВЛЕНИЯ МУЖЕЙ, СВЕДУЩИХ В ПОЭЗИИ
И НЕ СВЕДУЩИХ В НЕЙ**

О ты, что, сердцем чист, умом глубок,
Нанизываешь ожерелья строк!
Раскрой талант, с трудом упорным дружен,
Чтобы росла цена твоих жемчужин.
Сверли слова, исполненный любви,
Жемчужин ценных не продешеви.
Доколе из корысти ткать одежды
Для каждого ничтожества, невежды?
Доколе в щедрых превращать скупцов,
Невеж — в радушных, глупых — в мудрецов?
Сто раз колоть ты можешь руки скряги —
Не выйдет капля крови или влаги,

А ты твердишь: «То щедрости рука,
То жемчугом обильная река!»
Того, кто долго буквы изучает,
Но где алиф, где даль — не различает,
Ты первым просветителем зовешь,
Провидцем и учителем зовешь.
Кто, уstraшен мяуканьем кошачьим,
Спасается в мышинной норке с плачем —
Того зовешь ты тигром или львом,
Нет — более отважным существом!
Где этой лжи нечистые истоки?
Откуда эти гнусные пороки?
Твой грех корыстью, жадностью рожден.
А кто корысти, жадности лишен?
Корысть — ее узнаешь по приметам:
Все буквы ненасытны в слове этом!
Как только жадность победит тебя —
И упадешь ты, совесть погубя,
Пожитки понесешь в пещеру боли. . .
Презренный груз тебе тащить доколе?
Чернильница перед тобой, она,
Как и душа твоя, тесна, черна.
С тебя пример бумага взять хотела —
Как ты, от жадных мыслей пожелтела.
Перо бессильно, как твои стихи:
Письмо — неверно, в грамоте — грехи.
Бумагу ты сворачиваешь трубкой,
Ты к богачу спешишь с надеждой хрупкой.
Чернила капают, спешишь к нему,
Свои стихи засунув за чалму.
Не дай нам бог смотреть на богатея
И поджидать его, дышать не смея!
Но вот верхом он скачет из ворот,
А рядом с ним проворный скороход.
Бежишь ты униженно по дороге,
Его хваля, ему целуя ноги.
Ты свиток подаешь ему с мольбой,
То свиток алчности твоей слепой.
Эх, в ключья разорвать бы этот свиток —
Твоих грехов ужасных преизбыток!
Чтобы не пасть, как ты, богач берет
С презреньем свиток твой, скача вперед,

А ты бежишь за ним, с мольбой взирая,
Корыстолюбья зубы заостряя.
Хваля его, подумал бы сперва:
Рисунок по воде твои слова.
Стяжательства покинуть путь пора бы,
От суетности отдохнуть пора бы!

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК ПОЭТ ЛАГАРИ
СЛОЖИЛ ХВАЛЕБНЫЕ СТИХИ В ЧЕСТЬ ГОСПОДИНА,
КОТОРОМУ ИЗ-ЗА ТУЧНОСТИ ЕГО БЫЛИ ТЕСНЫ
ОДЕЯНИЯ ПОКОЯ**

Поэт, трудясь от ночи до зари,
Был худ и звался Тошим — Лагари.
Он как-то строки хорошо составил,
В них господина тучного прославил.
Толстяк учуял, что хвалебный стих
Желаньем дышит милостей благих,
И тонкого он убоился слога,
Как дэв — стиха: «Нет силы, кроме бога!»
Он тошим стихотворцем пренебрег,
Направился в богатый свой чертог.
Но тучность тут взяла его за горло,
Упал он: у него дыханье сперло.
Воскликнул восхвалитель Лагари:
«Ужасна тучность, что ни говори!»
Хоть тучный господин был горя полон,
От изречения этого расцвел он:
«Чревоугодые мы сочли бедой,
Но худшая беда — поэт худой.
Он одержал над тучностью такую
Победу тонкую своей строкою!»
Твоя душа — вот худоба твоя,
Джами, тучней души — алчба твоя,
Доныне разуму ты не научен:
Живешь — душою тощ, алчбою тучен.

ЧЕТКА ТРИДЦАТАЯ

О СКРОМНОСТИ И О ТОМ, ЧТО НАДО СЛОМИТЬ ДРЕВО ГОРДЫНИ

Со всех сторон к тебе летит привет,
Но рта не раскрываешь ты в ответ.
О, почему ты так высокомерен,
Кичлив, заносчив и самоуверен?
Собою полон, полон пустоты,
А думаешь, что всех умнее ты.
Избавь себя от ветра самомнения:
Он тушит свет сердечного горенья.
Есть бедняки, что страждут без конца,
Чисты и благородны их сердца,
Им кажутся игрушками эмиры,
Твои вазирьы и твои кумирьы.
Но как ты смеешь с видом знатока
Смотреть на них с презреньем, свысока?
Далек от знания тот, кто зазнается,
Под тяжестью плодов спина согнется.
Пустая ветвь стремится к облакам,
С плодами ветвь склоняется к ногам.
Набитыми карманами не хвастай:
Увы, они пустеют очень часто.
Мы не находим вежливости в том,
Что, видя кость, виляет пес хвостом.
Усы того, кто жаден, — знает всякий —
В сравненье не идут с хвостом собаки.
Хвалу услышав, не гордись, богач,
А голову ты в свой ларец упрячь.

Слова льстеца на дне ларца найдешь ты,
И до конца слова льстеца поймешь ты.
Ты поразмысли над своей судьбой,
Руководи отныне сам собой.

ЧЕТКА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

**О ТОМ, ЧТО СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЦАРЕЙ —
ОСНОВА ПРОЦВЕТЕНИЯ СТРАНЫ,
А ИХ НАСИЛЬЕ — ПРИЧИНА ЕЕ УПАДКА**

О, только потому престол мы ценим,
Что ты ступаешь по его ступеням!
От бога должность принял ты царя —
Так царствуй, правду и добро творя.
Опасен, вреден царь ожесточенный,
Поправший справедливости законы.
Венцу и трону в прах сойти дано —
Бессмертно имя доброе одно.
Ушел Джамшид, ушел с волшебной чашей —
Лишь имя в памяти осталось нашей.
Ты дурно жил? Придет, карая, смерть!
Дурное имя — вот вторая смерть!
Добро всегда творил, смерть попирая?
Знай: имя доброе есть жизнь вторая!
Насилья корень в сердце уничтожь,
Сломай всю ветвь насильников-вельмож.
А впрочем, если не возжаждешь мести,
То ветвь сама погибнет с корнем вместе.
На корень ты топор обрушил свой,
Ужели ветвь останется живой?
На свете том, где приговор выносят,
Пусть за грехи других с тебя не спросят.
Где месть пылает, там сверкает меч, —
Стремись от мести сердце уберечь.
Гной на глазах рассудка — гнев и злоба:
Омыть от гноя надо глаза оба!
Тот пламень гнева, что всё злей и злей,
Водю благородства ты залей,

Чтоб у врага сжечь колосок, не боле,
Ужель сожжёшь ты собственное поле?
Ты не казни людей. Да помнит шах:
Медлительность нужна в таких делах, —
Тому, кто обезглавлен, нет спасенья
До самого из мертвых воскресенья,
Но, если жизни сохранилась нить,
Преступника успеешь ты казнить.
Будь мягок, не суди сурово, скоро —
У слабых, бедных силы нет для спора:
Посевам нужен мягкий, легкий дождь,
Но губит их жестоких ливней мощь.
Когда, взыскуя правды и защиты,
Твой подданный придет — его прими ты,
Услышь его мольбу, его призыв
И помоги, насилье прекратив,
Всё сделай для него, умножь усилья,
Как будто сам ты жертвой стал насилья.
Страшась возмездья Страшного суда,
Ты никому не причиняй вреда.
Да будет пленным милость и пощада:
Чего тебе не надо — им не надо!
К нуждающимся ухо приклони —
Да быстро помощь обретут они.
Покуда в мире есть нужда людская,
Будь счастлив, неимущим помогая,
Не будь самоуверен, властелин,
И не кичись нарядом, как павлин:
Величье обретешь, когда смиренно
И набожно ты преклонишь колена.
Не перстни — украшенье царских рук,
А то, что руки дарят всем вокруг.
Гордись своим служеньем пред всевышним,
А слуг своих число считай излишним.
Надень добра и милости венец
И помни то, что говорил мудрец:
«В стране основа власти — справедливость,
Стране дарует счастье — справедливость.
Не будет подданный служить стране,
Пока не будет счастлив он вполне!»

**РАССКАЗ О ТОМ,
КАК В ЦАРСТВОВАНИЕ НУШИРВАНА
ПРОЦВЕТАЛА ЕГО СТРАНА, В КОТОРОЙ СОВЫ
НЕ МОГЛИ НАЙТИ ДЛЯ ЖИЛЬЯ РАЗВАЛИНЫ,
А ЛАЧУГИ БЫЛИ РЕДКИ, КАК СОКРОВИЩА**

Когда, добром и правдой осиянна,
Возвысилась держава Нуширвана,
Царь пожелал узнать: его страна
Богата или бедствует она?
И ложный слух распространил он в царстве,
Что болен, что нуждается в лекарстве, —
Так пусть в лекарственный приносят дом
Развалин и лачуг кирпичный лом:
Премудрыми предписано врачами
Лечить царя такими кирпичами.
Все жители кирпич искать пошли,
Как приказал им государь земли.
Но не нашлось у них в стране развалин.
Был каждый житель этим опечален:
Стараясь, цели не смогли достичь
И принести хотя б один кирпич.
Пришли, пустые руки простирая,
И молвили царю родного края:
«Добро — твой зодчий — так воздвигло дом,
Что мы нигде развалин не найдем.
В стране — благоустроенность, порядок,
И нет разрушенных кирпичных кладок,
И совы, что в развалинах живут,
Не знают, где им обрести приют».
Узнав о благоденствии державы,
Стал радостью богат властитель правый,
Сказал: «Как хорошо, что был аллах
Моим наставником в благих делах!
Ему служа, я справедливо правил,
Сынов Адама от нужды избавил.
Лишь для того, чтоб истину постичь,
Я попросил мне принести кирпич:
Какой сырец-кирпич излечит тело,
Что развалилось или ослабело?»

ЧЕТКА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

**О ТОМ, ЧТО ДОЛЖНЫ БЫТЬ МИЛОСЕРДНЫМИ
СТОЛПЫ ГОСУДАРСТВА,
КОИ СУТЬ ПОСРЕДНИКИ
МЕЖДУ ЦАРЯМИ И ПОДДАННЫМИ
И ОРУДИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ИЛИ ЗЛА**

О ты, кто пьян от близости к царям
И распустился так, что стыд и срам,
Перед тобою кравчий смерти скоро
Предстанет с кубком боли и позора!
Когда поднимет царь-убийца меч,
Когда захочет превратиться в меч, —
Ты стань щитом, чья мощь тверда стальная,
От смерти невинных охраняя!
А если царь страны, расвирепев,
В грозу и пламя превратит свой гнев,
Ты не дрожи, склонясь перед бедою,
Напротив, ты огонь залей водою.
А если бедняки, чей тяжек труд,
К царю, моля о щедрости, придут,
А царь поступит как жестокий скаред
И ничего несчастным не подарит, —
Свой голос ты бесстрашно подними,
Учи царя, чтоб щедрым был с людьми.
А если царь, что безрассудно правит,
В дареньях расточительство проявит,
Избавь царя от щедрости пустой,
Направь царя к середине золотой.
А если царь, пройдя дорогой срама,
Блюсти не будет правила ислама,
Царя от зла, от пьянства отврати,
К дороге мусульманства обрати.
А если царь, с насильником не споря,
Не устранит причину зла и горя,
Внуши ему, чтоб он борьбу повел,
Чтоб устранил и гнет и произвол.
Лишь так, и только так, ты обнаружишь,
Что государю служишь, с правдой дружишь,
А не служи всем прихотям царя,
С ним вместе беззаконие творя,

А не служи насилью и коварству
И горе причиняя государству.
Тот, кто избрал своим орудьем зло, —
Орудьем стал, несущим людям зло.

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК ХАЛИФ ОМАР ВТОРОЙ —
ДА БУДЕТ ДОВОЛЕН ИМ АЛЛАХ —
ПРИНЯЛ СОВЕТ СВОЕГО СЛУГИ-КАЗНАЧЕЯ**

Омар Второй, что, как и Первый, вправе
В сердцах потомков жить в бессмертной славе,
Имел детей, украсивших дворец,
Таких же добрых, славных, как отец.
Был праздник. Детвора к отцу слетелась,
Как мотыльки — к свече, что загорелась,
И дети, тая как свеча, тотчас
(А слезы воском капали из глаз)
Сказали: «Ты забыл про наши нужды,
Рассеянный, делам житейским чуждый.
Мы голы, как свеча, о государь,
Раздеты мы, как на ветру фонарь,
На шелк и бархат нет у нас надежды,
Но просим хоть какой-нибудь одежды.
Тебе услышим где-нибудь упрек —
На нас он веет холодом, жесток».
Хоть были жалки плачущие дети,
Омар не принял в сердце слезы эти.
Был у Омара умный казначей,
Постигший суть вещей и суть речей.
Сказал Омар: «Ты к прежнему в придачу
Мне выдай всё, что я за месяц трачу,
Дела невинных деточек устрой,
Расход на месяц отнеси другой».
Ответил казначей: «О царь державный,
Ты в книге веры правой — лист заглавный,
Но разве поручителя найдешь,
Что ты еще неделю проживешь?
Ты достоянье подданных истратишь,
Умрешь, а как же долг в казну заплатишь?»
Тогда, слугу за разум восхвалив,
Так молвил детям плачущим халиф:

«Ступайте и роптать не смейте боле,
Не жалуясь, вы ждите лучшей доли.
Увы, минуя трудные пути,
Нельзя блаженство рая обрести».

ЧЕТКА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

**В НАЗИДАНИЕ САМОМУ СЕБЕ, БОЛЕЕ ДРУГИХ
ПОДВЕРЖЕННОМУ СЛАБОСТЯМ, А ПОТОМУ
БОЛЕЕ ДРУГИХ НУЖДАЮЩЕМУСЯ В НАЗИДАНИИ**

Джами, тебе звенеть строкой — доколе?
Стихов-звончков звон пустой — доколе?
Иль ты забыл, беспечный сумасброд,
Что, как звоночек, сердце вдруг замрет?
Уж сломан саз — а музыка откуда?
Уж нет струны — откуда ж песен чудо?
В тетради жизни подведен итог,
В поэме дней последний слышен слог.
Где рифма к слову «жизнь»? Где звук пьянящий?
Редифом «смерть» становится всё чаще!
Ты ищешь рифму, немощный старик,
А в тайный смысл творенья ты проник?
Когда ж за явной ты спешешь добычей,
Меняются твой нор и обычай.
В касыдах восхваляешь ты вельмож,
Надеясь, что величье обретешь;
То, устремлен к иной, любовной цели,
Ты на газель охотишься в газели;
То едкою становится строка,
Когда клеймишь глупца и простака;
То месневи творишь в часы затиший,
В одном размере — тысячи двустий;
То горести, раздумия свои
Вместишь в четыре строчки рубай;
То в хитром тарджибанде мысль готова
Распутать и опять запутать слово;
То вдруг отрывки создаешь, кыта,
Но цельной кажется их красота;

То, грустный, как в тюремной одиночке,
Грусть заключишь в две одиноких строчки;
То хочешь имя в муамма найти,
Когда оно томится взаперти;
То пишешь марсия, стихи печали,
Чтоб плачем поминальным зазвучали:
В могилу, мол, какой-то шах сошел,
Насильнику свой завещал престол.
А лучше, скорби полон безысходной,
Ты сам себя оплакал бы в отходной. . .

**РАССКАЗ О МУДРОМ САНАИ,
ДА БУДЕТ НАД НИМ МИЛОСТЬ ГОСПОДНЯ,
КОТОРЫЙ, УМИРАЯ,
ПРОИЗНЕС ТАКОЕ ДВУСТИШИЕ:
«ОТ СЛОВА ОТВЕРНУСЬ НА СКЛОНЕ ЛЕТ:
НЕТ СМЫСЛА В СЛОВЕ,
В СМЫСЛЕ — СЛОВА НЕТ! . .»**

Был Санаи царем в державе слова,
Сверкал он разумом в оправе слова.
Вот небеса к решению пришли:
Смыть буквы дней его с доски земли.
Он был повержен на постель мучений,
На землю он упал, подобно тени,
При этом слово прошептал иль стих —
Чуть слышно, будто навсегда затих,
И, словно разговаривая с духом,
К его устам приник наперсник ухом.
Сказал такие строчки Санаи,
Извлек из сердца помыслы свои:
«Словами я играл и так и эдак,
От них я отвратился напоследок.
Из многих слов — а был велик запас —
Мне нужно лишь раскаянье сейчас,
Затем что в зданье кабака мирского
У слова смысла нет, у смысла — слова.
Сомкни уста: разумнее молчать,
Когда на всем — забвения печать».

ЧЕТКА СОРОКОВАЯ

ПРОСЬБА К ЧИТАЮЩИМ МИЛОСТИВО И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНО ОТНЕСТИСЬ К ЭТОЙ КНИГЕ И ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ЗЛОБНЫХ НАПАДОК И ЗЛОСЛОВИЯ

О ты, кто запах возлюбил словесный,
Но даже не глядит на сад чудесный!
Когда как друг тетрадь стихов прочтешь,
Тогда мы скажем: этот друг хорош!
Духовной радостью благоухая,
Тетрадь стихов для нас — подобье рая:
Переворачивая каждый лист,
Поймешь: то — райский лист, и он душист!
Ты вправду хочешь, чтоб стихов отрада
Дышала прелестью живого сада?
Тогда из сердца изгони корысть,
От ненависти помыслы очисти,
Ты злобствованья путь покинь угрюмый,
Всё время размышляй, всё время думай,
Ты не беги по строчкам, как перо, —
В стихи, как циркуль, ты вонзись остро!
Глубокий смысл ищи ты в каждой строчке,
И в каждой буковке, и в каждой точке.
В стихах прекрасна мысли глубина:
Чтоб истину постичь, дойди до дна.
Пусть речь груба, созвучие не ново, —
Не в этом суть. Лишь мысль — всему основа.
Пусть хороша фисташка и тогда,
Когда не видно в скорлупе плода,
Но вкусный плод еще приятней будет,
Когда он лопнуть скорлупу принудит.
Заметив слабости в строках иных,
Пройди ты благородно мимо них,
А если нет ошибки иль описки,
То не вопи ты, как завистник низкий!
Что недостатки, промахи стиха
Для любящих? «Любовь слепа, глуха»!
Пусть строчки в стройном строятся порядке,
Но ты, выискивая недостатки,

С трудом найдя один — почти ничто, —
Один, ничтожный, выдаешь за сто!
То к мысли честной не питаешь веры,
То видишь в строчке нарушение меры,
То рифма за живое не берет,
То речи отвергаешь оборот,
То, не поняв суждения смысл глубокий,
Обрушиваешь злобные упреки,
Но от поэзии ты так далек,
Что нас не обижает твой упрек:
Ведь боль свою не выразал ты в слове,
Из сердца не исторг и капли крови
Из-за того, что пламя чувств твоих
То не вмещалось, то вмещалось в стих.
К тебе, как птицы, рифмы не слетались,
Ты не ловил их, мучаясь, печалясь,
Скрестивши ноги, ночи напролет
Не сживал, надеясь: мысль придет!
Не извлекал ты из ларца вселенной
Раздумий долгих жемчуг сокровенный,
И тонкий смысл ты не точил, пока
Не становился тоньше волоска.
Вовеки не поймешь ты муки слова,
Коль не родился для труда такого!

РАССКАЗ О ГОРОЖАНИНЕ И КРЕСТЬЯНИНЕ

К садам и нивам, скукой в сердце ранен,
Отправился в деревню горожанин.
И, гостю неожиданному рад,
Повел его крестьянин в щедрый сад.
Плоды дерев подобны были чуду:
Цветенье, изобилие повсюду.
Граната груди девичьи — плоды —
От поцелуя выросли воды,
А лозы винограда на беседках —
Как семьи, полные достоинств редких.
Свисает нахшабийский виноград,
Его плоды как яхонты горят.
Вкусней фахри не знаю винограда —
Сердец услада, языка отрада.

Наш горожанин посмотрел вокруг —
Бык жадности его пришел на луг.
Не отводя от пышных веток взгляда,
Он бросился на них, как волк на стадо.
Срывал он алчно яблоки с ветвей —
Не пожалел и яблони злодей.
Он раскрывал чудесные гранаты —
Ломал ларец, рубинами богатый.
Кисть винограда он сорвал с лозы —
Свалил беседку с бешенством грозы.
Бесчинствовал приезжий горожанин,
С тоскою на него смотрел крестьянин.
«Скажи всю правду, — задал гость вопрос, —
Тебе я огорчение принес?»
Ответил: «Что тебе скажу я ныне, —
Тебе, в ком чести, правды нет в помине?
Ты посадил хотя б одно зерно?
Взрастил хотя бы дерево одно?
Хотя б одним ростком украсил поле?
Когда листок болел — страдал от боли?
Была ль рука с лопатою дружна?
Ты думал о плодах, не зная сна?
Хотя бы ночь не спал из-за полива,
Всю ночь в земле копаясь терпеливо?
Хотя бы раз подумал ты о том,
Что я свой сад взрастил с большим трудом?
Как можешь проявить ко мне сердечность
Ты, чьи плоды, чей урожай — беспечность?
Больному посочувствует больной,
Когда болезнью болен с ним одной».

ЮСУФ ПРЕДСТАЕТ ВЗОРАМ АДАМА

Ловцы жемчужин в море вдохновенья,
Чтецы божественного откровенья,
Начав о мироздании рассказ,
Сказали об Адаме в добрый час:
Когда развеял он времен потемки,
Предстали перед ним его потомки,
Согласно сану, праотцем горды,
Построились в отдельные ряды.
Святые, что не ведали соблазна,
Стояли с родословной сообразно.
В другом ряду — властители держав,
На них венцы, их облик величав.
А третьи — добронравные миряне
Всех состояний, и родов, и званий.
Адам на то собранье бросил взгляд,
В отдельности увидел каждый ряд,
И ясновидящим глазам провидца
Предстал Юсуф, сиявший, как денница.
Он был на том собранье как свеча,
Явил свое пыланье, как свеча.
Пред ним померкли всех красот приметы,
Как меркнут перед солнцем все планеты.
Он — прелесть жизни с головы до пят,
У ног его все прелести лежат.
Мечта пред красотой его слабеет,
Наш разум пред умом его робеет.
Божественным сияньем он одет,
Он миродержца излучает свет.
Его чело светлей зари востока,
А мысль, как день ясна, парит высоко.

И впереди его, и позади —
Пророки, стройнотелые вожди,
Святые, что известны поименно,
Деяний славных подняли знамена,
И солнце озаряло этот храм,
Где бог внимал молитвам и хвалам.
Увидев чудной красоты явление,
Адам в душе воскликнул в удивленье:
«О, кто он, боже, этот человек?
Какого сада вижу я побег?
Где он обрел и красоту, и прелесть?
Где блеском счастья очи загорелись?»
И был ответ: «Он — свет твоих очей,
Улада горестной души твоей.
В саду Якуба он — побег из праха,
Газель, что подарил нам друг аллаха.
Чертог величья, скажешь, он возвел!
Он превратит Египет в свой престол,
Он поразит красавцев и красавиц,
И ослепит их бешеная зависть!
Он отразит, как зеркало, твой род —
Даритель щедрый всех твоих щедрот».
Еще услышал: «Шесть долей есть в мире
У красоты, я дал ему четыре.
Три прелести красавцам дал земным:
Юсуфу две, одну — всем остальным».
И обнял юношу Адам, даруя
Добро отеческого поцелуя.
Поведал о любви своей светло,
Когда поцеловал его в чело.
Как соловей о розе несравненной,
Вознес о нем слова к творцу вселенной.

РОЖДЕНИЕ ЮСУФА

Изменчив мир. Чей ни придет черед,
Тот в барабан существованья бьет,
И что ни век, то истина иная,
Но не затмится, облик свой меняя!
А если б не менялся мир, то мы
Порою свет не извлекли б из тьмы.

Навеки если б солнце закатилось,
То ни одна звезда бы не светилась.
Коль не заснут зимою семена,
Не засмеется розами весна!
Когда Адам юдоль скорбей оставил,
Греховную обитель Шис возглавил.
Он отошел, насытился трудом —
Идрис возглавил этот лживый дом.
Исчез и он для глаза и для слуха —
Первосвященником оставил Нуха.
Потоп замолк — явился Ибрагим,
И стал он дружен с богом всеблагим.
Ушел и он от смены дней и мрака,
Назвав первосвященником Исхака.
Тот перестал ронять реченья с губ —
Стал в мире проповедовать Якуб.
Служил он в Шаме богу неустанно,
Потом пришел на землю Ханаана,
Где он разбогател в течение лет,
Где много сыновей родил на свет.
Овец и коз взрастил он в чистом поле —
И муравьев, и саранчи поболее!
Двенадцать произвел он сыновей,
Юсуф — одиннадцати всех милей!
Когда Юсуф — так говорят — родился,
То у луны, казалось, брат родился!
Побег украсил плоти сад земной,
Дух озарился новою луной:
Сам Ибрагим надел, служа аллаху,
На эту розу нежную рубаху.
Исхак увидел с радостью тогда:
В его созвездье — новая звезда!
В саду Якуба — цвет благоуханный,
Что для отца бальзамом был и раной!
Он был газелью, Ханаан досель
Не знал, что мускус нам дарит газелы!
Своею грудью мать его кормила,
Покуда не взяла ее могила.
Два года матери сосал он грудь,
Но мать отправилась в последний путь.
Из моря доброты на дно сиротства
В слезах скатился жемчуг благодетства,

Но раковину он обрел, блестя:
Вскормила тетка бедное дитя.
Да, птицу дней его взрастила тетка,
И вот расправил крылышки сиротка:
Красив и тонок стан, душа чиста,
И медом речи радуют уста.
Сестре Якуба дорог стал племянник,
Ее души единственный избранник.
Она не разлучалась с ним, как тень, —
Как солнце, он сиял ей каждый день.
Он стал и для отца отрадой вскоре,
Его любимцем, утешеньем в горе.
Отец познал отраду жизни в нем,
Хотел он с сыном ночью быть и днем!
Он мучился, не видя постоянно
Перед собой сестры и мальчугана.
Сказал сестре: «Я без него скорблю,
Дрожа, как ива, — так его люблю!
Меня, что должен быть всегда с Юсуфом,
Не разлучай в мои года с Юсуфом!
Ты мне верни мою мечту и явь,
В мои покои ты его отправь».
Сестра Якуба, затаив обиду,
Его словам была покорна с виду,
Но к хитрости прибегла, чтоб опять
Любимца у родителя отнять.
Исхак оставил, набожности ради,
Ей ремешок, потребный при обряде:
Тот, кто привяжет ремешок к руке,
Забудет о злосчастье и тоске. . .
Она уйти Юсуфу приказала,
К его одежде крепко привязала
Тот ремешок от мальчика тайком. . .
С привязанным пошел он ремешком,
Пошел, невинный, улыбаясь кротко,
Но слух тотчас же распустила тетка,
Что ремешок пропал, и стала вдруг
Подозревать друзей, родных и слуг.
Обыскивала всех, ища пропажи,
Того, другого обвиняя в краже.
Был и Юсуф обыскан в свой черед —
И вот она пропажу достает!

В те дни законы соблюдались свято,
Решались по закону шариата.
Когда владельцем вор изобличен,
То вор ему на рабство обречен.
Так с хитростью устроив это дело,
Юсуфом снова тетка завладела.
Он был ее счастливым, светлым днем,
Но вот она заснула смертным сном.
К отцу вернулась вновь его услада:
От мальчика не отрывал он взгляда,
От прочих отвернулся сыновей,
Найдя в Юсуфе свет судьбы своей.
Душа его всегда была с Юсуфом,
Вершил он все свои дела с Юсуфом.
Ему был нужен каждый час Юсуф,
Был светочем для старых глаз Юсуф.
Да что и говорить: луна такая
Затмит и солнце, для любви сверкая!
Как опишу я эту красоту,
Что ярче райской гурии в цвету?
Он был луной на небе сладострастья,
Надеждой бытия, светилом счастья,
Нет, не луной — он солнцем был земным:
Что слабый блеск луны в сравненье с ним?
Нет, солнца свет — всего лишь призрак света,
С Юсуфом не равняй светило это!
Оков не зная всяких «что?» и «как?»,
Священным светом он развеял мрак...
В те дни красою Зулейха пленяла,
Невинности накинув покрывало.
В не знавшей зноя западной стране
Любимого увидела во сне.
Не скроется любовь от приближенных,
Когда от ран страдает обнаженных.

ОПИСАНИЕ КРАСОТЫ ЗУЛЕЙХИ

Вот что сказал достигший мастерства,
Тот, в чьей казне — отборные слова:
На Западе, исполнен силы правой,
Почтенный шах Тамус владел державой.

Познал он власть — и цвет ее, и вкус;
Всего, о чем мечтал, достиг Тамус.
Своим величьем он венец возвысил,
И блеск престола от него зависел.
Звалась его царица Зулейхой.
Еще не ведал мир красоты такой!
Не девушка — звезда среди звезд вселенной,
Жемчужина в шкатулке драгоценной.
Словами кто б ее изобразил?
Но попытаюсь в меру слабых сил.
Подобно косам Зулейхи, сойду я
От головы до пят, ее рисуя.
Когда взгляну я на рубины губ,
Я стану в мыслях щедр, в реченьях скуп.
Стан — пальма в ярком цветнике блаженства,
Чье признается гордое главенство.
Ее поит величия родник,
Пред нею кипарисный сад поник.
Как мускус, две косы благоуханны,
Они для мудреца — силки, арканы!
Их гребень причесал, и тешит взор
Посередине сделанный пробор:
Не перехвачен ли, веревкой мучим,
Мешочек черный с мускусом пахучим?
Кудрей-жасминов, мнилось, тень дрожит
На розовом кусте ее ланит.
Нет, косы — два каната перед нами,
С канатными сравню их плясунами!
Чтоб изучить ее, судьба прочла
Скрижаль ее прекрасного чела...
Ее лицо — Ирема сад высокий.
Но кто украсил родинками щеки?
Какое им сравненье я найду?
То негрятя в розовом саду!
А ямка на щеке, сердца тревожа,
На букву «мим» без хвостика похожа.
Увидит — обезумеет любой
От ямочки под нижнюю губой!
Ты спросишь: в чем безумия причина?
Та ямочка опасна, как пучина!
Белее снега шеи белизна,
Газель склониться перед ней должна.

Белей цветка жасмина грудь и плечи,
Взглянув на них, лишишься дара речи.
Две груди — два блистающих холма,
Два чуда, что сведут тебя с ума,
Еще никто не трогал два граната,
Чье целомудрие свежо и свято.
Под ними клад серебряный возник, —
И что пред ним серебряный рудник!
Чистейшая, внимая славословью,
Сердца людей очистила любовью.
Красавицы ей кланялись вослед:
Их жизнь хранил царевны амулет!
Всех государей овладев сердцами,
Красой сравнялась с царскими венцами!
Ее рука дарует свет глазам,
Сердцам больным и раненым — бальзам.
А пальцы — перья, что о страсти пишут,
Которою сердца влюбленных дышат.
Как юный месяц — каждый ноготок,
О нем мечтают Запад и Восток.
Тонка, как волос, середина стана,
Того и жди, сломается нежданно!
Боясь, он будет срезан пояском,
Свой стан не стягивает волоском!
Живот поспорит с мехом горностая,
Пупком, как чистым жемчугом, блистая.
Полны, округлы два ее бедра,
Ты скажешь: две горы из серебра!
Так нежно тело, что любое место
Скользит под пальцем, как крутое тесто.
Про то, что от пупка и до колен,
Не знаю новых слов, другим взамен:
Не смеет мысль проникнуть в ту твердыню,
Переступить запретную святыню.
Коснусь я словом только стройных ног,
Подъемлющих серебряный чертог.
Какая прелесть! А ее ланиты —
Живой цветник, от жадных глаз сокрытый!
Она была так царственно светла,
Что ей завидовали зеркала
И на коленях перед ней стояли:
Ее, а не своей красой сияли!

В ее коленной чашечке свой лик
Узрел бы, кто к ногам ее приник. . .
Подобны кипарисам на равнине,
Служили ей красавицы рабыни.
Для райских дев она была душой,
Для тысяч тонкостанных — госпожой.
Не знала роза до сих пор печали,
Ее ногам шипы не докучали.
Ни разу в ней любви не вспыхнул жар,
Она еще не знала сладких чар:
Спит, как нарцисс, безгрешно, безмятежно,
Как роза, утром расцветает нежно. . .
Играла в детстве с куклами она,
Потом была с газелями дружна.
Шутила с куклами, еще не зная,
Как шутят небосвод и доля злая.
Не ведая забот, она росла,
Всегда была спокойна, весела.
Что ей сулит судьба? Познавши бремя,
Что ночь родит в положенное время?

ЗУЛЕЙХА ВИДИТ ЮСУФА ВО СНЕ И ВЛЮБЛЯЕТСЯ В НЕГО

Та ночь, как утро жизни, хороша,
Ждала любви, как юности — душа.
Уснули рыбы, и замолкли птицы,
А мы событий развернем страницы.
Нам зрелища явил вселенной сад,
А сам заснул — лишь звезд глаза горят.
От стражи ускользнула ночь-воровка,
Звон колокольцев прекратила ловко.
Свернувшись, дремлют псы и видят сны:
В ошейники хвосты превращены!
Вот, перерезав собственное горло,
Замолкнув, птица тьмы крыла простерла.
Вот страж на башне шахского дворца,
Глаза как маки у того бойца,
Но бодрствовать не в силах он однако,
Затем что усыплять — есть свойство мака.

Заснув у барабанщика в руках,
Как бы застыли палочки впотьмах.
Не призывает муэдзин молиться,
А ночь людей свалила, как убийца.
Не зная зла, не ведая греха,
Заснула сном сладчайшим Зулейха:
То розовый цветок лежит на ложе,
На гиацинты локоны похожи.
Шелк разметавшихся душистых кос
Рисунок неги на постель нанес.
Глаза смежила, их сиянье пряча,
Но вещим зреньем сердца стала зряча.
Вдруг юноша — о нет, сама душа —
К ней входит, страстью пламенной дыша!
Божественного света изваянье,
Похитившее гурий обаянье, —
Он был сама любовь и жизнь сама,
Он властной красотой сводил с ума.
Он, ростом кипариса обладая,
Был строен, словно пальма молодая.
Мечтал, казалось, разум поскорей
Стать радостным в цепях его кудрей.
Луна и та сдалась ему на милость,
А солнце до земли пред ним склонилось.
Под сводами изогнутых бровей
Глаза пленяли томностью своей.
Лицо — луна, а брови — лук, что грозный
Стрелец натягивает в битве звездной.
Нарциссов насурьмленных нежен взгляд,
Ресницы, словно стрелы, всех разят.
Улыбкой прогонял он все печали,
Уста-рубины сахар источали,
Меж них сверкали зубы-жемчуга,
Как молния — для друга и врага!
Мысль у него — как соль, а рот — фисташка,
С красавцем — звездам состязаться тяжко!
Был подбородок — словно плод живой:
То яблоком казался, то айвой.
А родинка, что на щеке чернеет?
Ты скажешь: ворон в цветнике чернеет!
Он был широк в груди, в плечах широк,
А в поясе — как тонкий волосок.

Царевна на него взглянуть решилась —
И совершилось то, что совершилось!
Ни гурия, ни смертный человек
Такой красой не славились вовек!
Едва взглянула — потеряла разум
И пленницей красавца стала разом.
Увидев стан, что сотворен для нег,
В душе взлелеяла любви побег.
Увидев лик с горящими глазами,
Свой дух и плоть она повергла в пламя.
Увидев кудри — цепи волосков,
Вдруг пожелала для себя оков.
Пред алтарем его бровей томилась,
И плакала, и жертвой стать стремилась.
Его уста — веселье для нее,
А зубы — ожерелье для нее!
Из-за его серебряных предплечий
От разума она ушла далече.
Она, как рута, вспыхнула в тоске
По родинке на розовой щеке,
И подбородок-яблоко до боли
Ей нужен, но сорвать его легко ли?
Воскликнула: «О, где ты, светлый дух?»
Сон миновал — и страсть проснулась вдруг.
Ища покоя, Зулейха в смятенье
Звала животворящее виденье.
Какой она б исторгла жгучий стон,
Узнав, что предвещает этот сон,
Но, страстью поглощенная всецело,
Его значенья не уразумела.
Мы все живем в оковах внешних черт,
И разум жизни к нам немилосерд.
Творению ваятель душу придал,
А нас пленяет лишь прекрасный идол.
Кувшин для тех, кто жаждет, лишь тогда
Хорош, когда в кувшине есть вода.
Но страсть — пучина. Тонешь ты в пучине —
Так разве вспомнишь в море о кувшине?

СЛУЖАНКИ УЗНАЮТ О СТРАСТИ ЗУЛЕЙХИ

Коль прынула стрела любви — потом
Не станет осмотрительность щитом.
Ты стены возведешь? Что за нелепость:
От стрел любви не оградит и крепость!
Прекрасные слова напомним вновь:
«Скрыть невозможно мускус и любовь».
Кто мускус и за сто завес упрячет?
Ведь запахом себя он обозначит!
Страшась, что будет к ней судьба глуха,
Свою любовь скрывала Зулейха,
Но и в глазах, и даже в тайной боли
Любовь проглядывала поневоле.
То слезы падали из грустных глаз,
То вместо слез порою кровь лилась,
И с каждой каплей, вызывая жалость,
Всё явственнее тайна выражалась.
Вздыхала Зулейха, горя в огне, —
И вздохи испарялись в вышине.
Стонала Зулейха — и горе крепло,
А сердце превращалось в горстку пепла.
Не ела, не пила — и в краткий срок
Покрылись желтизной розы щек.
Но где бы в мире красный цвет нашел ты,
Чтоб сам собою превратился в желтый?
При виде страшной горести такой
Невольницы утратили покой,
Но так и не могли узнать причины
Внезапного смятенья и кручины.
Одна сказала, став на ложный путь:
«Ее, наверно, сглазил кто-нибудь».
Но кажется другой, что злая сила
На их царевну порчу напустила.
Сказала третья: «Госпожа больна —
Затем что стала жертвой колдуна».
Четвертая сказала задушевно:
«Я думаю, что влюблена царевна.
В кого же? Никого не назову!
Случилось то во сне иль наяву?»
Служанки в трепете, как в лихорадке,
Высказывали разные догадки,

Но в сердце Зулейхи, в ее тайник,
Никто из собеседниц не проник.
За Зулейхой кормилица смотрела,
Что в разных хитростях понаторела.
Ее любовный опыт был богат:
Пути любви извела стократ.
Поспоривших вчера — мирит сегодня,
Любовникам — служанка или сводня.
Однажды ночью к Зулейхе пришла,
Речь о своих заслугах начала.
Сказала: «Роза в цветнике великих!
Твои шипы — венец для розоликих!
Твоя да не померкнет красота,
Да вечно улыбаются уста!
Меня ты озаряешь, расцветая,
Ты — горлинка, ты — птица золотая.
Я — верности ручей. Ко мне приди:
Ты созревала на моей груди!
Ужели я в беде тебя покину?
Твою отрезала я пуповину,
Как только ты явилась в мир земной,
Тебя омыла розовой водой,
Свивала нежной лаской, песней звонкой,
А сердце было для тебя пеленкой.
О дитятке заботясь дорогом,
Тебя вскормила сладким молоком.
Я ночью колыбель твою качала,
Тебя, как розу, утром украшала.
Всегда в моих объятьях ты спала,
А спали врозь — ты в снах моих была.
Ты выросла, в иной блестя одежде,
Но за тобой смотрела я, как прежде.
Была всегда полезна я тебе —
И ныне соболезную тебе!
Ты — кипарис, но рабскую стопую
Как тень я следовала за тобою.
Сидишь — твоя служанка, я стою.
Ты дремлешь — дрему берегу твою.
Тебе верна я и теперь, как прежде,
Тебе я предана, поверь, как прежде!
Зачем же от меня, как от чужой,
Таишься ты смятенною душой?

Так наконец откройся: что случилось?
Из-за кого ты разума лишилась?
Из-за кого утратила покой?
Давно ли дружишь с горем и тоской?
Ты — роза, почему же пожелтела?
Дыханье почему похолодело?
Ты — солнце, почему же, как луна,
Ты убываешь, горечи полна?
Иль месяц перешел тебе дорогу?
Скажи мне: кто же он? Развей тревогу!
Он ангел, что сияет чистотой?
Но пусть он дух небесный, дух святой —
Пущу я в ход молитвы и заклатья,
И примет он тебя в свои объятия!
Он джинн? В горах живет он иль в лесу?
Тебе его в бутылки принесу!
Он человек? Тогда сломлю преграды,
Ты с ним достигнешь света и отрады!
Кто он такой, отвергший благодать?
Кто не спешит твоим владыкой стать?»
Кормилицы узнав добросердечье,
И хитроумие, и красноречье,
Открыться ей решила госпожа.
Поведала, рыдая и дрожа:
«Увы, как этот клад найти, не знаю:
К сокровищнице я пути не знаю.
Назвать приметы птицы? Далека,
Недостижима вещая Анка!
Но имя той все знают повсеместно,
А имя этой птицы — неизвестно.
Хочу мечтать под бременем скорбей,
Не только имя знать мечты своей!
Хоть имени меня утешат звуки,
Когда его произнесу я в муке!»
Доверилась кормилице вполне,
Поведав ей о странном, чудном сне.
Стал этот сон для мамки пробужденьем,
Стал здравый смысл бороться с наважденьем.
Да, стала способна искать в ту ночь
Кормилица, чтоб Зулейхе помочь.
Но что-нибудь найдешь ли, сам не зная,
Чего ты ищешь? Это блажь пустая!

Достигнуть хочешь цели? Но сперва
Ты поразмысли: цель-то какова?
Но, сновиденья не поняв приметы,
Ей мамка стала подавать советы:
«Проделки дивов этот сон. Пойми:
Им любо насмеяться над людьми,
Чтоб ввергнуть нас в беду — приятно дивам
Являться людям в облике красивом».
Но Зулейха сказала: «Это ложь.
Кто видел, чтобы див был так хорош?
Чтоб красотою ангельской блестело
Из зла и скверны созданное тело?»
А мамка: «Этот сон — обман и зло.
Где ложь, там правда не горит светло.
Бессмыслицу отвергни эту, право,
Я знаю, ты умеешь мыслить здраво».
А Зулейха: «Я победила б страсть,
Но над собою потеряла власть.
В своих поступках я не властна боле,
Я не держу в руках поводья воли.
Тот образ, что живет в душе моей,
Изображенья на скале прочней:
Вода иль ветра быстрого движенье
Наскальное сотрут изображенье».
Замолкла мамка, поняла она,
Что дочь владыки крепко влюблена.
Сказали шаху, что грустит царевна.
Шах выслушал рассказ и глянул гневно.
Но, видя, что ничем нельзя помочь,
Судьбе всецело поручил он дочь.

**ЗУЛЕЙХА ВИДИТ ЮСУФА
ВО СНЕ ВО ВТОРОЙ РАЗ;
ЕЕ ОХВАТЫВАЕТ БЕЗУМИЕ**

Блаженно сердце, что полно любовью,
Что чуждо суете и суесловью.
В том сердце вспыхнуть молнии дано,
Чтоб сжечь рассудка трезвого гумно.
То сердце, в пламени горя высоком,
Ни разуму не внемлет, ни попрекам,

Но чем попреки бьют его больней,
Тем в сердце страсть становится сильней.
Весь год царевна, всем внушая жалость,
Худела — словно месяц, уменьшалась.
Согнувшись полумесяцем в ночи,
Роняла утром жарких слез ручьи:
«О небо, что ты сделало со мною?
Меня — зарю — одело желтизною,
Для стрел тоски, согнув мой стан, как лук,
Меня в мишень ты превратило вдруг,
Упрямцу стала я, увы, рабыней,
Но кто он, где он со своей гордыней?
Зажег в моей душе любовный пыл,
А сам со мной, как скаред, поступил:
Пусть наяву ко мне он не приходит, —
Зачем же и во сне он не приходит?
О, если б он приснился мне опять,
Чтоб счастье я могла на миг познать!
Пусть будет счастье призрачным, заемным —
Мне всё равно покажется огромным!»
Так плакала в тоске ее душа,
Из клетки тела вырваться спеша.
Однажды сон вступил в ее покой,
О нет, не сон — беспамятство глухое!
Еще был гнет на сердце так тяжел,
Когда ее желанный к ней вошел.
Тогда она, откинув покрывало,
Вскочила и к ногам его упала.
Воскликнула: «Ты отнял мой покой,
Похитил сердце властною рукой!
Во имя бога правды и завета,
Того, кто сотворил тебя из света,
Поставил над красавцами главой
И силу дал тебе воды живой, —
Ты сжался над моей душой больною,
Открой уста, поговори со мною,
Скажи, зачем, как чудо, ты пришел?
Кто родом ты? Откуда ты пришел?
Ты — золото, краса, венец природы,
Но из какой ты извлечен породы?»
Ответил: «От Адама мой приход,
От глины и воды веду свой род.

Ты утверждаешь, что в меня влюбилась,
Но если в этом чувстве утвердилась,
То будь верна мне сердцем, как жена,
Другому стать женой ты не должна.
Тем, кто коснуться вздумает алмазом
Твоей жемчужины, — ответь отказом.
Не думай ты, из-за меня скорбя,
Что не жалею, не люблю тебя.
Как ты, я тоже в плен попал к мученью,
Для стрел твоей любви я стал мишенью».
У Зулейхи от ласковых речей
Вдруг стало сердце биться горячей.
Заколебалась разума основа,
И бабочка в огонь попала снова.
С горящим сердцем поднялась она,
Объята сладостным безумьем сна.
Огонь скорбей согнал ее с постели,
И вздохи ввысь, как перышки, взлетели.
Кипела страсть, не ведая преград,
Смятенье увеличилось стократ.
Не стала Зулейха, утратив разум,
Внимать советам, следовать наказам.
Как почка, сердце лопалось, а кровь
Тюльпаном распускалась вновь и вновь.
Восславив лик его, во мгле сокрытый,
Она царапала свои ланиты.
Служанки, к ней сочувствия полны, —
Как ореол печали вокруг луны.
Но если огорчит луну подруга —
Стрелой из этого взовьется круга.
Ее не хватят за полу? Беда:
На улицу бежит она тогда!
Не спрячут под чадрой? К базару прямо
Помчится без чадры, не зная срама.
Отец, узнав об этом, поскорей
Велел позвать искусных лекарей.
Решили те, собравшись важным кругом:
«Лишь цепи могут совладать с недугом».
Из золота сработали змею,
Из жемчугов и лалов — чешую.
Змея, как вокруг серебряного клада,
Вкруг ног ее свернулась, как ограда.

Да, Зулейха — клад красоты земной,
Но клад оберегается змеей!
Когда змея красавицу связала,
Та, в чешуе горячих слез, сказала:
«В цепях любви, еще не согреша,
Томится, как преступница, душа.
О небосвод, жестокий и суровый,
Зачем надел мне на ноги оковы?
Я никуда не двинусь всё равно,
Ведь силы нет в моих ногах давно!
Зачем в меня вонзаешь меч насилья?
Зачем цепями связываешь крылья?
Ваш кипарис недвижим стал сейчас,
Смотрите сами: в глине он завяз.
Я слезы лью — беречь такую воду
Старательному надо садоводу!
В оковы надо заковать того,
Кто стал владыкой сердца моего, —
Подольше б мне остаться с ним хотелось,
Чтоб досыта на друга нагладелась.
Но исчезает он быстрее огня,
Как молния, воспламенив меня.
О, если б — только день наступит новый —
Возлюбленного заковать в оковы,
На друга сколько хочется смотреть,
Чтоб слезы я не проливала впредь! . .
Что говорю! Он выпал мне на долю!
Чем на него пылинке сесть позволю,
Я лучше сгорблюсь под горою бед,
И в этом я увижу счастья свет.
Усну ль спокойно, если сотни тягот
На голову прекраснейшую лягут?
Я в грудь себе вонзить согласна меч,
Чтоб друга от колючки уберечь!»
Наперсницы, подруги, раб последний —
Узнали все любви безумной бредни.
Упреки были для нее как бич,
Страдала, как подстреленная дичь.
Казалось, нет безумной исцеленья, —
Вдруг наступало время просветленья.
Но вновь с рассудком спорила любовь,
И начинался бред безумный вновь.

То плакала и душу отдавала,
То снова, рассмеявшись, оживала.
Из света в мрак был тяжек переход...
Так провела царица целый год.

ЗУЛЕЙХА ВИДИТ ЮСУФА ВО СНЕ В ТРЕТИЙ РАЗ И УЗНАЕТ О ЕГО МЕСТОПРЕБЫВАНИИ

Мир и вражда, отравы и лекарства —
Приди, любовь, приди, полна коварства!
То превратишь безумца в мудреца,
То превратишь разумного в глупца.
Когда красавица завивает кудри,
То в цепи рабства попадает мудрый,
Но если ты расправишь завиток —
Вновь разгорится вольности восток.
Однажды ночью Зулейха больная,
Свою тоску с безумьем разделяя,
Пила из чаши горести настоек.
Объятая болезненной мечтой,
Безумная, откинув покрывало,
В отчаянье к любимому воззвала:
«О ты, кто напоил меня тоской
И отнял мой рассудок и покой!
Ты дал мне скорбь — и жизнь мою расстроил,
Принес мне смуту — и не успокоил.
Скажи мне: кто ты? Как тебя зовут?
Скажи мне: где найду я твой приют?
Как сахарный тростник, сладка была я,
Но выпила мой сахар доля злая.
Я розою за пологом цвела —
Из-за тебя его разорвала.
Пусть я рабыня для тебя, не боле,
Пусть мной не дорожишь, лишённой воли,
Так что же, для рабыни — только плеть?
Не можешь ты рабыню пожалеть?
В страданье, в горе кто со мной сравнится?
В моем позоре кто со мной сравнится?
За эту страсть меня отвергла мать,
Отец стыдится дочерью назвать.
Покинули меня мои рабыни,
И в одиночестве томлюсь я ныне.

В былинке ты зажег огонь любви —
Уж лучше ты былинку раздави!»
Так плакала пред призраком туманным,
Покуда не заснула сном неожиданным.
Из чаши сна вкусили хмель глаза:
Явился он, судьбы ее гроза!
Что мне сказать о нем? Как цвет весенний,
Прекрасен был разбойник сновидений.
Не выразить мне, как он был красив!
За край одежды юношу схватив,
Сказала: «Ты меня рассек на части,
Грабитель, у меня ты отнял счастье.
Кем создан ты, о чудо из чудес,
Венец красы земной, красы небес?
Мою тоску и скорбь развеи беседой,
Страны твоей названье мне поведай».
Ответил: «Если так, то исцелись,
Перед тобой — египетский азиз.
Ценим и уважаем фараоном,
Я стал его слугою приближенным».
Царевне жизнь вернул его ответ.
Скажи: мертвец родился вновь на свет!
Его речей целительное зелье
Вернули ей здоровье, ум, веселье.
Как прежде, стала радость расцветать,
Разумной стала Зулейха опять.
Она обрадовала всех рассказом
О том, кто ей вернул покой и разум.
Невольниц разбудила и подруг:
«О вы, которых мучил мой недуг!
Отца избавьте от мученья злого,
Скажите шаху радостное слово:
Ко мне вернулись разум и покой,
Сухое русло стало вновь рекой.
Приди, скорей сними с меня оковы,
Не терпит их рассудок мой здоровый.
К чему мне цепи? Иль блудница я?
Должна от них освободиться я!»
Отец, убитый скорбью многотрудной,
Чуть не сошел с ума от вести чудной.
Он, как влюбленный, запыхал сперва,
Когда услышал дочери слова.

Пошел — и пасть разъял змеи двуглавой,
Оковы снял с царевны величавой.
Стеклись рабыни шумною толпой,
Пред ней престол поставив золотой,
И та, чье тело серебром блестело,
На трон воссела и венец надела.
Вот собрались подруги, щебеча, —
Они — как мотыльки, она — свеча.
И сахар слов, как птица золотая,
Рассыпала царевна молодая,
Ларец речей раскрыв, на этот раз
О всяких странах повела рассказ.
Поведав и о Руме и о Шаме,
Египет славить начала речами.
Но вот Египту кончилась хвала,
Азиза наконец-то назвала!
Едва в рассказе подошла к азизу,
Как голова ее склонилась книзу
И разразились ливнем слез глаза;
Ты скажешь: в небе грянула гроза! . .
С тех пор просила всех: «Слова рассыпьте
О женихе прекрасном, о Египте».
Но если говорили о другом,
Ей чуждым становилось всё кругом.

**ВЛАСТЕЛИНЫ ВСЕХ СТРАН,
КРОМЕ ЦАРЯ ЕГИПТА,
СВАТАЮТСЯ К ЗУЛЕЙХЕ**

Хотя лишилась Зулейха здоровья,
Ее красе не молкли славословья.
И бедный воин, и глава страны
В нее безумно были влюблены.
В честь Зулейхи в дворцах гремели клики,
Измучились из-за нее владыки,
И сватов засылали женихи,
Прося руки и сердца Зулейхи.
В те дни, безумья сбросив цепь, царевна
Блистала на престоле каждодневно.
Царей посланцы прибыли с пути,
Их оказалось больше десяти, —

Из многих, разных стран, из Шама, Рума,
Их всех сюда влекла одна лишь дума.
Тот — с перстнем Сулеймана, а другой —
С престолом и несметною казной.
Был венценосца каждого подарок
Богат, как царство, и, как солнце, ярок:
Мол, если к нам ты обратишь свой лик,
То станешь ты владычицей владык,
Мол, если нас подаришь красотою,
Венцы померкнут под твоей пятою,
Мол, если ты, луна, поедешь в Шам,
Тебе молиться будем по ночам,
Поедешь в белый Рум — к ногам царицы
Падут рабами негр и белолицый.
От имени владык, царей земли,
Послы такие речи привезли.
Узнав, что прибыли они с дороги,
Красавица подумала в тревоге:
«Прислал ли и Египет к нам посла?
Ведь я в Египте милого нашла!
Что толку, коль не прибыл египтянин?
Мой дух из-за Египта отуманен!
Египетский горячий ветерок,
Что пыль и прах приносит на порог,
Милей мне ветерка угодий царских,
Что пахнет мускусом степей татарских!»
Но вот царевну вызвал во дворец
И усадил перед собой отец.
Сказал: «О ты, что светишь, с мраком споря,
Избавив старого отца от горя!
Из-за тебя страдания познав,
Тоскуют повелители держав:
Хотя и дышат царской благодатью,
Любви к тебе заклеены печатью.
От нас владыки ждут хороших слов,
С надеждой на ответ прислав послов.
Я расскажу про каждую державу,
Взгляни — кто из царей тебе по нраву.
В любой стране — далекой ли, чужой —
Всем подданным ты станешь госпожой».
Шах говорил, а дочь его молчала:
Мол, о Египте начал бы сначала:

Рассказ тогда лишь увлекает нас,
Когда о друге слышится рассказ!
Отец назвал того, назвал другого,
Но о царе египетском — ни слова.
Узнав, что сватов из Египта нет,
Заплакала красавица в ответ.
В отчаянье перед отцом, как ива,
Она затрепетала сиротливо,
Алмазы глаз, печали не тая,
Ее ресниц сверлили острия:
«О, если б я не родилась! А даже
И родилась — то умерла б тотчас же!
Никак я не могу понять, куда
Ведет меня злосчастная звезда.
Смотри, что стало с тучей дождевою:
Всех жаждущих она поит водою,
А подойдет ко мне — поток огня
Взамен воды извергнет на меня!
Зачем ко мне ты, небо, так враждебно?
Ужели кровь моя тебе потребна?
Зачем, коль встречи с другом не даешь,
Расстаться мне с недугом не даешь?
Желаешь смерти мне? Ну что ж, умру я,
Твоей неправде жизнь мою даруя.
Ты хочешь мук моих? Но тяжела
Мне горьких мук угрюмая скала:
Не задохнется ль под скалой былинка?
С волной тоски поспорит ли песчинка?
Я от тебя не видела добра,
А надо мною сжалиться пора.
Тебе-то что — грустна я иль довольна?
Тебе-то что — мне сладко или больно?
Тебе-то что — жива я иль мертва?
Кто я? Ведь нет ничтожней существа!
Мое гумно сожжешь? Но коль безумна
Моя любовь — пусть все погибнут гумна!
Ты губишь столько тысяч свежих роз,
Велишь, чтоб ветер их песком занес, —
Чего ж ропщу я? На земных дорогах
Я для тебя, увы, одна из многих!»
Кровавилась в тот день ее тоска, —
Ты скажешь: завязь красного цветка!

Она рыдала, столам сердца вторя,
На голову посыпав пепел горя.
Отец, увидев — вянет кипарис,
Чья цель, чья страсть — египетский азиз,
Предстал, прося прощенья, пред послами,
Назад отправил с царскими дарами.
«Мое дитя, — так сватам он сказал, —
С египетским азизом я связал.
Припомним, что изрек мудрец в беседе:
„Кто всех опередит — придет к победе“.
Пословицей блистает наш язык:
„Тот победил, кто первенства достиг“».
Ушли послы ни с чем, и посторонний
Сказал бы: «Ветер унесли в ладони!»

ОТЕЦ ЗУЛЕЙХИ ПОСЫЛАЕТ СВАТА К ЕГИПЕТСКОМУ АЗИЗУ

На сердце Зулейхи — скорбей печать.
Ей трудно плакать, трудно и молчать.
Но путь к надежде должен быть упорным:
Приходит светлый день вослед за черным.
Увидев, как страдает дочь, отец
Подумал: пусть отправится мудрец
В Египет, где азиз — правитель царства,
Для Зулейхи — отрада и лекарство.
К азизу пусть придет, как к жениху, —
С любимым сочетается Зулейху. . .
Он выбрал мудреца из самых знатных,
Сказал ему немало слов приятных,
Велел пойти с дарами из казны
К правителю египетской страны:
«Скажи азизу: „Ты даруешь милость,
Ты, пред которым смена дней склонилась!
Ты сыплешь милосердья жемчуга,
Твоя дорога людям дорога.
В созвездии, блистающем высоко,
Есть у меня светило без порока.
Так целомудренна моя луна,
Что тень ее и солнцу не видна.
Она блистает ярче всех жемчужин,
Но блеск для глаз чужих не обнаружен.

Чтоб стать невидимой для звездных глаз,
Под полог прячется в полночный час.
Ее лицо лишь зеркалу известно,
Лишь гребень знает, что коса прелестна,
Лишь косам собственным дано порой
К ее ногам склониться головой.
Так плавно шествует в своем чертоге,
Что лишь подол ее целует ноги.
Устам не нужен сахарный тростник,
И без румян прекрасен юный лик.
Поникли розы перед ней в печали,
В отчаянье рубашки разорвали.
Нарцисс придет к ней с чашею вина —
Гулякой дерзким будет смущена,
А солнцу и луне, душой невинна,
Предстанет лишь под тенью балдахина.
К реке не ходит, полная стыда,
Боясь, что взглянет на нее вода.
За пологом живет в уединенье,
Но мир пред пологом ее — в смятенье.
Безумствуют властители держав,
Из-за нее тоску и боль узнав.
Глядят на мир печально и угрюмо
Владыка Шама и владыка Рума.
Но жить она не хочет в тех местах:
Египет, да и только, на устах!
Ей ненавистен Рум с его мужами,
Она не терпит всех, живущих в Шаме, —
Египет навсегда ее пленил,
И слезы у нее текут, как Нил.
Откуда страсть к египетскому краю
И кто внушил ей эту страсть — не знаю.
Иль прах ее замешан в той пыли?
Иль список благ ее — из той земли?
Коль ты сочтешь ее себя достойной,
Пришлю красавицу в Египет знойный.
Ей не окажешь, как жене, почет?
Пусть, как служанка, дом твой подметет!“»
Азиз Египта от счастливой вести
Как бы коснулся головой созвездий.
«Кто я такой, — смиренно произнес, —
Чтоб сеять семена подобных грез?

Но если шах поднимет нас из праха,
То к небу вознесусь по воле шаха.
Я — жалкий сад, и вот, являя мощь,
Пролился на меня весенний дождь;
Пусть каждое заговорит растение, —
Смогу ли выразить благодаренье?
Я в шахе вижу светлую судьбу,
Что покровительствует мне, рабу.
Почтительно, с покорностью великой
Хотел бы я предстать перед владыкой,
Но фараона мудрого наказ
Я должен срочно выполнить сейчас.
Я, подданный, царю служить обязан,
Не то сурово буду я наказан.
Пусть добрый шах простит меня, слугу:
Иначе поступить я не могу.
Но если хочет — я, взыскав чести,
Отправлю паланкинов ровно двести,
По тысяче рабынь и стройных слуг —
То сосны, что украсят райский луг!
Рабы пленяют всех, напоминая
Прелестных отроков из кущи рая.
Прискачут в седлах, светлые, как день, —
Кафтаны яркие, шапки набекрень,
Блистают зубы сахаром улыбок,
Стан, опоясан золотом, тонок, гибок.
Рабыни, словно гурии, горды.
Их тело — не из глины и воды!
Их брови — своды алтаря, а лица
Подобны розам, что хотят молиться,
Пленяя стариков и молодых,
Красуясь в паланкинах золотых.
Отправлю я, как подобает это,
Мужей державы и мужей совета, —
Пусть, проявив заботы, в мой приют
Ее с почетом, с лаской приведут».
Такие выслушав соображенья,
Посол склонился ниц из уваженья,
Сказал: «Ты добротой весь мир потряс,
Египта блеск умножил во сто раз!
Мой шах, богатством, властью знаменитый,
Не хочет от тебя ни слуг, ни свиты.

Как ни считай, все числа превзошло
Его рабов, его рабынь число.
Число его даров, роскошных, редких,
Превысит и число листов на ветках.
Каменя, что дарит его рука,
Числом превысят численность песка.
Он хочет, чтоб всегда ты жил в богатстве.
Блажен, кто не чинит тебе препятствий!
Он дочь свою к тебе отправит в дом,
Да станет яством на столе твоём!»

ЗУЛЕЙХУ ОТПРАВЛЯЮТ В ЕГИПЕТ

Когда вернулся муж седоголовый,
Он снял с души красавицы оковы,
Привез ей сто вестей от жениха, —
Дышала лишь азизом Зулейха!
Запела птица вещая о счастье,
Для Зулейхи раскрылась роза страсти.
Был сон источником ее скорбей —
Ее избавил призрак от цепей.
Да, наша радость в мире, наше горе —
Лишь сон и призрак, что исчезнут вскоре.
Как счастлив тот, кто на путях земных
Не знал ни призраков, ни снов пустых. . .
Царевне шах не думал прекословить,
Стал для нее приданое готовить.
Он кукол, чья отчизна — Рум и Рус,
Ей подарил, — я счесть их не берусь!
Гранаты — груди, а уста — рубины,
Ланиты — сад, пахучий и невинный.
Ушам от ожерелий — веселей,
От уха и до уха — лук бровей.
То розы, только розы без обмана,
Им не нужны белила и румяна.
Их кудри амброю напоены —
Жемчужины с дыханием весны!
Здесь были также отроки такие,
Что волновали все сердца людские.
Оторвалась, чтоб с ветерком играть,
От их причесок мускусная прядь.

Все шапки — набекрень. Смотри, прохожий:
На гиацинты локоны похожи!
Красавцы, чья одежда так ярка, —
Нежней цветка и тоньше стебелька.
Стан каждого — как волосок прелестный.
Смотри: силком стал поясок прелестный!
Здесь были кони, быстрые как мяч,
Проворные, когда помчатся вскачь,
Они во время бега — быстры, ловки,
Разумны и спокойны при седловке.
Едва лишь тень на них отбросит плеть,
Они готовы к небесам взлететь.
Онагры не догонят их степные,
А в бурных реках — птицы водяные.
Копытами сотрут горы уступ,
Поднимешь плеть — сольются хвост и круп,
Им не преграда — кряж высокогорный,
А поводу всегда они покорны,
Здесь были — все горды как на подбор —
Верблюды, чьи горбы — вершины гор.
Не Бисутун-гора — такие горы:
У них, живых, четыре есть подпоры.
Пусть их к святым пустынным причтут:
Еды чуть-чуть — и непомерный труд!
Пересекая сто пустынь упорно,
Они питались лишь плодами терна.
Ни сна, ни пищи, труден каждый шаг,
А песнь погонщика звенит в ушах. . .
Державы целой дань — дивитесь, люди! —
В тюках на каждом двигалась верблюде.
Здесь были драгоценные дары —
Румийские и шамские ковры.
В шкатулках — жемчуг, и сапфир старинный,
И Бадахшана яркие рубины.
В сосудах — амбра из далеких стран,
Татарский мускус и душистый бан.
Погонщики помчались, пыль взметая.
Смотри: земля пестра, как степь Китая!
Невесте предназначил властелин
С покоем брачным схожий паланкин,
Чьи стены — из алоэ и сандала,
Где позолота гвоздиков блистала.

С шатром Джамшида мы сравним навес,
А купол — только с куполом небес.
Утыканный гвоздями золотыми,
Сверкал он жемчугами дорогими.
На паланкине — полог из парчи,
На ней горят узоры, как лучи.
Так Зулейху, невестой ставшей ныне,
Отправили в Египет в паланкине.
Тот паланкин поплыл на скакунах,
Качаясь, точно лодка на волнах.
А следом — сотни пальм, платанов, сосен,
Жасминогрудых, розоликих весен.
Казалось, вешний ветер молодой
Помчался из одной страны к другой.
Сады поникли зеленью густою,
Посрамлены подобной красотою.
Невольники на всем скаку летят,
Невольницы на них сквозь шелк глядят.
Их кудри как силки, а их обычай —
Невольником гордиться, как добычей.
От стрел-ресниц все падают кругом,
В душе у всех невольников — пролом.
Те — завлекают, нежно строят глазки,
А всадники — любовной жаждут ласки.
Везде — базар, сердец влюбленных жар,
Есть покупатели, и есть товар.
Так от стоянки двигались к стоянке
И Зулейха, и слуги, и служанки.
К Египту приближаясь с каждым днем,
Красавица мечтала об одном:
Пусть вспыхнет утро, с ночью скорби споря,
Пусть больше никогда не будет горя.
Не знала, что далек еще рассвет,
Что утро вспыхнет через много лет.
А караван вперед, вперед стремится —
И вот Египта перед ним граница.
И Зулейха, приехав наконец,
Велела, чтоб отправился гонец,
Азизу сообщил об их прибытье,
Доставил весть о радостном событье —
Мол, счастье долгожданное вошло,
Иди встречай его, пока светло!

**ЗУЛЕЙХА УБЕЖДАЕТСЯ В ТОМ,
ЧТО ЕГИПЕТСКИЙ АЗИЗ НЕ ТОТ,
КОГО ОНА УВИДЕЛА ВО СНЕ**

Сей небосвод, чье ремесло — фиглярство,
Людей терзает с помощью коварства,
Надежду нам подаст в тяжелый час,
Потом в отчаянье повергнет нас.
Желаний плод покажет издалека,
Чтоб этот плод потом сорвать жестоко...
Лишь показался издали азиз,
Как щеки Зулейхи огнем зажглись.
Сказала мамке, сидя в паланкине:
«Не ты ли помогала мне в кручине?
Так помоги мне на него взглянуть,
Не то от страсти разорвется грудь.
Когда питают страсть любовь и верность,
То обретает эта страсть безмерность.
Кто сильно жаждет, тот сгорит, когда
Не выпьет, если рядом есть вода!»
Увидев Зулейху в таком томленьи,
Найти решила мамка исцеленье —
И щель прорезала в парче цветной
С игольное ушко величиной.
К той щелке Зулейха приникла глазом —
И застонала вдруг, теряя разум:
«Случилось нечто странное со мной,
Я смерть нашла под рухнувшей стеной!
Не этот мне явился в сновиденье,
Я зря к нему стремилась в нетерпенье.
Не этот отнял у меня покой,
Не этот напоил меня тоской,
Не он, моей мольбе внимая чутко,
Доверясь мне, вернул мне свет рассудка!
Я вижу: счастья моего звезду
Судьба низвергла в горе и беду.
Увы, одни колючки в злое время
Дало мне пальмы финиковой семья.
Я стерегла свой клад, забыв про сон,
Но клад погиб: достался мне дракон!
Пришла я к розам в сад, но в их объятье
Колючий шип в мое вонзился платье.

В пустыне погибая без воды,
Мечусь я, ручейка ища следы,
От жажды мой язык присох к гортани,
Уста в крови от боли и страданий, —
Но вдруг я вижу зеркало ключа,
Ползу я, еле ноги волоча,
Но то не влага, то совсем иное:
Поблескивает солончак от зноя!
Я — путник, заблудившийся в горах.
Нет у меня еды, а в сердце — страх.
Кровоточат израненные ноги,
Ни пищи, ни стоянки на дороге.
Но, кажется мне, вижу я коня,
Потерянного мной в начале дня.
Бегу к нему, — о жребий мой нелепый:
Не конь предо мной, а лев свирепый!
Я та, кто в море на доске плывет:
Сокрылся мой корабль в пучине вод,
А я — то на волне, то под волною,
Уже вода бушует надо мною.
Корабль внезапно, вижу я вдали.
О счастье: то спасители пришли!
Корабль всё ближе, — что это такое?
То смерть моя, то чудище морское!
Таких, как я, не знает божий свет,
Таких, лишенных счастья, в мире нет!
Украли счастье у меня так скоро —
Осталась я без счастья и без вора...
О небо, милосердьё мне яви
И дверцу мне открой в приют любви!
Меня отняв у друга дорогого,
Не отдавай меня во власть другого!
Пусть не коснется кто-нибудь другой
Моей рубашки дерзкою рукой.
Дала я клятву, что всегда и всюду
Свое сокровище беречь я буду.
Погибнет пусть чудовище-дракон,
Пусть не возьмет сокровище дракон!»
Так проклинала свой удел жестокий,
Из глаз лились кровавых слез потоки.
Живая боль была в ее словах,
Печали соль была в ее слезах.

Но вдруг раздался глас необычайный —
Заговорил с несчастной вестник тайный:
«Не плачь, не плачь! Вершатся в смене дней
Дела, что дела твоего трудней!
Стремилась не к азизу ты доселе,
Но без азиза не достигнешь цели.
Благодаря ему в счастливый миг
Увидишь ты возлюбленного лик!
Пусть близость с ним тебя не беспокоит:
Он твой замок заветный не откроет.
Ключ у него из воска: кто бы смог
Открыть ключом из воска сей замок?
Ведь если нет руки — рукав ничтожен:
Рукав не вытащит кинжал из ножен!»
От этой вести сделалась тиха
Признательная богу Зулейха.
Она уста закрыла — точно завязь,
Тайком от всех пылая и кроваваясь.
Горела в горе, перестав кричать,
На крики скорби наложив печать,
И, в ожиданье светлого удела,
С надеждой на широкий путь глядела.

ЗУЛЕЙХА ВМЕСТЕ С АЗИЗОМ ВЪЕЗЖАЕТ В СТОЛИЦУ ЕГИПТА

Когда, зари провозгласив приход,
Стал бить в литавры звездный небосвод, —
Собрав свои пожитки понемногу,
И звезды с ночью двинулись в дорогу.
Стал утром небосвод, лишенный звезд,
Похож по цвету на павлиний хвост.
Азиз, исполнен царской благостыни,
Луну в своем отправил паланкине,
Он свиту выстроил со всех сторон,
Давно в делах подобных умудрен.
Повсюду — кипарисы молодые,
Над ними — балдахины золотые,
Под каждым — драгоценное седло,
А в каждом сердце — радостно, светло.
Шатры пришли в движенье на равнине,
Невеста восседала посредине.

Запели арфы, их напев крылат,
Погонщики им подпевают в лад.
Простор земли и неба, мнилось, тесен
Для звуков пламенных и томных песен,
Ты спросишь, увидав следы копыт:
Луна иль полумесяц там блестит?
То полумесяц, как помчатся кони,
Луну ударит на песчаном лоне,
То полумесяц победит луна, —
Следов копытных то была война!
Земля, копытами коней изрыта,
Верблюдов хвалит мягкие копыта.
Газели возвышаются в седле,
Ржут кони-музыканты на земле,
Приветствуют гостей холмы и доли,
Погонщиков протяжен свист веселый.
Рабыни радуются, что уже
Явились мир и счастье госпоже,
Египетский азиз, его вельможи
Такому счастьем радуются тоже.
Одна лишь Зулейха была грустна,
И вопрошала мысленно она:
«О небо, почему меня ты губишь?
Ты почему любовь мою не любишь?
Ты почему ко мне питаешь зло,
Несчастную на муки обрекло?
Чудесный сон мне подарив сначала,
Ты наяву мне душу истерзало.
То бедный разум покрываешь тьмой,
То возвращаешь мне рассудок мой.
Разбило ты мои надежды властно,
Увы, тебе я верила напрасно!
Могла ль понять смятенною душой,
Что ты меня забросишь в край чужой?
Скажи — иль мало было мне кручины?
Ты к ней прибавило тоску чужбины!
Но если зла так сильно жжет клеймо,
О боже, каково же зло само!
Избавь меня от горя и мытарства,
Не увлекай меня в силки коварства.
Исполнишь — обещаешь мне — мечту,
И я покой душевный обрету.

Я рада обещанью, верю чуду,
Но что же делать? Что я делать буду?»
Так плакала о жребии своем.
Сменился спуском между тем подъем.
Вот проводник кричит и веселится:
«Пред нами — берег Нила и столица!»
На берегу, у нильских вод живых, —
Столпотворенье пеших, верховых.
На всех устах — азизу восхваленья,
Невесте сыплют под ноги камня,
Сосуды золотые, серебро,
Дирхемы, блюда, ценное добро.
Всё падают жемчужины, как ливень, —
Цветник, ты скажешь, ливнем ошастливлен!
Над паланкином множество даров
Образовало золотой покров.
Толпа растет, спеша невесту славить, —
Коню копыто негде здесь поставить!
Здесь искры высекает каждый конь:
Подкова — камень — и рубин — огонь!
Толпа, неся дары, перевалила,
Неисчислимая, за берег Нила.
Там жемчуга, упав, пошли на дно,
Где рыбке раковиной стать дано,
Где крокодилы заблестать могли бы
Серебряною чешуей, как рыбы!
Так шествуя, вступили наконец
Она и он в сияющий дворец.
Превосходивший все престолы мира,
Стоял престол — изденье ювелира.
Не счесть нам, сколько золота пошло,
Его жемчужин каково число!
Вот Зулейха, своей покорна доле,
Как жемчуг, заблестала на престоле.
Но золото — как пламень для нее,
Увы на сердце — камень у нее!
Ее венцом украсили тяжелым,
Чтоб меж венцом сияла и престолом,
Но тяжек был для скорбного чела
Венец, над ней нависший как скала.
Дары, что сыпались из рук придворных,
Казались ей дождем страданий черных.

Не жемчуга, а горький жемчуг слез
Царевне горестный удел принес!
Чье сердце разрывается от боли,
Тот будет горевать и на престоле.
Утешат ли венец, престол и власть
Того, чье сердце победила страсть?
Ужели блеск жемчужин царских нужен
Глазам, познавшим столько слез-жемчужин?

СТАРШИЕ БРАТЯ ЗАВИДУЮТ ЮСУФУ

Художник древний, в руки взяв перо,
Так в этой книге восхвалил добро:
Якубу всё в Юсуфе было любо,
Юсуф завоевал любовь Якуба.
Якубу с ним казался мир светлей,
На прочих не смотрел он сыновей.
Завидовать Юсуфу стали братья:
Мол, в доме не хотим лицепрятья!
В саду Якуба дерево росло.
Оно ему отраду принесло.
Одето в зелень, как отшельник в келье,
Дарило шумом трепетным веселье.
Оно отбрасывало каждый день
Великодушья сладостную тень.
Его листы казались языками,
Молившимися нежными стихами.
Вздымая ветви, осеняло прах,
И ангелы — как птицы на ветвях!
Оно цвело, как Вечный Лотос рая,
Рост сыновей Якуба повторяя,
И столько, сколько было сыновей,
Росло на этом дереве ветвей.
Их совершеннолетье отмечая,
Был радостен Якуб, сынам вручая
Зеленый посох — ветвь, что разрослась,
С цветеньем жизни утверждая связь.
Но для Юсуфа, господом дарован,
Совсем другой был посох уготован.
Нужна ли ветвь древесная росту,
Что райскому причастен цветнику?

Тайком от братьев, он отцу однажды
Сказал: «Тебе хвалу возносит каждый,
Воздай молитвы, жизнь храня мою,
Чтоб вырос посох для меня в раю.
И ныне, и когда я старцем буду,
Пусть помогает посох мне повсюду.
Пусть он мне счастье первородства даст,
Над братьями мне превосходство даст!»
Тогда отец вознес молитву к богу,
Чтоб он Юсуфу оказал подмогу.
Явился вестник с посохом в руке:
Та ветвь росла в небесном цветнике.
Не знала ветвь, что всех ветвей священной,
Пилы страданий, топора мучений.
Она была легка, сильна, тверда,
Не знала грязи красок никогда.
Промолвил: «Посох ты возьми зеленый,
Господней благодатью наделенный».
Когда Юсуф обрел благую трость,
Сердца завистников объяла злость.
Та ветвь казалась им на самом деле
Ста деревянных посохов тяжеле.
В душе, что зависти была полна,
Они взрастили злобы семена.

ЮСУФ ВИДИТ ВЕЩИЙ СОН

Увидел вещий сон Юсуф однажды.
Вот, на глазах отца заснув однажды,
Внезапно в полуночной тишине
Он рассмеялся радостно во сне.
Улыбкой озарились два рубина,
Но был отец встревожен смехом сына.
Когда Юсуф раскрыл нарциссы глаз,
Ликующая радость в них зажглась.
Отец промолвил: «Агнец мой невинный,
Что было смеха твоего причиной?»
Ответил сын: «При солнце и луне
Одиннадцать я видел звезд во сне.
Они почтительно, как пред луною,
Колени преклонили предо мною».

— «Молчи! — отец его прервал. — Смотри,
Об этом никому не говори!
Едва о сне таком узнают братья,
Как станут явью злоба и проклятья.
Они давно полны к тебе вражды,
Расскажешь сон — так жди от них беды.
А толкованье сна для них обидно,
И суть его уж очень очевидна».
Так наставлял Юсуфа, но судьба —
Всесильна, осмотрительность — слаба.
Юсуф не удержался — братья вскоре
Прослышали об этом разговоре. . .
Пойми, что тайна, став известной двум,
Тотчас же превратится в явный шум.
Пускай те двое — две губы всего лишь, —
Ужели тайне выскочить позволишь?
Лишь выскочит она за две губы —
Удары увеличатся судьбы.
Так молвил правдолюбец знаменитый:
«Чтоб не погибнуть, тайну сохрани ты».
Попробуй птицу дикую верни,
Едва лишь вылетит из западни!
Рассказ Юсуфа так расстроил братьев,
Что начали кричать, покой утратив:
«Что у Якуба на уме? Беда:
Не отличает пользы от вреда!
Не знаем, что нам делать с младшим братцем,
Способен стать ребенок тунеядцем.
Чтоб доказать, что он один хорош,
Рассказывает выдумку и ложь.
А старец, веря лживым тем рассказам,
Теряет с ним спокойствие и разум.
Порвал он узы близости, родства,
Попрал он старших сыновей права.
Юсуф, отцом превознесенный старым,
Стал дерзким и заносчивым недаром:
Принудить хочет нас, являя власть,
Пред ним на землю на колени пасть.
Не только мы, но и отец не вправе
Мечту лелеять о подобной славе!
Мы для отца оплот, а не Юсуф!
Мы стражи у ворот, а не Юсуф!

Настанет день — мы пастухи для стада,
Настанет ночь — мы для жилья ограда,
Нагрянет враг — мы ярость, мощь и месть,
Приедет друг — мы свет, радушье, честь.
Всегда с отцом Юсуф хитрил, лукавил,
А тот над нами младшего поставил.
Придумаем давайте что-нибудь,
Чтоб дело в нашу пользу повернуть.
Приязни мы не видели от брата, —
Да разразится грозная расплата.
Поскольку мы ума не лишены,
Найти хороший выход мы должны.
Нам надо бдительными быть, бесспорно,
Чтоб деревом не стало семя терна».
И сели вместе, чтоб держать совет,
Юсуфу причинить желая вред.

БРАТЯ СОВЕТУЮТСЯ О ТОМ, КАК ИМ ПОГУБИТЬ ЮСУФА

Когда для мудреца трудна задача,
Он, чтобы не постигла неудача,
Зовет себе на помощь свежий ум:
Что трудно одному, под силу двум.
Не освещает комнату большую
Одна свеча? Тогда зажги вторую!
Так собрались Якубовы сыны —
Умы, что черной злобой сплочены.
Один сказал: «Он всех обидел кровно, —
Прольем же кровь его: она виновна.
Враг побежден? Его ты не жалей,
Чтоб не погибнуть, кровь его пролей!
Но для убийства путь найдем сокрытый:
Ведь не способен говорить убитый».
Другой сказал: «Пойдем дурным путем,
Когда его, невинного, уьем.
Не лучше ль увезти его подале,
Чтоб здесь его мы больше не видали,
Чтоб, вырван из отцовских слабых рук,
Попал он в край скорбей и горьких мук,
В пустыню, где страданьям нет границы,
Где только волки рыщут и лисицы,

Где слезы будут для него водой,
Лепешка солнца знойного — едой,
Где будет мрак ночной желанной целью,
Колючки — долгожданною постелью.
Тогда наступит гибели черед
И собственную смертью он умрет.
Его мечом коварства обезглавим,
Но кровью брата меч не окровавим».
Промолвил третий: «Кто же нас простит?
И так и этак будет он убит!
Не лучше ли, чтоб меч пронзил однажды,
Чем погибать от голода и жажды?
Умнее было б, если б мы нашли
Колодец темный где-нибудь вдали
И братца сбросили б с вершины чванства
В колодец темный, в узкое пространство.
Как вырваться спесивцу из тенет?
Быть может, мимо караван пройдет.
Ведро опустят люди каравана —
Не воду извлекут, а мальчугана.
Усыновят ли, в рабство ль обратят —
Он больше не вернется к нам назад.
Уйти придется навсегда Юсуфу,
А мы не причиним вреда Юсуфу».
Речь о колодце, действуя, как враг,
Низвергла их самих в бездонный мрак,
Тут были б и веревки бесполезны:
Коварства своего не знали бездны!
Вступили в сговор темные сердца,
Удар готовя, чтоб сразить отца.
Решили, думая об этом деле,
Что завтра же они достигнут цели.

БРАТЯ ПРОСЯТ ОТЦА ОТПУСТИТЬ ЮСУФА С НИМИ В СТЕПЬ

Хвала мужам, что собственное «я»
Отвергли на дорогах бытия
И, сбросив себялюбия оковы,
К любви, к добру избрали путь суровый.

Никто от них не ведает вреда,
И от людей им не грозит вражда.
Приемлют мир, и зло его, и время
И тащат на себе любое бремя
Без злобы, без греха ложатся спать
И мирно просыпаются опять. . .
Завистники Юсуфа по-иному
Проснулись, радуясь решенью злому.
На их устах любовь, а в сердце — яд.
Как волки в шкуре ласковых ягнят,
Пришли к отцу, надев добра личину
И скрыв прихода своего причину.
Почтительно склонились до земли,
О том о сем беседу повели.
Коснувшись нынешнего и былого,
В конце концов свое сказали слово:
«Сидеть нам в доме скучно, молодым.
В степи, на воле, погулять хотим.
И, если дашь согласие, в путь просторный
Мы завтра пустимся, тебе покорны.
Юсуф, достойный счастья и похвал,
По малолетству редко там бывал.
Обрадуй нас, позволь нам с братом младшим
Поехать в степь, — ликуя, мы поскачем.
В твоём покое мальчик день за днем
Скучает о раздолии степном.
Утешимся забавою невинной,
Помчимся то холмами, то равниной,
И станет на душе у нас легко.
То будем пить овечье молоко,
То предадимся играм и весельям,
Ковер из трав и ягод мы расстелем.
С тюльпанов шапки пестрые сорвем,
Тогда Юсуф украсится венком.
Как куропатка, с поднятой полою
Прошествоует он раннею порою.
Помчимся мы среди цветных лугов
То за газелями, то на волков.
Юсуф, быть может, рад забавам будет
И грусть о доме тетки позабудет.
Сто самых важных предложи вещей —
Забава для детей всего важней»,

Когда такая просьба зазвучала,
Ей воспротивился Якуб сначала:
«С Юсуфом я разлуки не хочу —
Я горести и муки не хочу!
Беспечен мальчуган, а в малолетстве
Беспечность есть причина всяких бедствий,
В степной глуши звериный страшен рык,
Там волк на мальчика наточит клык.
Клыком он в тело нежное вонзится
И душу разорвет мою, убийца!»
Но хитрецы, не ведая стыда,
Нашли уловку новую тогда:
«Отец, ужель такие мы растяпы,
Что отдадим Юсуфа зверю в лапы?
Что волк? И лев, почуяв нашу длань,
Внезапно станет робким, точно лань!»
Якуб, когда их слушал, не был зорок,
И не нашел он больше отговорок.
Позволил в степь Юсуфа отвезти —
Он сам для горя проторил пути.

БРАТЯ УВОЗЯТ ЮСУФА И БРОСАЮТ ЕГО В КОЛОДЕЦ

Увы, в колодец ночи свод небесный
Ниспровергает свет луны прелестный,
Он в когти волка отдает газель,
Что на лугах души паслась досель.
Вскричал он: «Звери агнца утащили!» —
Когда Юсуфа тем волкам вручили.
Покуда были на глазах отца,
Они ласкали брата без конца,
Один сажал его себе на плечи,
Другой дарил улыбку, сладость речи.
Но только в степь вступила их нога —
Их руки превратились в длань врага.
Он сразу сброшен был с плеча с размаха
Среди колючек, и камней, и праха.
Он шел босой, в степи незванный гость,
В ступню вонзался каждый шип, как гвоздь.
Ступал он по колючкам без сандалий,
Ступни от крови розовыми стали:

Ступни, что розовых цветов нежней,
Узнали злость колючек и камней.
Он ослабел, в песок свалился колкий,
Но лапами его избили волки.
Да отсечет возмездья правый меч
Те руки, что хотят луну рассечь!
Пойдет вперед с покорностью во взгляде —
Пощечину ему наносят сзади.
Догонит их, обидой потрясен, —
Удары сыплются со всех сторон.
Да побредут, как нищие скитальцы,
Да будут в их руках одни лишь пальцы!
К кому бы он к подолу ни приник —
Страдальцу разрывали воротник.
Кому бы под ноги ни падал с плачем —
Его пинали все, смеясь над младшим.
К кому ни обращался он с мольбой —
Ругательски ругал его любой.
Душа его от боли истомилась,
Он понял: не придет от братьев милость.
Заплакал, обагряя кровью прах,
Излил свою тоску в таких словах:
«Где ты, отец? Ты помнишь ли о сыне?
Ты видишь этих отпрысков рабыни?
Они попрали разум и закон,
Который богом предопределен.
Смотри же, что творят с твоей отрадой,
Какой благодарят тебя наградой!
Взрастил ты розу в цветнике души,
Добром ты окропил ее в тиши,
Но высохла она, лишившись блага.
Где цвет ее? Где сладостная влага?
В чертоге жизни для любви и нег
Взрастил ты сада райского побег,
Но, сломлен угнетения буряном,
Он побежден шипами и бурьяном.
Тот месяц, что светил тебе в ночи,
Даруя полнолуния лучи,
Теперь лежит в пыли среди колючек
И, жалкий, просит света слабый лучик».
Тропа всё дальше, дальше в степь вела.
Он жаждал блага, а злодеи — зла.

Он мягок, а насильники жестоки,
Он ласков, а они — свирепооки.
К колодцу их привел пустынный путь.
Присели, пожелав передохнуть.
В колодце темном дна не видно было,
Он тесен был, как грешника могила.
Его отверстье — как драконья пасть:
То смерти пасть, в нее страшишь попасть!
Его нутро — как сердце лиходея:
Вместилище обид, обитель змея!
Окружность — горести людской равна,
Глубокой мысли глубже глубина.
Там грязь и тина, воздух там зловонный,
Источник — ржавый, гнилостный, соленый.
Живой, дыша зловоньем, погибал,
Там смрадом всех валило наповал.
Когда колодец выбрали для мести,
Чтоб светоч был погашен в мрачном месте,
Кричать и плакать отрок стал опять
И, жалуясь, жестоких упрекать.
Скала и та бы стала мягче воска,
Когда б могла услышать плач подростка!
Но их, что были жестче всех камней,
Он только распалил еще сильней.
Что я скажу об этом страшном деле?
Слова в моей груди окаменели!
Те руки, что, притронуясь к ним атлас,
Наверно б, оцарапались тотчас,
Из козьей, грубой шерсти вервь связала,
Ворсинка каждая была как жало.
Веревкой обвязали ворсяной
И тонкий стан, сверкавший белизной.
Рубашку у него сорвали с тела,
Что, как цветок, раскрывшись, заблестело,
А сами, вплоть до Страшного суда,
Оделись в ткань позора и стыда.
Его в колодец бросили в пустыне,
Веревку отпустили в середине,
И он упал; свой совершив заход,
Так солнце падает в пучину вод.
Там выступ над водою пригодился,
Юсуф за этот выступ ухватился.

Какое счастье камень сей обрел:
Смотри, он для жемчужины — престол!
От сладких уст его, дарящих радость,
Соленая вода познала сладость.
Он озарил колодца мрак ночной —
Так ночи озаряются луной.
Кудрей душистых амброю отрадной
Развеял он в колодце запах смрадный.
Он излучал такую благодать,
Что гады в страхе стали уползать.
А в амулете у него хранима
Была рубашка деда Ибрагима:
Для Ибрагима садом стал костер,
Когда Ризван ее над ним простер.
Слетел на землю Джабраил из рая,
Тот амулет он разорвал, сияя,
Рубашку быстро из него извлек,
Надел ее на отрока, изрек:
«О ты, страдалец, чья тяжка дорога!
К тебе с известьем прибыл я от бога:
Настанет день, повергну их в беду,
Сих грешников к тебе я приведу.
Несчастнее, чем ты теперь, смятенно
Перед тобою преклонят колена.
Припомнишь их насилье, зло и ложь,
Но братьям ты себя не назовешь.
Тебе-то будет сущность их понятна,
За этот грех воздастся им стократно».
Юсуфа голос вещий окрылил,
Несчастливого утешил Джабраил.
Стал для Юсуфа тронем этот выступ:
Воссел, как шах, чья рать пошла на приступ!
Страдальцу речь господнего посла
Покой и облегченье принесла.

ЛЮДИ КАРАВАНА ВЫТАСКИВАЮТ ЮСУФА ИЗ КОЛОДЦА

Прекрасен караван, что жаждет блага.
Пред караванщиком да блещет влага:
Он из колодца вытащит ведро —
И светоча обрящет он добро!

Три дня в колодце, как луна Нахшаба,
Тот светоч пробыл, чтоб смутить араба.
Настал четвертый день — и, как Юсуф,
Зажглась заря, на древний мир взглянув.
Вступили в степь верблюды каравана,
Который шел в Египет из Мадьяна.
Проделал караван тяжелый путь,
Остановился, чтобы отдохнуть.
Коль проводник — Юсуф, блажен заблудший:
В степи он выбрал жребий наилучший!
Увидели, куда ведут следы,
Пошли к колодцу, чтоб набрать воды,
Один счастливец подошел сначала:
Ужель вода живая там журчала?
Он опустил ведро, как Хызр могуч, —
Проник во мрак, ты скажешь, первый луч!
«Вставай, — Юсуф услышал Джабраила, —
Чтоб жаждущих блаженство напоило!
Встань из воды, как солнце, дня исток,
И с запада отправься на восток.
Ты преврати колодец в свод небесный,
А свод небесный — в занавес чудесный.
Ты с миром поделись одним лучом,
Вновь землю озари своим лицом».
Тут с выступа Юсуф к ведру пригнулся,
В него вскочив, как водомет взметнулся!
Вытаскивать ведро стал муж седой,
Он знал, он помнил вес ведра с водой,
И так промолвил: «Нечто здесь другое,
А не вода: ведро тяжеле втрое».
«О, радостная весть!» — издал он крик,
Когда тот месяц из воды возник.
Да, месяц к ним явился из колодца,
И свет его на мирозданье льется.
Да, сладость жизни принесла сюда
Из горького источника вода,
Среди песков цветок расцвел неожиданно.
Но скрыл его сей муж от каравана.
Юсуфа в свой шатер привел тайком,
Велел рабам заботиться о нем,
И вправду, собственного блага ради,
Пусть нашедший клад молчит о кладе! . .

А братья, эта злобная родня,
Сидели там вблизи четыре дня.
Сидели, ждали с видом вороватым:
Что ж наконец случится с младшим братом?
Увидев караван, толпу людей,
Пришли к колодцу с жаждою вестей.
Юсуфа стали звать, крича над ямой, —
Лишь эха слышен был ответ упрямый.
Тогда к шатрам пустились наугад,
Чтоб возвратить пропавшего назад.
И после долгих поисков, стараний
Они нашли Юсуфа в караване.
Его схватили, крикнув: «Он — наш раб!
Служа, он был и нерадив, и слаб.
В стремленье к бегству проявив упорство,
Он вынул шею из ярма покорства.
Не лучше ли продать его сейчас,
Хотя он в доме был рожден у нас?
Дурной слуга, познав неволю снова,
Готов плохое сделать из благого.
Его мы за бесценок продадим,
Расстанемся с невольником дурным.
Не будем с ним возиться мы впустую,
А продадим за цену небольшую».
Тот, кто из ямы пленника извлек,
Вручил злодеям тощий кошелек.
Маликом звался он. Был куплен пленник
За маленькую горстку медных денег.
С невольником прекрасным караван
Отправился в державу египтян. . .
Преступен тот, кто, полон мыслей злобных,
В неволю продает себе подобных!
А этот раб — самой души ценней,
Всей подати Египта он важней!
Но эту цену лишь Якуб предложит,
Лишь Зулейха купить Юсуфа может,
А счастья, совести своей ларец
За два дирхема отдает глупец.

МАЛИК ПРИВОЗИТ ЮСУФА В ЕГИПЕТ

Так действовал Малик, усердья полон:
Сокровище задаром приобрел он!
Ногами не касался он земли:
Ведь руки драгоценность обрели!
То был венец стремлений и желаний,
И всюду говорили египтяне:
«Из странствий возвращается Малик
С рабом-евреем: он к нему привык».
Тогда тот месяц, что горит над садом,
Где красота цветет с блаженством рядом
(Зови Египет садом красоты:
Что в мире краше, чем его цветы?
Пред розами Египта роза рая
И та поникнет, от стыда сгорая!), —
Сказал азизу фараон: «Азиз,
Ты встретишь караван поторопись.
Взгляни, каков красавец с лунным ликом,
И приведи его сюда с Маликом».
Помчался, каравана он достиг —
И счастья свет увидел в этот миг.
Азиз, взглянув на райский цвет весенний,
Упал пред ним невольно на колени.
Но поднял голову его Юсуф,
Сказал, очами юными сверкнув:
«Ты никому не кланяйся, помимо
Того, кем создан, кем душа хранима».
С Маликом в торг вступил азиз: купец
Пусть приведет Юсуфа во дворец.
Но тот ответил: «Я царю послушен,
Но будь, о господин, великодушен.
На этот раз ты слуг своих прости,
Еще не отдохнули мы с пути.
Здесь несколько ночей и дней пробудем:
Еда, покой и сон потребны людям.
Когда с себя мы смоем пыль и грязь,
Придем к царю, от света не таясь».
Азиз внимал Малику благосклонно,
Вернулся он в чертоги фараона.
Поведал, как Юсуф красив, умен, —
Был возбужден рассказом фараон.

Собрать велел он сотни чернооких,
Красавцев сильных, стройных и высоких,
Пленительных, цветущих, молодых,
И в шапках, и в кафтанах золотых,
В богатых поясах вокруг станов гибких, —
Да будет сахар в сладостных улыбках,
Да расцветут в египетском саду
Те розы у вселенной на виду!
Мол, выведут на тот базар Юсуфа
И всем предложат как товар Юсуфа, —
Так надобно, ему в противовес,
Всех выставить, как чудо из чудес.
Пусть солнце против них зажжется даже —
Он будет обесценен в день продажи.

ЮСУФ КУПАЕТСЯ В НИЛЕ

Прошло четыре дня. Юсуф-восход
Зажег свой лик над берегом нильских вод.
Малик сказал Юсуфу: «Как светило,
Приди, пленительный, на берег Нила,
Омой себя от пыли, чтобы Нил,
Как драгоценность, пыль твою хранил».
Юсуф, послушный голосу Малика,
Пошел к реке, сияя солнцелико.
Он сбросил плащ на берегу крутом,
Прикрыл жасмин лиловым лоскутом,
Снял головной убор златоузорный —
Кудрей освободился ворон черный,
И так рубашку он с себя совлек:
Карман — на запад, полу — на восток.
Он мир очаровал лицом и станом,
Казался он серебряным платаном.
Лиловый небосвод провозгласил:
«Он красотой своей украсил Нил!
О, будь я Нилом — красотой волнуем,
К его ногам припал бы с поцелуем!»
Пред ним готово было солнце пасть,
Низвергнуть в Нил пылающую страсть,
Но, будучи Юсуфа недостойно,
От Нила удалилось беспокойно.

Приблизившись к воде, нежней луны
Коснулся он играющей волны.
Теперь, водою окружен речною,
Он лилией казался водяною!
Душа, казалось, в плоть воды вошла —
Так нагота была его светла!
Своих кудрей цепочки он расправил,
Но рябь, как цепи, на воде оставил,
И вот — попасть в силки его кудрей
Стремилось всё живое поскорей!
То воду на голову из ладоней
Он лил, дыша всё глубже, учащенной.
То гладил щек румяных лепестки,
То гладил гиацинтов завитки.
Омыв себя от грязи и от пыли,
Восстал он, словно кипарис, на Ниле.
Рубашку он надел: то белый цвет,
Казалось, белым серебром одет!
Он золотом парчи украсил тело,
А золото рисунками блестело,
На голову надел златой венец,
Поправил волосы — соблазн сердец,
Обдав Египет благовоньем масел,
Свой стан блестящим поясом украсил.
Красавца посадили в паланкин.
Ждал юношу Египта властелин.
Престол воздвигли пред дворцом, на воле,
И восседал властитель на престоле.
Красавицы, дыханье затаив,
Томились: вправду ли Юсуф красив?
Вот опустили паланкин пред троном,
Пред миром, к паланкину устремленным!
Случилось так, что пасмурен был день,
На солнце темных туч упала тень.
Малик сказал: «Сняющий невинно,
О, выходи, Юсуф, из паланкина!
Ты — солнце, так сними с лица покров
И стань истоком света для миров!»
Когда Юсуф восстал из паланкина,
То сразу озарилась вся долина.
Решили люди: тучам вопреки,
То солнце вознеслось из-за реки,

Но поняли, что солнце скрылось где-то,
А это он, Юсуф, источник света!
В ладоши стали хлопать все вокруг,
Возликовали египтяне вдруг:
«Какой светильник светит благодатно!
Он ярче солнца и луны стократно!»
Замолкли, головы к земле пригнув,
Красавицы: ведь их затмил Юсуф.
И вправду: если солнце разгорится,
То звездам остается только скрыться!

ЗУЛЕЙХА НА ПЛОЩАДИ ПЕРЕД ДВОРЦОМ ФАРАОНА УЗНАЕТ ЮСУФА

Увы, изныла Зулейха в тоске,
Не зная, что Юсуф — недалеко.
Но чуяла уже душа, пылая,
Что приближается любовь живая.
Не ведая, откуда сей восторг,
Вступила с жаркой страстью в хитрый торг:
На время в степь отправиться решила,
От страсти там избавиться решила.
Но через несколько тревожных дней
Ей стало там, в степи, еще трудней.
Не помогли ни игры, ни забавы,
Не молк ее любви язык кровавый.
Вот, заглушив его, в тоске немой,
Вновь пожелала двинуться домой.
Направилась в столицу в паланкине,
С ней были верховые и рабыни.
На площади у царского дворца
Толпе не видно края и конца.
Спросила: «Отчего людей скопленье?
Иль скоро будет светопреставленье?»
— «Вот юноша, — сказали ей в ответ, —
Явивший нам благословенный свет.
Из Ханаана этот солнцеликий,
Не раб, а в царстве счастья царь великий».
Взметнула покрывало Зулейха —
И юношу узнала Зулейха!
Исторгла крик блаженства и страданья,
Упала на подушку без сознанья.

Рабы, служанки госпожи больной,
В тревоге понесли ее домой.
В своих покоях Зулейха очнулась,
В сознание из небытия вернулась.
Спросила мамка: «Видела ты сон?
Скажи мне, отчего твой крик и стон?
Из-за чего сознания ты лишилась?
Моя отрада, что с тобой случилось?»
Ответила: «Что мне сказать, о мать?
Скажу, но буду я потом страдать!
Ты видела, каков невольник юный?
Как над толпою лик светился лунный?
О нем, о нем мечтала я в тиши,
Он мой жених, он свет моей души.
Он мне явился в странном сновиденье,
Он — мой восторг, и боль, и наважденье.
Огонь, и страсть, и горе — от него.
Тоска во влажном взоре — от него.
Из-за него, в безумии пылая,
Своим жильем Египет избрала я.
Из-за него, от родины вдали,
Страдаю посреди чужой земли.
Всё то, что я познала в эти годы,
Все тяготы мои, мои невзгоды,
Всё то, что в сердце живо и мертво, —
Увы, из-за него, из-за него!
Какое бремя мне дано сегодня!
Не знаю, что мне суждено сегодня!
Когда мой светоч, счастье всех сердец,
Сегодня царский восхитит дворец, —
Чьи очи озарит сияньем ярким?
Чье сердце оживит дыханьем жарким?
Чье ложе превратит в цветущий сад?
Чьи губы сока сладкого вкусят?
Кто мускусных кудрей завьет арканы?
Кто кипарис обнимет тонкостанный?
Кто прах у ног его, служа ему,
Для глаз своих преобразит в сурьму?
С ним счастлива я буду иль не буду?
Я буду с ним повсюду иль не буду?»
Кормилица, волнуясь и крича,
Пылать и плакать стала, как свеча:

«Увы, теперь твой жребий стал жесточе!
Ты днем должна скрывать страданья ночи!
Теперь терпенье надобно тебе —
Иного света нет в твоей судьбе.
Терпи, — быть может, день настанет лучший,
Проглянет солнце из-за черной тучи».

**МАЛИК ВЫВОДИТ ЮСУФА НА БАЗАР,
И ЗУЛЕЙХА ПОКУПАЕТ ЮСУФА**

Какое счастье наступает вдруг,
Когда встречает друга верный друг:
Любви повсюду вспыхивают свечи,
Разлуку побеждает солнце встречи!
Юсуф поверг в смятенье весь базар,
К нему приценивались млад и стар,
Приценивались знатный и богатый,
Меж тем во все концы кричал глашатай:
«Кто купит несравненного раба?
Он светел, как счастливая судьба!
Его уста — рубины красноречья,
Прекрасны руки, плечи и предплечья.
Его уста — рассветная заря,
Они гласят, лишь правду говоря.
Он полон благородства и величья,
В его реченьях нет косноязычья!»
Тут некто взоры всей толпы привлек:
Свой золотой он поднял кошелек.
А денег много ли? Скажу я смело:
В нем больше тысячи монет звенело!
За ним примчалось много седоков,
У каждого — по сотне кошельков.
Ценитель некий стоимость набавил:
На вес Юсуфа мускус предоставил.
Тут предложил сокровища камней
На вес Юсуфа новый богатей.
Один богач другому шел на смену,
Они всё время набавляли цену,
Но Зулейха всем нанесла удар,
Когда прослышала про тот базар:
Так сильно поразились египтяне,
Что языки прилипли к их гортани!

Сказала: «Благомыслящий азиз!
Ступай к Малику и с рабом вернись».
Тот возразил: «Но все мои именья,
И золото, и мускус, и каменья
Не стоят половины той цены!
Нам не купить Юсуфа: мы бедны».
Был у красавицы ларец старинный.
Как сонмы звезд, сверкали в нем рубины.
Была любой жемчужины цена
Всей подати египетской равна.
«Возьми, — сказала. — Он, как свет, мне нужен.
Купи его — и не жалей жемчужин».
Но вновь азиз не принял слов жены:
«Его купить желает царь страны,
Чтоб юноша, блестя красой живою,
Стал всех его невольников главою».
Сказала: «Сделай так, как говорю.
Ступай с поклоном к своему царю.
Потом скажи: „Как нужен мне наследник,
Помощник, добрый друг и собеседник!
Пойми, о царь, тоску моей души,
Того раба купить мне разреши.
Да светит мне звездою дорогою,
Мне сыном будет, а тебе — слугою“».
И царь, услышав просьбу о рабе,
Внял мудрого правителя мольбе.
Он тут же разрешил купить Юсуфа,
Благословить, усыновить Юсуфа.
Азиз привел невольника домой —
И обрела жена его покой.
Смотрела на раба из Ханаана,
Роняя слезы счастья непрерывно:
«О боже, наяву или во сне
Явился мой возлюбленный ко мне?
Об этом светлом дне во мгле полночной
Мечтала я мечтою непорочной.
Нет больше ночи: утра бирюза,
Сияя счастьем, светит мне в глаза!
С возлюбленным я встретилась, и вправе
Гордиться я, причастна высшей славе.
Кто в сей обители скорбей и зол,
Как я, увянул и, как я, расцвел?»

Как рыбка, выплеснутая волною,
Я билась на песке, подвластном зною, —
Вдруг хлынул милосердия поток
И в море невредимую увлек.
Во мраке заблудилась я, — хотела
Уже моя душа покинуть тело,
Вдруг вспыхнул месяц, стала ночь светла,
И путь я к дому своему нашла.
Я отходила на постели смерти,
В глаза мои глаза глядели смерти,
Вдруг в дверь вошел неслышно Хызр святой
И стал меня лечить живой водой.
Теперь судьбы развеялось ненастье,
Теперь сопутствовать мне будет счастье.
Благословим того, кто на базар
Из дальних стран привез такой товар!
Разбила я ларец, — в ларце ли дело?
Я россыпью камней овладела!
Душа дороже злата и камней:
Для друга ничего не пожалей.
Не чудо ль это? Отдала я камни —
Купила душу, что давно нужна мне!
Получит разве пользу и доход
Тот, кто Ису за камни продает?
А мне-то прибыль: камни я вручила,
Зато Ису взамен я получила».
Сквозь сито разуменья и стиха
Просеивала мысли Зулейха.
То на Юсуфа, не нуждаясь в речи,
Она смотрела, счастлива от встречи,
То, боль разлуки вспоминая вдруг,
В свиданье с ним лечила свой недуг.

В ЮСУФА ВЛЮБЛЯЕТСЯ ДЕВУШКА ИЗ ПЛЕМЕНИ АД

Не только взглядом, прелестью живою —
Любовь порой рождается молвою.
Чудесный образ, плоть его и дух
К нам в сердце проникает через слух.
Всегда — вчера ли, завтра ли, сегодня —
О красоте рассказывает сводня,

И, лицезренье заменив, рассказ
Любить заочно заставляет нас.
В Египте девушка жила в то время,
Что возглавляла Ад — большое племя.
Уста — ларец, а зубы — жемчуга,
Улыбки сладость людям дорога.
Улыбки сахар был настолько сладок,
Что на тростник цена пришла в упадок.
Познал тростник завистника удел,
От зависти и сахар побелел,
А леденца стекляшка в миг единый
Разбилась, губ ее узрев рубины.
Весь мир, казалось, ранен был насквозь, —
Всем солоно от сахара пришлось!
Она сияла для царей звездой,
Красавицы пылали к ней враждою,
Но, равного себе не находя,
Владыку отвергала и вождя.
Сильна, знатна, богата без предела,
Ни на кого гордячка не смотрела.
Но о Юсуфе к ней дошел рассказ,
И в ней любовь проснулась в первый раз.
И с каждым новым слухом, вестью новой
Любовь росла в ее душе суровой.
С ним встречи пожелала. Назовем
Молву любую — зрения зерном.
Узнав, что высока цена Юсуфа,
Богатству предпочла она Юсуфа.
Парчою, амброй, златом, серебром,
И жемчугами, и другим добром,
Достойным и пригодным для уплаты,
Наполнила свой караван богатый.
Отправилась, в столицу поспешив,
Казнохранилище опустошив.
Узнала удивленная столица,
Что прибыла могучая царица:
«Ей на Юсуфа хочется взглянуть,
Из-за него она пустилась в путь!»
Узнав Юсуфа местопребыванье,
Пришла к нему, а в сердце — ликование.
Увидела: затмил он речь и слух,
Красив, как сказка, чист, как светлый дух.

Ужель он создан из воды и глины?
Пред ним рабами были властелины!
Она лишилась памяти сперва, —
Ты скажешь: собственного естества,
Потом пришла в себя от наслажденья,
Пришло для сердца время пробужденья.
Она его спросила, трепеща,
В шкатулке тайн жемчужины ища:
«О, кто ты, ставший красоты основой?
Кто сотворил твой образ вечно новый?
Кто сделал, чтоб сверкал ты, как восток?
Кем сорван, как на ниве колосок?
Где вылеплен твой облик светоносный?
Взлелеяли тебя какие весны?
Кто своды начертал твоих бровей?
Кто кольца закрутил твоих кудрей?
Кто стройный кипарис одел листвою?
Кто влагой напоил тебя живою?
Кто дал твоим глазам чудесный жар?
Кто дал твоим устам словесный дар?
Твои черты — какой судьбы скрижали?
А кудри чьими письменами стали?
Кто разбудил, какие голоса
От сна небытия твои глаза?
Кто твой ларец, что блещет жемчугами,
Замком-рубином запер перед нами?
Кто так украсил подбородок твой,
Что налил в ямочку воды живой?
Кто над губою родинку поставил —
Кто ворона в цветущий сад направил?»
Юсуф, услышав эту речь, в ответ
Из родника души явил ей свет:
«Я создан богом среди других созданий,
Я — капелька в господнем океане.
Всё небо — только след его пера,
Весь мир — цветок в саду его добра,
Нет, пузырек в его извечном море,
А солнце — блеск в его всезрячем взоре.
Он красоты исток и существо.
Он явен всем, сокрытый от всего.
Он отражен, исполненный блистанья,
Как в зеркалах, в частицах мирозданья.

Всё, что красиво, что влечет сердца,
Есть отраженье божьего лица.
Но красоту ищи не в отраженье —
В первоисточнике ее свечение.
Первоисточник — светоч наших глаз,
А в отраженье света нет для нас!
Не вечно розы яркое убранство,
Не знает отраженье постоянства,
А то, что вечностью озарено, —
В первоисточнике заключено.
Ты к отраженью не стремись напрасно, —
Исчезнет всё, чего ты жаждешь страстно».
Она была красива и мудра —
Юсуф открыл ей тайнства добра.
Сказала: «Тайн творца не понимая,
Влюбилась я в тебя, молве внимая.
Мечтала я перед тобою пасть,
Я превратилась в огненную страсть.
Увидела тебя — и захотела
Тебе и душу я отдать, и тело.
Но тайнств жемчуга ты просверлил,
Назвал первоисточник светлых сил —
Я высшей истины узнала счастье,
Я отвернулась от греховной страсти.
С желанья моего ты снял покров,
В частице ты открыл мне суть миров.
Любви к тебе постигла я дерзанье:
То призрак, видимость, иносказанье!
Явили истину слова твои,
Я ухожу от призрачной любви.
Да будешь взыскан господом премного
За то, что ты открыл мне тайну бога.
Любви плотской ты показал мне суть,
К любви благой ты указал мне путь!»
Простясь, ушла без прибыли царица,
Зато ушла от гибели царица!
Вернувшись, чистым предана делам,
На нильском берегу воздвигла храм.
С дворцом рассталась — с призрачным жилищем,
Сестрою стала всем голодным, нищим,
Исчезли и поместья, и казна,
Ей корка хлеба сделалась нужна.

Блистательный престол, венец державы
Теперь ей заменил платок дырявый.
Забыла о тюрбане голова:
Теперь в какой-то рвани голова!
Где шелк, исполненный великолепия?
Теперь на ней лохмотья и отрепья,
И четками, изделием гончара,
Браслет сменила, что сверкал вчера.
Она искала в мире только бога,
И только в храм вела ее дорога.
Зола из бани — вот ее постель,
А горностаевой была досель!
С ней бедные, бездомные дружили,
И камни изголовьем ей служили.
Пока была жива, душа светла,
Она все годы в храме провела.
Свою кончину встретила спокойно,
Жизнь отдала, как храбрый муж, достойно.
Не думай, что напрасно жизнь прошла:
У ней, святой, прекрасно жизнь прошла!
Учись, о сердце, горевать о благе,
Учись у этой женщины отваге. . .
Ты весел? Будь печален каждый день!
Ты в пышном платье? Траур ты надень!
Зачем ты красоты взыскуешь здешней?
Желая внутренней, забудь о внешней.
А внешняя проходит каждый миг.
Ее непостоянство ты постиг?
Зачем ты топчешь камни сей юдоли?
Порхать по веткам будешь ты доколе?
В небытии найди ты бытие,
В чертоге смысла свей гнездо свое.
Ведь смысл — один, а воплощений — бездна,
Любить их вместо смысла бесполезно.

ЗУЛЕЙХА УГОЖДАЕТ ЮСУФУ

Попало счастье Зулейхе в капкан,
Явило имени ее чекан.
Весь мир забыв и все его светила,
Она Юсуфу одному служила.

Она его одела в шелк и в мех, —
Красивей всех, он стал нарядней всех.
Велела сделать пояса из злата,
Венцы украсить жемчугом богато:
Всего их было триста шестьдесят,
Как дней в году, — пусть радостно блещут!
Им восхищалась Зулейха душевно,
Менял он шесть халатов ежедневно,
Едва востока вспыхивал дворец,
Он утром новый надевал венец.
Восток погаснет, в синем небе кроясь, —
Ему на новый лад повяжут пояс.
Та пальма, чья щедра густая сень, —
Юсуф менял рубашки каждый день.
Тот кипарис, чью прелесть славил каждый,
Одним венцом не украшался дважды.
Одним и тем же поясом свой стан
Два раза не повязывал платан.
Венцом его венчая, в то же время
Она Юсуфа целовала в темя,
Твердя: «Когда твоих коснусь я ног,
Тогда небесный обрету чертог!»
Рубашку на Юсуфа надевая,
Твердила: «Кто я? Ниточка живая!
Чтоб к милому прильнуть, рубашки нить
Готова я собою заменить!»
Когда в кабу Юсуфа облачала,
К его кабе реченья обращала:
«Хочу, как ты, его коснуться плеч,
Его в свои объятия привлечь!»
Едва лишь поясок на нем повяжет,
Тотчас такое пожеланье скажет:
«О боже, если б вместо пояска
Юсуфа обняла моя рука!»
Юсуфа кудри мягкие причешет,
Тем самым сердце бедное утешит:
Как дичи, ей хотелось поскорей
Попасть в тенета мускусных кудрей.
А всяких яств обилие какое
Хранилось для него в ее покое!
Узорам разноцветных скатертей
Там становилось тесно от сластей!

Миндаль и сахар за халвою следом
Он радостно вкушал перед обедом,
Затем — плоды, они вкусней всего:
Как подбородка яблоко его!
Скажи: он угощался не кебабом,
А сердцем Зулейхи, больным и слабым!
Казалось ей: варений вкус и цвет —
Рубины губ, которым равных нет.
К нему со сладким подходя шербетом,
Сама, как сахар, таяла при этом.
Казалась ей всевластной, как судьба,
Любая прихоть юного раба.
Когда, дневным волнением утомленный,
Он спать ложился ночью благовонной,
Она стелила для него в ночи
Ковер богатый, ложе из парчи.
А коврик у него под головою
Был как тюльпан под розою живою!
Рассказывала на ночь каждый раз
То притчу мудрую, то чудный сказ,
Так засыпал он с чистою душою, —
Она пылала вместе со свечою!
Ее глаза — две лани — до утра
Всю ночь паслись на зелени ковра.
То глаз его нарциссами пленялась,
То над устами-розами склонялась,
То, чувствуя, что сок такой пьянит,
Резвилась в цветнике его ланит,
То в умиление радовалась кротко,
На яблоко взирая подбородка,
То сыпала кудрям хвалу из уст:
«Вы, что венчаете блаженства куст!
Я плачу из-за вас: черны, как дивы,
Зачем с Юсуфом, с пери, спать должны вы?»
Так по ночам, что были точно смоль
Его кудрей, ее терзала боль.
Одно занятие ночью, днем — другое,
Красавица забыла о покое.
Страдала, мучилась, как госпожа,
И утешалась, юноше служа.
Воистину: кто у любви в неволе,
Тот радуется этой рабской доле,

Тот у любви стремится на пути
Ресницами весь мусор подмести
И каждое исполнить повеленье,
Чтоб заслужить любви благоволение.

**ЮСУФ РАССКАЗЫВАЕТ
О ПЕРЕНЕСЕННЫХ ИМ СТРАДАНИЯХ**

Повествователь честно, без прикрас,
Так изложил прелестный сей рассказ.
Однажды Зулейха затосковала,
Когда еще Юсуфа не знавала.
Изнемогали и душа, и плоть,
Бессильны это горе побороть.
Ни днем, ни ночью, ни в гостях, ни дома
Не проходила горькая истома.
В тоске, в слезах, уныла и тиха,
По комнатам металась Зулейха.
Сказала мамка: «Ты, кому подножьем —
Луна, кого, как солнце, славить можем, —
Да от судьбы не обретешь обид,
Да небо зла тебе не причинит!
Не знаю, что с тобой случилось ныне,
Но вижу, что твоя душа в унынье.
Ты — как листок, что бурей гоним.
О, кто, скажи, не сжалится над ним?
То с той, то с этой стороны ложится,
Как будто вечно хочет он кружиться.
Он то назад стремится, то вперед,
Нигде себе покоя не найдет.
Скажи мне, где твоей тоски основа?
В чем горе сердца твоего больного?»
Ответила: «Сама себе дивлюсь,
Сама я собственной судьбе дивлюсь.
Душа скорбит, но отчего — не знаю,
Грущу я, но из-за кого — не знаю.
Меня уносит дней круговорот,
И тайная тоска меня гнетет.
Я — праха неподвижного частица,
Но заставляет вихрь меня кружиться,
Частицы неподвижно существо,
Но вихря-то кружение каково!»

Промчались дни — кому забыть дано их?
Стал жить Юсуф у Зулейхи в покоех.
Однажды он в ночной поведал час
О прежних горестях своих рассказ:
Раскрыл уста — за словом слово льется
О том, как был он брошен в пасть колодца.
Услышав о колодце, о песке,
Как вервь, скрутилась Зулейха в тоске.
Подумала: не в тот ли день ужасный
Она от скорби мучилась неясной?
Неделям, дням подсчет произвела —
В уверенность догадка перешла!
...Сердца, что незнакомы с темной злобой,
Друг с другом связью связаны особой,
А тех сердец еще сильнее связь,
Что любят, и тоскуя и томясь.
У любящего сердца — взор провидца:
Ничто не может от него сокрыться!
Есть у любимого к любимой путь:
От сердца к сердцу есть незримый путь.
Возлюбленному шип вонзится в ногу —
Любимая почувствует тревогу.
На кудри друга вихрь подует вдруг —
В смятении начнет метаться друг;
А если пыль его щеку покроет —
Ее спина под тяжестью занает.
Я слышал: чтобы кровь пустить Лайли,
Врачи укол однажды нанесли,
И в тот же миг, по слову очевидца,
Кровь из руки Маджнуна стала литься!
Джами, всю бренность бытия пойми
Уйди от помыслов своих, Джами!
Иль от тебя — твой стыд, твое величие?
Иль от тебя — твой взор, твое обличье?
Отвергни страсть, приязнь, вражду, корысть,
Своих деяний зеркало очисти.
Бывает: как Муса, бросает слева
Тебе свой луч таинственная дева, —
И прозревает сердце, возлюбля,
Чтоб тайна стала явной для тебя.

ЮСУФА ПО ЕГО ПРОСЬБЕ ДЕЛАЮТ ПАСТУХОМ

Блаженно сердце истинно влюбленной,
Свиданием с любимым просветленной.
Какое счастье — другу стать слугой,
Не помышляя о судьбе другой!
Есть в этом униженье — возвышенье,
Есть радость в этом жертвоприношенье:
Да, радость — жертвою кровавой стать,
Любимому даруя благодать!
Прикажут встать — к ногам падешь тотчас же,
И этим рабством ты гордишься даже!
Прогонят — не уйдешь, а будешь ждать,
Пока тебя не позовут опять.
Чтоб возглавлять общину без упрека,
Быть пастырем — обязанность пророка.
Юсуф просил: «Хочу быть пастухом».
Услышав о желании таком,
Явила Зулейха Юсуфу милость,
Исполнить эту просьбу согласилась.
Сказала мастерам свои слова:
Пускай пращу сработают сперва.
Затем, душистую и золотую,
Веревку свили для него тугую,
И жаждала, мечтала Зулейха
Стать волоском в веревке пастуха:
«Тогда я, снова с ним познав разлуку,
Его порою поцелую в руку».
Но думала и так в своей тоске:
«Ведь будет тяжело его руке!»
Украсила веревку бирюзью:
Как бы ресницу — собственной слезою.
Уронит вдруг рубин с веревки той —
Он для нее что камешек простой!
Затем, вручив Юсуфу всё, что надо,
В горах, в степях пасти велела стадо.
Велела выбрать редкостных овец:
Породы всей овечьей образец!
Они — как серны, что паслись в Хотане
И не слышали волчьих завываний.
Как кудри негра, шерсть на них вилась,

Затмив окраской бархат и атлас,
И каждой из овец, красивой, тучной,
Мешал передвигаться жир курдючный.
В горах паслись иль на траве степной, —
Волна как бы катилась за волной.
Их ветер завивал, врываясь в степи,
Казалось, из кудрей ковал он цепи!
Юсуф среди овец — как та газель,
Что жизни различает свет и цель.
О нет, он среди них светился, словно
Он ясным солнцем был в созвездье Овна.
Терпенье Зулейхи, и ум, и дух —
Подобны псу, когда Юсуф — пастух!
Она велела бдительной охране
Беречь его от горя и страданий.
Так шли дела, покуда он хотел:
Свободной воли он избрал удел.
Хотел — стал пастухом в краю пустынном,
А захотел бы — стал бы властелином.
Но, к действиям пророческим влеком,
Он не был ни царем, ни пастухом.

**ЗУЛЕЙХА ДОМОГАЕТСЯ ВСТРЕЧИ С ЮСУФОМ,
НО ТОТ ЕЙ В ЭТОМ ОТКАЗЫВАЕТ**

Известно всем сердец влюбленных свойство:
Влюбленным сопринудно беспокойство.
О встрече грезят страстные умы:
Немного радости берут взаимны.
То сердце, что изранено любовью,
Глазам приказывает плакать кровью,
Но лишь глазам предстанет нежный друг —
Ликует сердце, светел мир вокруг.
Однако тут же в сердце — снова мука:
Опять, опять страшит его разлука!
Для страждущих — награды нет в любви,
Для жаждущих — отрады нет в любви.
Ее начало — скорбь сердец, и только,
Конец — погибельный конец, и только!
А если скорбь — вначале, смерть — потом,
То как же счастье мы в любви найдем?

Ты видишь, какво любви начало?
Пока Юсуфа Зулейха не знала,
Она мечтала радостно о нем
И тешилась мечтой и чудным сном.
Увидела того, кого искала,
Но этого ей оказалось мало:
Теперь хотелось ей к нему прильнуть,
Обнять его, упасть к нему на грудь,
Теперь ждала, пылая и тоскуя,
Его рубинового поцелуя.
И вправду: кто, любовью ранен, в сад
Приходит, чтоб на розу бросить взгляд,
Сперва ликует, въявь увидев грезу,
Но, возбудясь, потом срывает розу.
Свидания искала Зулейха,
Была душа Юсуфа к ней глуха.
Она рыдала, думая о встрече,
А он старался спрятаться далече.
Она дрожала, на него взглянув,
Но под ноги себе смотрел Юсуф.
Безумствовала страсть ее немая —
Юсуф молчал, ее не понимая.
Ее сжигала тайная гроза —
Он отворачивал свои глаза.
В ее глаза, где страсть царила властно,
Юсуф не мог смотреть, страшась соблазна.
Кто любит, тот становится смелей,
Взглянув в глаза возлюбленной своей!
А Зулейха была в изнеможенье,
Не в силах вытерпеть пренебреженье.
Убила осень юную весну
И розы щек одела в желтизну.
Увы, под бременем скорбей страдая,
Свой стан согнула пальма молодая.
Где свежесть губ, где блеск ее лица,
Который щедро озарял сердца?
Она причесываться забывала,
Зато в смятенье кудри вырывала,
Пред ней, согбенной, зеркалу взамен,
Блистали зеркала ее колен.
Кровь из очей струилась непрестанно,
И слезы заменили ей румяна.

Весь мир в ее глазах одела тьма,
Излишней сделалась для них сурьма.
Она глаза сурьюю не сурьмила —
Сурью бы всё равно слезами смыло!
Страдая от незримого огня,
Заплакала, во всем себя виня:
«Влюбилась ты — позор подобной твари! —
В раба, который куплен на базаре!
Властительницей быть — твоя судьба,
Зачем же любишь своего раба?
Ищи любимых во дворцах: царица
Имеет право лишь в царя влюбиться!
Не только странно то в твоём рабе,
Что вовсе не стремится он к тебе.
До жен Египта слух дойдет об этом,
И станешь ты насмешек их предметом».
Так спорила с собою день-деньской,
Но в доме сердца жил жилец такой,
Что с помощью рассудка или чуда
Нельзя было его прогнать оттуда.
Красавица с его душой слилась —
Кто мог бы уничтожить эту связь?
Душа покинет тело, но с любимой
Она хранит союз нерасторжимый.
Тот, кто любил, оставил нам завет:
«Покинет амбру — запах, розу — цвет,
И лишь любовь не вянет и не стынет,
Она вовеки душу не покинет».

КОРМИЛИЦА РАССПРАШИВАЕТ ЗУЛЕЙХУ

Увидев эту скорбь, не пряча слез,
Кормилица ей задала вопрос:
«О светоч мой, очей моих зеница!
Не знаю, что с тобой опять творится!
Я вижу — сердце у тебя болит,
Опять болит, но от каких обид?
Всегда с тобой души твоей отрада,
Чего ж тебе еще, скажи мне, надо?
Мы скорбь твою понять, простить могли,
Когда была ты от него вдали,

Но обрела ты друга дорогого,
Так почему же ты страдаешь снова?
Поведай мне: возлюбленной какой
Служил влюбленный ревностным слугой?
Развеелась твоей тоски причина,
В раба ты превратила властелина.
Тот месяц, что сияет с высоты, —
Невольник твой. Чего же хочешь ты?
Ликуй и радуйся счастливой доле,
Забудь о горестях земной юдоли,
Иди, вино из уст его испей,
Свое желанье утоли скорей.
Перед тобой — источник сладострастья,
Так насладись прозрачной влагой счастья».
Кормилицы бесхитростная речь
Сумела тот огонь сильнее разжечь.
Ей Зулейха поведала, измучась,
Какая у нее плохая участь:
«Ты многое, о мать, не поняла,
Не очень вникла ты в мои дела.
Не знаешь, какова судьбы немилость:
Я ничего доселе не добилась.
Казалось бы, он мой слуга вполне,
Но покориться не желает мне.
Хотя всегда находимся мы рядом,
Меня ни разу не подарит взглядом.
Воистину, страшнее нет беды —
Страдать от жажды около воды!
Горит мой лик в смятенье и тревоге,
А он молчит, в свои уставясь ноги.
Я не виню за это гордеца,
Чьи ноги лучше моего лица!
Я гляну на него — и в миг единый
Его чело избородят морщины.
Могу ли порицать его чело?
Всё, что творит он, — свято и светло!
Моей любви дороги стали кривы,
Тому виной — бровей его извивы.
Мой разум поразила слепота,
Тому виной — Юсуфа красота.
Вблизи меня слова он произносит,
Но горе, а не радость мне приносит.

Его уста — воды живой исток,
Но я-то лью кровавых слез поток.
Он вырос, как моих желаний древо,
Но радости не вижу от посева.
Хочу сорвать я с ветки сочный плод,
Но яблока мне ветка не дает.
Мне подбородка ямочка желанна,
Но в яму горя падаю нежданно.
Его ревную к рукаву, узнав,
Что овладел его плечом рукав.
Его одежды стать бы мне краями:
Прильнула б к праху под его ногами!»
Кормилица заплакала навзрыд:
«Как можно жить, коль так душа горит?
По мне, разлуки тяжкие страданья
Милей такого странного свиданья.
Горька беда разлуки — горше нет,
Зато в таком свиданье — сотни бед!»

ЗУЛЕЙХА ПОСЫЛАЕТ КОРМИЛИЦУ К ЮСУФУ

Для Зулейхи, иссохшей от печали,
Ее слова сочувствием звучали.
Сказала мамке: «О, как много раз
Ты помогала мне в тяжелый час,
Так окажи еще раз мне услугу:
Я друг тебе — мне помоги, как другу.
Ты запылай, как мой горящий лик,
Иди к нему, в мой превратись язык.
Скажи ему: „Побег, возвращенный в неге, —
Как я мечтала о таком побеге!
Скажи мне, кипарис, в каком саду
Я древо, равное тебе, найду?
Есть кипарис, чья сень светла святая,
К нему привита ветвь от древа рая,
Но даже он, что горд своей листвою,
Вовек сравниться не дерзнет с тобой.
С тех пор как мир возник, с того начала
Таких сынов, как ты, рождалось мало.
Тебя увидев, счастлив стал Адам,
Своей красой ты счастье дал садам,

Она превыше дара колдовского,
Превыше разумения людского!
Попрятались все пери в глушь и тишь —
Они боятся, что ты их затмишь.
Твой лик увидев, ангелы в смятенье
Готовы совершить грехопаденье.
Ты взыскан небом, жалость прояви
К той, что взыскует у тебя любви.
Страдает Зулейха в твоём аркане,
Избавь же эту прелесть от страданий.
Она влюбилась в юные года,
Ты — страсть ее, и счастье, и беда.
Ты ей во сне являлся троекратно,
И с той поры ее судьба превратна:
То забурлит она водой речной,
То стынет, словно ветерок ночной.
Смотри: теперь она худа, как волос,
Тебя желая, сердце расколосось.
Ступай же к ней и сжался, стань добрей,
Ведь жалость — украшение людей.
В твоих устах — живительная влага,
Так что ж и капли ей не дашь, как скряга?
Твой стан — как ствол, плоды на ветках есть.
Так что же плод один нельзя ей съесть?
К твоим губам пусть припадет губами,
Тогда зальет, быть может, в сердце пламя.
Пусть ног твоих коснется головой,
Чтоб для нее ты пальмой стал живой.
Что от величья шахского убудет,
Коль шах порой с рабыней ласков будет?
Она, хотя пред ней склонилась знать,
Рабой твоих рабынь готова стать!“»
Юсуф ответил, эту речь отринув,
Рассыпав жемчуга из уст-рубинов.
Сказал он мамке: «Ты умна, хитра,
Не совращай меня с пути добра!
Я — раб, я куплен Зулейхой. Немало
Мне милостей хозяйка оказала.
Меня вернула к жизни госпожа —
Служу ей честно, с верностью друга.
Вовеки ей не буду в состоянье
За каждое воздать благодаянье.

Вот я, невольник преданный, стою,
Пред ней склоняя голову свою.
Но ты ей передай: „Не жди другого,
Я не хочу сойти с пути благого.
Пусть о грехе забудет Зулейха,
Я не пойду тесниною греха.
Азиз меня усыновил с доверьем.
Ужель ему отвечу лицемерьем?
Птенец, что был вскормлен в его дому,
Отвечу ли предательством ему?
Господь, желая нам произрастанья,
По-разному растит свои созданья. . .
В поступках чист, кто в чистоте зачат,
Зачатого в грязи влечет разврат.
Не вырастет из ячменя пшеница,
И пес от человека не родится.
Открыл мне тайну мира Исраил,
Мне Джабраил надежду подарил,
А если в мире я пророком стану —
Исхаку уподоблюсь и по сану.
Мой цвет не приравняй к цветам другим:
Взрастил меня друг божий Ибрагим.
Не стану я вовек на путь пороков,
Я не унижу праотцев-пророков.
Пусть Зулейха, любовь к творцу храня,
И страсть свою забудет, и меня!“»

ЗУЛЕЙХА ОТПРАВЛЯЕТСЯ К ЮСУФУ И ОБЪЯСНЯЕТСЯ ЕМУ В ЛЮБВИ

Кормилицы услышав донесенье,
Почувствовала Зулейха волненье.
Из глаз полился жарких слез поток —
Из миндаля полился чистый сок.
Как кипарис, пред юношей предстала,
И на Юсуфа тень ее упала:
«К твоим ногам склонилась голова:
Пусть будет в ней любовь к тебе жива.
Я вся полна тобой, тебя желая,
И, о себе забыв, к тебе пришла я.
Я душу обрела в любви своей,

Связал меня аркан твоих кудрей.
Душа тебе принадлежит всецело,
Из-за тебя мое пылает тело.
Любовь к тебе — как море: я тону,
Я чувствую, что я иду ко дну.
Нашел бы врач, мои вскрывая жилы,
Не кровь, а страсть к тебе, красавец милый!»
Ее услышав, зарыдал Юсуф.
Она спросила, тяжело вздохнув:
«О, ставший счастья моего глазами,
Зачем глаза ты оросил слезами?»
Юсуф, увидев боль ее, тотчас
Из уст рассыпал перлы, как из глаз:
«Разбил я сердце, потому и плачу,
В любви познал я только неудачу.
Я теткой был любим, но кличкой «вор»
Она меня ославила с тех пор.
Я был отцом любим сильнее, чем братья,
И должен был их злобу испытать я,
И вот меня в Египет увели,
Живу я в муках, от отца вдали.
В моей груди исходит сердце кровью,
Я в ужасе перед твоей любовью».
Сказала Зулейха: «О светоч мой!
Что мне луна? Ты стал моей луной!
Я не скажу: любима я тобою, —
Твоим рабыням стать хочу рабою!
Одно лишь ты рабе своей позволь:
Открыть свою любовь к тебе и боль.
Люблю я так смиренно, терпеливо,
Меня врагом считать несправедливо.
Кто хочет огорчений для себя?
Не ищут же мучений для себя!
Люблю тебя, любовью сражена я, —
И что же, всё-таки тебе страшна я?
Подай надежду мне, верни покой,
Хотя б на миг смирись передо мной.
Хотя бы шаг ступи со мной, и всюду
Тебе опорой и защитой буду».
Юсуф ответил ей: «О госпожа!
Вот я стою, как раб тебе служа.
Я — раб, и мой удел — повиновенье,

Прикажешь — я исполню повеленье.
Не требуй, чтоб владыкой стал я впредь:
Раба не заставляй ты покраснеть.
Могу ль с тобой одним смотреть я взглядом
И за столом сидеть с тобою рядом?
Ты мне работу поручить должна, —
Какую дашь, я выполню сполна,
Работой удовольствуюсь любую,
Тебе достойным буду я слугою».
Сказала та: «О свет моей судьбы!
Я пред тобой ничтожнее рабы.
Лишь прикажу наперсницам и слугам —
Готовы сто рабынь к моим услугам.
Иль хочешь ты, чтоб я их обошла,
Чтоб исполнял ты все мои дела?
Нам ноги для ходьбы нужны бесспорно,
Считать глаза ногами нам зазорно.
Для ног, а не для глаз — тернистый путь:
Колючки может он в глаза воткнуть!»
Ответствовал Юсуф: «Моей печали
Четой твоя душа и сердце стали.
Не спорит с блеском солнца свет зари,
И ты мне о любви не говори.
Хочу я только быть твоим слугою,
Не обольщаясь долею другою.
Тот верный друг, кто другу подчинен:
Желанье друга для него — закон».
Юсуф хотел путями убежденья,
Слугой оставшись, избежать сближенья.
В сближенье видел он источник зла:
Спасеньем доля рабская была.
От пламени должна спастись вата,
Не то погибнет, пламенем объята.

ЗУЛЕЙХА ПОМЕЩАЕТ ЮСУФА В ЧУДЕСНОМ САДУ

Тот, кто украсил сказа дивный сад,
Сказал, что старцев так слова гласят:
У Зулейхи был сад — не сад, а диво:
Пред ним Ирем — что пред цветком крапива!

Он радовал цветами и водой,
Сияли розы нежной красотой.
Ветвями дерева переплетались,
Без всякого смущенья обнимались.
Чинары с кипарисом обнялись,
И, как детей, ласкал их кипарис.
Цветы свой балдахин простерли пышный,
Раскрылся над цветами зонтик вишни,
А мандаринов цвет — желто-багрян,
Плод мандарина — мяч, а ветвь — човган.
Чудесный сад, не знающий страданья,
У мира отнял мяч очарованья.
Он финиковой пальмой был богат,
От этого прекрасней стал стократ.
Казались финики халвой живою,
И наслаждался, кто хотел, халвою.
Инжиров роща, молока полна,
С кормилицей румяною сходна,
И птицы к той кормилице привыкли,
К сосцам инжира клювами приникли.
Проникло солнце в тонкую листву,
Узоры уронило на траву,
В картину превратило сад весенний,
Что позлащен игрою светотени.
Смешался с тенью беглый свет дневной,
Над бубнами цветов струился зной,
И соловьи смотрели изумленно,
Наполнив пеньем купол небосклона.
Под сенью ив, при легком ветерке,
Резвились рыбы в ручейках, в реке.
Ручьи в саду линейками лежали,
Там зелень — письмена, земля — скрижали.
Там в желтых розах — след любовных мук,
Там в красных розах — красота подруг.
В саду, что был веселья звонким садом,
Два водоема простирались рядом.
Их мрамор был прозрачней хрустала,
Полоской разделяла их земля,
Друг с другом схожи, будто наши очи,
Лишь расстояние меж них короче.
Зазора не было меж гладких плит:
Искусников искусство то пленит!

Решили б мы, взглянув на эти плиты:
Они друг с другом воедино слиты!
Для утешения души больной
Являлась Зулейха в тот рай земной,
К двум водоемам шла дорогой гладкой:
В том — молоко, в другом — напиток сладкий.
Служанкам Зулейхи жилось легко,
Любили сладкий сок и молоко.
Меж водоемами она воздвигла
Трон для Юсуфа: скорбь ее постигла,
Она Юсуфа приняла отказ,
И в сад его отправила тотчас,
И птица сада пела сладкогласно:
«Чудесен сад, садовница прекрасна!»
Сто девушек, прелестных, как жасмин,
Чьи станы — кипарис, уста — рубин,
Сто девушек — чертогов украшень,
Она дала Юсуфу в услуженье,
Сказав: «Позволь к ногам твоим упасть!
Рабынь я отдаю тебе во власть.
Увы, когда меня ты отвергаешь,
Возьми какую только пожелаешь.
Ты наслаждайся жизнью: краток век,
А молодость — пора сладчайших нег».
Она своих служанок наставляла:
«Красавицы, во что бы то ни стало
Юсуфу подчиняйтесь. Вам велят:
Протянет кубок с ядом — пейте яд,
Потребует: «Отдайте жизнь» — отдайте,
И вашу смерть почетной вы считайте.
Послушные, покорные, тотчас
Исполните его любой приказ,
Но сообщите мне без промедленья,
Когда захочет с кем-нибудь сблизенья».
Казалось, ей терпеть неумоготу,
Узором лжи украсила мечту:
Из тех рабынь, что на Плеяд похожи,
Захочет взять кого-нибудь на ложе —
Она ее заменит — и сорвет
С пленительного древа сладкий плод.
Юсуфа усадив на трон вначале
И бросив под ноги цветы печали,

Она рабынь поставила пред ним,
Склониться их заставила пред ним,
Юсуфу душу отдала на милость,
С опустошенным телом удалилась.

НАСТУПАЕТ НОЧЬ. КРАСАВИЦЫ РАБЫНИ ЯВЛЯЮТСЯ К ЮСУФУ

Настала ночь, и черные цветы
Посыпались на землю с высоты,
И небо уподобилось невесте,
Украшенной запястьями созвездий
И прелестью пленявшей неземной,
Красуясь перед зеркалом-луной.
Рабыни, сотворенные для счастья,
Полны лукавства, неги, сладострастья,
Перед Юсуфом выстроились в ряд —
Прельщают, и чаруют, и манят.
Одна раскрыла сахарные губы:
«Попробуй, милый, сахарные губы!»
Другая: «Где слова я обрету,
Чтобы твою прославить красоту?
Живи в моих глазах, тобой плененных,
Мои глаза — обитель для влюбленных!»
Явила третья тонкий стан в шелках,
Чтоб сжал его Юсуф в своих руках:
«Уснешь ли ты счастливый и спокойный,
Пока ты не обнимешь стан мой стройный?»
Четвертая, завив кольцо кудрей,
Сказала: «Стать хочю петлей твоей!
Открой мне двери, чтобы наслаждаться,
Кольцом за дверью не хочу остаться!»
По локоть засучивши рукава,
Сказала пятая свои слова:
«Красавец мой! Руками я готова
Тебя от глаза оградить дурного,
Позволь — и шею гордую твою
Я нежными руками обовью».
Тут косами, красой своей блистая,
Свой стан прелестный обвила шестая,
Как бы моля, чтоб стан ее тугой
Юсуф обвил, как поясом, рукой.

Так ждали все, открыв свою влюбленность,
Чтобы Юсуф явил им благосклонность.
Но так как сам Юсуф расцвел, как сад,
То от цветов не жаждал он услад.
Лишь одного хотел он: чтоб рабыни
Ему служили верно, без гордыни.
«Служанки-девушки, — сказал Юсуф, —
Обрадуется мир, на вас взглянув,
И вы, и я — мы созданы из глины,
Посеял в нас зерно творец единый.
Не надо вам, познавшим благодать,
Пред каждым голову свою склонять.
Оставьте унижения дорогу,
Идите лишь путем служенья богу».
Вот так Юсуф послушных поучал,
Беспечных, простодушных просвещал.
Из уст рабынь, исполненных почтения,
Юсуфу раздавались восхваленья. . .
Проснулась Зулейха, лицом светла,
К возлюбленному радостно пошла.
Увидела: сидит прекраснолицый,
Рабыни вокруг него — как ученицы.
Сказала: «О пленяющий сердца,
Мне приносящий радость без конца!
Мое смятенье ты и упоенье,
Мое волненье и успокоенье!
Из нового источника испив,
По-новому сегодня ты красив.
Скажи, что ночью делал ты? Откуда
Твоей красы невиданное чудо?
Иль, жизнетворною вспоен водой,
Затмил ты всех красавцев красотой?
Иль, шепоту внимая дев желанных,
Жасминоликих и серебростанных,
Познал ты новой красоты родник
И совершенства нового достиг?
Как плод среди других плодов счастливых,
Красавец расцветает средь красивых!»
Она сказала много нежных слов,
Но был Юсуф по-прежнему суров.
Потуплены глаза, уста закрыты,
Зарделись от смущения ланиты.

Поник он головою от стыда,
Ни слова не сказал он ей тогда.
Когда она увидела такое
Упрямство, равнодушие глухое,
Сгорела в пламени ее душа,
Досадой, безнадежностью дыша.

ЗУЛЕЙХА ПРОСИТ КОРМИЛИЦУ ПОМОЧЬ ЕЙ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛИ

Поняв: его суровость беспредельна,
Она, любовью ранена смертельно,
Кормилицу на помощь позвала
И тайную беседу повела.
Сказала: «Ты моей души светило,
А плоть мою ты силой одарила!
Ты плоть мою вскормила молоком,
Вспоила душу блага родником.
Сильна твоей любовью, расцвела я,
От матери такой любви не зная!
О, если б ты, источник доброты,
Мне помогла достичь моей мечты!
Доколе мне терпеть печаль разлуки,
И горе, и неслыханные муки?
Что пользы от того, что мы вдвоем,
Когда мы как чужие с ним живем?
Что сотворится от воды и глины,
Когда душа и тело не едины?»
— «О гурья! — сказала та в ответ. —
Красавица, каких не знает свет!
Кто красоты твоей измерит меру?
У мудрых похищаешь ум и веру!
Художник Чина, образ твой любя,
Изобразил бы в капище тебя, —
Вдруг стали бы все идолы живыми,
Они б рабами сделались твоими.
Горам открыла б красоту ланит —
Сгорел бы от любви к тебе гранит.
Когда бы саду стройный стан явила,
Ты б высохшие ветви оживила.

Сметали б лани с твоего пути
Колючки, чтоб в степи могла пройти.
Ты так прекрасна — почему же ныне
Впадаешь в безнадежность и унынье?
Свой взор стрелою сделай, луком — бровь:
Красавца покорит твоя любовь!
На пиршестве желанья долгожданном
Свяжи его своих волос арканом.
Расставь ему улыбок западни,
Их сладостью красавца ты плени».
А Зулейха: «Что молвить остается?
Мне столько от Юсуфа достается!
Юсуф не хочет на меня глядеть,
Так как же мне Юсуфом овладеть?
О, если бы в зрачок мне превратиться,
В его глазу навеки поселиться!
О, если, на меня взглянув разок,
Он понял бы, как жребий мой жесток!
Хотя бы состраданием, не боле,
Он облегчил мне горесть тяжкой боли!
Не только красотой, что ярче дня, —
Он равнодушием казнит меня!»
Ответила кормилица седая:
«О ты, пред кем поблекли девы рая!
Знай: дело я задумала одно,
Устроит все твои дела оно.
Однако нужно для такого дела,
Чтоб злата, серебра ты не жалела.
Построю дивный, как Ирем, чертог,
И пусть художник, мастер и знаток,
Тебя на всех стенах живописует,
В объятиях Юсуфа нарисует.
Когда тебя, на живопись взглянув,
Найдет в своих объятиях Юсуф,
Он дрогнет и любовью загорится,
И красоте могучей покорится».
Ее совет приняв, свое добро
Ей Зулейха вручила — серебро
И золото, чтоб сердце успокоить,
И приказала ей дворец построить.

**ХУДОЖНИК ВОЗДВИГАЕТ ДВОРЕЦ
С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ
ЮСУФА И ЗУЛЕЙХИ**

Строители дворца передают:
Когда взялась кормилица за труд,
Она к себе потребовала властно
Художника, чье мастерство прекрасно.
Он все основы зодчества постиг,
Он вещей звезд пророчества постиг.
Он изучил законы Птолемея,
Эвклид смущался, спорить с ним не смея.
Когда б на небо он подняться мог,
Сатурна он украсил бы чертог.
Лишь в руки брал резец художник гордый —
И глиной становился камень твердый.
Когда он зданья образ рисовал,
Он тысячу рисунков создавал,
Его перо писало, жизнь рождая,
Как бы живой водою обладая.
Когда б на камне птицу вывел он,
Взлетел бы камень, славой окрылен...
Воздвигнутый руками золотыми,
Дворец блистал стенами золотыми;
Его суфа — рассвета ранний блеск,
Его покои — упований блеск.
В его проходах мрамор тешил взоры,
Слоновой кости на дверях узоры.
Слились в одно семь залов, и сверкал
Престолом бесподобным каждый зал,
Особым камнем каждый облицован,
Особым цветом каждый разрисован,
А зал седьмой, как небосвод седьмой,
Гордился девственною белизной.
На сорока столбах — изображенья
Зверей и птиц, исполненных движенья.
А снизу — лани в мускусный приют
По основаньям золотым бегут.
А на полу — из золота павлины,
Жемчужинами хвост украшен длинный.
Воздвиглось дерево до потолка,

Любого изумляя знатока
Серебряным стволом, и бирюзою
Листвы, и золотых ветвей красою.
А птицы на ветвях сидят, поют,
Рубины — клювы, крылья — изумруд.
Такой листвою весь дворец украшен,
Что листьям не был вихрь осенний страшен.
Искуснейший художник светлый зал
Портретами влюбленных расписал.
Юсуф и Зулейха сидели рядом,
Обняв друг друга и лаская взглядом.
На той стене — уста у них слились,
На этой — руки их переплелись.
Взглянул бы ты на двух влюбленных счастье,
И сам бы задохнулся ты от страсти!
Как свод небесный, был дворец высок,
Сиял луной и солнцем потолок.
Сказал бы ты, взглянув на эти стены:
Цветник благоухает несравненный!
Напоминала роспись о весне,
Переливались розы на стене,
Склонялись розы в том саду друг к другу,
Казалось: милый обнимал подругу.
Казалось: то блаженства дивный сад,
На ложе сладострастья розы спят.
Короче: был чертог подобен чуду,
В нем образы влюбленных жили всюду.
Куда б ни бросил взоры ты свои,
Ты видел только образы любви.
В Юсуфа Зулейха сильнее влюбилась,
Когда краса чертога ей открылась.
При взгляде на кумирню вновь и вновь
В ней вспыхивала жаркая любовь. . .
На милое изображение взглянем,
И словом «страсть» себя мы в сердце раним.
Оно в огонь бросает нас опять,
И жжет нас рабства жгучая печать.

ЗУЛЕЙХА ПРИГЛАШАЕТ ЮСУФА ВО ДВОРЕЦ

Когда возвел дворец художник строгий,
Царевна стала украшать чертоги.
Китайскою парчой устлала пол,
Расставила и стулья и престол,
Повесила светильники, и в блеске
Соперничали пышные подвески.
Ковры она развесила, вздохнув:
Всё было здесь — отсутствовал Юсуф!
Вот правда: без любимого страдая,
С презреньем смотришь ты на кущи рая...
Решила так: Юсуфа позовет,
Окажет уваженье и почет,
В покое светлом с ним уединится,
Чтобы его красою насладиться,
Чтобы познал блаженство и Юсуф,
К ее устам живительным прильнув,
Чтобы она вкусила страсти нежной
В извивах мудрости его мятежной.
Стремясь его пленить, его любя,
Она сперва украсила себя.
К чему ей были кольца и запястья?
Но все ж надела их, желая счастья.
Сияла роза девственной красой,
Но стала краше, облита росой.
Она была свежа, благоуханна,
Ей свежести прибавили румяна.
Усмою брови подвела она,
И радугою сделалась луна.
Блистала, волосы переплетая,
Они дышали мускусом Китая.
Когда в ее глаза вошла сурьма,
Увидел мир, как необъятна тьма.
Юсуфа позвала, сказав: «Любимый!
Меня огонь сжигает негасимый.
Кипит любовной смутю душа,
Горит сухою рутою душа!»
Она стояла перед ним, рыдая,
Чтобы луна явилась молодая,
С вершины счастья возвестив: «Живи,
Развеселись на празднике любви!»

Не знал Юсуф, что во дворце таилось,
Лишь тонко по цветам вода струилась.
Взяла Юсуфа за руку: «О ты,
Светильник зрячих, солнце чистоты!
Как ты красив, пленителен и строен!
Ты всех даров и милостей достоин.
Ты честно служишь мне, тобой дышу
И гордо цепи верности ношу.
Приди и властвуй надо мной по праву,
Приди, тебе хочу пропеть я славу!»
Сказав свою чарующую речь,
Решила в первый зал его увлечь.
Вошел он, обольстительная пери
За ним закрыла золотые двери.
Была не в силах Зулейха молчать,
С горящих уст она сняла печать:
«Моей души мечта и наслажденье,
Ты — цель моя, и свет, и сновиденье.
Ума лишилась от любви к тебе,
С бедой сдружилась от любви к тебе.
Глаза тобой насытить не могу я,
Страну родную бросила, тоскуя.
Вот счастье: предо мною ты стоишь.
Вот горе: на меня ты не глядишь.
Ну, повернись ко мне, мой друг суровый,
Одно скажи мне ласковое слово!»
Юсуф сказал, поникнув головой:
«Как я, рабы все шахи пред тобой!
Я скован болью. Сердце мне обрадуй,
Пускай свобода будет мне наградой.
Я твой слуга. Не подобает мне
С тобою вместе быть наедине.
Я — хлопок, ты — пожара полыханье,
Ты — грозный вихрь, я — мускуса дыханье.
Что хлопок перед силой огневой?
Что мускус перед бурей грозовой?»
Она, решив: болтает он впустую,
Ввела Юсуфа в комнату другую.
Закрыла снова двери на замок.
Вздыхнул Юсуф: удел его жесток!
И снова Зулейха ему сказала,
Снимая с давней тайны покрывало:

«У ног твоих лежу в тоске немой,
Доколе мне страдать, упрямец мой?
Свои сокровищницы отдала я,
Тебя достойно оценить желая.
Не я ли отдала тебе сама
Богатства веры, сердца и ума?
Ждала я: покорясь моим приказам,
Ты сердце исцелишь мое и разум.
Но мне во всем противоречишь ты,
Меня покорностью не лечишь ты!»
Сказал Юсуф: «С грехом не надо знаться.
Грешить — не означает подчиняться».
Настаивая каждый на своем,
Они вступили в третий зал вдвоем.
И Зулейха закрыла двери снова,
Вновь полилось чарующее слово.
С волнением невольник ей внимал.
Она вела его из зала в зал,
И в каждом речь другую заводила,
И в каждом довод новый приводила.
Не помогли шесть залов до поры,
Но кости сохраняла для игры.
И в зал седьмой ввела его поспешно,
Надеясь, что мечта блеснет утешно...
Не бойся безнадежности примет,
Живя во тьме, надейся: будет свет.
Пусть через сто дверей не входит счастье,
Сомненьем сердце не терзай на части,
В сто первую стучись упорно дверь, —
Твоя мечта исполнится, поверь!

ЗУЛЕЙХА ПРИВОДИТ ЮСУФА В СЕДЬМОЙ ЗАЛ

В чертоге тайны из-за покрывала
Повел мудрец таких речей начало:
Когда они вступили в зал седьмой,
Красавица воскликнула с мольбой:
«Войди в мои глаза, о друг бесценный,
Вступи ты в этот храм благословенный!»
Закрыла двери — был замок тяжел, —
Юсуфа посадила на престол.

Гаремом светлый храм назвать нам надо,
Сокрытым от завистливого взгляда.
Чужой не смел явиться на порог,
И свой проникнуть в этот храм не мог.
Войти не смели в этот храм желанный
Ни страж ночной и ни глава охраны.
Стыдливый друг пылает и молчит,
В душе подруги песнь любви звучит.
Пьяна любимым, победив разлуку,
В своей руке Юсуфа держит руку.
Воскликнула: «Мой лик светлее дня,
Взгляни же с милосердьем на меня.
Доколе будешь ты жесток, доколе
Меня заставишь ты страдать от боли?»
Так расписав мучения свои,
Юсуфу говорила о любви,
Но тот стоял, очей не поднимая:
Его любовь страшила роковая.
Он голову склонил, взглянул на пол —
Свое изображение там нашел.
Взглянул на ложе, на покров атласный —
Она и он объаты негой страстной.
Он отвернулся, он решил, что впредь
Не будет в эту сторону смотреть,
Но всюду, всюду взор его невинный
Одни и те же находил картины.
Он для молитвы очи поднял ввысь —
На потолке она и он слились.
В нем вспыхнул жар, и взоры огневые
На Зулейху он обратил впервые.
Тогда надежды луч в нее проник:
Ей солнца улыбнется дивный лик!
Стенать и плакать начала сначала,
Потоки слез кровавых источала:
«Своей любовью, своенравный друг,
Молю я, исцели ты мой недуг.
Я пить хочу, а ты — вода живая,
Бессмертье — ты, но посмотри: мертва я.
Я без тебя как тело без души,
Я жажду: напоить меня спеши.
Ты заклеил меня клеймом неволи,
Не ем, не сплю из-за гнетущей боли,

А ты спокоен, жизнь мою губя.
Я заклинаю господом тебя:
Во имя красоты твоей всевластной,
Во имя чистоты твоей прекрасной,
Во имя света твоего чела —
Чтоб на него взглянуть, луна взошла, —
Во имя двух бровей, подобных луку,
Во имя стана, что принес мне муку,
Во имя вьющихся твоих кудрей, —
Кудрями зааркань меня скорей! —
Во имя колдовства очей обманных,
Во имя точки на щеках румяных,
Во имя сладкой, сахара белей,
Улыбки упоительной твоей,
Во имя слез моих, тоски бессонной,
Во имя мук любви неразделенной,
Во имя сердца, что горит в огне,
Во имя равнодушия ко мне,
Во имя вечной власти надо мною —
Приди, приди, я сердце успокою!
Как долго жжет меня любви печать!
Твое дыханье жажду я вдыхать.
Моей тоски займись ты врачеваньем,
Стань сада моего благоуханьем!»
Сказал Юсуф: «Красе твоей хвала!
Всех пери ты красою превзошла,
Но зеркало души моей до срока
Не разбивай, не мучь меня жестоко.
Водой греха не увлажняй меня,
Плотским огнем не зажигай меня!
Молю во имя бога всеблагого,
Во имя матери, отца родного,
Которыми, как нам велит закон,
Я в чистоте зачат и сохранен,
Моя звезда от них взяла сиянье,
И жемчуг мой — их сердца достоянье.
Когда поможешь мне, откроешь дверь,
Из этой клетки выпустишь теперь —
Исполню я твое желанье вскоре,
Добром воздав, твое развею горе.
К чему спешить? Найдешь ты благодать,
Когда ты будешь не спешить, а ждать.

Спешить не надо ради мелкой дичи.
С терпением лучшей ты ищи добычи».
Сказала: «Жажда мучает меня,
Я без питья не проживу и дня.
Стремлюсь к тебе, но ставишь ты преграды,
И мига не даешь ты мне отрады».
Сказал: «Два властелина мне страшны:
Бог и азиз египетской страны.
Дойдет к азизу слух об этой страсти —
Он на меня обрушит все напасти».
Сказала: «Не тревожься, мой кумир.
Устрою в честь азиза пышный пир.
Я кубок поднесу — он пьяным станет,
До воскресенья мертвых не воспрянет.
Есть у меня несметное добро:
Каменья, золото и серебро.
Я искуплю твой грех, раздам их нищим,
Нас бог простит, и счастье мы отыщем».
— «Я не из тех, — Юсуф сказал в ответ, —
Кто ищет счастья ближнему во вред».
Сказала: «Ты противишься сближенью;
Чтоб стала я для стрел тоски мишенью.
Хитришь, лукавишь, хочешь ты уйти,
А ложь у прямодушных не в чести.
Клянусь, кривым путем идти не стану,
Я не склонюсь к лукавству и обману.
Смотри: горю я, как тростник сухой,
А ты смеешься над моей тоской.
Смотри: грозит бедою это пламя, —
Приди, залей водою это пламя!»
Она рыдала, руки протянув,
По-прежнему упорствовал Юсуф.
Воскликнула тогда: «О многословный,
Упрямец, в горести моей виновный!
Я вижу: речь твоя — пустой ответ,
В таких речах нужды и смысла нет.
Когда мою ты шею не обнимешь,
Себе на шею кровь мою ты примешь.
Кинжал возьму я — ивовый листок,
И кровью обагрю я свой чертог.
С душой своей разъединю я тело,
Медлительность твоя мне надоела.

Когда азизу принесут слова,
Что я лежу у ног твоих мертва,
В его горячем сердце вспыхнет злоба,
Тебя убьет он, мы погибнем оба.
Мы заключим в могиле наш союз,
И наконец-то я с тобой сольюсь!»
Достала Зулейха, раскинув ложе,
Кинжал, на ивовый листок похожий.
Сжигала душу страстную гроза,
Алкало тело, и в слезах глаза.
Вскочил Юсуф, увидев слезы страсти,
И руку обхватил ей, как запястье.
«О Зулейха, — воскликнул, — не спеши,
Исполню я мечту твоей души.
Ты страждешь, но страданья удалю я,
Ты жаждешь — встречей жажду утолю я».
Красавица, владычица сердец,
Услышав речь такую наконец,
Подумала, что пробило сближенье,
Что ей принес любимый утешенье.
Тогда кинжал отбросила она,
К другим прибегла способам луна:
В его уста впилась она с весельем
И шею обхватила ожерельем.
Душа, где страсти не было границ,
Мишенью стала для его ресниц.
Она его жемчужины хотела
И превратила в раковину тело,
Но в ту мишень Юсуф не стал стрелять,
Он раковины не сломал печать.
Не просверлил жемчужину алмазом:
Его удерживали честь и разум.
Стрелою ринулся к дверям Юсуф,
Он убежал, все двери распахнув.
Она — за ним, терзаясь от потери,
Его настигла у последней двери,
Схватила за рубашку, вся в огне, —
Разорвалась рубашка на спине.
Но вырвался красавец с болью тяжелой,
Он розой был с разорванной рубашкой.
Она, одежды разорвав свои,
Как тень упала наземь в забытьи.

ЮСУФА ОТПРАВЛЯЮТ В ТЮРЬМУ

Пером начертан облик сказки ясной:
Когда он вырвался из рук несчастной,
Ее супруга он увидел вдруг:
Азиз пришел в сопровожденье слуг.
Заметил сразу юноши волненье,
Хотел его услышать объясненье.
Страдалец начал вежливую речь,
Не жалуясь, чтоб тайну уберечь.
Он ласково был выслушан владыкой,
И тот повел Юсуфа к луноликой.
Очнувшись и увидев их вдвоем,
Решив: Юсуф поведал обо всем,
Сказала Зулейха: «Властитель правый,
Опора справедливости и славы!
Какой достоин кары тот злодей,
Который оскорбил твоих друзей?»
Азиз — в ответ: «Скажи, краса вселенной,
Кто сей злодей, преступный и презренный?»
А Зулейха: «Вот этот раб, еврей,
Что всем обязан милости твоей.
Спала я в тишине уединенья,
И не было в душе моей смятенья.
А он, как вор, приблизился ко мне,
Охотясь на египетском гумне.
Пока я сплю, задумал он, бесчестный,
Войти в мой сад и плод сорвать прелестный.
Лишь руку протянул ко мне, глупец,
Чтобы открыть желанья ларец,
Проснулась я, увидела я вора,
Он задрожал от страха и позора,
Из дома побежал, гоним стыдом, —
Навеки он покинул счастья дом.
Я побежала, гневом пламенея,
Ему вослед, я догнала злодея,
Схватила за рубашку и кусок
Оторвала, как розы лепесток.
Достойно недостойного карая,
Скажи, что ждет его тюрьма сырая!»
Был вне себя азиз от этих слов.
Сказал Юсуфу, гневен и суров:

«Твоя душа бесчестьем осквернилась.
Ты видел от меня добро и милость,
Но ты ответил злом, добро забыл,
Съев соль мою, солонку ты разбил».
Был страшен гнев азиза, грозен голос.
Юсуф дрожал, сгибаясь, точно волос. . .

ГРУДНОЙ РЕБЕНОК СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О НЕВИНОВНОСТИ ЮСУФА

В темницу стражник узника повел —
В обитель всяких горестей и зол.
Поник Юсуф, обиженный судьбою,
Чуть слышно к богу обратясь с мольбою:
«Ты ведаешь начала и концы,
Перед тобой склонились мудрецы,
Ведешь от зла к добру, от мрака к свету, —
Когда же ты раскроешь тайну эту?
Ты видишь, помыслы мои чисты,
Освободи меня от клеветы.
Свое свидетельство яви мне мудро,
Да прояснится правда, словно утро!»
Из лука он стрелял, чья мощь светла, —
И в цель впилась его мольбы стрела.
При Зулейхе в то время находилась
Служанка, что родней ей приходилась.
Она растила, душу обрета,
Трехмесячное милое дитя.
Еще ни разу, тихий как овечка,
Не проронил ребенок ни словечка.
Но вдруг он закричал: «Не торопись!
Страшись, страшись возмездия, азиз!
Ты от Юсуфа отвори удары:
Награды он достоин, а не кары!»
Азиз был этой речью изумлен.
С учтивостью ответ промолвил он:
«На языке твоём есть вкус молочный!
Ты — голос неба, чистый, непорочный!
Скажи мне правду: кто зажег костер?
Кто честь мою спалил, поверг в позор?»
Сказал ребенок: «Пусть я незаметен,
Я не терплю ни клеветы, ни сплетен.

Недаром черен мускус: о себе
Болтает всюду, склонный к похвальбе.
Цветы весной влекут нас не случайно:
Завесу сбросив, их раскрылась тайна.
Хотя не сплетник я, не клеветник,
Хочу, чтоб в эту тайну ты проник.
Пойди взгляни, чтоб получить понятие,
Как у Юсуфа разорвалось платье.
Коль спереди разорвано, сочтем,
Что невиновна Зулейха ни в чем,
Что все слова Юсуфа — ложь пустая,
Что он тебе солгал, спастись желая.
Но коль рубашка сзади порвалась,
То слово Зулейхи — поклеп и грязь.
Юсуф не виноват, чист без изъяна,
А Зулейха идет стезей обмана».
Азиз, ребенка выслушав наказ,
Пошел, рубашку осмотрел тотчас,
Увидел: сзади порвана рубашка,
И стало у него на сердце тяжко.
Он упрекал коварную жену:
«Я вижу ложь твою, твою вину.
Юсуфа опорочить ты хотела —
Сама какое сотворила дело?
Ты чистоты покинула тропу,
Пылая страстью к своему рабу.
Сперва Юсуфа соблазнить пыталась,
Потом его же обвинить пыталась.
От грешных жен в тоске мужей сердца,
Не видно женским хитростям конца.
Коварство жен — позор мужей почтенных,
Страдают мудрецы от жен презренных.
Да не вредит нам хитрая жена —
Сама погибнуть хитрая должна!
Ступай, грехи замаливай отныне
В позоре, в одиночестве, в унынье.
Рыдая от зари и до зари,
Свой грех ты в книге дней своих сотри.
А ты, Юсуф, на жребий свой не сетуй,
Ни с кем не говори о тайне этой.
Ты доказал: чужда тебе вина,
Твоя безгрешность стала нам видна.

Раскрывший тайну сам потом заплачет:
Гораздо лучше тот, кто тайну спрячет».
Ушел азиз, такую речь сказав.
Весь мир его хвалил за добрый нрав.
Цени многотерпенье, но не очень,
Похвально снисхожденье, но не очень!
Жена, что мужу слишком дорога,
Наставит добродушному рога.
Ты за женой следи, страшась обмана,
Чтоб честь твоя не рухнула нежданно.

ЕГИПЕТСКИЕ ЖЕНЫ ОСУЖДАЮТ ЗУЛЕЙХУ, НО ОНА ЗАСТАВЛЯЕТ ИХ УМОЛКНУТЬ

Любовь так самовластна и светла,
Что ей ничто — позор или хула.
Ей не страшны укоры и упреки:
Лишь разожгут сильней огонь высокий.
Укор в саду любви, как садовод,
Как мастер, новый блеск ей придает.
Тех, кто ленив — немало их на свете, —
Укоры подгоняют, словно плети:
Не так ли поднимают плеть, гоня
Ленивого и вялого коня?
Узнав: страдает Зулейха жестоко,
Египет стал болтливым как сорока.
Пронюхав тайну, не распутав нить,
Все жены стали Зулейху бранить.
Ее поступки превратив в пороки,
Посыпали на Зулейху упреки:
«Какой позор! О, как не стыдно ей:
Пленил ее невольник, раб-еврей!
Объята страстью и не зная меры,
Отвергла разум и законы веры.
Подумайте, как изменна, слаба:
Она влюбилась в своего раба!
Но этот раб, чванливец непреклонный,
Пренебрегает госпожой влюбленной.
Не смотрит на нее, не хочет пасть,
Он утолить не хочет эту страсть.
Она бежит за ним, влекома к блюду,
Она его преследует повсюду,

Но равнодушен он к ее мольбе,
Как будто гвозди вбил в глаза себе!
На плач ее он смехом отвечает
Иль попросту ее не замечает,
Видать, ему не нравится она,
Знать, вдали, что красавица она.
Вот если б он одной из нас достался, —
Таким бы равнодушным не остался!
Прекрасным покорился бы глазам,
Он счастье дал бы нам и взял бы сам.
Кто нелюбимую любить принудит?
Увы, никто насильно мил не будет.
Есть женщины: без видимых причин
Их красота не трогает мужчин.
Есть много в мире девушек красивых,
Увы, отвергнутых и несчастливых». —
Но к сплетницам не будучи глуха,
Их осрамить решила Зулейха.
На пир веселый созвала смуглянок —
Красивейших, знатнейших египтянок.
То был не просто пир, а царский пир!
Таких сластей и яств не ведал мир!
Как ночью в щелке луч благого света,
Светилась прелесть каждого шербета.
Хрусталь роскошных чаш сверкал везде,
И амбра в них подмешана к воде.
Куда ни глянешь — скатерть золотая
Горит, созвездьем ярких чаш блистая.
Не то что плоть — и дух бессмертный наш
Насытился б из этих блюд и чаш!
Мы здесь любое кушанье нашли бы,
Здесь было всё — от Солнца и до Рыбы!
Здесь было женам за халву не жаль
Отдать свой сахар губ, зубов миндаль.
Из-за халвы — отрады жизни краткой —
Дворца ее основа стала сладкой!
Ты стены видишь ли из-под парчи?
Там сахарными стали кирпичи!
Был сладок вкус халвы, уста манящей,
Но были губы сахарные слаще.
От их улыбок таяла халва,
Хотя сама стремилась к ним сперва!

Гостям являя пестрый блеск павлиний,
Прислуживали им рабы, рабыни.
Уселись периликие в кружок,
А каждая — как розовый цветок.
Какие нужно, совершив обряды,
Из чаш и блюд отведали услады.
Убрали слуги роскошь скатертей,
И Зулейха восславила гостей,
И всем, надев смирения личину,
Дала по ножичку и апельсину:
То апельсин, то ножик подает,
Найдя приманку для своих тенет.
Был апельсин оранжевой окраски,
Больных желтухой исцелял, как в сказке.
Сказала: «Коль пирует красота,
Принадлежат вам лучшие места.
Чего ж дивитесь вы, спросить я смею,
Моей любви к невольнику-еврею?
Увидите того, кто ярче дня, —
Поймете и простите вы меня!
Дозволите, согласно мне даруя, —
Сюда прийти его уговорю я».
Ответили: «Согласье мы даем.
Все наши разговоры — лишь о нем.
Пусть явится, сияя красотою,
Пусть поразит нас негой молодою.
Ему свои мы отдали сердца,
Хотя не видели его лица.
Мы апельсины поедим с весельем —
Они больным желтухой служат зельем,
Но до тех пор, пока он не придет,
Никто не станет резать вкусный плод».
К Юсуфу мамку с нежными словами
Послала Зулейха: «Предстань пред нами,
О стройный, тонкостанный, появись,
Падем к твоим стопам, о кипарис,
Приди же, о печальный и прекрасный,
Мы будем на твоём пути безгласны».
Но был Юсуф к подобной лести глух,
Он отвратил от мамки взор и слух.
Явилась Зулейха, и на колени
Она пред ним склонилась для молитвы:

«О, выслушать меня ты соизволь,
Моей души отрада, свет и боль!
Надежду я лелеяла вначале,
А ныне я в смятенье и печали.
Познала срам и стыд из-за тебя,
Весь мир меня бранит из-за тебя.
Что ж, свыклась я с твоим высокомерьем,
С твоим ко мне презреньем, недоверьем.
Но ты меня, в чьем сердце скорбь и хворь,
Пред женами Египта не позорь!
Осыпь меня своих речений солью —
На миг расстанусь я с душевной болью.
Поверь мне, я чиста, а не хитра,
Иль мало сделала тебе добра?»
Внимая речи пылкой и искусной,
Согласье дал Юсуф с улыбкой грустной
Пред женами египетских вельмож
Предстать, чтоб видели, как он пригож.
Она взвилась, как ветер исступленный,
Одела юношу в наряд зеленый
И распустила смоль его кудрей, —
Сравни их с амброй влажною скорей,
О нет, скажи: то, мускуса чернее,
Темнеют на траве зеленой змеи!
Роскошный пояс тонкий стан облек,
Чья середина точно волосок:
Дивлюсь, что не сломался он в то время,
Познав жемчужин и рубинов бремя!
На голове — опасный для сердец
Усыпанный камнями венец.
Сандалии рубинами блистали,
Из ниток жёмчуга — ремни сандалий.
Чтоб жены запыхали горячо,
Был переброшен плащ через плечо.
В руке его — кувшин для возлияний,
За ним как тень — невольница в тюрбане,
Она с Юсуфа не спускала глаз,
Держа серебряный широкий таз. . .
Но замолчу: известно ведь заране,
Что был он выше всяких описаний!
Из комнаты он вышел потайной,
Он садом был, он юной был весной,

И вздрогнули египетские жены,
Увидев сад, любовью орошенный!
Они от страсти опьянели вдруг,
Поводья воли выронив из рук.
Душа у каждой вырвалась из тела
И, видно, возвратиться не хотела!
И нож, и апельсин в руках держа,
Не чувствовали остроты ножа,
Нет, не плоды, а собственные руки
Все стали резать в сладострастной муке!
У этих пальцы — перья, что в крови,
Как будто пишут летопись любви.
Перу вступать с ножом в борьбу опасно,
Оно лишь кровь свою прольет напрасно.
У тех ладони — глубже звездных книг,
Черты судьбы читаются на них.
Но звезды, вот беда, в крови сокрыты,
Иль, может, вышли за свои орбиты...
Увидев сотворенного для нег,
Все закричали: «То не человек,
Он — не как мы, не из воды и глины,
То серафим, небесный дух невинный!»
А Зулейха: «Он тот, кого люблю,
Из-за кого обиды я терплю.
Тому виною нежный стан высокий,
Что вы низвергли на меня упреки.
Я, чья душа была в огне, в крови,
Ему призналась первая в любви,
Но не вернул он мне покой и разум,
Ответил на мою любовь отказом.
Но, если он желанью моему
Не подчинится, попадет в тюрьму.
Пускай заставит мрачная темница
Надменного невольника смириться.
Быть может, он смягчит свой гордый нрав,
Тюремные лишения познав.
Он выйдет прирученным из темницы:
Ведь клетка надобна для дикой птицы!»
Из этих жен, что ранили себя,
Рассудок, сердце, душу погубя,
Одна из-за любви к Юсуфу страстной
Скончалась смертью грешной, но прекрасной.

Других безумья одолела тьма,
Они из-за него сошли с ума,
На площади явились пред толпою,
Босые, с обнаженной головою.
Сдружились третьи с болью и тоской,
Увы, навек утратили покой.
Их опьянил Юсуф, и жены эти,
Как Зулейха, к нему попали в сети.
Юсуфа красота — кувшин вина.
Одна от одного глотка пьяна,
В тоске заснула смертным сном другая,
От одного глотка изнемогая.
Для третьей счастье — выпив, умереть,
Четвертой — втайне хочется гореть.
Лишь тем, кто не любил, подарим жалость:
Ведь им и капли хмеля не досталось. . .

ЕГИПЕТСКИЕ ЖЕНЫ, ПОСЛЕ ТОГО КАК ОНИ УВИДЕЛИ ЮСУФА, ПРОЩАЮТ ЗУЛЕЙХЕ ЕЕ СТРАСТЬ

Когда у знатоков товар в чести,
То все хотят его приобрести.
Когда один влюбился, а не двое,
Он может жить в сравнительном покое,
Но если у него соперник есть,
В душе его бушует страсть и месть.
Когда восторг красавиц, как свидетель,
Юсуфа красоту и добродетель
Вновь подтвердил без слов — вскипела вновь,
Сильнее стала Зулейхи любовь.
Сказала женщинам: «Себе от страсти
Порезали вы руки до запястий,
Один лишь раз на юношу взглянув, —
Так странно ли, что нужен мне Юсуф?
Теперь от вас я жду не укоризны,
Я помощи прошу во имя жизни!»
Тогда она услышала от жен
Вины признанье, извинений звон:
«Юсуф — могучий шах в державе сердца,
Где все покорны воле самодержца.
Кто смеет, на него взглянув хоть раз,
Не выполнить любой его приказ?»

Простительно к такой красе влечение —
Ведь в ней самой содержится прощенье!
Разумное найдется ль существо,
Что сразу не влюбилось бы в него?
За страсть к Юсуфу кто тебя осудит?
Никто из нас тебя винить не будет.
Хотя сей мир вращается давно,
Таких красавцев мало рождено,
Пусть каменному сердцу стыдно станет,
На страсть твою пусть он с любовью взглянет»,
Юсуфа стали наставлять потом:
«О ты, кто осчастливил этот дом!
О ты, чья красота подобна чуду,
Чье имя доброе гремит повсюду!
Ты — роза без колючек в том саду,
Где счастье в спутники берет беду.
Ты нам сияешь в первозданных звездах,
Украшив пламя, землю, воду, воздух!
Не заносись в своей гордыне ввысь,
Ты к нам с престола чуточку спустишься.
Вот Зулейха — пыль на твоей дороге,
Так не топчи ее, надменный, строгий.
Ты пыли не отказывай в любви,
Ей милость, целомудренный, яви!
Расстанься ты с уклончивою речью,
Пойди желанью пылкому навстречу.
Пусть даже эта страсть тебе чужда —
Той помоги, кого гнетет нужда.
Будь благодарен за любовь и дружбу
И, благодарный, сослужи ей службу.
Забудь свою гордыню, покорись,
Не то боимся мы, о кипарис,
Что будешь ты из-за своей гордыни
Страдать в неволе, слезы лить в кручине.
Мы знаем, что отчаявшийся друг
Становится врагом опасным вдруг.
Мы знаем: грозного страшась потока,
Погубит мать свое дитя жестоко.
Тебе грозит темницей госпожа.
Там стерегут злодеев сторожа.
Темна, тесна, как грешника могила,
Темница всё живое устрашила.

Приговоренных к смерти там приют,
Туда ни свет, ни ветер не пройдут,
В тюрьме у всех людей дыханье сперто,
Над ней десница бога не простерта.
Там воздух стал рассадником чумы,
Как нива зол — холодный пол тюрьмы,
Там сверху — к страшной казни приговоры,
Там на дверях — отчаянья затворы.
Тюрьма — как склянка, полная смолы,
Ее жильцы одеты в кандалы.
Там скатерти плодами не покрыты,
Там только собственной жизнью сыты,
Там стражи словно созданы для бед,
Соседа ненавидит там сосед.
На лицах стражей частые морщины —
Тюремные решетки для мужчины.
Черны обличья стражей, как зола,
Их злоба сжечь бы целый мир могла!
К чему ж такая мрачная темница
Тебе, чьей красотой мир гордится?
Во имя блага и судьбы своей
Ты Зулейху отныне пожалей.
Не то она из сердца страсть изринет,
Не то она тебя в темницу кинет.
Ты к ней склонись, как к письменам перо,
Чтоб на скрижалях начертать добро.
А если сердце счастья не получит
И прелесть Зулейхи тебе наскучит,
То, скрывшись от ее влюбленных глаз,
Ты стань любовником одной из нас.
Ты посмотри, как мы прекрасны, юны,
Мы — красоты блистающие луны.
Уста раскром — Зулейха тогда
Свои уста закроет от стыда:
Им не сравниться с нашими устами,
И вся она бледнеет перед нами».
Когда Юсуф услышал, поражен,
Призывы, уговоры хитрых жен
Не только ради Зулейхи несчастной,
Но ради них ступить на путь опасный,
Отвергнув честь, и разум, и закон, —
Он отвернул свой лик от знатных жен.

Он поднял руки, обратился к богу:
«Ты указуешь страждущим дорогу,
Безгрешных, целомудренных храня,
От всякого несчастья ты броня.
Отшельнику в уединенной келье
Даруешь непорочное веселье.
Тюрьма гораздо больше мне мила,
Чем этих грешниц речи и дела.
Навек да станет мне жильем темница,
Чтоб я не видел больше эти лица!
Язык соблазна, сладострастный взгляд,
Боюсь, меня от бога отвратят.
И если ты от сих блудниц лукавых,
Забывших о законах и уставах,
Не вызволишь меня, то горе мне:
Придется жизнь прожить в позоре мне!»
Поскольку о тюрьме он стал молиться,
То и была ему дана темница,
А попросил бы волю дать ему —
Не бросил бы господь его в тюрьму:
Тогда Юсуф не ведал бы до гроба,
Что значит гнет и мерзких стражей злоба.

ЕГИПЕТСКИЕ ЖЕНЫ ПОДСТРЕКАЮТ ЗУЛЕЙХУ ОТПРАВИТЬ ЮСУФА В ТЕМНИЦУ

Распутницы, что, как своим богам,
Служили только собственным грехам,
Увидели, что чужд Юсуф порока,
Что предан целомудрию глубоко.
Поняв, что к солнцу не пристанет грязь,
Они, в мышей летучих превратясь,
Сошлись, жену азиза подстрекая,
В тюрьму Юсуфа бросить предлагая:
«Ты — чистая, достойная жена,
И так страдать из-за раба должна!
Пускай Юсуф зачат не девой рая,
Ты не мечтай о нем, его желая.
Старались мы, чтоб он любовь постиг,
У каждой как напильник стал язык.
Но оказался твой Юсуф железным,

А языка напильник — бесполезным.
Темницу горном сделаться заставь
И то железо в пламени расплавь:
Расплавится, познав пыланье горна,
И станет кузнецу оно покорно.
А если сталь останется тверда,
Тебе не покорится никогда».

Внушили Зулейхе, что лишь темница
Поможет с милым ей соединиться.
Она, спеша к блаженству своему,
Его решила заточить в тюрьму. . .
Когда в любви благого нет порыва,
Она бездушна и себялюбива.
Тогда предмет любви всего лишь вещь,
Тогда огонь любви жесток, зловещ,
Пахучей розой овладеть желая,
Вонзит в нее шипы любовь такая. . .
Однажды с мужем Зулейха легла.
Сказала: «Надо мной сгустилась мгла,
Из-за раба должна страдать в Египте,
Меня хулят и чернь и знать в Египте!
Смотри же, вся уверена страна,
Что я в раба-красавца влюблена,
Что, пронзена его стрелой каленой,
Я трепещу, как дичь в степи зеленой,
Что ранена я собственной тоской,
Одна стрела сидит в стреле другой,
Что целиком ему принадлежу я,
Ему, слуге, в своей любви служу я.
Везде шумит молва — так почему
Не заточишь ты юношу в тюрьму?
Пусть он пойдет в тюрьму, как виноватый,
Пусть возгласит на улицах глашатай:
«Он господина оскорбить хотел, —
Смотрите же, каков его удел!
Пятой ступил он на ковер владыки,
Забыв о том, что страшен грозноликий!»
Тогда увидят все, что я чиста,
Твой гнев закроет лживые уста».

Для мужа речь жены была утешна,
Азиз подумал, что она безгрешна.
Сказал: «И мне покоя не дано,

Об этом деле думаю давно,
Но жемчуг мысли мной не обнаружен,
А мысль твоя — ценнее всех жемчужин,
Теперь в твоих руках его судьба,
Твоею жертвой сделаю раба».
Согласье мужа получив сначала,
Она пришла к Юсуфу и сказала:
«Тоска и сладострастье ты мое,
Единственное счастье ты мое!
Азизом власть дана мне над тобою,
Владею ныне я твоей судьбою.
Я захочу — пошлю тебя в тюрьму,
А захочу — до неба подниму.
Смирись: доколь терпеть твое упорство?
Смирись: покорство лучше непокорства!
Приди ко мне, как самый близкий друг,
Меня избавь от зла, себя — от мук.
Дай счастье мне — воздам тебе сторицей,
Я вознесу тебя над всей столицей.
А не поступишь так, как я хочу, —
Навек тебя в темницу заточу.
Но чем сидеть в темнице, в подземелье,
Не лучше ли со мной сидеть в веселье?»
Юсуф ответил, тяжело вздохнув, —
Ты знаешь сам, что ей сказал Юсуф!
Такой ответ в ней вызвал ярость злобы.
Она велела грубым стражам, чтобы
С него сорвали золотой венец, —
В дерюгу пусть оденется юнец!
И вот железы у него на теле,
В ошейник рабства голову продели,
И вот его погнали на осле,
Как некогда Ису по той земле.
На улицах кричал глашатай резко:
«Отныне каждый раб, который дерзко
Ногою ступит, как злодей и вор,
На господина своего ковер, —
Пройдет в позоре через всю столицу,
Он будет, жалкий, заключен в темницу!»
Но, глядя на красавца, весь народ
В Египте говорил: «Глашатай врет!
Ужели тот, кто так прекрасен с виду,

Мог нанести кому-нибудь обиду?
Он — ангел, а известно издавна:
Над ангелом не властен сатана.
Прекрасно встарь изрек мудрец великий:
«Не ведает греха прекрасноликий.
У тех, чей лик прекрасен, хороша,
Еще красивей, чем лицо, душа.
Но хуже мерзкого лица урода
Его душа и вся его природа.
Как чужды мерзким добрые дела,
Чужда красивым грязь греха и зла!»
На всем пути Юсуфа избивали
И бросили в темницу, в дом печали.
В тюрьму пошел он, юностью дыша —
Так входит в тело мертвое душа.
Явил он узникам лицо владыки,
И подняли они в темнице крики.
Его лица увидев благодать,
Они оковы стали разбивать.
Для них кандалный звон стал звоном воли,
Ошейник — ожерельем светлой доли.
Их горе сделалось горой добра,
Пушинкой легкою — скорбей гора.
И впрямь: когда придет муж безгрешный,
То станет раем даже ад кромешный,
Когда блеснет его чудесный лик,
То превратится даже печь в цветник.
А Зулейха, когда свершилось дело,
Начальнику тюрьмы сказать велела:
«Ты впредь не будь с несчастным слишком
строг.
Сними ошейник с шеи, цепи — с ног.
Одень его, как юного супруга, —
Прекрасный стан пусть не дерет дерюга!
Венцом богатым узника укрась,
Смой с головы его несчастий грязь.
Ты отведи ему покой особый,
Держи его вдали от вашей злобы.
Светильник ты внеси в его покой,
Пролей на стены мускус дорогой,
Покрой парчою пол, как у вельможи,
Из бархата и шелка сделай ложе».

Но в том покое узник распростер
Пред господом смирения ковер.
Юсуф мирскую позабыл тревогу
И, как всегда, молиться начал богу.
Когда мужчина видит божий дар
В том, что избавился от женских чар,
То никакой беды он не страшится:
Над ним простерта господа десница.
А если и страшит его беда,
Он ждет, как счастья, божьего суда!

**ЗУЛЕЙХА РАСКАИВАЕТСЯ В ТОМ,
ЧТО ОТПРАВИЛА ЮСУФА В ТЕМНИЦУ**

Как в нашем древнем голубом чертоге
Несведущ человек, умом убогий!
Увы, не видит блага своего
Неблагодарнейшее существо!
Не ценит благ, пока их не утратит,
И дорого потом за это платит!
Любовью пламенной пресытись вдруг,
Легко с подругой растается друг,
Но терпит он неслыханные муки
И тает как свеча в огне разлуки.
Когда Юсуф, как луч, в тюрьму проник,
То в ней расцвел для узников цветник.
Для Зулейхи ее дворец был садом,
Пока Юсуф с ней находился рядом,
А без него, без пальмы молодой,
Ее дворец стал для нее тюрьмой.
И в той тюрьме из-за разлуки вскоре
Стократ сильнее влюбленной стало горе.
Печален для влюбленных тот приют,
Где призраки былой любви живут.
Без розы разве есть в саду отрада?
Одни колючки на дорожках сада!
К чему колючки? Чтоб еще больней
Тоска тебя пронзила, соловей!
Увидев сад без розы, словно завязь
Она зажглась, от горя окроваваясь.
Тоске души влюбленной не дивись:
Как перышко, душа взлетает ввысь!

Влюбленная, чтоб легче стало сердцу,
Пред гостьей-счастьем открывает дверцу...
Царапая свой лик, его звала,
Пылая, волосы свои рвала,
А лик и кудри — не душа ль влюбленной,
Разлукой и тоской испепеленной?
В литавры битвы стала бить она:
Разлуке, мол, объявлена война,
Но, войско красоты возглавив смело,
Всё ж в битве поражение потерпела...
Не высохали слезы на глазах,
А голову ее осыпал прах.
Из слез и праха вышло столько глины
Для сердца, превращенного в руины!
Но сердце, что разрушила любовь,
Не восстановишь этой глиной вновь.
В рубины губ она вонзала зубы,
Терзала сердоликовые губы, —
Иль кровь из сердца просочилась вдруг,
И охватил страдальицу испуг?
Где были розы — лилии отныне:
Так щеки от ударов стали сини.
Известно всем: цвет счастья — красный цвет,
А кто скорбит, тот в синее одет.
Смотри: черты ее лица — скрижали,
Там письма кровавые пылали!
Твердила: «Кто, как я, тоской объят?
Кому, как мне, достался жгучий яд?
Сама себе я выколола очи,
Сама себя столкнула в пропасть ночи,
Сама низвергла на себя топор, —
Кто из людей мне равен с этих пор?
Сама несчастья подняла я ношу,
Умру, а наземь груза я не сброшу!
Увы, душа моя была в огне,
Когда красавца привели ко мне,
Перехитрить судьбу мне надлежало,
Но за полу его не удержала!
Теперь не знаю, как спасти себя,
В безумье жалком дни свои губя».
Так плакала бессонными ночами,
Измучив сердце горькими речами.

Дрожала, свежесть ветерка вдохнув, —
Во всем, везде ей чудился Юсуф!
Она в руках сжимала то и дело
Рубашку, что его касалась тела,
Она вдыхала, горечи полна,
Как запах розы — запах полотна.
Она к глазам рубашку прижимала
И воротник, тоскуя, целовала:
«Ты — нить моей судьбы, о воротник,
Ты шею обнимать его привык!»
Как бы пожатьем победив разлуку,
В рукав рубашки продевала руку,
Дышала трепетно и горячо,
Как бы почувствовав его плечо.
Прикладывала полные надежды
Свои глаза к краям его одежды,
Даря свои лобзания поле,
Валялась в унижение на земле.
Венец увидев, что теперь не нужен
Был узнику, — немало слез-жемчужин
Из глаз роняла, как бы говоря:
«Утратил мир прекрасного царя!»
Взглянув на пояс, говорила: «Стану
Ему рабой, к его приникну стану!»
Казалось, как газель, умрет от ран,
На шею повязав его аркан.
Его увидев шелковые платья,
В слезах стремилась к милому в объятья,
Слезами расцветив свою тоску,
Узоры выводила на шелку.
Как сладко было ей в живой печали
Облобызать ремни его сандалий!
Ей стать бы этой обуви четой,
Иначе жизнь окажется тщетой!
Его ремнем затягивалась — кожа
Ремня со жгучей раной стала схожа...
Так проводила дни свои она,
В одежду горести облачена.
Теперь всем сердцем поняла унылым,
Как тяжела, черна разлука с милым!
Она раскаивалась, сделав зло,
Но лишь терпенье ей помочь могло.

А как терпеть, коль жизнь она готова
Отдать за прелесть лика молодого?
Когда придет возлюбленной черед,
Вслед за подругой верный друг умрет.
Разлука станет болью исступленной,
Коль близок был с возлюбленной влюбленный,
А для не знавших близости — не столь
Безмерна и ужасна эта боль.
Она, страдая, отреклась от страсти
И заточила собственное счастье.
И что же? Смерть свою звала теперь,
Кричала, билась головой о дверь,
На крышу, как дозор, она взбиралась, —
Упасть, разбиться, что ли, собиралась?
Иль в косах цвета ночи, как в петле,
Хотела жизнь окончить на земле?
Невмоготу ей стало жить на свете,
Она искала горький яд в шербете,
Она искала смерти каждый час,
От наслаждений мира отрешась.
Кормилица ей целовала ноги,
Молилась богу в смуте и тревоге,
Желала ей: «Да обретешь ты вновь
Возлюбленного и свою любовь,
Да обретешь в разлуке радость встречи,
Да горе от тебя уйдет далече!
Нельзя же так безумствовать, скорбя!
Очнись и наконец приди в себя!
Из-за тебя сердца друзей в унынье, —
Кто делал то, что делаешь ты ныне?
Я знаю свет, послушай мой совет:
Терпи, терпи, иного средства нет!
Себя в огне безумия не мучай,
Залей водой терпенья пламень жгучий.
Ты, вихрь несчастий встретив на пути,
Соломинкой бессильной не взлети.
Ты стой горой среди пути земного.
Терпенье — счастья вечного основа.
Терпенье, увенчав твои труды,
Тебе надежды принесет плоды.
Терпенье той волшебнице подобно,
Что воду в жемчуг превратить способна.

Терпенье превращает в злак зерно, —
Насытит хлебом путников оно.
Терпение, призвав на помощь время,
В дитя в утробе превращает семя!»
Ища успокоенья, Зулейха
К таким советам не была глуха.
Приняв слова кормилицы на веру,
Терпенья испытать решила меру...
Влюбленный, слух к советам обратив,
Становится на время терпелив,
Но вновь нетерпеливо жаждет встречи,
Едва советчика умолкнут речи.

ЗУЛЕЙХА В РАЗЛУКЕ С ЮСУФОМ ТЕРЯЕТ ТЕРПЕНИЕ

Как только день-Юсуф в тюрьме поник,
От неба-Зулейхи сокрыв свой лик,
Затмилось небо-Зулейха слезами,
Ища Юсуфа черными глазами.
Но так как в слезы просочилась кровь,
То небеса воспламенились вновь,
И сердцем окровавленным казалась
Заря, невольно вызывая жалость:
Кровавая пылала полоса,
Стенаний раздавались голоса...
Для тех, кто любит, день страшнее ночи,
А ночью их тоска еще жесточе.
Их день разлукой черной омрачен,
А ночью мрак теснит со всех сторон.
От жгучей скорби днем черны их лица,
А по ночам дано им с мраком слиться.
От бремени угрюмо разрешась,
Рождает ночь тоску в тревожный час;
Ребенок, вытолкнутый из последа,
Пьет кровь сердец, как отпрыск людоеда!
Как злится ночь, неожиданно обретя
Такое кровожадное дитя!
Когда пред Зулейхой, дрожа от гнева,
Явила ночь свое большое чрево,
Для сердца месяц не сиял во тьме,
А тот, кто сердце взял, сидел в тюрьме.

Мрак не развеют ни луна, ни свечи,
Когда нельзя достичь с любимым встречи!
Кровь сердца на ее глазах зажглась,
Она рыдала, не смыкая глаз:
«Дано ль в темнице отдохнуть Юсуфу?
Прислуживает кто-нибудь Юсуфу?
Придет ли ночью кто-нибудь в тюрьму,
Желая ложе постелить ему?
Кто поглядит на юношу с любовью,
Приникнув, как светильник, к изголовью?
Кто сможет с лаской пояс развязать?
Кто сможет сказку на ночь рассказать?
Мой милый стал ли прирученной птицей?
Он свыкся ли с ужасною темницей?
Ужели розоликий стал тусклей
И раскрутились завитки кудрей?
Иль стали желтыми в тюрьме ланиты,
А гиацинты локонов развиты?
А сердце, как цветок, познавший зло,
Увяло иль внезапно расцвело?»
Такой была ее речей унылость,
Покуда стража стражей не сменилась.
Терпенье в ней иссякло, как родник,
А нетерпенье пламень в ней возник.
В ней страсть забушевала молодая,
Сказала мамке, плача и рыдая:
«Пойдем с тобою к узнику вдвоем,
Тайком в обитель горечи войдем.
Мы, прячась в уголке, к нему не выйдем,
Но юный месяц в кандалах увидим.
Цветущим садом назовет знаток
Темницу, где такой сокрыт цветок.
Душа того, кто любит, в сад стремится,
Но садом стала для меня темница».
Пошла, как кипарис, отрада глаз.
Как тень за нею мамка поплелась.
Начальнику темницы приказала,
Когда пред ним таинственно предстала, —
Мол, пусть пред ней в тюрьму откроет путь,
Чтоб издали на узника взглянуть.
Вошла — и что же? Как луна, сиял он.

На коврике молитвенном стоял он,
Стоял он, как свеча, перед творцом,
Несчастных озарив своим лицом.
То гнул он тонкий стан, как месяц юный,
И падал свет из глаз, как отблеск лунный,
То каялся в людском извечном зле,
Как стебель розы, принимал к земле,
То к богу он взывал душой живою,
Поникнув, как фиалка, головою.
Она забила в темный уголок.
Он, близкий ей, стал от себя далек.
Она к нему почувствовала жалость,
Глаза росой покрылись, сердце сжалось.
Сказала: «О мечта красавиц всех,
Всех женщин страстный сон и сладкий грех!
Смотри: из-за любви к тебе горю я,
Лишь о тебе, лишь о тебе горюя!
Хоть наша встреча и была светла,
А мой огонь водой не залила.
Меч равнодушия вонзил в меня ты,
Но каешься ли ты, как виноватый?
Да будет слава твоему добру:
Я лишена его — и я умру.
Молитвы милосердия подьемлешь,
Но лишь моим ты жалобам не внемлешь.
Тоска моя сильнее день ото дня!
О, если б мать не родила меня!
А родила, — ужели надо было,
Чтобы меня кормилица вскормила?
Вскормила, но зачем же молоком?
Уж лучше б яду мне дала тайком!»
Она стоит в одном углу темницы,
Юсуф — в другом, меж ними нет границы,
Но Зулейха тоскует о своем,
Он — о своем, хотя они вдвоем.
Спокоен с виду, к ней не подошел он,
Хотя узнал ее, смятенья полон.
. . .Сверкнуло утро свежее красой,
Как Зулейха, заплакало росой.
Слились на стогнах града утром рано
Крик муэдзина с громом барабана.
К дворцовым трубам обратив свой слух,

Поднялся, шею вытянув, петух.
 Вот Зулейха, в блистании денницы,
 Ушла, поцеловав порог темницы,
 Но стала посещать с тех пор тюрьму,
 Спеша к нему, к мечтанью своему.
 И эти посещения ночные
 Смысл бытия открыли ей впервые.
 Что страсть к свободе, к сладкой жизни
 страсть
 Пред страстью Зулейхи в тюрьму попасть?
 Но если друг любимый твой в темнице,
 То жизнь твоя, твой свет живой — в темнице!

**ЗУЛЕЙХА ДНЕМ ПОДНИМАЕТСЯ НА КРЫШУ
 СВОЕГО ДВОРЦА И ОТТУДА СМОТРИТ
 НА КРЫШУ ТЮРЬМЫ**

Ночь для влюбленных чудных тайн полна,
 Им песню о любви поет она.
 То, что пугается дневного света,
 Во тьме ночной не ведает запрета.
 С ночью скорбью на заре простясь, —
 О нет, от траура освободясь, —
 Познала Зулейха беду иную:
 Дневную смуту и печаль дневную.
 Она пойти в темницу не могла,
 А жизнь ей без темницы немила...
 И каждый день, стерпеть не в силах муку,
 Рабыне верной сунув деньги в руку,
 Приказывала ей идти к нему,
 К Юсуфу, заключенному в тюрьму,
 И с нею, как с любимым, обращалась,
 Когда назад рабыня возвращалась.
 Ее глаза лобзала госпожа
 И падала к ее ногам, дрожа:
 «О ноги, что пришли к желанной цели!
 Глаза, что на желанного смотрели!
 К его ногам я не могу припасть,
 Его глазами насладиться всласть, —
 Так поцелую те глаза, которым
 Дано было с его встречаться взором,

Так я лицом приникну к тем ногам,
Что хоть однажды побывали там!»
Затем с волнением неизъяснимым
Ее расспрашивала о любимом:
«Не подурнел ли он в тюрьме сырой?
Не притесняют ли его порой?
Не высох ли в темнице безотрадной?
Увял ли он, вдыхая воздух смрадный?
Мою еду отведал или нет?
Меня забвенью предал или нет?»
Затем, ответы выслушав рабыни,
Она вставала в смуте и кручине.
Увенчан был красавицы дворец
Беседкою — отрадою сердец.
Была видна оттуда вся столица,
Виднелась из беседки и темница.
Там в горьком одиночестве своем
Сидела Зулейха и день за днем
Смотрела на темницу издалека
И говорила, мучаясь жестоко:
«Кто я такая, чтоб в блаженный миг
Смотреть могла я на бесценный лик?
Одно лишь благо суждено мне свыше:
На крышу той тюрьмы смотрю я с крыши.
Того мне хватит, что среди тревог
Тюрьмы я вижу стены и порог.
Любимый мой живет везде и всюду,
Где существует жизнь, подобно чуду!
Там, где живет он, крыша — небосвод:
Под крышей солнце дней моих живет!
Как счастлива земля тюрьмы, лобзая
Стопы того, кто к нам пришел из рая.
Как счастлива я, глядя на тюрьму
И умирая от любви к нему!
Во имя милого, во имя солнца,
Низринусь из тюремного оконца,
Увидев, где красавец мой прошел,
Темницы я облобызаю пол.
Его лицом озарена темница,
И амбра от его кудрей струится!»
Так размышляя и судьбу кляня,
Она сидела до заката дня,

Так мучилась ее душа, — короче,
Так ожидала наступленья ночи.
А ночью, — ночью не ложилась спать,
Она к нему в темницу шла опять.
Беседка — днем, а по ночам — темница.
И там и тут ее душа томится.
Весь мир отринув, по ночам и днем
Лишь о Юсуфе думала одним,
Но, помня лишь о нем, себя забыла,
Ища добра, лишь в нем добро любила. . .
Порой служанки с ней заговорят,
Она им отвечает невпопад
Иль говорит: «Что вам могу сказать я?
Я слышу вас, но лишена понятия,
А чтобы ваши поняла слова,
Меня коснитесь, девушки, сперва.
Едва лишь кто-нибудь меня коснется,
Приду в себя, мой слух для вас проснется.
Я без Юсуфа — не в своем уме,
Душа моя не здесь — она в тюрьме».
Настолько стала Зулейха недужна,
Что порешили: кровь пустить ей нужно.
Кровь на пол пролилась, а там, сверкнув,
Явила письмена: «Юсуф, Юсуф!»
Всевышний лекарь, взяв ланцет печали,
Лишь это имя вывел на скрижали.
Так овладела любящей любовь,
Что это имя просочилось в кровь. . .
Блажен влюбленный, взысканный судьбою,
Но только тот, кто жертвует собою,
Кто, лишь одной возлюбленной дыша,
Сольется с нею, как с душой душа,
Кто безразличен к запахам и краскам,
Кто равнодушен к тяготам и ласкам,
Кого всецело поглотила страсть,
Кто презирает и престол и власть,
Кто ищет счастья лишь в любви могучей,
Кто вне любви не хочет доли лучшей,
Чье сердце лишь любовь всегда влечет,
Себя ж не принимает он в расчет,
Кто лишь тогда постиг душою зрелость,
Когда любовью сердце загорелось. . .

И ты избавься от себя, Джами,
И в сердце вечную любовь прими.
Тогда придешь к блаженному чертогу,
В обитель счастья ты найдешь дорогу.
Да приведет тебя любовь твоя
В страну счастливого небытия!
Ты знал ли зло до своего рожденья?
Уйди ж, узнай добро уничтоженья!
Уйти от «я» тебе давно пора,
Иначе ты не обретешь добра!

**ЮСУФ РАСТОЛКОВЫВАЕТ СНЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ,
БЫВШИХ РАНЬШЕ ПРИБЛИЖЕННЫМИ
ВЛАСТЕЛИНА ЕГИПТА, И ПРОСИТ НАПОМНИТЬ
ФАРАОНУ О СЕБЕ**

Счастливец, блеском счастья с мраком споря,
Стремится мир освободить от горя.
Терновник превращает он в цветник,
Гнилую воду — в мускусный родник.
Пройдет, как туча над засохшей нивой, —
И нива расцветет, как рай счастливый.
Как ветерок, он вступит в юный сад —
Как светочи, растенья заблестят.
В тюрьму войдет, исполненный участья, —
И засмеются узники от счастья.
Юсуф явился, как весна сама, —
И стала ярким цветником тюрьма.
Обрадовались все его приходу,
Забыв печаль, и смуту, и невзгоду.
Он цепи в ожерелья превратил,
А звон их — в звон веселья превратил!
Случалось, что несчастный заключенный
Заболел, страданьем отягченный,
Тогда Юсуф, как лекарь, день и ночь
Его лечил, стремясь ему помочь.
Случалось, что, отчаяньем охвачен,
Вдруг становился узник зол и мрачен,
Тогда Юсуф с ним говорил светло,
И светом блага побеждалось зло.
Несостоятельный должник в смятенье
Не знал, как отвратить свое паденье,

Но золота ему давал Юсуф,
Оковы разоренья разомкнув.
Вдруг страшный сон увидит заключенный,
Кричит, в пучину бреда погруженный, —
Придет Юсуф и растолкует сон,
И тонуший ликует: он спасен! . .
Два мужа, к фараону приближенных,
Увы, познали участь заключенных,
И в скорбные, томительные дни
В тюрьме с Юсуфом сблизилась они.
Заснули ночью узники однажды.
Необычайный сон увидел каждый:
Сулил он волю одному, помет,
Другому предвещал, что тот умрет,
Но этих снов мужи не понимали
И мучились под бременем печали.
Юсуфу сны поведали, грустны,
Юсуф мужам растолковал их сны.
Был поутру один в петле удушен,
Другой — в чертоги царские отправлен.
Когда тот муж к властителю пошел,
Туда, где блещут слава и престол, —
К вельможе, что в счастливый день родился,
Юсуф с покорной просьбой обратился:
«Как только попадешь ты на прием,
Как только сможешь говорить с царем,
Ты обо мне властителю напomini:
Тем самым и тебе помочь дано мне.
Скажи владыке: „Сын чужой земли
Скорбит от правосудия вдали.
Невинного не мучай, царь державы,
Далек от правосудья путь неправый“».
Когда предстал счастливец пред царем,
Который на него взглянул с добром,
Забыл он в этот светлый час Юсуфа,
Забыл на много лет наказ Юсуфа.
Он обещал, но только скорбь и зло
То древо обещаний принесло. . .
Так повелось: тот, кто достиг удачи,
Кто стал знатней, счастливей и богаче,
Кто стал владельцем многих благ земных,
Не любит заступаться за других.

Никто ему не мил, никто не нужен,
Он в мире только сам с собою дружен.
Он полон только о себе забот,
А думать о других перестает.
Всю дань любви он лишь себе приносит
И никого ни за кого не просит.

**ФАРАОН ТРЕБУЕТ К СЕБЕ ЮСУФА,
ЧТОБЫ ТОТ РАСТОЛКОВАЛ ЕГО СОН.
ЮСУФ ПРОСИТ ПРАВОСУДИЯ**

Есть хитрые замки, к таким замкам
Ключей не подобрать и знатокам!
Мудрец открыть такой замок бессилен.
Ты скажешь: разум изнемог, бессилен!
Уж кажется, что сделать ничего
Здесь ни одно не может существо,
Как вдруг открыть замок неведь откуда
Возможность появляется, как чудо!
Юсуф от ожидания устал,
Надеяться на счастье перестал,
Себя всецело поручил он богу,
Лишь в нем ища опору и подмогу,
А «я» свое сумел он побороть, —
И милость ниспослал ему господь.
Однажды, в час ночной, в виденье сонном,
Предстало семь коров пред фараоном;
И были все упитаны, жирны —
Казались украшением страны!
Затем во сне он семь других увидел,
Семь изможденных и худых увидел:
Они, напав на жирных семерых,
Как луговую травку, съели их.
Затем, с отрадой взор на поле бросив,
Увидел царь созревших семь колосьев.
На зрелые напали семь сухих,
Смешались с ними и пожрали их.
Царь вопрошил мудрейших, встав с постели,
Об этом сне, о непонятном деле.
«Сей странный сон, — услышал он в ответ, —
Пустая выдумка, нелепость, бред.

Его растолковать не в силах разум,
Его из сердца вычеркни ты разом».
Но юный муж, Юсуфа прежний друг,
Об узнике несчастном вспомнил вдруг:
«Сидит в темнице юноша чудесный.
Ему законы разума известны.
Он вдохновенно объясняет сны —
Он жемчуг достает из глубины.
Позволь, о царь, с ним поделиться тайной,
Он растолкует сон необычайный».
А царь: «К чему согласие иль приказ?
Что для слепца милее зрячих глаз?
Ослеп мой разум: он понять не может
Значенье сна, что так меня тревожит».
К Юсуфу юный муж пошел в тюрьму,
Поведал сон властителя ему.
Сказал Юсуф: «Колосья и коровы —
Суть годы то хороший, то суровый.
Колосья тучные и жирный скот
Египту предвещают добрый год,
А тощий скот и хлебный злак бесплодный
Египту предвещают год голодный.
Иди и расскажи, что фараон
Увидел не простой, а вещий сон.
Семь лет пройдут, дождем страну лаская
И радуя обильем урожая,
А за годами добрыми вослед
Наступят семь иных, голодных лет,
Начнутся муки тяжкие народа
Из-за бескормицы и недорода.
Дождем не разразится небосвод,
А на земле травинка не взойдет.
Богач забудет о хорошей пище,
Погибнут с голоду бедняк и нищий.
За корку хлеба, как за благодать,
Все будут рады жизнь свою отдать».
Такой ответ вельможа светлолицый
Принес царю Египта из темницы.
Сверкала речь Юсуфа так светло,
Что сердце фараона расцвело.
Сказал: «Иди и приведи провидца,
Беседой с ним хочу я насладиться».

Пусть сам свои слова он скажет мне, —
Покажутся мне сладкими вдвойне,
Коль светоч мудрости наш собеседник,
То для чего нам надобен посредник?»
Придворный вновь отправился в тюрьму,
Сказал бывшему другу своему:
«О светлый кипарис в саду святыни,
Вставай и в царский сад отправься ныне,
Иди к царю и сад его густой
Своей укрась победной красотой!»
— «Нет, не пойду, — Юсуф ответил сразу. —
Я без вины по царскому указу
Был заточен в тюрьму на много лет,
Где для меня погас надежды свет.
А коль душа владыки пожелала,
Чтоб вышел я, скажи ему: „Сначала
Ты знатных жен вели собрать сейчас,
Тех, кто, меня увидев в первый раз,
Порезали себе в восторге руки,
А после обрekli меня на муки.
Пусть прямо скажут, в чем моя вина,
За что мне жизнь в неволе суждена.
Поймет, быть может, разум властелина,
Что честен я, что осужден невинно,
Что никогда не промышлял я злом,
Не делал преступленье ремеслом.
Слуга правдивый, искренний, смиренный,
В том доме я не совершал измены.
Уж лучше с царской убежать казной,
Чем стать предателем в семье родной!“»
Такой ответ послал он с приближенным
Царя, и царь велел знатнейшим женам,
Чтоб во дворец явились в краткий срок,
Спеша, как бабочки на огонек.
На жен взглянул он гневными глазами,
Уста открыл он, извергая пламя:
«Зачем светильник сердца молодой
Вы погасили злобной клеветой?
Зачем такую светлую денницу
Вы заключили в мрачную темницу?
На идола надели кандалы,
А для него и розы тяжелы!

Как не измучит розу цепь стальная,
Когда трудна ей даже рябь речная!»
— «О царь, — сказали женщины в ответ, —
Мы на Юсуфа возвели навет.
Он чистоты и святости вершина,
Его душа безгрешна и невинна:
Нет жемчуга подобной чистоты,
Он, непорочный, жертва клеветы!»
Меж этих жен и Зулейха сидела,
От зла и лжи освободясь всецело.
Она и чище стала, и честней,
Познав смирение в любви своей.
Одна лишь правда стала ей желанна,
Воскликнула она, чужда обмана:
«На мне, на мне одной лежит вина,
Да прояснится истина сполна!
Юсуф безгрешен — я же грех свершила:
Из-за любви к Юсуфу согрешила!
Сперва пыталась я его сломить,
К сожителству со мной его склонить,
Но был он тверд, не стал на путь порока, —
Тогда я с ним расправилась жестоко.
Из-за меня он угодил в тюрьму,
Но тосковать я стала по нему.
Уже не знала скорбь моя предела,
И я сама Юсуфа пожалела.
Да будет он вознагражден за зло,
Что от меня к невинному пришло!
Любая для него мала награда —
Ее стократно увеличить надо!»
Взыскав светлой правды, фараон
Был этими словами восхищен.
Велел: «Невинного освободите
И во дворец Юсуфа приведите.
Он — древо знания, красоты, ума,
А древу нужен сад, а не тюрьма.
Он — царь в державе сердца, так доколе
Он восседать не будет на престоле?»

**ЮСУФ ВЫХОДИТ ИЗ ТЮРЬМЫ.
ФАРАОН ВОЗВЫШАЕТ ЕГО. УМИРАЕТ АЗИЗ.
ЗУЛЕЙХА СТРАДАЕТ В ОДИНОЧЕСТВЕ**

Так этот мир устроен с древних лет:
Без горечи в нем жизни сладкой нет.
Ребенок, что сияет, как денница,
Во чреве девять месяцев томится.
Рубин, что так пленительно блестит,
В породе скальной до поры сокрыт.
Юсуф увидел утро светлой доли,
Когда исчезла ночь его неволи.
Тоска давила душу, как гора, —
Взошла из-за горы заря добра.
Он был с почетом встречен фараоном.
Тот приказал рабам и приближенным,
Чтоб все надели праздничный наряд,
Чтоб выстроились все за рядом ряд
На площадях и улицах столицы —
От царских врат до скорбных врат темницы.
Пришли невольники на царский зов,
Сверкая позолотой поясов.
Над ними верховые возвышались,
На скакунах арабских красовались.
Пришли певцы, пленили всех кругом
Еврейским и сирийским языком.
Пришли сановники, мужи совета,
Монеты рассыпая в знак привета.
Подолы растопырил бедный люд, —
Мол, пусть на них монеты упадут!
Одетый, как вельможа величавый,
Отправился Юсуф к царю державы.
Казалось, что скакун его блестит, —
Весь в золоте от гривы до копыт.
Повсюду с амброй, с мускусом сосуды,
Рассыпаны монеты, изумруды,
Повсюду золото на его пути,
Чтоб нищий мог богатство обрести.
Когда, завидев царские чертоги,
Юсуф сошел с коня, ему под ноги
Поспешно разостлали мех, атлас,
Чтоб голова высоко вознеслась.
И по мехам, и по шелкам ступал он, —

Нет, как луна по облакам ступал он!
Как светлый день, что счастьем напоен,
К нему навстречу вышел фараон.
Он крепко сжал в своих объятьях тесных
Живую пальму цвета роз чудесных,
Юсуфа пред собою на престол
Он усадил и разговор повел.
Сон объяснить он попросил сначала,
И речь Юсуфа снова зазвучала.
Потом беседа во дворце пошла
Про всякие события и дела,
И царь, Юсуфа мудростью согретый,
Расцвел, услышав точные ответы.
Затем сказал: «Мне речь твоя ясна,
Уразумел я толкованье сна,
Но как, скажи, могу предотвратить я
Погибельные для страны события?»
Сказал Юсуф: «Пока цветет пора
Богатства, изобилия, добра,
Пусть каждый, будь он бедным, будь
владельцем,

Отныне станет только земледельцем.
Скажи им раз и повтори опять:
Ногтями камни следует взрыхлять!
Таким трудом пусть урожай умножат,
Часть урожая про запас отложат.
Колосья для того заострены,
Чтоб острием пронзать врагов страны.
Не бойся голода и недорода,
Когда зерно есть в закромах народа.
Зерно, отложенное про запас,
Насытит египтян в тяжелый час.
Пусть каждый дом возглавится главою
С душою честной, с умной головою,
Чтоб ясно понял цель и суть зерна, —
Тогда с работой справится сполна.
Из тех, кто на земле стремится к цели,
Я — самый сведущий во всяком деле.
Мне равного ты не найдешь в стране,
Так поручи ты это дело мне».
Царя потряс Юсуфа ум глубокий,
И царь возвел Юсуфа в сан высокий,

Юсуфу подчинил он всю страну,
Вручил ему и войско, и казну,
Назвал главой над верхом и над низом,
Нарек его египетским азизом.
Когда Юсуф на трон ступал стопой,
Египет припадал к нему с мольбой.
На площадь выходил азиз великий —
Гремели жен восторженные крики.
Куда бы ни направился, вокруг
И перед ним скакали сотни слуг.
Он посещал и край любой, и область
С огромным войском, выказавшим доблесть.
Когда его так возвеличил бог,
Так высоко ему взойти помог,
Померкло прежнего азиза счастье,
Затмился день, обрушилось ненастье.
Он быстро от позора постарел,
Мишенью стал для смертоносных стрел.
Так Зулейха познала участь вдовью,
В разлуке с милым обливаясь кровью,
Свой стан под гнетом горести согнув:
Ушел азиз и не пришел Юсуф...
Так небо поступает постоянно:
Ласкает поздно, ненавидит рано,
Того взметнет, как солнце, на плечах,
А этого, как тень, затопчет в прах.
Блажен мудрец, чья мысль вселенной шире,
Кто проявил терпенье в этом мире:
Не плачет он, когда гнетет беда,
И счастьем не гордится никогда.

ЗУЛЕЙХА ПОСЛЕ СМЕРТИ МУЖА СТРАДАЕТ ИЗ-ЗА ЮСУФА

Не знает сердце радости и света,
Когда оно любовью не согрето.
Своим томлением поглощено,
Земных забот не ведает оно.
Пусть превратится мир в сплошное море,
Где волнами вскипают скорбь и горе, —
То сердце даже не замочит вал,
Который на земле забушевал.

Пусть превратится мир в кипучий праздник,
В источник смеха, в самый лучший праздник, —
Что сердцу скорбному веселый пир?
Оно не слышит, как ликует мир!
Попала в клетку Зулейха, как птица:
Весь мир задумал в клетку превратиться!
В те дни, когда она не знала слез,
Был дом ее приютом свежих роз,
Она сама, как роза молодая,
Жила, под сенью мужа расцветая.
Она ни в чем не ведала нужды,
И лик ее сиял светлей звезды.
Лишь о Юсуфе скорбь ее снедала,
Печаль о нем ее не покидала.
Когда ушел азиз, ее супруг,
К ней на порог нужда явилась вдруг.
Беспомощную, в бедности, в печали
Лишь грезы о Юсуфе утешали.
Она в развалинах нашла приют,
Где горести с разлукою живут.
Она не знала сна, не знала пищи
И плакала в заброшенном жилище:
«Где дни великой радости земной,
Когда любимый был всегда со мной?
Когда я каждодневно восхищалась
Красою, что не мне предназначалась?
Но воспылала я враждой к нему,
Сама его отправила в тюрьму.
Тайком ходила по ночам в темницу —
Взглянуть на лик, что затмевал денницу.
Тюрьма была отрадой для меня:
Сиял он за оградой для меня!
Теперь всего лишилась я всецело,
Душа страдает, мучается тело.
Он — образ, что в душе моей живет,
А с ним в душе я не боюсь невзгод.
Тот образ придает мне жизни силы:
Моя душа и есть тот образ милый!»
От горьких вздохов облако над ней
Казалось черного шатра черней.
От зноя зол и бед, что жгуч и долог,
Защитой был ей вздохов черный полог.

Нет, не шатер, а щит над ней чернел:
Он был укрытьем от небесных стрел.
Не будь щита, не будь брони для тела,
Она б от стрел на небо улетела.
Она рыдала каждый день и час,
Уже не слезы — кровь текла из глаз.
Она тряслась всё время в лихорадке,
И, чтоб от боли дать ей отдых краткий,
С ресниц на губы падала вода,
И жар немного остывал тогда.
Так кровью слез рыдала постоянно,
И эти слезы стали, как румяна,
И клятву верности скрепила вновь
Из глаз ее струившаяся кровь.
Она за страсть, как бы верна условью,
Наличными расплачивалась: кровью!
Лицо свое царапала в ночи,
Глаза ее — кровавые ключи,
Глаза и щеки — красные чернила,
А письма судьбина сочинила!
Соскабливала всё с души своей,
Чтоб образ друга стал в душе светлей,
И била так себя, познав суровость
Разлуки, что обрел жасмин — лиловость!
Рыдала: «Как мне другу стать четой?
Я — лилия тоски, он — свет земной,
Но что мне делать? Лилия стремится
В ту сторону, где светится денница!»
Она царапала свой нежный лик
И грызла пальцев сахарный тростник.
Ладони превратились в шелк атласный,
Расписанный ярчайшей краской красной.
Ладони превратились в письма:
От пальцев-перьев рукопись красна.
Начертана на тех ладонях повесть,
А в ней — огонь любви, судьбы суровость.
Хотя любимый в тайну тайн проник,
Он этой страсти не прочел дневник...
Так Зулейха, чей жребий столь печален,
Немало лет жила среди развалин.
С годами стали волосы белы:
Явилось молоко взамен смолы.

О нет: погасла ночь, и вот с зарею
Блеснуло утро белой камфарою.
В гнезде, где черный ворон жил сперва,
Хозяйкой стала белая сова,
О, как неожиданно старость к нам приходит
И, ворона прогнав, сову приводит!
Скорбь Зулейхи убила черноту,
Жасмины в белом выросли цвету.
Под этим небосводом вероломным
Всегда одета радость цветом темным.
Да, траур — цвета темного всегда,
Зачем же стала Зулейха седа?
Иль, может быть, взяла пример с индийца,
Что в белом плачет, в черном веселится?
Морщины появились на щеках, —
Ты скажешь: борозды на лепестках.
Прельщая, брови морщились вначале, —
Зато теперь морщины не прельщали.
Коль ветра нет, не сморщится вода,
Не заиграет рябью никогда,
Но, был иль не был ветер, где причины,
Что всё лицо изрезали морщины?
Что голова ее склонилась вниз?
Что стал согбенным стройный кипарис?
Дано ей было жизнь влачить без друга,
Остаться на пиру любви вне круга,
Она, красой сверкавшая досель,
Ослепла, потеряла жизни цель,
Но с жизнью потому лишь не протислась,
Что и в потемках к цели той стремилась.
Она жила в развалинах впотьмах.
А где венец? Браслеты на ногах?
Где платья, созданные для веселья?
Где серьги? Дорогие ожерелья?
Где покрывало пери молодой —
Где этот шелк прозрачный, золотой?
Ей изголовьем стал кирпич тяжелый,
Постелью — прах развалин, пыльный, голый...
Я жемчуг мысли просверлил, когда
Ее страданий описал года,
Когда, терзаясь муками своими,
Она Юсуфа повторяла имя.

Пока еще владела серебром
И золотом, да и другим добром,
Тому, кто утешал ее рассказом
О милом, золото давала разом
И, как шкатулку, набивала рот
Рассказчика обилием щедрот.
Безумною была такая плата:
Она лишилась серебра и злата,
Дерюгою оделась ворсяной
И повязалась пальмовой корой.
Замолкли все рассказчики, не рады
Рассказывать без платы и награды...
Прослышала: дарит Юсуф добро
Тому, кто нищ, но говорит остро.
Решила: обретет источник пищи,
Построив на его пути жилище,
Чтоб воины сумели донести,
Узрев лачугу на его пути:
«На эту нищенку смотреть нам больно.
В цепях любви ее душа безвольна.
Грустит, в разлуке с милым заболел,
Расстроился ее любви напев.
У ней, голодной, иссякают силы,
Затем что на нее не смотрит милый.
То ветерку поведает о нем,
То с птицами беседует о нем.
Увидев путника в пыли дороги,
Ему целует, радостная, ноги:
И путник тот, и пыль — из тех долин,
Где обитает сердца властелин!
А если властелин верхом проскачет,
Она свои глаза в испуге прячет,
И прахом на его пути лежит,
И сладостен ей гордый гул копыт!»

**ЗУЛЕЙХА ВОЗДВИГАЕТ ЛАЧУГУ
ИЗ ТРОСТНИКА НА ПУТИ ЮСУФА**

Так Зулейха, стремясь всем сердцем к другу,
Построила из тростника лачугу.
И был, как птица певчая, тростник —
Ее души страдающий двойник!

Когда она стонала от разлуки,
Он издавал рыдающие звуки,
Пылала в одиночестве своем,
А с ней — тростник, охваченный огнем.
Среди тростинок, словно дичь, в бессилье
Лежала: сотни стрел ее пронзили,
Но ей, влюбленной, каждая стрела,
Как сахарный тростник, сладка была...
Был у Юсуфа конь быстролетучий,
Как небо, властный и, как мир, могучий.
Подпалинами, пегий, был богат —
То ночь, ты скажешь, с тысячью заплат.
И мрак, и свет являл он всем... Короче,
Как сутки, состоял из дня и ночи.
Подковы излучали лунный свет
И на луне оставили свой след.
Их гвозди созданы из звезд, казалось,
Подобен Колосу был хвост, казалось!
Луной-копытом камень рассекал —
И сразу звездный пламень возникал.
Когда б на небо он взметнул подковы,
То каждая была б как месяц новый.
Когда охота на косулю шла,
Добычу настигал он, как стрела.
На западе начав свой бег, востока
Он достигал в одно мгновенье ока.
Ту пыль, что оставлял он за собой,
Не мог догнать и ветер грозовой.
Летя, он покрывался влагой пота,
Незримый из-за быстрого полета.
Но жаждал пегий конь скакать в поту,
Затем что из-за капель, на лету,
Казался он сокровищем жемчужин,
Которому и кнут-дракон не нужен!
Когда он в стойле обретал покой,
Весь мир стремился стать ему слугой.
Из лунного ведра, бывало, с ходу
Он пил не нашу — солнечную воду.
Ему приготавливали каждый день
Из Колоса небесного ячмень.
Как только прогонял ночную дрему,
Съедал он с Млечного Пути солому,

А сито для очистки ячменя
Из света звезд вязали для коня.
Слетались ангелы, послушны зову,
Из ячменя выклеивать полову. . .
Седло — как две картины-письмена,
Луны две половины — стремяна.
Вдевал Юсуф в тот полумесяц ногу —
И, словно месяц, озарял дорогу.
Бывало, он коня помчит вперед,
И пегий ржанием таким заржет,
Что в этом ржанье чудится народу
Гром барабана, что зовет к походу,
И все спешат к властителю страны,
Как сонмы звезд — к сиянию луны.
И Зулейха, услышав это ржанье,
Выскакивала из дому в дрожанье,
В слезах садилась на его пути,
Мечтая свет и душу обрести.
Коль слуги без Юсуфа появлялись,
То дети над незрячей издевались:
«Вот приближается Юсуф сюда,
Его лицо сверкает, как звезда!»
А Зулейха: «Юсуф — один на свете,
Не скачет он сюда, не лгите, дети,
Нехорошо смеяться над слепой:
Там, где Юсуф, там дышит мир весной,
Юсуф, как мускус, проникает в душу,
Повсюду оживляя хлябь и сушу,
Куда бы ни направился в седле,
Дыханье жизни он дарит земле».
А если проезжал Юсуф со свитой,
С могучей, грозной, важной, сановитой, —
Кричали дети: «Здесь Юсуфа нет,
Средь конных не найдешь его примет!»
А Зулейха: «Побойтесь вы обмана!
Его дыхание — благоуханно!
От сердца никогда не скроет мир,
Что приближается его кумир.
Он прибывает, как весна живая,
Душе дыханье жизни возвещая.
Ему навстречу радостно спеша,
Дыханье жизни узнает душа».

Так говорила в смуте и печали.
«Эй, берегись!» — ей всадники кричали,
А Зулейха: «Чего беречься мне?
В разлуке я пылаю, как в огне!
С любимым я разлучена судьбою,
Так лучше разлучусь сама с собою!»
Так плакала, страдая и любя,
Теряя и сознание, и себя,
И, чашу забвения испив, устало
В лачугу тростниковую вступала.
Ее тоскливый стон и скорбный крик
Переводил на музыку тростник.
Шли годы. Старилась она от горя,
И пел тростник, ее печали вторя.

**ЗУЛЕЙХА ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЮСУФОМ.
ТОТ НЕ ОБРАЩАЕТ НА НЕЕ НИКАКОГО ВНИМАНИЯ.
ТОГДА ЗУЛЕЙХА РАЗБИВАЕТ ИДОЛЫ И ОБРЕТАЕТ
ВЕРУ В ЕДИНОГО БОГА**

Кто страсть заставит на колени пасть?
Безумная неодолима страсть!
Уже своей тоской испепеленный,
К любимой всё же тянется влюбленный,
Увидев розу, к ней стремится вновь:
Сорвать ее велит ему любовь!
Вот Зулейха, что в горе поседела,
Увидеть вновь Юсуфа захотела.
Поставив идола перед собой,
Склонилась ночью перед ним с мольбой:
«О ты, пред кем я словно горстка пепла!
О господин, твоя раба ослепла.
Всю жизнь я поклонялась лишь тебе —
Яви же милосердие рабе,
Взгляни на мой позор и, как даренье,
Дай свет моим глазам, верни мне зренье.
Хочу узнать, хоть издали взглянув,
Каков теперь красавец мой Юсуф!
Я на него всю жизнь смотреть готова,
И счастья мне не надобно другого.
Не откажи мне в радости земной,
Потом что хочешь сделай ты со мной,

Яви мне свет, в твоей же это власти:
Так долго не должна я жить в несчастье!
Ты видишь ли, какую жизнь влачу?
К чему мне жизнь, я умереть хочу!»
Так плакала страдальца впустую,
Осыпав прахом голову седую. . .
Взошла заря, как властелин земли.
Юсуфа пегий конь заржал вдали,
И Зулейха, одетая убого,
Пришла туда, где сузилась дорога.
Стонала, словно нищенка, в пыли,
И слезы по лицу ее текли,
А стражники кричали сверху, снизу:
«Дорогу благородному азизу!»
Толпа кругом сжималась всё тесней,
В ушах гремело ржание коней.
Никто не слышал горького стенанья,
Не обращал на нищенку вниманья.
Кому нужна в сумятице такой
Незрячая, объятая тоской?
Ушла, рыдая, женщина седая,
Ушла, вздыхая, громко причитая.
В лачугу тростниковую вошла,
Тростник огнями вздохов подожгла.
И, чтобы в сердце успокоить рану,
Сказала каменному истукану:
«Бездушный идол, рукотворный бог!
Мне тяжело, а ты мне не помог.
Ты только камень, с богом схожий камень,
А у меня на сердце — тоже камень.
Еще страшней ты сделал скорбь мою,
Тобою, камнем, камень разобью!
Я на коленях пред тобой склонилась,
Я веровала в мощь твою и милость, —
Ты не услышал ни молитв, ни слез,
Ты, истукан, мне счастья не принес.
Ты — камень, камнем я тебя разрушу,
Тогда избавлю от позора душу!»
И, камень взяв, движением одним
Разбила идола, как Ибрагим.
Когда она разбила истукана —
Омылась от порока и обмана.

Всех идолов разбила на куски —
Очистилась от скверны и тоски.
Она к единому, взмолилась богу,
Провозгласив хвалу его чертогу:
«Пречистый, чье признали торжество
И идол, и ваятели его!
Пришли бы разве к идолу с мольбою,
Когда б он не был озарен тобою?
Ваятель потому богов творит,
Что он в душе с тобою говорит.
Кто пал пред идолом, на самом деле
Свои мольбы возносит не тебе ли?
Была я долго идола рабой,
Насилье совершала над собой.
Прости меня, хотя я согрешила,
По глупости ошибку совершила.
За то, что шла неверною тропой,
Меня, о боже, сделал ты слепой.
Омыв меня от скверны, отчего же
Ты зренье мне не возвращаешь, боже?
Даруй душе скорбящей благодать,
В саду Юсуфа дай тюльпан сорвать!»
Когда правитель царства прибыл снова,
Пришла, сказала скорбно и сурово:
«Ты помни, что и царь пред богом — раб,
Всего лишь раб, что немощен и слаб,
Что в царский сан его возвел всевышний,
Что дал ему венец, престол — всевышний!»
И устранился этих слов Юсуф,
Затрепетал, на нищенку взглянув,
Сказал главе придворных: «Голос гневный
И скорбный отнял мой покой душевный.
Ту женщину, что славил творца,
Ты приведи ко мне под сень дворца.
Услышать я хочу ее кручину,
Узнать ее страдания причину.
От слов ее почувствовал я вдруг
Доселе мне неведомый испуг.
Сей странный страх я ощутил, наверно,
Лишь потому, что скорбь ее безмерна...»
Да проживет сто жизней властелин,
Который, вздох услышав, стон один,

Поймет, где истинных скорбей основа,
А где притворство мнимого больного,
Поймет, где правда истинных святых,
А где всего лишь марево пустынь!
Но в наши дни не таковы владыки.
Смотрите — за динар золотикий
Оправдан будет ими и злодей,
Который грабил, убивал людей.
У этих шахов правды не найдете,
Лишь золотой динар у них в почете!

**ЗУЛЕЙХА ПРИХОДИТ ВО ДВОРЕЦ ЮСУФА.
БЛАГОДАРЯ ЕГО МОЛИТВЕ
К НЕЙ ВОЗВРАЩАЮТСЯ
МОЛОДСТЬ И КРАСОТА**

Что для влюбленной, чья пылает кровь,
Отрадней, чем любимого любовь?
Как ей войти в его души чертоги?
Как сбросить с сердца тяжкий груз тревоги?
Как сесть пред ним и как начать рассказ,
Так много раз рассказанный до нас?
Как тайной поделиться с ним заветной?
Как вызвать в нем огонь любви ответный?
Когда, от дел державных отдохнув,
Уселся во дворце своем Юсуф,
Вошел глава придворных, молвил слово:
«О ты, чья честь — венец всего земного!
Ты помнишь ли ту нищенку? Теперь
Она пришла, в твою стучится дверь.
Ты приказал мне, чтобы я с дороги
Ту женщину привел в твои чертоги».
Сказал Юсуф: «О чем пришла с мольбой?
Ступай, узнай и помоги слепой».
А тот: «Не так она глупа, чтоб ныне
Лишь мне поведать о своей кручине».
Сказал: «Тогда войти ей разреши,
Пусть нам откроет боль своей души».
И вот, как пламя заплывав живое,
Смеясь, она вошла в его покои.
Была ее улыбка так светла,
Что скажешь: роза снова расцвела!

Таким веселым удивлен приходом,
«Кто ты? — спросил Юсуф. — Откуда родом?»
Ответила: «Я — та, что, любя,
Всем царствам мира предпочла тебя.
И золото, и каменья раздавала я,
И жизнь свою сожгла, тебя желая,
Тоскуя по тебе в чужом краю,
Я погубила молодость свою,
Но ты, влеком красавицею властью,
Ушел, забыл меня с моею страстью».
Юсуф заплакал, зарыдал навзрыд,
Когда узнал, кто перед ним стоит.
Спросил: «Что стало, Зулейха, с тобою?
Как сделалась ты нищенкой седою?»
Когда он имя произнес ее,
Она упала, впала в забытье.
Казалось: от беспамятства хмельная,
Забылась, голосу его внимая.
Когда она в себя пришла опять,
Юсуф ей стал вопросы задавать:
«Где молодость твоя, краса бывшая?»
— «Увяли без тебя та и другая».
— «Какая ноша стан согнула твой?»
— «Грусть по тебе — тяжелый груз живой».
— «Кто виноват, что стала ты незрячей?»
— «Моих кровавых слез поток горячий».
— «Где золото твое, твои венцы?
С камнями драгоценные ларцы?»
— «Тем, кто о красоте твоей рассказы
Рассказывал, рассыпав слов алмазы,
Я отдавала, к их припав ногам,
Всю жизнь мою в придачу к жемчугам,
Их головы венцами украшала
И прахом у порога их дышала.
Нет золота у меня и нет камней,
Лишь сердце есть — ларец любви моей!»
— «Что за мечта теперь тебя тревожит?
Твое желанье кто исполнить может?»
— «Лишь о тебе все просьбы и мечты,
Меня утешить можешь только ты.
Дай клятву мне, что жребий мой суровый
Ты облегчишь, — я с уст сниму оковы,

А если нет — уста свои сомкну,
Останусь у тоски своей в плену!»
Поклялся он призыванием пророка,
Могуществом, не знающим порока,
Способным вырастить в костре цветник
И божьей милости открыть родник:
«Всё то, что я смогу, исполню сразу,
Твоей внимая просьбе, как приказу!»
— «Сперва красу и юность мне верни,
Чтоб расцвела я, как в былые дни,
Затем верни мне зренье, молви слово,
Чтоб на тебя взглянуть могла я снова».
Он для мольбы уста раскрыл тогда —
Из уст живая пролилась вода,
И к мертвой красоте душа вернулась,
И юность, радостью дыша, вернулась!
Река вернулась в прежнее русло —
Приволье молодости расцвело!
Ночную тьмой седой рассвет сменился,
И мускусным камфарный цвет сменился.
Избавились глаза от пелены
И снова стали зрением сильны.
Стан распрямился — кипарис высокий,
Вновь посвежели и чело и щеки.
Где сорок лет и нищеты и бед?
Ей снова стало восемнадцать лет!
Она такой блистать красою стала,
Какою даже прежде не блистала!
Сказал Юсуф: «О прелесть чистоты,
Скажи, чего еще желаешь ты?»
Она: «Лишь об одном просить я буду:
Хочу я быть с тобой всегда и всюду,
Днем на тебя смотреть, а по ночам
Смиренно припадать к твоим ногам.
О кипарис, мне твой покров целебный
И сахар сладких уст твоих потребны!
Ты нужен, словно свет, моим глазам,
Измученному сердцу, как бальзам,
Как благодатный ливень нужен нивам,
Так нужен мне союз с тобой, красивым!»
Юсуф не сразу произнес ответ,
Ей не сказал Юсуф ни «да» ни «нет».

Пока душа сама с собой боролась,
Таинственный послышался ей голос.
С колеблющимся вдруг заговорил
Всевышнего посланец — Джабраил:
«О царь, предвечным взысканный премного,
Услышь слова, идущие от бога:
„Мы Зулейхи услышали мольбу,
И пожалели мы свою рабу.
Любви так велико ее служенье,
Что море доброты пришло в движенье,
И мы, ее жалея, в добрый час
На небесах соединили вас.
Да крепнут узы, да истлеют пути
Былого горя и недавней смуты.
Ты в узах, сочетающих сердца,
Найдешь свободу и любовь творца!“»

**ЮСУФ ЖЕНИТСЯ НА ЗУЛЕЙХЕ
И ВВОДИТ ЕЕ В БРАЧНЫЙ ПОКОЙ**

Когда велел Юсуфу бог всевластный
Соединиться с Зулейхой прекрасной,
Юсуф устроил пир, влеком к добру,
И вот на этом царственном пиру
И фараон, и знать страны воссели,
Вкушая мир, и счастье, и веселье.
Как заповедал старец Ибрагим,
В согласии с обычаем благим,
Юсуф соединился с Зулейхою, —
О нет, с жемчужиною дорогою!
Весь мир земной восславил их союз.
Сам фараон поздравил их союз.
Юсуф перед гостями извинился,
И с благодарностью им поклонился,
И повелел служанкам с Зулейхой
Отправиться во внутренний покой.
Опередили Зулейху служанки,
Венцы пред нею сняли те смуглянки,
Ее одели в золото, в атлас,
Из уст рабынь хвала ей полилась.
Замолкли здравиц громкие глаголы,
И гости пир покинули веселый.

Невеста-ночь, украшена луной,
За пологом сокрыла мир земной,
Но мир, услышав радостные речи,
Зажег созвездий свадебные свечи.
На небе — ожерелье из Плеяд,
Рубин и жемчуг услаждали взгляд,
И тьмы таинственное покрывало
Как бы загадку бытия скрывало.
За брачною завесой Зулейха
Ждала возлюбленного жениха.
Она в покое внутреннем сидела, —
Душа пылала, и дрожало тело:
«О боже, я во сне иль наяву?
Ужель сейчас для счастья оживу?
Ужели жажду утолю водою?
Ужели бурю в сердце успокою?»
То слезы счастья на ее глазах,
То вся трепещет в горестных слезах.
То говорит: «Не верю, что настало
Моей нежданной радости начало!»
То говорит: «Нет, не приснилось мне,
Что друг принес добро и милость мне!»
И Зулейха, такой терзаясь думой,
Казалась то веселой, то угрюмой.
Но занавес заволновался вдруг,
Как месяц молодой, явился друг.
На лунный свет, что вспыхнул близко, рядом,
Она взглянула верным, пылким взглядом:
Разорвала ночной покров луна,
И Зулейха была озарена!
Юсуф увидел чистое горенье,
Ее смятенье, верность и смиренность,
Подругу стало жаль ему до слез,
На ложе неги он ее вознес,
И на его груди она очнулась,
Придя в себя, блаженно улыбнулась...
Он отворачивался столько раз
От этих жарких губ, зовущих глаз, —
Теперь взглянул впервые без опаски
На лик ее, подобный чудной сказке,
На лик, что райской прелестью манил,
Сияя без румян и без белил.

Юсуф смотрел и, красотой волнуем,
К объятьям перешел и поцелуям.
Как ягоду, он стал кусать уста,
В которых сладость с пламенем слита.
Поскольку соль — основа угощения,
А две губы на скатерти сближенья
Ты с красною солонкою сравни, —
То с поцелуев начали они.
В нем вспыхнуло от поцелуев пламя,
Как поясом, обвил ее руками.
Под этим поясом нашел он клад —
Источник упоительных услад,
И был в сокровищнице тех жемчужин
Ларец проворно, ловко обнаружен.
На том ларце серебряном — печать,
Которую никто не мог сломать,
Не приближался вор к ларцу, робея,
Рука не прикасалась казначея.
Был у Юсуфа ключ к тому замку,
Стал конь его скакать на всем скаку.
Скакал он долго, хоть узка дорога,
И даже стал прихрамывать немного!
Сперва он был надменен и горяч,
Но реже стал потом пускаться вскачь.
Средь ночи вновь проснулся иноходец
И погрузился с головой в колодец.
И долго, долго наслаждался он,
И, выйдя, снова погрузился в сон.
Две розы на одном стебле возникли,
Друг к другу поутру они приникли,
И вместе с распустившейся прилег
Еще не распустившийся цветок.
Юсуф сорвал ту розу, удивленный
Жемчужиной, никем не просверленной.
Спросил: «Что розу в тайнике спасло?
Как не коснулось жемчуга сверло?»
Сказала: «Мной владел азиз почтенный,
Но розы не сорвал он вожденной.
Он сильным был, чтоб управлять страной,
Бессильным был, чтоб возлежать с женой.
Мне, девочке, приснился ты, как чудо,
И я спросила, кто ты и откуда.

Ты подарил мне ласковую речь,
Велел мое сокровище беречь.
Так берегла я жемчуг, что ни разу
Он не поддался острому алмазу,
По воле вседержителя-творца
Никто не вскрыл заветного ларца.
Прими же мой ларец: в нем нет порока,
Хоть мучила меня судьба жестоко».
И жарче, и сильнее во сто раз
Любовь Юсуфа сделал сей рассказ.
Сказал: «Твоя любовь — добро и милость,
Зачем же к страсти грешной ты стремилась?»
Ответила: «Прости меня, мой друг,
Ведь я страдала от любовных мук.
Что знала я, желая и пылая?
Без лекаря недуг — любовь без края!
Так стан твой строен и красив твой лик,
Что страсть к тебе росла из мига в миг,
Я не скрывала своего влечения,
Прикрой же грех мой пологом прощенья.
Ужель со мной поссоришься ты вновь
Из-за того, что так сильна любовь?»

**СЕРДЦЕМ ЮСУФА ОВЛАДЕВАЕТ ЛЮБОВЬ.
ОН ВОЗДВИГАЕТ ДВОРЕЦ ДЛЯ ЗУЛЕЙХИ**

Во имя страсти пламенной и правой
И ставшей для влюбленных вечной славой,
Во имя горькой верности в любви,
И смуты, и безмерности любви!
Как чисто, нежно Зулейха любила!
Как, любящая, молодость губила!
Когда стремилась к куколкам, когда
Играла с ними в детские года, —
Одну из них невестой называла,
Другую женихом именовала.
Нет, не случайно в обаянье сна
Она была Юсуфом пленена!
Из-за него с родной страной простилась,
Из-за него в Египет в путь пустилась,
Покинула родных, друзей и дом,
И путь Юсуфа стал ее путем.

Ее душой он овладел всецело,
Ждала, ждала, — и юность отлетела.
Состарилась, лишилась света глаз,
Но свет любви в ее душе не гас.
Вновь обрела и молодость, и зренье,
В нем видя жизни олицетворенье.
Она была верна ему всегда —
И в грустные, и в светлые года.
Так пламенно, всем существом влюбилась,
Что наконец взаимности добилась.
Юсуф ее так пылко полюбил,
Что стал его смущать сердечный пыл,
Пленный страстью, пламенем палимый,
Не мог прожить и мига без любимой.
Казалось: без нее и жизнь пуста,
Лишь там блаженство, где ее уста.
Так орошалось наслажденья поле,
Но с каждым днем воды он жаждал боле.
Для Зулейхи светил он так светло,
Что солнце правды и над ней взошло.
Оно таким сияло чистым светом,
Что сам Юсуф исчез в сиянье этом.
Да, жизнь ее сквозь пламя бед и зла
Плавильню призрачной любви прошла,
Вот почему ее не ослепило
Духовной, истинной любви светило.
Познав любовь такую, Зулейха
Избавилась навеки от греха.
Она однажды стала отбиваться,
Из рук Юсуфа стала вырываться,
Но за полу подругу потянув,
На ней рубашку разорвал Юсуф.
Сказала: «Если некогда, пылая,
Рубашку на тебе разорвала я,
То ты мне тем же отплатил теперь,
И радуюсь я этому, поверь.
С твоим грехом сравнялся грех мой тяжкий:
Недаром друг на друге рвем рубашки!»
Когда Юсуф увидел, что жена
Чиста душой и богу предана,
Дворец велел он мастерам воздвигнуть, —
Для Зулейхи, ты скажешь, храм воздвигнуть!

Был бирюзов дворец, как небосвод,
Кругом, казалось, райский сад цветет.
Ковры, картины украшали стены. . .
Да, потрудился зодчий вдохновенный!
Струились из окон лучи щедрот,
Гонцы любви толпились у ворот,
Купались башни высоко в лазури,
А своды были словно брови гурий,
И солнце брало свет на высоте
От звездочки на башенном шесте.
Виднелись на стенах плоды и листья,
Блаженной нарисованные кистью.
Сидели птицы на ветвях густых,
Но в клюве песен не было у них.
Блистал престол — утеха властелинов:
Он — золотой, а скипетр — из рубинов,
И столько было там картин, зеркал,
Что всеми красками дворец сверкал!
В чертог любви Юсуф привел подругу,
Он усадил на тот престол подругу.
«Меня, — сказал он, — до скончанья дней
Ты устыдила добротой своей.
Ты подарила мне дворец в то время,
Когда невольника влачил я бремя.
Он был в рубины, в золото одет,
Сливался с красным цветом желтый цвет.
Желая, как и ты, добро постигнуть,
Решил я для тебя дворец воздвигнуть.
Ты в нем живи и бога славословь,
Который дал тебе и мне любовь.
Он дал богатство нищенке без крова,
Старухе молодость вернул он снова,
Он зренье возвратил тебе, слепой,
Ворота благ раскрыл перед тобой.
Тебе, которую поил он ядом,
Лекарство дал он: быть со мною рядом!»
Так Зулейха, вкушая благодать,
На царском троне стала восседать.
Познала всё, к чему она стремилась:
Любовь Юсуфа и господню милость!

**ЮСУФ ВИДИТ ВО СНЕ
СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ И ПРОСИТ БОГА
ДАРОВАТЬ ЕМУ СМЕРТЬ.
ЗУЛЕЙХА В ТРЕВОГЕ**

Воистину печален этот миг,
Когда счастливец, что любовь постиг,
Блаженству крепко пожимает руки,
О предстоящей позабыв разлуке.
Он веселится, милую любя,
Ни помыслом, ни сердцем не скорбя,
Но расставанье с силою самума
Нагрянет вдруг жестоко и угрюмо
На сад свиданья и, суля беду,
Ломает ветви счастья в том саду.
Когда сбылось всё то, о чем мечталось,
И Зулейха с Юсуфом сочелась,
Она постигла счастье, свет, покой,
Она рассталась навсегда с тоской.
Так свыше четырех десятилетий
Жила с Юсуфом в ласке и совете,
Плодоносила пальма для царя,
Детей и внуков с гордостью даря,
И днями счастья дни ее сменялись,
И все ее желанья исполнялись.
Однажды ночью в храм вступил Юсуф
И, в храме неожиданно заснув,
В чудесном сне отца и мать увидел:
Сияющую благодать увидел!
Он услышал: «Мы ждем тебя, сынок,
Послушай нас, настал давно твой срок!
Оставь свое добро воде и глине,
О нас и о душе подумай ныне».
Юсуф проснулся в чуткой тишине.
Из храма он отправился к жене.
Он Зулейхе поведал сна значенье,
Растолковал родителей реченье.
Он вещим сном вдохнул в нее испуг:
С супругою расстанется супруг!
Произошла с Юсуфом перемена:
В путь в вечный мир готовился смиренно,

Из мира зла уже ступил ногой
На путь в обитель тайны, в мир другой.
Уже не думал он о доме тленья.
Он к дому вечности вознес моления:
«О ты, кто слышит страждущих мольбу,
Венец дарует нищему рабу!
Такое счастье твой слуга изведал,
Какого ты другим счастливым не дал.
Мне опостылел мир греха и зла,
Наскучили державные дела.
К чему сии никчемные занятия?
К тебе, в твой дом хочу дорогу знать я.
Хочу я замыкать блаженный ряд
Тех праведников, что добро творят,
Хочу я рядом с ними жить в почете
Вблизи тебя, душою став без плоти».
Услышав, что творцу сказал Юсуф,
Поникла Зулейха, свой стан согнув.
Все уговоры — поняла — излишни,
Его мольбу осуществит всевышний:
Слова Юсуфа — стрелы, а досель
Всегда те стрелы попадали в цель.
Вступила в келью Зулейха уныло
И цвета ночи косы распустила.
О землю стала биться головой,
Из сердца исторгая крик живой.
Она из глаз лила поток кровавый,
Молясь, чтоб ей помог судья всеправый:
«О ты, кто внемлет страждущим сердцам,
О ты, кто дарит раненым бальзам!
Я разлучаться не хочу с Юсуфом;
Уйти, скончаться я хочу с Юсуфом!
О, без меня ты не зови его:
Жить не хочу я без любви его!
Зачахнет без Юсуфа древо жизни,
Не будет без него посева жизни.
К чему мне жизнь, коль мертвым будет он?
Иль я забыла верности закон?
Не хочешь, чтобы с ним вдвоем ушли мы?
Так я уйду сперва, потом — любимый!
Явил мне этот мир черты его,
К чему ж мне мир без красоты его?»

Так плакала, пылая и стеная,
Ей было солнце дня — что тьма ночная.
И впрямь: для тех, в чьем сердце боль обид,
День, как и ночь, в гнетущей тьме сокрыт.

**ЮСУФ УМИРАЕТ. ЗУЛЕЙХА ГИБНЕТ,
НЕ В СОСТОЯНИИ ПЕРЕНЕСТИ С НИМ РАЗЛУКУ**

Когда лучи рассвета заблестели,
Юсуф поднялся поутру с постели,
Решил, в одежды шаха облачась,
Поехать на прогулку в добрый час.
Юсуф одну лишь ногу вставил в стремя,
Как Джабраил возник: «Скакать не время, —
Сказал: — Другую ногу только вдень,
Наступит сразу твой последний день.
Отвергни суету и бремя жизни,
Твоей ноге не нужно стремя жизни».
Приятен был Юсуфу сей совет.
Он в помыслах отринул бренный свет,
Отринул блеск и славу властелина,
К себе наследника призвал он — сына,
Взамен себя нарек его царем,
Да правит с благом, счастьем и добром.
Затем рабов послал он за женою:
«Пускай простится Зулейха со мною».
Ему сказали: «Горем сражена,
В крови и прахе возлежит она.
Ее убьет прощание такое,
Оставь ее, несчастную, в покое».
Сказал: «Боюсь я, что пройдут века,
А не пройдет вовек ее тоска».
Ответили: «Ей бог поможет вскоре,
Он укрепит ее в тяжелом горе».
Тогда вручил Юсуфу Джабраил
То яблоко, что бог в раю взрастил,
И, запах райских куш вдохнув, из тела
Легко душа Юсуфа улетела.
Так жизнь обрел он вечную свою:
Покинул землю, чтобы жить в раю.
Когда Юсуф с юдолью слез расстался,

В его чертоге громкий плач раздался,
Он увеличивался каждый миг,
Он свода бирюзового достиг.
И Зулейха спросила: «Что за крики?
И отчего повсюду плач великий?»
Сказали: «Тот, кто нашим был главой,
Трон заменил доскою гробовой.
Из этих тесных он ушел расселин
Туда, где мир извечный беспределен».
Утратила она сознанья свет,
Когда услышала такой ответ.
Для пальмы был ответ настолько жуток,
Что, словно тень, лежала трое суток.
Пришла в сознанье на четвертый день
И наземь вновь низринулась, как тень.
В беспамятство три раза погружалась, —
Судьба забыла, что такое жалость!
Придя в себя и руки протянув,
Спросила: «Где Юсуф? Где мой Юсуф?»
Пошла — и не нашла его на ложе.
Он умер? Но и гроб не виден тоже!
Заплакали невольники навзрыд,
Сказали: «В землю этот клад зарыт».
Прокляв небесный свод, как лиходея,
Разорвала свой ворот, пламенея,
Разорвала свой ворот, как заря,
Неугасимым пламенем горя.
То пламя, вырываясь, полыхало,
Но, вырвавшись, в душе не утихало.
Ногтями Зулейха в лицо впилась,
И ручейками кровь лилась, лилась.
Она из сердца исторгала стоны,
И мир внимал ей, горем потрясенный:
«Где мой Юсуф? Где жизни красота,
Величье, милосердье, доброта?»
Он помыслы от суеты избавил
И в царство вечности коня направил.
Я не успела милого обнять
И ногу в стремени поцеловать.
Увы, Юсуф простился с бранным светом,
Но не присутствовала я при этом!
Погасших глаз не видела его,

В последний раз не видела его!
Зачем не стала я его охраной,
Когда он ранен был смертельной раной?
Когда Юсуф с престола в гроб сошел,
То превратился гроб в его престол.
В душистый сок мне превратить бы слезы —
Омыла б я Юсуфа соком розы!
Когда он в саван был одет, увы,
И зашивать пора настала швы,
Измученная этой тяжелой пыткой,
Сама бы стала я иголкой с ниткой!
Когда печаль пронзила все сердца
И друга выносили из дворца,
Над ним не причитала я, рыдая,
В слезах к его носилкам припадая.
Когда зарыли в землю этот клад,
Что золотом достоинств был богат,
Я в землю не сошла в объятьях друга,
С ним рядом не уснула, как супруга.
Увы, я плачу, сердце опалив.
Увы, как этот мир несправедлив!
Юсуф, приди, взгляни, как я несчастна,
Как небом я наказана ужасно!
Но ты ушел, не вспомнив обо мне,
Не хочешь возвращаться ты к жене.
Но где же верность? Что же будет с нами?
Как можно обращаться так с друзьями?
Я жду твоей любви, а ты ушел.
Я в прахе и крови, а ты ушел.
Уйдя, меня подверг таким мученьям,
Что только смерть мне будет излеченьем.
Уйдя туда, где свет и благодать,
Ты вестников забыл ко мне прислать.
Так лучше напрогу свои усилья
И полечу к тебе, расправив крылья».
Услышали носильщики приказ,
Чтоб снарядили паланкин тотчас,
И Зулейха отправилась в смятенье
Туда, где друг обрел успокоенье.
О нет, не клад ее глаза нашли,
А холмик бедной и сырой земли!

Она блистала, словно день, бывало, —
Теперь на холмик, словно тень, упала,
Даря земле и злато желтых щек,
И жарких слез рубиновый поток,
И, то к ногам припав, то к изголовью,
Лобзала землю с плачем и любовью:
«Ты скрыт, как корни розы, под землей,
А я цвету, как ветка, над тобой!
Ты, словно клад, в глубокой спрятан яме,
Но яму орошаю жемчугами.
Ушел ты в землю, как вода, с тех пор
Лежу я на поверхности, как сор.
Лежу, как хворост, у речной излуки,
Горю, как хворост, в пламени разлуки:
Ты бросил хворост дней моих в костер,
И чадный дым поднялся, как шатер,
Но кто сочувственным захочет плачем
Бороться с дымом чадным и горячим?»
Грудь обнажив, припав к земле в слезах,
Она могильный целовала прах.
К чему ей мир, что пуст и безотраден?
Глаза-нарциссы вырвала из впадин
И бросила их наземь, закричав:
«Должны расти нарциссы среди трав!
Нужны ли мне два глаза, два нарцисса,
В саду, где нет тебя, нет кипариса?!»
В могилу тот, кого гнетет печаль,
Бросает цвета черного миндаля.
Но вряд ли люди, как она, дарили
Такие две миндалины могиле!
Она к земле, склонясь над мертвецом,
Припала окровавленным лицом,
И вот взлетела над землей могильной
Ее душа, расставшись с ней, бессильной.
Блажен, кто душу потерял в пути,
Зато сумел свою любовь найти!
Увидев, что мертва жена владыки,
Все подняли неистовые крики.
И причитанья преданной жены
Там были двести раз повторены.
Умолкли причитанья на могиле,
И домочадцы Зулейху омыли.

Омыли, горько плача: так весной
Над розой дождь струится проливной.
Ее — о нет, жасмин благоуханный! —
Затем одели в саван златотканый,
И вот в земле, как лепесток тиха,
Легла с Юсуфом рядом Зулейха.
Делить и после смерти с другом ложе —
Нет в мире счастья выше и дороже!
Но тот знаток, что сохранил для нас
Старинный и прелестный сей рассказ,
Поведал так: на побережье Нила,
Но не на том, где любящих могила,
Внезапно разразились в тяжкий год
Свирепый мор и страшный недород.
«Тому виною Зулейха», — решили.
В гроб каменный бедняжку положили,
Все щели гроба залили смолой
И Зулейху низвергли в Нил ночной.
Такая к ним пылала в небе злоба,
Что даже два разъединили гроба.
За что оно разгневалось на них,
Преследуя и мертвых, как живых?
Та — жертва страсти — утонула в море,
А тот в степи разлуки высох в горе.
Сказал мудрец, который сто дорог
Любви прошел и вдоль и поперек:
«Там, где любовь пылает, — не ищи ты
Ни мира, ни покоя, ни защиты».
И в саване влюбленный слит с огнем,
И саван разрывается на нем!
Блажен, кто пламя сохранил такое,
Как Зулейха, и в гробовом покое!
Она и мертвая — пример живым:
Попрала смерть бесстрашием своим.
Два глаза вырвала свои сначала —
И душу отдала, и замолчала.
Да встретится она с любимым вновь,
Да озарит ее глаза любовь!

**ОБ ИСТИННОЙ ЛЮБВИ
И ОБ ИСТИННОСТИ ЛЮБЯЩИХ**

Когда любовь зажгла зарю творенья,
Перо узнало красоту горенья,
Тогда любви отрада и печаль
Предвечности украсили скрижаль.
Любовью создан свод небес высокий.
В столпах небес видны любви истоки.
Любовь есть то, на чем воздвигнут свет,
А без нее ни зла, ни блага нет.
Любовь есть купол голубого цвета,
Что кружится от ночи до рассвета.
В земном саду как лилия любовь,
Смесь мощи и бессилия любовь.
Мы твердо знаем: твердость есть в магните.
Магнит с железом вы соедините —
К железу страсть его воспламенит
И твердым перестанет быть магнит.
Да и железо мягкость обретает:
И млеет от любви оно, и тает.
Не таковы ль познавшие любовь,
Что тянутся друг к другу вновь и вновь?
Хотя любовь и боль, и горе множит,
Влюбленный без нее дышать не может.
От мук, что причиняет небосвод,
Кто без любви спасение найдет?
Простой иль знатный, темный иль ученый
Живут, как им велят любви законы.
Любовь различна: вид один ничуть
Не схож с другим, как с оболочкой — суть.

Тот любит только серебро и золото,
Без них на части жизнь его разъята:
Есть в слове «золото» признак зла и то,
Что жизнь без золота превратит в ничто.
Другой пленен лозою винограда,
Без пиршества чужда ему отрада.
Блажен, кто любит женщину одну,
Кто не стремится к золоту и вину,
Блажен, кто жаждет всей душой, глубоко
Красавицы, не ведавшей порока, —
Той, чей подол, как розы лепестки,
Шипы не разодрали на куски.
Но тот блаженней, кто за седокудрым
За старцем следует, святым и мудрым,
Что свежестью и белизной седин
Свежее и белее, чем жасмин,
Чья красота — безгрешных душ зеркало,
Чья речь — победы разума начало.
Чтоб истины источник обрести,
Любовь на оба ты направь пути.
Любовь есть роза на житейском поле,
Есть мост над морем призрачной юдоли.
Тот, кто любовь не принял всей душой,
Среди людей проходит, как чужой,
Он тайну тайны вечности не знает,
Он сути человечности не знает.
Однажды проповедовал мудрец,
Чье слово — красноречья образец.
Он раскрывал любви рукописанье,
О любящих он сказывал сказанье.
К глаголящему некто подошел
И молвил: «У меня пропал осел».
Мудрец воскликнул: «Кто из вас, рассказу
Внимающих, не испытал ни разу
Любви с ее страданьем и добром,
Кто не был заклеимен ее тавром?»
Поднялся с места некий простоватый,
Огнем любви доселе не объятый.
Сказал он: «Я тот самый человек,
Который не знавал любви вовек».
Тому, кто потерял осла, рассказчик
Сказал: «Вот твой осел, ослов образчик!

Хоть длинных не имеет он ушей,
Ты сбрую на него накинь скорей!»
Стал человеком человек, бесспорно,
Когда любовь познал он чудотворно.
Не любящий — не человек, а зверь,
Такому тайну мира не доверь. . .
Джами, свяжи себя любви арканом,
Блаженство обрети в плену желанном.
Лишь о любви ты говори стихом
И ни о чем не говори другом!

‘ О ПРИЧИНЕ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Изо всего, что люди нам сказали,
Что дарят красноречия скрижали,
Нам всех приятней о любви слова:
Любовь есть песня, что всегда нова.
Когда любви постигнул я значенье,
Когда о ней повел свое реченье,
Стал сердца соловей клевать стихи
О том, чем был Юсуф для Зулейхи,
И соловью, как сахар, были сладки
Слова, что в сладостном лились порядке.
Они влюбленным счастье принесли,
Повергли в трепет жителей земли.
Они звенели, словно весть о благе,
Но жаждал я, мне не хватало влаги:
Другую песню сердца соловей
Хотел найти для радости своей.
Метнул я жребий — не пропал он втуне,
А сразу пал на повесть о Маджнуне,
Хотя и до меня два знатока,
Известные в державе языка,
Уста раскрыли и достигли цели,
Когда Маджнуна и Лайли воспели.
Один из них — ганджийский чародей,
Другой из них — индийский соловей.
За скакуном их выдумки победной
Я на верблюдице, уменьем бедный,
Поехал и достиг однажды днем
Той пыли, что подъята их конем.

Не равен им, я не самонадеян,
Но счастлив, что их пылью я обвеян:
Она есть эликсир, мечта моя,
Венец, что носит нищета моя!
Нет, в Черном море я тону в забвенье, —
Зачем свершать мне пылью омовенье?
Найду высоких помыслов родник
И смою пыль с лица в блаженный миг.
Свои ладони сделать круглой чашей,
Пить из истока собственного краше,
Чем жажду утолять чужой водой,
Пусть даже из посуды золотой.

**НАЧАЛО РАЗВЕРТЫВАНИЯ ЦЕПИ ПОВЕСТИ
О ЛЮБВИ ЛАЙЛИ, КОТОРАЯ БЫЛА ЗАГЛАВНЫМ
ЛИСТОМ ТЕТРАДИ СИДЯЩИХ ЗА ЗАВЕСОЙ
БРАЧНОГО ПОКОЯ КРАСОТЫ И ЦЕЛОМУДРИЯ,
И МАДЖНУНА, КОТОРЫЙ БЫЛ НАЧАЛЬНЫМ
ЗВЕНОМ В ЦЕПЯХ ПЛЕННИКОВ ЛЮБВИ**

Когда влюбленных летописец честный,
Что мысль наполнил сладостью словесной,
Главе влюбленных посвятил слова,
Такие строки вывел он сперва:
Был в племени амир, в долине знойной,
Многостойный муж с душой спокойной.
Араб его ценил за честный нрав,
И был он мил сынам чужих держав.
Его стада, фарсанг покрыв примерно,
Ревели так, что трепетала серна. . .
Он всюду славился как хлебосол,
Он всех в гостеприимстве превзошел.
Всегда пылал, звал запахами варки
Очаг его гостеприимства жаркий.
Добро и благо нищим делал он,
Развалины — жилищем делал он.
Не золотом он гордился, не стадами,
А десятью своими сыновьями:
От древа жизни ветвью каждый был,
Надеждой, утоленьем жажды был!
Был самый младший, милый и пригожий,

Всех прочих сыновей ему дороже.
Впрямь: десять пальцев есть на двух руках,
То сила для борьбы в двух кулаках,
Но в будни или в праздник с наслажденьем
Лишь на мизинец перстень мы наденем.
Ведь младший сын есть самый лучший знак
Из тех, что нам являет Зодиак.
Он звался Кайсом. Каюсь, не найду я
Ему сравненья, юношу рисуя.
То месяц был четырнадцати лет,
А над губой — строки чернильный след.
Луна его чела дарила милость,
Во прахе солнце перед ним склонилось.
Был яхонт губ таков, что каллиграф
Был сам смущен, его нарисовав.
Бедою для красавиц были брови,
Михрабом для молитв и славословий.
Был финиковой пальмой стан прямой,
К плодам тянулись бедный и больной.
Настолько стан был тонок, что казалось:
Всего полволоска в кушак вмещалось!
Шар подбородка — серебро, слегка
Подернутое окисью пушка:
Чтоб этот шар угнать, девичьи станы
От страсти изогнулись, как човганы.
Он сущность слова всей душой постиг,
С любовью ткал он тонкий, звонкий стих.
Еще не обладая даром речи,
Он слушал мира голос человеческий.
Когда ж раскрылся губ его цветок,
Излился дум возвышенных поток.
От букв, что под пером его являлись,
Листы у каллиграфов разрывались.
Среди ровесников, не знавших скверн,
Напоминавших чистых, робких серн,
Любил он по горам и по долинам
Бродить, пленять сообществом невинным,
В неведенье счастливом о страстях,
Уже кипящих на его путях.
Глаза не знали слез любви горячих,
Душа не ведала о неудачах,

От страсти не страдал он без надежд,
Не разрывал терпения одежд,
Спал по ночам до самой зорьки ранней
На ложе целомудренных желаний,
Днем бегал он среди шатров, познав
Всю прелесть игр и всяческих забав.
Была душа родительская рада
Цветению возлюбленного чада.
Никто и не предвидел тех невзгод,
Что уготовил им небесный свод.
Как странно, что в обители страданий
Мы, люди, не тревожимся заране,
Забыв о предначертанной беде,
Грозящей плоти — глине и воде.

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК МАДЖНУН
БЫЛ ВЛЮБЛЁН В ОДНУ КРАСАВИЦУ АРАВИТЯНКУ,
ДОСТОЙНУЮ ЛЮБВИ И ОБЛАДАЮЩУЮ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ КАЧЕСТВАМИ,
КАК ОН ОХЛАДЕЛ К НЕЙ ИЗ-ЗА ЕЕ
БЛАГОСКЛОННОСТИ К ДРУГОМУ**

Чью глину-плоть на страсти замесили,
А в сердце слово «страсть» изобразили,
Тот буквы те не смоет никогда —
Их не осилит времени вода.
Он вечно будет думать о любимой,
Стремиться к ней в тоске неизъяснимой. . .
Маджнуном Кайс был признан с юных лет:
Влюбляясь, разума терял он свет.
Еще Лайли не видя пред собою,
Пленялся он красавицей любою.
У юноши верблюдница была,
Проворна, быстронога и смела, —
Как небо, двигалась, не уставая,
И долы, и хребты одолевая,
Бежала по равнине, как река,
Взлетала точно вихрь за облака.
Кайс на нее садился спозаранку,
На каждую заглядывал стоянку,
Скакал среди долин и горных скал:
Красавиц в каждом племени искал.

Однажды он достиг одной стоянки.
Увидел издали: аравитянки
Красавицы в степи явились вдруг,
Как будто образуя звездный круг.
Да, звезды засияли на равнине,
Они — кругом, луна — посередине,
Нет, не луна, а солнце, что сердца
Испепелило жаром багреца!
Кайс спросил, сказав слова привета:
«Кто девушка прекраснейшая эта?»
— «Ее зовут, — сказали, — Карима.
Могуч и знатен род ее весьма».
Он спешился, верблюдицу стреножил
И влюбчивое сердце растревожил.
Присел он, руки перед ней сложив,
Благовоспитан, молод и красив.
Он взгляды на нее бросал украдкой,
И ей понравился, и речью сладкой
Она ответила на страстный взор,
Вступила с ним в игривый разговор.
Ужели губы сахаром богаты?
Нет, сыплют жемчуг влажные агаты!
Он отвечал ей жарче, горячей,
Из кубка уст дарил вино речей.
Красавице внимая, пламенел он,
И, не вкусив ее вина, пьянел он.
И он покой утратил, и она,
Беседы кубок осушив до дна.
Когда они пылали пылко, пьяно,
К ним юный всадник прискакал нежданно,
Из райской кущи жизни — кипарис,
Чьи одеянья пурпуром зажглись.
Он ехал на верблюдице проворной,
Сиял звездой среди степи просторной,
И все, как бы ему сдаваясь в плен,
Вскричали: «Твой приход благословен!»
Казалось: даже на ногах запястья
Вызванивали песню сладострастья!
Тогда пришел в расстройство Кайс, поняв
Прелестных ветрениц неверный нрав.
Их радости не в силах слышать звуки,
Верблюдицы поводья взял он в руки.

Все устремились вслед за ним тотчас:
«Останься, Кайс, и не сердись на нас.
Разлуке ты не дай себя похитить,
Твоим лицом хотим глаза насытить!»
Хоть столько тонких мыслей изрекли
И пыль с его пути они мели,
Была его душа неумолима:
От их огня не получил и дыма!
Поехал на верблюдице верхом,
Запел он, стих роняя за стихом:
«О сердце, сердце, берегись измены,
От лживых удались в приют забвенный.
У розы — два лица, два лепестка,
Так будет ли двулика стойка?
Пусть вихрь не занесет меня отныне
Сюда, хотя б я прахом стал в пустыне,
А если тучей стану, в сем краю
Пусть я ни капли влаги не пролью!
Молчанье лучше слов пустых и ложных.
Да отойду я от людей ничтожных!»

**МАДЖНУН ВОСПЛАМЕНЯЕТСЯ, УСЛЫШАВ
О КРАСОТЕ ЛАЙЛИ, ЕДЕТ К МЕСТУ
ЕЕ ПРЕБЫВАНИЯ И ТЕМ САМЫМ УПОДОБЛЯЕТСЯ
ДИЧИ, КОТОРАЯ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ
УСТРЕМЛЯЕТСЯ В ТЕНЕТА ЛАЙЛИ**

Когда он, опаленный той свечой,
Вернулся с огорченною душой,
Он захотел найти свечу иную,
Чтоб озарила тьму его ночную.
Всем спутникам он задавал вопрос:
«Кто весть о жизни мертвому принес?
Кто видел луноликих, черноглазых?
В каких о них рассказано рассказах?»
Дошла к нему однажды от гостей
Одна из опаляющих вестей:
«В таком-то племени есть молодая
Красавица, что краше девы рая.
Тюльпаноликую зовут Лайли,
Стремятся к ней со всех концов земли,

Чтоб описать ее, слова не властны:
Ступай и сам взгляни на лик прекрасный.
Ушам не совершить работу глаз.
С увиденным сравнится ли рассказ?»
То слово Кайсу принесло надежду.
Он встал, надел нарядную одежду
И запылал в восторге молодом,
Помчался на верблюдице верхом.
Он гнал свою верблюдицу к желанной,
Он гнал мечту на улицу желанной.
Его увидев, с лаской подошли
К пришельцу люди племени Лайли,
Сказали слово доброты и чести
И усадили на почетном месте.
Но тщетно он искал глазами ту,
Чью возжелал увидеть красоту.
Томился он в тенетах странной страсти,
Вдруг шорох шелка, звон ножных запястий
Послышались ему издалека,
И улетучилась его тоска.
Он пальму жизнетворную увидел,
Он куропатку горную увидел!
Ее лицо румяно без румян,
Прекрасней всех стихов аравитян.
Лоб — серебра бесценного пластина,
О нет, луны блестящей половина!
Душистой амброй веет лук бровей,
Ресницы-стрелы мускуса черней.
Ты скажешь, ей в глаза взглянув: наверно,
Свои глаза ей подарила серна.
Уста ее багряны, как агат,
Нет, как вино багряное, пьянят!
А рот ее? Ты скажешь: свеж и молод,
Пчелиным жалом лепесток проколот,
И вот пчела, творя душистый мед,
Нектар из еле видной точки пьет.
А зубы? То жемчужин ожерелье,
На розе — утренней росы веселье.
А подбородка яблочко? Оно
Из серебра — соблазнами полно.
А родинка на нем? Да что же это, —
Быть может, мушка мускусного цвета?

О, яблочко, обвинное кольцом!
Не девушка ль с серебряным лицом
Рукою сжала яблочко-гостинец
И яблочко обвинил ее мизинец?
А кудри? То не сделал ли ловец
Силки для уловления сердец?
Пришла Лайли — и засверкала прелесть.
Глаза и сердце Кайса разгорелись.
Огонь объял и Кайса и Лайли,
Они друг в друге тот огонь зажгли.
Та — завитка раскручивала волос,
А в этом — страсти пробуждался голос.
Та — открывала лик в блаженный час,
А в этом — разум и слабел, и гас.
Та — пропитала стрелы глаз отравой,
А этот — пел о гибели кровавой.
Та — изо рта роняла мед речей,
А этот, плача, — слезы из очей.
Та — капли пота на челе стирала,
А этот — в книге жизни дней начало.
Та — красоты являла блеск ему,
А этот — брошен красотой во тьму.
Друг к другу, если выразиться ясно,
Как сахар к молоку, влекло их страстно.
Они слились в одно, как два цветка,
Слиянные единством стебелька.
Глаза своей возрадовались доле,
И сахар слов два друга раскололи,
Рассказывая о своей судьбе,
Выдумывая небыль о себе.
Что новые, что им былые беды?
Была в самой беседе цель беседы!
Не знали, что полны печали дни,
Что града скорби гражданае они.
Казалось им: другого нет страданья,
Кроме того, что гаснет день свиданья.
Что любящим сулит ночная тень?
Они в разлуке встретят новый день!
Душа с душой беседовали внятно,
Без перевода речь была понятна:
«О господи, мне ночи ждать невмочь,
Пускай сегодня не наступит ночь!

Пусть солнце — государь всего живого,
Защитник дня от сумрака ночного —
Сияет вплоть до Страшного суда,
Пусть ночи станут днями навсегда!»
Но разве от речей такого рода
Изменится вращенье небосвода?
Тот яркий стяг, что водрузил восход,
К закату обратил небесный свод.
Лайли и Қайс извели разлуку,
Впервые в жизни испытали муку.
Она не двигалась в тоске немой,
А он погнал верблюдицу домой.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК МАДЖНУН И ЛАЙЛИ ПРОВЕЛИ НОЧЬ ВДАЛИ ОТ КРАСОТЫ ДРУГ ДРУГА

Когда в колодец запада степного
С ристалища скатился голубого
Шар солнца золотой, простор земной
Стал обиталищем для тьмы ночной.
Незримы перья сделались павлиньи,
Одни лишь вороны кричат в унынье.
Везде чернеют крылья хищных птиц,
Что высидели столько звезд-яиц.
Светильники ночной поры лучатся —
То яйца цвета камфары лучатся.
Қайс, оторвавшись от Лайли с трудом,
Достиг стоянки и вступил в свой дом.
Душа — с Лайли, плоть отдана мученью:
Для стрел разлуки сделалась мишенью,
Метался и пылал он, как больной,
Ужаленный опасною змеей.
«Лайли!» — кричал он голосом кручины,
На голову он сыпал прах пустынный.
«Лайли!» — вздыхал, и легкий, как роса,
Вдох удалялся тихо в небеса.
Пытался он заснуть, забыть печали,
Но сну ресницы мокрые мешали.
В него, всегда веселого досель,
Как бы вонзала сто шипов постель!
А если, голову склонив к коленям,
Как в зеркала, смотрел с немим томленьем, —

Все лики мук и бед, что мир познал,
Глядели на него из тех зеркал.
А если встать решал в огне бессонном,
То вскакивал он с места с громким стоном.
Давило душу горе, как гора,
Не знал он, доживет ли до утра,
Не знал он, что же делать с тьмой густою.
Измученный ночью долгою,
Сказал: «О ночь — коварная напасть!
Иль черный ты дракон, который в пасть
Вобрал добро, и зло, и всё живое,
Обвив собой пространство мировое?
Найду ль с подругой счастье я теперь,
Когда в драконьей пасти я теперь?
Взойди, заря, прочти слова заклатья,
Чтобы сумел драконью пасть разъять я!»
Так плакал Кайс до самого утра
Вдали от милой и ее шатра.
Но и Лайли на женской половине
Была как лань, что ранена в пустыне.
Она забыть о Кайсе не могла:
Рука разлуки встречу рассекла!
Она испытывала те же муки,
Что и возлюбленный в плену разлуки.
В глазах стояли слезы, но для глаз
Желанный образ не тускнел, не гас.
Сказала: «Он везде парит, как птица,
Куда захочет он, туда умчится,
А я в гареме — коврик на полу, —
Недвижная, лежу в своем углу.
День без него уподоблен отраве,
А я к нему отправиться не вправе.
Судьба мужчин свободна и светла,
У бедных женщин связаны крыла.
Для женщины стезя любви опасна,
Над делом жизни женщина не властна.
Там, где мужчину хвалят за успех,
Там женщине кричат, что впала в грех.
Но если друг хотя бы в согой доле
Вкусил моей тоски и тяжелой боли,
То есть надежда на свиданье с ним, —
Я разделю свое страданье с ним!

А если нет, то и печаль блаженна:
Да будет смерть моя благословенна!»
Такую песню пела до утра,
И сердце стало пламенем костра.
Короче: двое истинных влюбленных,
Страданием разлуки опаленных,
Всю ночь не спали, не сомкнули глаз:
Заря любви для их сердец зажглась.
Тревога в их душе: что будет завтра?
Какие беды день разбудит завтра?

**ОПИСАНИЕ СОСТОЯНИЯ МАДЖНУНА,
КОГДА ОН НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСПЕШИЛ
К СТОЯНКЕ ПЛЕМЕНИ ЛАЙЛИ, НО ПОСТОРОННИЕ
ПОМЕШАЛИ ЕМУ ГОВОРИТЬ С ЛЮБИМОЙ**

Когда на мир дохнул рассвет — Иса,
Стяг золотой взметнув на небеса,
От вздоха начался на ветках шелест,
Цветов и листьев пробудилась прелесть,
А золота блистанье на луга
Упало, превратившись в жемчуга.
Кайс перестал стенать: среди благовонья
Страшна ль теперь ночная пасть драконья?
Свою верблюдицу погнал он вновь
Туда, куда вела его любовь.
Скакал, о страсти пел неопалимой, —
Вот и стоянка племени любимой.
Не смея подойти к шатру Лайли,
Остановил верблюдицу вдали.
Не видя, где же идол черноокий,
Он посвятил шатру такие строки:
«О светоч глаз и гурии жилью,
Светлей зари сияние твое!
Лайли — мой глаз, далекий от порока,
Ты — веко, закрывающее око.
От слез мои глаза мокры с утра —
Одежда так в дождливый день мокра.
О, смилуйся! Душа моя устала, —
Сними с лица любимой покрывало!
Как гвоздь, я вбит в то место, где стою.
Падут ли камни на главу мою,

Я не уйду. В петле висеть обязан?
Но я, как вервие, к тебе привязан!
Как столп я у преддверья твоего:
Не обману доверья твоего!
Вот бремя — без любимой быть всё время.
Так сбрось с моей ты выи это бремя!
Ты от меня не прячь желанный лик,
Иль хочешь ты, чтоб я попал в тупик?
Пусть мне за раной нанесешь ты рану,
Быть преданным тебе я не устану.
Вчера я плакал и пылал всю ночь.
Ужель и день не сможет мне помочь?
Ты знаешь, что Лайли — вода живая,
Что жажду я, в огне изнемогая, —
Пусть на мои горящие уста
Хотя бы капля будет пролита!
Смотри: по ней горюя, так горю я,
Она ж довольна, радость всем даруя!»
Хотя был голос Кайса мягок, тих,
Донесся до любимой каждый стих.
В груди подруги пламя загорелось,
Ему наружу вырваться хотелось.
Как роза из-за листьев, смущена,
Явилась из-за полога она,
На Кайса глянула с улыбкой счастья,
Как солнце после долгого ненастья,
Рубиновый ларец раскрыв сперва,
Рассыпала жемчужины-слова:
«О ты, с клеймом любви ко мне пришедший,
Ты, говорящий ласковые речи!
Да, в сердце у тебя засела боль,
Но всё-таки тебя спросить позволь:
Ужели этого страданья птица
Лишь в сердце у тебя теперь гнездится?
Пусть болен ты — светло в твоём саду,
А я от боли средство где найду?
Моя сильнее боль, но я немею,
Но я к тебе отправиться не смею.
Ты можешь тайну разгласить свою,
А я в душе ее от всех таю.
Влюбленный бьет в набат своей надежды,
А на влюбленной — робости одежды.

Влюбленный пишет письма о любви,
Влюбленная таит мечты свои.
Влюбленный плачет о разлуке с милой,
Влюбленная молчит с душой унылой.
Влюбленный у ее шатра поет,
Влюбленная отраву жизни пьет.
Влюбленный ищет встречи возжеленной,
Влюбленная подобна птице пленной.
Влюбленный до небес вздымает крик,
Взглянуть желая на любимый лик,
Влюбленная свои скрывает речи,
Хотя мечтает и она о встрече.
Кто в песне о любви заговорил,
Влюбленных двуединство сотворил.
Влюбленный и возлюбленная дева —
Одной и той же песни два напева».
Запела у него душа, едва
Услышал он душевные слова.
Он в возбужденье разорвал рубаху,
Склонился пред возлюбленной ко праху.
Мечтал он, светлую постигнув страсть,
Как тень ее, к ее ногам упасть,
Поведать ей о том, как ночь провел он,
Страдания пылающего полон.
Однако соплеменники Лайли
Со всех сторон к нему с приветом шли.
Он ощутил испуг непостижимый .
И, не поведав слов своих любимой,
Отправился в тоске в обратный путь.
Дрожало сердце, и болела грудь.
Скакал и пел он, уязвленный болью,
Песнь по степному разлилась раздолью:
«Сородичи подруги дорогой,
Дорогой бы поехать вам другой,
Чтоб не было меж ней и мной преграды,
Чтоб досыта и я вкусил отрады.
Что горше может быть: во тьме ночной
Влюбленный плачет, потеряв покой;
С больной душой, в которой ноет рана,
К любимой приезжает утром рано;
Он хочет ей поведать о любви,
О пламени, бушующем в крови,

Но чужаки, сочтя себя родными,
Становятся преградой между ними,
Ни слова не дают ему сказать,
И душу, и язык решив связать!
С такими пусть никто судьбу не свяжет,
Пусть ласкового слова им не скажет!»
Так день прошел. Сошла ночная мгла,
Вновь Кайса на мученья обрекла.
Глаз не сомкнул и в эту ночь страдалец,
К шатру зари он прибыл, как скиталец.
Опять умчался он в степной простор,
Туда, где был его Лайли шатер.
Безлюдно, тихо было на равнине,
А посторонних не было в помине,
И Кайс, избавясь от ночных тревог,
Ее шатра поцеловал порог.
Она раскрыла полог пред влюбленным,
Приняв его с почетом и поклоном.
В той книге, что ведет рука любви,
Они — заглавная строка любви.
Они и любят оба, и любимы,
Как сахар с молоком, нерасторжимы.
Лайли к нему склонилась головой,
Кайс — голову теряет, разум свой.
У Кайса нежно опушились щеки,
Лайли — пушинку — кружит вихрь высокий.
Лайли кудрей раскрутит завитки,
А Кайс немедля падает в силки.
Кайс шутит, остроумием чаруя,
Лайли смеется, сахар свой даруя.
Лайли пьянит манящей красотой,
А Кайс любовной муки пьет настой.
Короче: от свидания такого
Прочнее стала их любви основа.
Открылось ей достоинство любви,
Он стал одним из воинства любви.
Она, влюбленная, и он, влюбленный,
Любви признали высшие законы.

**ЛАЙЛИ ПЛАВИТ МАДЖНУНА
В ТИГЛЕ ИСПЫТАНИЯ, УДОСТОВЕРЯЕТСЯ,
ЧТО ЗОЛОТО ЕГО ЛЮБВИ СОВЕРШЕННО,
И УДОСТАИВАЕТ ЕГО ЧЕКАНОМ БЛАГОСКЛОННОСТИ**

Тот, кто писал о горестях людских,
Нам предложил такой заглавный стих:
Увидела Лайли, что Қайс прекрасный
Пылает к ней любовью жаркой, страстной.
Но есть ли в этой страсти глубина?
Достойна ли взаимности она?
Однажды собрались в саду равнины
Прелестные девицы и мужчины.
Лайли, чуть на красавца бросит взор,
Раба приобретает с этих пор,
На девушку она с улыбкой глянет,
И та навеки ей рабыней станет.
Лайли внимала восхваленьям слуг,
Когда к любимой Қайс приехал вдруг.
Лицо его покрыла пыль дороги,
Душа полна любви, полна тревоги.
Он землю пред Лайли поцеловал,
Он божью милость на нее призвал,
Но Қайс не удостоился и взгляда,
Казалось, что она ему не рада.
Игрива, обольстительна, томна,
Притворно брови хмурила она,
Со всеми, кроме Қайса, говорила,
Всем, кроме Қайса, звонкий смех дарила,
Всех, кроме Қайса, к радости звала,
Со всеми, кроме Қайса, весела.
Лицом была ко всем, к нему — спиною,
Была со всеми доброй, с Қайсом — злою.
Қайс на нее глядит, но каждый раз
Она как бы не видит робких глаз,
Қайс говорит ей ласковое слово —
Она прилежно слушает другого.
Уловки, ухищрения Лайли
Страданье сердцу Қайса принесли.
К любимой прискакал — и что нашел там?
Его тюльпан был красным — стал он желтым!
С лица скорбей завесу он совлек,
И вздох его был долог и глубок.

Он слезы с каждой уронил ресницы, —
Нет, жемчуга на желтый лик страницы:
«Где прежний мой успех и где почет?
Куда теперь судьба меня влечет?
О, если бы Лайли узнала жалость,
Лишь мне, других оставив, улыбалась,
Сидела б лишь со мной наедине
И речи б говорила только мне!
Я испросил бы у нее прощенья
Всем, на земле свершившим прегрешенья.
Безгрешен я, но лишь ее одну
Прошу теперь — простить мою вину.
Ходатая найдет ли виноватый?
Но эти слезы — верный мой ходатай!»
Услышав просьбу жарких, светлых слез
И ту газель, что милый произнес,
Лайли от всех мгновенно отвернулась,
И подошла к нему, и улыбнулась,
Сказала с нежной ласкою в речах:
«О воинства страдальцев шахиншах!
Мы оба — я и ты — влюбленных двое,
Нам без любви постыло всё живое,
Не плотью — сердцем слиты я и ты,
Мы суесловны, но душой чисты.
Нахмурила я брови, но не думай,
Что на тебя смотрю с недоброй думой.
Я лишь на людях зла — и неспроста:
Боюсь, что нас коснется клевета.
Любовь да будет сокровенным кладом:
В нее никто пусть не проникнет взглядом!»
Внимая вести радостной такой,
Утратил Кайс рассудок и покой,
Упал в беспамятстве, как бы под сенью
Той стройной пальмы стал бесплотной тенью,
Не шевелился на одре земном, —
Решили, что заснул он мертвым сном.
Из глаз пролили на страдальца влагу,
Но юношу не привели ко благу.
Боясь, что больше нет его в живых
И что в убийстве заподозрят их,
Пустились в бегство те аравитяне,
Прервав свое веселье для стенаний.

Никто, помимо Кайса и Лайли,
Ни близко не остался, ни вдали.
Лайли к его склонилась изголовью,
Смотрела на недвижимого с любовью,
Как бы шепча: «Страдал он день за днем,
Покуда не заснул последним сном.
Любви познал он смуту и тревогу,
Из-за любви он отдал душу богу».
День догорел. Маджнун раскрыл глаза —
Пред ним любимой вспыхнула краса.
Он зарыдал, — казалось, в день ненастный
С ресницы каждой хлынул ливень красный.
«Единственный! — услышал он Лайли. —
Ты — повесть, что влюбленные прочли.
Но как сознанья ты утратил звенья?
Кто дал тебе вино самозабвенья?»
Сказал: «Тобой, тобою мне дано
Беспамятства печальное вино!
Ты отвернулась от меня сначала,
Красноречивая, со мной молчала,
Ты руку сблизила с другой рукой,
Не я с тобой был рядом, а другой,
Ушла ты от подобных мне, смиренных,
Унизила меня в глазах презренных.
В конце концов ты сжалилась и вновь
Явила ласку мне, волнуя кровь.
Меня ты страстью напоила сладко,
Велев испить всю чашу без остатка.
Твои слова ожгли меня огнем,
Меня ты опьянила тем вином!
В беспамятство меня поверг твой пламень, —
Что ж делать: я ведь человек, не камень!»
Лайли, услышав юноши ответ,
От счастья расцвела, как вешний цвет.
Сказала: «О души моей стремленье,
Моей бессильной плоти исцеленье!
Хотя ты изнемог из-за меня,
И в сердце твой ожог — из-за меня,
Мои сильнее боли и терзанья,
Еще о них не сказаны сказанья».
Постигнул Кайс отраду из отрад,
Обрадованный, поскакал назад.

ЛАЙЛИ И МАДЖНУН ЗАКЛЮЧАЮТ ДОГОВОР ВЕРНОСТИ И ПОДТВЕРЖДАЮТ ЕГО КЛЯТВАМИ

Та, кто прекрасное вгоняет в краску,
Чья красота напоминает сказку,
Родоначалница сладчайших нег,
Начала жизни радостный побег,
Та, кто завесой таинства одета,
Цветок весенний верности и света,
Лань, уловляющая смелых львов,
Та, кто приводит в трепет смельчаков,
Из-за которой, оборвав глаголы,
Перестают молиться богомолы,
Из-за которой движутся на торг
Любовь, самоубийство и восторг,
Кто, поглядев, Иран сжигает взглядом,
Для глаз аравитян сверкает садом,
Чьи звон запястий, золото тесьмы
В смятение приводят все умы,
Кто страстной песней, мудрым ли рассказом
Рассудок возмутит, похитит разум, —
То есть Лайли, в чью прелесть влюблены
Не только Кайс — безумцы всей страны,
Увидела, что Кайса дух и тело —
Любовь, которой в мире нет предела,
Чья верность — драгоценное литье:
Не нужен пробный камень для нее.
Когда он утром к ней приехал снова,
В нем верности открылась ей основа,
Она его желала, ей была
Его улыбка — родником тепла,
О счастье весть в его ловила взоре,
Поведала слова о договоре,
Чтоб их союз упрочить навсегда
И боль его развеять без следа:
«Клянусь глазами чистоты нетленной,
Что проникают в тайны всей вселенной;
Клянусь могучей мудростью сердец,
Познавших дней начало и конец,
Изведавших сокровища творенья,
Постигших прозорливцев озаренья;

Клянусь я тем, кто странствует в пыли,
От родины и от друзей вдали;
Клянусь я каждой пери черноокой,
Как лунный свет — прекрасной и далекой;
Клянусь мечтой, скрепившей наш союз;
Как мудрые советуют — клянусь,
Что на земле не зародится сила,
Чтобы меня с тобою разлучила;
Что не погаснет память о тебе
В моей душе, да и в моей судьбе;
Что в сей обители печали буду
Я без тебя печалиться повсюду;
Что мне милее кончить жизнь, скорбя,
Чем долго жить с другим, забыв тебя;
Что, если выбрать можно мне свободно,
Мне изо всех тебя избрать угодно;
Что будет мне как враг иль как чужой
Тот, кто с тобою покривит душой;
Что только ты — мой свет, моя отрада,
Что без тебя мне и друзей не надо;
Что мне никто не нужен на земле,
Пока в земле не лягу я во мгле;
Союз, что нас отныне сопрягает,
• Меня от всех тем самым отторгает.
Любовь к тебе да будет той казной,
Что хватит мне в юдоли сей земной».
Когда Лайли, верна и беспорочна,
Себя связала договором прочно,
Она, лишь Кайса видя пред собой,
Пошла отныне узкою тропой:
Лишь в Кайсе жизни поняла значенье,
Провозгласив от прочих отречение.
На шее ожерельем стал ей друг,
Оторвала подол от прочих рук.
К ней утром Кайс шаги направил снова,
Верблюдицу в степи оставил снова,
Восславил день вчерашний: тем трудней
Была, сказал он, ночь разлуки с ней.
Вот сумерки упали на окрестность.
От мира отчужденность — их совместность.
Увидел Кайс, печали сбросив груз,
Что хочет с ним вступить Лайли в союз.

В смятенье он от мира отрешился,
А от смятенья разума лишился.
Тогда безумца люди той земли
Маджнуном — одержимым — нарекли.
Исчезло Кайса подлинное имя,
Прозванье стало жить между живыми,
«Маджнун! Маджнун!» — кричали все кругом,
Как бы забыв об имени другом.
Да он и сам, любовью чудно болен,
Был этим странным прозвищем доволен. . .
Реченья нет звучнее, чем любовь,
Влеченья нет важнее, чем любовь.
Джами, войну объявим пустословью,
Стяжай себе признание любовью!
Любовь с ее отрадой и с тоской
Всех дел превыше в брэнной мастерской.

ЛЮДИ ПЛЕМЕНИ АМИР ЗАМЕЧАЮТ ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ И СМЯТЕННОСТЬ ЧУВСТВ МАДЖНУНА

Тот, кто торгует тканями мышленья,
Тот, кто танцует танец исступленья,
Тот, кто в горах скорбей живет во мгле,
Тот, кто сидит, как всадник, на скале,
Тот, кто хранитель кладов разоренных,
Чья жизнь — обитель сказов о влюбленных,
Тот, кому тени древо не дает,
Кто по тропе отверженных бредет,
Тот, кто певец такой, чья песнь — стенанье,
С изгоями — изгой, чужак в изгнание,
Тот, кто в родстве с газелями степей,
Кто плачет о любви, как соловей,
Тот, кто ограблен властелином страсти,
Кто обувь изорвал в пыли несчастий,
Тот, чья приманка — разума зерно,
Кто бросил камни разуму в окно,
Тот, чьи собратья — дэвы или пери,
Чье лежище — там, где лежали звери,
Страдалец, чье веселие — Лайли,
Чьи раны лечит зелие Лайли, —
То есть Маджнун, свой дом и род оставил,
Стал жить вне разума, законов, правил,

Его теперь никто не видел днем,
Его на ложе не было ночном.
Порвал он связи с близкими, родными,
Его теперь никто не видел с ними.
Коль выходил ему навстречу друг,
Он убегал, почувствовав испуг.
Коль родича встречал, он в это время
Не помнил, что есть род, семья и племя.
Все стали порицать его с тех пор:
Мол, выставит он племя на позор!
Был в племени у Кайса друг надежный,
Что шел стезею правды непреложной,
Что вел к добру старания свои, —
Хранитель тайн за пологом любви.
За Кайсом два-три дня ходил он следом,
Чтоб выведать: каким подвластен бедам?
В конце концов сказал он Кайсу: «Брат,
Я пламенем из-за тебя объят.
Мне душу опалило состраданье,
В костях дошло до мозга содроганье.
Скажи мне, в чем причина, что сейчас
Порвал ты с нами и бежишь от нас?»
Когда услышал эту речь влюбленный,
Он застонал, и тяжки были стоны.
Сказал Маджнун: «О друг и сверстник мой,
О собеседник и наперсник мой!
Погибель мне от одного события.
Из-за него не в силах ныне жить я.
Событье? Нет, скорбей и тягот вьюк,
Что тяжелей горы, мой добрый друг!
Наверняка погибну, коль не сброшу
Я с плеч такую тягостную ношу!»
А тот: «Мне эту ношу назови.
Она, быть может, следствие любви?»
Ответил Кайс: «Я по Лайли тоскую»,
Упал, назвавши пери дорогую:
Его уста окаменели вдруг,
Глаза не видят, и не слышит слух.
Он этот мир и мир иной отринул,
Он не был мертвым — и живых покинул.
Любви его безмерность понял друг,
Его огонь и верность понял друг,

Узнал он, кто любимая Маджнуна —
Та ноша нестерпимая Маджнуна.
Он сам из-за больного стал больным
И тайну Кайса рассказал другим:
Хотел, чтоб жертву горя и печали
Искусные врачи уврачевали.

**ОТЕЦ МАДЖНУНА УЗНАЕТ
О ЕГО ПРИВЯЗАННОСТИ К ЛАЙЛИ
И ПРИХОДИТ УВЕЩЕВАТЬ СЫНА**

Отец, узнав, что страждет Кайс больной,
Примчался к сыну, словно вихрь степной.
С любовью заключив его в объятия,
Сказал отец: «Мой сын, хочу понять я,
Из-за чего с людьми порвал ты связь,
Беда какая над тобой стряслась?
Твоей душой, узнал я, овладела
Та, что сердца захватывает смело.
Любовь — в пределе временном, земном —
Искусством наивысшим назовем.
Лицо пленительное, стан ли стройный,
Однако, не всегда любви достойны.
Тогда подруга — счастье для души,
Коль род ее и корень хороши,
А между тем годна тебе в рабыни
Лайли, которую ты любишь ныне.
Ты не стремись к позорящей любви,
Ты сердце от ничтожной оторви.
Ты — кипарис, она — листок полыни.
Она — ворона, ты — вожак павлиний.
С полынью разве дружит кипарис?
Павлин с вороной где, когда сошлись?
Ужель среди цветов земного сада
Лишь одному тюльпану сердце радо?
Здесь столько роз волшебной красоты, —
Срывай же все красивые цветы!
Здесь столько разлилось благоуханий,
А ты мечтаешь об одном тюльпане!
Известно также близко и вдали,

Что наше племя и народ Лайли
Друг к другу в сей обители греховной
Уже давно пылают мезтью кровной.
Когда идет война и льется кровь,
Как может недругов связать любовь?»
Маджнун ответил: «Мудро говоришь ты,
На языке любви слова творишь ты.
Все мысли, поучения твои,
Советы, изречения твои
Мне мудрости сверкают жемчугами,
В ушах моей души висят серьгами.
Ни в чем тебя не упрекну, о нет,
Однако я на все найду ответ.
«Твое, — ты говоришь мне, — поведенье —
Безумие, любовное смятенье».
Согласен! И воскликну много раз:
Любовь — мой труд единственный сейчас!
Любовь — мой путь единственный и строгий.
Избави бог идти другой дорогой!
Тот, чья душа любовью не полна,
Не стоит и ячменного зерна.
Любовь для сердца мужа есть лекарство
От времени и от его коварства.
«Любви, — сказал ты, — недостойна та,
Чей корень плох, основа не чиста».
Но всех красавиц корень чист единый:
Все происходят от воды и глины.
В красе предвечной — чистый корень их,
Тот счастлив, кто красе покорен их.
«Лайли, — сказал ты, — красотой — царица,
Но родословной — нам в рабы годится».
Кто любит, для того любовь — весь свет,
Ему до родословной дела нет!
Кто впал в любовь, кто у огня во власти,
Есть отпрыск сердца, порожденье страсти.
К тому, что существует, слеп и глух,
Чья пища не существенность, а дух.
Он для любви отца и мать отвергнет,
Злокозненность и благодать отвергнет!
Сказал ты: «О влеченье к ней забудь,
Ты должен верности покинуть».

Но чужд мне от любви отказ, тем боле
Что я бессилен, не в моей он воле.
Задолго до того, как мир возник,
Шесть букв изобразили в книге книг.
Любовь — всего шесть букв. Их написали
В душе, на самой сгненной скрижали.
Пусть душу я ногами раздеру,
Ужель в душе те буквы я сотру?
Все буквы в этом слове светлолики,
Стереть такие буквы — грех великий.
Сказал ты мне: «Удел того жесток,
Кого прельщает лишь один цветок».
Так пусть Лайли-цветок вовек не вянет,
В земном саду моим уделом станет!
Я — плоть ее, она моя душа,
Я ей хорош, она мне хороша.
Пусть мы умрем, разлучены сурово, —
Удела нам не надобно другого.
Дышу любимой, а подруга — мной,
Нам радости не надобно другой!
«Ее, — сказал ты, — племя нам враждебно,
Нам против мести ненависть потребна».
Но мне, кому любовь отверзла грудь,
Ужели месть опасна чья-нибудь?
Война племен ужели растревожит
Лайли, что без меня дышать не может?
Мне самому вселенная тесна,
Воюю против всех, кто не она,
А коль она отвергнет мир со мною,
На самого себя пойду войною!»
В глазах отца затмился белый свет,
Когда он Кайса услышал ответ,
Он понял: Кайс — как выюк, что ненароком
Упал и бурным унесен потоком.
От наставлений он замкнул уста.
К чему теперь советов правота?
Он понял: поучения излишни,
Несчастному поможет лишь всевышний.

**ЗНАТНЫЕ МУЖИ ПЛЕМЕНИ БАНИ-АМИР
СОВЕТУЮТ ОТЦУ МАДЖНУНА ЖЕНИТЬ СЫНА
НА КАКОЙ-НИБУДЬ КРАСАВИЦЕ,
ДОСТОЙНОЙ ЕГО ЛЮБВИ,
И ТЕМ САМЫМ УТИШИТЬ ЕГО СТРАСТЬ**

Когда слова отца не помогли
Маджнуну, дни влачившему в пыли,
Пришли мужи, знатны и белоглавы,
Сказали старцу, смысл являя здравый:
«О утвердивший в племени амир
Среди смятений мира свет и мир!
Твой сын людским глазам дарует зренье,
Трепещущим сердцам — успокоенье.
Поскольку с ним слились любовь и страсть,
То стала неминуемой напасть.
Однако тот, чье сердце стало хворым
И чье спасенье — в исцеленье скором,
Иль страннической двинется тропой,
Иль обратит свой взор и ум к другой.
Но молод Кайс, и не настали сроки,
Чтоб юноша предпринял путь далекий.
Так поищи красавицу скорей,
Что прелестью прославилась своей.
Соедини их брачным договором, —
На свой удел да взглянет новым взором,
Быть может, Кайс утешится женой,
Лайли забудет для любви иной.
Он страсть к жене в своей душе разбудит,
А о Лайли и думать позабудет».
Обрадовала сердце старика
Та мысль, что показалась глубока,
Он Кайса усадил перед собою
И молвил сыну с ласкою живою:
«Моей судьбе помог светиться ты,
Для ока моего — зеница ты,
Мое ты упованье и стремленье,
О Кайс, ты рода нашего продленье.
Мне весело, когда мой сын со мной,
А без тебя не нужен мир земной.
Бесцельно, одиноко в тихом поле
Блуждать вне дома будешь ты доколе?
Вернись домой на время наконец,

Как возвращается домой птенец,
А если затоскуешь дома — что же,
Я дам тебе красавицу на ложе,
Чтоб нежной, ласковой была с тобой,
Оберегала от беды любой,
Чтобы тебя встречала в нетерпенье,
Твои ступни лобзала, как ступени,
Чтоб под ноги тебе легла ковром,
Как только ты расстанешься с шатром.
У брата моего, чьей жизни строчки
От горя не вобрали даже точки,
Есть за стеной красавица одна,
Чьей красотой луна посрамлена.
Она — жемчужина в ларце, что тесен
Для восхвалений в честь нее и песен.
Ее уста — как мед. Кто не поймет:
Нектару соприроден этот мед!
Ее глаза — нарциссов цвет весенний,
Но сохранивший негу сновидений.
Стан — словно луч. И каждый говорит:
«Дня воскресенья мертвых свет горит!»
Весь мир хвалу поет ей неустанно,
И всем таким, как ты, она желанна.
Ее сокровищам потерян счет,
Сильней сокровищ — красота влечет.
Происхождением и родословной
Она достойна стать твоею ровней.
На честь твою и пятнышка стыда
Из-за нее не ляжет никогда,
В сосуд стеклянный, — честь я разумею, —
И камешек не будет брошен ею.
Для двух жемчужин девственных — для вас —
Ужель слиянья не наступит час?
Хочу, чтобы она с тобой сроднилась,
И гнев благословляла твой, и милость,
Чтобы тебе отраду принесла
Жемчужина, не знавшая сверла,
Чтоб ваша близость никогда не знала
Отравы клеветы и злости жала,
Чтоб вы слились, как небо и земля, —
Два ядрышка в скорлупке миндаля!»
Тогда Маджнун раскрыл уста в печали,

Что сахар красноречья размельчали,
Ресницами сверля алмазы слез,
Такой ответ отцу он произнес:
«О дней моих и сущность, и начало!
Пыль под тобой моей короной стала!
Мое одушевил ты естество,
Что из воды и праха твоего.
Как сын Марьям Иса, я странник нищий
В странноприимном призрачном жилище.
Как солнце, от всего я отрешен,
Отъединен от всех мужей и жен.
Сей мир мне страшен. Будет наилучшим,
Чтоб я, бедой неслыханною мучим,
Пока в юдоли нахожусь земной,
Не знал соединения с женой.
Мое безумье — взлет мечты пернатой.
А кто же впрямь сошел с ума? Женатый!
Зачем чужую ношу мне нести,
Когда свою бросаю на пути?
В чем близость для меня? От всех далекость.
Мое товарищество — одиночество».
Сознания отец утратил свет,
Когда услышал странный сей ответ.
Придя в себя, сказал: «Мое стремленье,
Чтоб ты познал, женившись, исцеленье,
Чтобы душа и сердце обрели
Спасенье от влечения к Лайли:
К другой все помыслы направит сердце,
А страсть к Лайли твое оставит сердце.
В одном постоле — лишь одна нога,
Не спят в одном жилище два врага,
В одной душе нет места двум желанным,
Не дружит сокол с вороном незванным».
Сказал Маджнун: «Ужель любовь хитра?
К чему же с сердцем ловкая игра?
Сгорю я, горем огненным палимый,
Коль сердце отвратится от любимой.
Я — перстень, а Лайли — агат на нем.
Я — почва, а Лайли сравню с зерном.
Я — сердце, а Лайли — душа: как птица,
Как горлянка в гнезде, во мне гнездится.
Я видел мир и всё, что в нем живет, —

Насельников земных пространств и вод.
Всё, что ценилось и теряет цену,
Всё то, что портится, — найдет замену,
Одна Лайли чужда таких примет:
Ей в сердце у меня замены нет!
Врагом себе я стану и любимой,
Замену обретя незаменимой!»
Отец, поняв, что рок неотвратим,
Что Кайса он не сделает иным,
Вознес моление за больного сына —
Да станет светлой мрачная судьбина.

**КЛЕВЕТНИК НАУШНИЧАЕТ ЛАЙЛИ, БУДТО БЫ
МАДЖНУН ВСТУПИЛ В БРАЧНЫЙ СОЮЗ
СО СВОЕЙ ДВОЮРОДНОЙ СЕСТРОЮ**

О Кайсе толки в каждом шли шатре:
Мол, женят на двоюродной сестре.
Узнал об этом пустобрех отменный,
Что Кайса невзлюбил душой презренной.
Пришел к Лайли, сказал: «Светло живи,
У Кайса прежней нет к тебе любви.
Он не горит в огне, скорбя, как прежде,
Глаза не смотрят на тебя, как прежде.
Увлекся он влечением к другой,
Зажегся он свечением другой.
Отец его взял за руку, не скрою,
Связал его с двоюродной сестрою.
Сегодня и невеста, и жених
Избавились от всех тревог своих.
Ты тоже друга избери другого,
От Кайса сердце отвори сурово,
От верности лицо ты отвори,
Обидой за обиду отплати».
При этом лживом, грязном наговоре
Лайли всем сердцем ощутила горе.
Как бы увидя Кайса пред собой,
Воскликнула, раздавлена судьбой:
«О сердца оскорбитель, что ты сделал!
С возлюбленной, губитель, что ты сделал!
Что сделал ты с любимой, чья душа
Пылала, лишь одним тобой дыша!

Ты на нее напал, как тать кровавый, —
Вот молодец какой отважный, право!
Но с близкими так поступать нельзя,
Возлюбленных не такова стезя.
Пшеницу ты мне показал сначала,
Я с радостью купить ее желала,
Но ты пшеницу спрятал от меня,
Всучил мне только зерна ячменя.
Сначала ты расставил мне тенета,
Затем иная родилась забота,
Ты ухватился за подол другой:
Она красивей, с ней найдешь покой!
Но если ты другую любишь страстно,
То не грусти, что я горю всечасно:
Пусть мой огонь горит сильнее, светлей,
Пусть озарит твой пир, твоих гостей!»
Когда Лайли удел познала горький
И не смежила глаз до самой зорьки,
Нежданно Кайс явился в ранний час,
Не зная, что за слух Лайли потряс.
Как прежде, к ней воззвал с душой безгрешной,
Но слугам крикнула Лайли поспешно:
«Не место чужаку у нас в шатрах,
Пусть от мечей почувствует он страх.
Не для таких раскрыт приют запрета,
Не мной, не мной душа его согрета.
Скажите, чтобы он к другой пошел,
Чтоб ухватился за другой подол.
Кто по ночам — с другой, а днем — со мною,
Не должен жить, дышать вдвоем со мною».
Ответ Лайли терзал Маджнуну слух,
И плакал и упрашивал он слуг,
Но те его к Лайли не подпустили.
В слезах на землю он упал в бессилье,
Потом в тоске отправился домой,
Приют покинув радости земной.
Была больна любовь его живая.
Такой nasib он складывал, рыдая:
«Мне больно, ибо я лежу, как прах,
В степи, где рядом с упованьем — страх.
К моей Лайли счастливою тропею
Я шел, вины не зная за собою,

Просите у нее, мой вздох и взгляд,
Простить того, кто не был виноват!
Я чист, я в преступлень не замешан,
Любовь — единственное, в чем я грешен,
Но если грех — любовь, то этот грех
Меня безгрешным делает для всех.
Пусть, бог избави, струи дождевые
В мечи преобразятся боевые, —
Меня бессилен от Лайли отсечь
И обратить к другой подобный меч.
В тот день, когда, заснув в могиле тесной,
Расстанусь я со скверною телесной,
Душа, могильную развеяв мглу,
Моей любимой пропоет хвалу.
Свой саван разорву, презрев обиду,
И, вопия, из-под земли я выйду,
Чтоб верным ей остаться навсегда —
До наступленья Страшного суда!»
Так пел Маджнун, с тоской и болью дружен.
Песнь состояла из стихов-жемчужин.
Услышал песнь, звенящую вдали,
Влюбленный, живший в племени Лайли.
Вернувшись, он запел, Маджнуну вторя,
Тогда Лайли заплакала от горя.
Раскаялась в содеянном: в любовь
Несчастливого уверовала вновь.
Запела и она — взвилась крылато
Та песнь, стихом и музыкой богата:
«Кто зависти приемлет клевету,
Тот верности не слышит правоту.
Завистник видит в том свою заслугу,
Что вдруг враждою воспыхает к другу...
Пусть мир не знает ссор, кроме одной:
Большой работы — с малою ценой!
Пусть зложелатель смерть свою ускорит,
Когда меня с Маджнуном он поссорит!
Пусть взор завистника закроет мгла
За то, что взор от Кайса отвела!
Перетерпеть разлуку попытаюсь,
Отравую разлуки напитаюсь.
Но есть ли связь терпенья и любви?
Разлуку нашу тучей назови:

Низверглись вздохов молнии из тучи
И ливень скорбных слез кроваво-жгучий.
Вернись, Маджнун, и мне верни покой.
Как стыдно мне содеянного мной!
Невинному я причинила муки,
Вернись, тебе я поцелую руки!»
Когда она пропела свой призыв,
Жемчужину печали просверлив,
Калам ресниц в кровь сердца окунула,
И что-то написала, и свернула
Бумагу трубкой, и гонец отвез
Письмо тому, кто был истоком слез,
Затосковавший Қайс развеселился, —
Нет, как тростник пера, он раздвоился!
К ее шатру, любовью одержим,
Пошел он, как к святыне пилигрим.

**МАДЖНУН ИДЕТ К ЛАЙЛИ И В КАРКАНЬЕ
ВОРОНА СЛЫШИТ ДОБРОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ**

День — белый сокол — в дом влетел вороний,
Ворона — тьма, — увидев: посторонний
Ее теснит, — умчалась из гнезда.
Маджнун в дорогу двинулся тогда,
Летел быстрее, чем воронья стая,
Пространство ножницами ног срезая.
Вдруг дерево, подняв листья в лазурь
(Казалось, что покрыла их глазурь),
Возникло, свежим шелестя нарядом.
Қайс на него воззрился зорким взглядом,
Заметил ворона горящий взгляд:
Глаза, как два светильника, горят,
Сам ворон — словно дым того горенья,
Или звезда, постигшая паренье,
Иль черный уголь — будто сам Аббас
Решил халифом ночи стать сейчас.
Вдруг ворон каркнул карканьем красивым,
Что предзнаменованием счастливым
Считается в стране аравитян.
Тогда Маджнун, восторгом обуян,
Пустился в пляс надежды, счастья, света,
Сказал: «Благоприятная примета!

О, если встречу я с моей луной
И будет ласкова она со мной, —
Клянусь, что в Мекку я отправлюсь ныне,
Сто раз пойду я кланяться святыне!»
Пришел к стоянке племени Лайли.
Ее шатер его глаза нашли.
Войти он получил соизволение,
Воссел на вожделенное сиденье.
Они раскрыли нежных тайн тетрадь,
Спеша всем тайнам разъяснение дать.
То о разлуке заводили речи,
То о пыланье и желанье встречи.
Их двое, только тайна их — одна,
Хотя по-разному обнажена:
Лайли подобна шаху на престоле,
Маджнун, как подданный, стремится к воле.
Лайли во славе царствует с высот,
Маджнун во прахе ей моленья шлет.
Лайли дарует смеха сахар сладкий,
Маджнун — алмазы-слезы в беспорядке.
Лайли — красы необычайной власть,
Маджнун — мечты высокой, тайной страсть,
Лайли восходит солнцем незакатным,
Маджнун нисходит ливнем благодатным,
Лайли — луна: мир блещет при луне,
Маджнун — огонь: сгорает мир в огне.
Лайли для всех сердец — светильник ясный,
Маджнун на всех сердцах — ожог опасный.
Лайли есть мускус двух душистых кос,
Маджнун — из двух очей потоки слез.
Лайли — цветок, чье сладостно цветенье,
Маджнун — засох, он призрак, не растенье.
Лайли сияет радостной весной,
Маджнун в пустыне мира — как больной...
Так провели весь день, прогнав заботу
И радуясь времен круговороту.
Все тайны обнажили двух сердец,
Все мысли изложили наконец, —
Одна лишь боль осталась затаенной,
Одна лишь мысль была неизреченной.
Когда прощаться начала Лайли,
Уста Маджнуна просьбу изрекли:

«О ты, Кааба путников влюбленных!
О Мекка чистых, к благу устремленных!
Цветник Ирема — заповедник твой,
Кто славит бога — собеседник твой.
О ты, чьи кудри — шахов ожерелье,
Ты, чье дыханье — страждущих веселье!
Готов своей короной каждый шах
Назвать запястья на твоих ногах.
Кудрями черными, как ночь, влюбленных
Ты можешь превратить в умалишенных.
Твоим устам завидует Кавсар:
Смеясь, являют сахара базар!
Когда, раскрыв без горя утром вежды,
Паломничества я надел одежды,
Чтоб поклониться твоему шатру,
Сказал я: «Если будет всё к добру,
Надену я паломника убранство,
Пойду к святому камню мусульманства.
Теперь, когда желанного достиг
И, как мечтал, я твой увидел лик, —
Позволь мне стать паломником и к цели,
Для всех священной, двинуться отселе.
Останусь жив — приду к тебе живой,
С покорной и склоненной головой,
А если я умру в глухой пустыне,
Что делать: видно, труден путь к святыне!»
Лайли, услышав, что сказал ей друг,
Как локоны, заволновалась вдруг,
Сказала: «Мы паломники отныне:
Ты — для меня, я — для тебя святыня.
О, лучше друг на друга нам смотреть,
Чем друг без друга от тоски сгореть.
Подумай сам: как буду я судьбою
Наказана, разлучена с тобою!
Ты счастлив будешь, в храм вступив святой,
А я останусь со своей бедой».
Сказал Маджнун: «Да снидет божья милость,
Чтоб снова ты со мной соединилась,
Да наградит терпеньем нас господь,
Чтоб нам вдвоем разлуку побороть».
Так он сказал и горько разрыдался,
С душой своей — с Лайли — Маджнун расстался.

ПОЛУЧИВ СОГЛАСИЕ ЛАЙЛИ, МАДЖНУН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПАЛОМНИЧЕСТВО

Шатра Лайли покинул он порог,
Пошел к Каабе, ибо дал зарок.
Как был, в пустыню двинулся, и даже
Не вспомнил о еде и о поклаже.
Шло марево к нему, как водонос, —
Он жажду утолял водою слез.
Луна и солнце рта его касались —
Горячими лепешками казались.
Он падал, как бродяга, как изгой,
К подножью дерева в степи глухой
И засыпал, забыв усталость, голод,
Колючкой каждой, как мечом, проколот.
Порою рядом с ним спала змея,
Порою был соседом муравья.
Его друзья — онагры, серны, лани,
А дэвы, звери — с ним в едином стане.
Они — его полки, он — шахиншах...
Он на песчаных выводил холмах
Пять букв, составивших любимой имя.
Слезами кровоцветными своими
Он так обильно буквы орошал,
Что в яркий пурпур их преображал.
Хотя паломники, чем ближе к Мекке,
Должны взывать: «Господь, я твой навеки!»,
Он, думая сказать: «Господь, я твой...», —
«Лайли!» — зывал всей верностью живой.
Когда вдали увидел храм священный,
Увидел Мекку в красоте нетленной,
Он вспомнил красоту своей Лайли.
Воспоминанья душу обожгли.
Ходил он вокруг Каабы, тихий, строгий,
Но о Лайли он думал, как о боге,
От вздохов огненных его едва
Не вспыхнула обитель божества.
Любимой ожерелью он упрямо
Уподоблял кольцо на двери храма
И рвался из кольца: он был объят
Кольцом тоски, когда свершал обряд.

Каабы он коснулся покрывала,
Заплакал, и душа его воззвала:
«Ты, кто в чертоге брачном так светла,
Кто покрывало таинств подняла!
Ты, кем повержен в черный прах страданий
Весь мир, а не одни аравитяне!
Сородич твой иль сын чужой страны
Твоей красой равно покорены!
В твоей пустыне, у сухих колодцев,
Разбиты сотни тысяч полководцев.
Ты — камень, что низверг зиждитель сил
И многобожья капище разбил.
Песок твоей стоянки стал сурьюмою
В глазах вселенной, спорящих со тьмою...
Господь, во мне дурных так много черт,
Но ты их прикрываешь, милосерд.
Всю жизнь провел я у шатра любимой,
Ей в верности поклялся нерушимой,
И только ту вину я признаю,
Что плохо клятву исполнял свою.
Мир от меня, о боже, скрой во мраке,
В тетради дней моих сотри все знаки,
Оставь мне лишь служение Лайли,
Надежду на сближение с Лайли!
Лайли есть всё, что сердце возжелало,
Бессмертия души моей начало.
Лайли моим глазам дарует свет,
Лайли — мое спасение от бед.
Лайли — светильник дней моих весенний,
Плод вертограда сбывшихся стремлений,
Душа и плоть любви в стране любви, —
Ее царицей блага назови!
Я раб, пока царица есть такая,
Пока она душа, я — плоть живая.
Кто ею не живет — уже мертвец,
В ней не найдя исток — найдет конец.
Пусть мне прикажет мир необозримый:
«Ты откажись от верности любимой!» —
К приказу мира я останусь глух,
От слов презренных я замкну свой слух!»
Когда Маджнун, босой и полуголый,
Избрал паломничества путь тяжелый,

Отец, узнав об этом, вслед за ним
Отправился, отчаяньем гоним.
Когда Маджнун молился у Каабы,
Он был поблизости, седой и слабый.
Услышал он Маджнуна страстный стон,
Его любви молитву и канон,
И понял, что любовь нецелима,
Что лишь Лайли — спасенье пилигрима,
И в паланкине блага и добра
Повез его к дверям ее шатра.

ПЛЕМЯ ЛАЙЛИ УЗНАЕТ О ЛЮБВИ МАДЖНУНА И ЗАПРЕЩАЕТ ЕМУ ВИДЕТЬСЯ С ЛЮБИМОЙ

Стихослагатель родом из Хиджаза
Повел слова певучего рассказа:
Когда вернулся пилигрим назад,
Еще сильнее огнем любви объят,
Он сразу же направился к стоянке
Лайли — к своей возлюбленной смуглянке,
Он к ней стремился жарко и светло,
Свиданья превратил он в ремесло.
Лишь солнце загорится на востоке —
Он к ней торопится, то холм высокий
Пересекая, то широкий дол:
Он в сердце стойкость верности обрел.
Из кубка счастья хмелем упоенья
С любимой он делился все мгновенья.
Когда же свой бунчук вздымала ночь,
Он с той стоянки удалялся прочь,
Но, слушая безмолвие ночное,
В шатре своем не ведал о покое
И даже от возлюбленной вдали
Внимал Лайли и говорил с Лайли.
Заря сто раз свои тушила свечи,
Разлуками сто раз сменялись встречи, —
О них заговорили в тех местах,
У всех событие это на устах.
Не брезговали грязной клеветою,
Глумясь над тайной юности святою,
Затем со злым намереньем пришли
Клеветники к родителям Лайли.

Тогда с любовью как-то на закате
(Понятна всем забота о дитяти)
В укромном уголке отец и мать
Решили слово дочери сказать:
«Зеница наших глаз, предел мечтаний,
Не будь же солью ты на нашей ране!
О Кайсе и тебе идет молва, —
Приносят вред подобные слова.
Есть цель у этой вести несуразной:
Тебя испачкать клеветою грязной.
От соловья услышал ветерок,
Что роза девственна, ей чужд порок.
Тогда над розой пролетел, зловредный,
И отнял девственность у розы бедной.
Еще ты не раскроешься, чиста,
А грязные раскроются уста.
Украти ты языки злоречья,
Чтоб замолчала низость человечья!
Навек от Кайса отвратись душой,
Забудь о нем, ведь он тебе чужой!
Мы знаем: ты чиста, ты без порока,
Тебе бояться нечего попрека,
Но нужно ль, чтоб к тебе пристала грязь,
Чтоб клевету мы слушали, смутясь?»
Хотя Лайли внимала наставленьям,
Был Кайс ее желаньем и стремленьем,
Его бранят родителей уста,
А для нее без Кайса жизнь пуста.
Ее родители его поносят,
А за него она мольбу возносит.
Они и он — как бы вода с огнем,
Она и он — как сахар с молоком. . .
Когда на следующий день к любимой
Он вновь пошел с душой неколебимой,
Кайс повстречал старуху, что была
Подобием горбатого осла.
Как панцирь черепахи, задубело
Ее лицо, отвратным было тело,
А голова — как тыква, без волос:
Как видно, много бед над ней стряслось!
Лицо ее не знало покрывала,
А тело даже рубища не знало.

Глаз у нее, как рот, — только один,
Даджджаль — ее угрюмый властелин.
Уродливое существо такое —
Как предзнаменование плохое.
Кто встретится с подобным существом,
Найдет ли счастье на пути своем?
Когда, предчувствия дурного полон,
К луне поклонников любви пришел он,
Лайли сказала, что отец и мать
Ей запретили встречи продолжать.
«Мне горе уготовано, — сказала, —
Вонзилось в рану сердца это жало:
Любовь есть рана сердца, и оно
Разлуки жалом ныне пронзено.
Разлука длилась только ночь, бывало, —
Свечой пылая, сердце убывало.
Так что же с ним теперь произойдет,
Коль срок разлуки — месяц или год?
Свидание с тобой сулит мне муки,
Но, если не погибну от разлуки,
То как могу я жить, всегда страшась,
Что здесь тебя убьют в ужасный час?»
Маджнун, узнав о новой тяжелой доле,
Рубаху разорвал, исполнен боли,
Ушел, едва от горя не сгорев,
А горе вылилось в такой напев:
«О, помни, сердце: чтоб найти спасенье,
Отвергни всё, оставь одно терпенье.
Как дружба, что вражду сменила вдруг, —
Не горе, что с тобой расстался друг.
Разрыв, по воле друга происшедший,
Есть встреча с другом, даже лучше встречи!
Тот, кто отверг возлюбленной приказ,
Но ищет с ней свиданья каждый раз,
Тем самым и любви отверг законы,
Он недостоин имени «Влюбленный».
Лишь тот постиг любовь, чье существо
От «я» освободилось своего,
Кто подавил желания плотские,
И горести, и радости пустые,
Кому чужда надежда, чужд и страх,
Кто горд, но голову склонил во прах,

Кто, не боясь судьбы невыносимой,
Всё принял, что исходит от любимой».

**ОТЕЦ ЛАЙЛИ УЗНАЕТ О ЕЕ ВЕЧЕРНЕЙ
ВСТРЕЧЕ С МАДЖНУНОМ И НАКАЗЫВАЕТ ДОЧЬ**

Когда Маджнун, сжигаемый огнем,
Уже не мог с Лайли встречаться днем,
Он мучился до самого заката,
Душа его была тоской объята.
А вечером, надев наряд ночной,
Он уезжал, влеком своей луной.
Желая с ней побыть хотя б немного,
Ночь проводил он у ее порога.
Лишь получал возможность, каждый раз
Он о разлуке начинал рассказ,
Он говорил возлюбленной подруге
О том, как днем томится он в недуге.
Хотя страдал он много дней подряд,
Он был и мимолетной встрече рад.
Однажды эти двое добронравных,
В стране любви не ведавшие равных,
Уединясь, сидели вечерком,
Поглощены беседой целиком.
Тут юноша с повадкою дурною,
Хотя живой, а с мертвою душою,
С понятием нехорошим о любви,
Услышал тех, кто горести свои,
Свое отчаянье, свои печали,
Стеная, друг пред другом изливали.
В нем зависть к двум возлюбленным зажглась,
В душонке низкой всколыхнула грязь...
На следующий день, приукрашая
Обманом суть и с вымыслом мешая,
Перед отцом Лайли предстал юнец,
И как солома запылал отец.
Он гневен был — стал гнев еще безмерней,
Когда узнал о встрече той вечерней.
Он дочери пощечину нанес,
Ударил розу — украшение роз,
И от удара — та, что всех невинней, —
Вдруг роза стала лилиею синей.

Затем ударил розгою Лайли,
От розги розы крови расцвели.
Отец кричал на дочь: «Во всем покаяйся!»,
А дочь: «Во всем, что отдаляет Кайса!» —
То есть не от побоев боль страшна,
А оттого, что друга лишена,
Рыдала не из-за телесной муки,
А потому, что с нею Кайс в разлуке.
Тогда, побои прекратив, отец
Поклялся так: «Свидетель мне творец,
Приду к халифу, с жалобой предстану
На дерзкого: кто разрешил смутьяну
Вступать в запретный для него приют,
Едва лишь тени ночи упадут?
Иль нравится коварному охота —
Он хочет лань мою поймать в тенета?
Услышит жалобу мою халиф —
Добро. А коль не будет справедлив,
Я пред Маджнуном вырасту стеною,
Заслон из копий и мечей построю,
Чтоб не позорил сей чужак наш род:
Иль уберется прочь, или умрет!»
Маджнун почувствовал тоску и горе,
Когда узнал об этом разговоре,
Он проклял одиночества удел,
Жить на земле он больше не хотел,
В смятенье ноги у него дрожали, —
Смыл буквы счастья со своей скрижали:
Не за себя боясь, а за нее,
Отныне не войдет в ее жилье,
Чтоб не терзал ее отец жестокий,
Чтоб на нее не сыпались попреки.

**МАДЖНУН НАПРАВЛЯЕТСЯ В ДОМ НЕКОЙ ВДОВЫ —
СОСЕДКИ ЛАЙЛИ; ОТЕЦ ЛАЙЛИ ЗАПРЕЩАЕТ ВДОВЕ
ПРИНИМАТЬ У СЕБЯ МАДЖНУНА**

Соседкою Лайли была вдова,
Не знавшая с тем племенем родства.
Она познала, как судьба сурова,
Влача вдовство средь племени чужого.

Для мужа смерти наступил черед —
Осталось двое от него сирот.
Изгнанников чужбина не пригрела,
В желудках пусто, неприкрыто тело. . .
К местам, где знал и счастье и беду,
Маджнун стремился, как птенец к гнезду.
Он приходил, чуть сердце истомится,
В жилище, где печалилась вдовица.
Когда он видел тех двоих сирот,
Делился с ними от своих щедрот,
Всем сердцем детям сострада малым,
Он втайне в руки золото влагал им. . .
Маджнун, отринув толки и молву,
Лишь о Лайли расспрашивал вдову:
«Что ныне с ней, с подругой молодою?
Кого теперь чарует красотою?
Кого теперь ей хочется пленить?
Кому любви протягивает нить?
Другого ли нежданно полюбила?
Забыла ли меня иль не забыла?
Кто дичью стал в силках ее кудрей?
Кого влечет михраб ее бровей?
Из уст ее рубиновых при встрече
Кто уловляет сахарные речи?
Ларец с жемчужинами — алый рот —
Кого жемчужной прелестью влечет?
Я от любви к прекрасной пламенею, —
Кто ныне восседает рядом с нею?
От страсти к солнцеликой я умру, —
Кто ныне молится ее шатру?
Прекраснейшей она считается вправе,
Но чтоб я с ней сидел — господь избави!
С меня достанет — у тебя сидеть,
Отсюда на шатер ее глядеть!»
Сказал — и наземь пал к ногам вдовицы,
Слезами окровавил он ресницы,
Он землю красной влагой оросил,
И плакать больше не хватило сил.
От слабости утратил он сознание,
Он позабыл весь мир, прервав стенание.
Вдова опрыскала его водой,
Открыл глаза страдалец молодой,

Придя в себя — а ночь взошла на небе, —
Побрел к себе домой, кляня свой жребий.
Все дни он приходил к вдове, глядел
На дом Лайли, иных не зная дел.
Но небосвод, сочтя людей добычей,
Поскольку у него такой обычай,
Избрав несправедливость ремеслом,
Низвергся на страдальца новым злом.
Влюбленные в Лайли, желая мести,
Перед ее отцом предстали вместе,
Сказали яда полные слова:
«Маджнуна прячет у себя вдова».
Отец Лайли пришел с подъятой дланью,
Он женщину осыпал злобной бранью:
«Как ты посмела на моей земле
Помыслить, непотребная, о зле?
Того, кто честь мою поправил, кто имя
Мое срамит поступками своими,
Зачем в свой дом ты стала зазывать?
Но если он придет к тебе опять,
Но если склонишь пред Маджнуном шею —
Ты с головой расстанешься своею!»
Вдова от брани яростной такой
Затрепетала ивой над рекой.
Когда наутро, в страхе от попрека,
Завидела Маджнуна издали,
Воскликнула: «Душа моя скорбит,
Да не приму из-за тебя обид!
Дитя мое, забудь ко мне дорогу,
Не приближайся к моему порогу.
Лайли тебе верна, к тебе добра,
Но ненависть ее отца остра.
Я — нищенка, он — племени вожатый,
Куда я скроюсь от его расплаты?
Я за себя боюсь и не таюсь, —
Однако больше за тебя боюсь.
Я правду говорю тебе, как другу:
Умрешь, когда придешь в мою лачугу!»
Маджнуна потрясли ее слова.
Услышала его ответ вдова:
«О матушка, ты по какой причине
Отвергла милосердие отныне?

Мы здесь чужие всем, а потому
Ты не чужая сердцу моему.
Зачем же хочешь быть со мною в ссоре,
Зачем же ты меня ввергаешь в горе?
Не странно ли, что страннику чужда
Та, чей удел — чужбина и беда?
Людских судеб нам возвещают списки,
Что странники всегда друг другу близки.
Кто этих списков разорвет листы,
Неблагодарства явит нам черты.
Лицом к Лайли в твоей сидел лачуге, —
Казалось, вижу я лицо подруги.
Хотя ты отвернулась от меня,
Уйду, признательность к тебе храня.
Вот так сокроюсь я, вот так исчезну,
Низвергнусь я в губительную бездну.
Пришел я с радостью, уйду с тоской, —
Мне жребий уготован был такой.
Но уповаю, что меня вспомнешь,
Как только в сторону Лайли ты глянешь.
А вспомнишь странника в степи чужой,
Несчастливого с измученной душой, —
Твоими на Лайли взгляну глазами,
Твоими помолюсь о ней устами.
Ты эту просьбу выполнишь? Тогда
Мне никакая не страшна беда,
А нет — умру и на Лайли не гляну,
Покуда я из мертвых не восстану».
Сказал — и скорбной головой поник,
Ушел, к пустыне обратя свой лик.

**ОТЕЦ ЛАЙЛИ ГНЕВАЕТСЯ НА МАДЖНУНА
ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ТОТ ЕЩЕ РАЗ ПРИШЕЛ
В ДОМ СОСЕДКИ, И ОТПРАВЛЯЕТСЯ,
ВО ИСПОЛНЕНИЕ СВОЕЙ КЛЯТВЫ, ВО ДВОРЕЦ
ХАЛИФА С ЖАЛОБОЙ НА МАДЖНУНА**

Кто запретил, чтоб странник беспокойный
Встречался с той красавицею стройной,
Кто величался племени главой, —
Узнал отец Лайли, что со вдовой

Кайс виделся в ее жилище снова.
Решил: «Исполню клятвенное слово!»
Поднялся, клятвой сердце опалив,
Отправился туда, где жил халиф.
Как всякий, чья к суду взывает совесть,
Он изложил по-своему ту повесть:
«Есть в племени амир один смутьян,
Чье ремесло — безумье и обман.
Лжец и притворщик, безо всякой цели
Слагает он двустишья и газели,
Воспитанность поправ и честь губя,
Маджнуном называет сам себя.
Творит он грех, о страсти распевая,
Покровы целомудрия срывая.
Есть у меня жемчужина одна.
От сглаза дней она утаена,
Закрыта покрывалами запрета,
Одеждами невинности одета.
Лишь зеркало встречалось взглядом с ней,
Лишь гребень трогал шелк ее кудрей,
А этот злобный дэв, источник горя, —
Пробили барабан, его позоря, —
О страсти к ней распространил слова,
Из края в край о ней пошла молва.
Теперь везде его поются строки,
На Западе слышны и на Востоке.
То имя, что на самой глубине
Таилось, как сама душа, во мне,
Безумец каждым обнажил двустишьем,
Его на каждом перекрестке слышим.
От всех его приходов, видит бог,
Истерся дома моего порог,
А если б ноги я разбил злодею,
На голове вошел бы, думать смею!
Закрою дверь — сквозь крышу он пройдет,
Днем прогоню — он ночью прибредет.
Соседка, что к нему питала жалость, —
И та его приходов убоялась.
Лишь ты помочь мне в силах, о халиф,
Так помоги мне, тверд и справедлив.
Одно-два слова, милость мне являя,
Ты напиши, чтобы правитель края

Возвысил добронравия закон, —
Да буду от напасти я спасен».
Халиф, услышав старика моление,
Немедленно составил повеленье.
Правитель края, получив указ,
Помчался к племени амир тотчас,
Призвал старейшин, знатные семейства,
С величием распростер ковер судейства.
Был вызван Кайс, он рядом сел с отцом,
Их окружили знатные кольцом.
Правитель стал читать указ владыки.
Гласил он: «Кайс-Маджнун, поднявший крики
И песнопенья о любви к Лайли,
Да чтит обычаи родной земли,
Да странствовать без цели перестанет,
Да лишь своим он делом будет занят,
Да о Лайли двустийший не творит,
К ее шатру дороги не торит,
Да не идет к ней со своей любовью,
Да он предел положит суесловью,
Да у ее дверей не ляжет в прах,
Да прекратит раденья в тех краях,
Да не рыдает в горестном напеве
Он о следах покинутых кочевий,
Да у ее порога не поет
Газели, чтобы слушал их народ,
Да имя той, что мнится всех прелестней,
Его единственной не станет песней.
А если он нарушит наш указ,
То этим свой приблизит смертный час:
Простых иль знатных на дорогах мира
Да не страшат ни мщение, ни вира,
Коль темного отверженца убьют,
Коль жизни разобьют его сосуд».
Внимало племя, Кайсу сострадавая,
Словам, что огласил правитель края.
Старейшины, и воины, и знать —
Все стали юношу увещевать:
«Постиг ли ты халифа приказанье?
Ты понял ли, как тяжело наказанье?
Нет власти выше, чем халифа власть,
Ты должен перед ней послушно пасть.

Умрешь, ег'о нарушив повеленье,
Твое добро пойдет на разграбленье.
Подумай, пожалей отца и мать,
Безумства впредь не надо совершать.
Когда Лайли отцу не подчинится,
Открыто кровь твою прольет убийца.
Отмщения не требуй ты от нас:
Так пожелал халиф, таков указ!»
Маджнун, судом жестоким потрясенный,
Так вскрикнул, как в тоске кричит влюбленный,
И капли крови хлынули из глаз,
И кровь на желтизне лица зажглась.
Повержен и унижен миром злобным,
Он пал во прах и стал прахоподобным,
Он был как полумертвая змея,
Напоминал больного муравья.
Бессильной стала плоть, а дух могучий
В нем угасал; он бился, как в падучей,
И траурный образовали круг
Вокруг того, кого сломил недуг.
Тогда заплакал и правитель края
И, по-иному правый суд свершая,
В своем судеистве милость проявив,
Отринул то, что приказал халиф.
Сказал: «Халиф провидящим указом
Всех озарил, кто проявляет разум.
Лишь тех указ карает, кто здоров.
Безумец недостоин мудрых слов».
Кайс много времени лежал во прахе,
Вдали от племени лежал во прахе.
Когда же он обрел сознание вновь,
Слагать двестишья начала любовь.
Своей души настроив чанг высокий,
Таким напевом окрылил он строки:
«Мы пламенем обуглены любви,
Мы полчищем погублены любви.
Не ведаем страстей, помимо страсти,
Не признаем халифов грозной власти:
Высок халиф, но он не достает
До нашей страсти, до ее высот.
Халифа сокол гибнет от бессилья
Там, где наш голубь расправляет крылья.

Мы птицы: ввысь, где господа престол,
Нас лотоса подьмет мощный ствол.
Не остановят нашего полета
Паучьи низких помыслов тенета.
Лайли в моей душе нашла жилье,
Приютом сердце избрала мое,
Так может ли отнять халиф-властитель
И ту, и эту у нее обитель?
Попытки ни к чему б не привели:
Нельзя со мною разлучить Лайли!
Я с ней, как тень со светом, должен слиться, —
Сам от себя могу ли удалиться?»

**МАДЖНУН ОБРАЩАЕТСЯ К СВОЕМУ ОТЦУ
С ПРОСЬБОЙ ПРИСВАТАТЬ ДЛЯ НЕГО ЛАЙЛИ,
И ТОТ ЕДЕТ В СОПРОВОЖДЕНИИ ЗНАТНЫХ ЛЮДЕЙ
ПЛЕМЕНИ АМИР К ОТЦУ ЛАЙЛИ,
ДАБЫ ИСПОЛНИТЬ ЖЕЛАНИЕ СЫНА**

Рассказчик так украсил свой рассказ,
Когда слова он вывел напоказ:
Тот, кто один из ратоборцев горя,
Кто рухнул, как утес, в пучину моря,
Тот, кто блуждает, словно смерч, в степях,
В пустыне, как взметенный ветром прах, —
Когда Маджнун остался без любимой,
С ней разлучен судьбой неумолимой,
Он к смерти близок был, он изнемог,
Он потемнел от скорби и тревог.
Покоя не знавал он и мгновенья,
Блуждал, исполнен смуты и смятенья.
Узрев: чернеет что-то вдалеке,
Бежал он, как слезинка по щеке,
«Лайли!» — кричал и требовал ответа
Он у чернеющего там предмета,
И если то прохожий был, и он
Был как-то о Лайли осведомлен,
То падал Кайс к его ногам, пылая,
А нет — молчал, беседы не желая.
Казалось, что его объяла тьма,
Что безнадежно он сошел с ума.

Вниз головою, как калам, склоненный,
Однажды, на мгновенье просветленный,
Тропу избрать решил он похитрей
И возвратился к племени скорей.
Нашел он мужа знатного, который,
Душою чист, был разуму опорой,
Сказал ему: «Надеюсь на тебя,
Надеюсь я, что ты, меня любя,
Увидишь моего отца родного,
Ему ты скажешь мой привет и слово:
„Ты возлелеял от корней моих
Вплоть до вершины пальму дней моих!
Я — глина, от тебя — ее частицы.
Я — книга, создал ты ее страницы.
Твой дар есть всё, что мне дано судьбой.
А есть ли то, что не дано тобой?
Ты дней моих цветник наполнил цветом,
Светильник дней моих наполнил светом.
Всегда благую изрекал ты весть,
И ныне у меня надежда есть,
Что снова я всем сердцем возликую,
Что от тебя услышу весть благую.
Лайли как счастье жизни мне нужна,
Она — мой свет, она — моя весна,
Но от меня, как от дурного ока,
Моя Лайли утаена жестоко.
С ней не увижусь боле? Я умру.
От горя и от боли я умру!
Лишь у ее порога — мне отрада,
Увы, иного места мне не надо!
В конце концов меня ты исцели,
А исцеление мое — Лайли.
Скажи ее отцу — да с сердца смоев
Вражду ко мне: жить во вражде не стоит!
Пусть на меня наденет он раба
Ошейник: рабья мне мила судьба!
Я рабским у него займусь занятьем,
Ему рабом я стану, а не зятем. . .
Сказал ты раньше, что высок наш род,
Что брак с Лайли позор нам принесет.
Но мне от родословной много ль проку?
Сгореть в тоске любовной — много ль проку?»

Я был дурным — мне благо подари.
Что дорог я тебе, не говори:
Я доброты твоей, скорбя, не видел,
Любви отцовской от тебя не видел!
Хоть жалости немного прояви, —
Из-за твоей умру я нелюбви!
Не похоть цель моя, мое стремленье:
Там, где Маджнун, возможно ль вожделешь?
Моя природа — чистоты исток,
От низменных желаний я далек.
Лайли нужна мне, как источник света:
В ней нечто вспыхнуло, я — пламя это.
Тьма у меня во взоре без нее,
Вот почему мне горе без нее.
Для жизни от нее мне надо мало —
Чтоб издали мне изредка сияла!
Пусть, величава, царственна, горда,
Она повелевает мной всегда, —
Как прах, да буду попран я ногами
Благоговеющих пред ней во храме!“»
От этих слов, от этих тяжких мук
Заплакал Кайса безупречный друг,
Ту просьбу, с сердцем чистым и открытым,
Всем знатным сообщил и родовитым,
И действовать решили сообща
Старейшины, спасения ища.
Перед вожатым племени предстали
И развернули летопись печали,
Отцу слова Маджнуна принесли —
Нет, из шкатулки жемчуг извлекли.
Отца сломила сына скорбь живая,
Лицо руками он закрыл, рыдая.
«Дошел, — сказал он, — до его кости
Нож горя. Сына должен я спасти.
До дна испили мы страданья чашу, —
Я чресла наконец перепояшу,
Пойду, развею тяжкую беду,
К счастливой цели сына приведу.
Я приложу все силы, все старанья,
Чтоб напоить его вином желанья».
На паланкине он степной тропой
Пустился, взяв сородичей с собой.

Старейшины, с упорством и терпением,
Незнатные, с покорством и смиреньем,
Достигли — в тяготах, в слезах, в пыли —
Долины, где стоял шатер Лайли.
Отец Лайли, обычай соблюдая,
Ковер гостеприимства расстилая,
Велел напитки, яства принести,
Почтил он утомившихся в пути.
Когда они попили и поели,
Пошла беседа вокруг да возле цели,
Текли вокруг да около слова,
Стараясь не коснуться существа,
Покуда к цели не пришли в тумане
Намеков, тонкостей, иносказаний.
Спросили: «Как в обители земной
Мы ноту извлечем рукой одной?
Смычком по струнам водим мы рукою,
Сжимая струны нужные — другою,
И звука мы не извлечем, пока
Руке не станет помогать рука.
Чтобы весы намгодились наши,
На коромысле две потребны чаши,
В одном предмете скрыта красота:
Чтобы ее раскрыть, нужна чета...»
Так приближаясь к цели постепенно,
Хозяина вославили отменно:
«Да будет щедрости твоей хвала!
Ты, крепкий дланью, вырвал корень зла!
За пологом твоим луна таится —
Твоих очей отрада и зеница.
То ветка, что еще не расцвела,
Жемчужина, не знавшая сверла.
Но если бы совлек ты покрывало,
Твоя луна сильнее б засверкала.
Ты пожалей объятых тьмой ночной,
Дай озариться нам твоей луной!
Единственной единственный достоин,
И, чтобы свет чудесный был удвоен,
На всей земле лишь Кайса изберем,
Который жаждет стать твоим рабом, —
Твоим рабом не так ли стало счастье,
Что навсегда твоей покорно власти!

Он благородством, знатностью, умом
Всех превзошел на попроще земном.
Соединим две жизни воедино, —
И зятя в нем ты обретешь, и сына,
Да счастье в рабстве у тебя найдет,
Да милости твоей узнает мед!
Та — гурия, а этот — небосвода
Безгрешный житель ангельского рода.
Не может ангел, чистый дух небес,
Страдать вдали от гурии, как бес.
Друг к другу две жемчужины стремятся,
И друг без друга две звезды томятся.
Для двух камней один ларец найдем,
Двум звездам быть в созвездии одном!
Пришли мы с речью о счастливой доле,
Всё прочее в твоей да будет воле».

ОТЕЦ ЛАЙЛИ ОТКАЗЫВАЕТСЯ СОЕДИНИТЬ ДОЧЬ С МАДЖНУНОМ

Забывший человечности черты,
Отринувший дорогу доброты,
Далекий от сердечности отрадной,
В чьем теле вместо сердца — камень хладный,
Тот, кто покинул знанья торный путь,
Чтобы в грязи невежества тонуть,
Любовного лишенный озаренья,
Не знающий душевного горенья,
Кому чужда любовная тоска,
От горя не испивший и глотка, —
То есть спокойствия Лайли рачитель,
Ее судьбы жестокий разрушитель,
Хотя по плоти был ее отцом,
Душою не был связан с ней родством,
Отеческую не являл ей жалость,
Чтоб легче ей, измученной, дышалось.
Когда услышал просьбу сватовства,
Отверг он те сердечные слова.
Он сдвинутые брови сдвинул резче,
Глаза сверкнули гневно и зловеще...
Что будет, если брови сдвинет вдруг
Тот, кто и смехом всех ввергал в испуг!

Сказал: «Слова, что слышу я, ничтожны,
Они, как паутина, ненадежны.
Вот если б их сказали в нужный срок,
То разум их одобрил бы и бог.
Когда же новостью грохочет шумной
Та песнь, что дерзко сочинил безумный;
Когда весь мир той вестью потрясен
И слухи катятся со всех сторон;
Когда угла не сыщется на свете,
Где б сказку ту не повторяли дети;
Когда тот слух всех кабаков достиг,
Стал криком пьяниц, песней забулдыг;
Когда, наставив школьников на разум,
Пугает их учитель тем рассказом, —
Что может быть страшней, чем этот срам,
Какой позор на долю выпал нам!
Я не хочу, чтоб дар мой драгоценный
Унес какой-то виршеплет презренный!
Замкните вашу просьбу на замок,
Чтоб высказать ее язык не мог.
Не внемлю я такому разговору!
Позор вы прибавляете к позору.
К чему стремитесь, честь мою грязня?
Ступайте прочь, отстаньте от меня!
Ужели в этом деле я погрязну?
Зачем позор влачить мне понапрасну?
Мудрец, что не приемлет бранных уз,
Сказал: «Позор есть самый тяжкий груз».
Я ныне ваш тяжелый груз отрину:
Мне согнутую не ломайте спину!»
Внимали люди племени амир
Нелепостям, каких не слышал мир.
Затем сорвали с уст печать молчанья,
Воскликнули, полны негодованья:
«Кто хочет на тебя позор навлечь?
Нелепая, бессмысленная речь!
«Гремит, — сказал ты, — на земном просторе
Слух о Лайли и о ее позоре».
Но в чем ее позор? В том, что она
Любовью Кайса на земле славна?
Его неистовство и пламень страстный —
Свидетельства ее души прекрасной.

Не будь Лайли прекрасна и чиста,
Не пели б ей хвалу его уста,
А будь она красива чрезвычайно,
Но в то же время грех творила б тайно, —
Его любовь остыла бы тотчас,
Она узнала б, что огонь погас.
Но если оба пламенем палимы,
Позорит ли любимую любимый?»
Когда невежда, чья стезя крива,
Прямые эти услышал слова,
Он, криводушный, чья крива основа,
Свой гнев обрушил на прямое слово,
И сразу же для клятвы, криволик,
Свой суесловный он раскрыл язык.
Сказал: «Клянусь божественностью бога,
Что судит каждого светло и строго;
Затем клянусь перед его лицом
Пророками, что посланы творцом;
Клянусь подвижниками, что навеки
Нам свет даруют из священной Мекки, —
Что если вы от Кайса к нам пришли,
Мечтая лишь о локоне Лайли,
Суля мне оба мира вместо платы,
То откажу вам, дорогие сваты!
Ста тысяч Кайсов локон тот ценней.
Скажите: «Кайс, не приближайся к ней!»
Кто он такой, чтобы к Лайли стремиться?
Он дерзок, есть и дерзости граница!
Пусть, разлученный с нею, он умрет, —
Иных о нем не ведаю забот.
Вы мне о нем не говорите боле:
Нет у меня лекарств от вашей боли».
Когда прибывшим ради сватовства
Сказал он те обидные слова,
Они домой пустились в тяжком горе
И Кайсу те слова открыли вскоре.
Он понял: нет надежды никакой, —
Утратил и надежду, и покой.
Во прахе он лежал и плакал кровью,
И говорил, измученный любовью:
«Лайли — душа, а я — любимой плоть.
Чтобы душа сияла, о господь,

Да будет у того, чьей темной силой
Я разлучен с возлюбленною милой,
В дыханье каждом — смертная тоска,
На древе жизни жалкой — ни листка,
Пусть тот, кто в сердце мне нанес увечье,
Кто от Лайли прогнал меня далече,
Скитается с увечною душой
В краю далеком, на земле чужой!
Тот, кто в меня, с повадкой хищной зверя,
Разлуки камень бросил, лицемеря,
Пусть камнем станет, чтобы в бездну пасть,
Иль попадет внезапно зверю в пасть!
Из-за него стал для меня, страдальца,
Весь мир так тесен, как кольцо для пальца.
Резьбу тот зложелатель произвел
По моему лицу ногтями зол.
От мяса пусть его отстанет ноготь,
А если спину вздумает потрогать,
Чтоб почесать ее, пусть коротка
Внезапно станет у него рука!»

**НАВФАЛЬ ВСТРЕЧАЕТ МАДЖНУНА В ПУСТЫНЕ,
ИСПЫТЫВАЕТ К НЕМУ СОСТРАДАНИЕ И ОБЕЩАЕТ
ЕМУ СВОЮ ПОМОЩЬ**

Торговец благовоньями Китая
Пришел, такую амбру предлагая:
Когда в слезах Маджнун лежал вдали
От красоты и чистоты Лайли
И стала боль его стократ тяжеле,
Он понял: «Надо убежать отселе».
В глухую степь он снова убежал,
От племени родного убежал.
Он рассекал несбывшихся желаний
Гранит, он был в степях подобен лани,
Он безразличен к бранным нуждам стал,
Отныне человеку чуждым стал,
На всей земле он стал дружить отныне
Лишь с дикими животными пустыни.
Когда он засыпал во тьме ночной,
Он укрывался темной тишиной,

Лежал он на онагровой шагрени,
Ему служил подушкой круп олений.
Он восставал от сна в рассветный час,
Пустыню орошая кровью глаз.
С газелями, проснувшись рано,
Он пил росу из чашечки тюльпана.
Как тростниковое перо — нагой,
В бумагу превратив песок сухой,
«Лайли! Лайли!» — в смятенье и печали
Он на песчаной выводил скрижали.
Те буквы кровью красил он своей,
Потом смывал их слез его ручей,
И снова, полон пламени больного,
Те буквы на песке писал он снова.
Весь день он занят был таким трудом,
Как будто находил отраду в нем.
Однажды облако взметнулось пыли,
И всадники Маджнуна окружили.
Охотились они средь горных скал,
Теперь в степи устроили привал.
Один из них, Навфаль, глава над ратью,
Свой век запечатлел своей печатью.
Несчастных и униженных оплот,
Он был для всех источником щедрот.
В стихах превыше был созвездий славных,
А в прозе много сказок знал забавных.
Там, где нужна отвага, был он львом,
Стране трудясь на благо, был вождем. . .
С коня на землю прыгнул всадник смелый —
Так с древа плод срывается созревший, —
Перед Маджнуном, чья душа чиста,
Уселся и для слов раскрыл уста.
Увидев буквы, что песок заносит,
Спросил о той, кто это имя носит,
Узнал он тайну, что Маджнун берег,
И ту, кого Маджнун забыть не мог,
Увидел у Маджнуна в скорбном взоре
Отчаянье, смятение и горе.
Ему тогда страдальца стало жаль,
И, зарыдав, заговорил Навфаль:
«О ты, скиталец, нищий и бродяга!
Бархан — твой трон, песок — твоя бумага!

Хоть пишешь буквы пальцем на песке,
Руки любимой нет в твоей руке.
Хоть буквы кровью ты окрасил ало,
А из песка не извлечешь коралла.
Пойдем со мной, о мученик любви,
В моем шатре немного поживи.
Ты наготы сними с себя одежды,
Оденься одеянием надежды.
Не спишь ты и не ешь в глухой степи, —
Как все другие, ныне ешь и спи,
Да свежестью украсишься былою:
Кривой, как лук, вновь стань прямой стрелою!
Когда красив и строен станешь ты,
Возлюбленной достоин станешь ты.
Как дэв, бежишь от севера до юга,
Но разве дэву гурия — подруга?
Клянусь я тем, кто создал прах и высь,
Чьим именем премудрые клялись:
Коль моему последуешь совету,
То я, чтобы исполнить клятву эту,
Все силы приложу, и — день взойдет —
Твои уста вкусят желанный мед,
Как перевязью, периликой шею,
Поверь, ты обоймешь рукою своею!
Задачу, как бы ни была трудна,
Решают просьба, золото, война.
Но просьбы наша гордость не выносит,
Себе подобных гордый муж не просит.
Всё золото отдам я, не тая,
Чтоб стала золотой судьба твоя.
А не поможет золото — ну что же?
Есть сила рук, что золота дороже!
Сей трудный узел постараюсь я
Распутать властным острием копья,
А иступлю его — так поступлю я:
Мечом сей трудный узел разрублю я».
Маджнун из-за таких манящих слов
Отречься от безумья был готов,
И, подчиняясь разума приказам,
К разумному он обратил свой разум,
С Навфалем поскакал во весь опор,
Последовал за ним в его шатер.

Там голову обрил, омыл он тело;
Лицо, что, словно гиацинт, желтело
И сплошь покрылось мускусом волос, —
Как роза, юной свежестью зажглось.
Как истинный араб, себя украсил
Чалмой, познал и благовонье масел,
И жалованный он надел наряд, —
Как кипарис, теперь он тешил взгляд. . .
Был весел с ним Навфаль, прогнал печали,
А дни за днями быстро пролетали,
Вновь на лице, исполненном красы,
Как черточки — бородка и усы.
Короче, так Навфаль его чеканил,
Чтоб он любимой сердце снова ранил,
Чтоб, на Маджнуна бросив взгляд один,
Лайли тотчас разбила свой кувшин!
Увидев: Кайс окреп душой и телом,
Навфаль с послем отправил поседлым
К отцу Лайли достойные слова,
Чтобы, словами связанный сперва,
Отец Лайли к Навфалю был доставлен,
А с ним и те, кем род его возглавлен.
И впрямь: Навфалю подчинясь, пришли
И главы рода, и отец Лайли.
Тогда Навфаль отца Лайли восславил,
Гостям места почета предоставил,
Пред ними скатерть пира распростер,
Повел неспешный, мудрый разговор.
Напомнив то, что и старо, и ново,
Поближе к цели он забросил слово.
Сказал: «Достигший мудрости вершин,
Мне благородный Кайс теперь как сын.
В нем каждый все достоинства находит,
Он всех, о ком ни скажешь, превосходит.
Хочу я, чтоб он избран был тобой
Из избранных и взысканных судьбой,
Чтобы с Лайли, жемчужиной отборной,
Его связал ты связью плодотворной,
Чтоб он и та, чей блеск людей влечет,
Продолжили блистательно твой род.
Всё, что увидишь из добра и злата, —
Да что там золото! — всё, чем жизнь богата,

Всё, чем владею, — всё тебе отдам,
Сейчас же брошу я к твоим ногам.
Родство да станет нашим достояньем,
Да я и ты сородичами станем».
Тогда отец Лайли раскрыл уста —
Жестокости и грубости врата.
Всё, что сказал отцу Мадждуна, снова
Он повторил сердито слово в слово,
Да кое-что поболее сказал, —
В надменном своеволии сказал.
Воителю ответил он отказом,
И гнев в душе Навфаля вспыхнул разом.
Мечу свою он уподобил речь,
Сказал, что обнажит для мести меч:
«Внимать ты будешь, пустослов, куда
Лишь колокольцу своего верблюда?
Внемли другим — иль ляжешь в прах, как тот,
Кто нищим стал и потерял свой скот.
Страшись, твоей беды настанет время, —
Хоть пожалел бы собственное племя!
Пока я на тебя не двинул рать,
Что жаждет, как сама судьба, карать,
Что возбуждает ужас небывалый,
Как море, чьи валы — мечи, кинжалы;
Пока в волнах воители твои
Не утонули в собственной крови, —
Отдай мне ту жемчужину, чья влага
Чиста, — да обрету я в сердце благо,
Да радостно мне засияет мир,
Да свадебный провозглашу я пир,
Чтоб гурии на свадьбе возжелали
Облобызать следы ее сандалий».
Отец Лайли отвечивал: «О шах,
Отрады не ищи в таких речах.
Хотя сражения — не наше дело,
Угрозам брани мы внимаем смело.
Так будет: в шумный праздник превратим
Тот день, когда тебя мы победим,
А если одолеешь ты в сраженьи
И наш бунчук поникнет в униженьи —
В шатер ворвусь я молнии быстрей
К единственной жемчужине своей,

Я рассеку ей грудь мечом, укрою
Кровавым саваном и в прах зарюю,
Да ляжет, вся в крови, в земле степной,
Могила — брачный для нее покой!
К чему мне беспокойство о невесте,
О женихе и о его бесчестье?
Ей лучше лечь во прах, чем стать женой
Тому, кто низок, словно прах земной.
Он — глиняный сосуд, а разве люди
Жемчужины хранят в таком сосуде?»
Навфаль мигнул, услышав эту речь,
Маджнуну: дерзость надо, мол, пресечь!
Кайс, наделенный вдохновенным даром,
Явил свой дар в бою словесном яром,
Раскрыл уста — источник волшебства:
«Дурные вы произнесли слова.
Тот ветер, что исторгла злобы дудка,
Метнет песок и пыль в глаза рассудка.
Та буква, что невежда начертит,
Всей книге принесет позор и стыд.
То, что сказал Навфаль, не легковесно,
Затем что истина ему известна.
Ядро, не скорлупа — слова его,
Добра, любви тропа — слова его!
Лайли — родник, он ясен и прозрачен,
А я духовной жаждою охвачен.
Да будет проклят жаждущий, когда
Он скажет: «Не хочу тебя, вода!»
Лайли — цветок, чей запах в день палящий
Мне всех садов милей и жизни слаще.
О садовод, храни тюльпан и будь
Ему подобен, раненному в грудь!
Лайли — светильник славного чертога,
А у меня в груди — следы ожога.
Кто грезит о светильнике ином,
Да будет, как и я, сожжен огнем!
Лайли!» — воззвал Маджнун, а люди злые,
От ненависти — серые, слепые,
Вскричали: «Замолчи, молокосос,
Ты все это имя произнес!
Не для тебя то имя, и заранее
Ты прилепил бы свой язык к гортани.

Едва из уст твоих летит оно,
На нем тотчас рождается пятно.
А если удержать язык не сможешь,
Душевного старанья не приложишь —
Мы твой язык от нёба отсечем,
Твою из тела душу извлечем!»
Так на него кричали те невежды,
И понял Кайс: повален столб надежды,
Не для него, не для его забот
То деревце желанное цветет.
Сказал Навфалю: «О бесстрашных пастырь,
От моего ожога — лучший пластырь!
Скажи ты тем, чей путь ведет к войне, —
Хотя бы вот что пусть позволят мне:
Как иногда, у речки сидя, птица
Клюв опускает в воду, чтоб напиться,
Так пусть и я смогу, хотя б на миг,
Хоть изредка взглянуть на милый лик,
И одного достаточно мне взгляда,
Чтобы всю жизнь жила в душе отрада.
В том взгляде черпать счастье бытия
Всю жизнь, и днем и ночью, буду я».
Но родичи подруги речь угрозы
Сказали: «То несбыточные грезы!
Тебе, отверженному навсегда,
Взгляд на нее есть то же, что вода
Тому, кто псом взбесившимся укушен.
Умрешь, коль будет наш приказ нарушен,
А если от разлуки — боль в груди,
Иди, в жильё разлуки смерть найди!»
Страдалец, на разлуку осужденный,
Навеки от любимой отрешенный,
Сказал Навфалю: «Воинов глава,
Как марево, обман твои слова!
Сказал ты, что мое прогонишь горе,
Прогнал, да не на деле — в разговоре!
Но не твоя — моя во всем вина,
Любому, кто не слеп, она видна:
Мое злосчастье с самого начала
Бунчук твоей удачи в прах втоптало.
Ну где мне счастья жизни петь напев?
Ну где мне жаждать чар прелестных дев?

Не для меня — любовь и наслажденье,
Моя стезя — безумье и смятенье».
Сказал — и встал Маджнун, тоской объят,
Своим стихам приплясывая в лад.
Чалму он сбросил, — так, созрев приметней,
Плоды свой цвет роняют в полдень летний.
Одежду сбросил, — так, до наготы,
Ветвь сбрасывает осенью листья.
Он поднял руку, боль познав разлуки, —
Чинар, поднявший ветви, словно руки!
Тут многие заплакали вокруг,
А он главу посыпал прахом вдруг.
Иные били в грудь себя камнями,
А у него в груди пылало пламя.
Как разорвавшая тенета лань,
Он побежал в пустыню, в глухомань.
Опять к нему пришла болезнь безумья,
Опять в степи запел он песнь безумья:
«Лайли — царица радостей и нег,
Маджнун — страданьям обречен навек.
Лайли — владычица прекрасноликих,
Маджнун — в пустыне друг онагров диких.
Лайли — друзья и близкие хранят,
Маджнун — газелей быстроногих брат.
Лайли — среди людей, что скал надменной,
Маджнун — по скалам бродит средь оленей.
Лайли — поет подругам песнь свою,
Маджнун — внимает совам, воронью.
Лайли — свободна, как луна на небе,
Маджнун — в тюрьме тоски влачит свой
жребий. . .»

МАДЖНУН ВЫКУПАЕТ У ОХОТНИКА ГАЗЕЛЬ И ОТПУСКАЕТ ЕЕ В ПАМЯТЬ О ЛАЙЛИ

Однажды из ночного родника
Испило небо каплю молока.
Земля, стремясь к рассветному веселью,
Простерлась перед солнечной газелью.
Маджнун открыл глаза средь горных трав,
От сна самозабвения восстав,
И от скалы он отделился быстро:
Так от кремня отскакивает искра.

Спустился в степь в предутренней тиши,
Кружился он, как вихрь, в степной глуши.
Завидуя, о зверях и о птицах
Он думал со слезами на ресницах:
«Всему живому жить дано вдвоем,
Я — чахну в одиночестве своем.
Награждена четою тварь любая
И потому живет, забот не зная,
Лишь я в долине долгой и пустой
Блуждаю, разлучен с своей четой. . .»
Так думал он, скорбя по воле рока,
И вдруг силки заметил издалека,
А в тех силках, беспечная досель,
Запуталась какая-то газель.
Охотник к ней бежал, а нож-убийца
Еще быстрее спешил в нее вонзиться.
Газель в силках, по ней проходит дрожь,
Охотник близко, он заносит нож. . .
Маджнун увидел это и со стоном
Предстал перед убийцей непреклонным,
И за руку схватил его, крича:
«Я вопию при виде палача!
Есть у тебя от бога хоть немного?
Так убери свой нож во имя бога!
Свой нож из доброй вырони руки,
Распутай на ее ногах силки.
Те ноги — перья из бамбука — славно
Расщеплены, чтобы бежали плавно.
Пойми, что запрещает нам добро
Ломать или в силках держать перо!
Не тронь и шею чистую газели,
С арканом не знакомую доселе,
Пойми, что и ошейник золотой
С такою не совместен красотой.
Нож — не перо: он смерти пишет строки,
Так не пиши своим ножом, жестокий!
Чем распороть ее живот, скорей
Землею жадный свой живот набей!»
Когда Маджнун расставил слов тенета,
Чтобы поймать того, чья цель — охота,
Охотник в плен попал, как та газель:
Преследователь превратился в цель.

Смягчилось сердце, словно воск пчелиный,
Рука разжалась, нож роняя длинный,
Но, полный о семье своей забот,
Газель не выпускал он из тенет.
Бедняк нуждался в даре или в плате,
А на Маджнуне — ни чалмы, ни платья.
Тогда Маджнун, как бы пернатым став,
К стадам отцовским полетел стремглав.
Барана выбрал с шерстью мягче шелка,
Увечья не познавшего от волка.
Как якорь или как тяжелый вьюк,
Мешал барану двигаться курдюк.
Охотнику доставил он барана,
Сказал: «Добыча, что тебе желанна, —
Воистину газель — краса земли:
И шея, и глаза — как у Лайли.
Твою газель оценивать не стану,
Одну шерстинку предпочту барану,
Не думай, что баран — ее цена:
Он только жертва, чтоб спаслась она.
Ее веревку мне вручи ты ныне:
Со мной газель забудет о кручине.
Как пред Лайли, склонюсь к ее ногам,
Я ей свободу в честь любимой дам».
Когда газель вручил ему бедняга,
Ее глаза с хмельною, томной влагой
Влюбленный Кайс поцеловал сто раз,
Он, свитую из шерсти, снял тотчас
Веревку с вытянутой нежной шеи,
Рукой, что золота была желтее,
Обвил газель, — казалось, золотой
Блеснул ошейник на газели той.
Там, где газель ступала, прах лобзал он,
Слезами оросив ее, сказал он:
«Глаза и шею вижу я твою,
И кажется: Лайли я узнаю!
Когда б твои стройнее были ноги
И серебром сверкали на дороге,
Я утверждал бы с мощью правоты,
Что ты, газель, — она. Она есть ты!
О беспорочная моя подруга,
Трепещущая под ножом испуга!

К стоянке ты ступай моей любви,
Тюльпаны ешь и гиацинты рви,
Ты мною стань на краткое мгновенье,
Лицу Лайли скажи благословенье:
Да будет ярким, свежим, как тюльпан,
Да никогда не ведает румян!
Как гиацинты, кудри милой вьются, —
Да их чужие руки не коснутся!»
Газель и Кайс — два спутника — пошли
Вдвоем к становью племени Лайли.
Не разлучаясь, шли и спозаранку
Они Лайли увидели стоянку.
Ей по сердцу, что здесь трава густа,
А он присел у пыльного куста.
Она бежала по траве зеленой,
А он стонал, с подругой разлученный.
Когда, свершив грабительский набег,
Отряды ночи стали на ночлег,
Они заснули оба на равнине,
Чтобы друг друга потерять отныне.

**МАДЖНУН ВСТРЕЧАЕТ ПАСТУХА ЛАЙЛИ,
УЗНАЕТ, ЧТО МУЖЧИНЫ ЕЕ ПЛЕМЕНИ
УШЛИ В НАБЕГ, И ПРИХОДИТ К ЛАЙЛИ**

Как только утром вспыхнула заря,
Удачу неудачникам даря,
То есть — потоки злата из сосуда,
А из ларца — жемчужин светлых чудо, —
Маджнун, давно удачу потеряв,
Блуждал среди равнин и горных трав.
«Лайли!» — кричал в степи, у горных склонов,
Был спутником и слез своих, и стонов.
Вдруг стадо он увидел за холмом,
Ведомое премудрым пастухом.
Он был одет в палас из грубой ткани,
Сей собеседник на тропе исканий.
Сжимал он посох, как Муса святой:
В глазах волков тот посох был змеей.
Маджнун к его ногам упал в смятенье
И лег у ног его подобно тени,

Сказал: «Я потому прозрел сейчас,
Что прах от ног твоих попал мне в глаз.
Откуда ты и кто ты — я не знаю,
Но запах твой с блаженством обоняю.
Мне кажется, ты счастье мне принес,
Ступая посреди овец и коз.
Исходит, как от мускуса, отрада
От твоего пленительного стада.
Но мимо чьих дверей оно прошло,
Что так оно душисто и светло?»
Сказал пастух: «Лайли слуга я старый
И преданный, пасу ее отары.
Здесь каждая коза или овца
Помечена тавром ее отца.
Они — опора дома, ей родного,
И благосостояния основа.
На них есть ответ красоты Лайли,
Они ее пахучесть обрели:
Повсюду, где, стройна и благонравна,
Она пройдет, покачиваясь плавно,
Всё превратится в мускус в краткий срок
И амброю повеет ветерок».
Когда услышал о Лайли влюбленный,
Стал как слеза в степной пыли влюбленный.
Недвижным стало тело, темным — лик,
Незрячими — глаза, немым — язык,
Маджнун утратил память и сознание.
Вдруг вырвалось из уст его стенание,
Придя в себя, заплакал он: «Пастух,
Ты — племени любимой добрый дух,
Ее стада весь день хранишь ты строго,
Как пес, ты ночью — у ее порога.
Ты мне скажи: что знаешь ты о ней?
Не надо лжи. Что знаешь ты о ней?
До самых уст охвачен я тугою, —
Раскрой уста: я сердце успокою!»
Сказал пастух: «Не слышен шум людской,
Теперь вокруг ее шатра — покой.
Как в небе — ясный месяц без порока,
Она в своем жилище одинока.
Все в племени — и старый человек,
И юноша — отправились в набег.

Мужчины, выбрав на рассвете время,
Напасть решили на чужое племя
И, окружив их быстро и хитро,
Похитить у несчастных всё добро». —
У Кайса сразу были тем рассказом
Похищены терпенье, воля, разум.
Воскликнул: «Милость мне, пастух, яви,
Мне другом стань, взыскуй моей любви!
Ты дай мне свой палас из черной ткани, —
Я благодарен за него заране.
Подходит мне паласа черный цвет:
Ведь я судьбою в черноту одет.
С любимой разлучен, отныне буду
В одежде черной я блуждать повсюду.
Быть может, я, а как ты знаешь, друг,
Ударю в барабан удачи вдруг,
Хотя навряд ли под паласом спрячу
Я барабан и обрету удачу».
Сказал — и облачил себя в палас.
Из сердца песня боли излилась.
Крича: «Лайли!», он шел к ее становью,
В том вопле смешан был огонь с любовью.
Чем ближе подходил к ее жилью,
Тем больше волю он терял свою,
Когда ж ее шатер увидел снова,
Распалась бытия его основа,
И застонал он, и на знойный прах
Упал, как тень, но с криком на устах.
Узнав тот голос боли безутешной,
Лайли шатер покинула поспешно.
Увидела: Маджнун лежит в пыли.
Упала в пыль в беспамятстве Лайли.
Затем к его присела изголовью,
Омыла не водою слез, а кровью,
Бегущей из нарциссов — томных глаз,
Того, кто без сознания был сейчас.
Она слезами жизнь в него вдохнула,
Любимого к сознанию вернула.
Он приподнялся, — жаждал он опять
С подругой говорить и ей внимать.
Они уста раскрыли для реченья
Про все свои печали и мученья.

Маджнун повел о странствиях рассказ,
Лайли — о том, как дома день погас.
Он говорил про горы и долины,
Она — о том, как дни и ночи длинны.
Он вспомнил, сколько горя перенес,
Она лицо омыла кровью слез.
Он: «Что ни день, то боль моя сильнее».
Она: «А боль моя еще больнее».
Он: «В сердце у меня — глухая ночь».
Она: «Что делать, как беде помочь?»
Он: «Мне не надо бытия земного!»
Она: «Я раньше умереть готова».
Он: «Долгая разлука — мой недуг».
Она: «Свиданье — средство от разлук».
Он: «Я страдал, пока мы не встречались».
Она: «Я гибну, о тебе печалюсь».
Он: «В пламени тоски я изнемог».
Она: «А мой еще страшней ожог».
Он: «Буду я теперь с тобою вместе».
Она: «Тебя убьют, желая мести».
Он: «Без тебя жить не могу с людьми».
Она: «Терпенье в помощь ты возьми».
Он: «Для любви — терпенье не основа».
Она: «Не знаю снадобья иного».
Он: «Снадобья порою хороши».
Она: «От язв и горестей души».
Он: «От жестоких нам с тобою горе».
Она: «Да гибель их настанет вскоре!»
Он: «Я от их жестокости умру».
Она: «Господь нас приведет к добру».
Всё изложили, что в душе творилось,
Всё обнажили, что в душе таилось.
Лайли, как пламя, охватил испуг:
Что, если племя возвратится вдруг,
Застигнет, разум потеряв, Маджнуна,
Утратившего счастье жизни юной?
Над ним кинжал злодейства занесут,
А где там помощь, где там правый суд!
Сказала: «Величайший из влюбленных,
Душою благородной наделенных!
Уйди, затем что меч судьбы свиреп,
А нет для нас защиты от судеб».

Они растались, и поток кровавый
Из глаз пролился, орошая травы.
Ушел он в горы или в степь, в пески,
Она осталась, как скала тоски.
Так создан этот мир, и не ищи ты
В нем счастья, и покоя, и защиты. . .

**ПОЭТ КУСАЙИР, ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ АЗЗЫ,
РАССКАЗЫВАЕТ ХАЛИФУ О МАДЖНУНЕ**

Араб, кудесник слова Кусаййир,
Звезда, стихов украсившая мир,
В Аззу, что даже идиолов Китая
Затмила, юной прелестью блистая,
Влюбился, как безумный Кайс в Лайли,
Как одержимые любить могли.
Он черпал жизнь в ее благоуханье,
Как роза — в свежем утреннем дыханье.
Любовь сладка, — вот почему сладка
Была поэта каждая строка:
Любовь есть соль — но также сладость слова,
Любовь есть боль — но также радость слова!
Однажды пригласил певца халиф.
Вот, угостив его и одарив,
Сказал: «Аззу твои воспели строки, —
Пропой, даруя нам огонь высокий».
И песня Кусаййира полилась,
Как будто слезы хлынули из глаз.
Он пел о том, что разлучен с Аззою,
Слеза была строкой, строка — слезою,
Казалось, в дар халифу он принес
И жемчуг строчек, и агаты слез.
Услышав слово скорби безысходной,
Спросил его халиф: «О благородный,
Среди влюбленных, близких по судьбе,
Ты видел ли подобного себе?»
А тот: «Однажды в край моей любимой
Держал я путь, страданием палимый.
В такой глуши я оказался вдруг,
Что в страхе повод выронил из рук.

Вот так без сна и без воды и хлеба
Проехал я два дня по воле неба, —
И радость: человека встретил здесь!
Как полумесяц, он согнулся весь,
Он обливался кровью в полдень жгучий, —
Так мускус изливается пахучий
Из сумочки подбрюшной кабарги,
Когда отрежут сумочку враги.
Иссохший от печали, для чего-то
Раскинул он в степной глуши тенета.
Я хлеба и воды, сказав привет,
Учтиво попросил. А он — в ответ:
«Я навсегда свое покинул племя,
Каменносердых я отринул племя.
Нет у меня ни пищи, ни питья,
Мой хлеб — трава, мираж — вода моя.
Но посиди немного: вдруг ворота
Удачи распахнутся, и в тенета
Добыча нам неожиданно попадет,
Тогда себя избавим от забот».
Присел я с этим незнакомцем рядом,
В его тенета впился острым взглядом.
Смотрю: газель, влечение сердец,
Попала в плен узлов и в плен колец, —
Нет, не газель, а жизни обаянье,
Прелестная игрушка, изваянье!
Газель, плененную в степном краю,
Он обнял, словно милую свою,
Поцеловал ее в глаза с любовью,
Пропел ей сто двестиший славословья,
Освободил добычу от тенет, —
Свободно пусть по пастбищу пройдет!
Лишь от тенет она освободилась,
Не убежав, пред ним остановилась.
А он: «Твои глаза меня сожгли,
А всё ж они тусклее глаз Лайли!
Не бойся и ко мне вернись ты снова:
Лишь я — твой брат из племени людского.
Доколе будет жить семья людей,
Ты и Лайли живите без скорбей!»
Он замолчал — и вот газель другая
В силки попала, тень свою пугая,

Он поступил, как с первой, со второй,
И с третьей той же занялся игрой,
Четвертой волю даровал, и пятой, —
Ловец добычи не желал богатой!
От голода терпенье потеряв,
«Зачем, — вскричал я с дрожью, — среди трав
Тенета ставишь ты для ловли дичи,
Но не желаешь пойманной добычи?
Ты губишь то, что насыщает нас,
А я — твой гость, я голоден сейчас».
А он: «Молчи. Твой разговор бездумен.
С таким, как я, разумным, будь разумен.
Напоминают ту, кого люблю,
Газели, — потому я их ловлю.
Свою любовь газелям я дарую,
В глаза и шею нежно их целую,
Как милую свою, ласкаю их,
Потом на волю отпускаю их.
То существо живое, что подобно
Возлюбленной, могу ль убить я злобно?
С подругой сходно это существо,
Так разве я способен съесть его?
Не то б иной была газелей участь:
Сильней тебя от голода я мучусь.
Не знаю пищи свежей и мясной,
Питаюсь лишь корою да травой».
Пока со мной он говорил устало,
Еще одна газель в силки попала.
Подумал я: «Его опережу,
В добычу нож мгновенно я всажу».
Но он подпрыгнул к ней, в объятьях нежных
И эту он сокрыл газель, как прежних,
В глаза поцеловал ее сто раз
И отпустил ее — от смерти спас.
В отчаянии начал понимать я:
Не стану сытым от его занятия!
Он тот, кого отверг и проклял мир,
Безумный Кайс из племени амир,
Он тот, кого терзает доля злая,
Кто стал безумным, о Лайли мечтаая».

**КУСАЙИР ОБНАРУЖИВАЕТ ЛУГ,
ИЗОБИЛЮЮЩИЙ ГАЗЕЛЯМИ, СООБЩАЕТ ОБ ЭТОМ
МАДЖНУНУ И ВЫСЛУШИВАЕТ ЕГО ОТВЕТ**

Когда поэт (услышал речь халиф)
Поднялся, голода не утолив,
Ему в горах открылся луг чудесный,
Напоминавший райский сад небесный.
Земля была как шелковый ковер,
Цветы — как будто вытканый узор.
Играли и резвились там газели,
Как дети, а цветы кругом пестрели.
Одна тюльпан отнимет у другой —
Та побежит с обидой и тоской.
В траве зеленой прыгали газели,
Недаром ноги их позеленели,
Тюльпаны ели красные — уста
Газелей покраснели неспроста.
Им от цветов и трав была услада,
Их было многочисленное стадо,
Но не было у стада пастуха.
Увидел Кусаййир, творец стиха,
Такое изобилие газелье,
И в степь спустился, и сказал в веселье
Маджнуну: «Очарованный ловец,
Встань, поднимись в нагорье наконец,
Свои тенета уברי отселе,
Раскинь тенета на пути газелей.
Немного поднимись — увидишь вдруг
С газелями бесчисленными луг ,
И ты, влюбленный в милый лик девичий,
Всегда найдешь в тенетах много дичи».
А тот: «О собеседник мой и друг!
Кааба, заповедник этот луг!
Зови его сокровищем любимой,
Он прежде был становищем любимой,
В былые дни, что быстро так прошли,
Гуляла там с подругами Лайли.
Средь зелени, душистой и узорной,
Она казалась куропаткой горной.
Травинки к ней склонялись без тревог
И радостно ее касались ног;

Колючки ей одежду разрывали, —
Нет, на подоле розы рисовали;
Цветы благоуханье обрели
От благовонных локонов Лайли;
Ее любви кровоточила рана, —
И сделалась тюльпана грудь багряна;
Нарцисс — отверстый глаз: Лайли ему
Пустынный прах дарила, как сурьму;
Как язычки, все лепестки у лилий, —
Те лепестки Лайли всегда хвалили;
Фиалки, утверждая, что скорбят,
Надели синий траурный наряд;
Всегда газели были наготове:
А вдруг пронзят их, словно стрелы, брови!
Они с дороги не спускали глаз:
А вдруг Лайли появится сейчас?
Для всех запретны те газели ныне,
Как будто для язычников — богини.
Свои силки раскину я ужель,
Чтоб на лугу поймать ее газель?
Я душу ей готов отдать, — так мне ли
Уничтожать запретные газели?
Когда я в сердце чувствую недуг —
Я прихожу — в пыли — на этот луг,
Хожу вокруг, как пилигрим вокруг храма,
А слезы льются, как вода Замзама.
Не ждут газели от меня вреда,
Траву не обижаю никогда.
Пусть буду, как тюльпан, в крови и прахе,
Травинки я держать не буду в страхе,
Пусть горе меч вонзает в грудь мою,
Я кровь ее газелей не пролью!»
«Лайли!» — твердил он имя, как молитву,
И вновь пошел на странную ловитву.
Поймав газель, «Лайли!» он говорил,
Ей поцелуй, как милой, он дарил
И отпускал — пусть побежит по лугу, —
Как жертву искупленья за подругу.
Так, от поры рассветной до ночной,
Охотой занимался он чудной.

**ХАЛИФ, УЗНАВ О НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЛЮБВИ
МАДЖНУНА К ЛАЙЛИ, ПРИКАЗЫВАЕТ
ДОСТАВИТЬ ЕГО ВО ДВОРЕЦ**

Взрастивший ветвь садовник вдохновенный,
Художник, сказа расписавший стены,
Украсил роспись надписью такой:
Когда лишенный разума изгой,
Развалинами бытия раздавлен,
Безумною любовью был прославлен,
Повсюду заблестали в краткий срок
Жемчужины его блестящих строк,
Везде, на каждом сборище, звенели
Двустигхья драгоценных ожерелий.
Дошел и до халифа мерный звон, —
Маджнуна пожелал увидеть он.
Сказали мужу, правившему Надждом,
Что знал о тамошнем арабе каждом,
Чтоб, всем уверткам положив конец,
Направил он к халифу во дворец
Того, кто от любви познал известность,
Кто изучил искусства и словесность.
Тогда правитель Наджда без прикрас
Вождам племен поведал сей приказ.
А те: «К рассудку полон отвращенья,
С разумными не терпит Кайс общенья.
Нет крыши у него над головой,
Одною лишь питается травой.
Когда он движется к холмам нагорья,
А в сердце у безумца — горы горя,
То барс его сопровождает бег,
В расселине скалы — его ночлег.
Когда он бродит по степям без цели,
То соучастники его — газели,
Он странными желаньями объят,
Онагров собеседник и собрат.
Отвергнутый людьми, безумный, дикий,
Чем он привлек внимание владыки?»
Сказал правитель: «Царь изрек приказ —
Кто спорить с ним осмелится из нас?»
Искали Кайса в даях бесконечных,
Везде о нем спрашивали встречных,
И был он обнаружен в горной мгле,

Сидел он, как на троне, на скале,
А волосы на голове казались
Шатром царя и облаков касались,
На солнце тело дочерна спалив,
Он в черноту оделся, как халиф.
Довольный, он сидел среди животных
Нехищных и среди хищников бессчетных.
Ему сказали: «Чресла препояшь,
Оденься, так халиф желает наш».
Ответил Кайс: «Отверг я одеянье,
Скитания в степи — мое деянье.
Хребты приют предоставляют мне,
И чресла не нуждаются в ремне.
Своей судьбы одет я чернотой,
От горя прикрываюсь наготою,
Страданьем сломлена моя спина,
А сломленной одежда не нужна».
Ему сказали: «Смелы эти речи,
Страшись, не отвергай с халифом встречи».
А Кайс: «К чему мне пред халифом пасть?
Тот смел, кто не признал корысти власть.
Иль в ноздри мне, как палочка верблюду,
Корысть продета? Ни за что не буду
Халифу во дворце его слугой!
Корысть и жадность губят род людской,
От этих двух пороков отрешенный,
Мирских тревог не ведает влюбленный».
Сказали: «Гнев халифа — наш закон.
Прикажет он — и будешь ты казнен».
А Кайс: «Я мертв. Моя любовь — убийца.
Мне ль, мертвому, людских мечей страшиться?
Мне голову мечом снесете с плеч?
Но мертвому — что лепесток, что меч!
Лишь для того, чтоб жить, влачат живые
Вьюк угнетенья и сгибают выи,
Но, если жизнь ушла, что может меч?
Лишь ничего, лишь пустоту рассечь!»
Поняв, что с ним бессмыслен спор горячий,
Решили повернуть коня иначе.
Не принимает он слова хулы?
Маджнуна заковали в кандалы:

Так обвивается вокруг растенья
Змея, не знающая снисхожденья.
Змеей обвитый, звенья кандалов
Сверлил он жемчугами слез и слов:
«Нужны ли кандалы с их силой мнимой?
Я — в мускусных силках кудрей любимой,
А кто же — и при этом без пилы —
С меня такие снимет кандалы?
Те ноги, что за два иль три мгновенья
Семи краев познать сумели звенья,
Четыре обойти столпа, пройти
Сквозь шесть дверей порталов девяти,
В железе двух иль трех колец халифа —
Вступить в оковах во дворец халифа,
При этом были не затем в пути,
Чтоб до родного существа дойти, —
Избрали многогрешную дорогу,
Хоть к райскому веди она чертогу!
Кто верует, что лишь любви светлы
Пути, тому возмездье — кандалы!»
Верблюдиц гнали две иль три недели —
Путь ко дворцу халифа одолели.
Маджнуна, что пылал из-за Лайли,
К воде пылавшей — в баню привели.
Его помыли, голову обрили,
С почтеньем слуги с Қайсом говорили.
Халиф, что был источником наград,
Его в богатый обрядил наряд.
Был Қайс халифа милостями взыскан,
Дарений благовоньями опрыскан,
Но, присмотревшись, понял: сей приют —
Та школа, где пощечины дают!
Стал тесен Қайсу мир необозримый,
И снова обезумел одержимый,
Одежду разорвал он и чалму
Низринул в прах, ни слова никому
Не говорил, сидел в углу молчанья,
Вновь признаки являя одичанья.
Велел халиф, чтобы пришел на пир
Любовью умудренный Кусаййир.
Безумного узрев средь царедворцев,
Оторопел вожатый стихотворцев.

Сказал: «Сперва, чтоб строки записать,
Перо вы принесите и тетрадь.
Во мед он обмакнул перо, как палец,
А мед — стихи, что сотворил страдалец!»
И Кусаййир из сердца песнь исторг,
Всех привели его слова в восторг.
Он говорил: «Лайли прекраснолица,
Но Кайс не может с ней соединиться».
Он плакал: «Разлучен с подругой друг,
Сильнее с каждым днем его недуг».
И вдохновенье Кайса не погасло:
От этих слов оливковое масло
Обрел светильник — и огонь возник:
Язык Маджнуна — пламени язык!
Он спел касыду о своем горенье,
Сто бейтов было в том стихотворенье,
И каждое двестишие — как дом,
И слезы-жемчуга сверкали в нем,
А каждая строка — дверная створка,
Где горе входит медленно и зорко.
Цезура посреди строки — разрыв
Сердец, что разлучились, полюбив.
Размер стихов напоминает море,
В котором, буйствуя, бушует горе.
Сто рифм — как сто утративших покой
Людских сердец, сжимаемых тоской.
Все буквы — сказ любви, сердцам желанный,
Все знаки — капли из сердечной раны, —
Нет, буквы — словно жаркие ключи,
Которые от крови горячи!
Лайли своей улыбкою печальной,
Как солнце, озарила бейт начальный,
Но вот уже последний бейт погас, —
Как греза о тебе, рассветный час!
Сердца людей зажгла его обида:
Была подобна молнии касыда!
Уста раскрыв, он вольно мысль простер,
Воспел своей возлюбленной шатер,
Его слова тоскою зазвучали,
Он выжег на сердцах тавро печали,
Птенца иль ветра он избрал послом,
О сердце написал, сожженном злом.

Он смесью крови собственной и праха
У ног Лайли слова писал без страха,
Чтоб их гонец возлюбленной принес.
Сробеет? Пусть тогда сожрет их пес!
Кайс рассказал, как встретился с любимой,
Поведал о разлуке нестерпимой,
То разрывал одежды на себе,
То о злосчастной плакал он судьбе.
Сердца людей и болью, и тоскою
Пронзал он каждую своей строкою.
Заплакали вельможи и халиф,
Касыдою себя испепелив.
Когда, своим скорбям стихами вторя,
Закончил он повествованье горя,
То все сердца, способные гореть,
В его огне стремились умереть,
Когда же разразился он слезами,
Все оказались с мокрыми глазами.
Как тень прямая, он свалился с ног:
Сгибаться он из-за оков не мог.
Страдальца жребий увидав суровый,
Велел властитель разомкнуть оковы,
Казну велел он разомкнуть скорей
И злато Кайсу дал — сто кошельей,
Затем сказал: «Без цели не кочуя,
Со мною рядом поживи, прошу я.
Немедля в Наджд, к правителю, с гонцом
Посланье милостивое пошлем,
Чтоб к тяготам усердие прибавил,
Чтоб он сюда отца Лайли доставил.
Двоих мы на одну нанижем нить,
Чтоб две жемчужины соединить!»
Не очарован царственным величием,
Маджнун внимал халифу с безразличием,
Даров не принял от царя земли,
Ушел он в степи с думой о Лайли.
Как лань, порвав силки, ушел он в степи, —
Как будто времени он сбросил цепи!
Там, где хотел он, был его ночлег.
Он радовался, что беды избег:
«Мне от халифа — скука и морока.
Лишь в святость милой верю я глубоко!»

**НАСТУПАЕТ ЛЕТО; МАДЖНУН УЗНАЕТ
О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ ЛАЙЛИ В МЕККУ
И ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ЕЕ КАРАВАНУ**

Кто скачет, путешествие начав,
По строчкам и страницам этих глав,
Нам говорит, страданию причастный:
Вкруг племени Лайли блуждал несчастный,
Как лань в горах или в лесах олень:
Ведь оба — одиноки целый день.
Поскольку были для него запретны
Ее стоянка и шатер приветный,
Блуждал страдалец по путям чужим,
Любовью и смятеньем одержим.
Однажды шумно, жарко и угрюмо
Повеяло дыхание самума.
Как угольками полная лохань,
Степная пламенела глухомань.
Как волосы в огне, так в кольца змеи
Свернулись при внезапном суховеи.
Когда онагр вбегал в степную ширь,
То на копыте сразу же волдырь
Выскакивал — едва, на миг единый,
Касался зверь пылающей равнины.
Весь мир как бы хотел живое сжечь,
Он раскалился, он пылал, как печь.
В печи долина и гора дробились,
Как пересохшая нура, дробились.
Все рыбы жарились в речной воде,
Как будто в масле на сковороде.
Холодные ключи среди ущелий
Нагрелись так, что бурно закипели.
На плоском камне, как на блюде, — глянть, —
Жаркое: куропатка или лань?
Тьма этой бури, падая отвесно,
Как будто тенью делалась древесной,
В тени своих рогов лежал олень,
Уж не надеясь на другую тень,
Но лань, средь вихря душного, в смятенье,
Укрытия искала в ложной тени. . .
Кайс, что блуждал в степи, людей страшась,
Как уголь раскалился в тяжкий час.

В его душе огонь многоязыкий
Метался, сжечь готовый мир великий,
И места Қайс найти себе не мог,
Ему огонь, казалось, ноги жег.
С ожогом на сердце, как у тюльпана,
На холм крутой взобрался Қайс нежданно.
Сквозь облако песчаное жары
Увидел он какие-то шатры.
Казалось, что небесных звезд поболе
Рассыпано шатров на чистом поле!
Вскочил Маджнун, быстрее всех ветров
Направился он в сторону шатров.
Увидел: движутся куда-то люди.
К нему подъехал всадник на верблюде.
Сказал Маджнун: «Да будет сочтено,
Что счастье нашей встречей рождено!
Куда стремится караван богатый?
Скажи, где будут паланкины сняты
С верблюдов? Да еще мне объясни:
Откуда эти люди? Кто они?»
И всадник, молодой, сильноголосый,
Неспешно отвечал на все вопросы:
«Те люди направляются в Хиджаз,
Святыням поклониться в добрый час».
— «А кто несет паломничества бремя?»
— «Лайли, и славный род ее, и племя».
Ответы эти Қайса потрясли.
Когда услышал он, что здесь Лайли,
Отрекся Қайс от бытия земного,
Как тень, упал среди песка степного,
Но снова поднял голову свою,
Уже чужой земному бытию,
И встал из праха, и решил он сразу
Вслед за любимой двинуться к Хиджазу.
Подругу в паланкине повезли,
И друг за нею следовал вдали.
Подверженный печали и злосчастью,
На паланкин Маджнун взирал со страстью:
То сердце, что любовью истерзал,
Он к паланкину крепко привязал.
Порой стонал паломник-богомолец —
Иль то звенел верблюжий колоколец?

«К чему ей паланкин? — стонал, звеня. —
Иль плохо милой в сердце у меня?
Стал паланкин, как видно, Зодиаком,
Где пребывает солнце, споря с мраком.
О, где найду я счастье хоть на миг,
Чтоб солнца этого увидеть лик!
При этом солнце — свет не нужен мысли:
К мельчайшим атомам меня причисли!»
В песке пустыни отпечатки ног
Ее верблюдицы он видеть мог
И целовал следы на той тропинке,
И стряхивал он желтые песчинки
Со своего лица, чья желтизна —
Как золотом богатая казна.
Он пел: «Следы в степи необозримой
Суть память о верблюдице любимой.
Со мной любимой нет, и я в тоске,
Так пусть меня утешит след в песке.
Кто любит, тот благословит и малость —
И тень, что от возлюбленной осталась!
Пусть между ними тысячи преград —
С возлюбленной в мечте он слиться рад.
Пусть ног ее не видит он, гонимый, —
В песке отыщет он следы любимой,
Чтоб целовать, вдали от всех дорог,
Не ноги, а следы прелестных ног!»

**МАДЖНУН ПРИБЫВАЕТ К КААБЕ
ВМЕСТЕ С КАРАВАНОМ ЛАЙЛИ И ВО ВРЕМЯ
ИСПОЛНЕНИЯ ОБРЯДОВ ПАЛОМНИЧЕСТВА
ВЫСКАЗЫВАЕТ ЛЮБОВЬ К НЕЙ**

Тот, кто к Каабе двинулся, к святыне,
Страданием опустошен в пустыне,
Кто, рядом с милой, с нею разлучен,
Скорбит, но утешения лишен, —
Когда вступил в священную округу,
Смотрел всё время только на подругу.
Когда она свершала свой таваф,
Он шел вослед, служенье ей избрав.
Когда, красой сверкая несравненной,
Любимая вступила в дом священный

И на Маджнуна посмотрела вдруг,
Его счастливый охватил испуг,
Подумал он в слезах: «Ты терпишь муки,
Пылаешь в страстном пламени разлуки,
В огне, в неволе — хорошо ль тебе?
Страдать от боли — хорошо ль тебе?
А каково же мне? О, я раздавлен,
Я без тебя печалью окровавлен.
Хочу тебя, но как верну тебя?
Весь мир отдам я за одну тебя!
Нет близких у меня. Всю боль, тоскуя,
Лишь глазу своему излить могу я,
А ты счастливее в родном краю:
Друзьям излить ты можешь боль свою».
Так говорил, огнем испепеленный,
На языке безмолвия влюбленный.
К Лайли он эти обращал слова,
Любого опасаясь существа.
Туга — безмерна, время встречи — кратко,
Нельзя святого нарушать порядка.
Лайли свершает в муках свой обряд,
За ней Маджнун, волнением объят.
Она целует Черный камень зримый,
Он жаждет черной родинки любимой.
Когда ее уста поит Замзам,
Дает он волю горестным слезам.
От Марвы к Сафе движется подруга,
Он — в точке верности, как в центре круга.
Она идет туда, где Арафат,
А для него лишь облик милой свят.
Она стремится к мудрости обряда,
Ему — лишь кудри девушки отрада.
Она в долине Мины держит нож,
А он: «Ты скоро ль кровь мою прольешь?»
Она семь мелких камешков бросает —
Он голову под камни подставляет.
Она священный покидает храм,
А он готов припасть к ее стопам.
Лишь в паланкине милая уселась,
Маджнун, внезапною почуяв смелость
И улучив благоприятный миг,
У паланкина с быстротой возник.

Они прощались мысленно друг с другом,
Единым бездолены недугом.
Ни слова не сказали: их тоска,
Их боль была слышна без языка.
Разлукой разлучились роковою:
Так расстаётся тело с головою, —
Не может тело жить, коль голова
Хотя и смотрит, но уже мертва.
Подруга удалилась в паланкине,
А он остался, увязая в глине:
От горьких слез, что пролил он с тоской,
Стал вязкой глиною песок сухой.
Подруга мускусом благоухала,
А кровь у Кайса в сердце высыхала,
Как будто налили ее враги,
Излив весь мускус, в сумку кабарги.
Но мускус речи скрыть он был не в силах,
Запел всей кровью, что кипела в жилах:
«Ушла душа, осталась только плоть.
Ослабла плоть. Как слабость побороть?
Пришла, для краткого сверкнула зора,
Но как мне больно, что ушла так скоро!
Всю жизнь за ней бежал я, и возник
На миг из-под завесы чудный лик,
Но миг прошел — возлюбленная строго
Закрыла лик, не постыдившись бога.
С губами пересохшими везде
Скитался я, мечтая о воде,
И вот источник вижу я в пустыне,
Но доползти к нему не в силах ныне.
Жизнь еле теплилась во мне, слаба,
Но вновь напала на меня судьба,
Подобно кочевому бедуину.
Я знаю: скоро я сей мир покину.
Пылает грудь, изнемогает плоть, —
Никто пусть так не страждет, о господь!
О, если б смерть мое убила горе,
Тогда страдать я перестал бы вскоре!»
Покинув караван Лайли, к другим
Пристал Маджнун, печальный пилигрим.
Боялся он, бессильный от страданий,
Что, если в том узнают караване

О спутнике таком, ему конец:
Там не найдет сочувственных сердец,
И станет скорбь Лайли невыносимой,
А стыдно горе причинять любимой.

**ЮНОША ИЗ ПЛЕМЕНИ САКИФ НАПРАВЛЯЕТСЯ
К КААБЕ, ВСТРЕЧАЕТ ЛАЙЛИ,
ВЛЮБЛЯЕТСЯ В НЕЕ И ЖЕНИТСЯ НА НЕЙ**

Кто жемчуга на нитку нанизал,
Такой блестящий жемчуг показал:
Та, пребывающая в паланкине,
Подобно целомудрия святыне,
Газель, что даже львам внушает страх,
Что явно властвует в людских сердцах,
Что мудрецов в безумцев превращает,
Что силу у могучих похищает, —
Когда обратным двинулась путем
Из Мекки на верблюдице верхом
И каравана опытный вожатый
Верблюдов гнал, умением богатый, —
Один араб из племени сакиф,
Что молод был, и строен, и красив;
С пушком, покрывшим розовые щеки;
С шатром волос, венчавшим лоб высокий;
С таким кольцом на пальце, чья печать
Могла его главенство подтверждать;
Из той семьи, что возглавляла племя
От древности седой по наше время;
О чьих богатствах повесть нам прочла
Сама земля, не зная им числа;
Кто деньги всем дарил, но до отказа
Кошель свой тут же наполнял он сразу, —
Лайли увидел в паланкине вдруг,
И он любовь познал в пустыне вдруг!
Завеса от людей ее скрывала,
Но ветерок приподнял покрывало,
И он зарю увидел, — нет, заря
Померкла б, от стыда пред ней горя!
Узнал он дня и ночи связь при взгляде
На спущенные за уши две пряди;

Из-под бровей-подков— очей огонь,
Казалось, высек норовистый конь;
Ее глаза — как будто две колдуньи,
Что чародействовали в новолунье;
Смеясь, развязывал узлы забот
Зубами белыми багряный рот.
На ту луну одним взглянул он глазом
И разом потерял покой и разум.
Попал он, обессиленный от ран,
Как дичь, любви-охотнице в аркан.
Чтоб завладеть Лайли, нашел он свата,
Чья речь была присловьями богата:
Недаром говорили все о нем,
Что он и воду сблизил бы с огнем!
К отцу Лайли он старика отправил,
Чтоб обещал и обещать заставил.
Сказал от имени его старик:
«Как ты, я родословною велик.
Нет равных мне — я хвастаться не стану —
По знатности, имуществу и сану.
Долины нет, где б не паслись всегда
Моих овец и коз моих стада,
Не сосчитать шатров моих стоянок,
Моих коней, верблюдов, слуг, служанок.
Всё, чем владею, я тебе отдам,
Прикажешь — брошу всё к твоим ногам,
Всё золото, серебро, всё достоянье,
Что взвесить и весы не в состоянье.
Я весь — твой раб. «Владеющий рабом
Владеет также и его добром».
Да, я твой раб. Так стань мне господином,
Тебе не зятем буду я, а сыном.
Воскликну: «Хорошо, что я твой зять!»
Я «хорошо!» готов сто раз сказать!
А нет — каким уравновесят золотом
Моих страданий самый малый атом?»
Узнал отец, посланца расспросив,
О юноше из племени сакиф,
Приязнь к нему почувствовал он сразу,
Поверив сладкозвучному рассказу.
Еще не зная жениха, тотчас
Изрек: «Он — сын мой, светоч старых глаз!»

Душа его согласьем отвечала
На сватовство, но он решил сначала,
Что надо с близкими держать совет
И лишь потом посланцу дать ответ.
Пошел к жене, тайком принес известье
Он матери и дочери-невесте,
И согласилась любящая мать .
Тому арабу дочь свою отдать:
«Счастливый брак — спасенье для влюбленных,
Для двух несчастных, страстью опаленных.
Став юноши красивого женой,
Лайли забудет о любви былой.
Маджнун, когда услышит весть такую,
Начнет искать красавицу другую.
Нам тоже прок от нового родства:
Все прекратятся толки и молва».
Когда те беды над Лайли нависли,
Как локоны, пришли в волненье мысли.
Она заплакала, краснее роз
Глаза-жасмины сделались от слез.
А розы щек, пленявшие красою,
Вдруг увлажнились жемчугом-росою.
Где силы взять, чтоб переспорить мать.
Чтоб непокорной стать, где силы взять?
Но нет и силы, чтоб нарушить слово,
Забуть навеки друга дорогого.
Молчала, чтобы мужество найти,
Чтоб средство от супружества найти,
Но родичи ее решили властно:
«Молчит невеста, стало быть, согласна».
И юноше пришел ответ от них:
«Да к свадьбе приготовится жених».
Тогда увидел с радостью влюбленный,
Что все к нему созвездья благосклонны.
Казалось, головой достиг Плеяд,
Свершить готовый свадебный обряд.
Когда невеста смуглая Востока
Оделась тьмою с наступленьем срока
И небосвод камильницы разжег,
Жених украсил светочем чертог:
Всё племя пусть союз благословит их!
Он пригласил на свадьбу именитых,

И брачный договор соединил
Луну с одним из молодых светил.
Тут стали деньги, золото со звоном
Все под ноги бросать молодоженам,
Дирхемы не считал богатых круг:
Считать — забота музыкантов, слуг.
Дает богатый, подбирает нищий —
Так в бременном установлено жилище:
Один все деньги подберет, другой
Останется с протянутой рукой. . .
Сияют лица, а Лайли печальна,
Всё веселится, а Лайли печальна.
Сей дар бесценный обретя, жених
Ждал наслаждений нежных и живых,
Еще не ведая, какого яда
Исполнена желанная отрада.
Пир свадебный еще гремел, звеня,
А он, томясь от страсти и огня,
Приблизился к снявшей красотою
И к брачному повел ее покою,
С почетом, от нескромных глаз вдали,
На ложе неги усадил Лайли.
В ней столько было гордости и чести,
Что не посмел он с ней улечься вместе.
Не разомкнув нахмуренных бровей,
Красавица казалась всё грустней.
Глаза раскрылись, проливая слезы,
Но алых уст ее закрылись розы.
А тот стоял, его сжигала страсть,
Он жаждал, но не смел к воде припасть.
Как от огня любви спасет он тело?
Тушить огонь вода не захотела!
Сидел он терпеливо два-три дня,
Но начал задыхаться от огня.
К себе прижал он пальму, что желанна,
Рукой коснулся девственного стана.
Она вскричала: «Отойди ты прочь,
Меня прикосновеньем не порочь!
Не сорван с этой пальмы плод ни разу, —
Верней; ни одному не явлен глазу,
А вожделеть к несломанным ветвям, —
Пойми ты наконец, — позор и срам!

А тот, по ком страдать не перестану,
Кто мне нанес своей любовью рану,
Покорен мне, терпение храня,
А сколько терпит бед из-за меня!
Из-за меня в пустыне сохнет жгучей,
В горах он горько плачет рядом с тучей,
Газелей кормит, грезя обо мне,
Не ест, не пьет в пустынной стороне,
Ко мне исполнен страстного стремленья,
Участье видит лишь в глазах оленя.
Он счастье обретает лишь со мной,
И для него весь мир — во мне одной.
Со мной, робея, он садится рядом,
Как бы не смея насладиться взглядом.
Он счастлив, если я в неожиданный день,
Как пальма, на него отброшу тень.
Увы, того, кто выше всех сравнений,
Не удостоила я этой тени. . .
Мой перстень — верности ему завет.
Взгляд на него — и страсть моя, и свет.
Могу ли покориться я другому
И сладкую делить с другим истому?
Ты на меня и на него взгляни
И сей искус из сердца изгони.
Забудь высокомерье и тщеславье,
Яви мне сдержанность и добронравье.
Клянусь творцом — началом всех начал,
Что землю чудесами расписал:
Как только снова, с вождельем новым
Протянешь руку ты к моим покровам,
Тебя ударю я рукой, убью,
Обрушив меч на голову твою.
А коль тебя убить не хватит силы,
Убью себя, прерву свой путь постылый,
Тогда меня от всех твоих обид
Неправосудный меч освободит».
Несчастный понял, услышав угрозу
Из сладких уст, напоминавших розу:
Вовек мечта не сбудется его,
Ведь с норовом верблюдница его!
Но, потерять ее страшась до боли,
Ее бесправный пленник, поневоле

Он согласился с горем жить в ладу,
Лишь запах розы обонять в саду.
С разлукой схожи были те свиданья.
Но для чего же были те страданья?
Доколе ждать, надеяться, страдать?
Он умирал и оживал опять.
Вот так, измученный, и жил он между
Тоской и чувством, что обрел надежду.
Вот так и умер, в мир уйдя другой
С полунадеждой и полутоской.

МАДЖНУН УЗНАЕТ О ЗАМУЖЕСТВЕ ЛАЙЛИ И ПРИХОДИТ В ДУШЕВНОЕ СМЯТЕНИЕ

Кто за завесой чудного изделия
В литавры бил в день свадьбы, в день веселья, —
В литавры песни бьет и создает
Такой напев, что нас по сердцу бьет.
Тот, кто любовью ранен был жестоко,
Хотя ее восславил он высоко,
Хиджаз покинув, возвратился вновь
В ту местность, где жила его любовь.
Больнее стала боль его ожога,
Сильнее стали скорбь его, тревога, —
Еще один недуг в него проник,
Кайс превратился вдруг в смятенье, в крик.
Струю слезы струною сделал руда
И стон страданья он исторг оттуда.
О, если б весть, что счастье есть, намек
Хотя б Маджнун из этих струн извлек!
Когда он шел, задумчив и печален,
Вдоль прежних стойбищ, около развалин
И кто-то говорил: «Здесь был приют
Той, про кого сказания поют, —
То есть Лайли, свирепостью разбоя
Тебя лишившей мира и покоя», —
Он прикивал к развалинам челом
И плакал кровью над былым жильем,
К травинке каждой прикивал с любовью,
Газель слагая прежнему становью.
А если находил горящий взор
Пустой, но заповеданный шатер

И кто-то говорил: «Под этой сенью
Жила Лайли, подобна сновиденью», —
Он совершал вокруг шатра таваф,
Его второй Каабою признав.
По всей пустыне пальцами своими
Писал он на песке любимой имя.
Где надпись та? Песок ее занес?
Нет, буквы залил он потоком слез!
Просеяв прах, его себе он сыпал
На голову. . . Однажды случай выпал,
Спросил прохожий: «На себя, в слезах,
Зачем просеянный ты сыплешь прах?»
Ответствовал Маджнун: «В пыли пустыни
Найти жемчужину надеюсь ныне,
Не находя, в отчаянье стою
И сыплю прах на голову свою.
Я знаю, что искать ее не надо,
Но есть и в поиске самом отрада:
Кому другому было суждено
Искать в пыли жемчужное зерно?»
Сказал прохожий: «Поиск безрассудный
Ты прекрати, смени свой жребий трудный.
Напрасно ты потратил столько лет, —
Жемчужины ты потерял и след!
Ее нашел другой. Иль это ново?
Тебя отвергла, предпочла другого!
Поэтому ты поиск прекрати:
Что найдено, уже нельзя найти!
Амбары хлеба, данные изменой, —
Пойми — дешевле, чем сухарь ячменный!
Ты договором связан с ней благим,
Меж тем она вступила в связь с другим.
Ты к ней стремишься, как к желанной доле,
Она тебя не вспоминает боле.
Ее пленил другой, и нет уже
Печали по тебе в ее душе.
Ее избранник — юноша достойный
Из племени сакиф, красивый, стройный.
Она тебе, алмазу, предпочла
Ракушку, что украсила осла.
Они — две буквы в написанье слитном.
О чем же их слиянье говорит нам?»

Две эти буквы сочетались так,
Что ты не нужен им, как лишний знак!
Они, как ноготь с мясом, соприродны,
Ты — ноготь, с пальца сорванный, негодный.
Встань наконец и сбрось на землю груз,
Отринь мечту и тяжкий сей искус!
Какая глупость — верным быть неверной,
Быть преданным всем сердцем лицемерной!
У женщин прелесть и величье есть,
Но так же, как у роз, — двуличье есть.
Пойми, что роза верной не бывает:
Кто раньше к ней придет, ее срывает.
Но если роза тянется к шипу,
К шипам ты тоже протори тропу.
С фиалкою поладит ли терновник?
С грабителем поладит ли садовник?
Мужчиной будь в деяниях любви:
С женой другого мужа ты порви.
Кто видел две ноги в одной сандалье?
Где двух господ в одном доме видали?
Суть женщины есть хитрость, колдовство,
Нет у нее от правды ничего.
То — чиж золотоперый с грудью красной.
Ей угодить не думай: труд напрасный!
Ты будешь ласков с ней? Впадет в порок.
Умрет она, коль будешь с нею строг.
То — пальма, но о ней мы скажем жестко:
Она — не стойкая, она — из воска.
Нам от ее цветов отрады нет,
Нам от ее плодов услады нет.
Снабдили пальму ветками, листвою,
Но не снабдили верностью живою.
С другим обнявшись, весь забудет свет,
Любовь к тебе и верности обет!
И ты нарушь обет: лишь в том лекарство,
Чтоб отвечать коварством на коварство.
Как прежде, не сжимай своей рукой
Ладонь, что хной окрашена другой,
Не то испачкаешь свои ладони
Той хною, что принес ей посторонний».
Когда Маджнун услышал сей рассказ,
Как суфий, начал исступленный пляс.

Он завопил и на песок горючий
Упал, как падает больной падучей.
Как птица полумертвая, в песке
Он биться стал в отчаянье, в тоске.
Решив, что камень — сердце у любимой,
Он камнем в сердце бил себя, теснимый
Мученьями, что бьют еще больней,
И впал в беспамятство на много дней.
От здания рассудка прочь простерло
Его безумье, крепко взяв за горло,
Он долго без сознания лежал,
Не осязал, не видел, не дышал, —
Его бы в те мгновенья роковые,
Наверно, мертвецом сочли живые.
Когда ж души почувствовал возврат, —
Казалось, отданную под заклад
Страданиям, — ее обрел он снова,
Но только для стенания глухого.
Вонзились в грудь стенаний острия.
Сказал, узнав долину бытия:
«Ушла моя любимая. О, горе!
О, скорбь невыносимая, о, горе!
Кружился я, как мотылек, в ночи,
Не ведая, каков огонь свечи.
Та, что со мною пламенела вместе, —
Увы, разодрала одежду чести,
При этом честь мою втоптала в грязь,
Над добрым именем моим глумясь.
Всё то, что обещала, — позабыла,
Всё то, что отвращала, — возлюбила.
С ней рядом друг, а я так одинок,
Мне — злой недуг, а ей — лекарств исток.
Ее лишен, пылал я всей душою,
Теперь сожжен удачею чужою.
Я без нее стал тоньше волоска,
Теперь, я вижу, смерть моя близка.
Разлукой от любимой удаленный,
Привык вблизи от смерти быть влюбленный,
Но гнет судьбы ужасен, нестерпим,
Когда его любимая — с другим.
Искал он клад, всю жизнь копал лопатой —
Пришел другой и клад унес богатый.

Садовник саду посвятил труды —
Пришел вонитель-вор, сорвал плоды.
Где дни, когда мы так сидеть привыкли,
Чтоб в наш приют чужие не проникли,
Чтоб даже ветерок не смел о нас
Кому-нибудь поведать свой рассказ?
Теперь возьми, о ветерок пахучий,
Моей души сгоревшей прах летучий,
Повей золою на ее порог,
Ей обо мне напомни, ветерок,
Ты к ней помчись, ты с нею побеседуй,
Моими ты устами ей поведай:
«Твоя душа, почувствовав испуг,
К другому от меня умчалась вдруг.
Когда с ним вместе станешь пить из чаши,
Когда уста соединятся ваши,
Того ты вспомни, чья душа болит,
Кто горечь пьет и чей сосуд разбит.
Но, прежде чем умру, сражен судьбою,
Соединенья не познав с тобою,
Запомни: чистым, верным ввиду в прах,
А ты расскаешься в своих грехах!»

**МАДЖНУН, ПОВЕРГНУТЫЙ ЗАМУЖЕСТВОМ ЛАЙЛИ
В БЕСПРЕДЕЛЬНУЮ СКОРЬБЬ, УДАЛЯЕТСЯ
ОТ ЛЮДЕЙ И ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ДИКИМ ЗВЕРЯМ**

Знаток перекочевков, перегонов
В сей горестной юдоли громких стонов
Такую тайну, полог приподняв,
Являет нам в одной из этих глав:
Сказав о тех, кто юной стал четою,
Несчастный, сочетавшийся с бедою,
Людей отринул и тропу свою
Направил смело к дикому зверью.
Безумному покорны стали звери,
К нему питая дружбу и доверье.
Шагал он по земле, как царь царей,
За ним ступало воинство зверей.
Под каждым деревом, царя достоин,
Был трон из камня и песка построен.

Садился он с величием на трон,
Зверями окружен со всех сторон.
Когда он им явил добро и милость,
Их ненависть друг к другу прекратилась.
Газель и волк шли к роднику вдвоем,
Приятелями стали лань со львом,
С хвостом большого барса на поляне
Или в степи играл детеныш лани.
Как вьючные животные, в пыли,
Онагры следом за Маджнуном шли.
Лисицы подметали, как служанки,
Перед Маджнуном тропы и стоянки,
А если душен был и зноен день,
Весь путь слезами поливал олень.
Над Кайсом простирали зонт вороны,
Их черными крылами сотворенный.
А если иногда, в степной дали,
Желал он написать письмо Лайли, —
Ногой газели, на калам похожей,
Чертил он буквы на газельей коже
И находил всегда чернил запас
В чернильницах газельих черных глаз.
Он как-то шел, роняя слез рубины,
Слагая песню, по камням долины.
Милы и кротки, этой песне в лад,
Приплясывали сотни газелят.
Внезапно он просторный луг увидел,
Он множество людей вокруг увидел:
Трава — ковер, цветов — полным-полно,
Из чаш, как из тюльпанов, пьют вино.
Неспешно подошел он издалече,
Чтоб с хищным войском не боялись встречи.
Узнав его, один из тех людей
Слова наполнил добротой своей:
«Вожатый светоносный всех влюбленных,
Из-за любви в рассудке поврежденных!
В юдоли праха превращенный в прах,
Отверг родных, забыл ты о друзьях.
Во имя той, которой сердцем верен,
Из-за которой в мире ты потерян;
Во имя той, кто дарит мир земной, —
Ты счастье жизни видишь в ней одной;

Во имя ярких губ ее манящих;
Во имя вьющихся кудрей блестящих;
Во имя двух газелей — томных глаз,
Двух чародеев, обольстивших нас;
Во имя прядей мускусных, пахучих
И лика, что луной сияет в тучах, —
Столь быстро мимо нас не проходи:
Не из-за нас тоска в твоей груди!
Мы тоже скорбной шествуем тропюю,
Мы встретиться давно хотим с тобою.
Сильна тревога, и тяжел твой путь,
Хотя б немного с нами ты побудь».
Маджнун, услышав вежливое слово
И просьбу сердца чистого, простого,
Свою звериную оставил рать,
Чтоб детям человеческим внимать.
Спросил: «Что за равнина здесь такая,
Чей прах подобен мускусу Китая?»
Ответили: «Перед тобой — Хиджаз.
Сей край духовно очищает нас.
Лайли здесь проезжала в паланкине
И останавливалась на равнине.
Она здесь шла, касался сей земли
Благоухающий подол Лайли, —
Теперь понятна ли тебе причина
Того, что пахнет мускусом равнина?»
Как только эти он постиг слова,
У Кайса закружилась голова,
На землю он упал, как тень прямая,
Сказал, слова из сердца исторгая:
«Поскольку ваша родина — Хиджаз
И вы о милой повели рассказ,
Да жертвою за вас отныне буду,
Да буду вам рабом везде и всюду.
Я — не паломник, не иду я в храм
На поклонение святым местам.
Я поклоняюсь лишь моей любимой,
Всё прочее сочтя святыней мнимой.
Зачем я путь в Каабу изберу,
Коль не могу прийти к ее шатру?
Я — пилигрим, чья цель — Лайли вовеки,
А без Лайли я не нуждаюсь в Мекке!

Вся жизнь моя без встречи с ней — тщета,
Хождение вокруг Каабы — суета.
Возлюбленную жажду я в пустыне,
К чему же мне Замзам — вода святыни?
Мне петь о ней — и радость и беда,
Так что мне даст священная вода?
Пою — и скорбь из глаз моих струится,
Замзам дарует каждая ресница.
Где ни брожу — лишь к одному стремлюсь:
С ней встретиться, с ней утвердить союз.
Возлюбленной не видя пред глазами,
Я буду несчастливым и в Ираме.
Свидания, казалось бы, черед
Возможен, но тоска меня гнетет.
Монету с именем другим чеканят, —
Уста ее уста другие манят.
Я одинок — они теперь вдвоем,
Я странствую — у них семья и дом. . .»
Сказал — и лбом он стал о землю биться,
Метался, как подстреленная птица,
Из глаз не слезы проливал, а кровь,
И, плача, потерял сознание вновь.
Когда в себя пришел он на закате,
Небесный свод надел другое платье,
Явились нам двуликости цвета:
Льва рыжина и тигра пестрота.
И от людей, с их добрым устремленьем,
Ушел Маджнун к онаграм и оленям.
Душа от тела удалилась прочь,
Опять в тоске провел он эту ночь.

**ЛАЙЛИ ПИШЕТ ПИСЬМО МАДЖНУНУ И ПРОСИТ
У НЕГО ПРОЩЕНИЯ, ПОСКОЛЬКУ ОНА
ВЫШЛА ЗАМУЖ НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ,
А ПО НАСТОЯНИЮ РОДИТЕЛЕЙ**

В сей повести у продавца жемчужин
Такой словесный жемчуг обнаружен:
Жемчужина, что на людском пути
Сияла в раковинах девяти,
Была нанизана на нить другого,
Исполненного разума благого, —

Женою стала доброго весьма
И чистого, как и она сама.
Раскаивалась бедная однако,
Все время своего стыдилась брака.
Она Маджнуновых боялась дум:
А вдруг придет любимому на ум,
Что отвратилась от него подруга,
Избрав по воле собственной супруга,
С которым веселится без забот,
А он из уст ее усладу пьет,
А вдруг Лайли вручила ключ от клада
Тому, кому мила ее услада?
Чтоб рассказать о горе, лишь одно,
Она решила, средство ей дано:
Письмо составить, чтобы ниспадали
С такой же плавностью слова печали,
Как локоны блестящие Лайли,
Чтоб слезы в нем кровавые текли,
И пусть Маджнун среди своих блужданий
Прочтет посланье боли и страданий.
Лайли, придя к решенью своему,
Всю боль свою доверила письму.
Она сперва напонила о боге:
Врачует он все скорби и тревоги,
Красавиц брови превращает в лук,
Чтоб стрелы страсти падали вокруг,
Красавиц щеки в розы превращает,
А соловьям он к розам страсть внушает,
Влюбленным, предающимся слезам,
Дарует исцеления бальзам,
Сердца сжигает молнией-красою,
Но встречи орошает их росою.
И после этих вводных слов письма
Поведала, что чувствует сама:
«От той, чье сердце отнято, — посланье
Тому, кто отнял сердце и дыханье.
От той, кто в доме скорби заперта, —
Бездомному, чья спутница — мечта.
От той, кто сознает свой грех глубокий, —
Тому, кто сыплет на нее упреки.
(О нет, не слышу от него речей,
Но резких слов молчанье страшней!).»

От той, кто в путах проклиняет долю, —
Тому, кто вырвался из пут на волю. . .
Живешь ты без людей в степной глуши,
И лишь газель врачует боль души:
Две буквы первые дитя газелье
Отбросило — и превратилось в зелье!
О ты, бегущий по степям, как тень,
Чьей быстроте завидует олень, —
Врагов предавши медленному тленью,
Ко мне направь ты быстроту оленью!
О ты, чей собственный удел суров,
Всегда онагру ты помочь готов,
Во имя доброты и дружбы ради,
Не просишь ты онагра о награде.
Ты ни шелков не знаешь, ни мехов,
Твой кров — среди камней, колючек, мхов.
О, как тебе, мой нежный, мой певучий,
Лежится без меня в траве колючей?
О, с кем постель степную делишь ты?
С кем каменное ложе стелешь ты?
Кого ласкаешь на гранитном ложе
И услаждаешь, наслаждаясь тоже?
Кто гладит ласковой рукой тебя?
Кто утешает, дорогой, тебя?
Кто извлекает, исцеляя раны,
Колючки из ступней твоих, желанный?
Кто, кроме диких и ручных зверей,
Обедает за скатертью твоей?
Однако же запомни, что от боли
Я больше мучаюсь в своей неволе,
И, может статься, всех твоих болей
Частичка этой боли тяжелей.
Родителей постыла мне наука,
От мужа мне и мука и докука,
С утра я под присмотром дотемна,
Я ни на миг не остаюсь одна.
Вздохну ль о том, что ты — вдали, в пустыне, —
Мне говорят: «О чем вздыхаешь ныне?»
Заплачу ль, что не стала я твоей, —
Мне говорят: «Ты слезы лить не смей!»
Пойду ли я на травку луговую —
Мне говорят: «Зачем гулять впустую?»

Пойду ли к нашей речке за водой —
Мне говорят: «Ступай скорей домой!»
Взгляну ли, как равнина необъятна, —
Мне говорят: «А ну вернись обратно!»
Казалось, от шипов беды и зла
Меня судьба, как розу, берегла,
Скрывала от враждебности, доколе
Я в брак не по своей вступила воле:
Так приказали мне отец и мать, —
Мне из-за них теперь дано страдать.
Тот, кто побыл с тобой хотя б мгновенье,
Постиг твой разум, душу, вдохновенье,
Захочет ли общения с другим,
С немилым, и ничтожным, и пустым?
Мой муж со мной не спал еще ни разу,
Я не вняла ни просьбе, ни приказу,
Он не вступает ночью в мой покой
И не касается меня рукой,
Не пребывает он со мною рядом,
Лишь издали довольствуется взглядом.
Его печаль мрачна и глубока,
От горя стал он тоньше волоска,
Уже он думает в тоске о смерти:
Сей волосок — на волоске от смерти.
Из-за него — я за завесой бед,
Он упадет — и я увижу свет:
Твое лицо, сорвав покров, увижу —
Я солнце дня без облаков увижу!»
Она стыдливо начала письмо,
Но сорвала стыдливости клеймо,
В конце поставив в качестве печатки
Привет сердечный, как лобзанье сладкий.
Свернула свиток, горести полна,
Что за немилым замужем она,
И кровью слез на свитке подписалась,
Прося у бога, чья извечна жалость,
Прощенья, что она из града бед,
Из государства горя шлет привет
Тому, кто жизнью сыт и кто с отвагой
Готов погибнуть, видя в этом благо, —
Чтобы, прочтя своей рабы слова,
Узнал он, что любовь ее жива.

**ПОСЛАНЕЦ ДОСТАВЛЯЕТ ПИСЬМО ЛАЙЛИ
МАДЖНУНУ**

Когда Лайли упрятала в кармане
Исполненное галии посланье,
Она решила: нужен ей посол,
Чтоб он ее любимого нашел.
Лайли на луг явилась спозаранок
В сопровожденье нескольких служанок,
Как куропатка горная мила. . .
Вблизи вода проточная текла:
Желанная, серебряного цвета,
Всех жаждущих вода поила эта.
Лайли, внимая, как шумит родник,
Мечтала, чтоб гонец пред ней возник,
Чтоб он с письмом помчался поскорее
От родника — к тому, кто всех роднее,
Чтобы сбылось желание ее,
Чтоб друг прочел послание ее!
Вот верховой неведомо откуда
К воде направил своего верблюда:
Не ветер, но, как ветер, был летуч,
Не горный ключ, но быстрым был, как ключ.
Он к светлой влаге устремился прямо,
Как будто воду увидал Замзама.
Поставил он, уставший от езды,
Верблюда на колени у воды
И сам прильнул к воде без лишней речи,
Как Хызр, исток живой воды обретший.
Лайли сказала: «Мне твои черты
Знакомы, кажется. Откуда ты?»
А тот: «Моя отчизна — область Наджда,
Где утоляется святая жажда.
Из глины Наджда сделан мой замес,
Но в этой глине отблеск есть небес».
Лайли сказала: «Некто, с ликом юным,
Чье имя Кайс, но прозванный Маджнуном,
Чье сердце горестью потрясено,
В той области скитается давно.
Не свел ли ты знакомство с тем скитальцем?
Беседовал, быть может, со страдальцем?»

Ответил всадник: «Да, я с ним знаком,
И дружбы с ним я осенен крылом.
Ему явил я верности начало,
И речь моя Маджнуна утешала.
Где б ни был я, молюсь я, чтоб господь
Помог ему все беды побороть».
Лайли спросила: «Что с ним, горемыкой?»
А тот: «От боли страждет он великой.
Он с беспокойством видит род людской,
Лишь у зверей находит он покой.
То на скале он складывает строки,
И слезы сердца сушит зной жестокий,
А то в пещере стих его скорбит,
И сыплется на Кайса пыль обид».
Тогда Лайли спросила, замирая:
«А та, кого он любит, — кто такая?»
Ответил тот: «Ее зовут Лайли.
«Лайли!» — кричит он, падая в пыли,
«Лайли!» — он плачет, на ноги вставая,
Лайли — его слезы вода живая.
Из всех даров и неба и земли
Он выбрал для души одну Лайли.
Лишь это имя — дар его словесный,
Ему слова другие неизвестны».
Заплакала несчастная Лайли,
И тайну сердца губы изрекли:
«Я та, чья родина — в мечтах Маджнуна,
Я та, чье имя — на устах Маджнуна.
В груди его ожог — из-за меня,
Страдалец изнемог — из-за меня.
Его мученья я первопричина, —
Его свеченье и его кручина.
И я горю в огне — из-за него,
И горе, горе мне — из-за него!
Но он не знает, что горю я тоже,
Что это пламя на его похоже.
Да за тебя отныне смерть приму,
Коль от меня доставишь весть ему!
Есть свиток. Из моей он создан крови,
И кровь моя пылает в каждом слове.
Помчись, узнав пылание мое,
Отдай ему послание мое!

Затем с ответом возвратись обратно,
Как друг, кому тоска моя понятна.
Ты унеси огонь моей свечи,
А мне сиянье светоча вручи!»
Ответил благородный: «Горем жгучим
Из-за тебя Маджнун томим и мучим,
Но положу предел его скорбям,
Твое письмо Маджнуну передам, —
За букровку того письма любую
Он жизнь отдаст и душу дорогую!
Ему твое письмо вручить я рад:
То для меня награда из наград». —
В печали счастье обретя неожиданно,
Лайли письмо достала из кармана,
Вложила в свиток среди скорбных строк
Травинку желтую и волосок, —
Пусть друг поймет их как иносказанье:
«С тобой в разлуке, в горе и терзанье,
Я высохла, как желтая трава,
Как волосок — худа, едва жива». —
К Маджнуну всадник с ликом благородным
Помчался на верблюде быстроходном,
В глухую даль безумцу он повез
Посланье, полное любви и слез.
Он прибыл, стал искать его повсюду,
Пришлось метаться по степи верблюду,
Но был безлюден и безмолвен дол.
Уже гонец в отчаянье пришел,
Решил он под скалою на мгновенье
От поисков найти отдохновенье —
И Кайса в скалах он увидел вдруг,
Но странен был его несчастный друг:
Светился весь, хотя лишился света,
Дыханье — здесь, душа — далеко где-то,
Он бодрствовал, но видел мир во сне,
Здесь внутренне, он был не здесь извне,
Он пребывал вне времени и меры,
Вне солнечной вращающейся сферы.
Любить не вправе, за любовь гоним,
Уже не веруя, что сам любим,
Он всё же чтит одной любви законы,
От нелюбви навеки отрешенный.

Как ни старался преданный гонец
Привлечь его вниманье наконец,
Не привели старания к удаче.
Тогда решил он действовать иначе,
Запел он: так поют в глухом краю
Погонщики верблюдов песнь свою.
«Лайли! Лайли!» — гремело справа, слева.
Постигнет ли безумец шум напева?
Но, кажется, вошло то имя в слух —
Или Маджнун обрел сознание вдруг?
Спросил он: «Кто ты и чего ты просишь?
Зачем ты это имя произносишь?»
А тот: «Я сделался гонцом Лайли,
Затем что озарен лицом Лайли, —
Лайли, к которой страсть твоя стремится,
Лайли, кто скорбных глаз твоих зеница!»
Сказал Маджнун: «Назойлив, неучтив,
Заране губы амброй не отмыв,
Как ты посмел, дерзнул устами сими
Выкрикивать всё время это имя?»
А тот: «Язык и словник я Лайли,
Посредник и толковник я Лайли.
Как раб, сейчас к тебе подьему длани:
Как жемчуг, ты прими ее посланье!»
Маджнуну в сердце, сладко и остро,
Весть о письме вонзилась, как перо.
Из рук гонца, явив ему почтенье,
Письмо возлюбленной он взял в смятенье,
Он имя милое увидел сам,
Поднес его к устам, потом к глазам.
Письмо с такой благоухало силой,
Что свет его сознания погасило,
Упал он, ко всему на свете глух,
Утратив разум, зрение и слух.
Когда же вновь познал он просветленье,
Запел такую песню в иступленье:
«Письмо не завязь, что таит мечту,
Но я, увядший, снова с ним цвету.
То — крошки хлеба верности, та малость,
Которая мне, нищему, досталась.
В письме таится мускус дорогой,
Как в сумке, нам даримой кабаргой,

Письмо такое станет талисманом
Для тех, кто ранен в сердце в мире странном,
Нет, ладанкой, что счастьем нам дана:
Да от несчастья нас хранит она!»
Когда же он раскрыл письмо любимой,
Запел другую песню одержимый:
«То не письмо, то — ранняя весна,
В саду надежд — фиалок новизна.
То — строки верности, скрижали ласки,
Заставок, букв и радужные краски.
То — свежесть, блеск и яркость полотна,
На коем радость изображена.
То — буквы-муравьи несут мне благо,
А их дорожка — белая бумага.
Как зернышки, уносят муравьи
Сердца, познавшие печаль любви».
Здесь буква каждая была сосудом,
В котором наслажденье слито с чудом.
Маджнун их выслушал, и каждый раз
От жгучей смеси он пускался в пляс.
Казалось, буквы, и слова, и строчки —
Пропитанные мускусом цепочки.
Цепочки превращались в кандалы
Отрад, что были мудрецам милы.
Был в том письме блаженства преизбыток,
Стал талисманом сердца этот свиток!
Гонец узрел в глазах Маджнуна свет,
Сказал, чтоб на письмо он дал ответ.
Сказал Маджнун: «На чем писать сумею
И чем, скажи, — не кровью ли своею?
Бумаги нет, и нет пера в руке, —
Иль пальцем напишу я на песке?»
Тогда посланец на своем верблюде
Немедленно покинул то безлюдье,
В одну стоянку прибыл ввечеру
И двинулся к ближайшему шатру.
Там и перо нашел он, и бумагу.
Когда рассвет велел взметнуться стягу,
К Маджнуну он, к подножью диких скал,
Со всем необходимым прискакал.
Тот взял перо, бумагу и такую
Свое посланье начал он строкою.

МАДЖНУН ПИШЕТ ОТВЕТ НА ПИСЬМО ЛАЙЛИ

«Когда посланье пишет чистота,
Началом, украшением листа
Должно быть имя бога: он — единый,
Раскрывший нам врата первопричины.
Он тот, кому кругом внимает жизнь,
Он жизнь дает и отнимает жизнь.
Он тот, кто силою неизъяснимой
Соединит влюбленного с любимой
Иль стоязыким опалит огнем,
Чтоб не познали радости вдвоем».
Когда он строки завершил введенья,
Повел слова страданья и смятенья:
«Посланье от того, кто брошен той,
Что для другого блещет красотой.
Тот, чья постель — среди травы колючей,
Взывает к розе, нежной и пахучей.
Улыбкой ты чаруешь, как весна, —
Но только не того, чья грудь больна.
Ты сад, где ворон реет невозбранно,
Для всех лекарство, для меня ты — рана.
Ты от меня таишься, точно клад,
Даря другим жемчужины отрад.
Ты — облако для всех, но для меня-то
Ты не дождем, а молнией чревата.
На все поля ты влагу пролила
И только мой посев сожгла дотла.
Сгорело поле, в пепел превратилось, —
Так вот они, твое добро и милость!
О, пахаря такого пожалей,
Хотя бы каплю на поле пролей!
Прозрачный ключ, ты лишь тому в угоду
Струишь свою живительную воду,
Кто влагою пресыщен, а не мне,
Чье сердце жаждет, чья душа в огне.
Лишь Хызра награди подобным даром, —
Погибнуть прикажи всем Искандарам!»
Ту воду животворную, что царь,
Чьи губы пересохли, жаждал встарь,
Дано ль испить бездомному бродяге?

Мне ль, нищему, мечтать об этой влаге?
Когда пришло, повеяло добром
Письмо, что начертала ты пером, —
Я им от крови осушил ресницы,
В грудь вместо сердца те вложил страницы.
То был мне талисман, чтоб я окреп,
То мне, голодному, дала ты хлеб.
Читал я верности твоей скрижали,
А слезы горести из глаз бежали.
Я на надежду открывал намек,
Но песню скорби сдерживать не мог.
Мне кажется, что ты грустишь притворно,
Что ты словес неправды сеешь зерна.
Тебя тревожит горький мой удел,
Но горя я в письме не разглядел.
Ты пишешь: «Я тебя не позабуду,
Покуда мыслю, я с тобой пребуду. . .»
Но можно ль мне писать слова любви,
Когда с другим все помыслы твои?
Нет, я бесстыдства не пойму такого:
В объятьях одного — любить другого!
Замаран твой язык, речь не чиста:
Ведь целовал другой твои уста!
Пусть даже не найду в тебе изъяна,
Решив, что нет в твоих словах обмана, —
Влюбленный подозрителен всегда,
Во всем ему мерещится беда.
Он слышит веский довод в каждом слухе,
Слона живого видит в мертвой мухе,
О горстке пыли думает: гора, —
Нет, горести тяжелая пора!
Пред ним змеею муравей предстанет, —
Израненную душу всё изранит!
В том доме, где любимая живет,
На крыше птица зернышки клует,
А он решит, лишь взгляд на птицу бросит,
Что письма от соперника приносит. . .
«Не стала, — пишешь, — мужу я женой,
Мой муж далек от близости со мной. . .»
Но разве мало мне той тяжкой раны,
Что он — твой собеседник постоянный?

Сокрыт все годы от меня твой лик,
А для него открыт он каждый миг.
Срывает он плоды бесед с тобою,
А мне нельзя в твой сад ступить стопою.
Ты пишешь мне: «Его томит недуг,
От горя погибает мой супруг,
Он скоро отойдет невозвратно,
Как будто на ветру — полоска дыма. . .»
Но кто же твой чертог покинет вдруг?
Красы твоей знаток? Твой верный друг?
Едва покинет ворон ветвь инжира,
Слетятся к ней тотчас все птицы мира!
Дано всем людям в жены взять вдову,
Лишь я такой надеждой не живу.
Поскольку не приближусь я к надежде,
Пребуду в безнадежности, как прежде.
Поскольку ты надежду отняла,
Да будет безнадежность мне мила.
Поскольку равнодушна ты к больному,
Я счастлив, что желанна ты другому.
Поскольку ты с врагами заодно,
Да будет счастье недругам дано.
Поскольку вы слились в одном желанье,
Да будет жить мое — в твоём желанье.
Коль шелуху ты любишь, неплоха
Та шелуха. Совсем не шелуха!
Твоя любовь дает ей облик новый:
Она становится ядром, основой.
Тот, кто тобою избран и любим,
Становится избранником моим.
Любовью награжденного твоею
Любить я должен, не любить не смею.
Самоотверженной да будет страсть:
Для блага милой надо жертвой пасть.
Мне подавить свои желанья надо,
Коль в этом для возлюбленной — отрада.
Любовь от себялюбья далека.
Влюбленному мила его тоска,
А счастья он пугается заране.
Он — прах в степи несбывшихся желаний.
Хотя мне радость не дана тобой,
Хотя не осчастливлен я судьбой,

Да дни пройдут твои среди веселий,
Когда желанной ты достигнешь цели.
Живи в кругу друзей, в саду любви,
И пусть умру я — долго ты живи».

**МУЖ ЛАЙЛИ ЗАБОЛЕВАЕТ И УМИРАЕТ
ОТ НЕРАЗДЕЛЕННОЙ СТРАСТИ**

Таинственных событий провозвестник,
Такие образы творит кудесник:
Святыня, озаряющая мир, —
О нет, в Китае созданный кумир,
Лайли, с душой, подобною твердыне, —
Нет, яркий месяц в звездном паланкине,
Супругу ласкою не воздала
За все его хорошие дела,
К ларцу любви не подпускала мужа,
Покорности пред ним не обнаружа,
И удовлетворения тетрадь
Не стала перед мужем раскрывать.
Супружеского не изведав блага,
Он заболел и слег в постель, бедняга.
В соединенье он обрел беду:
О пользе думал, а пришел к вреду.
Соединенье — груз невыносимый,
Коль друг — не друг, любимый — не любимый.
Всё время видеть пред собой Эдем,
Вступить в него не смея вместе с тем, —
Ужаснее стократ и безысходней,
Чем огненные муки преисподней.
Лишь о Лайли он думал, лишь о ней,
И делалась его болезнь сильней.
Он в лихорадке пламенел, и била
Так часто, жарко пульсовая жила,
Что пульс прощупывавшая рука
Подпрыгивала! . . . Смерть была близка,
И, если палец к пульсу прикасался,
Он сразу, как свеча, воспламенялся.
Когда явился к изголовью врач,
То стал искать пути к здоровью врач,
Но, колбу увидав с мочой больного,
Решил: больной не исцелится снова.

Он быстро таял на глазах врача, —
В себе таила смерть его моча.
В ужасных муках тяжкого недуга
Кончались дни злосчастливого супруга,
И вечность сжалилась над ним и вдруг
Его от всех освободила мук,
От вожделения спасла больного,
И он из плена вырвался земного,
Из клетки мира вырвалась душа,
В потусторонний, вольный мир спеша.
Чтоб вечно жить, скончался он, страдая.
Возможность разве есть у нас другая?
Душа сначала боль познать должна:
Тогда лишь будет в плоть заключена.
Ты в боли пребываешь в сей юдоли
И оставляешь землю, полон боли.
Существованье — боль, и боль — исход.
О, этот мир, где в боли боль живет!
Лишь тот избегнет боли и кручины,
Кто умереть способен до кончины. . .
Лайли, скорбя от Кайса вдалеке,
Влачила дни в унынье и тоске.
По мужу траур — средством был, не боле,
Чтоб сердце облегчить от тяжелой боли.
Сгустилась боль в ее груди в клубок,
И вздох ее был жарок и глубок,
И слезы траура ей облегчали
Возможность выражения печали.
Когда она рыдала: «Милый друг!»
И жемчуг слез блистал, — то не супруг
Предметом был ее мольбы унылой:
Другой мерещился ей образ милый.
Надев одежды горя и беды,
Сидела по обычаю идды.
Рыдала по ночам на скорбном ложе,
Но имя в помыслах — одно и то же.
В слезах и горе пребывала днем,
Но плакала — о нем, всегда о нем:
Она печать использовала вдовью,
Чтоб вволю плакать над своей любовью,
И замолкали злые языки
При этих звуках горя и тоски.

**МАДЖНУН ПЛАЧЕТ, УЗНАВ О СМЕРТИ
МУЖА ЛАЙЛИ, И ДОСТАВИВШИЙ ЕМУ ЭТУ ВЕСТЬ
СПРАШИВАЕТ О ПРИЧИНЕ ЕГО СЛЕЗ**

Тот, кто пришел к Маджнуну через степи,
Тем самым разума разбивши цепи,
Чьи речи о замужестве Лайли
Безумного скитальца потрясли, —
Решил смягчить удар непозабутый,
Играя на струне, любовью свитой.
Узнав, что сделалась Лайли вдовой,
Помчался в степь глухую верховой,
И долго он скакал в пыли блужданий,
И отыскал Маджнуна в глухомани.
Сказал он: «Для тебя отрада есть.
Произнести позволь мне эту весть.
Колючка на твое упала поле,
Пронзила душу, ты кричал от боли,
Но ветер смерти без следа унес
Причину горестей твоих и слез,
А говоря короче — новобрачный
Ушел из сей юдоли жизни мрачной,
Ушел, унес навеки свой недуг,
А бытие тебе оставил вдруг».
Маджнун, узнав, что муж Лайли скончался,
Что он с юдолью бренной распрощался,
Заплакал, словно облако весной,
Стеная, извиваясь, как больной.
Не понимая, почему он плачет,
Тот вестник спросил: «Что это значит?
О государь влюбленных, ты велик,
Ты в тайну таинства любви проник.
Не ты ль кричал в тоске невыразимой,
Услышав о замужестве любимой?
Не ты ль весь мир в отчаянье поверг
Так, что в глазах вселенной свет померк?
И вот, когда соперник твой скончался
И с этой вестью я к тебе примчался,
Как и тогда, горюешь ты опять,
Ты снова начал плакать и стенать.
Как согласишь слезы те и эти?
Ответствуй мне, нуждаюсь я в ответе!»

Сказал Маджнун: «Я плакал в первый раз,
Затем что душу этот брак потряс.
Тот, кто не плачет от душевной раны,
Не человек, а камень бездыханный.
А ныне потому я слезы лью,
Что пламень душу охватил мою.
Тот, кто не только серебро и золото,
Кто отдал всё, чем жизнь была богата,
Кто мир отверг, чтоб с милой быть вдвоем,
Кто стал для юной розы соловьем,
Чьим домом сделался цветник любимой,
Чьим светочем зажегся лик любимой, —
Скончался, не познав ее любви,
Не увенчав сближеньем дни свои.
И я бреду за милой дни за днями,
И тысяча фарсангов между нами.
В пещере сплю в неведомом краю,
В глухой степи я утро застаю.
Мы и мечтать не смеем о сближенье,
Нам не поможет и воображенье,
Мы только в том сближенье познаем,
Что страждем в мироздании одном,
Что по одной земле ступаем оба,
Что будут в той земле два наших гроба.
Ты знаешь, смертью я умру какой?
В пыли разлуки лягу, как изгой.
Провижу — этот час наступит вскоре,
Я из груди исторгну пламя горя,
Со всеми разлучен, не только с ней,
Я лягу средь колючек и камней.
Мне будут сострадать одни лишь звери,
И лишь газель заплачет о потере,
И вспомню я газель — отраду глаз,
И, руку протянув, в последний раз
Я притяну газель в объятия страстно,
И без сознания отойду безгласно.
Душа с сознанием пустятся в полет,
А мир мою кончину осмеет.
В могиле мне устроят новоселье,
Когда покину кладбище газелье,
В могиле сохраню свою любовь,
Пока из мертвых не восстану вновь.

Тот, кто стезю скорбей избрал заране,
Чье сердце — в язвах горя и страданий,
Себя счастливец да не смеет счесть,
О смерти недруга услышав весть.
Как посмеюсь над бедствием другого,
Коль сам страшусь я бедствия такого?
Забудет ли сей злобный небосвод,
Когда и чей приблизится черед?
Вчера сопернику нанес он рану,
А завтра я добычей смерти стану.
Не лучше ль плакать над своей душой,
Чем радоваться гибели чужой?
Кто истинный мудрец в земной юдоли?
Тот, кто чужой не радуется боли!»
Сказав, Маджнун прощенья попросил
У вестника, что выбился из сил.
Тот к землякам помчался по долинам,
Остался Кайс в сообществе зверином.

**МАДЖНУН ПРИХОДИТ К СТОЯНКЕ ЛАЙЛИ
И ВСТРЕЧАЕТ ПСА, КОТОРОГО КОГДА-ТО
ВИДЕЛ НЕПОДАЛЕКУ ОТ ЕЕ ШАТРА**

Тот, кто явил нам ожерелье строк,
Такую речь правдивую изрек:
Тот, кто утратил в бренном океане
И разума, и сердца достоянье,
Разбил благополучия ладью,
Препоручив обломкам жизнь свою, —
Теперь узнал от вестника благого,
Что нет в живых соперника былого,
Что может он к возлюбленной прийти,
Поскольку нет преграды на пути,
Что розы ветер не коснулся даже,
Что юная луна взошла без стражи!
От силы исступления живой
Он побежал быстрее, чем верховой:
Как бы верблюдница была той силой,
Что принесла его к стоянке милой!
Растерян, он метался в том краю,
Искал Маджнун любимую свою.

Внезапно средь безмолвия степного
Увидел пса, бессильного, больного.
Для бега и охоты был он слаб:
Иссякла мощь его недужных лап.
Парша изъела шерсть, а морда — в шрамах
От злых укусов хищников упрямых.
Так исхудал он посреди песков,
Что ребра выпирали из боков.
То был мешок с костями затверделый,
Чехол, натянутый на лук и стрелы!
Обезволосел хвост — казаться мог
Как бы змеей, свернувшейся в клубок.
Пасть обеззубела, а зубы эти
Перегрызали прежде всё на свете!
Иль с голоду остатки сил собрал
И собственные зубы он сожрал?
На теле язва страшная на язве, —
От язв мучительных не взвоешь разве?
Как рты, разъяты язвы, а клоки
Мышц, мяса, кожи — словно языки.
В тех язвах-ртах торчат, как зубы, кости,
И, кажется, они скрипят от злости.
Нет, нет, на теле кожа — точно сеть,
На чьи ячейки больно вам смотреть,
Но застревали мухи, а не лани
В ячейках сети — в каждой рваной ране.
Заносчиво дразня больного пса,
Говаривала хитрая лиса:
«Губитель тигров, лев свиреполицый,
Вступи в сражение с немощной лисицей!
Где шерсть твоя? Ты хочешь жить с людьми?
О голый, шубу ты с меняними!»
Маджнун, увидев пса, душой смутился,
Как по щеке слеза, в песок скатился,
Пред псом сто раз поцеловал он прах,
Как тень валяясь у него в ногах.
Чтобы не больно было стертой коже,
Из мягкого песка устроил ложе,
В подушку — в умиление и любви —
Для пса колени превратил свои.
Слезам язва он омыл и тело
Его чесал и гладил то и дело,

Прогнал он мух, что возлюбили гниль,
Страхнул с боков, спины и морды пыль.
Уврачевав страданья пса больного,
Уста открыл он для такого слова:
«Ошейник твой — свидетель добрых дел:
Ты ожерелье верности надел!
Ты верность, преданность в закон возводишь
И этим человека превосходишь,
Добыв кусок еды, из тех же рук
Ты сто камней готов отведать вдруг.
Ты днем — пастух, а ночью — сторож верный,
И даже львам внушаешь страх безмерный.
Твоей расплаты убоился вор,
И волк с тобой вступить не смеет в спор.
Ночных бродяг ты лаем устрашаешь,
В ночную стражу бдительность вселяешь.
Один твой голос на путях земных
Ценнее сотен стражников ночных.
Ты — лев, когда стремглав летишь во мраке,
Страж пред тобой — ничтожнее собаки.
Тем, кто во мраке не нашел дорог,
Твой лай добраться до дому помог.
Тем, кто во тьме сошел с пути неожиданно,
Твой лай звучит, как музыка органа.
Тем, кто с пирушки движется домой,
Твой лай — как звук родной во тьме ночной.
Когда охоты познаешь ты счастье,
Сам властелин твоей покорен власти.
Пускай твой поводок — в его руке,
Но кто кого ведет на поводке?
Ты — в беличем меху, в шелку немятом,
Ошейник блещет жемчугом и златом.
Вперед умчишься — за тобой коня
Погонит царь, доспехами звеня.
Еду, которая тебе желанна,
С его ты получаешь дастархана,
А за добычей, полон быстроты,
Он так же страстно гонится, как ты.
Твой бег таков, что даже птиц тревожит,
И тень твоя тебя догнать не может.
Что птица? Вихрь твою изведаль власть,
И он тебе попасть боится в пасть!

А сколько лис твои узнали зубы,
Когда, нагнав, ты разрывал их шубы,
И даже было жалко тех бедняг,
Когда им шубы зашивал скорняк.
Тебя страшился барс на горных кручах,
Он убегал от лап твоих могучих:
Хотя отвагой, мощью обладал, —
Как в крепости, сидел он между скал.
Твой норов понял лев, и царь животных
Со страху скрылся в зарослях болотных:
Хотя в тех тростниках — обилье стрел,
Он воевать с тобою не посмел.
Пугал ты стадо целое оленьё —
Так лань могла ль с тобой вступить в боренье?
На всем бегу настигнутый тобой,
Добычей делался онагр любой.
Лишь зайцу стоило тебе присниться —
Сон убегал: ведь сон тебя боится!
Таков рассказ о юности твоей,
О радости твоих начальных дней.
И вот, когда пришел твой день постылый,
Когда не стало в лапах прежней силы, —
Кто благодарность в дар тебе принес?
Тебя с презреньем вышвырнули, пес!
Пока со смертью вместе я не лягу,
Да не забуду я тебя, беднягу!
Давно ль ты верным был слугой Лайли?
Давно ль ты охранял покой Лайли?
Пускай судьбою ныне ты обижен,
Лишен сей чести, в звании унижен,
Я ниже пал, твоих достоин слез:
Твой хвост — ошейник мой, я есмь твой пес!
Давай с тобою участь мы разделим,
Ошейник твой мне станет ожерельем,
Надев ошейник верности Лайли,
У ног твоих коснусь лицом земли:
К ее шатру те приближались ноги,
Или бежали по ее дороге,
Или ступали вокруг ее шатра,
Всю ночь не отдыхая до утра.
На госпожу смотрели дорогую
Твои глаза, и я их поцелую.

С ее дороги ветер поднял прах
И сделал прах сурьмой в твоих глазах.
Твой хвост — кольцо у милого порога —
Оправлю в жемчуг слез, а их так много!
К тавру, что выжгли на твоём бедре, —
Знак верности читаю в том тавре, —
Я сердце приложу: какое счастье —
Ожог тавра ожечь ожогом страсти!
Короче: весь ты, сутью всей — как весть
О милой, чья судьба — сиять и цвести.
Когда вода в ручей вернется снова,
Когда воспрянешь у шатра родного,
Когда получишь доступ к тем дверям,
К ее высокой милости дарам,
На прахе заповедной той округи
Следы увидишь ног моей подруги, —
Ты поцелуй тот прах и тот порог:
То я следы целую легких ног!
Когда в шатре подруги будут гости
И ты из рук ее получишь кости,
То помни, верен щедрому шатру:
Я — сотрапезник на твоём пиру!
Когда порог моей любви безгрешной
Ты будешь охранять во тьме кромешной,
Ты помни, что и я в дали глухой
Не сплю, храня возлюбленной покой.
Когда заговорят весною грозы
И на шатре подруги вспыхнут слезы, —
Чтоб сжалилась она, начни рассказ
Про слезы из моих бессонных глаз.
Когда, не зная сна, подруга выйдет
В вечерний час, луну в степи увидит,
Отрадный сон ты на нее навей,
Ей передав слова любви моей:
„Губительница львов оцепенелых!
О ты, чей меч окрашен кровью смелых!
Доколе, обезумев от любви,
В скитаньях буду дни влачить свои?
Вдали от милой и моих стремлений
Я другом стал онагров и оленей.
Я, жалкое игралище судеб,
В пыли разъединения ослеп.

Сегодня, обескровленный любовью,
Я к твоему приблизился становью.
Боюсь, еще на шаг ступлю вперед —
Отчаянье мне сердце разорвет.
Едва одна разрушится преграда,
Уже сто новых одолеть мне надо.
Надежды льва как будто бы сбылись,
Но льва подстерегает хитрый лис, —
Его, идущего к тебе в тревоге,
Погубит лис коварный, хромоногий.
Меня, страдальца, воодушеви —
Как лев я буду на путях любви.
Отвагу льва я проявлю повсюду
И на твое ристалище прибуду,
Добычу, возвещенную судьбой,
Найду в соединении с тобой.
А если не достигну этой цели,
То смерти я боялся ли доселе?
Ты — от меня, я — от тебя, вдвоем,
Когда умру, свободу обретем“».

**МАДЖНУН НАДЕВАЕТ БАРАНЬЮ ШКУРУ
И ПРИХОДИТ К ШАТРУ ЛАЙЛИ
ВМЕСТЕ С ЕЕ СТАДОМ**

Так извлекает мастер остроглазый
Ядро из скорлупы сего рассказа:
Тот, кто, избрав духовную тропу,
Познал любви ядро и скорлупу,
Измучился от боли нестерпимой,
Когда достиг становища любимой.
Идти к Лайли? На это есть запрет.
Страдать вдали? Но силы воли нет!
Чем ближе был к любимой одержимый,
Тем исступленней жаждал он любимой.
В смятении блуждал он в том краю,
Не зная, чем утишить боль свою.
У всех, кто видеть мог его мытарства,
От ран сердечных он просил лекарства,
Кого бы ни встречал на том пути,
Себе на помощь он просил прийти.

Однажды он в степи увидел стадо,
И родилась в его груди отрада.
Был запах амбры в поднятой пыли:
Владели стадом родичи Лайли.
Лик пастуха сиял нездешним светом:
Как бы Лайли жила в сиянье этом.
Сказал Маджнун: «Из шерсти твой палас, —
Не в нем ли благодать Мусы зажглась?
Взойдешь на холм — и станет холм Синаем,
А сам Синай тобою озаряем.
Твой посох эту землю осенил,
Его страшится сфер небесных Нил.
Куда бы ни попал твой посох ярый,
На хищников обрушит он удары,
Он только с виду посох, ибо он
Для недругов — губительный дракон.
Твоя праща на поле каменистом
Внушает страх зверью тревожным свистом.
Когда раскручиваешь ты пращу,
Решая: «Камень в хищника пушу», —
Дрожит свирепый волк, разбойник старый,
Бежит в испуге от твоей отары.
А если камень из пращи метнешь
Во Льва зодиакального, то дрожь
Почувствует сей Лев и трепет страшный
И в страхе бросится с небесной башни.
Ты всех поишь из чаши молоком,
Заботишься о здравии людском.
Спешит сей мир — с зарею ли, с закатом —
Дать молоко ягнятам и козлятам,
И только мне, чья жажда глубока,
Ни капли не дает он молока.
Не будь, как этот мир, жесток, прошу я,
Дай молока один глоток, прошу я!
Прошу такого молока, пастух,
Чтобы не плоть усилилась, а дух.
То есть прошу любви, великодушья,
О, сжался надо мной, душа пастушья,
Ты помоги мне ласки молоком,
К Лайли меня ты отведи тайком,
Чтоб, сидя в тихом уголке, незримый,
Я мог увидеть красоту любимой.

Ты на меня надень ошейник пса,
Чтоб воссияла мне ее краса.
Как пес, улягусь, может быть, на лапах,
Ее порога обоня запах.
А нет — я облачусь в иной наряд:
Она — пастух, бараном стать я рад!
С душой разбитой, я лишен и тела.
О, где та плоть, чтоб остов мой одела!
Да принесет мне счастье этот день:
Баранью шкуру на меня надень.
Да спутниками будут мне бараны:
Войду в приют заветный и желанный.
Как только мы достигнем той земли,
На стадо бросит беглый взгляд Лайли,
И окажусь я тоже в этом взгляде,
И на нее взгляну, сокрытый в стаде».
Сказав — как тень, бессильный, он упал,
Как мертвый, в прах могильный он упал.
Луна и Рыба — всей Земли опора —
Шли мимо, древний путь свершая скоро,
И вот уже над степью день потух.
Сидел над ним и слезы лил пастух.
Когда Маджнун пришел в себя и горе
Еще сильнее зажглось в печальном взоре,
Сказал пастух, безумца возлюбя:
«О потерявший самого себя!
Обрадуйся — настала ночь влюбленных,
Настало время встречи разлученных!»
Затем баранью шкуру он принес.
Сказал: «Ступай к Лайли, не зная слез.
Пляши, вступив в сообщество баранье,
Будь радостен в зверином одеянье.
Лайли, быть может, как и в прошлый раз,
Всё стадо обойдет в вечерний час
И вдруг тебя узнает, улыбнется,
Ладонью ласковой тебя коснется».
Маджнун, узнав, что свет его души
Обходит стадо вечером, в тиши,
Надел баранью шкуру, в новой коже
На четвереньки встал, с бараном схожий,
Ногам двумя руками он помог,
Стал, как животное, четвероног.

Так, горем согнутый, бежал он рядом —
Спина к спине, нога к ноге — со стадом.
К любимой, всем преградам вопреки,
Спешили две ноги и две руки.
И говорил он про себя: «О боже,
В какой меня теперь ты видишь коже!
Она дороже и почетней всех:
Пред ней тускнеет серой белки мех!
Чтоб увидеть нежнейшую из гурий,
Я вон из кожи лезу в этой шкуре!»
Так сам с собою вел он разговор,
Когда Лайли увидел он шатер.
Четырнадцатидневною луною
Лайли тропинкой двинулась степною,
Остановилась в тот вечерний час:
Она со стада не спускала глаз.
Прошли пред нею овцы, и бараны,
И козы, и один пугливый, странный
Баран замедлил, трепетом объят, —
Был человеческим печальный взгляд.
Он выдержку утратил и терпенье,
Власть над собой он потерял в смятенье,
Издав он вопль, в беспамятстве упав,
Как ствол, что срублен средь зеленых трав.
Лайли узнала сразу грустный голос
Любимого, чье сердце расколосось.
Он шкуру распластал — сухую плоть,
Уже не в силах горе побороть,
Он потерял сознание и разум,
Не слышал ухом и не видел глазом.
Она его в объятья приняла,
Омыв слезами пыль с его чела.
Едва почувствовав ее дыханье,
Пришел он из беспамятства в сознанье,
Взглянул, сложил ладони перед ней,
Упал в земном поклоне перед ней.
Сказал: «Очей отверстых ты зеница,
Ты — храм для тех, кто жаждет поклониться,
Ты — горной розы благодатный цвет,
Ты — всех достоинств незакатный свет,
Ты — на горе престол, я — пыль земная.
Как жаль, что я — такой и ты — такая!

Поверю ль, падший и едва живой,
Что над моей ты светишь головой!
Пристало ли престолу в выси горной
Быть утвержденным над травой сорной?
Ужель в руках держу я твой подол?
Иль грежу я? Иль я с ума сошел?
Сон винопийцы есть не что иное,
Как умопомрачение хмельное.
Тебя, не предназначенную мне,
Ужели тоже вижу я во сне?
Но чудный сон, в котором ты приснилась,
В котором даришь мне покой и милость, —
Не сон, а бденье радости моей,
Свидетельство, что стал мой взор ясней».
Лайли, его любви увидев прочность,
Его речей огонь и беспорочность,
Сказала: «Мой вечерний гость, поверь,
Что радостна моя душа теперь,
Но меж друзьями не нужна преграда,
Чужую шкуру надевать не надо!
Сбрось эту шкуру, сделай мне добро,
От скорлупы освободи ядро,
Да посвятим друг другу два-три слова,
Являя нашу тайну без покрова».
Луна взошла, и засияла ночь.
Былые тяготы умчались прочь.
Они сидели вместе до рассвета,
Текли слова, не ведая запрета.
Сто повестей поведали уста
О том, как боль сильна, любовь чиста.
Еще осталось сто повествований,
Когда запела птица расставаний.
Взметнул рассвет свой волчий хвост — бунчук,
Пастух проснулся, громко вскрикнул вдруг.
Услышав этот крик и опечалась,
Влюбленные друг с другом распрощались.
Она вступила, стройная, в шатер,
Он залил кровью слез степной простор.

**МАДЖНУН В ОБЩЕСТВЕ НИЩИХ ПРИХОДИТ
К ШАТРУ ЛАЙЛИ, ОНА РАЗБИВАЕТ ЕГО ЧАШУ,
И ОН ЭТОМУ РАДУЕТСЯ**

Когда слагатель повести старинной
Рассказ о шкуре прочитал звериной,
Он с речи трепетной покров совлек
И предложил нам сахар этих строк:
Познавший, как тимпан, удар по коже,
Расставшись с ней, что жизни всей дороже,
В бараньей шкуре — ночью, утром, днем —
Скитался Кайс в безлюдии степном:
Ценил ее, как память о любимой,
Хранил ее, как дар неоценимый.
Но шкуру содрала судьба с него,
Оставила скитальца без всего.
Страдал он, как враги того хотели:
Нет милой рядом, шкуры нет на теле!
Без милой кто он в мире? Мертвый гость.
Без шкуры кто он в мире? Пыли горсть.
Так время шло, душа его пылала
И дымом даль степную застилала.
Однажды в полдень в том краю глухом
Свалился он, как тень, пред пастухом,
Чью доброту уже изведal дважды.
Сказал в огне неуголимой жажды:
«О врач моей измученной души,
Прошу я, боль мою ты утиши.
Я умер, я убит людскою злобой,
Прошу я, воскресить меня попробуй.
В разлуке с милой смерть познав свою,
Уже я дух вручил небытию,
Но ты, второй Иса, велик деяньем,
Меня чудесным воскреси дыханьем.
Нельзя мне без нее существовать.
Прошу я, помоги ты мне опять».
Пастух заплакал от сердечной боли,
Сказал: «О друг, достойный лучшей доли,
Как много ты страданий перенес!
Из-за тебя я плачу кровью слез.
Да будешь ты судьбой своей услышан
И на престоле радости возвышен.

Ни в чем, уразумеv твою беду,
Я лучшего лекарства не найду,
Как в следующем: твой кумир манящий,
Лайли, что молока и меда слаще,
Еженедельно, беднякам близка,
Готовит им еду из молока,
Всем сердцем предлагает братье нищей
Поужинать молочной, свежей пищей.
Отверженные из окрестных мест,
Кто ничего из рук судьбы не ест,
Стремятся к ней, взыскуя состраданья;
Из рук ее взыскуя пропитанья.
Сама хозяйка кормит всех бедняг,
Держа в руке свой разливной черпак,
И, сколько помещается в сосуде,
Дает еды, чтоб радовались люди.
Чужой и свой, кто пищей обделен,
К ее шатру текут со всех сторон.
Как раз сегодня к ней придет на ужин
Убогий люд, что с нищетою дружен.
Ступай же с чашей, попроси еду,
Иди с голодными в одном ряду.
Быть может, там, где ест голодный вволю,
От тех щедрот и ты получишь долю».
Маджнуну эта весть ласкала слух.
Он сделал так, как предложил пастух.
К возлюбленной, надеждою объятый,
Отправился он с чашею щербатой.
Вступил он, полон горя, в тот приют
И видит: сотни горемык бредут,
Подходят к той, кто всех добрей и краше,
И подставляют суповые чаши,
И получают — жертвы бед и мук —
Желанную еду из милых рук.
Когда ее Маджнун увидел — разом
Его покинули душа и разум.
Едва он не упал в дорожный прах,
С трудом удерживаясь на ногах.
Он вслед за всеми к ней стопы направил
И, как другие, чашу ей подставил,
Но та, кто столь добра была к другим,
Совсем иначе поступила с ним:

Любимого она не накормила,
А чашу черпаком своим разбила.
Но был Маджнун так счастлив в этот миг,
Как будто он желанного достиг.
Маджнуна опьянили, как раденье,
Ее удар и черепков паденье.
Плясал он, черепкам разбитым в лад,
Запел — и сразу стал напев крылат:
«Я наяву свою мечту увидел,
Я ныне счастья полноту увидел.
Она меня всем прочим предпочла,
Когда удар по чаше нанесла.
Лишь я был ею отличен открыто,
И чаша лишь моя была разбита.
Жаль — не разбила самого меня:
Я лучшего не знал бы в жизни дня!
Пришелся бы удар, меня потрясший,
По голове моей, а не по чаше, —
Я, с гордо поднятою головой,
Проник бы в таинство любви живой.
Уйду с разбитой чашей от любимой,
Но лишь о том тревожусь я, гонимый,
Чтоб, разбивая чашу бедняка,
Не заболела нежная рука.
Пусть будут лучше сто голов разбиты,
Пусть будут кровью сто сердец облиты!
Она мне в сердце свой вонзила меч,
Но можно ли мою любовь рассечь?»

**МАДЖНУН ВСТРЕЧАЕТ ЛАЙЛИ
НА ОДНОЙ ИЗ ДОРОГ И ЗАСТЫВАЕТ НА МЕСТЕ
В ОЖИДАНИИ ЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ;
ПТИЦЫ ВЬЮТ У НЕГО НА ГОЛОВЕ ГНЕЗДО**

Тот славный музыкант, певец искусный,
Кто был создателем сей песни грустной,
Такую тронул из чудесных струн:
Не радовался более Маджнун
Тому, что чашу милая разбила,
Опять блуждал он скорбно и уныло,
В огне разлуки пламенел опять,
Уже не в силах плакать и стенать.

Куда бы ни пошел он степью ровной,
Под ним земля как бы была жаровней,
Он прятался в тени гранитных скал —
От пламени спасения искал.
Под бременем невидимого груза,
Терпя жару полдневную тамуза,
Вошел в шатер отверженных — под сень
Большой акации, простирающей тень.
Он стал смотреть, как часовой с твердыни,
На все четыре стороны пустыни —
И видит: люди издали спешат,
Как бы пустыню превращая в сад.
Они величием, знатностью блистали,
В богатых паланкинах восседали.
Чтобы в степи найти на время кров,
Они разбили множество шатров. . .
Влюбленные, в своем безумье ложном,
Всегда безумствуют о невозможном, —
И сердце Кайса грезой обожглось:
Несбыточное, может быть, сбылось?
Быть может, видит он на этом месте
Весь род Лайли, пришедший с нею вместе?
«Увы, — себе сказал он, — это бред.
На невозможное надежды нет!»
Но вот среди других — одна явилась,
Среди блестящих звезд — луна явилась,
И вслед за нею, не боясь жары,
Красавицы покинули шатры,
Легко и плавно по земле ступая, —
Их тешила, казалось, пыль степная.
Маджнун подумал: «Кто идет сюда?
Они — источник пользы иль вреда?»
А путницы к нему спешили с думой:
«Кто обитатель сей земли угрюмой?»
Когда они поближе подошли,
Кого же увидал Маджнун? — Лайли!
Служанок и подруг с ней было много,
С его путем сошла ее дорога.
Как только он взглянул на стройный стан,
Упал Маджнун, смятенным обуян,
В беспомощности он был подобен тени.
Лайли, над ним склонившись, на колени

Возлюбленного голову взяла
И зарыдала от людского зла.
Почуяв пламя слез, Маджнун очнулся,
И разум к одержимому вернулся.
Глаза их встретились в нежданный час,
И сразу же печаль ушла из глаз.
Все тайны сразу стали им известны,
Был сразу жемчуг просверлен словесный.
О, пусть нигде в обители мирской
Прощанье не становится тоской!
Маджнун сказал: «Меня оставишь ныне
Блуждающим среди глухой пустыни,
Но ты, в меня вдохнувшая любовь,
Скажи: когда с тобой увижусь вновь?»
Она сказала: «Мы продлим беседу.
Я этим же путем назад поеду,
И если будешь здесь тогда стоять,
То мы с тобой увидимся опять».
Она ушла, а он в глуши остался,
Он, словно тело без души, остался.
Ушла очей похитившая свет,
А он в отчаянье смотрел ей вслед,
Стоял среди внезапного затишья
И о разлуке складывал двестишья.
На месте он стоял, как обещал.
Как дерево, стоял он и молчал.
Так, в исступленье страсти непостижной,
Маджнун стоял под солнцем, неподвижный.
Над ним простерла птица два крыла,
Гнездо на голове его свила.
В его кудрях, венчавших лба величье,
Как жемчуг, засверкали яйца птичьи,
И вылупились птенчики, и ввысь
Они с любовной песней поднялись.
Кто знает, сколько дней над ним промчалось?
Лайли домой пустыней возвращалась.
Вовеки не забудется тот час!
Она сошла с верблюдицы тотчас.
Когда, утомлены дорогой трудной,
На отдых все легли в степи безлюдной,
Она, сияя, поднялась в шатре,
В полдневный час подобная заре,

Обула ноги, покидая ложе,
В сапожки из пахучей козьей кожи.
Затем в небесно-голубой атлас
И в йеменские ленты облеклась,
Украшила себя, как древо рая,
Собой предмет всех помыслов являя.
Как куропатка горная мила,
Подобна пальме стройной, подошла
К Маджнуну, что стоял оцепенелый,
Давно покинув разума пределы.
В любовь он погрузил всё существо,
Не видел и не слышал ничего.
Окликнула его чуть слышно, нежно,
Но он молчал — сурово, безнадежно.
Воскликнула: «О верности звезда,
Ты верность исповедуешь всегда,
Взгляни на ту — я так тебя жалею, —
Кто сделал верность верою своею!»
Сказал он строго: «Кто ты? Мой покой
Зачем тревожишь ты в степи глухой?»
Она сказала: «Я твое стремленье,
И озарение, и ослепленье.
Я та, которой очарован ты,
Я та, которой крепко скован ты!»
Сказал: «Ступай. Моя любовь, пылая,
Сожжет весь мир от края и до края.
Сгорел твой внешний облик в том огне,
Всё внешнее отныне чуждо мне.
Когда мой челн познал любви бездонность,
Что для меня обычная влюбленность?
Влюбленного сперва влекут черты
Не внутренней, а внешней красоты,
И гибнет он, измученный, во власти
Пылающей, неутоленной страсти.
Что мир необозримый для него?
Весь мир — в одной любимой для него!
Но, истинной любви познав законы,
Над страстью возвышается влюбленный.
Он — в Черном море, где его ладья
Уж не страшится бурь небытия.
Любовью стало то, что было страстью,
И целым стало то, что было частью.

Он отмечает двойственность четы,
Не делит он двоих на «я» и «ты»,
И то, что было некогда двоично,
И противоречиво, и различно, —
В извечную любовь претворено,
И двое сочетаются в одно».
Лайли такой не ожидала встречи,
И ранили ей сердце эти речи.
Услышав, что безумец говорит,
В отчаянье заплакала навзрыд:
«Из-за меня упал он в бездну страсти,
Из-за любви ко мне — его несчастье.
Покинув упования чертог,
Он погрузился в бедствия поток.
Мы никогда теперь не будем вместе,
Мы друг о друге не услышим вести.
Он стал, безумный, пленником скорбей,
И капли не вкусив любви моей».
Она пошла к шатру в слезах, в печали,
Смятением ее слова звучали:
«Зачем источник бытия живой
Нас не поит водою питьевой?
Нас подавляет небосвод неправый,
Из чаши мира нас поит отравой.
Мы были двое, чья любовь светла,
Мы были двое, далеки от зла.
Кипела влага счастья в нашей чаше,
Свод неба исполнял желанья наши.
Но были мы судьбою сбиты с ног,
И я — одна, и милый одинок.
И низости, и бессердечья руки
Разъединили нас мечом разлуки.
Он, близок к смерти, от меня далек,
Я без него — как тонкий волосок.
Его жилье — небытия долина,
А жизнь моя — уныла и пустынна.
Страдает он, раздавлен, — без меня.
Лежит он, окровавлен, — без меня.
Я без него — лишь смерти ожиданье,
Я без него — бесплотное мечтанье.
Надеяться я больше не должна:
С любимым я навек разлучена.

Пусть никого не обжигает боле
Ожог такой неисцелимой боли!»
Рыдая, села в паланкин Лайли:
Пора откочевать из той земли!
Покинул Кайс урочище глухое,
Пошел искать прибежище другое:
Он ждал Лайли, вздымая бремя бед,
Теперь ушел, исполнив свой обет,
Чтобы любить еще самозабвенней
В сообществе онагров и оленей.

**НЕКИЙ БЕДУИН УЗНАЕТ О СОСТОЯНИИ МАДЖНУНА,
НАВЕЩАЕТ ЕГО, ПРОВОДИТ С НИМ НЕСКОЛЬКО
ДНЕЙ И ЗАУЧИВАЕТ НАИЗУСТЬ ЕГО СТИХИ**

Вожатый каравана этих строк
Так кличет посреди земных дорог:
Жил бедуин, понравился бы сразу
Он самому придиричивому глазу.
Утонченных речений чародей,
Он чистотою восхищал людей.
Когда он пел, вблизи и в отдаленье
Все знатоки пылали в иступленье.
Узнал он, что Маджнун скорбит в глуши,
Что все его газели хороши.
Поводья чувств его схватила повесть
О юноше. В дорогу приготовясь,
Помчался на верблюдице вперед,
Туда, где обитал Маджнуна род.
Ему сказали: «Нет его в помине,
Он дружит лишь с животными пустыни,
Он человеческий покинул род,
Как дикий зверь он по земле бредет».
Услышал это бедуин с тревогой
И на верблюдице проворноногой,
Как быстрый вихрь, навстречу всем ветрам,
Помчался по долинам и горам.
И что же пред его возникло взглядом?
Маджнун — пастух — стоит с газельим стадом,
Стоит недвижно, взоры вдаль вперив, —
От прочих букв отторгнутый алиф.

Пучками трав он спереди и сзади
Прикрыл срамные части, стоя в стаде,
Он густотою черною волос,
Как дикий зверь, до пояса оброс,
И, словно тонкий волосок, чернело
Худое, обессиленное тело.
Приветствовал Маджнуна бедуин,
Но, сына увидав степных равнин,
В испуге на пришельца посмотрели
И в сторону шарахнулись газели.
Кайс поднял камень, чтоб в него швырнуть,
Вскричал, непримирим: «На этот путь
Зачем ступил ты? Здесь, в долине бедствий,
Пусты и не нужны слова приветствий.
Друзья сошлись, мне преданность храня.
Зачем ты отпугнул их от меня?
Ступай отсель, покинь мое глухое
Прибежище, оставь меня в покое.
Ты — раб страстей, я — без оков живу,
Я — волен, ты — покорен естеству.
Что общего, подумай, между нами?»
Но длинными не возразил речами
Маджнуну бедуин — он песнь завел,
То боли и смятенья был глагол,
То страсти и страданья были строки,
То был душе Маджнуна дар высокий.
Был очарован Кайс его стихом,
Сдружился с ним, как сахар с молоком,
Он одарил пришельца дружбой высшей,
Его осыпал сахаром двестиший,
Ему он сто газелей подарил:
Сто звонких ожерелий подарил.
Стал бедуин жемчужницей сплошною:
Он раковиной сделался ушною!
Он жемчуга нанизывал на нить
Запоминанья, чтоб в душе хранить,
Весь день внимал его стихотвореньям,
Всю ночь он занимался повтореньем;
То, что выслушивал от Кайса днем,
Заучивал в безмолвии ночном.
Четыре дня кочевник, с правдой дружен,
Заучивал слова стихов-жемчужин.

Верблюдица страдала без воды,
И бедуин прервал свои труды.
Покинул он Маджнуна без обиды,
А в памяти увез его касыды.
Он стал читать их людям наизусть,
И всех испепеляли боль и грусть.

**БЕДУИН ХОЧЕТ СНОВА НАВЕСТИТЬ МАДЖНУНА
И ПОСЛЕ ДОЛГИХ ПОИСКОВ НАХОДИТ ЕГО МЕРТВЫМ
С МЕРТВОЙ ГАЗЕЛЬЮ В ОБЪЯТИЯХ**

Художник, рисовавший лист заглавный,
Стряхнул такую каплю с кисти славной:
Кочевник, благородный бедуин,
Глава шатров, кочевий господин,
Домой вернулся, Кайсом восхищенный,
И жил, в свои занятия погруженный,
Но так хотел страдальца повидать,
Что сел он на верблюдицу опять.
Помчался к племени амир сначала,
Дабы услышать: что с безумцем стало?
Сказали: «Вот уже два долгих дня,
Как ничего не ведает родня.
Его следы затеряны в пустыне.
Иль нет его и не было в помине?
Никто из нас найти его не мог.
Да милостив к страдальцу будет бог!»
Поспешно встал кочевник благородный,
Отправился в пустынный край бесплодный,
По скалам горным, по камням долин
Промчался словно ветер бедуин.
За пядью пядь всю обыскал округу,
Но не нашел следов, ведущих к другу.
Надежду потеряв, тоской объят,
Уже решил он повернуть назад,
Как вдруг увидел утренней порою
Стада животных диких под горою.
Помчался всадник молнии быстрее,
Найти надеясь друга среди зверей.
Пред бедуином расступились звери,
И он увидел мертвого в пещере:

С газелью, чьи глаза — глаза Лайли,
Лежал Маджнун, лежал мертвец в пыли.
Прах и колючки — ложе и подушка,
А мертвая газель — его подружка.
Рыдали над тягчайшей из потерь
И хищный зверь, и травоядный зверь.
О нем протяжно плакали газели,
О нем олени добрые скорбели,
Лиса, над ним склонясь, его звала
И шкуру на груди разорвала,
И выли волки лютые, и, воя,
Царапали земли лицо живое,
Познал онагр, не ведавший тавра,
Тавро печали у его одра.
Когда увидел бедуин со страхом,
Что зданье дней Маджнуна стало прахом, —
Сказал: «Мы возвращаемся к творцу» —
И, зарыдав, склонился к мертвецу.
Увидел бедуин, что тем страдальцем
Слова на прахе выведены пальцем:
«Я — жертва притеснений и обид.
Любовью и разлукой я убит.
Меня и солнце века не согрело,
И ни одна душа не пожалела.
Тьма жизни отняла источник сил,
Свет жизни мне и милой не светил.
Я мертв, — но кто слезами разразится?
Убит, — но виру платит ли убийца?
Не плакала подруга надо мной,
С моих ланит не стерла прах земной.
Никто от друга не принес мне слова,
Никто не вспомнил странника больного.
Скакал мой пульс, и был мой лоб горяч.
Просил я небо: «Помоги, как врач!»
Но я взывал напрасно к небосводу:
Из чаши марева он дал мне воду!
Я голодал — разрезал небосвод
Мне сердце: «Ешь, и пища впрок пойдет!»
Кому из вас такой удел достался?
Кто в мире сердцем собственным питался?
Я склянку жизни горестной моей
Разбил о камень многотрудных дней.

И я теперь встречаю смерти холод,
Осколками того стекла исколот».
Касыду эту бедуин прочел,
И трепет по душе его прошел,
А пламя в сердце всадника не гасло:
Ведь каждый стих — оливковое масло!
Он, продолжая плакать и пылать,
Погнал свою верблюдицу опять
Туда, где пребывали амириты,
И тень на них отбросил, с ними слитый.
Не тень — огонь упал, сжигая мир
И всех людей из племени амир:
Сердца их вспыхнули от этой вести,
И все родные зарыдали вместе,
Узнав о Кайсе и его судьбе,
Одежды разорвали на себе,
Чалмы низринув, пылью их покрыли,
Кровавая лица, волосы обрили.
Как я печаль родных изображу?
Что ни скажу я — мало я скажу!
Сознание потерял отец несчастный,
Уж ничему в сем мире не причастный,
Сгорело сердце матери дотла,
И братьев скорбь великая сожгла.
Все люди искренно, не лицемеря,
Рыдали: тяжела была потеря!
Все амириты к той горе пошли,
Где бедуином найден был в пыли
Во глубине пещерной Кайс усопший,
И огласил пустыню плач всеобщий.
Лежал он, как презренный, как изгой,
Как бы отторгнут от семьи людской.
Был скорби крик у всех не одинаков,
Ведь сколько близких — столько скорби знаков:
Рыдала мать, склонясь над мертвецом,
И терлась о лицо его лицом.
Рыдал отец кровавыми слезами, —
Пыль стала красной под его ногами,
Газель, что из-за Кайса умерла,
Что пережить страдальца не могла,
С ним рядом поместили на печальных
Торжественных носилках погребальных:

Да возлежит Маджнун, как амирит,
Пока не будет в землю он зарыт!
Они носилки подняли на плечи,
Пошли к шатрам, рассыпанным далече.
Они шагали тихо, не спеша,
И мучилась у каждого душа.
Когда они, раздавлены кручиной,
Свой путь, рыдая, завершили длинный,
Они его омыли кровью глаз,
Что ало по ланитам их лилась,
И саван Кайса оросили кровью,
Поскольку был он умерщвлен любовью.
Сердца изранив, Кайса погребли
В израненной груди родной земли.
Он лег в груди земли, подобно кладу,
Впервые в сердце ощутив отраду.
В земле у ног его легла газель,
Что вместе с ним навек ушла отсель...
Когда родные разошлись, стеная,
Несправедливость мира проклиная, —
К его могиле хлынуло скорей
С вершин и долов множество зверей.
Газели, с воплем, застревавшим в горле,
Тем прахом, как сурьмой, глаза натерли.
Кричал онагр, лобзая холм степной, —
Сровнялся от лобзаний холм с землей.
Рыдал олень, и слез поток багряный
Преобразился в красные тюльпаны.
Была могила Кайса так светла,
Что хищники избавились от зла.
Лисица подметала прах гробницы,
Да будет чист отныне путь лисицы!
Стал кротким лев, безгрешным, как дитя,
Тем самым путь к величью обретя...
Когда влюбленный чист душой смиренной,
Когда любовь чужда юдоли бренной,
То прах его могилы — эликсир,
Что радует и просветляет мир.
Во прахе стал Маджнун в глазах вселенной
Сокровищницей блага вожденной.
Для мира свет гробницы не потух,
Затем что воссиял бессмертный дух:

Как райский сад, была его могила,
Как райский страж, душа его светила.
Да будет нам она светить в тиши,
Да обречем бессмертие души!

**БЕДУИН ПРИБЫВАЕТ К ЛАЙЛИ, ЧТОБЫ СООБЩИТЬ
ЕЙ О СМЕРТИ МАДЖУНА, НО ОНА ГОВОРИТ
ОБ ЭТОМ ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ОН УСПЕВАЕТ
ЕЙ ПОВЕДАТЬ ЭТУ ВЕСТЬ**

Тот, кто печалью свиток озаглавил,
В конце заглавья знак такой поставил:
Когда, умом высоким одарен,
Тот бедуин вернулся с похорон,
Он на верблюдице, паломник бедный,
К Лайли в приют помчался заповедный.
Верблюдица скакала точно лань,
Приехал всадник в утреннюю рань.
Между шатрами двигался приезжий,
Вопросы задавал одни и те же,
Покуда не увидел пред шатром
Ту, что светилась благом и добром.
Узнал он ту, что так была красива,
Но, притворясь, что не узнал, учтиво
Спросил: «О аравийская луна,
Которой эта степь озарена,
Скажи мне, где жильё Лайли? Кто эта
Красавица, исполненная света?»
Лайли ему сказала: «Я — Лайли, —
А по ланитам слезы потекли. —
От сердца, что всегда на левом месте,
Мне слышать не пришлось неправой вести,
И мне теперь поведало оно:
„Тот, кто в степи скитается давно,
Кто, полюбив тебя, гоним судьбою,
Блуждает одинокою тропою, —
Скончался в дальнем и глухом краю,
В безлюдье душу отдал он свою!“»
Тогда ей с плачем бедуин ответил:
«Прах под тобой, как месяц в небе, светел!
Открыло сердце истину тебе,
Сказало правду о его судьбе.

Лайли, из-за тебя Маджнун скончался,
Тоскуя и любя, Маджнун скончался.
Вкусив, твое во имя, смерти хмель,
В его объятых умерла газель.
Я мертвого нашел в степи далекой,
Лежал он бесприютный, одинокий.
С той вестью прибыл я к его родным,
И мы пришли и плакали над ним.
В родной земле его похоронили,
Мы стали пылью на его могиле.
Тебе дарю пыль на моем челе:
Она лежала на его земле».
Услышав речи сердца подтвержденье,
Лайли упала в горе и смятенье,
Беспамятством внезапным сражена:
Отныне жизнь ей больше не нужна!
Придя в себя, запела песнь такую:
«Увы, мне жизнь дана была впустую.
Погас навеки свет в моей душе,
Теперь покоя нет в моей душе.
Была я оболочкою телесной,
А Кайс — моей душой, живой, чудесной.
Как без души в живых останусь я?
Уйду за ним в предел небытия.
Когда мой день придет, мне смерть даруя,
Когда вдали от милого умру я, —
Да лягу рядом с ним во прах степной,
К его ногам приникну головой.
Уже земные позабыв тревоги,
Сто раз его облобызаю ноги.
Иссохнет плоть, избавясь от страстей,
Мозг вытечет из всех моих костей, —
Тогда свирелью стану я в могиле:
Отверстия стрелы горя просверлили!
Всё то, что испытала я досель,
Всю боль мою поведает свирель.
Умерший с человечеством в разлуке,
Услышит Кайс те горестные звуки.
Ответит он на песнь моих костей
Стихами, что сильнее всех смертей.
До дня восстания из мертвых будем
Беседовать, не подчиняясь людям.

Когда же мертвые восстанут вновь,
Мы в мире утвердим свою любовь,
Мы обретем живительные силы,
Рука в руке, мы выйдем из могилы.
Как повелит господь — в любом краю,
Нам всё равно — в аду или в раю,
Найдем приют и будем жить беспечно,
Друг другом будем наслаждаться вечно».
Сказав, Лайли вступила в свой шатер:
Тень скорби над стоянкой он простер.
Покуда не ушла из мира вскоре,
Она всё время пребывала в горе. . .
Кто в этом мире боли и обид
Из-за разлуки с другом не скорбит?
О боже, мы с мольбой вздымаем руки:
Избавь сей мир от горечи разлуки!

**ЛАЙЛИ ЗАБОЛЕВАЕТ, УЗНАВ О СМЕРТИ МАДЖНУНА;
БЛИЗКИЕ СОВЕТУЮТ ЕЙ НЕ ПРЕДАВАТЬСЯ СКОРБИ,
НО ОНА ОТВЕЧАЕТ, ЧТО ВЕРНА МАДЖНУНУ
И ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ**

Измучилась Лайли, не зная сна,
От слез кровавых, как тюльпан, красна,
О друге плакала, полуживая,
О камень кубок жизни разбивая.
Увы, цветок беспомощно поник,
Увы, померк желанный лунный лик.
Уже давно не знали косы гребня,
Давно усма ей не была нужна.
В конце концов ее сломил недуг,
И розы щек он уничтожил вдруг:
Похищено здоровье лихорадкой,
Все краски отняты у жизни краткой.
Ожог в душе, и на губе — ожог.
Запястья у нее спадали с ног.
Уткнув лицо в подушку, обливалась
Слезам; ложе стрелами впивалось
В нее; а тело стало в эти дни
Как бы одной из ниток простыни.
Пурпурный аргаван стал блекнуть ныне,
И стал расти цветок печали синий,

И, грузом горести отягчена,
Согнулась стана стройного сосна.
Когда узнали близкие об этом,
Они решили ей помочь советом.
Те, кто могли вступить в покой Лайли,
С сердечной лаской на устах пришли:
«О розовый цветок из райской кущи,
Из сада жизни кипарис цветущий!
Пока был жив Маджнун и не ушел
Из сей обители обид и зол,
И никого, тобой обвороженный,
Взамен тебя не взял он, верный, в жены,
Прекрасно было то, что, как жена,
Ему в разлуке ты была верна:
Любовью рождена любви безмерность,
И верность увеличивает верность.
Но он теперь оставил мир земной,
Свои стопы отправил в мир иной.
Зачем же ты его, как прежде, любишь,
Зачем себя, о нем тоскуя, губишь?
О нем довольно плакать наконец:
От наших слез не оживет мертвец.
Твою развеет юность ветер страсти,
Ты не заметишь, как утратишь счастье».
Лайли, полужива-полумертва,
Ответила родным на те слова:
«Известен вам ожог любви? Едва ли
Вы в пламени любви, как я, пылали!
В дыханье Кайса обрела я жизнь;
Но кончилась его больная жизнь —
И опостылела мне жизнь отныне,
И юность не нужна моей судьбине.
Благодаря ему расцвел мой сад,
Теперь умру, когда он смертью взят.
От горя, что меня, сжигая, плавит,
Теперь одна лишь смерть меня избавит.
Нас разлучил сей мир, зато в ином
Соединенье, может быть, найдем.
Там наконец расстанусь я с бедою,
Там стану я любимому четою,
И в том саду, где дни всегда в цвету,
Я рядом с другом вечность обрету».

**НАСТУПАЕТ ОСЕНЬ, ОПАДАЮТ ЛИСТЬЯ
КРАСОТЫ ЛАЙЛИ С ДЕРЕВА ЕЕ ЖИЗНИ,
И ЛАЙЛИ ЗАВЕЩАЕТ ПОХОРОНИТЬ ЕЕ
У НОГ МАДЖНУНА**

Как только осень силою дыханья
Срывать с деревьев стала одеянья,
В которые весна их облекла, —
Они разоблачились догола.
Везде лежали листья в беспорядке,
И сад увял, дрожа от лихорадки.
Осенней стужи ранняя пора
Для мира — умирания пора.
И роза дикого степного сада,
Красавиц затмевавшая Багдада,
Поняв, что начинает умирать, —
Лайли сказала жалобно: «О мать,
Чье чисто ложе, чисто покрывало,
Кого я всей душою почитала,
Хотя б на миг меня ты успокой,
Меня за шею обними рукой.
Когда-то, наговорам злым внимая,
Не пожалела ты меня, родная,
Не сочетала с другом дорогим,
И гибну я из-за разлуки с ним.
Мой друг сгорел — и я сгораю тоже,
Он принял смерть — я умираю тоже.
Мой день без друга темен стал и пуст,
Душа готова вылететь из уст.
Когда она взлетит в иные дали,
В честь мертвой расстели ковер печали
И тело, что покинуто душой,
Слезам материнскими омой.
Из непорочности мне саван сделай,
Да окровавят слезы саван белый.
Ты дымом скорби надо мной кади:
Огонь твоей кадила — в груди!
Ты вспомни Кайса, чья любовь блистала,
Моею и его судьбою стала.
Направь мой паланкин в последний путь;
В его могиле я хочу заснуть.

Хочу я, чтоб могильный прах разрыли,
У ног Маджнуна лечь хочу в могиле.
К его ступням приникну головой:
Да станут мне короной золотой.
Да в день восстанья мертвых, как невесте,
Дано мне будет с ним воскреснуть вместе».
Лицом к ее лицу склонилась мать
И стала, выслушав Лайли, рыдать:
«Дитя мое, отрада, свет и милость!
Как ветка, от меня ты отломилась!
Противилась тебе я, но, поверь,
Всё, что ты хочешь, выполню теперь.
Теперь не плачь в тревоге и кручине:
Ты правом выбора владеешь ныне».
Лайли утешил матери ответ,
И роза, обретя свой прежний цвет,
С улыбкой отошла неизъяснимой,
Лицом к могиле, где лежал любимый.
Рыдая, люди племени Лайли
Ее к могиле Кайса понесли.
Жемчужину в ту землю опустили, —
Да спят они вдвоем в одной могиле,
Да вихрем не разбужены лежат,
Две чистые жемчужины лежат!
Могила, окруженная пустыней,
Для всех влюбленных сделалась святыней...
Они покинули непрочный дом. •
За ними вслед и мы теперь идем.
Что наша жизнь? Что свет ее летучий?
То — молния, что вдруг блеснет сквозь тучи.
На свет ее возможно ль уповать?
При нем читать судьбы своей тетрадь?
Ступай же, света вечности взыскаю:
Ты можешь обрести его, ликуя.
В тебе — сиянья вечности исток:
То сердца твоего горит Восток.
Тебе во мраке пребывать не надо,
Затем что мрак для света есть преграда.
Дороги нет во мраке неживом.
Ты лучше погрузись всем существом
В свет солнца своего, его частица,
Чтобы от черт своих освободиться.

Как ни старайся, а своих примет
Ты не найдешь, познав сей вечный свет.
Тем солнцем будет вся душа согрета,
И ты поймешь, что сам ты — солнце это.
Безлиственный, оденешься листвою
И победишь ты смерть, всегда живой.
То, что сказал я, — только лишь намеки:
Ты сам изведай жизни смысл глубокий.

НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Былых времен историки для нас
Об Искандаре начали рассказ:
В тот год, как Фейлакусова страна
Над миром засияла, как весна,
Творец миров, по милости своей,
Дал сына шаху на закате дней.
Ты скажешь: это с высоты высот
Звездою новой вспыхнул небосвод.
Грядущего владыку всей земли,
Младенца Искандаром нарекли.
А на восьмом его году отец
На голову надел ему венец,
Назвал его наследником царей,
Под власть его привел богатырей.
Когда же все вельможи той земли
Присягу Искандару принесли
Служить ему на всем его веку,
Послал он сына к знаний роднику.
И с просьбой царь пред Арасту предстал,
Чтоб муж премудрый сына воспитал.
Ученому сказал: «Ни мгла, ни тьма
Не скроют солнца твоего ума.
Ты звезды отразил, как океан,
Ты знаньем озарил страну Юнан,
Ты, мудрый, как гармонию светил,
Мир меж людьми и строй установил.
И тот путями истины идет,
Кто из ключа твоих познаний пьет,

Когда б не ты — от неразумных дел
И от раздоров мир бы потемнел.
Познания благо в людях не равно,
Природой всё не каждому дано.
Пусть к мудрому несведущий придет,
Чтоб научиться двигать жизнь вперед.
Но если неуч презрит свет наук,
Ему не даст добра небесный круг.
И если царь не будет мудрецом,
Он родину не озарит венцом.
И если царь в невежестве погряз,
Он — горе для народа и для вас. . .
Возлюбленный — он у меня один,
Моя надежда, Искандар, мой сын.
Чиста его сознания скрижаль,
Достойна начертания скрижаль.
Пусть учится у вас наследник мой
Быть мудрым в управлении страной.
Пусть так он будет вами обучен,
Чтоб государство возвеличил он,
Чтоб в начинаньях добрых был счастлив
И к людям всем, к народу, справедлив,
Чтоб завершил он замыслы отца,
Утешил обездоленных сердца!»
Услышал Арасту наказ царя
И приступил, усердием горя,
К наставничеству, и своим огнем
Зажег светильник в сердце молодом.
Его учил он управлять собой,
Справляться в жизни с трудностью любой.
Глубокой любознательности пыл
В душе измлада Искандар таил.
Он сверстников своих опередил —
Такой в нем был запас духовных сил.
Наука Арасту не зря прошла
И пышно в Искандаре расцвела.
Покров с лица природы он сорвал,
Строенья мира тайну он узнал.
Ключ знания он у Эклидуса взял,
Кругов планетных знаки прочитал.
И стал он мудр и в помыслах велик,
Вершины знаний разумом достиг.

Расцвел и вырос — мощен и высок, —
Принес плоды посаженный росток.
Познал законы он небесных сфер,
Лишь истина была ему пример.
Не обольщался внешним видом он,
Пытливой мыслью к сути обращен.
И, возмужав душой, он был готов
Писать на свитке мира и веков.

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК ОТЕЦ
ИСКАНДАРА ПРОСИТ АРАСТУ НАПИСАТЬ
ДЛЯ СЫНА КНИГУ ЗАВЕТОВ**

Сын шаха, завершив ученья круг,
Вооружился мощью всех наук.
Но, вечными заботами горя,
В те дни пришла в упадок мощь царя.
Шестисторонний мир тщеты земной
Всех дел и дум царя нарушил строй.
Услышал он призывный барабан
К отходу в даль потусторонних стран.
Шах Фейлакус за Арасту послал,
Приветствовал и мудрому сказал:
«О верности и мудрости гора!
Я чувствую, мне уходить пора.
Во мне угасла сила бытия,
Мне плоть не подчиняется моя.
Явись ко мне с твоим учеником,
Тебе не прекословящим ни в чем.
Смерть подступает. Конь мой боевой
На поле жизни никнет головой. . .»
Лишь Арасту об этом услышал,
Он с Искандаром пред царем предстал.
И пали пред царем они, скорбя,
И этим не унизили себя.
Владыка Искандара увидал
И, увидав, душой возликовал.
Созвал он мудрецов своей земли.
Когда же те с поклонами пришли,
Велел, чтоб испытал ученый круг
Наследника в познании наук.

На все вопросы их ответил он,
И круг ученых был им восхищен:
«Шах! Всѣ, что истиной озарено,
Всѣ твоему наследнику дано!
Да, он всего достиг, чего хотел,
Всей мудростью столетней овладел.
Коль кладезь мудрости такой открыт,
Невежество вселенной не грозит».
Когда услышал это Фейлакус,
Подвластным странам, будь то Рум иль Рус,
Он имя Искандара объявил,
Венец и жезл царей ему вручил.
Воздавши благодарность мудрецам,
Мудрейшему сказал: «Возьми калам,
Для сына книгу мудрости живой
Пиши, учи, как управлять страной,
Чтоб направляла все его дела,
Царю путеводителем была,
И что на месте лучше б он сидел,
Чем приступать к свершенью черных дел».
И внял наказу шаха Арасту,
К каламу обратился и листу.
За труд взялся он, именем творца
Довел свой труд великий до конца.
Он с книгою перед царем предстал,
И сердцем Фейлакус возликовал,
Живых письмен узор увидел он,
Вздыхнул — и погрузился в вечный сон.
Застыла кровь его, затмился взор.
Как кровью, горем обагрился двор.
Власть с подчиненьем, с милой жизнью
смерть

Безжалостная чередует твердь.
О смерть! Ты то в табут кладешь отца,
Растерзывая сыновей сердца,
То, саваном на сыне заменя
Парчу и шелк, идешь, отца казня.
Будь счастлив, смертный! С братом по крови
И с другом лишь в согласии живи.
О дальнем и о близком не жалеи,
Нет друга ближе совести твоей,

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК ИСКАНДАР
БЛАГОДАря СВОЕЙ СКРОМНОСТИ ВОЗВЫСИЛСЯ
НАД ЛЮДЬМИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ**

Мудрец, кем был прославлен Рум и Рус,
Повествовал, как умер Фейлакус,
Как Искандар вступил на трон отца
И светом жизни озарил сердца.
И приближенным он сказал своим:
«Вот о царе ушедшем мы скорбим!
Поистине он нашим был отцом,
А я, ваш брат, не выше вас ни в чем.
О первенстве среди вас не мыслю я.
Пусть ваша воля будет и моя.
И что вам в мире свет — мне тоже свет,
И что для вас во вред — и мне во вред.
И кто из вас хоть ногу занозит,
Заноза эта грудь мою пронзит.
Так изберите из среды своей
Старейшего всех лучше и мудрей,
Чтоб он народом правил, как отец,
Чтобы отмыл он ржавчину сердец,
Чтоб он людей среди бедственных дорог
От холода и зноя уберег,
Чтоб добродетель в мире уберег,
Примером чести поразил порок!»
Когда же Искандар умолк, кругом
Из всех грудей раздался клич, как гром:
«Ты будешь нам главою и вождем!
Ты выше всех нас сердцем и умом!»
И вновь ему присягу принесли
Богатыри и знатные земли.
Шах Искандар ответил им тогда:
«Владейте жизнью долгие года!
Вы подняли меня, как солнце дня,
Вы в пыль, как тень, не бросили меня,
Клянусь по справедливому пути,
По честному пути всю жизнь идти!
Клянусь сердца печальных исцелить!
Несчастных от несчастий защититы!
Ведь если шах людей потопчет в прах,
Душой он жалкий нищий, а не шах,

Коль сердцем шах изменчив что ни час,
Какая польза от него для вас?
Для блага подданных я жить клянусь!
На страже прав народа быть клянусь!»
И удивлялись все его словам.
Да будет в них пример иным царям.

КНИГА МУДРОСТИ АРАСТУ

Историк мудрый, вечной правды друг,
Взлелеявший прекрасный сад наук,
О шахе Искандаре написал,
О том, как он владыкой мира стал.
О том, как врачевать недуг любой,
Для нас писал он кистью золотой.
Вкруг золотого слова и узор
Из золота, чтоб утешался взор.
Как золотая нить, несет строка
Нанизанные мысли-жемчуга. . .
От книги, им творимой, ни на час
Не отрывал мудрец ума и глаз.
Своих предтеч, познав их красоту,
Благодарил вседневно Арасту.
Но в книге той лучился каждый стих
Любовью современников своих.
Внемлите наставлениям того,
Кого на труд подвигло божество:
«О шах! Будь знаньем тайны одарен,
Будь светом доброй воли озарен.
Владык повелевающий язык,
Равно как слух внимающий, велик.
Учись разумно разуму внимать,
А не гадать: принять иль не принять.
Не лилией, а розой горд цветник,
Хоть очень длинен лилии язык.
Будь щедр и милосерд. Могучий свод
Тебя отдарит от своих щедрот.
Ведь если этот мир сравнить с горой,
В нем эхо породит твой шаг любой.
Как ни грохочет эхо громких дел,
У эха и у слова есть предел.

Посаженный росток тогда взойдет,
Когда усерден добрый садовод.
Коль подвигом снискал ты славы плод,
Тебе он радость неба принесет.
Ты никому не можешь быть судьей,
Пока к добру не обращен душой.
И стать проводником не может тот,
Кто сам не ведает, куда идет.
Когда вода горька и солона —
Не может жажду утолить она.
Как можешь ты пороки истребить,
Когда с себя порок не можешь смыть?
Когда в грязи стираешь платье ты,
Не жди от этой стирки чистоты.
Твои слова прекрасны — от души. . .
Поступки лучше были б хороши.
Достоинству нас не научит тот,
Кто недостойно сам себя ведет.
А польза слов отца для сына где ж?
Сам ест халву, а говорит: «Не ешь!»
В тебе, как в тесте, пекарь твой смешал
И добрых много и дурных начал.
В победе зла — падение твое,
В добре твоём — спасение твое.
Не дай началам добрым пасть в борьбе,
Ведь жребий той борьбы вручен тебе.
Ум темный светом ясным озари,
Неправды с сердца ржавчину сотри.
В пути коварным мыслям не внимай
И вьюк свой терпеливо подымай.
Ведь иначе трудней и тяжелей
Стать может ноша на спине твоей».

РАССКАЗ О ВЕРБЛЮДЕ И ЛИСЕ

Верблюд, от старости едва живой,
Припелся как-то раз на водопой.
Над ним кружилось множество ворон,
Глядя, что, мол, вот-вот подохнет он.
Под шкурой дряхлой, на костях его
Ни жира не осталось, ничего,

Иль мало так, что, не боясь волков,
Бесстрашно пасся он среди холмов.
Иссохли на спине его горбы,
И плакал он под тяжестью судьбы.
Однажды молвила ему лиса:
«О ты, пустыни гордость и краса!
Ведь «кораблем пустынь» тебя зовет
Арабский и египетский народ!
Так что ж ты ходишь, тощий и больной,
С облезлой и израненной спиной?
Ты муравья не тронешь, знаю я,
Кто ж раздавил тебя, как муравья?»
Верблюд ей: «Слушай про мою беду:
У изверга я в рабстве, как в аду.
Мое горит и стонет существо,
Лишь вспомню, ненавистного, его.
Соль на горбах измученных моих
Вывозит он из копей соляных.
Страшнее муки нет, я говорю,
Когда меня он тянет за ноздрю!
А ноша так тяжка, что мочи нет,
Она слону сломала бы хребет.
Когда я, обессилев, упаду,
Он палкой бьет меня, и я опять иду.
Невыносима, нестерпима боль,
Когда мне в раны попадает соль.
Когда ж реву я с горя, как труба,
Ни бог меня не слышит, ни судьба».
Лиса сказала: «О тебе скорбя,
Найду я хитрый выход для тебя.
Меж городом и копьёю соляной
Поток, ты знаешь, льется водяной.
Войдешь в поток — и сразу в воду ляг.
Как соль растает у тебя в тюках,
Ты из воды тогда легко вставай
И весело до города шагай!»
Верблюд сказал: «Ну, друг, благодарю!
Теперь-то я его перехитрю!»
И в тот же день, тяжелый соляной
Свой груз таща, он стал перед рекой.
Но мысль его погонщик разгадал,

И как же он беднягу наказал?
Горбы его от соли облегчил
И соль кошмой и шерстью заменил..
Такой предвидеть гнусности не мог,
Вошел верблюду в поток и в воду лег,
Но еле встал, не ждал такой беды:
Груз удесятерился от воды,
Едва-едва он брел под зноем дня,
Лисицу ненавистную кляня:
«Кошма и шерсть отягчены водой
И тяжелее клади соляной.
Пусть подлая советчица умрет
И род ее проклятый пропадет!
О, только бы мне дотащить кошму,
Я голову до неба подыму!»

Вина мне, кравчий! Славы, красоты
Лишь те достойны, чьи сердца чисты.
Дай силу мне для покоренья львов
И отведи от западни врагов.
Приди, певец веселый! Чанг настрой
И новую мне громко песню спой!
Мой лев — в вине, на дне золотой касы,
Лев этот шкуру обдерет с лисы.

**РАСКАЗ О ПРАВДОЛЮБЦЕ, КОТОРЫЙ
БЛАГОДАРЯ НЕПРАВОТЕ ЛЖЕЦОВ
ОБЪЕЗДИЛ МНОГО СТРАН И ДОКАЗАЛ
ПРАВОТУ СВОИХ СЛОВ**

Какой-то шах в один из мирных дней
Созвал к себе на пир своих друзей.
И попросил по очереди шах
Их рассказать о разных чудесах,
Чем знаменит тот или этот край.
И, как сладкоречивый попугай,
Один сказал: «Пришлось увидеть мне
Чудовище в арабской стороне,
По виду — как верблюд с одним горбом
И с крыльями, и обросло пером,

Но не летает, ничего на нем
Не возят, а питается огнем.
Как феникс, он, хватая на лету,
Глодает падающую звезду.
Но мигом пламя в глотке птицы той
Становится прохладною водой».
Дослушали рассказчика, потом
Все рассмеялись: «Ты б сидел молчком!
Крылатого верблюда в мире нет.
И птиц таких — хоть весь объезди свет, —
Огнем питающихся, не найдешь.
Рассказ твой — просто выдумка и ложь!»
Он клялся им. Они смеялись. Он,
Собрание оглядев, был поражен
Тем, что вот тут — вокруг — друзья сидят
И на него с презрением глядят.
Хоть, как свеча, согнулся от стыда,
Он с места взвился пламенем тогда
И прочь ушел, крутясь, как вихрь степей,
Гонимый вдаль обидою своей.
В Багдад примчался из последних сил
И на базаре страуса купил.
Вернулся он домой лишь через год
И прямо к шаху страуса ведет.
Тем правоту свою он доказал.
И обнял шах его и так сказал:
«Ты прав был, друг мой, что ни говори.
Так из-за туч не видим мы зари!»
Но хоть враждебна искреннему ложь,
Знаток вещей тончайших, — помни всё ж:
Ты тайн своих не выпускай из рук,
Дабы не испытать безмерных мук,
Чтоб доказательства для них найти
И попусту не тратить год пути.

Дай, виночерпий, чашу мне испить,
Чтоб с сердца все следы тщеславья смыты!
Приди, певец! Под рокот струнных струй
Спой мне нава, но с правдой согласуй!
Да будет кривде горестный удел,
А правде — счастье в завершенье дел!

КНИГА МУДРОСТИ СОКРАТА

Пусть миру принесут плоды стократ
Богатства духа, что собрал Сократ!
Беспечности и низости далек,
Он был как светоч с головы до ног.
Отверг он тлен богатства и тщеты
И пожелал добра и простоты.
И стал его имуществом один
Огромный старый глиняный кувшин
С отбитым краем, с трещиной у дна,
Негодный для хранения вина.
Когда грозила стужа, снег валил,
Сократ в кувшине ночи проводил.
А утром выходил на солнце он
Погреться, сам, как солнце, обнажен
(И рубища он даже не имел).
Перед кувшином как-то он сидел,
Впивая, как цветок, тепло весны.
А мимо проезжал царь той страны,
Сказал: «Привет тебе и добрый час!
Но что же ты скрываешься от нас?
Ты, всеми уважаемый мудрец,
К нам не зашел ни разу во дворец!»
Сократ ответил: «Стар я, силы нет.
Несу я трудный подвиг много лет». —
И царь спросил: «Кто вынудил тебя
Жить так печально, плоть свою губя,
Без передышки тяготы нести?»
Сократ же: «Я хочу приобрести
Богатство, обессмертить жизнь свою.
Я вечности орудие кую!»
— «Богатство всей страны — в моих руках.
Всем одарю тебя!» — ответил шах.
Сократ: «О, если б был я убежден,
Что ты так щедро небом награжден,
Я покорился бы своей судьбе,
На службу опоясался б тебе.
Но жизни ты, увы, не можешь дать,
И не хочу свободу я терять.
Ведет к свободе путь суровый мой,
И он преграда меж тобой и мной!»

— «Проси что хочешь, — царь ему сказал, —
Получишь всё, чего б ни пожелал!»
Сократ в ответ: «Благодарю за честь,
Одна лишь у меня к вам просьба есть:
Не засти тенью царственной своей
Моей отрады — солнечных лучей!
Они — моя одежда. Мне она
По воле неба вечного дана.
Не откажи мне в просьбе, мудрый шах,
И отойди в сторонку хоть на шаг!»
Царь снял с плеча кафтан свой дорогой,
Покрытый златотканною парчой,
Подбитый мехом белого песка.
С улыбкой он на тело мудреца
Накинул драгоценный свой наряд.
Но сбросил на землю его Сократ
И мягко молвил дерзкие слова:
«Поганых шкура не годна для льва,
Носить живому саван не к лицу,
Он подобает только мертвецу.
Когда зима нарушит мой покой,
От бурь меня кувшин спасает мой;
Когда же прояснится небосвод,
Светило мира мне тепло дает!»
Как небо, был Сократ велик душой,
И тверд и терпелив, как шар земной.
Учеников имел десятки он.
Но был среди них любимейшим Платон.
Как драгоценный камень, на века
Выгранивал он мысль ученика.
Сказал Платону: «Дух твой, на простор
Из клетки выйдя, крылья распростер.
Так подымайся в высоту высот,
Оставив под ногами небосвод,
Над миром, где невежество и зло
Тяжелой тенью на души легло.
А были бы от зла сердца чисты,
Не знал бы мир ни распри, ни вражды.
Там, где мудрец прямым путем идет,
Невежде перепутье предстает.
Здесь, в грешном мире, где ворот не счесть,
Шесть для людей напастей горьких есть,

Невыносимой мукою томим
Тот, кто во всем завидует другим.
Всю жизнь тоской и злобою дыша,
Затянута узлом его душа.
За ним идет имущий власть злодей,
Насильник, ненавидящий людей.
А невозможность совершенья зла
Ему, как мука ада, тяжела.
И третий мученик идет за ним:
Тот, кто стяжанья жаждою томим.
Всю жизнь он лишь добычу сторожит
И, упустить боясь, над ней дрожит.
Четвертый — скряга. Хоть казна полна,
Не знает он ни радости, ни сна.
Томимый страхом разоренья, он
При жизни на геенну обречен.
Страдалец пятый — жаждущий чинов,
Удел его и жалок и суров.
Мечтой о возвышеньи он живет,
Возвыситься ж — ума недостает.
Шестой — невежда. Сдержанность других
Он называет малодушьем их,
Не видит он достоинства ни в ком
И покрывает сам себя стыдом.
Один язык у нас, а уха — два,
Чтоб слышать много, но беречь слова.
Не доверяйся алчности своей,
Жить по своим возможностям умей.
Ведь лучше бедным, но свободным быть,
Себе, а не хозяину служить.
Жемчужины познаний собери,
Тропу деяний прямо протори,
И славы мяч у сверстников возьми,
И мудрых за собою поведешь.
Как торгаша, гони из сердца ложь,
Правдивым словом опрокинь вельмож.
Путем добра и верности иди,
Лишь с мужественным дружбу заводи.
И знай, порой под маской доброты
Таятся равнодушия черты.
Хотя сандал и не богат теплом,
Есть для сердец горячих польза в нем.

И в щепки разлетаются порой
Сандаловые ветви под грозой.
Чем пуще будет ветер бушевать,
Тем яростней начнет костер пылать.
Три возраста мы числим основных,
Но средний возраст лучше двух иных.
Коль муж и дряхл, и борода седа,
Но злоба в нем крепка и молода
И черен сердцем старый человек,
Какая польза, что он прожил век?
Так волк, заматерев и возмужав,
Сильнее выкажет свой волчий нрав.
Беги его! Не знайся с ним ни дня!
Его слова — обман и западня.
Коварству в западню не попадись!
Доверясь волку, жизни не лишись».

РАССКАЗ О ХИТРОЙ ПТИЦЕ И ГЛУПОЙ РЫБЕ

Жила в Омане птица-рыболов,
Взимала рыбой дань с морских валов.
Ловитвой в море занималась днем,
Спала же на песке береговом.
И рыбы сами на крючки когтей,
Завороженные, стремились к ней.
Но старческая немощ подошла,
Охотничьи орудья отняла.
Ослабло зренье, и не стало сил
В когтях и в мышцах облинявших крыл.
По целым дням на берегу она
Сидела, безнадежности полна.
В волнах играли сотни рыбьих стай,
Как на шелках рисует их Китай.
Как будто огнезвездный небосклон
Был в зеркале текучем отражен.
Глядела птица на простор морской,
Как нищий на обильный стол чужой.
Хоть вот он — рядом лакомый кусок,
Но так недосягаемо далек!
И рыба шаловливая одна
К несчастной птице выплыла со дна,
И, так как в безопасности была,

Над птицею глумиться начала:
«Эй, лютый бич сородичей моих!
Ты божья кара племени немых,
От злого клюва, от когтей твоих
Оделись мы в кольчугу волн морских.
Что ж ты сидишь, угрюма и скучна,
Иль уж для дела больше не годна?
Кто силы и когтей тебя лишил,
Густые перья вытащил из крыл?»
А птица ей: «Больна я и стара.
Совсем слаба. Прошла моя пора!
Исчезла хищность прежняя моя,
В делах моих раскаиваюсь я.
Я плачу, сожаления полна,
Что так была преступна и грешна.
От молодой горячности всё зло,
Содеянное мной, произошло!
О, угрызенья совести! О, стыд!
Он рыбьей костью сердце мне язвит.
Теперь я твари не клюю живой!
В слезах, питаюсь горькою травой,
Достигла я душевной чистоты.
Теперь-то уж меня не бойся ты!
Я рада, что моя утихла прыть. . .
Давай по-братски, безмятежно жить,
Чтоб амальгаму злобы с сердца смыть,
Чтоб серебром добра его покрыть.
С открытою душой ко мне приди,
От сердца недоверье отведи.
Вот этой крепко скрученной травой
Ты завяжи мне клюв зловредный мой,
Чтоб в безопасности ты с этих пор
Могла вступать со мною в разговор!»
Доверчивая рыба, в тех словах
Лжи не заметив, позабыла страх,
С жгутом травинок к птице подползла —
И прямо в птичье горло путь нашла.
Оборвалось ее житье-бытье,
Как будто вовсе не было ее.

Из чаши света, кравчий, дай испить,
Чтоб недра мрака ярко озарить!

Чтобы от гневных языков огня
Бежала ложь, как ночь от солнца дня.
Приди, о долгожданный наш певец,
Учитель мудрых раненых сердец!
Рыданьем чанга сладко утиши
Скорбь тайную истерзанной души!

КНИГА МУДРОСТИ ФЕЙСОГРАСА

Дошли преданья древние о нас,
Как милостью небесной Фейсограс
Открыл замок сокровищницы слов,
Осыпал землю ливнем жемчугов:
«О ты, что раковиную морской
Вбираешь рокот глубины мирской,
Прислушивайся к голосу наук
И грубых дел оберегайся, друг!
Будь благороден, добр и справедлив
И, если ты душою прозорлив,
Сердечен, должен сам себя стыдить,
Когда задумал злое совершить.
А если ты открыл свои уста,
Пусть будет речь разумна, не пуста.
Глубокой мыслью речь вооружи,
К заветам мудрым слух насторожи.
Пред тем как ночь завесит твой порог,
Пред тем как, сонный, свалишься ты с ног,
Ты памятью свой разум озари
И день минувший весь пересмотри.
Всё ладно ль за день у тебя прошло,
Что сделал за день ты — добро иль зло?
Собой владел ли? Мудр и сдержан был
Иль разума границы преступил?
На золото, как скряга, не молись.
Как язвы, скряжничества устыдись.
Богатством не спасешься от беды.
Из-за довольства иль из-за нужды
В печали жизнь свою не проводи,
Путь между ними средний находи.
Но нет для сердца тяжести лютей,
Чем зависть к доблестям других людей.

И если хочешь ты свой утлый челн
Под этим сводом, что коварства полн,
До пристани надежной довести,
Друзей найти на жизненном пути,
На жизнь людей и на дела сперва
Гляди, не на красивые слова.
Красно он говорит, но от него
Что пользы, коль дурны дела его?
Когда поправший правду царь начнет
Всё делать, что ему на ум взбредет,
Забыв о людях и о нуждах их,
Он сам разрушит зданье дел своих.
Не мучь безмерно душу каждый час
Исканьем в мире власти и богатств.
Не рвься к тому, что взять не удалось
Иль что само собою не далось.
Нет, отступи и, с силами затем
Собравшись, сразу овладеешь всем!»

КНИГА МУДРОСТИ АКСАЛИНУСА

За добрый жизни дар благодари,
Зло истреби и след его сотри:
Но не уйдет от зла во весь свой век
Неблагодарный сердцем человек.
Достойнее ярмо нужды носить,
Чем у бездушных милости просить.
Подобную кристальному ручью,
Храни от загрязненья честь свою.
Не сравнивай поток ее живой
С водой болот стоячей и гнилой.
Растленному, хоть он в беде живет,
Спасенья золото не принесет.
Развратному не расточай щедрот,
Не то тебя за сводню он сочтет.
Но лучше сыпать жемчуг в океан,
Чем скряге недостойному в карман.
Заветам мудрых сердце отвори,
Пустых, бесцельных слов не говори.
Да не коснется ложь речей твоих,
Да будет правда украшеньем их.

Как ни нарядно ты слова завьешь,
Что пользы в том, когда внутри их ложь!
С прекрасными словами смысл большой
Счастливо сочetaй, как плоть с душой.
Как внешность, мир свой внутренний укрась,
Богатый духом — будь и с виду князь.

РАССКАЗ О ЮНОШЕ В ПЫШНОМ ХАЛАТЕ

Жил юноша, и знатен и богат.
Надев однажды лучший свой халат,
Он некоего старца посетил,
Седого наблюдателя светил.
Решил хозяин: «Пышный, как павлин,
Ко мне пришел, должно быть, царский сын».
Приветом добрым он почтил его,
На лучшем месте посадил его.
Тут гость замок беседы отомкнул
И струны красноречья натянул.
Тянул со всех концов и вкривь и вкось,
Но мысль облечь в слова не удалось.
Груба, нестройна речь его была
И никакого смысла не несла,
Хоть и болтал без умолку язык.
И тут в сердцах сказал ему старик:
«Раз ты и трех связать не можешь слов
И разговор твой пуст и бестолков,
Скрыть от людей невежество навряд
Тебе поможет пышный твой наряд!
Язык твой бедность мыслей выдает.
Тебе парча с бобрами не идет.
Пусть, как халата твоего узор,
Живым умом твой блещет разговор,
Иль царский шелк на рубище сменяй,
Одежду к скудоумью приравняй!»

О кравчий, жажду сердца утоли,
Единством дух и тело надели!
Чтоб, как в стекле, рубиновым огнем
Блистал мой разум в естестве моем.

Приди, певец веселый, к нам на пир
И принеси в согласных струнах мир.
Да сгладят рознь в деяниях людей
Созвучья песни сладостной твоей!

**ЗАВОЕВАНИЕ МИРА ИСКАНДАРОМ,
ПОСТРОЕНИЕ ГОРОДОВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ИМ
НОВЫХ ПОРЯДКОВ УПРАВЛЕНИЯ**

Вот повесть, как дары творящих сил
Шах Искандар в деяниях раскрыл.
А сам певец достоин был венца, —
Он сев надежды заронил в сердца. . .
Он поднял знамя правды, как пророк,
Пером из сердца вычеркнул порок.
Он пел о том, как на рассвете дня
На битву Искандар погнал коня.
Повел на запад он громаду сил,
Лицом, как солнце, запад озарил.
Затем мечей блистающих удар
Обрушил он на черный Зангибар.
Пыль с зеркала души Египта стер,
Крыло свободы над рабом простер.
И на Дару, на сонмы сил его
Повел войска — и разгромил его.
На нем одежды жизни разорвал,
Свободу угнетенным даровал.
Потом ворвался в северный простор,
На сумрачных горах разбил шатер.
Он земли нанизал, как жемчуга,
От южных пальм по вечные снега.
Стяг водрузил на берегах Аму,
И поклонился весь Восток ему.
Он степь Хорезма взглядом озарил,
Мечом ворота Инда отворил.
От Чина и до Рума, по Эпир,
Как циркулем, обвел подлунный мир.
Ярмо Дары с народов сбросил он
И справедливый утвердил закон.
Неправду со скрижалей мира смыл,
Иездана веру в мире утвердил.

В походах строил он за градом град,
Прекрасные, как Мерв и как Герат,
Как Самарканд. Потом возведена
Была при нем Великая стена,
Чтоб орд Яджуджа бешеный поток
Не затоплял спасенный им Восток.
Пройдя всю твердь материковых стран,
Он пред собой увидел океан.
И в брызгах пенных волн, в соленой мгле
Летел он на крылатом корабле.
След корабля его, как письма, на
Запечатлела синяя волна,
Как летопись на свитке голубом. . .
Чеканить деньги начали при нем:
На золоте и серебре видна
Его печать по наши времена.
Он поощрял умелых ковачей,
Искусных в ковке шлемов и мечей.
И родилось при нем и в мир пришло
Тончайших ювелиров ремесло.
Во всех главнейших областях земных
Назначил он наместников своих.
И рукописи с древних языков,
Исполненные мудростью веков,
Он, чтобы целый мир их мог прочесть,
Велел на речь Юнана перевесть.
Ученые, пророки, мудрецы,
Хранители познания и творцы,
Как солнце, разгоняющее тьму,
Сопутствовали ревностно ему.
В его созвездье были Булинас,
И Хызр бессмертный, и пророк Ильяс.
Когда встречал он трудности в пути,
Которых грань не мог он перейти,
Он призывал ученых на совет,
Чтоб на любой вопрос найти ответ.
Был сердцем прозорлив и знаньем он
Превыше всех мудрейших одарен.
Распутал он, усердием горя,
Фригийский узел Гордия-царя.
Душа с познанием связана навек.

Познанье сердцем черпай, человек!
Просторы духа мудрости зерном,
Как пажити, засеяны творцом.
Им не опасны ни огонь, ни меч,
И смерть не может жизни их пресечь.

РАССКАЗ О СУДЬЕ

Жил муж, исполнен правды и добра,
Но, не имев ни горсти серебра,
Удачи стал искать в чужих краях.
Его заметил некий славный шах
И вскоре, восхитясь его умом,
Судьей поставил в городе своем.
Хотя судья был мудр и справедлив,
Но заступил ему дорогу див.
Отверзла ядовитые уста,
Оболгала беднягу клевета.
Шах, лжи поверя, гневом воспылал.
Он дом судьи разграбить приказал,
И денег и добра — лишив всего,
Велел отрезать уши у него.
Несчастный, всё безвинно потеряв,
Приказ владыки страшный услышав,
Ответил: «Мне не жаль казны моей,
Но, шах! Прочь руки от моих ушей!
Не брал я уши из твоей казны,
Они самой природой мне даны.
Всё, что я нашил у тебя в стране,
Коль я не прав, возьми, не нужно мне.
Но сам ты справедливым будь судьей,
Оставь мне то, что я привез с собой!»
От мудрой речи шахский гнев остыл,
И странника он с миром отпустил.
И тот, от вражьих пут освобожден,
Остался гол — таким, как был рожден.

Поддай мне, кравчий, знойного вина,
Да будет в сердце ложь им спалена!
Пусть разум солнцем душу озарит,
Пусть всё, что низко в ней, дотла сгорит!

КНИГА МУДРОСТИ ИСКАНДАРА

Измлада Искандар в душе носил
Сокровищницу знаний, тайн и сил.
Алмазы мудрости, как вечный свет,
Открыл он миру, словно сонм планет.
Венчайся же алмазным тем венцом,
Беседовать достойный с мудрецом!
У шаха — Арасту наставник был,
Он шаха щедро знаньем одарил.
Сам Искандар, когда еще был мал,
Главу перед учителем склонял
С почтением. И некто из вельмож
Сказал: «Ему ты почесть воздаешь
Превыше, чем державному отцу.
О князь, тебе ведь это не к лицу!»
Князь молвил: «Он мне правды знание дал,
Он разум мой и сердце воспитал.
Во мне он с детства заложил черты
Величия, добра и красоты.
Родитель дал мне жизнь на краткий срок,
Наставник же бессмертье мне предрек.
Родитель мой мне дал язык отцов,
Учитель — россыпи алмазных слов.
Отец призвал меня на свет земной,
Учитель мир открыл передо мной».
Раз Искандар день целый не видал
Просящих пред собой. И он сказал:
«Сей день — не в день! Ведь я не защитил
Несчастных, бедняков не одарил.
Я неимущим не дал серебра...
И я не покарал врагов добра!»
Останется для будущих времен
То, что сказал в тот день вельможам он;
Пусть видят мир свой внутренний они
И дети их во все земные дни;
Пусть свой духовный строй узрят навек,
Как лик в зеркале видит человек,
Познания знак в душе разумных — он
Сильней телесных ран запечатлен.
Коль не смертельна рана, то она
Бальзамом может быть исцелена.

Но знание, как вечная звезда,
В сознание не затмится никогда.
В вине раскайся — искупить ее
Поможет пусть раскаянье твое!
Предвестника мучений — бойся мук,
Не простирай за муку мстящих рук.
Живого, друг, нетрудно с ног свалить,
Но мертвого нет силы воскресить.
Щедрей вокруг себя людей дари,
Но их за дареное не кори.
Дари щедрей, но меньше с них бери,
Свой путь великодушьем озари.
Ты помнишь повесть, как погиб Дара,
Лишился трона, славы и добра.
Мечами приближенных поражен,
Пал, благородной кровью обогрен.
Как яблоко в тени, в чертоге нег
Цвела его царица — Раушанек.
В час смерти чистый перл — дитя свое —
Он Искандару завещал ее.
Внял Искандар, невесту принял он,
Но сердцем был глубоко омрачен.
И некто спросил: «Что грустен ты?
Ведь в мире нет подобной красоты.
Твоей женой достойна стать она!»
Ответил шах: «Мне к ней любовь страшна.
Боюсь, что, если сильно полюблю,
Я потеряю мощь и власть мою,
Не властен в воле сделаюсь моей,
Такой позор не скроешь от людей.
И скажут правдолюбцы: „Вот мертвец
Отныне правит им — ее отец!
Пусть шах страку Дары завоевал,
Но дочери Дары рабом он стал“».

РАССКАЗ О ПАРВИЗЕ И РЫБАКЕ

Парвиз с Ширин, любимую женой,
Сидел, как солнце ясное с луной.
И вот в подарок — дар морских валов —
Принес им рыбу некий рыболов.

Ты в жизни рыбы не видал такой,
То было чудо глубины морской.
Ее перо как розовый коралл,
Ее покров дирхемами сверкал.
Полно икрой янтарное нутро,
А чешуя на ней как серебро.
Парвиз был этой рыбой восхищен,
И в щедрые ладони хлопнул он.
Явился мигом старый казначей,
Хранитель всех сокровищ и ключей.
Он тысячу дирхемов серебром
Принес и положил перед царем.
И рыбаку их отдал властелин.
Увидев это, молвила Ширин:
«О мудрости и щедрости река!
Такая плата слишком велика.
Теперь кому б ты сколько ни давал,
Все скажут: „Вот каким скупым он стал!
Он тысячу дирхемов заплатил
За рыбину, о нас же позабыл.
Ведь это мелочь, правду говоря,
Перед былою щедростью царя!“»
Парвиз спросил: «Совет ты можешь дать,
Как у бедняги деньги отобрать?»
Сказала: «Ты спроси его: «Отец,
Твоя добыча — самка иль самец?»
Что б ни ответил он, скажи одно:
„Увы, мне это есть запрещено.
Ты эту рыбу унеси с собой,
А мне верни кошель с моей казной!“»
И был рыбак с деньгами возвращен,
Но смысл вопроса понял сразу он.
«Ни самка, ни самец, — он говорит, —
Моя добыча, а гермафродит».
Не удержался шах, захохотал,
Смеясь, удвоить плату приказал.
Взял кошельки рыбак, благодаря
Такого справедливого царя.
Когда ж он с полу ношу подымал,
Один дирхем из кошелька упал.
Рыбак поспешно ношу с плеч стащил,
Монету поднял и в кошель вложил.

Ширин сказала: «Ну и скряга, а?
Схватился за кусочек серебра!
Мой шах, такую скупость грех прощать,
Все деньги надо у него отнять!»
Шах рыбака велел назад позвать
И стал его за скупость упрекать.
Рыбак сказал: «О шах, мы дорожим
Не серебром, а именем твоим.
Я лишь затем нагнулся за деньгой,
Что обозначена она тобой,
Чтобы зловредный человек какой
На образ твой не наступил ногой».
И подивился шах его уму,
И втрое больше денег дал ему.

О кравчий мой, хранитель чистых вин,
Разбей бокал, давай мне весь кувшин!

ПОХОД ИСКАНДАРА НА ЧИН

Шах Искандар — полмира властелин —
Поднялся и повел войска на Чин.
Когда хакан об этом услышал,
Как бедствию противостать, не знал.
Отправил к Искандару он посла
С подарками — во избежанье зла:
Запас одежды, снеди и плодов,
Послал ему рабыню, двух рабов.
Шах Искандар подарки получил
И в изумленье палец прикусил.
Спросил себя: «Неужто, государь,
Так победителей дарили встарь?»
Хакан тебя подарком столь скупым
Унизил бы пред воинством твоим.
То не простой подарок. Нет, в нем есть
Сокрытый смысл. Но как его прочесть?»
Шах долго думал и в конце концов
Призвал к себе на помощь мудрецов,
Испытанных наставников своих,
Разгадку тайны он спросил у них.

И самый мудрый отвечал ему:
«Сей дар подобен тайному письму,
В нем сказано: „Будь царь ты иль солдат,
Но есть рабыня для ночных услад
И сильных два раба, чтоб исполнять,
Чего б ни захотел ты пожелать,
И есть запас одежд на круглый год,
И всяческая снедь, и сладкий плод, —
Хоть ты б миры миров завоевал,
Клянусь — от жизни больше бы не взял!
О чем тогда еще вам тосковать?
Зачем с соседом мирным воевать?“»
Ответ тот Искандаром понят был.
Шах злую волю в сердце преломил.
В дверь мира он к хакану постучал.
«Да будет мир меж нами!» — сам сказал.
Мир в мире — без насилий и обид —
На камне справедливости стоит.
И коль ты хочешь овладеть страной,
То на пути добра и правды стой.

ПИСЬМО ИСКАНДАРА АРАСТУ

Шах Арасту посланье написал:
«Учитель мой, меня ты воспитал.
Во мне — скрижаль ученья твоего,
И поднят я величием его.
И без тебя, наставник мой и друг,
Я не пил бы из родника наук.
Пошли мне горсть от той воды живой,
И будет счастлив выученик твой.
Дай мне заветы, как себя вести
Во всех делах на жизненном пути.
Пусть россыпью алмазною они
Сияют мне во все года и дни».
И Арасту посланье прочитал
И для царя заветы начертал.
«О свет Юнана, просьбою своей
Ты дал мне мощь для истинных речей.
Что я перед тобой? Но я дышу,
О шах, твоим веленьем я пишу.

Сей мир — седой колдун, коварный змей,
Обманщик проникательных людей.
Нельзя понять — добро он нам сулит
Или бедой внезапною грозит.
К предательству готовый каждый час,
Всё отберет в конце концов, что даст.
И всё, что он обильно породит,
Он сам потом безумно истребит.
И нет светила у него в дому,
Что не уйдет со временем во тьму.
Чуть он венцами башни завершит,
Их сам землетрясеньем сокрушит.
Короной, счастьем, властью наградит,
Потом повергнет в прах, всего лишит,
Кого ни наградит, тотчас потом,
Как глупое дитя, скорбит о том.
Дешевый камень смертному дает,
Взамен алмазы чистые берет.
Вот он ущерб наносит мудрецу
И столько же взамен дает глупцу.
Он проломает брешь в стене твоей
Для укрепления вражьих крепостей.
В саду потопчет розу и тюльпан,
Чтоб разрослись колючки и бурьян.
Мир темный смысла здравого лишен,
Добра от зла не отличает он.
Богатства у него не вымолай,
Любим его дарам не доверяй.
Не будет меж добром и злом черты,
Когда без смысла щедрым будешь ты.
И если даже царство в дар даешь,
Но безрассудно — дар твой стоит грош.

РАССКАЗ ОБ УЧЕНОМ, ПОТЕРПЕВШЕМ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Жил муж — светлосердечен и учен.
В кругу невежд истосковался он.
Чтоб с сердца смыть печаль, однажды в ночь
Собрал пожитки и уехал прочь.
И вытерпел в пути пустыни зной,
И на корабль надежный сел, как Ной.

Но в море дивы разъяренных волн
Корабль разбили, словно утлый челн.
Был вычеркнут из книги жизни он,
Но всё же был нечаянно спасен.
С обломками из бездны водяной
Он на берег был выброшен волной.
Там, чтоб себя хоть скудно пропитать,
Он проходящим людям стал гадать.
Он палкой на песке изобразил
Движение планет и строй светил.
Сходиться люди начали к нему,
Дабы узнать, что суждено кому.
Он так был в предсказаниях велик,
Что до султана слух о нем достиг.
Его к себе владыка пригласил,
С собою рядом с честью посадил,
Воздал, как море, от своих щедрот
За всё, что он утратил в бездне вод.
Та милость не тщеславие — она
Была любовью к людям рождена.
Когда ученый милость увидал,
За милость благодарностью воздал.
Открыл чернила, очинил тростник,
И новый голос в тростнике возник.
Писал он: «Волю к цели устреми
И всё, о шах, от разума возьми.
Соедини в себе познаний круг,
Полезен людям стань, как лучший друг.
Сил не жалея для славных дел мирских
И, друг, тогда не бойся бурь морских.
Когда гроза корабль твой разобьет
И всё добро поглотит бездна вод,
Но продолжаешь ты свой путь, пока
Хотя б за доску держится рука, —
На доброе надейся, коль с тобой
Твой ум и бдительность души живой.
Не опирайся на небытие.
Что пользы в вещи, если нет ее!»

Дай, кравчий, животворного вина!
Да будет чаша до краев полна!

**РАССКАЗ О ТОМ, КАК ИСКАНДАР ДОСТИГ
ГОРОДА ЛЮДЕЙ, ЧИСТЫХ ПРАВОМ**

Мир Искандар решил завоевать,
Чтоб явное и тайное узнать.
Его поход был труден и велик.
И дивного он города достиг.
То город был особенных людей.
Там не было ни шаха, ни князей,
Ни богачей, ни бедных. Все равны,
Как братья, были люди той страны.
Был труд их легкий, но всего у них
В достатке было от плодов земных.
Их нравы были чисты. И страна
Не ведала, что в мире есть война.
У каждой их семьи был сад и дом,
Не заперт ни затвором, ни замком.
Построен перед каждым домом был
Подземный склеп для родственных могил.
Был Искандар их жизнью удивлен,
И вот такой вопрос им задал он:
«Всё хорошо у вас, но почему
Гробницы вам при жизни? Не пойму!»
Ответили: «Построены они,
Дабы во все свои земные дни
О смерти помнил каждый человек,
Чтоб праведно и честно прожил век.
Врата гробниц — безмолвные уста;
Но мудрым говорит их немота,
Что кратки наши дни, что все умрем,
Что этих уст мы станем языком».
Шах спросил: «А что ж вы без замков
Живете, дверь открывши для воров?»
Ему сказали: «Нет у нас воров,
Как нет ни богачей, ни бедняков,
У нас все обеспечены равно.
Здесь, если бросишь на землю зерно,
Ты сам-семьсот получишь урожай,
Так щедро небом одарен наш край».
Шах вновь им: «Почему никто из вас
Меча не обнажил в урочный час,

Чтоб власть свою народу объявить,
Чтоб твердый свой закон установить?
Как можно жить без власти? Не пойму!»
И граждане ответили ему:
«Нет беззаконий средь людей страны!
Нам ни тиран, ни деспот не нужны».
Вновь шах спросил их: «Дайте мне ответ!
А почему средь вас богатых нет?»
Сказали шаху: «Нам — сынам добра —
Противна жадность к грудам серебра.
Нет в мире яда алчности страшней,
И нет порока скупости гнусней.
Обычай и нравы эти к нам
Пришли от предков, от отцов к сынам.
Отцами наши возвращены сады,
Мы их храним, снимаем их плоды».
Был Искандар всем этим поражен,
И повернул войска обратно он.
И проезжал он мимо мастерской,
Где, было видно, трудится портной.
Столь яркий свет лило его окно,
Что стало у царя в глазах темно.
Какую тот портной одежду шил?
Он жилы сердца резал и кроил,
Сосуды страсти низкой разрывал
И как-то их по-новому сшивал.
Пороки сбросив, словно хлам одежд,
Как нитку, шею скручивал невежд,
Иглы не выпускал из быстрых рук.
Шах Искандар сказал ему: «О друг!
Ты знал, что я гощу у вас в стране.
Что ж ты с народом не пришел ко мне?
Зачем от нас лицо ты отвратил,
Иглою быстрой к нам не поспешил?»
Портной сказал: «Я — вольный человек.
Я никому не кланялся вовек.
Моя судьба чужда твоей судьбе,
Из-за чего ж мне кланяться тебе?
Не по сердцу мне трон высокий твой,
Так что ж змеей мне ползать пред тобой?
У нас два шаха здесь делили власть,
Но жизнь их в некий день оборвалась».

С престола в темноту они сошли
И ничего с собой не унесли.
От их порфир, от их шелков цветных
Остались только саваны на них.
Ушли они, когда пробил их час.
Они чужими были здесь у нас.
И потому без почестей их прах
Похоронили далеко в горах,
Сложили прямо наземь, не в гробу.
И я пошел оплакать их судьбу.
Взглянул на тлен, оставшийся от них,
И на разбросанные кости их.
Хотел я их сложить, как надлежит, —
Не понял, что кому принадлежит». —
Шах молвил: «Ты познаешь озарен.
Ты мудростью великой одарен.
Коль хочешь — осеню тебя венцом,
Поставлю здесь над городом царем». —
Сказал портной: «Благодарю за честь,
Но лучше я останусь тем, что есть!
Зачем мне шить себе наряд царя,
Бессмертья шелк кроить и портить зря
И однодневный шить себе багрец?
Другому нищему отдай венец!»

О кравчий, на корабль разбитый мой
Внеси корабль бокала золотой!
Чтоб я, среди сонма тонущих пловцов,
Живым достиг желанных берегов,
Певец, по струнам проводи смычком
И пой мне песню сладкую о том,
Как счастлив нищий тот полунагой,
Который царство отпихнул ногой.

МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИСКАНДАРА

Весь мир был Искандаром покорен.
И подвигом своим гордился он.
И он решил покинуть твердь земли
И войско посадил на корабли.
Хоть жаром битв уста он опалил,
Но жажды знания не утолил.

Пред ним лежало море, как земля,
Покорно волны синие стеля.
В морскую даль корабль он направлял,
О гибели в пути не помышлял.
Как на коне могучем по земле,
Он мчался по волнам на корабле,
И гору Каф он увидел вдали —
У грани неба, на краю земли.
Так от алифа он до каф дошел,
Как ученик, что азбуку прочел.
Там, ростом с гору, великан стоял,
Рукой за пояс гору обнимал.
И царь спросил у великана: «Эй,
Могучий, как зовется остров сей?
Какую мысль ты в сердце затаил?
Зачем рукою гору обхватил?»
— «Зовется этот остров Каф-горой,
Он в равновесье держит шар земной,
Так держится корабль на якорях.
А гору крепко я держу в руках,
Чтоб неподвижною она была,
Чтоб, сдвинувшись, земли не потрясла.
Отсюда реки под землей текут,
Отсюда жилы вдоль по ним идут.
Коль грянет божий гнев на край иной,
Тогда я сильно дергаю рукой
За жилу, что в проклятый край ведет,
И в тот же миг там всё во прах падет».
Шах понял, что скрывает высота
Опоры мира вечные врата.
Беседу он с титаном продолжал,
О многом спрашивал. Тот отвечал.
Сложив у рта ладони, шах кричал,
А тот в ответ, как туча, грохотал.
Шах молвил: «О вселенной красота,
Хранящий мира тайные врата!
И ты меня последним не сочти
В пытливости на жизненном пути.
Хотел бы людям мира я принести
От сокровенных врат бессмертья весть.
Мне дверь сокровищниц приотвори,
Мой путь к заветной цели озари!»

И тот ответил: «Древний сей чертог
Для злых и добрых дел людских широк.
Обозревай течение веков,
К любому испытанью будь готов.
Когда поднимет утро алый стяг
И звездный щит свой бросит черный шах,
Берись за ежедневный труд, пока
Жива твоя десница и крепка.
Благоуханный рай для тех открыт,
Кто добрыми делами знаменит.
Будь мягок с теми, чей удел суров,
Защитой будь гонимых и рабов.
Не делай никого своим рабом,
Всем поровну свети своим лучом.
Душой, как роза нежною, гордись,
Но к старости в ежа не превратись.
И если вспыхнет гнев на дне души,
Его ты милосердьем потуши.
Касается ли то добра и зла,
Обдуманно верши свои дела.
Порою быстроногий скороход
Скорее по дороге упадет.
Порой набор красивых, громких слов
Пустым окажется, коль снят покров.
Порою то, что истиной блеснит,
Одни ошибки в глубине таит».

ПОЯВЛЕНИЕ ПРЕДВЕСТНИКОВ СМЕРТИ ИСКАНДАРА И ЕГО ПИСЬМО МАТЕРИ

Так предводитель слов повествовал
О шахе, что весь мир завоевал.
Об Искандаре по кругам светил
Читал он долго, и определил
Судьбу его, и начертал слова:
«От юношеских лет владыки-льва
И до кончины под мечом царя
Преклонятся все страны и моря.
И будет там, где он увидит смерть,
Земля из стали, золотая твердь.
Ковер железный будет под пятой
И золотой навес над головой».

Когда на берег Искандар ступил,
Он к странам Рума взгляды обратил.
И снова сел в седло — не на престол,
Стремительно, как вихрь, войска повел.
И взял он по дороге много стран,
Как мчащийся в пустыне ураган.
Он так спешил, что на своем пути
На отдых не хотел с седла сойти.
Поник весь мир перед его копьем.
И вот однажды, знойным летним днем,
Вошли его усталые войска
В пределы раскаленного песка.
Пустыня, как железный таз — верней,
Жаровня, красных полная углей,
Как раскаленная сковорода,
Не видевшая влаги никогда,
Их гневно облегла со всех сторон.
Там камень скал от зноя размягчен.
Усеян путь безвестных ездовых
Обломками расплавленных подков.
Когда б над нею феникс пролетел —
Как бабочка, он там бы обгорел.
Коль скряга деньги б там в горсти зажал —
Как ртуть, он их в руке б не удержал.
Вздыхало войско: «Как перенести
Опасности и тяжести пути?»
Но, презирая нестерпимый жар,
Вел по пустыне войско Искандар.
Делил он муки войска своего.
От зноя кровь вскипела у него.
И кровь коралловая потекла
Из носа шаха на луку седла.
Все средства он пытался применить,
Но всё же кровь не мог остановить.
Смерть в корабле его пробила брешь.
Где сила, чтобы ту закрыла брешь?
И тесным стало для царя седло,
Его удушье наземь повлекло.
Один из приближенных подбежал,
На землю шаха осторожно снял,
Железную кольчугу подстелил,
Златым щитом от солнца заслонил.

Так на ковре железном, под щитом
В беспамятстве лежал он. А потом
Открыл глаза свои, очнулся шах,
И голос прозвучал в его ушах:
«Вот это место, как сказал мудрец,
Где ты найдешь грядущий свой конец».
И он писца к себе призвать велел,
И матери письмо писать велел.
На пальмовых листах писец писал,
И мускус слов его благоухал:
«Был не один в минувшем царь иль хан,
Завоевавший в мире много стран
И не успевший со стремян на трон
Переступить — и смертью истреблен.
Где их добро, и власть, и царства где?
Пошли на разграбление беде.
Попал в погибельный водоворот
Я — Искандар, и мой настал черед.
Хоть счастьем в мире, где ни побывал,
Победоносно я овладевал,
Но, только к дому взоры обратил,
Мне смерти меч дорогу преградил.
Прощай! Прими последний мой привет,
О госпожа, о мать моя, мой свет!
Ты, в ком искал опору Фейлакус,
Ты озарила страны Рум и Рус,
И мудрости твоей благодаря
Я овладел короною царя.
Увы! Раздавлен миром, я ушел!
Увы! Мой цвет увял и рухнул ствол!
Уйду я, вихрем гибели гоним,
Не наслажась присутствием твоим.
Всю жизнь свою в трудах ты провела,
Чтоб легче мне стезя моя была.
Вот дерево садовник посадил,
Он кровью сердца дерево вспоил.
И дерево украсило сады
И принесло желанные плоды.
Но вихрь свирепый дерево сломал,
И оборвал плоды, и разметал.
То дерево загубленное — я,
А тот садовник мудрый — мать моя.

Я гибну не случайно. Небосвод,
Как платье, плоть на время нам дает;
Со дня рожденья был я обречен,
Как всякий смертный, что на свет рожден...
Звериный, человеческий ли плод —
Все, что входили в Зданье Двух Ворот,
Все умерли с отчаяньем в груди,
Луча надежд не видя впереди.
И в радости никто еще живой
Не расставался со своей душой.
Когда гонец послание примчит
Тебе о том, что миром я убит,
И пред тобою потемнеет свет,
Когда узнаешь ты, что сына нет,
Родная! Мудрости не отвергай,
Кровавых слез из глаз не проливай!
Но отречения поставь печать,
Вступи на путь терпения, о мать!
Как солнце, ты не рви одежд своих,
Не надевай покровов голубых.
И если горе плоть испепелит,
Пусть разум твой пред горем устоит.
Не вырывай волос своих седых,
Не раздирай ногтями щек своих,
От безутешной боли не стенай!
Ведь неизбежно было это, знай!
Над бездной горя поднимись горой.
Но коль не устоять тебе одной,
Ты скорби поминальный стол накрой,
Пир для достойных в честь мою устрой.
Им за столом поклясться предложи,
Сердца такую клятвою свяжи:
«Пусть каждый, кто в темнице бытия
Потерей друга сокрушен, как я,
Пусть к пище скорби рук не устремит,
Пусть выше чистым помыслом летит!
А кто питаться скорбью будет, тот
Ущерба никому не нанесет,
Но лишь душе своей. А что больней
Ущерба жизни собственной своей?»
Но чужд печали истинный мудрец,
Он ведает: всех ждет один конец.

Смерть розни меж людьми не признает,
Рознь в том, что раньше ль, позже ли придет.
Хотя я в жизни обошел весь свет, —
Увы! — я умираю в тридцать лет.
Но если бы я прожил и века
И каждый день брала моя рука
Всё больше новых богатейших стран,
От полюса по южный океан,
Какая польза в том? Ведь всё равно
Жить вечно человеку не дано.
Увы, о прутья клетки бытия
Изранена смертельно плоть моя.
А думалось, что счастье я найду
В саду блаженства, здесь — в земном саду.
Живу надеждой, что близка пора —
В цветник войду из пламени костра,
Что нас соединит небесный рай.
На том письмо кончаю я. Прощай!»
Когда же содержание письма
Исчерпалось, как жизнь его сама,
Он алой кровью сердца своего —
Не киноварью — подписал его.
Как скорби сердца жгучее клеймо,
Печать свою поставил на письмо,
Свой поцелуй на нем запечатлел
И в Рум письмо доставить повелел.

О виночерпий! С чашею приди,
Гонца с письмом до цели доведи!
Для тех, чьих тонких мыслей ткань чиста,
Открыты наслаждения врата.
Певец! В стенаньях флейты запиши
Глубокий стон израненной души!

ЗАВЕЩАНИЕ ИСКАНДАРА

Да будет добродетельный счастлив,
Кто с добрыми и злыми справедлив.
Царь к матери своей послал гонца
Пред наступленьем смертного конца.

В кругу друзей отверз уста свои,
Всех одарил сокровищем любви,
Осыпал близких ливнем жемчугов
И дальних не оставил без даров.
И так он свите плачущей сказал:
«О братья, мой последний час настал.
Когда в табут положите мой прах —
Безмолвный, в погребальных пеленах, —
Дабы услышал каждый из людей
О бедной, скорбной участи моей,
О том, как был я славен и велик —
Мир покорил, но цели не достиг, —
Пошлите весть по странам и краям,
Пошлите весть по землям и морям,
Что эти руки, бывшие сильнее
Всех в мире, властью дивною своей
Срывавшие венцы с голов царей,
Сразившие полки богатырей,
Что эти руки мощные несли
Ключи от всех сокровищниц земли.
Но умер шах. И нет в руках его
Ни власти, ни богатства — ничего.
В путь бесконечный — в океан глухой
Ушел он, ничего не взяв с собой».
Живущий! Близок срок твой впереди.
Смерть скажет: «Всё отдай и уходи!»
Ты золотом и перлами богат,
Знай — людям всем они принадлежат!
Отдай народу всё, что должен дать, —
И оскудения не будешь знать.

О кравчий, с полным кубком поспеши,
Дай стражам утолить огонь души!
Певец, перебирай лады стихов
В размере добром сокровенных слов!
И пусть твой взор на доброе глядит,
Делами лишь добро руководит.

РАССКАЗ О СМЕРТИ ИСКАНДАРА

Закончив завещанье, царь царей
Вернул земле всё, что был должен ей.
И, крепкой связи лишена земной,
Душа переселилась в мир иной.
Осиротели боевые львы,
Войска его остались без главы.
От синих погребальных покрывал
Простор земли, как небо, синим стал.
Прощаться шли войска за рядом ряд,
Последний скорбный выполнить обряд.
Омыли тело розовой водой,
Покрыли драгоценной пеленой.
Из золота ему сковали гроб,
Китайскою парчой устлали гроб,
И подняли, как трон, и понесли.
И вслед войска в слезах за ним пошли.

Чуть на востоке заалел туман,
Загрохотал походный барабан.
И подняли златую колыбель —
Владыки мира смертную постель, —
На спинах двух верблюдов царский прах
Покоится — на мощных двух горбах.
Огромные верблюды вдаль идут.
На их горбах качается табут. . .
И день и ночь, не разбивая стан,
Шел по степям огромный караван.
На запад неуклонно путь держа,
В мученьях, из последних сил спеша,
Стоянки сокращая на пути,
От жажды изнывая на пути,
Шли день и ночь они — и донесли
Останки до границ родной земли.
Та весть дошла до Рума, как волна,
И застонала румская страна,
И в знак печали, за Египтом вслед,
Окрасила одежды в синий цвет.
В Искандарии-городе жила
Мать Искандара — разумом светла,

Душой тверда. Но так страшна была
Та весть, что дух могучий потрясла.
Огнем ее дыханье занялось,
В ней сердце черной кровью облилось.
Ей грудь свою хотелось разорвать,
Свою живую душу растерзать.
Казалось ей, что мук не превозмочь,
Хотелось ей, чтоб мир затмила ночь,
Хотелось, в жалобах на небеса,
О камни биться, вырвать волоса,
В лохмотья изорвать шелка одежд,
Не подымать слезой сожженных вежд.
Но, внявши Искандарову письму,
Она вернулась к кругу своему —
В орбиту царственных забот и дел,
Всё совершила, как ей сын велел.
Послала весть в Египет, в Рум, в Иран,
Людей призвала из полночных стран
Прах Искандара встретить и войска.
И притекли посланцы, как река,
Пришли, душевной горестью горя,
И золотую колыбель царя
В Искандарию на руках внесли,
И, как святыню, пышно погребли.

ПИСЬМО АРАСТУ К МАТЕРИ ИСКАНДАРА

Когда услышал Арасту, что шах
Свирепым небом превращен во прах,
Открыл он путь участливым словам.
Из ветки амбры вырезал калам
И кровью, а не мускусом чернил
В письме он словом скорби говорил:
«Я должен бы, о мать страны родной,
К тебе прийти с поникшей головой
И на твоём пороге слезы лить,
Печаль твою всемерно утолить.
Но старостью я связан по ногам
И сам, увы, дойти не в силах к вам.
Великий Искандар — питомец мой —
Всей овладел поверхностью земной.

Пусть он ушел, свои пожитки взял,
Но их на троне славы он связал.
Смерть! Он ушел от тысячи смертей,
Но всё ж не миновал твоих сетей!
В живом саду листка я не видал,
Который бы пред бурей не дрожал.
О смерть! Кто мертв — того твой меч сразил,
Кто жив — того твой лик оледенил.
Всё, что ушло, то скрыто под землей,
Всё, что живет, опутано тобой.
Жесток непостижимый небосвод,
Никто от гнева неба не уйдет.
Равно и падишахам и рабам
Единый путь лежит к его сетям,
Но счастлив тот, кто, разумом глубок,
Из смерти ближних извлечет урок.
Ты целью жизни избери добро!
Иди путем добра, твори добро!
Дороже золота и серебра
И выше власти — знание добра.
Жизнь человеческая коротка,
Но имя доброе живет века.
Под этим грозным куполом плыви
По вечным звездам правды и любви».

ОТВЕТ МАТЕРИ ИСКАНДАРА НА ПИСЬМО АРАСТУ

Мать Искандарова, в своей крови •
Таившая живой родник любви,
Утешилась в несчастьи своем
Сыновнего наставника письмом.
Открыла сердце золотым словам,
Как бы пила целительный бальзам.
И написала излучавшим свет
Каламом амбровым ему ответ:
«Мой сын, до звезд венец поднявший свой,
Всё ж был беспомощен перед судьбой.
И если он пред смертью слезы лил,
С лица он пыли гибели не смыл.

Пыль смерти сына, копоти черней,
Осела тяжко на душе моей.
Омыла душу чистая слеза.
Сурьюмою горя на мои глаза
Потеря эта черная легла.
Но хоть погибло всё, чем я жила,
Хотя как рой горящих вражьих стрел
На мирный город сердца налетел,
Хоть для меня померк прекрасный мир, —
Я отменила поминальный пир.
Ведь это было бы, учитель мой,
Что жалуется мертвому живой.
И вот ко мне письмо твое пришло
И утешенье сердцу принесло.
Письмо твое. . . Надеждою дно
И несказанной мудростью полно.
Пред веяньем его исчезла тьма,
Что скрыла звезды моего ума.
И ожил сад терпенья моего
Под животворной влагою его!»
И, светом примиренности полна,
На том письмо закончила она.
И повесть про нее к концу пришла,
От старости царица умерла.

Приди, о виночерпий, в добрый час,
Пусть ручка чаши руку нам подаст!
И струны арфы неба оборви
Для чанга человеческой любви!

•

III

ИЗ ПЕРВОГО САДА

* * *

Старец гератский Абдаллах Ансари, да ниспошлет ему всевышний свое благословение, завещал своим последователям: «Помните слова каждого старца, а если не можете, то вспоминайте имена их для вашей пользы».

От звуков имени святого
течет любовь.
И от письмен твоих и слова
течет любовь.
Тот, кто селом твоим проходит,
влюбленным стал.
Да! От дверей твоих и кровя
течет любовь.

Абухашим, суфий, да будет благословенна его память, сказал, что легче острием иглы исторгнуть из земли большую гору, чем выбросить из сердца грех гордости.

Гордость прячется искусно, не сыскать ее примет.
Муравьиный след заметней в пору полуночной мглы.
Ты легко ее исторгнуть из души не думай, нет:
Легче из земли исторгнешь гору кончиком иглы.

ИЗ ВТОРОГО САДА

* * *

Искандар Греческий во времена завоевания мира при помощи разных хитростей некоей крепостью овладел и разрушить ее повелел. Ему сообщили, что там есть ученый местный, в разрешении всяких трудностей весьма известный. Искандар потребовал его к себе и, увидав, когда тот вошел, лицо некрасивое до удивления, вызывающее у других людей отвращение, сказал: «О, какой ужасный вид! Он других людей смущает и страшит».

Мудрец от этих слов вспылал и, раздраженно усмехаясь, проговорил:

Не смейся над тем, что дурен я собой,
Невеждою, неучем грубым не будь.
Ведь тело — что ножны, душа же — что меч:
В булатном мече, а не в ножнах вся суть.

И еще сказал: чья наружность и чей нрав не хороши, для того кожа на теле как темница для души. Своим существованием он так стеснен, что в сравнении с такой жизнью темница кажется ему привольным местом отдыха.

Того, кто зол и груб и не в ладах с людьми,
Несчастливым почитай, а не стремись добиться
От управителя: «В тюрьму его возьми»,
Ведь кожа для него на теле, как темница.

И еще сказал: каждый завистник постоянно в волнении и в муке, от него и создателю много доуки. Когда творец что-либо дает другому, он этим возмущается и к тому, чего у него нет, всем сердцем прилепляется.

С повеленьями бога в разладе всегда —
Да погибнет он! — тот, чье завистливо око:
У другого что-либо завидев, стонать
Начинает: «За что обделен я жестоко?»

И еще сказал: кто щедр и мудр, тот с друзьями счет
именю своему ведет, а неразумный скряга своим вра-
гам богатство отдает.

Великодушный муж достаток каждый свой
К ногам своих друзей с улыбкою бросает,
В то время как скупец всё то, что приобрел,
Бесславно жизнь прожив, врагам предоставляет.

И еще сказал: когда мудрец на шутки и насмешки
вниманье обращает, он честь свою и славу лишь теряет
и пыль позора и презренья поднимает.

Из-за глупостей зачем ты платье рвешь?
Я боюсь, что пострадает твой почет.
О мудрец, людей посмешим не будь,
А не то твое величие падет.

И еще сказал: кто себе насильнический образ дей-
ствий изберет, тот сам от ударов сильнейшего падет.

О, выслушай, мой друг, речение одно,
Что к изречениям я причисляю вечным:
Бесчеловечия кто обнажает меч,
Тот сам падет, сражен мечом бесчеловечным.

Когда Искандар перлами той премудрости наполнил
слух, он и уста свои, подобно слуху, наполнил перлами
и от стремления разрушить эту крепость отвратился.

* * *

Искандар отстранил одного из чиновников от высо-
кого и благородного дела и поручил ему дело низкое.
Однажды этот человек пришел к Искандару. Тот спро-
сил его: «Как ты находишь свое дело?» Человек отве-
тил: «Да будет продолжительна жизнь падишаха, ибо
не должностью облагораживается и возвышается чело-
век, но должность благодаря человеку становится благо-
родной и высокой». Беспристрастие и справедливость
были любы Искандару, и он возвратил этому человеку
прежнюю должность.

Коль степень высокую
ты получил, то старайся
Показывать в ней постоянно
способность и рвенье.

Достоинство мужа к нему
не придет через должность,
Но муж благородный
украшит собой назначенье.

* * *

Один глубокомысленный дервиш с неким могущественным падишахом имел частые встречи и приятные собеседования. Но однажды он заметил, что царь тяготится им, и, сколько он ни искал, другой причины, кроме частых своих посещений, не нашел. Полу взаимных отношений подобрал и ковер обоюдных увеселений свернул. Однажды тому падишаху случилось в пути встретиться с ним. Уста к разговору отверз: «О дервиш, что за причина тому, что ты отстранился от нас и стопу посещений своих отвратил?» Тот ответил: «Причина такова — я узнал, что вопрос: почему ты не приходишь? — лучше, чем обнаружение скуки по поводу прихода».

У дервиша вельможа спросил: «Почему,
О дервиш, ты так долго ко мне не приходишь?»

«Потому что вопрос сей, — сказал тот ему, —
Много лучше вопроса: зачем ты приходишь?»

ИЗ ТРЕТЬЕГО САДА

* * *

Нушин-Реван в день Нового года либо в день праздника Михрджан созвал гостей. Во время пира он увидел, что один из присутствовавших, приходившийся ему родственником, спрятал под мышку золотую чашу. Царь, как бы не заметив, ничего не сказал. Когда пир окончился, виночерпий заявил: «Пусть никто не выходит

Перед тобою ниц
 здесь на земле простерт я,
И даже под землей
 в твоей я воле буду.

Акиль написал ему в ответ арабское четверостишие, смысл которого сводился к следующему: когда благородный бывает огорчен другом, надлежит ему избрать уголок отдаления и уйти в местечко самоуглубления, но не к злу препоясать чресла и не к злоречию развязать язык.

Когда твой лучший друг
 тебе захочет злого,
С ним только разлучись,
 не надо зла другого.
Ни в пререкания,
 ни в тяжбу не вступай,
Путь примирения
 навек не закрывай.

Снова стал Муавия просить извинения и умолять о мире и ценою мира послал ему сто тысяч дирхемов.

О прощенье моли,
 оправданья ищи, если видишь,
Что устои разбились
 у дружбы старинной твоей.
Если ж словом исправить
 не мог поврежденное зданье,
Кирпичей золотых
 и серебряных ты не жалей.

* * *

Хаджжадж на охоте отбилсЯ от своих воинов. Подъехав к одному холму, он увидел бедуина, который, сидя, искал в своем рубище насекомых, а вокруг него паслись верблюды. Животные, увидав Хаджжаджа, в испуге бросились бежать. Бедуин поднял голову и сердито сказал: «Кто там, да проклянет его бог, пришел из пустыни

в роскошной одежде?» Хаджжадж, ничего не сказав, приблизился и приветствовал: «Мир тебе, о бедуин!» Тот ответил: «А тебе да не будет ни мира, ни милости божией, ни благословения его!» Хаджжадж попросил воды. Бедуин сказал: «Сойди униженно и смиренно с коня, а я, ей-богу, тебе не слуга и не товарищ». Хаджжадж слез с лошади и выпил воды, потом спросил: «О бедуин, кто, по-твоему, лучший из людей?» — «Посланник божий, да благословит и спасет его господь тебе на досаду», — отвечал бедуин. «А что ты скажешь относительно Али, сына Абуталиба?» — снова спросил Хаджжадж. «Благотетельность и величие имени его не вмещают уста», — отвечал бедуин. «А что ты скажешь относительно Абдальмалика, сына Мирвана?» Бедуин молчал. Хаджжадж сказал: «Что же, отвечай мне!» — «Он плохой человек», — ответил бедуин. «Почему?» — «Произошло от него злое дело и заполнило собою всё от Востока до Запада». — «Что же это такое?» — «А то, что он поставил над правоверными этого бесчестного и развратного Хаджжаджа». Хаджжадж ничего не сказал, а в это время пролетела птица и крикнула. Бедуин обернулся к Хаджжаджу и спросил: «Эй, муж! Кто ты такой?» — «А почему ты меня спрашиваешь об этом?» — «Потому что эта птица известила меня, что подходит войско и что ты — начальник его». При этих словах действительно появились воины Хаджжаджа и, подъехав, приветствовали его. Бедуин, увидав это, побледнел. Хаджжадж повелел, чтобы всадники взяли бедуина с собою, и, когда на другой день утром принесли накрытый стол и собрались люди, он позвал его к себе. Бедуин вошел и обратился с приветствием: «Мир тебе, о князь! Милость и благословение божие да будут над тобою!» Хаджжадж сказал: «Я не поступлю так, как поступил ты. Мир и тебе!» И прибавил: «Садись и ешь». Бедуин возразил: «Пища твоя, и если ты дашь позволение, то я поем». — «Я уже дал позволение», — ответил князь. Бедуин присел и протянул руку, говоря: «Во имя господа. Ах, если бы пожелал господь, чтобы и после еды не случилось ничего худого». Хаджжадж рассмеялся и сказал: «Вы ничего не знаете о том, что произошло вчера со мною и с ним?» — «О князь, — взмолился бедуин, — ради бога, не разглашай сегодня нашу вчерашнюю беседу». На это Хадж-

жадж сказал: «Выбирай, бедуин, одно из двух: или оставайся у меня, и я сделаю тебя одним из моих приближенных, или же я отошлю тебя к Абдальмалику, сыну Мирвана, уведомив его о том, что ты говорил. Пусть он тогда делает с тобою, что хочет». — «А можно поступить и по-другому», — возразил бедуин. «Как же?» — спросил князь. «А вот как: позволь мне спокойно возвратиться в мою страну, и в другой раз ни ты меня не увидишь, ни я тебя». Хадждадж рассмеялся и повелел, чтобы бедуину дали тысячу дирхемов и отослали домой.

Следует каждому складной и ласковой речью
Прав притеснителя от притеснений отвлечь.
Низкого духом, забывшего щедрость и милость,
Силою слова от злых заблуждений отвлечь.

ИЗ ЧЕТВЕРТОГО САДА

* * *

Про Абдаллаха, сына Джафара, — да ниспошлет им обоим господь благословение! — передают, что однажды он отправился в путешествие. Спешившись у принадлежащей неким людям пальмовой рощи, он увидел, что сторожившему ее молодому черному невольнику принесли на обед три хлеба. Тут же находилась собака. Раб бросил ей один из хлебов. Собака съела. Тогда он бросил другой; собака тоже съела. Он бросил третий, и собака опять съела. Абдаллах — да ниспошлет ему бог благословение! — спросил у раба: «Из чего состоит твое дневное пропитание?» — «Из того, что ты видел», — отвечал невольник. «Почему же ты не воспользовался им сам?» — «Потому, что собака эта чужая. Мне кажется, что она пришла издалека и что она голодна, вот я и не хотел отпустить ее голодной». — «А что же ты будешь есть сегодня?» — опять спросил Абдаллах. «Буду поститься», — ответил невольник. Тогда Абдаллах сказал самому себе: «Все люди упрекают меня в излишней щедрости, но этот невольник щедрее меня».

Раба, сад и всё, что там было, купил и, дав рабу вольную, подарил ему купленное имущество.

В Медине жил ученый, трудолюбивый, полный рвения, в знанье богословских наук достойный изумленья. Однажды проходил он мимо лавки торговца рабами и увидел молодую рабыню-певицу. Совершенство ее голоса планету Нахид смутило, а красоте ее лика дивилось дневное светило. Он пленился ее красотой, очаровался ее родинкой, ее кос густотой. Вняв ее песне, бремя бытия он повлек в пустыню уничтожения. Стремясь слышать ее голос вновь и вновь, он из тесноты разума вышел на просторный путь к дворцу самозабвения.

Лицо прекрасное, прекрасный, нежный голос
И порознь увлекут любое из сердец,
Когда ж они слиты в едином человеке,
Тебе несдобровать, хотя б ты был мудрец.

Одежды мудрости он совлек, в рубище позора облекся и, забыв стыд, слонялся по базарам Медины. Друзья стали его упрекать, но ничто не помогло. Описание его положения вот в этих словах найдете иль когда эту песню споете:

Когда прелестной ты увлечен,
Спасти как можешь покой и сон?
Ах, все упреки — как в уши ветер:
Сильней лишь пламя раздует он.

Эта история дошла до Абдаллаха, сына Джафара, да ниспошлет им обоим господь благословение. Он призвал к себе хозяина рабыни и купил ее за четыре тысячи дирхемов. Потом повелел ей, чтобы она спела на тот самый голос, которым был пленен ученый. Спросил ее: «Кто тебя этому научил?» — «Такая-то певица», — ответила рабыня. Он потребовал к себе также и ту певицу. После того он позвал ученого и спросил: «Хочешь ли ты тот напев, в который ты влюблен, услышать от учительницы той рабыни?» — «Да», — отвечал ученый. Позвали певи-

* * *

Абдаллаху, сыну Джафара, во времена Муавии ежегодно выдавали из средств казначейства тысячу дирхемов. Когда воцарился Йезид, то предоставил ему пять тысяч дирхемов. Его стали упрекать: «Деньги эти для всех правоверных, зачем же ты даешь столько одному человеку?» Йезид отвечал: «Я даю это всем нуждающимся Медины, ибо он ничего не пожалеет для терпящих нужду».

Тайно от Абдаллаха послали вместе с ним в Медину одного человека, чтобы разузнать положение дел. И действительно, в течение одного месяца он израсходовал все и даже, говорят, впал в долги.

Если б в щедрую десницу целый мир ему достался,
Всё богатство мировое расточить он был бы рад.
Этим горем у дервиша сердце ранено не будет,
Всё растратив без остатка, скажет: «Ныне я богат».

* * *

Ибрахим, сын Сулеймана, сына Абдальмалика, сына Мирвана, рассказывает:

В то время, когда халифат переходил от Омейядов к Аббасидам и Аббасиды хватали и убивали Омейядов, я, сидя в окрестностях города Куфы на кровле дома, возвышавшегося над равниной, увидел, что черные знамена выступили из Куфы. Мне пришло в голову, что эта толпа идет на поиски за мной. Я сошел вниз и, переодетый, вошел в Куфу, но не знал там никого, у кого мог бы скрыться. Я достиг дверей богатого дома и увидел въезжающего в дом красивого всадника, окруженного невольниками и слугами. Я приветствовал его. Он спросил меня: «Кто ты и что тебе угодно?» — «Я человек беглый, — отвечал я, — страшусь своих недругов и в твоём доме ищу убежища». Тогда он ввел меня в свой дом и поселил меня в горнице около гарема. Я пробыл там несколько дней в наилучших условиях, находя перед собой все, что наиболее нравилось мне из пищи, питья и оде-

жды. Хозяин у меня ни о чем не спрашивал. Каждый день он выезжал куда-то верхом и снова возвращался. Однажды я спросил у него: «Ежедневно я вижу, как ты садишься на коня и вскоре возвращаешься: зачем ты едешь?» Он отвечал: «Ибрахим, сын Сулеймана, убил моего отца, и я слышал, что он скрылся в этом городе. Каждый день я выезжаю в надежде, что, быть может, найду его и отомщу за своего отца». Когда я услышал это, то мое злосчастье поразило меня, ибо судьба забросила меня в жилище того, кто добивается моей смерти. Так как я пресытился своим существованием, то я спросил у того мужа его имя, а также имя его отца и, узнав, что он говорит правду, сказал: «О благородный муж! Ты, как мой покровитель, имеешь надо мною неограниченные права. Мне надлежит указать тебе твоего недруга и тем сократить путь твоих скитаний. Ибрахим, сын Сулеймана, — это я, и виру за кровь отца твоего требуй с меня». Он мне не поверил и сказал: «Тебе, должно быть, надоела жизнь, и ты хочешь освободиться от сего бремени». — «Нет! Ей-богу, я его убил», — ответил я и представил доказательства. Узнав, что я говорю правду, он вспыхнул, и глаза его налились кровью. На мгновение он поник головой, а затем сказал: «Скоро ты придешь к моему отцу, и он сам потребует у тебя отмщения за свою кровь, я же не посрамлю своего гостеприимства. Встань и уходи, ибо я в себе не уверен и боюсь, как бы мне не причинить тебе вреда».

Затем он пожаловал мне тысячу динаров. Я взял их и вышел.

О юноша, духа величию учись,
У опытных в жизни отличию учись.
От сердца злодейский совет отклоняй,
От уст своих речи клевет отклоняй.
Добром отвечай постоянно на зло.
Врагу оно пользу едва ль принесло.
Когда же ты доброе дело творишь,
К тебе возвратится то доброе лишь.

Однажды ночью случился пожар в большой каирской мечети, и она сгорела. У мусульман появилось подозрение, что это сделали христиане. В отместку они стали поджигать их дома и сожгли их. Султан Египта захватил часть поджигателей, собрал их в одном месте, велел по числу их наделать жребиев и написать в них для некоторых смертную казнь, для некоторых же отрубление руки или наказание плетью. Затем эти записки рассыпали над ними, и на кого какой жребий упал, с тем должны были поступить сообразно содержанию записки. Один из жребиев, содержащих смерть, упал на некоего человека. Он сказал: «Я смерти не боюсь, но у моей матери нет никого, кроме меня». Около него стоял другой человек, на записке которого было написано наказание плетью. Со словами: «У меня нет матери» — он отдал свою записку соседу, а его жребий взял себе и был казнен вместо первого, а того наказали вместо него плетью.

Сребро и золото — вот к сердцам обычный путь,
 От чистоты души великодушным будь.
 Кто чист душою, тот, коль друга скорбь узнает,
 Бесстрашно за него живот свой полагает.

ИЗ ПЯТОГО САДА

У Хатема спросили: «Видел ли ты когда-либо кого-нибудь щедрее себя?» Отвечал: «Да. Однажды я сошел с коня у дома одного молодого человека, круглого сироты, который имел десять голов баранов. Он сейчас же заколол одного барана, сварил и подал мне. Мне пришлось по вкусу один из кусков; я съел его и сказал: «Ей-богу, это было очень вкусно». Юноша вышел, переколол одного за другим всех баранов, сварил облюбванное мною место и подал мне, причем я ничего и не подозревал об этом. Когда я вышел, для того чтобы садиться на коня, то заметил близ дома очень много крови. Я спросил: «Что это такое?» Мне ответили: «Он заколол всех своих баранов». — «Зачем ты это сделал?» — упрекнул я его тогда. «Слава богу, — ответил он, — что я обладал тем,

что тебе понравилось; оказаться же в таком случае скучным было бы плохим поступком для араба». Тогда спросили у Хатема: «А что же ты дал за это?» — «Триста рыжих верблюдов и пятьсот баранов», — ответил он. «Но ведь в таком случае ты оказался щедрее», — возразили ему. «О нет! — воскликнул Хатем. — Он отдал всё, что имел, я же дал не более малой части того изобилия, которым обладал».

Когда бедняк, имеющий полхлеба,
Весь целиком дает достаток свой,
Не больше ль то, чем если царь вселенной
Своей казной поделится с тобой?

ПРИМЕЧАНИЯ

Творческое наследие Джамии поражает обилием и разнообразием поэтических жанров. Помимо крупных поэм, написанных в конце его творческого пути, он в течение своей жизни создал огромное количество лирических произведений — касыды, тарджибанды, таркибанды, газели, месневи, кыта, рубай, муамма, мурабба, фарды.

Подготовленный ныне к печати на языке оригинала полный критический текст одного только лирического наследия Джамии насчитывает около шестнадцати с половиной тысяч бейтов, составляющих более двух тысяч произведений.

В свой куллийат — полное собрание сочинений — Джамии включил тридцать восемь названий, список которых прилагается ниже¹. К этому списку добавлены еще восемь сочинений. Четыре из них были написаны Джамии после завершения работы по составлению куллийата («Комментарий на „Геммы премудрости“», «Наставление Зийааддину», «Трактат об ответе на споры из Индии», «Стихотворная и прозаическая грамматика на персидском языке»), два остались незавершенными («Комментарий на Коран», «Комментарий к „Ключу тайн“») и два были утеряны при жизни поэта (большой трактат об обрядах паломничества и сочинение по геометрии или астрономии, написанное Джамии в юности).

Произведения Джамии переведены на многие языки Востока. «Весенний сад», «Юсуф и Зулейха», «Лайли и Маджнун», «Саламан и Абсаль», «Золотая цепь», «Доказательства пророчества», «Сорок хадисов», трактаты по рифме и метрике неоднократно переводились на узбекский, турецкий, азербайджанский, грузинский, туркменский, арабский языки, на языки пашто, урду и панджаби. Помимо переводов, на протяжении столетий создавались комментарии на произведения Джамии (на арабском и турецком языках), назначением которых было облегчить чтение для тех, кому язык оригинала не был родным.

История переводов произведений Джамии на европейские языки насчитывает уже два столетия. Первый перевод появился в Вене в 1778 году — это была публикация части персидского текста «Весеннего сада» в латинском переводе. С начала XIX века поэмы Джамии

¹ В содержании куллийата не перечислены малые формы, составляющие три дивана Джамии.

стали переводиться на французский и немецкий языки, с середины XIX века — на английский. В течение XIX века европейские переводчики обращались к произведениям Джами неоднократно, переводы печатались как отдельными книгами, так и в сборниках, периодических изданиях, хрестоматиях и учебных пособиях. Ныне на европейских языках опубликованы полные или сокращенные переводы или переложения всех основных произведений Джами.

В Россию имя Абдуррахмана Джами пришло в начале XIX века. В 1810 году на страницах журнала «Цветник» был напечатан первый русский перевод из Джами — фрагмент касыды, русский перевод осуществлен с французского текста. В 1822 году в журнале «Вестник Европы» опубликованы «Изречения и анекдоты Джами» — выборки из «Весеннего сада»; переводчик отрывков обозначен инициалами И. С. Почти одновременно в «Азиатском вестнике» напечатан другой кусок из «Весеннего сада», выполненный с французского перевода. В середине XIX века творчеством Джами занялся И. Батянов — талантливый ученик русского востоковеда О. Сенковского; он опубликовал переводы из «Лайли и Маджнуна» и прозаическое изложение поэмы «Юсуф и Зулейха» со стихотворными вставками. На страницах русской периодики нередко появлялись переводы отдельных стихов Джами. В 1877 году известный востоковед И. Н. Березин поместил в «Истории всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах» два отрывка из поэмы «Юсуф и Зулейха» и два стихотворных фрагмента из «Весеннего сада». Эти русские переводы были выполнены непосредственно с оригинала. В 1903 году академик А. Е. Крымский включил в качестве образов несколько переводов из Джами в свою «Историю Персии, ее литературы и дервишской теософии» и дал краткую характеристику творчества Абдуррахмана Джами.

Поэзия Джами обрела массового читателя в советский период. В 1924 году в первом из «Восточных сборников» был напечатан раздел «Из лирики Джами» (поэтические переводы А. Старикова). В 1935 году отдельной книгой вышел «Весенний сад» (четырнадцать отрывков), а в сборнике «Восток» был опубликован сокращенный перевод поэмы «Саламан и Абсаль». Оба перевода, вступительные статьи к ним и примечания были выполнены К. И. Чайкиным — прекрасным знатоком персидско-таджикской классической литературы. В последние тридцать лет сделано особенно много для ознакомления русского читателя с литературным наследием Джами. Произведения Джами вошли в массовые издания разного рода антологий и хрестоматий: «Хрестоматия по литературе народов СССР» (М., 1947; М., 1959), «Таджикская поэзия» (М., 1949), «Антология таджикской поэзии» (М., 1957), «Страницы таджикской поэзии» (Сталинабад, 1961), «Строки мудрых» (М., 1961) и др. Отдельными изданиями вышли: «Книга мудрости Искандара» (Сталинабад, 1949); «Избранное» (Сталинабад, 1955; М., 1955); «Трактат по музыке» в переводе А. Н. Болдырева, с факсимиле рукописи (Ташкент, 1960).

В 1964 году было широко отмечено — в СССР, Иране, Афганистане и ряде других стран — 550-летие со дня рождения великого поэта. К этому юбилею в Советском Союзе на русском языке был опубликован ряд изданий. Вот главные из них: «Избранное из пяти

поэм» (М., 1964), «Лирика. О слове и поэтах. Притчи и рассказы из месневи» (Душанбе, 1964), «Юсуф и Зулейха» (Душанбе, 1964), «Весенний сад (Бахаристан)» (Душанбе, 1964), «Саламан и Абсаль» (Душанбе, 1967). Произведения Джами были опубликованы в эти годы отдельными изданиями и в периодике на более чем сорока языках народов Советского Союза.

Одним из наиболее полных и авторитетных изданий Джами на русском языке является четырехтомник: Абдуррахман Джами, Избранные произведения в четырех томах, т. 1. Душанбе, 1972; тт. 2, 3 — 1973; т. 4 готовится к печати. В первый том включены поэмы «Золотая цепь», «Саламан и Абсаль», «Дар благородным», «Четки праведников» и газели, во второй том — «Юсуф и Зулейха», мурабба, «Таркиббанд на смерть сына», марсия, кыта, рубаи, в третий том — «Лайли и Маджнун», в четвертый — «Книга мудрости Искандара» и «Весенний сад». Сюда вошли лучшие из переводов Джами на русский язык.

Предлагаемое вниманию читателей издание имеет целью дать возможно более полное представление о лучших произведениях Джами в разных поэтических жанрах. В первом разделе помещены лирические произведения малых форм, во втором — крупные поэмы, в третьем — отрывки из «Весеннего сада».

В сборник включены заново отредактированные переводы, вышедшие в отдельных изданиях, а также новые, впервые публикуемые переводы, выполненные Д. И. Седых, Ю. С. Мальцевым, Я. А. Часовой, Т. В. Стрешневой.

Биография Джами и анализ его творчества даны во вступительной статье. Книга снабжена примечаниями историко-литературного характера и Словарем, в котором поясняются имена, географические названия и понятия, относящиеся к культуре и быту народов Востока, а также специфические термины и слова, употребленные без перевода.

КУЛЛИЯТ (ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ) ДЖАМИ, СОСТАВЛЕННЫЙ ИМ САМИМ

1. Доказательства пророчества к подкреплению благородства.
2. Дуновение дружбы с вершин святости.
3. Изложенная критика к комментарию «Начертание гемм».
4. Лучи блистаний.
5. Блестки к комментарию на винную касыду Ибн ал-Фариза с рифмой на букву «ним».
6. Комментарий на касыду с рифмой на букву «та» Ибн ал-Фариза.
7. Трактат об условиях радения.
8. Трактат об обрядах паломничества.
9. Весенний сад (Бахаристан).
10. Трактат о метрике.
11. Трактат о музыке.
12. Скрижали.
13. Первый диван — «Первая глава юности».

14. Второй диван — «Средняя жемчужина в ожерелье».
15. Третий диван — «Завершение жизни».
16. Первая тетрадь поэмы «Золотая цепь».
17. Вторая тетрадь поэмы «Золотая цепь».
18. Саламан и Абсаль.
19. Третья тетрадь поэмы «Золотая цепь».
20. Дар благородным.
21. Четки праведников.
22. Юсуф и Зулейха.
23. Лайли и Маджнун.
24. Книга мудрости Искандара.
25. Большой трактат о шараде, называемый «Разгадывание загадочного».
26. Малый трактат о шараде.
27. Средний трактат о шараде.
28. Трактат о рифме.
29. Самый малый стихотворный трактат о шараде.
30. Письма.
31. Трактат об изречениях Ходжа Парса.
32. Комментарий к двум (начальным) бейтам «Маснави» Джалаалдина Руми.
33. Сорок хадисов.
34. Трактат о бытии.
35. Комментарий на двестише Амира Хосрова.
36. Комментарий на хадис Абе Разина ал-Укайли.
37. Уточнение философских систем.
38. Комментарий на четверостишия.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В КУЛЛИЯТ ДЖАМИ

1. Комментарий на «Геммы премудрости».
2. Наставление Зийааддину.
3. Трактат об ответе на споры из Индии.
4. Стихотворная и прозаическая грамматика на персидском языке.

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Комментарий на Коран.
2. Комментарий к «Ключу тайн».

УТРАЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Большой трактат об обрядах паломничества.
2. Сочинение по геометрии (или астрономии).

I

При жизни Джами его лирические произведения были помещены в трех лирических диванах, составленных в молодости, зрелости и старости и озаглавленных «Фатихат-аш-шабабб» («Первая глава юности»), «Васитат ал-икд» («Средняя жемчужина в ожерелье») и «Хатимат ал-хайат» («Завершение жизни»). В настоящем издании помещены стихотворения из двух первых диванов, в каждом из них произведения, согласно традиции, располагались строго по жанрам: к а с ы д ы, строфические формы, газели, к ы т а, р у б а и, ф а р д ы¹. Помещенные здесь фарды тесно примыкают ко второму дивану, хотя сам Джами не включил их в свой куллийат.

7. *Ожогом, как тюльпан внутри, отмечены красиво.* Традиционный образ персидско-таджикской поэзии, основанный на том, что на лепестках тюльпана имеется темное пятно, напоминающее ожог.

153. Газель является образцом панегирической лирики, не часто встречающейся в творчестве Джами; посвящена покровителю поэта Абульгази Хусейну Байкара.

156. *Пьющие гуцу* — бедняки, которым достается только гуца, осадок вина; с у ф и и.

157. Эта обличительная газель направлена, вероятно, против какой-то секты с у ф и е в, надевавших на радения голубые одежды.

169. Газель написана, по всей вероятности, на пути в Хиджаз из Багдада, где в 1473 г. Джами подвергся сильнейшим нападкам местного духовенства.

II

Публикуемые поэмы Джами были собраны им в книге, озаглавленной «Хафт ауранг» («Семь престолов»). Из поэм «Золотая цепь», «Дар благородным», «Четки праведников», «Книга мудрости Искандара» переведены на русский язык отдельные эпизоды и притчи. Остальные поэмы публикуются полностью.

362. *Пророк — Мухаммад. И, как тюльпан, почувствовал ожог.* См. примеч. 7. *Но с розой благовонием сравнится.* Имя Райя по-арабски означает «благовонный запах, благоухание».

363. *Владыка двух миров* — метафорическое название бога. *Стекля франкские* — очки. *Семь поясов земных, семь океанов.* По представлениям традиционной средневековой географии Востока, Земля делилась на семь зон (иклимов), а мировой океан (укьянос) состоял из семи малых океанов (бахр).

364. *Как усопший... своих волос осыпан камфарой.* Посыпание камфарой входит в традиционный обряд погребения. *Нет силы, кроме бога (Нет бога, кроме бога)* — стих К о р а н а, произносится как заклятие от нечистой силы.

¹ Здесь и далее разрядкой выделены слова, поясняемые в Словаре.

365. *В касыдах восхваляешь ты вельмож* и т. д. Джамии упоминает традиционные формы и темы персидско-таджикской классической поэзии. *Ты на газель охотишься в газели.* Игра слов, основанная на разных значениях слова *газель*. *Две одиноких строчки.* Имеется в виду *бейт* как законченное стихотворение. «*Любовь слепа, глуха*» — арабское изречение, в подлиннике процитировано на арабском языке.

366. *Друг аллаха* — *Ибрагим*. *Мы знаем: грозного страшась потока, Погубит мать свое дитя жестоко.* По легенде, при всемирном потопе родители могут спастись, утопив своих детей. *Сведal он с Млечного Пути солому.* Млечный Путь — по-таджикски *Кахкашон*, букв.: «возчик соломы». *Способный вырастить в костре цветник.* Намек на легенду о чудесном спасении *Ибрагима Ризваном*.

367. *Ганджийский чародей* — *Низамп*. *Индийский соловей* — *Амир Хосров Дехлеви*. *Его тюльпан был красным — стал он желтым!* Красный тюльпан — символ надежды на любовь, желтый — символ безнадежности. *О садовод, храни тюльпан и будь Ему подобен, раненному в грудь!* Имеется в виду черная точка на красных лепестках тюльпана. *Он в черноту оделся, как халиф.* Черный цвет считался официальным цветом халифов из династии Аббасидов. *Семь краев, четыре столпа, шесть дверей, девять порталов* — метафорическое обозначение всемирности, основанное на средневековых восточных представлениях о строении Земли и Неба (семь земных зон и семь небесных сфер, девять небес и т. д.). *И каждое двуступище — как дом* и т. д. В оригинале игра слов, основанная на двух значениях слова *бейт*. *А каждая строка — дверная створка.* В оригинале игра слов, основанная на двойном значении слова *мисра*. *Размер стихов напоминает море.* В оригинале игра слов, основанная на двойном значении слова *бахр*. *Дом священный* — *Кааба*. *Черный камень* — камень метеоритного происхождения, хранящийся в Каабе. *Она семь мелких камешков бросает.* Паломники бросают семь мелких камешков в специально отведенном месте во время паломничества в Мекку, чтобы отвести нечистую силу. *Владеющий рабом владеет также и его добром.* Цитата из установлений *шариата*, по которому рабовладелец имеет абсолютное право не только на личность раба, но и на все его имущество. В оригинале — на арабском языке. *Неправосудный меч.* Имеется в виду закон *ислама*, запрещающий самоубийство. *Ракушка, что украсила осла.* Сбруя вьючных животных, по обычаю, украшалась ракушками и бусами. *Девять раковин* — девять небесных сфер. *Луна и Рыба* — *всей Земли опора.* По средневековым представлениям, Земля покоится на гигантской рыбе. *Мы возвращаемся к творцу.* Цитата из Корана, произносимая при оповещении о чьей-либо смерти.

368. *Шестисторонний мир тщеты земной.* Имеются в виду мистические свойства «шести сторон» физического мира. В поэзии — обозначение всего сущего. *На службу опоясался б тебе.* Крылатое выражение, обозначающее верную службу. *Здание Двух Ворот* — символический образ материального мира — здания с двумя воротами, через которые люди приходят из небытия и возвращаются обратно. *Не надевай покровов голубых.* В знак скорби женщины носили синие одежды.

СЛОВАРЬ

- Аббас* — дядя *Мухаммада*, родоначальник династии *Аббасидов*. Знамя Аббасидов имело черный цвет — официальный цвет Аббасидского государства.
- Аббасиды* — династия арабских халифов (750—1258), возводивших свое происхождение к *Аббасу*.
- Абдаллах* — племянник *Али*, в преданиях выступает как человек большой щедрости.
- Абдальмалик* (685—705) — халиф из династии Омейядов.
- Абдальманаф* — прапрадед *Мухаммада*.
- Абдальмугалиб* — дед *Мухаммада*.
- Аби Хызр* — источник *Хызра*.
- Абуали Сина* — Абуали Хусейн ибн Абдулла ибн Сина (Авиценна, 980—1037) — ученый-энциклопедист, медик, философ и поэт. Его медицинскими трактатами в течение нескольких столетий пользовались как на Востоке, так и в Европе.
- Абульгази Хусейн Байкара* — правитель Хорасана с 1469 по 1506 г., ученик и покровитель Джами.
- Абухашим Суфи* (ум. ок. 777) — один из первых суфиев.
- Авиценна* — см. *Абуали Сина*.
- Адаб* — совокупность знаний, необходимых образованному человеку.
- Аджам* — букв.: «немой», «чужой». Так называли земли, населенные неарабскими народами, находившимися под властью арабского халифата, а также всех неарабов, главным образом иранцев.
- Азиз* — букв.: «любимый»; в восточных преданиях — титул наместника фараона.
- Айван* — открытая галерея, портик, терраса перед домом; дворец.
- Акиль* (ум. 670) — двоюродный брат *Мухаммада*, родной брат халифа *Али*, вступил в борьбу против него.
- Али* — двоюродный брат и зять *Мухаммада*, один из четырех «правверных» халифов, правил в 656—661 гг.
- Алиф* — первая буква арабского алфавита, имеет цифровое значение «1» и изображается прямой вертикальной чертой. В поэзии — символ стройности, иногда — символ одиночества. Распространенное выражение «пройти от алифа до кафа» означает «сосчитать до ста», т. е. пройти большой путь, много узнать и пережить.
- Алькасай* — прапрадед *Мухаммада*.
- Амбра* — воскообразное ароматическое вещество, добывается из кишечника кашалота.

- Амир Хосров Дехлеви** (1253—1325) — поэт, родился в Дели в семье выходцев из Средней Азии, жил во время правления султана Алауддина Мухаммад-шаха I, большинство стихов написал на языке фарси, в 1299 г. написал первый «ответ» на поэму Низами «Лайли и Маджнун» и другие поэмы его «Пятерицы».
- Анка** — арабское название мифической птицы Симург, обитающей на горе Каф и способной заслонить собой солнце; в поэзии — символ недостижимого.
- Ансари** Абдаллах (1006—1088) — персидско-таджикский поэт, крупнейший теоретик и практик суфизма.
- Ансáры** — букв.: «помощники»; первые сподвижники пророка Мухаммада, жители Медины, принявшие ислам и поддержавшие Мухаммада после его бегства в Медину 16 июля 622 г.
- Арасту** — восточный вариант имени древнегреческого философа Аристотеля (384—322 до н. э.), учителя Александра Македонского.
- Арафат** — группа горных вершин к востоку от Мекки, у которой останавливаются, по обряду, паломники, завершая хадж.
- Аргаван** — козловое, или иудино, дерево, растение с багряно-лиловыми цветами, ежегодно в определенный сезон теряет кору, приобретая ярко-красный цвет. Символ багрового или пурпурного цвета.
- Арифи Харави** (ум. 1449) — поэт, автор поэмы и лирических стихотворений.
- Аскалинус** (Аскаениус, Исклинус) — древнегреческий философ, современник Аристотеля (Арасту).
- Багдад** — город на реке Тигр, в VIII—XIII вв. был резиденцией аббасидских халифов.
- Бадахшан** — земли, расположенные ныне на территории Советской и Афганской частей Памира, славились прекрасными рубинами.
- Бан** — ароматное дерево.
- Барбат** — струнный музыкальный инструмент, род лютни.
- Бахр** — 1) море, озеро; 2) название стихотворного размера.
- Бейт** — букв.: «дом», «храм»; стихотворная единица в персидско-таджикской и арабской поэзии, двестишестое из двух мисра, связанных единой законченной мыслью.
- Бисати** Самарканди, Сираджаддин (ум. 1412) — поэт-лирик.
- Бисутун** — название скалы в Северо-Западном Иране, на которой высечены клинописные надписи и барельефы в честь побед Дария I (522—486 до н. э.), иранского царя из династии Ахеменидов; в поэзии связана с подвигом Фархада.
- Булинас** (ок. 200 — ок. 100 до н. э.) — древнегреческий философ Аполлоний Тианский, в его учении преобладали мистика и магия; умер в 100-летнем возрасте.
- Ваиз** — проповедник.
- Вамик** (*Вамек*) — герой поэмы Унсуря (XI в.) «Вамик и Узра», сохранившейся лишь в отрывках, и других произведений; символ верной любви.
- Везир** (*вазир*) — министр, сановник, ближайший советник правителя.

- Вилайет* — здесь: святость, состояние, в котором пребывает святой — «вали».
- Газель* — лань; лирическое стихотворение, преимущественно любовного содержания, состоит из пяти и более бейтов, связанных общей рифмой, в последнем двустишии обычно упоминается имя или поэтический псевдоним автора; метафорически — красавица.
- Галия* — ароматическая смесь черного цвета из мускуса и амбры, употребляется для окраски волос и бровей.
- Ганджа* — город (ныне Кировабад Азербайджанской ССР), близ которого находится гробница поэта и философа Низами Ганджеви.
- Герат* — древний город, столица Хорасана, крупнейший административный, торговый и культурный центр, ныне расположен на территории Афганистана.
- Гулистан* — цветник, розовый сад.
- Гулчехра* — букв.: «розоликая»; употребляется как эпитет или как имя собственное.
- Гулям* — раб.
- Гяур* — неверный, немусульманин.
- Давуд* — мусульманский вариант имени библейского царя Давида (XI в. до н. э.); в мусульманской традиции Давуд считается одним из пророков — предшественников Мухаммада.
- Даджджал* — согласно мусульманской легенде, одноглазое чудовище, которое должно появиться на осле, возвещая конец мира; переносное значение — лжец, самозванец.
- Далк* — особый род одежды дервишей и суфиев.
- Даль* — буква арабского алфавита, имеющая форму ломаной линии; в литературе — символ кривизны, изогнутости; употребляется для сравнения с локоном красавицы (зульфом).
- Дара* — Дарий III Кодоман, царь Ирана (336—330 до н. э.) из династии Ахеменидов.
- Дастан* — эпическое произведение, основанное на героических фольклорных легендах и преданиях.
- Дастархан* — скатерть; иносказательно — обильное угощение.
- Дей* — декабрь.
- Дервиш* — букв.: «бедняк»; нищий странствующий монах, суфий, живущий милостыней; аскет.
- Джабраил* — мусульманский вариант имени библейского архангела Гавриила; согласно легенде, Джабраил приносил Коран Мухаммаду по частям.
- Джам* (Джамшид) — легендарный древнеиранский царь из династии Пишдадидов, герой иранских эпических поэм, в том числе «Шахнаме» Фирдоуси. Согласно легенде, правление Джамы было «золотым веком» земли и продолжалось семьсот лет, до тех пор, пока он не был низвергнут богом за гордыню. Джам обладал несметными богатствами, в том числе волшебным кубком, с помощью которого можно было увидеть все, что происходит на земле. Некоторые легенды приписывают ему и обладание волшебным перстнем царя Соломона.
- Джим* — название буквы арабского алфавита; символ локона красавицы с родинкой в середине.

Джинн — дух, демон; добрый покровитель человека.

Див (дэв) — злой дух, демон.

Диван — 1) совет вельмож, государственная канцелярия; собрание мудрецов, ученых, поэтов; 2) рукописный сборник поэтических произведений малых форм (касыда, газель, марсия, кыта, таркиббанд, тарджибанд, муамма, фарды, короткое месневи). Составители дивана Саади Ширази (1184—1292) положили начало традиции расположения произведений в диване в алфавитном порядке рифм внутри каждой формы.

Динар — золотая монета.

Дирхем — серебряная монета.

Дод — букв.: «Справедливость», восклицание, употребляемое в значении: «Помогите!».

Дутар — двухструнный музыкальный инструмент.

Дэв — см. **Див**.

Замзам — название священного для мусульман источника, находящегося возле храма Кааба в Мекке.

Зангибар — букв.: «берег черных»; о. Занзибар; земли, населенные неграми.

Зардушт (Заратуштра, Зороастр) — легендарный основатель зороастрийской религии в Иране в середине первого тысячелетия до н. э.; одной из основ зороастризма был культ вечного огня.

Заххак — мифический царь-тиран, разрушил и сровнял с землей дворцы Фаридуна вместе с их сокровищами, но затем был низвергнут восставшим народом во главе с кузнецом Каве, который возвел на престол законного царя Фаридуна.

Зекят — мусульманская подать в пользу нуждающихся; налог с товаров и со скота.

Зикр — обряд призывания бога, при котором в течение определенного времени повторяются эпитеты аллаха.

Зулейха — по библейской и мусульманской легенде, жена египетского вельможи. Легенда о любви Зулейхи к Юсуфу стала пространственным сюжетом поэзии многих народов Ближнего Востока.

Зульф — локон красавицы.

Зухра — восточное название планеты Венеры. По преданию, Зухра была прекрасной женщиной и завлекла своей красотой ангелов Харута и Марута, которые открыли ей тайное имя бога. Пользуясь этим именем как заклинанием, Зухра вознеслась на небо и стала покровительницей музыки.

Ибрагим — мусульманский вариант имени библейского пророка Авраама; одно из преданий об Аврааме рассказывает, что он разбил идолы, которым поклонялись евреи.

Идда — срок, в течение которого мусульманская женщина не может вступать в новый брак после развода или смерти мужа.

Идрис — мусульманский вариант имени библейского пророка Эноха.

Иезд — город в Центральном Иране, славился своими плодовыми садами.

Ильяс — мусульманский вариант имени библейского пророка Илиш; иногда отождествляется с Хызром.

Имам — букв.: «стоящий впереди»; священнослужитель, под руководством которого совершается богослужение в мечети; настоятель большой мечети; духовный глава мусульманской религиозно-политической общины.

Ирем (Ирам) — легендарный сад, земное подобие рая, был устроен мифическим Шаддадом, царем племени Ад; впоследствии за грехи этого племени Ирем был разрушен божественным возгласом с неба.

Иса — мусульманский вариант имени Иисуса Христа, почитаемого мусульманами как пророк, один из предшественников Мухаммада; по легенде, обладал способностью воскрешать мертвых своим дыханием.

Искандар — мусульманский вариант имени Александра Македонского (356—323 до н. э.). В средневековой литературной традиции Ближнего и Среднего Востока — образ мудрого и справедливого государя.

Искандария — Александрия.

Ислам — букв.: «покорность»; мусульманская религия, основанная Мухаммадом в VII в., исповедуется большинством населения Ближнего и Среднего Востока.

Исраил (Азраил) — ангел смерти.

Исфаган — город в Иране, в XVI—XVIII вв. столица династии Сефевидов; славился своими плодовыми садами.

Исхак — мусульманский вариант имени библейского пророка Исаака.

Пездан — см. *Яздан*.

Пезид — см. *Язид*.

Кааба — мечеть кубической формы в Мекке, главное святилище и место паломничества мусульман, где находится священный черный камень, якобы упавший с неба; Кааба обычно завешена черным покрывалом, которое к приходу паломников заменяется белым; расширительно — средоточие, святилище, объект всеобщего почитания.

Кабá — длинная мужская одежда, носится под халатом.

Кавсар — в мусульманской мифологии один из райских источников.

Кавус (Кей-Кавус) — легендарный царь из династии Кейанидов, мифологизированная история которых изложена в «Шахнаме» Фирдоуси.

Кайс — настоящее имя Маджнунá.

Калам — тростниковое перо; в поэзии — символ судьбы, предопределения, начертанного небесным каламом на скрижалях.

Карун — мифический богач, скупой, упоминаемый в Коране.

Каса — чаша.

Касаб — вид шелковой материи, из которой шьются халаты.

Касыда — большое монорифмическое стихотворение или ода, первоначально преимущественно панегирического содержания; в творчестве Джами продолжается зародившаяся в X в. традиция автобиографических и философских касыд.

Катиби Нишабури (ум. 1436) — поэт-лирик.

Катран Абу-Мансур (ум. после 1072) — азербайджанский поэт, писал на языке фарси.

Каф — 1) буква арабского алфавита, имеет цифровое значение «100»; 2) легендарный горный хребет, опоясывающий землю или находящийся на краю земли, обиталище пери; иногда отождествляется с Кавказом. «От Кафа до Кафа» — по всей земле, по всему свету.

Кашиаф — букв.: «открывающий»; толкование Корана; так назывался комментарий к Корану Джараллаха Замахшари, применялся в качестве пособия для учеников медресе.

Кебаб — жареное мясо, шашлык; створенное мясо; в поэзии — символ безмерного страдания.

Кеклик — горная куропатка.

Колос — название звезды в созвездии Девы.

Коран — букв.: «чтение»; священная книга мусульман, содержащая главным образом проповеди пророка Мухаммада; первый значительный памятник арабской прозы.

Кулах — головной убор; остроконечная меховая или войлочная шапка, которую носили воины-тюрки; корона, шахский венец.

Кусайир (ум. 723) — арабский поэт.

Кусам — прапрапрадед пророка Мухаммада.

Кыбла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане должны обращать лицо во время молитвы; переносно — предмет постоянного внимания.

Кыта — букв.: «фрагмент»; стихотворная форма лирического жанра, короткое монорифмическое стихотворение.

Лагари — поэтический псевдоним от слова «лагар» — «худой», «тощий».

Лайли — героиня сказания, возлюбленная Маджнунa; образ страстно влюбленной девушки.

Лал — рубин; в поэзии синоним уст возлюбленной.

Лам-алиф — название лигатуры из двух букв арабского алфавита, обозначает отрицание.

Лев — одна из звезд созвездия Большой Медведицы.

Лотос — по представлениям мусульман, гигантских размеров цветок, растущий у престола бога.

Мавляна — букв.: «наш господин»; почетный титул выдающихся суфиев, этот титул принадлежал, в частности, суфийскому поэту Джалаладдину Руми (1207—1273), автору поэмы «Маснави-и маанави» («Поэма о сути всего сущего»).

Маджнун — букв.: «безумный», «одержимый»; это прозвище получил легендарный арабский поэт Кайс, происходивший из племени Бани-Амир во времена первых халифов династии Омейядов (630—749). История его безумной любви к красавице Лайли широко распространена в литературах Востока; символ несчастного, обезумевшего влюбленного.

Мадьян — город в Аравии.

Майдан — площадь, базарная площадь; ристалище для игры в конное поло; поле битвы.

Марва и Сафа — холмы близ Мекки, между которыми паломники, по обряду, продвигаются бегом.

Марсия — элегия.

- Марьям** — мусульманский вариант имени девы Марии, матери Иисуса Христа.
- Маснави** — см. *Месневи*.
- Махалла** — квартал.
- Махрам** — интимный друг, близкий и доверенный человек.
- Маишшата** — женщина, причесывающая и наряжающая невесту.
- Медина** — город на Аравийском полуострове, первый оплот сторонников Мухаммада в VII в., место погребения Мухаммада, куда совершаются паломничества мусульман.
- Медресе** — мусульманская духовная школа, совмещающая в себе среднее и высшее учебное заведение.
- Мейхана** — питейный дом, кабак.
- Мекка** — город на Аравийском полуострове, религиозный центр ислама, место паломничества мусульман; здесь расположена Кааба, по преданию, родился пророк Мухаммад.
- Мерв** — древний город, центр Мервского оазиса на реке Мургаб, вблизи современного города Мары Туркменской ССР.
- Месневи (маснави)** — букв.: «сдвоенное»; стихотворная форма, состоящая из двустиший с парными рифмами. В форме месневи создавались преимущественно поэмы.
- Мим** — название буквы арабского алфавита.
- Мина** — название долины близ Мекки, где паломники, по обряду, закалывают жертвенных животных.
- Минбар** — возвышение в мечети, с которого произносятся проповеди.
- Мискаль** — мера веса драгоценностей.
- Мисра** — букв.: «створка двери»; стихотворная строка, половина бейта.
- Михраб** — ниша или глухая арка в западной стене мечети, обращенной в сторону Мекки, где стоит имам и куда надлежит обращаться во время молитвы; в поэзии с дугообразной формой михраба сравниваются брови красавицы.
- Михрджан** — праздник урожая, отмечается 8—12 октября.
- Моджеттес** — название стихотворного размера.
- Муавия I (661—680)** — основатель династии Омейядов.
- Муамма** — стихотворение типа шарады, в строках которого зашифровано какое-либо слово, чаще всего имя собственное.
- Муг** — огнепоклонник, зороастриец.
- Музари** — название стихотворного размера.
- Мурабба** — стихотворение, состоящее из четырехстрочных строф, связанных единством темы, с рифмовкой по системе: *аааа, ббба, ввва* и т. д.
- Муршид** — духовный руководитель, наставник и глава суфийского ордена, назначается своим предшественником.
- Муса** — мусульманская форма имени библейского пророка Моисея; с его именем связано множество легенд, отраженных в Библии и Коране.
- Мускус** — см. мушк.
- Мутриб** — музыкант и певец.
- Муфтий** — толкователь мусульманского права.
- Мухаммад (Магомет) (570—632)** — арабский религиозный и государственный деятель, основатель мусульманской религии — ислама, почитаемый мусульманами как пророк.

Мухаммас — стихотворение, состоящее из пятистрочных строф, связанных единством темы, с единой рифмой в первой строфе и повторяющейся рифмой пятой строки в последующих строфах; в некоторых случаях первые три строки каждой строфы принадлежат автору, последние две являются цитатой.

Мухтасиб — чиновник, следивший за соблюдением законов шариата.

Мушк (мускус) — маслянистое благовонное вещество черного цвета, получаемое из желез самца кабарги, употребляется в медицине и парфюмерии.

Муэдзин — букв.: «объявляющий», «приглашающий»; служитель при мусульманской мечети, в обязанности которого входит призывать мусульман на молитву; должен обладать сильным и приятным голосом.

Мюрид — суфий, ученик и послушник своего муршида или имама, полностью отказавшийся от своей воли и подчинившийся наставнику.

Нава — мелодия.

Наджд — название плоскогорья на Аравийском полуострове, где расположены Мекка и Медина.

Най — флейта.

Намаз — обряд молитвы у мусульман, совершаемый пять раз в сутки.

Нарды — игра, состоящая в передвижении шашек на доске в соответствии с числом очков, выпадающих на игральном костяке.

Насиб — вступительная часть касыды, обычно лирического содержания, близкая к газели.

Нахид — планета Венера, то же, что Зухра.

Нахшаб (Насаф, ныне Карши Узбекской ССР) — город близ Самарканда, где, по легенде, находился волшебный колодец, из которого Ибн Муканна (ум. 783), вождь антиарабских повстанцев, объявивший себя пророком, якобы выводил на небо луну.

Нейсан (нисан) — название месяца в древнесирийском солнечном календаре, соответствует апрелю.

Низами — Абу Мухаммад Ильяс Низами Ганджеви (ок. 1141 — ок. 1209), азербайджанский поэт и мыслитель, основатель жанра «Пятерицы», автор первой поэмы о Лайли и Маджнуне.

Ной (Нух) — библейский патриарх, почитаемый и мусульманами; по легенде, был спасен вместе с семьей аллахом от всемирного потопа.

Нун — название буквы арабского алфавита, имеющей форму дуги; в поэзии — символ изогнутости.

Нура — состав из гашеной извести с мышьяком для уничтожения волос на теле.

Нух — мусульманская форма имени библейского пророка Ноя; в поэзии — образ долголетия.

Нушин-Реван, Нуширван — см. *Хосров I Ануширван*.

Оман — название страны в восточной части Аравийского полуострова.

Омар (*Умар*) I ибн Альхаттаб (634—644) — второй из четырех «правовых халифов», преемников Мухаммада.

- Омар** (Умар) II ибн Абдальазиз (717—720) — восьмой халиф из династии Омейядов.
- Омейяды** — династия арабских халифов, пришла к власти в результате победы сторонников Муавии над сторонниками Али.
- Онагр** — кулан, дикий осел. Умение настичь и метко поразить онагра считалось высшим проявлением охотничьего искусства. В персидско-таджикском языке это слово созвучно со словом «гур» («могила»), это созвучие часто обыгрывается в поэзии.
- Падишах** — титул иранских монархов.
- Палуда** — сладкое желе, изготавливаемое из плодового сока, смешанного с рисовой мукой и сахаром.
- Парвиз** — см. **Хосров II Парвиз**.
- Пери** — добрая фея, оберегающая людей от злых духов; в поэзии синоним женской красоты.
- Пес** — одна из звезд созвездия Большой Медведицы.
- Пир** — старец-наставник.
- Раушанек** (Роксана) — в европейской и восточной литературной традиции — жена Александра Македонского (Искандара), дочь Дария III.
- Рахш** — исполчинский конь легендарного богатыря Рустама; расширительно — скакун, верховой конь хороших кровей; в поэзии — символ расцвета.
- Редиф** — рефрен, слово или группа слов, повторяющаяся в конце каждого бейта после рифмы.
- Рей** — древний город, разрушенный в XIII в. при нашествии монголов, развалины его находятся вблизи Тегерана.
- Ризван** — согласно легенде, страж райских ворот, спасший Ибрагима, когда тот был брошен в огонь по приказу фараона; Ризван надел на Ибрагима священную рубашку, а огонь превратил в цветник.
- Ринд** — гуляка; вольнодумец.
- Рубаи** — малая стихотворная форма, четверостишие с системой рифмовки *аааа* или *ааба*.
- Рубаб** — струнный музыкальный инструмент.
- Руд** — струнный музыкальный инструмент.
- Рудаки** Абу Абдулла Джафар ибн Мухаммад (858—941) — основоположник классической персидско-таджикской поэзии, родился в Панджруде (ныне — Таджикская ССР), часть жизни провел при дворе Саманидов в Бухаре.
- Рум** — Византия; Малая Азия; в восточной поэзии — западные страны; «Войско Рума» — символ белизны, т. е. «войско белокожих»; в поэзии — антоним *Зангибара*.
- Рус** — Русь; славянские страны.
- Рута** — растение, употреблялось в ритуальных целях.
- Саади** Муслихаддин Абу Мухаммад Абдулла ибн Мушриф (1184—1292) — поэт и прозаик, автор обширного дивана, популярных дидактических произведений «Гулистан» («Розовый сад») и «Бустан» («Плодовый сад»).

- Сагари** (ум. ок. 1482) — поэт, современник Джами; сохранились многочисленные анекдоты о скупости, алчности и пустословии Сагари.
- Саз** — струнный музыкальный инструмент.
- Салам** (салам алейкум) — букв.: «мир вам», форма приветствия.
- Саламат** — букв.: «совершенство», «целостность», «здоровье».
- Саманы** (Саманиды) — династия (825—999), создавшая могучее государство со столицей в Бухаре, добившееся культурной и политической независимости от арабского халифата.
- Самбуса** — род пирожка с мясной начинкой.
- Самири** — легендарный колдун, ожививший глиняного тельца и тем сбивший с пути истинного сынов Израиля, был изобличен Моисеем.
- Санаи** Абульмаджд Мадждуд ибн Адам (1077—1151) — один из первых крупных представителей суфизма в персидско-таджикской поэзии, автор поэмы «Сад истин», сыгравшей значительную роль в развитии суфийской поэзии.
- Сандал** — дерево с ценной древесиной, употребляется для изготовления благовоний.
- Сафа** — см. *Марва и Сафа*.
- Синай** — священная гора на Синайском полуострове.
- Сократ** (470 или 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ; в таджикско-персидской литературе выступает как идеальное воплощение мудреца; в средневековой восточной традиции ему приписываются некоторые черты Диогена, например отказ от жизненных благ и предание о том, что он избрал себе жильем бочку.
- Сулейман** — мусульманский вариант имени библейского Соломона, третьего царя Израиля и Иудеи (965—928 до н. э.); по преданию, обладал волшебным перстнем с вырезанным на нем таинственным «высшим именем» бога, благодаря которому ему покорялись и люди, и животные, и духи. В персидско-таджикской литературе Сулейман вобрал в себя черты Джамшида и стал символом мудрости, богатства и могущества.
- Султан** — царь, властелин, владыка; в поэзии иногда так называют возлюбленную.
- Сурайя** — созвездие Плеяд; по астрономическим воззрениям восточного средневековья — высшая точка небосвода; в поэзии — символ недостижимого.
- Сурьма** — средство для окраски бровей; считалось, что сурьма способствует ясности зрения.
- Суфа** — помост для отдыха, окруженный перилами; глинобитное возвышение, расположенное в саду около дома или перед водоемом для отдыха в летнее время.
- Суфизм** — религиозно-мистическое учение, возникло на рубеже VIII—IX вв. как оппозиция ортодоксальному исламу и как форма антифеодальной оппозиции, впоследствии разделилось на несколько течений, иногда сближавшихся с ортодоксальным исламом.
- Суфий** — букв.: «носящий власяницу», «аскет»; сторонник суфизма; низший служитель культа; иносказательно — святоша, ханжа.

Сухайль — звезда Канопус (альфа созвездия Киля), вторая по яркости после Сириуса, играла важную роль в средневековой восточной астрономии.

Табаристан — прикаспийская горная область в Северном Иране.

Табут — погребальные носилки.

Таваф — обряд хождения вокруг Каабы при совершении хаджа.

Тамуз — десятый месяц сирийского календаря, применявшегося в Иране и Средней Азии наряду с мусульманским и зороастрийским календарем; соответствует июню — июлю; переносно — летняя знойная жара.

Тарджибанд — строфическая стихотворная форма, цепь газелей, в каждой из них место заключительного бейта занимает рефрен с парной рифмой; содержание тарджибанда преимущественно философское, лирическое или панегирическое.

Тарикат — букв.: «путь», «образ действий»; у суфиев — путь нравственного совершенствования, ведущий к единению с богом.

Таркиббанд — строфическое произведение, близкое к народным песенным формам, в отличие от тарджибанда вместо рефрена имеет свободный бейт с отдельной парной рифмой; по содержанию — любовное, а также философское, возвышенное или скорбное.

Туба — фантастическое дерево, растущее в райском саду и осеняющее трон аллаха.

Тугра — монограмма, шифр, составленный из букв царского имени и титула и помещенный в начале царских указов.

Туран — древнее наименование территории к северу от Ирана, населенной восточноиранскими, затем тюркоязычными народами, позднее — Туркестан; мифическая страна, враждовавшая с Ираном; в поэзии иногда — родина красавиц.

Туркестан — см. Туран.

Тутия — черная минеральная смола, обладающая рядом лечебных свойств.

Тюрчанка — образ красавицы в персидско-таджикской поэзии.

Уд — 1) алоэ, древесина которого при сгорании дает благовонный дым; 2) название струнного музыкального инструмента.

Узра — героиня любовной повести, возлюбленная Вамика, образ преданной возлюбленной.

Унсури Абулькасим Хасан (между 970 и 980—1039) — поэт-панегирист; его поэтический псевдоним образован от слова «стихия», под которым понимались вода, земля, воздух и огонь как основные компоненты, из которых создан мир.

Усма (васма) — растительная краска для бровей.

Фазлун ибн Алфазл — правитель Ганджи (ныне Кировабад, Азербайджанской ССР); среди его придворных панегиристов некоторое время был Катран.

Фард — двустигшие; самостоятельное стихотворение, состоящее из одного бейта.

Фаридун — легендарный царь Ирана, возведенный на престол народом под руководством кузнеца Каве и заточивший в горе Демаванд узурпатора Заххака.

- Фарр** — сияние; великолепие; нимб.
- Фарсанг** — старинная мера длины, колеблется от 6 до 10 км.
- Фархад** — легендарный каменотес, безнадежно влюбленный в Ширин, во имя которой совершает героический подвиг и погибает; в поэзии — образ верного, страдающего влюбленного.
- Фархар** — название нескольких населенных пунктов в Средней Азии и Северном Афганистане. В средневековой персидско-таджикской поэзии — город, славящийся красотой своих женщин, так же как и Хуллах.
- Фатиха** — молитва.
- Фейлакус** — фарсиязычный вариант имени македонского царя Филиппа II (359—336 до н. э.), отца Александра Македонского.
- Фейсограс** — фарсиязычный вариант имени Пифагора (580—509 до н. э.), древнегреческого философа и математика.
- Фетва** — юридическое заключение, составляемое муфтиями на основе шариата.
- Хадж** — паломничество мусульманина в Мекку.
- Хадждадж** (661—714) — арабский военачальник, наместник халифа Абдалмалика в Иране; в поэзии — образ несправедливого и жестокого правителя.
- Хадис** — предание о словах и поступках Мухаммада и его сподвижников.
- Хакан** — букв.: «государь», «правитель»; титул главы тюрков Синьцзяна; в поэзии употреблялся применительно к императору Китая.
- Хакани** Афзаладдин (1121—1199) — азербайджанский фарсиязычный поэт, один из крупнейших мастеров панегирической оды, значительную часть жизни провел при дворе правителей Ширвана в Шемахе (Азербайджан).
- Халиф** — букв.: «преемник»; религиозный глава мусульман и верховный правитель мусульманского государства после смерти пророка Мухаммада; после первых четырех халифов-преемников — Абубакра (632—634), Умара (634—644), Усмана (644—656) и Али (656—661), которые назывались «праведными», или «правоверными», крупнейшими династиями халифов были Омейяды (661—749) и Аббасиды (749—1258). В конце X — начале XI в. халифы окончательно потеряли светскую власть и сохраняли лишь религиозный авторитет.
- Хальхаль** — ножной браслет.
- Хам** — персонаж библейской легенды, реминисценции которой имеются и в Коране, сын Ноя, проклятый своим отцом за непочтене.
- Хан** — титул правителя, независимого властителя у тюркских народов.
- Ханаан** — древнее название Палестины; родина Юсуфа.
- Ханака** — дервишская обитель; молельня суфиев.
- Хатем** (Хатам) ибн Абдаллах Аттаи (кон. VI — нач. VII в.) — доисламский арабский поэт-воин, прославленный в сказаниях своей щедростью и благородством.
- Хафиз** Шамсаддин (ок. 1320—1389) — поэт-лирик, величайший мастер газели. Жил и похоронен в Ширазе.

- «Хафт пайкар»** — «Семь красавиц», название одной из поэм Низами.
- Хашим** — прадед Мухаммада.
- Хиджаз** — 1) область в Саудовской Аравии со священными городами мусульман Меккой и Мединой; 2) название мелодии.
- Хирман** — гумно, ток.
- Ходжа** — первоначально потомок одного из первых халифов; духовное лицо, наставник; вежливое обращение к уважаемому человеку.
- Хорасан** — область, занимавшая Восточный Иран, часть Средней Азии и Афганистана, с главным столичным городом Герат.
- Хосров I Ануширван** (Нуширван, 531—579) — царь Ирана из династии Сасанидов; в поэзии — образ идеального монарха.
- Хосров II Парвиз** (590—628) — шах Ирана из династии Сасанидов; был женат на Мариам, дочери византийского императора, а затем на красавице Ширин. Легенда о любви Хосрова и Ширин послужила сюжетом многих литературных произведений.
- Хотан** (Хутан) — название древнего города на юго-востоке Средней Азии; Хотан славился красивыми женщинами, мускусом и высококачественными шелковыми тканями.
- Хуллах** — легендарный город в Синьцзяне; в средневековой персидско-таджикской поэзии, так же как и Фархар, славился красотой своих женщин.
- Хум** — большой глиняный кувшин для хранения вина, винный жбан.
- Хума** (Хумай, Хумаюн) — Феникс, огромная мифическая птица, приносящая счастье тому, на кого упадет ее тень.
- Хызр** — мифический мусульманский пророк, покровитель путников и хранитель источника «живой воды». По легенде, Хызр сопровождал Искандара в его походах за «живой водой» и оберегал от опасности. Найдя «живую воду», Хызр испил ее и обрел вечность.
- Хырка** — букв.: «рубище», «власяница»; особая одежда суфиев и дервишей.
- Чанг** — струнный музыкальный инструмент типа арфы; в поэзии — символ стонущего от страданий влюбленного.
- Чач** — древнее название Ташкента; славился высоким качеством изготавливаемых луков.
- Чигиль** — местность в Туркестане, славившаяся красотой женщин.
- Чин** — Китай; в поэзии родина прославленных художников; Чин и Мачин — Китай и то, что за Китаем, Дальний Восток.
- Човган** — конное поло; клюшка для этой игры имеет изогнутую форму; в поэзии — устойчивая метафора для обозначения локонов красавицы.
- Шавваль** — название десятого месяца мусульманского лунного календаря.
- Шам** — Сирия.
- Шариат** — букв.: «предписание», «законоположение»; свод мусульманских религиозных и юридических правил, составленных на основе Корана.

- Шатт** — река, образованная при совместном впадении Тигра и Евфрата в Персидский залив.
- Шах** — царь, государь, правитель в Иране.
- Шахи** Сабзавари Ака-Малик (ум. 1453) — поэт-лирик.
- Шахиншах** — букв.: «царь царей»; титул иранских правителей.
- Шейх** — букв.: «старец»; глава с у ф и й с к о й общины; почетное название уважаемого мудрого наставника.
- Ширин** — армянская царевна, возлюбленная Фархада, впоследствии жена Хосрова Парвиза.
- Шируйя** (Кавад II Шерос) — царь Ирана, сын Хосрова Парвиза и Марнам, по преданию, умертвил своего отца, чтобы овладеть своей мачехой красавицей Ширин, которая предпочла этому добровольную смерть у гроба мужа.
- Шис** — третий сын Адама и Евы, считается у мусульман пророком, создавшим Каабу из камня и глины.
- Шустер** — город в Западном Иране, славился изготовлением парчи.
- Экклидус** — арабская форма имени древнегреческого ученого Евклида (III в. до н. э.), «отца математики».
- Эмир** (амир) — букв.: «повелитель»; титул министров и военачальников при Тимуридах, а позднее — владетельных правителей Бухары и Афганистана.
- Юнан** (Иония) — Греция, Эллада.
- Юсуф** — мусульманская форма имени библейского Иосифа Прекрасного, младшего и любимого сына Иакова (Якуба). Согласно легенде, вошедшей также и в Коран, одиннадцать братьев Якуба из зависти к его красоте бросили его в глубокий колодезь, откуда его вытащили проезжие и продали в рабство в Египет. Приключения Юсуфа, в особенности любовь к нему Зулейхи, сделались сюжетом многих литературных произведений. Образ Юсуфа широко распространен в поэзии как символ красоты.
- Яджудж и Маджудж** — мусульманский вариант библейских Гога и Магога; название мифических свирепых народов, упоминаемых в Коране. Для защиты от них Искандар, по преданию, воздвиг огромную стену — «Искандаров вал».
- Яздан** (Йездан) — бог, творец.
- Язид** (Йезид) I — второй халиф династии Омейядов, преемник Муавии I.
- Якуб** — мусульманский вариант имени библейского Иакова. Согласно легенде, вошедшей в Коран, Якуб ослеп от слез, много лет оплакивая разлуку со своим сыном Юсуфом. Получив рубашку сына в доказательство того, что он жив, Якуб прозрел. В таджикско-персидской поэзии «страдания Якуба» символизируют разлуку с любимой.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Абдуррахман Джами. Портрет работы ученика Джами, Камаладдина Бехзада. Копия XVII в., изготовленная для императора династии Великих Моголов.
2. *С. 161*. Автограф письма Джами Алишеру Навои.

СОДЕРЖАНИЕ¹

- Абдуррахман Джами, его время и творчество. *Вступительная статья А. Афсахзода* 5

I

ИЗ ПЕРВОГО ДИВАНА

Т а р д ж и б а н д

1. «Лицо твое — луна. Чтоб мир сиял земной...» *Перевод С. Липкина* 39

Т а р к и б а н д

2. На смерть сына. *Перевод С. Липкина* 42

Г а з е л и

3. «Не найти стройней тебя...» *Перевод А. Адалис* 43
4. «Ударь меня мечом сто раз...» *Перевод В. Звягинцевой* 44
5. «Ночью сыплю звезды слез...» *Перевод В. Звягинцевой* 44
6. «В грудь проник этот яд...» *Перевод В. Звягинцевой* 44
7. «Похитила ты яркость роз...» *Перевод В. Звягинцевой* 45
8. «Серебряная шея, ланиты — два тюльпана...» *Перевод В. Звягинцевой* 45
9. «Не я один подвластен чарам...» *Перевод В. Звягинцевой* 46
10. «Одна любовь нас отрешает...» *Перевод В. Звягинцевой* 46
11. «Кто весть красавице доставит...» *Перевод В. Звягинцевой* 46
12. «Аскет благочестивый, сбрось одежды лицемерья...» *Перевод В. Звягинцевой* 47
13. «По повеленью моему вращайся, вечный небосклон...» *Перевод Т. Стрешневой* 47
14. «О, если грозный ход времен...» *Перевод Т. Стрешневой* 48
15. «Бог только глину замесил...» *Перевод Т. Стрешневой* 48

¹ Звездочками отмечены переводы, публикуемые впервые.

16. «Булыжник улицы твоей, где я упал...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	49
17. «Моя любовь к тебе — мой храм...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	49
18. «Желанная моя, могу сказать...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	49
19. «Как взгляд твой сверкает...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	50
20. «Не медли, кравчий!» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	50
21. «„Пей, пей до дна!“ — на пиршестве страданья...» <i>Перевод С. Липкина</i>	51
22. «Твой облик жизнь мою испортил...» <i>Перевод С. Липкина</i>	51
23. «Кого это мы обвиняем в лукавстве...» <i>Перевод С. Липкина</i>	52
24. «Тюльпан без розоликой...» <i>Перевод С. Липкина</i>	52
25. «Из-за чьих я губ-рубинов жемчуг слез из глаз роняю?» <i>Перевод С. Липкина</i>	53
26. «Я восхищен шалуней озорною...» <i>Перевод С. Липкина</i>	53
27. «Узкой келье я просторность кабака предпочитаю...» <i>Перевод С. Липкина</i>	53
28. «О свежем воздухе лугов...» <i>Перевод С. Липкина</i>	54
29. «От женщин верности доселе я не видел...» <i>Перевод С. Липкина</i>	55
30. «Вот и праздник настал...» <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	55
31. «Газели, тебе подобной, клянусь, и в Китае нет!» <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	55
32. «В слезах и стенах, с тобой разлученный...» <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	56
33. «В другом обличии тебя я снова вижу...» <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	56
34. «Ты друга старого не хочешь вспомнить...» <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	57
35. «Рот твой нежный улыбнулся...» <i>Перевод В. Державина</i>	57
36. «Сидящие в питейном доме в сердечной радости живут...» <i>Перевод В. Державина</i>	38
37. «Я сердцем к кипарису устремлен...» <i>Перевод В. Державина</i>	58
38. «Когда измученный разлукой...» <i>Перевод В. Державина</i>	59
39. «Попугай об индийских страстях говорит...» <i>Перевод В. Державина</i>	59
40. «Жду всю ночь нетерпеливо...» <i>Перевод В. Державина</i>	60
41. «Когда из праха моего...» <i>Перевод В. Державина</i>	60
42. «В пятерне страданий сердце...» <i>Перевод В. Державина</i>	61
43. «Дом на улице твоей я хочу приобрести...» <i>Перевод В. Державина</i>	61
44. «Красавиц верных восхваляют...» <i>Перевод С. Липкина</i>	62
45. «Что за дерзкая тюрчанка!» <i>Перевод С. Липкина</i>	62
46. «Друзья, в силках любви...» <i>Перевод С. Липкина</i>	63
47. «Сказало сердце...» <i>Перевод С. Липкина</i>	63
48. «Ужели бог не знал...» <i>Перевод С. Липкина</i>	63
49. «Кто она, из-за которой...» <i>Перевод С. Липкина</i>	64
50. «Осень... Осыпались всюду листья...» <i>Перевод С. Липкина</i>	64
51. «Ты солнца и луны красивой...» <i>Перевод С. Липкина</i>	65
52. «Пришла весна...» <i>Перевод С. Северцева</i>	65
53. «Померк рассудок...» <i>Перевод С. Северцева</i>	66
54. «Ты вдела две серьги...» <i>Перевод С. Северцева</i>	66

55. «Иной себялюбивый шейх, что благочестьем знаменит...» <i>Перевод С. Северцова</i>	67
56. «Прах целуют венценосцы...» <i>Перевод Ф. Губера</i>	67
57. «Я письмо твое священным талисманом называю...» <i>Перевод Ф. Губера</i>	68
58. «Горе грозит мне с одной стороны...» <i>Перевод В. Державина</i>	68
59. «Выйди, о роза...» <i>Перевод В. Державина</i>	69
60. «Ты, смеясь, мне сказала...» <i>Перевод В. Державина</i>	69
61. «Я увидал тебя...» <i>Перевод В. Державина</i>	69
62. «Когда умру, хочу, чтоб кости мои в калам ты превратила...» <i>Перевод В. Державина</i>	70
63. «Я потянулся к лалам твоим...» <i>Перевод В. Державина</i>	71
64. «Любовной страстью своей одержим...» <i>Перевод В. Державина</i>	71
65. «Мечтаю умереть, чтоб ты...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	72
66. «Нет силы у меня, чтоб встать...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	72
67. «Я дышащую грудь мою готов без жалости терзать...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	73
68. «Кто расскажет луноликой...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	73
69. «Веселый праздник наступил...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	73
70. «Кровью сердца без тебя грудь моя обагрена...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	74
71. «Все розы расцвели в саду...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	74
72. «Ты царица красоты...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	75
73. «Когда ты ночью ляжешь спать...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	75
74. «Я твой раб. Продай меня...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	76
75. «Не хочу я пустословьем осквернять родной язык...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	76
76. «Кумир по-тюркски говорит...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	77
77. «Зачем не сразу умер я...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	77
78. «Обо всем забыв на свете...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
79. «Когда в мечети вижу я...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
80. «Встань, чтоб всё начать сначала!...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	78
81. «Уста ее пьяней вина...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
82. «Звенит томительно рубаб...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
83. «Благословляю ветерок...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	80
84. «Я не шейх, не отпрыск шейха...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	80
85. «На сердце у меня клеймо...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	81
86. «Мне и возле Қаабы...» <i>Перевод Р. Морана</i>	81
87. «Пока я в объятьях твоих...» <i>Перевод Р. Морана</i>	82
88. «Если б я на ступеньках у дома подруги...» <i>Перевод Р. Морана</i>	82
89. «Когда же, когда я от этих страданий спасусь?...» <i>Перевод Р. Морана</i>	82
90. «Взор твой дерзкий сеет бурю...» <i>Перевод Р. Морана</i>	83
91. «Взгляни на улыбку любви моей...» <i>Перевод Р. Морана</i>	83
92. «Доколе бесчинствовать...» <i>Перевод Р. Морана</i>	84
93. «Вешний ветер с розы дикой покрывало сбросил смело...» <i>Перевод Р. Морана</i>	84
94. «Я не участвую в пирах не потому...» <i>Перевод Р. Морана</i>	85

95. «Сладкоязычный попугай, тоской объят, забыт...»	<i>Перевод Р. Морана</i>	85
96. «На могильной плите моей строки и скупы и строги...»	<i>Перевод Р. Морана</i>	86
97. «Когда из глины и воды творец меня лепил...»	<i>Перевод Р. Морана</i>	86
98. «Уехала моя подруга...»	<i>Перевод Р. Морана</i>	86
99. «Своснравна, остроглаза, с гневным, дерзким языком...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	87
100. «Темница, что ты создала для сердца моего...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	87
101. «Суфий, всё, что есть в молельне, заложил...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	88
102. «Глаза мои, вот вам совет...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	88
103. «Яви свое лицо...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	88
104. «Луна взошла...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	89
105. «Всё, что в сердце моем наболело, — пойми!...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	89
106. «Поглощенный тобой, на других я взираю сурово...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	90
107. «Меня убить грозишься!...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	90
108. «В кубок цвета рубина свой рот преврати...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	91
109. «Ради тебя прахом я стал...»	<i>Перевод В. Державина</i>	91
110. «Душу от этих душных одежд освободи скорей...»	<i>Перевод В. Державина</i>	91
111. «Вздых моего кипариса ко мне ветерком донесен...»	<i>Перевод В. Державина</i>	92
112. «В моей груди — твоя обитель...»	<i>Перевод В. Державина</i>	92
113. «Когда ты, Кыбла красоты, свой лик откроешь нам...»	<i>Перевод В. Державина</i>	93
114. «Взгляд мой, видящий мир земной, — от тебя...»	<i>Перевод В. Державина</i>	93
115. «Меч обнажи, палач разлуки!...»	<i>Перевод В. Державина</i>	94
116. «Нарциссы темных глаз твоих так томны...»	<i>Перевод В. Державина</i>	94
117. «За красотками юными, став стариком, не беги!...»	<i>Перевод В. Державина</i>	95
118. «Кто стан твой стройный к жизни вызвать мог...»	<i>Перевод В. Державина</i>	95
119. «Что видел в мире этот шейх...»	<i>Перевод В. Державина</i>	96
120. «Сердце мне разлука тысячью клинков...»	<i>Перевод В. Державина</i>	96
121. «Толпа сбегается глядеть на пышный караван луны...»	<i>Перевод В. Державина</i>	97
122. «Утесы каменные стон мой отзывным стоном потрясет...»	<i>Перевод В. Державина</i>	97
123. «Мне чуждой стала медресе...»	<i>Перевод В. Державина</i>	98
124. «Я пьян — целую ручку чаши...»	<i>Перевод В. Державина</i>	98
125. «Вот из глаз твоих две слезинки заблестели...»	<i>Перевод В. Державина</i>	99

126.	«Сокровищницу жемчужин в саду раскрывает град...»	Перевод В. Державина	99
127.	«Безумец, сраженный любовью к тебе...»	Перевод В. Державина	100
128.	«Последний раз теперь ожги...»	Перевод В. Державина	100
129.	«Говорю: „Ты вернее Христа воскрешаешь...“»	Перевод Ю. Нейман	101
130.	«Для небесной красоты пост суровый не годится...»	Перевод Ю. Нейман	102
131.	«Кто в нарядной кабе выступает...»	Перевод Ю. Нейман	102
132.	«О, бедный странник...»	Перевод Ю. Нейман	102
133.	«Ты ветки роз прелестней несравненно...»	Перевод Ю. Нейман	103
134.	«Кто я, навек утративший покой...»	Перевод В. Державина	103
135.	«То ты — в сердце моем...»	Перевод В. Державина	104
136.	«О стройная, как кипарис...»	Перевод В. Державина	104
137.	«Как было б славно...»	Перевод В. Державина	105
138.	«Твои глаза приносят в мир смятенье...»	Перевод В. Державина	105
139.	«На улице вино торговцев придира некий восхвалял...»	Перевод В. Державина	105
140.	«Надеюсь, будут иногда...»	Перевод В. Державина	106
141.	«Ты вся на диво соразмерна...»	Перевод В. Державина	107
142.	«Узкоглазая смутьянка мой похитила покой...»	Перевод В. Державина	107
143.	«Зорче видят мои зеницы...»	Перевод В. Державина	108
144.	«Освободясь от нашей скорби, она от нас ушла...»	Перевод С. Липкина	109
• 145.	«Всё здесь: и сад, и блеск ручья...»	Перевод Я. Часовой	109
• 146.	«Ну, кравчий, колесо небес пошло...»	Перевод Я. Часовой	109
• 147.	«Учитель, до каких же пор с зари и дотемна...»	Перевод Я. Часовой	110
• 148.	«О друг, спеши к лужайке поутру...»	Перевод Дм. Седых	110
• 149.	«Нет вина веселья в чаше неба...»	Перевод Дм. Седых	111
• 150.	«Надолго ль мне даны в удел терзанья...»	Перевод Дм. Седых	112
• 151.	«Зову, приди! Уж сбросил сад...»	Перевод Дм. Седых	112
• 152.	«Зонтик от солнца под куполом неба...»	Перевод Дм. Седых	112
• 153.	«Вставай, о кравчий! Выбелило небо...»	Перевод Дм. Седых	113
• 154.	«О ты, чей сладок поцелуй...»	Перевод Дм. Седых	114
• 155.	«Обнажила осень виноградник...»	Перевод Дм. Седых	115
• 156.	«Сердце, — о мудрая птица!...»	Перевод Дм. Седых	115
• 157.	«Бесхвостые ослы глупей ослов стократ!...»	Перевод Дм. Седых	116
• 158.	«Лицо от горя пожелтело...»	Перевод Дм. Седых	116
• 159.	«Не тот я ныне, кто язык марает болтовнею...»	Перевод Дм. Седых	117
• 160.	«Везде, где поселюсь, найду тебя и там...»	Перевод Дм. Седых	117

- * 161. «Чудесен вкус вина из рук затмившей лунный свет...» *Перевод Дм. Седых* 118
- * 162. «Певец под звуки лютни...» *Перевод Дм. Седых* 118
- * 163. «Беги постыжаемого шейха!» *Перевод Дм. Седых* 118
- * 164. «Когда в небесном одеянье...» *Перевод Дм. Седых* 119
- * 165. «О птица утренней зари...» *Перевод Дм. Седых* 119
- * 166. «Нет вдохновенья, что могло б...» *Перевод Дм. Седых* 120
- * 167. «О ты, чье сердце безмятежно...» *Перевод Дм. Седых* 120
- * 168. «И в сердце, и в глазах бессонных...» *Перевод Дм. Седых* 121
- * 169. «О виночерпий, спешься там...» *Перевод Дм. Седых* 121

Мураба

170. «О ты, луна в магических лучах...» *Перевод В. Державина* 122

Кыта

- 171—179. *Перевод С. Липкина* 123
- 180—183. *Перевод В. Державина* 125
- 184—190. *Перевод Н. Гребнева* 125
- 191—194. *Перевод В. Звягинцевой* 127

Рубаи

- 195—204. *Перевод В. Звягинцевой* 128
- 205—219. *Перевод С. Липкина* 130
- 220—227. *Перевод В. Державина* 133
- 228—231. *Перевод Н. Гребнева* 135
- 232—240. *Перевод Т. Стрешневой* 135

ИЗ ВТОРОГО ДИВАНА

* Газели

Переводы Т. Стрешневой

241. «Ты пери устыдить смогла...» 138
242. «Ты цветком сперва казалась...» 138
243. «У подножья Бисутун...» 139
244. «Песнь моя без тебя...» 139
245. «Ушла любимая моя...» 140
246. «Ты ушла не простясь...» 140
247. «Доколе кровью исходить, о сердце?..» 141
248. «Язык — толмач, слова — рабы...» 141
249. «До чаши неба невзначай...» 142
250. «Ты нашла себе другого...» 142
251. «Друг виночерпий, поспеши...» 143
252. «Без тебя я как птица, лишённая крыл...» 143
253. «Столь восхитительной луны...» 144
254. «Мой тюркский ангел...» 144
255. «Как хорошо под тенью ив...» 145
256. «Твой стан — как трость. А мы — стары...» 145

Кыта

- * 257—275. *Перевод Ю. Мальцева* 146

Рубаи

- * 276—296. *Перевод Ю. Мальцева* 151
* 297—301. *Перевод Т. Стрешневой* 155
* 302—324. *Перевод Ю. Мальцева* 156

Фарды

- * 325—361. *Перевод Ю. Мальцева* 162

II

362. *Золотая цепь. Перевод С. Липкина* 169
363. *Саламан и Абсаль. Перевод В. Державина* 205
364. *Дар благородным. Перевод С. Липкина* 253
365. *Четки праведников. Перевод С. Липкина* 269
366. *Юсуф и Зулейха. Перевод С. Липкина* 280
367. *Лайли и Маджнун. Перевод С. Липкина* 425
368. *Книга мудрости Искандара. Перевод В. Державина* 567

III

369. *Весенний сад. Перевод К. Чайкина* 611
Примечания 625
Словарь 633
К иллюстрациям 647

ДЖАМИ

Избранные произведения

Л. О. изд-ва «Советский писатель»,
1978, 656 стр. План выпуска 1978 г.

№ 382

Редактор *Д. М. Климова*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редакторы *З. Г. Игнатова* и
С. Л. Шереметьева
Корректоры *И. Г. Клейнер*
и *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 1216

Сдано в набор 07.08.78. Подписано
к печати 28.11.78. М 18698. Бумага
тип. № 1. Формат 84×108¹/₃₂. Лите-
ратурная гарнитура. Высокая пе-
чать. Усл. печ. л. 34,54. Уч.-изд.
л. 34,37. Тираж 40 000 экз. За-
каз № 671. Цена 3 р. 10 к.

Изд-во «Советский писатель», Ле-
нинградское отделение. 191186, Ле-
нинград, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знаме-
ни Ленинградская типография № 5
Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете Совета Министров
СССР по делам издательства, поли-
графии и книжной торговли. 190000,
Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
107	3 сн.	буланный	булатный

